ЮАНЬ МЭЙ

НОВЫЕ ЗАПИСИ ЦИ СЕ

袁枚

新齊諧

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

LV

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЮАНЬ МЭЙ

НОВЫЕ [ЗАПИСИ] ЦИ СЕ
(СИНЬ ЦИ СЕ)
ИЛИ
О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛ КОНФУЦИЙ
(ЦЗЫ БУ ЮЙ)

Перевод с китайского, предисловие,
комментарий и приложения
О. Л. Фишман

МОСКВА · 1977

И(Кит)
Ю12

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимушкин, А. Н. Болдырев, Ю. Е. Борщевский (отв. секретарь), *И. С. Брагинский* (зам. председателя), *Б. Г. Гафуров* (председатель), *В. Н. Горегляд, П. А. Грязневич, Д. В. Деопик, И. М. Дьяконов, Г. А. Зограф, Г. Ф. Ильин, У. И. Каримов, А. Н. Кононов* (зам. председателя), *Л. Н. Меньшиков, А. М. Мирзоев, Л. С. Хачикян, С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашян*

Юань Мэй

Ю 12 Новые [записи] Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй). Пер. с кит., предисл., коммент. и прил. О. Л. Фишман. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

504 с. («Памятники письменности Востока», LV).

Комментированный перевод и исследование сборника коротких рассказов и заметок в жанре *бицзи*, принадлежащего перу известного китайского литератора XVIII в. Юань Мэя. Рассказы переведены выборочно, но остальной текст изложен в кратком пересказе, что дает читателю представление о всем составе сборника. Имеются указатели.

И (Кит)

Ю $\frac{70304\text{-}051}{013(02)\text{-}77}$ 140-76

ЮАНЬ МЭЙ

НОВЫЕ [ЗАПИСИ] ЦИ СЕ (*СИНЬ ЦИ СЕ*), ИЛИ О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛ КОНФУЦИЙ (*ЦЗЫ БУ ЮЙ*)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Н. Л. Кукушкина.* Младший редактор *Р. Г. Стороженко.* Художественный редактор *И. Р. Бескин.* Технический редактор *М. В. Погоскина.* Корректоры *Л. Ф. Орлова* и *Г. В. Стругова*

Сдано в набор 4/VIII 1976 г. Подписано к печати 15/II 1977 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 2. Печ. л. 31,5. Уч.-изд. л. 31,26. Тираж 15000 экз. Изд. № 3644. Зак. 583. Цена 3 р. 39 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

Отпечатано во 2-ой тип. изд-ва «Наука». Шубинский пер. дом 10. Зак. № 2055.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

ТЕКСТЫ. БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

I. Ким Бусик, *Самкук саги.* Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии М. Н. Пака, М., 1959.

II. Фирдоусӣ, *Шāх-нāме.* Критический текст.
- Т. I, под редакцией Е. Э. Бертельса, М., 1960 (изд. 2, стереотипное, М., 1963; изд. 3, стереотипное, М., 1966).
- Т. II, под редакцией Е. Э. Бертельса, составители текста А. Е. Бертельс, Л. Т. Гюзальян, О. И. Смирнова, М.-Н. О. Османов, А. Т. Тагирджанов, М., 1962 (изд. 2, стереотипное, М., 1963; изд. 3, стереотипное, М., 1966).
- Т. III, составитель текста О. И. Смирнова, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
- Т. IV, составители текста Р. М. Алиев, А. Е. Бертельс и М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1965.
- Т. V, составитель текста Р. М. Алиев, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
- Т. VI, составитель текста М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1967.
- Т. VII, составитель текста М.-Н. О. Османов, под редакцией А. Нушина, М., 1968.
- Т. VIII, составитель текста Р. М. Алиев, под редакцией А. Азера, М., 1970.
- Т. IX, составитель текста А. Е. Бертельс, под редакцией А. Нушина, М., 1971.

III. Саʿдӣ, *Гулистāн.* Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева, М., 1959.

IV. *Путешествие Ун-Амуна в Библ.* Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Издание текста и исследование М. А. Коростовцева, М., 1960.

V. Зайн ад-Дӣн Вāсифӣ, *Бадāиʿ ал-вакāиʿ.* Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева, т. I—II, М., 1961.

VI. *Арабский аноним XI века.* Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича, М., 1960.

VII. Амӣр Хусрау Дихлавӣ, *Маджнӯн и Лайлӣ.* Критический текст и предисловие Т. А. Магеррамова, М., 1964.

VIII. *Юань-чао би-ши (Секретная история монголов).* 15 цзюаней.

Т. I. Текст. Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова, М., 1962.

IX. Муḥаммад ибн Хиндӯшāх Наḫчиванӣ, *Дастӯр ал-кāтиб фӣ та'йӣн ал-марāтиб (Руководство для писца при определении степеней)*. Критический текст, предисловие и указатели А. А. Али-заде.
Т. I, ч. 1, М., 1964; т. I, ч. 2, М., 1971; т. II, М., 1976.

X. Муḥаммад ибн Наджӣб Бакрāн, *Джахāн-нāме (Книга о мире)*. [Ч. 1.] Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960.

XI. Муḥаммад ал-Ḫамавӣ, *Ат-Та'рӣḫ ал-мансӯрӣ (Мансурова хроника)*. Издание текста, предисловие и указатели П. А. Грязневича, М., 1960 (изд. 2, стереотипное, М., 1963).

XII. Усāма ибн Мункиз, *Китāб ал-манāзил ва-д-дийāр (Книга стоянок и жилищ)*. Издание текста, предисловие и указатели А. Б. Халидова, М., 1961.

XIII. Муḥаммад-Ḳāзим, *Нāме-йи 'аламāрā-йи нāдири (Мироукрашающая надирова книга)*.
Т. I. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова, М., 1960 (изд. 2, стереотипное, М., 1962).
Т. II. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление О. П. Щегловой, М., 1965.
Т. III. Издание текста, предисловие и общая редакция Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели и аннотированное оглавление Н. В. Елисеевой, М., 1966.

XIV. Хюсейн, *Беда'и' ул-века'и' (Удивительные события)*. Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1—2, М., 1961.

XV. *Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ*. Издание текстов и предисловие Л. Н. Меньшикова, М., 1963.

XVI. Оцуки Сигэтака и Симура Кокё, *Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях)*. Тетрадь восьмая. Словарь. Издание текста и предисловие В. Н. Горегляда, М., 1961.

XVII. Низāмӣ Ганджавӣ, *Лайлӣ и Маджнӯн*. Критический текст А. А. Алескер-заде и Ф. Бабаева, М., 1965.

ТЕКСТЫ. МАЛАЯ СЕРИЯ

I. Фида'ӣ, *Китāб би хидāйат ал-му'минӣн ат-тāлибӣн («История исмаилизма»)*. По таджикской рукописи издал, предисловием и примечаниями снабдил А. А. Семенов, М., 1959.

II. 'Омар Ḫаййāм, *Рубā'йāт*. Подготовка текста, перевод и предисловие Р. М. Алиева и М.-Н. О. Османова, под редакцией Е. Э. Бертельса. Ч. 1—2, М., 1959.

III. 'Омар Хаййāм, *Трактаты*. Перевод Б. А. Розенфельда. Вступительная статья и комментарии Б. А. Розенфельда и А. П. Юшкевича, М., 1961.

IV. Хорезми, *Мухаббат наме*. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа, М., 1961.

V. *Вторая записка Абӯ Дулафа*. Издание текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова, М., 1960.

VI. *Пэкрён чхохэ*. Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом. Издание текста, перевод и предисловие Д. Д. Елисеева, М., 1960.

VII. *Нишань самани битхэ (Предание о нишанской шаманке).* Издание текста, перевод и предисловие М. П. Волковой, М., 1961.

VIII. *Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений» (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии).* Издание текста, предисловие, перевод и комментарии Л. Н. Меньшикова, М., 1963.

IX. Михри-хатун, *Диван.* Критический текст и вступительная статья Е. И. Миштаковой, М., 1967.

X. Гомбоджаб, *Ганга-йин урусхал (История золотого рода владыки Чингиса.— Сочинение под названием «Течение Ганга»).* Издание текста, введение и указатель Л. С. Пучковского, М., 1960.

XI. *Оросиякоку суймудан (Сны о России).* Издание текста, перевод, вступительная статья и комментарии В. М. Константинова. Под редакцией академика Н. И. Конрада, М., 1961.

XII. Амир Хусрау Дихлави, *Ширин и Хусрау.* Критический текст и предисловие Г. Ю. Алиева, М., 1961 (изд. 2, стереотипное, М., 1966).

XIII. Ахмед Хани, *Мам и Зин.* Критический текст, перевод, предисловие и указатели М. Б. Руденко, М., 1962.

XIV. Мирза ʿАбдал ʿазим Сами, *Таʾрих-и салатин-и мангытийа (История мангытских государей).* Издание текста, предисловие, перевод и примечания Л. М. Епифановой, М., 1962.

XV. *Ссянъчхон кыйбонъ (Удивительное соединение двух браслетов).* Издание текста, перевод и предисловие М. И. Никитиной и А. Ф. Троцевич, М., 1962.

XVI. Камалашила, *Бхаванакрама (Трактат о созерцании).* Факсимиле с предисловием Е. Е. Обермиллера, М., 1963.

ПЕРЕВОДЫ

I. Мухаммад-Казим, *Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Таʾрих и ʿаламара-йи надири).* Перевод, предисловие и примечания П. И. Петрова, М., 1961.

II. *Законы Ману.* Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным, М., 1960.

III. *Дхаммапада.* Перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова, М., 1960 (Bibliotheca Buddhica, XXXI).

IV. ʿАбд ар-Рахман ал-Джабарти, *ʿАджаʾиб ал-асар фи-т-тараджим ва-л-ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий).*

Т. III, ч. 1. *Египет в период экспедиции Бонапарта (1798—1801).* Перевод, предисловие и примечания И. М. Фильштинского, М., 1962.

Т. IV. *Египет под властью Мухаммада ʿАли (1806—1821).* Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг, М., 1963.

V *Брихадараньяка упанишада.* Перевод, предисловие и примечания. М., 1964.

VI. Эвлия Челеби, *Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века).* Перевод и комментарии. Выпуск 1. Земли Молдавии и Украины, М., 1961.

VII. Арья Шура, *Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисатвы.* Перевод А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисловие и примечания О. Ф. Волковой, М., 1962.

СЕРИЯ

«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

ВЫШЛИ В СВЕТ

I. *Сказание о Бхадре (новые листы сакской рукописи «Е»).* Факсимиле текста. Транскрипция, перевод, предисловие, вступительная статья, глоссарий и приложения В. С. Воробьева-Десятовского и М. И. Воробьевой-Десятовской, М., 1965.

II, 1. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках.* Часть 1. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, вступительная статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1966.

2. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках.* Часть 2. Надписи XVIII—XX вв. Издание текстов, переводы, комментарий, статья и приложения Л. И. Лаврова, М., 1968.

III. *Документы на половецком языке XVI в. (судебные акты Каменец-Подольской армянской общины).* Транскрипция, перевод, грамматический комментарий, словарь и предисловие Т. И. Грунина. Под редакцией Э. В. Севортяна. Вступительная статья Я. Р. Дашкевича, М., 1967.

IV. *Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин).* Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова, М., 1966.

V. Саҳиб, *Дафтар-и дилкушā («Сочинение, радующее сердца»).* Факсимиле текста. Предисловие, аннотированное оглавление, краткий текстологический комментарий и указатели Р. Хади-заде, М., 1965.

VI. *Чхандогья упанишада.* Перевод с санскрита, предисловие и комментарии. М., 1965.

VIII, 1. *Документы по истории японской деревни.* Часть 1. Конец XVII — первая половина XVIII в. Перевод, предисловие и приложения О. С. Николаевой, М., 1966.

IX. Симеон Лехаци, *Путевые заметки.* Перевод с армянского, предисловие, примечания и указатели М. О. Дарбинян, М., 1965.

X. Лубсан Данзан, *Алтан тобчи («Золотое сказание»).* Перевод с монгольского, введение и комментарий Н. П. Шастиной, М., 1973.

XI. *История халифов анонимного автора XI века.* Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение содержания П. А. Грязневича. Указатели М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича, М., 1967.

XII. Муҳаммад Заҳӣр ад-Дӣн ад-Дӣн Бābур, *Трактат об ʿарӯзе.* Факсимиле рукописи. Издание текста, вступительная статья и указатели И. В. Стеблевой, М., 1972.

XIII. *Идзумо фудоки.* Перевод с японского, предисловие и комментарии К. А. Попова, М., 1966.

XIV. *Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР (Письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н. э.).* Автографические копии, транскрипция, перевод, вводная статья, комментарий и глоссарий Н. Б. Янковской, М., 1968.

XV. *Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци.* Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна, М., 1968.

XVI. *Упанишады.* Перевод с санскрита, предисловие и комментарий. М., 1967.

XVII. Рашӣд ад-Дӣн, *Переписка.* Перевод, введение и комментарий А. И. Фалиной, М., 1971.

XVIII. *Чхое чхун джон («Повесть о верном Чхое»).* Факсимиле корейской рукописи, перевод, предисловие и комментарий Д. Д. Елисеева, М., 1971.

XIX. *Чхунхянджон квонджитан («Краткая повесть о Чхунхян»).* Факсимиле ксилографа, перевод, предисловие и комментарий А. Ф. Троцевич, М., 1968.

XX. *Книга правителя области Шан («Шан цзюнь шу»).* Перевод, предисловие и комментарий Л. С. Переломова, М., 1968.

XXI. Шараф-ханн ибн Шамсаддӣн Бидлӣсӣ, *Шараф-нӑме.* Перевод, предисловие, примечания и приложения Е. И. Васильевой. Т. 1, М., 1967.

XXII. Абӯ-л Фазл Байхакӣ, *История Мас'ӯда (1030—1041).* Перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е, дополненное, М., 1969.

XXIII. Йӯсуф ибн Закарййа' ал-Магрибӣ, *Даф' ал-иср 'ан калӑм ахл Миср («Удаление бремени с речи жителей Египта»).* Факсимиле арабской рукописи. Предисловие и указатели А. С. Аввада, М., 1968.

XXIV. Закарий Канакерци, *Хроника.* Перевод с армянского, предисловие, комментарий и указатели М. О. Дарбинян-Меликян, М., 1969.

XXV. *Море письмен.* Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и указатель К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского, М., 1968.

XXVI. *Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»).* Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева, М., 1975.

XXVII. Фазлаллӑх ибн Рӯзбихӑн Исфахӑнӣ, *Михмӑн-нӑме-йи Бухӑрӑ («Записки бухарского гостя»).* Факсимиле рукописи. Перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Р. П. Джалиловой. Под редакцией А. К. Арендса, М., 1976.

XXVIII. *Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн).* Перевод, предисловие и комментарий К. А. Попова, М., 1969.

XXIX. Кэнко-хоси, *Записки от скуки («Цурэдзурэгуса»).* Перевод с японского, вступительная статья, комментарий и указатель В. Н. Горегляда, М., 1970.

XXX. Мас'ӯд ибн Нӑмдӑр, *Сборник рассказов, писем и стихов.* Факсимиле текста. Предисловие и указатели В. М. Бейлиса, М., 1970.

XXXI. *Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжа Ахрӑра в Средней Азии и Афганистане).* Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович, М., 1973.

XXXII, 1. 2. Сыма Цянь, *Исторические записки («Ши цзи»).* Перевод с китайского и комментарий Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под общей редакцией Р. В. Вяткина. Вступительная статья М. В. Крюкова. Т. 1, М., 1972; т. 2, М., 1975.

XXXIII. 1. *Тексты Кумрана.* Вып. 1. Перевод с древнееврейского и арамейского, введение и комментарий И. Д. Амусина, М., 1971.

XXXIV. *Бяньвэнь о воздаянии за милости* (рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения). Ч. 1. Факсимиле рукописи. Исследование, перевод с китайского, комментарий и таблицы Л. Н. Меньшикова. Ч. 2. Грамматический очерк и словарь И. Т. Зограф, М., 1972.

XXXVI. Махмӯд ал-Хусайнӣ ал-Мунши ибн Ибрӑхӣм ал-Джӑмӣ, *Та'рӣх-и и Ахмад-шӑхӣ («Ахмадшахова история»).* Факсимиле рукописи.

Введение, аннотированное оглавление, хронология и указатели Д. Саидмурадова. Кн. 1—2, М., 1974.

XXXVII. Аракел Даврижеци, *Книга историй.* Перевод с армянского, предисловие и комментарий Л. А. Ханларян, М., 1973.

XXXIX. Анандавардхана, *Дхваньялока («Свет дхвани»).* Перевод с санскрита, введение и комментарий Ю. М. Алихановой, М., 1974.

XL. *Вновь собранные драгоценные парные изречения.* Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарий Е. И. Кычанова, М., 1974.

XLII. *Та'рӣх-и Сӣстӑн («История Сӣстана»).* Перевод с персидского, введение и комментарий Л. П. Смирновой, М., 1974.

XLIII. Ал-Ḥасан ибн Мӯсӑ ан-Наубахтӣ, *Шиитские секты.* Перевод с арабского, исследование и комментарий С. М. Прозорова, М., 1973.

XLIV. Цзи Юнь, *Заметки из хижины «Великое в малом».* Перевод с китайского, предисловие, комментарий и приложения О. Л. Фишман, М., 1974.

XLV. Шах Махмӯд ибн Мӣрзӑ Фӑзил Чурӑс, *Хроника.* Критический текст, перевод с персидского, комментарий и исследование О. Ф. Акимушкина, М., 1976.

XLVI. Бадр ад-Дӣн Ибрӑхӣм, *Фарханг-и зафангӯйӣ ва джахӑнпӯйӣ* («Словарь говорящий и мир изучающий»). Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, список толкуемых слов и приложения С. И. Баевского, М., 1975.

XLVIII. *Ним чангун джон («Повесть о полководце Ниме»).* Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с корейского, предисловие и примечания Д. Д. Елисеева, М., 1975.

L. Нодар Цицишвили, *Семь планет (Барам-Гуриани).* Перевод с древнегрузинского, предисловие и примечания Б. Т. Руденко, М., 1975.

LI. Абӯ-л-Фазл Ḫубайш Тифлӣсӣ. *Описание ремесел («Байӑн ас-сӑнӑ'ат»).* Перевод с персидского, введение и комментарий Г. П. Михалевич, М., 1976.

LIII. Киракос Гандзакеци, *История Армении.* Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарий Л. А. Ханларян, М., 1976.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

XLI. Кацурагава Хосю, *Хокуса монряку («Краткие вести о скитаниях в северных водах»).* Перевод с японского, комментарий и приложение В. М. Константинова.

XLIX. *Сунь цзы в тангутском переводе.* Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, введение, комментарий, грамматический очерк и словарь К. Б. Кепинг.

LII. *Бухарский вакф XIII века.* Факсимиле. Издание текста, перевод с арабского и персидского, введение и комментарий А. К. Аренса, А. Б. Халидова и О. Д. Чехович.

LVI. *Баоцзюань о Пу-мине.* Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Э. С. Стуловой.

LVII, 1. *Китайские документы из Дуньхуана.* Вып. 1. Факсимиле. Издание текстов, перевод с китайского, исследования и приложения Л. И. Чугуевского.

LVIII. *Хунмин чоным («Наставление народу о правильном произношении»).* Исследование, перевод с ханмуна, примечания, приложения Л. Р. Концевича.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Л. Фишман. Предисловие 12
НОВЫЕ [ЗАПИСИ] ЦИ СЕ, ИЛИ О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛ КОНФУЦИЙ.
ПЕРЕВОД 107
КОММЕНТАРИЙ 403
Географические названия, встречающиеся в переводе . 456
ПРИЛОЖЕНИЯ
Указатель имен рассказчиков 465
Условные обозначения, употребляемые в указателе сюжетов 469
Указатель сюжетов 475
SUMMARY 497

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга, знакомящая читателя с коллекцией коротких прозаических произведений известного китайского поэта и писателя Юань Мэя, новеллиста XVIII в., тесно связана с нашей публикацией коллекции произведений современника Юань Мэя — писателя и ученого Цзи Юня [1].

Значительная близость этих двух коллекций, обусловленная их принадлежность не только к одной эпохе, но и — главное — к одному жанру — *бицзи*, позволила нам использовать при их анализе единый метод, основанный на представлении о коллекции такого типа как о цельном тексте. Специфика подобных коллекций, составленных из большого количества коротких рассказов и заметок, заставляет прибегнуть к статистическим методам табличной росписи и иным сходным приемам, обоснованным нами в специальной работе [2]. Для такого анализа оказались необходимыми классификация и систематизация материала (всех повествовательных единиц, составляющих «цельный текст»), осуществленные с помощью Указателя сюжетов. Интерпретация результатов проведена в сравнительном аспекте (Юань Мэй и Цзи Юнь). Некоторая сознательная незавершенность ее, отсутствие окончательных дефиниций и решений обусловлены тем, что многие из вопросов, возникающих в связи с собранным и рассмотренным в этой книге материалом, могут получить свое разрешение лишь при изучении на более широком фоне [3].

Перевод выполнен по изданию *Суй-юань сань ши ба чжун, бэнь* 22—26, [б. м.], 1892 (типографская печать).

Из 1023 произведений, содержащихся в коллекции Юань

---

[1] Цзи Юнь, Заметки из хижины «Великое в малом» *(Юэвэй цаотан бицзи)*. Перевод с китайского, предисловие, комментарий и приложения О. Л. Фишман, М., 1974 (далее — Цзи Юнь, Заметки).

[2] О. Л. Фишман, Использование статистических приемов при изучении творчества Цзи Юня,— «Народы Азии и Африки», 1970, № 4; см. также: Цзи Юнь, Заметки.

[3] Мы надеемся, что некоторые из этих вопросов нам удастся рассмотреть в нашей следующей работе — «Три китайских новеллиста: Пу Сун-лин, Цзи Юнь, Юань Мэй»; для решения же ряда проблем потребуются усилия исследователей, которые обратятся к другим коллекциям *бицзи* цинского периода.

Мэя, нами переведено около 360 рассказов и заметок. Переводы перемежаются кратким изложением содержания непереведенных произведений с соблюдением последовательности оригинала (порядковые номера в переводе проставлены для удобства ссылок и составления Указателя сюжетов). Решающим моментом при отборе материала для перевода была его репрезентативность: мы старались представить максимальное количество сюжетов, избегая по возможности их повторений (сама повторяемость, которую легко увидеть, обратившись к Указателю сюжетов, оправдывает прием выборочного перевода). Достаточно важной представлялась и занимательность рассказов, выбираемых для перевода, если учесть, что, как подчеркивал Юань Мэй, рассказы были написаны им «от безделья — для развлечения себя и друзей».

I. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ЮАНЬ МЭЯ [1]

Юань Мэй (второе имя — Цзы-цай, прозвища — Цзянь-ци, Цунь-чжай, Суй-юань) родился в местности Цяньтан [2] (провинция Чжэцзян) 2 марта 1716 г.[3]. Отец его Юань Пин (1678—1752) был (как и дед и прадед поэта) инспектором императорских мастерских и часто находился в разъездах. Юань Мэй воспитывался у своей тетки — вдовы Шэнь [4]. Шести лет он начал учиться у частного преподавателя Ши Чжуна.

Экзамен на первую ученую степень *сюцая* Юань Мэй

[1] Основой для биографического очерка послужили материалы «Черновой летописи династии Цин» *(Цин ши гао), цз.* 485, разд. «Жизнеописания» *(Ле чжуань), цз.* 272, Пекин, 1927, стр. 7а—7б; Ян Хун-ле, Биография Юань Мэя *(Юань Мэй пин-чжуань),* Шанхай, 1933; Чжан Дэ-цзюнь, О хронологии жизни Юань Мэя *(Гуаньюй Юань Мэй шэн нянь),*— в кн.: Го Мо-жо, Заметки, сделанные при чтении «Рассуждений о стихах Суй-юаня» *(Ду «Суй-юань Ши хуа» чжа-цзи),* Пекин, 1962; A. Waley, Yüan Mei. XVIIIth Century Chinese Poet, London, 1956; C. Imbault-Huart, Un poète Chinois au XVIIIe siècle. Yuan Tseuts'ai. Sa vie et ses ouevres,— «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», № 5, 1884, vol. XIX, стр. I—II, а также ряд произведений Юань Мэя, входящих в полное собрание его сочинений *Суй-юань сань ши ба чжун,* [б. м.], 1892 (далее ссылки даются по этому изданию).

[2] Цяньтан вместе с районом Жэньхо образуют город Ханчжоу — столицу провинции Чжэцзян — место действия многих его рассказов.

[3] В справочнике: A. Hummel, Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644—1912), vol. II, Washington, 1944, стр. 955 — указана другая дата: 25 марта 1716 г.

[4] В. Лю (W. P. Liu, The Poetry of Yüan Mei (1716—1798),— «The Journal of the Oriental Society of Australia», vol. 2, № 1, June 1963) пишет, что Юань Мэй воспитывался у бабушки.

сдал в 1727 г. (двенадцати лет) [5]. В 1735 г., участвуя в экзаменах *босюэ хун-цы* в Ханчжоу, он написал блестящие стихи на заданную тему «Весенний снег». Когда его дядя, Юань Хун, поступивший секретарем к Цзинь Хуну — губернатору провинции Гуанси, пригласил его к себе, Юань Мэй был представлен губернатору как подающий надежды молодой ученый и одаренный поэт. Цзинь Хун предложил юноше написать экспромт, указав ему на стоявший в *ямыне* большой бронзовый барабан. Быстрота, с какой были написаны стихи, и блеск импровизации Юань Мэя произвели такое впечатление, что Цзинь Хун рекомендовал его для участия в экзамене *босюэ хун-цы*, назначенном на осень 1736 г. в столице, и финансировал его поездку.

В столичном экзамене участвовало около 200 человек, среди них — крупные писатели того времени. Юань Мэй экзамена не сдал. По мнению Ян Хун-ле, старые экзаменаторы, завидовавшие одаренному юноше, не присудили ему заслуженного им места. Сам Юань Мэй объясняет это иначе: «С детства я ненавидел сочинения на темы „Четверокнижия". Хотя я и был допущен как студент-стипендиат и хотя меня очень рекомендовали прежние мои экзаменаторы, в глубине души я не чувствовал, что поступаю правильно. То, что я в душе презирал это, полностью обнаруживала моя кисть: как только раздавали экзаменационные темы и я брался за кисть, я не мог подчиниться требованиям, диктуемым общими правилами. Так я сражался на подобных экзаменах четыре осени, не удовлетворяя ни себя, ни экзаменаторов» [6].

Не сдав экзамена и оставшись без средств к существованию, Юань Мэй начал зарабатывать на жизнь сочинением эпитафий. Затем ему удалось устроиться частным учителем в семье сановника Ван Ваня, но тот вскоре переехал на новое место службы, и Юань Мэй снова принялся за подготовку к экзаменам. В 1738 г. он сдал экзамен на вторую ученую степень *цзюйжэня*, а в 1739 г.— на степень *цзиньши*. Пройдя одним из первых в списке выдержавших «дворцовые экзамены», Юань Мэй получил назначение в Академию — Ханьлинь. Ему было приказано заняться изучением маньчжурского языка, учителем его был назначен глава палаты

---

[5] A. Hummel, Eminent Chinese, vol. II, стр. 955.

[6] Цит. по: Ян Хун-ле, Биография Юань Мэя, стр. 24. О государственных экзаменах и экзаменационных сочинениях см.: О. Л. Фишман, О политике Цинов в области идеологии,— сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 170—174; ее же, Китайский сатирический роман эпохи Просвещения, М., 1966, стр. 169.

наказаний Ши И-чжи (1682—1763). В том же, 1739 г. Юань Мэй ездил домой в Ханчжоу, где женился на девушке из рода Ван. Когда он вернулся в Пекин, частым гостем в его доме стал его старший друг — художник и крупный государственный деятель Цзян Пу (1708—1761) [7].

Цзян Пу поощрял интерес Юань Мэя к истории и новым методам исторического исследования. Для Юань Мэя, как и для ряда других ученых его времени, было характерно критическое отношение к неоконфуцианской традиции, увлечение «поисками доказательств» *(као чжэн)*, стремление выяснять конкретные исторические факты, а не позднейшие их интерпретации конфуцианскими комментаторами.

На взглядах Юань Мэя безусловно отразилось и близкое знакомство с Дай Чжэнем, который пропагандировал научные методы исследований [8].

Юань Мэй считал, что назначение истории — сохранить истинный, а не фальсифицированный облик прошлого. «Книга исторических деяний» *(Шуцзин)*, по его мнению, была источником исторических произведений, не навязывавшим читателю каких-либо интерпретаций фактов, а просто сообщавшим эти факты, позволяя их значению выявиться самому. Что же касается хроники «Весны и осени» *(Чуньцю)*, то, по мнению Юань Мэя, эти записи существовали до Конфуция; в них содержалась критика исторических деятелей, а историк не должен заниматься похвалами и порицаниями, его обязанность — объективно излагать факты, честно записывая события, чтобы сохранить их для потомков [9].

Юань Мэй, привлекавший к своим работам материалы записей на бронзе, камне и т. п., пользовавшийся средствами филологического анализа, выражал сомнение в аутентичности некоторых частей «Книги исторических деяний» и других книг конфуцианского канона (кроме «Бесед и суждений» и «Книги перемен» *(Ицзин)*). Он оставил много заметок о разных исторических персонажах, нередко высказывая о них су-

---

[7] Цзян Пу был одним из экзаменаторов Юань Мэя в 1739 г. Он фигурирует в коллекции рассказов «Новые [записи] Ци Се» (№ 107).

[8] О Дай Чжэне см.: Я. Б. Радуль-Затуловский, Дай Чжэнь — выдающийся китайский просветитель,— «Вопросы философии», 1954, № 4; О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман, стр. 34—35.

[9] *Суй-юань сань ши, бэнь* 19 (*Суй би*), *цз.* 4, стр. 2б. В письме к Е Шу-шаню, приславшему ему свою работу о хронике «Весны и осени», Юань Мэй писал, что он убежден в том, что Конфуций не был автором этой хроники, ибо она ни разу не упоминается в «Беседах и суждениях» Конфуция *(Луньюй)*; по мнению Юань Мэя, хроника была создана в глубокой древности (*Суй-юань сань ши, бэнь* 14 (*Чи ду*), *цз.* 8, стр. 2а).

ждения, расходившиеся с традиционной оценкой деятельности этих персонажей официальной историографией.

Занятия маньчжурским языком мало интересовали Юань Мэя. Экзамена, устроенного ему в 1742 г., он не выдержал. Следствием этого было получение не слишком высокой должности — начальника уезда Лишуй (вблизи Нанкина). В 1743 г. его перевели на должность начальника уезда Цзянпу (тоже под Нанкином), затем — уезда Шуян (в той же провинции Цзянсу). В 1744 г. он был одним из помощников главного экзаменатора на экзаменах в Нанкине.

Юань Мэй хорошо знал юриспруденцию, имел репутацию умелого, опытного, энергичного и объективного администратора, пользовавшегося популярностью у населения. В «Рассуждениях о стихах» он упоминает о некоторых случаях из своей административной практики [10]. Наиболее любопытным, пожалуй, является следующий рассказ:

«В году *и-чоу* (1745 г.— *О. Ф.*) я управлял Цзяннином. В десятый день пятой луны поднялся ураган, среди бела дня наступила тьма. Одну девушку восемнадцати лет по фамилии Хань ветром отнесло в деревню Тунцзин в девяноста ли от города. Жители деревни узнали, как ее зовут, и на следующий день отвезли домой. Девушка была невестой сына некоего Ли, *сюцая*, что жил у восточной стены города. Ли усомнился в том, что ветер мог унести девушку за девяносто ли, и, подозревая, что она была с кем-то на свидании, потащил ее в суд для расторжения брачного договора. Ознакомившись с делом, я сказал Ли:

— Некогда ветер унес девушку на шесть тысяч ли. Знаете ли вы об этом?

Ли не поверил. Тогда я достал „Сочинения из Линчуаня" кисти Хао Вэнь-чжуна [11] и показал ему, сказав при этом:

— Господин Хао был верным сановником династии. Мог ли он солгать? Девушка из Умэня (совр. г. Сучжоу.— *О. Ф.*), которую унесло ветром, впоследствии вышла замуж за первого министра. Боюсь, что ваш сын такого счастья иметь не будет!

Ли прочитал стихи Хао Цзиня и обрадовался. Брак его сына с той девушкой состоялся.

---

[10] Ряд рассказов и анекдотов о мудрых судебных приговорах, вынесенных Юань Мэем, приведен в книге А. Уэйли (A. Waley, Yüan Mei, стр. 40—43).

[11] Хао Вэнь-чжун — посмертное имя ученого, писателя и государственного деятеля Хао Цзиня (1223—1275).

Услыхав об этом, губернатор Инь [12] сказал:

— Из этого ясно, как важно для начальников областей быть начитанными» [13].

Инь Цзи-шань покровительствовал Юань Мэю и сообщил о его административных успехах императору. Казалось, молодого чиновника ждет блестящая карьера. Но в 1748 г. Юань Мэй неожиданно попросил «отпуск по болезни» [14]. Узнав об этом, его друг, провинциальный казначей Тао Шихуан, проезжавший осенью 1748 г. через Нанкин, написал ему письмо с упреками. В ответном письме Юань Мэй объясняет, что решение его вызвано не обидой на то, что ему не дали должность начальника области Гаоюй (как полагал Тао) [15], но тем, что его не удовлетворяет служба: начальник уезда вынужден прислуживать высшим, на что он не способен, а не помогать разрешать трудности жизни простого народа, что он умеет делать хорошо.

«Все, что я прошу,— писал Юань Мэй,— это деревня в десяток домов, где я, употребляя в дело все мои знания и замыслы, прославлял бы пути древних государей, управляя людьми так, чтобы даже бродящий с дозором деревенский сторож мог бы жить в мире и спокойно достичь конца своих дней. Сейчас я седлаю горячих скакунов и гоняюсь за соблазнами на городских улицах. Но даже [силачи Мэн] Бэнь и [Ся] Юй должны когда-то отдохнуть под сенью деревьев. И я тоже хочу получить позволение вот так же отдохнуть, и вы не должны винить меня за это» [16].

Поселился Юань Мэй в только что приобретенном им саду Суйюань, расположенном на холме Сяоцаншань в Нанкине. Раньше этот сад принадлежал Цао Иню (1658—1712)—

---

[12] Губернатор Инь — крупный маньчжурский сановник Инь Цзи-шань (1696—1771), фигурирующий в рассказах Юань Мэя (№ 159 и 895).

[13] *Суй-юань сань ши, бэнь 15 (Ши хуа), цз.* 4, стр. 6а—6б. В коллекции есть записи о случаях, когда ветром уносило людей на большие расстояния (№ 130, 277, 771 и др.), но, возможно, в данном случае история имеет двойной смысл, так как слово *фэн* «ветер» входит в сочетание *фэнлю* «любовное увлечение», «влюбленность».

[14] Как пишет А. Уэйли (A. Waley, Yüan Mei..., стр. 46), это считалось способом уйти в отставку, получив жалование за три месяца. Если по истечении трех месяцев чиновник не возвращался на свой пост, его считали уволенным.

[15] Ли Мань-гуй пишет, что в 1747 г. Юань Мэй был рекомендован Инь Цзи-шанем на должность начальника областей Гаоюй, но не получил этой должности (A. Hummel, Eminent Chinese, vol. II, стр. 955).

[16] «Отвечаю на письмо инспектора Тао, спрашивающего меня о моей просьбе об отпуске по болезни» (*Суй-юань сань ши, бэнь* 2 *(Вэнь цзи), цз.* 16, стр. 3б—4а).

ученому и литератору, который служил текстильным комиссаром Нанкина в годы Кан-си[17]. Цао Инь был дедом Цао Сюэ-циня — автора знаменитого романа «Сон в красном тереме», и Юань Мэй, основываясь на высказывании друга Цао Сюэ-циня, с гордостью утверждал, что Суйюань был парком, описанным в «Сне в красном тереме» под названием Дагуаньюань. Ряд произведений Юань Мэя посвящен описанию красот этого сада.

В 1751 г. император Цянь-лун предпринял поездку по южным провинциям Китая, это вызвало большие экономические трудности и тяжелым бременем легло на население юга. Губернатором провинций Цзянси и Цзяннань в то время был Хуан Тин-гуй (1691—1759), который, готовясь к приезду императора, начал усиленное строительство триумфальных арок, походных дворцов, расходуя колоссальные средства и рабочую силу[18]. Юань Мэй написал ему большое письмо, полное возмущения тем, что Хуан Тин-гую безразлична судьба народа, что он окружил себя «ничтожными людьми», а те чиновники, которые «по-настоящему любят народ и обеспокоены судьбами государства, стоят в стороне от управления». Отдавая должное военным заслугам Хуан Тин-гуя, его мужеству и честности, Юань Мэй в то же время прямо заявлял: «Ваш авторитет способен внести умиротворение на рубежах страны, но не внутри ее. Вы прекрасно разбираетесь в дальних, но ближние для вас темны... Когда император совершал инспекционную поездку по южным районам страны, то при постройке мостов, возведении арок, приведении в порядок дорог каждое хозяйство обложили специальным налогом. А ведь в высочайшем указе многократно повторялось, что император боится, как бы его поездка не оказалась обременительной для народа. Вы же поступили наперекор ему, считая, что Сын Неба говорит не то, что думает»[19].

Как ни странно, это смелое письмо не привело к тяжелым для Юань Мэя последствиям. Его вызвали в Пекин и назначили в Сиань. Но смерть отца в 1752 г. помешала ему занять новый пост. Три года траура он провел в своем саду Суйюань; семью он перевез туда в 1755 г., когда его уход в отставку стал уже реальным фактом.

Чэнь Шоу-и выразительно пишет об этом решении поэта:

---

[17] J. D. Spense, T'sao Yin and the K'ang-hsi. Bondservant and Master, Yale University Press, 1966.

[18] A. Waley, Yüan Mei, стр. 54—55.

[19] *Суй-юань сань ши, бэнь* 2 *(Вэнь цзи), цз.* 16, стр. 1а—2б.

«Он прослужил одиннадцать лет, и с него этого хватило»[20]. Уход Юань Мэя с государственной службы нельзя рассматривать ни как протест политический или социальный, ни даже как стремление даоса слиться с природой в постижении великого *дао*. Этот уход был вызван желанием поэта быть свободным и жить так, как ему хочется, чтобы иметь время и настроение для творчества[21].

Интересные соображения о причинах ухода Юань Мэя «в горы» (как называл этот шаг сам поэт) приводил Ли Цзи. Он говорил, что Юань Мэй ушел в отставку для того, чтобы жить свободной жизнью и наслаждаться любовью к природе и поэзией[22]: «Недоброжелатели называли его лисой и лицемером. Но следует помнить, что только под видом отшельника мог он добиться своей цели, поскольку пути, открытые ученому, были ограничены»[23].

Постепенно сад Суйюань стал местом встреч литераторов, своего рода литературной академией, в которой Юань Мэй собирал друзей, чтобы за вином беседовать о поэзии и читать стихи. Там бывали не только местные литераторы и ученые: поэты, приезжавшие в Нанкин или бывшие там проездом, считали честью для себя нанести визит Юань Мэю, быть принятыми на дружеских сборищах в его саду. Ряд талантливых поэтов, живших в Нанкине, объявили себя учениками Юань Мэя, почетные места в его кружке занимали и некоторые родственники поэта. Жизнь поэта проходила в литературных за-

---

[20] Ch'en Shou-yi, Chinese Literature. A Historical Introduction, New York, стр. 546.

[21] В известной мере уход Юань Мэя с государственной службы сходен с аналогичным шагом А. К. Толстого, который так объяснял его в письме к Александру II: «...служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей натуре; знаю, что каждый должен в меру своих сил приносить пользу отечеству, но есть разные способы приносить пользу. Путь, указанный мне для этого провидением, — мое литературное дарование, и всякий иной путь для меня невозможен... Служба и искусство несовместимы, одно вредит другому, и надо делать выбор» (А. К. Толстой, Собрание сочинений в четырех томах, т. 4, М., 1964, стр. 139—140).

В бюрократических обществах уход в отставку часто значимый жест, связанный не обязательно с политическим протестом, но с противопоставлением «государственной» и «частной» жизни (с акцентированием самоценности последней). Ср., например, прошение Пушкина об отставке.

[22] Продолжая «русскую аналогию», можно было бы привести «Из Пиндемонти» Пушкина.

[23] Li Chi, The Changing Concept of the Recluse in Chinese Literature, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 24 (1962—1963), стр. 246.

нятиях, спорах, чтении стихов. Мечта его — посвятить себя творчеству — осуществилась [24].

Но конец 60-х годов принес много горестей Юань Мэю: в 1767 г. умерла его дочь; в 1768 г. пал жертвой литературной инквизиции старый друг Юань Мэя — крупный сановник Цзи Шао-нань (1706—1768), ушедший в отставку в 1765 г. Двоюродный брат Шао-наня — Цзи Чжоу-хуа был обвинен в 1767 г. в том, что за 43 года до этого он непочтительно отзывался в своих произведениях о маньчжурах и, в частности, об императоре, правившем под девизом Юн-чжэн. У Цзи Шао-наня, написавшего предисловие к одному из сборников Чжоу-хуа, было конфисковано имущество; он тяжело заболел и вскоре скончался [25].

В 1772 г. Юань Мэй прожил некоторое время в маленьком имении на другом берегу Янцзы. Уэйли предполагает, что это было связано с приказом Чжун Гуан-ю (нового начальника Нанкина) покинуть город [26].

В 1773 г. умерла любимая наложница поэта — Фан Цзунлян, которую он взял к себе в дом в 1748 г.

Юань Мэй умел быть верным другом и оставаться им и тогда, когда это грозило ему серьезными неприятностями. Так, в 1778 г., после того как в тюрьме скончался его друг Тао И (привлеченный к ответственности за «небрежное отношение» к делу по обвинению поэта Сю Шу-куя в оскорблении в его стихах маньчжурского двора [27]), Юань Мэй составил подробный отчет о ряде судебных дел, решенных Тао И с необычайной мудростью и объективностью, рискуя сам попасть в тюрьму за эту дань памяти друга.

[24] Материально Юань Мэй был независим. Доходы чиновников были не так уже велики (см.: Chang Li-chung, The Income of Chinese Gentry, Seattle, 1962), а за свои стихи поэт получал от вельмож значительные суммы. В справочнике А. Хаммела (Eminent Chinese, vol. II, стр. 955) указано, что за одну эпитафию Юань Мэй получил тысячу лянов серебром (в это нетрудно поверить, если учесть, что сам император Цянь-лун заказал Юань Мэю эпитафию по поводу смерти императорского наставника Чжу Ши). Есть сведения о том, что приезжавшие в Китай корейцы очень дорого платили за произведения Юань Мэя. А. Уэйли (Yüan Mei, стр. 185—186) пишет, что кто-то из англичан, прибывших в 1793 г. в Кантон с посольством Маккартнея, приобрел собрание сочинений Юань Мэя. Сам поэт в ряде писем и в «Рассуждениях о стихах» упоминает, что к нему часто обращаются с просьбами продать его собрание сочинений или отдельные произведения по дорогой цене.

[25] A. Hummel, Eminent Chinese, vol. I, стр. 129—130.

[26] A. Waley, Yüan Mei, стр. 105.

[27] Сю Шу-куй был казнен. См.: A. Hummel, Eminent Chinese, vol. I, стр. 320—321; О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман, стр. 11—12.

В том же, 1778 г. умерла мать Юань Мэя. После ее смерти Юань Мэй много ездил по стране. В 1778 г. он побывал в Сучжоу, в 1779 г.— в родных краях — в Ханчжоу, в 1781 г. поднимался на гору Тяньтай в Чжэцзяне (место паломничества буддистов), посетил Вэньчжоу (провинция Чжэцзян), осмотрел пещеру Гуань-инь. В 1783 г. побывал на горе Хуашань (к юго-западу от Нанкина), в 1784 г. ездил к своему брату Юань Шу в Кантон, оттуда — в Гуйлинь. Во время поездок Юань Мэй писал множество стихов о местах, которые проезжал.

Несмотря на интерес Юань Мэя к местам буддийских паломничеств, было бы неправильным считать, что в старости он стал увлекаться буддизмом. Хотя в его письме к Чэн Тинцзо и есть фраза: «Я готов воспринимать правду, откуда бы она ни исходила,— из конфуцианства или из буддизма»[28], но в других письмах Юань Мэй четче формулирует свое отношение к буддизму. Так, в письме к своему другу Цэн Шао-шэну (1740—1790) он говорит: «...вообще все эти россказни о Будде — бессмысленные выдумки, ведь он неуловим, как ветер; гляди, но не увидишь его, слушай, но не услышишь его, молись, но ответа не последует. Будда Жулай ничем не отличается от обычных бесов»[29].

В 1795 г. торжественно праздновалось восьмидесятилетие Юань Мэя[30]. Он получил более 1300 поздравлений и выбрал из них 200 стихотворений, которые (в виде отдельного томика) включены в собрание его сочинений[31]. «Маньчжурские принцы и вельможи, генералы, крупнейшие государственные деятели, знаменитые ученые и собратья-поэты — все были представлены; за исключением самого императора Цянь-луна, вряд ли отсутствовало хоть одно знаменитое имя»[32].

В начале 1797 г. он тяжело заболел. Во время болезни он перечитывал собственные произведения и писал стихи о старости[33].

В завещании, адресованном сыну и племяннику (лето 1797 г.), Юань Мэй дает указания относительно перепечатки

---

[28] *Суй-юань сань ши, бэнь* 14 (Чи ду), *цз.* 7, стр. 3а.

[29] Там же, *бэнь* 3, *цз.* 19, стр. 10б.

[30] На самом деле ему исполнилось 79 лет, но в Китае при исчислении возраста считают, что в момент рождения младенцу уже исполняется год.

[31] *Суй-юань сань ши, бэнь* 30 (*Суй-юань ба ши шоу янь фань ли*), стр. 1.

[32] A. Waley, Yüan Mei, стр. 189.

[33] *Суй-юань сань ши, бэнь* 11, *цз.* 36, стр. 5б—6а; см. также цикл «Радости старости» (там же, стр. 7а—7б).

с досок его произведений, о хранении картин, о похоронах (которые должны быть скромными), о могильной надписи следующего содержания: «Могила Юаня из Суйюаня, династии Цин. В течение тысячи осеней и десяти тысяч поколений наверняка найдутся те, кто оценит меня» [34].

Умер Юань Мэй в 17-й день 11-й луны года *дин-сы* (17 ноября 1797 г.) [35].

Собрание сочинений Юань Мэя включает 183 *цзюани* (без учета опубликованных им в этом собрании чужих произведений). Здесь более 450 произведений в жанрах *гувэнь*, около 50 экзаменационных сочинений, 300 с лишним писем, множество путевых заметок, свыше 4200 стихотворений (среди которых большое место занимают великолепная пейзажная лирика и стихи о любви). Над некоторыми своими произведениями Юань Мэй работал десятки лет; в частности, это относится к его «Рассуждениям о стихах» (*Ши хуа* в 16 *цзюанях* и 10 *цзюаней* «Дополнений» [36]) и к «Случайным заметкам» (*Суй би* — 28 *цзюаней*), постоянно пополнявшимся все новыми и новыми записями; первые 15 *цзюаней* Юань Мэй завершил в 1777 г., но продолжал их писать почти до конца своей жизни.

Состав заметок интересен по многообразию их тематики, свидетельствующей о широте научных интересов Юань Мэя, его разносторонних знаниях, превосходном знакомстве с историческими источниками.

В «Случайных заметках» есть записи о комментариях к «Историческим запискам» Сыма Цяня, об ошибках, содержащихся в «Истории династии Сун»; много места отведено заметкам об экзаменах, о принципе отбора чиновников в разные времена [37], об экзаменационных сочинениях, о назначении экзаменаторов, о лицах, занявших первое место на экзаменах (часто встречаются ссылки на сочинение Гу Янь-у «Записки о знании, накапливаемом день ото дня» — *Жи чжи лу*).

[34] Цит. по: A. Waley, Yüan Mei, стр. 201.

[35] По данным Ян Хун-ле и А. Уэйли. В справочнике Хаммела указана дата — 3 января 1798 г. C. Imbault-Huart называет дату 18 декабря 1797 г.

[36] *Ши хуа* были опубликованы в 1788 г., судя по датированному этим годом письму Юань Мэя, в котором он благодарил Би Юаня (1730—1797), губернатора провинции Шэньси, за то, что тот оплатил стоимость печатания *Ши хуа* (см.: *Суй-юань сань ши, бэнь* 14, *цз.* 6, стр. 8а).

[37] Юань Мэй считал, что надо изменить существующую систему назначения чиновников на должности: надо отбирать небольшое число высокоодаренных юношей, дать им настоящее образование, чтобы потом из них пополнять государственный аппарат («Рассуждение об училищах» — *Суй-юань сань ши, бэнь* 3, *цз.* 21, стр. 4а).

Есть несколько серий заметок, в которых Юань Мэй исправляет исторические неточности[38]. Так, он пишет, что слово *ямынь* впервые встречается уже в «Троецарствии» *(Сань го чжи)* (IV в. н. э.), а не в биографии Хоу Цзиня (502—555), как принято думать. Считалось, что учение Будды проникло в Китай при императоре Мин-ди (58—76), по мнению же Юань Мэя, Китай узнал о буддизме во времена Цинь Ши хуан-ди (246—209 гг. до н. э.) и при У-ди (140—87 гг. до н. э.)[39]. Кун Ин-да считал, что географические карты появились в Китае при династии Восточная Хань (I в. н. э.), а Юань Мэй доказывал, что упоминание о них есть уже при У-ди (II—I в. до н. э.). Гу Янь-у в «Записках о знании» полагал, что термин «тринадцать классических книг» появился при династии Мин, Юань Мэй же доказывал, что при Сун. Изменение девизов правления вопреки принятому мнению началось раньше, чем при ханьском императоре Вэнь-ди (179—156 гг. до н. э.). Морские перевозки начались не при династии Юань, а при Тан (как свидетельствуют стихи Ду Фу). Обычай бинтования ног укоренился значительно раньше периода Пяти династий (упоминания о нем есть уже в *юэфу*[40]). Дворцовые экзамены были введены не при императрице У-хоу. Государственное училище появилось при династии Суй.

Целый ряд заметок посвящен характеристике различных литературных жанров, рассуждениям о тонах, рифмах, происхождении различных стихотворных форм, жанрах *гувэнь,* об использовании диалектных выражений и т. п.[41].

В «Случайных заметках» Юань Мэй писал и о древних государях, их родичах, о древнем законодательстве, о девизах правления императоров, о штампах в произведениях сунских неоконфуцианцев, о лечении болезней. Здесь же (цз. 27) имеются наброски, которые потом, видимо, дали начало сборнику «Новые [записи] Ци Се» — об удивительных людях (женщина-чиновник, люди, славившиеся своим гигантским ростом, семидесятисемилетний старик, у которого родился сын), удивительных животных и растениях, заметки о га-

[38] Там же, *бэнь* 20, *цз.* 17—18, и *бэнь* 21.

[39] Любопытно, что соображения Юань Мэя о начале знакомства Китая с буддизмом совпадают, например, с мнением, высказанным в книге: Wing-tsit Chang, Religious Trends in Modern China, New York, 1953, стр. 136.

[40] *Суй-юань сань ши, бэнь* 21, *цз.* 20, стр. 3а—3б. Автор специального исследования о бинтовании ног (H. S. Levy, Chinese Footbinding. The History of a Curious Erotic Custom, New York, 1966) придерживается традиционной датировки появления этого обычая, относя его к X в.

[41] *Суй-юань сань ши, бэнь* 21, *цз.* 24, 25.

даниях, геомантии, физиономистике; размышления о том, что небесные предзнаменования не очень надежны, снам трудно верить, духи и бесы — «порождение человеческой души» и др.

Множество произведений написано Юань Мэем в жанрах *гувэнь*: предисловия к сборникам чужих произведений *(сюй)*, записи *(цзи)* о поездках, о храмах и монастырях, могильных надписях и других достопримечательностях, эпитафии *(бэй)*, рассуждения на различные темы *(лунь)*, среди них, например, «Рассуждение о сунских конфуцианцах» *(Сун жу лунь)*, где Юань Мэй говорит, что в своих разъяснениях учения Конфуция сунские неоконфуцианцы занимались метафизическими рассуждениями о сердце и природе человека, они свели к этике все: и философию, и политику, и экономику, и литературу. Произведения Чэн И, Чэн Хао и Чжу Си вытеснили все остальные и стали основой государственных экзаменов; экзамены превратились в формальность, вместо того чтобы служить основным способом проверки знаний кандидатов на административные должности[42].

В разделе «Жизнеописания» *(чжуань)* Юань Мэй помещал не только биографии крупных сановников, военачальников, ученых и литераторов, но и повествования о необычных людях: «Жизнеописание повара», «Жизнеописание карлика», «Жизнеописание отшельника из Чжэньчжоу»[43], тоже явившиеся предвестниками рассказов коллекции «Новые [записи] Ци Се».

Если подобного рода жизнеописания и нельзя считать пародией в подлинном смысле этого слова (особенно если сравнивать их не с биографиями, помещаемыми в династийных историях, а с заведомой пародией типа «Биографии кисти» Хань Юя), то все-таки можно предположить, что Юань Мэй сознательно снижал жанр, традиционная функция которого сводилась к фиксации определенных событий на жизненном пути выдающихся людей, событий, которые могли и должны были служить потомкам образцом для подражания[44].

---

[42] Там же, *бэнь* 13, *цз.* 21, стр. 2б—3а.

[43] Там же, *бэнь* 1, *цз.* 6.

[44] О дидактических функциях китайских биографий см.: D. Twitchett, Problems of Chinese Biography,— сб. «Confucian Personalities», ed. by A. Wright, Stanford, California, 1962. Напомним также интересное наблюдение Р. Рулмана о том, что китайские биографии классифицируют свои объекты не только по статусам или ролям, но и с помощью этического суждения об исполнении ролей. Отсюда такие категории биографий, как «принципиальные чиновники», «почтительные сыновья», «преданные друзья»; беллетристика тоже не говорит о средних отцах и сыновьях, но

Не всегда по «прямому назначению» использовал Юань Мэй и жанр *ши хуа* — рассуждений о стихах. Наряду с заметками о стихах, анекдотами о поэтах, рассказами о том, при каких обстоятельствах было написано то или иное стихотворение, свое или кого-либо из его современников, наряду с чужими суждениями о поэзии и собственными оценками чужих произведений здесь много чисто автобиографических записей[45], иногда не имеющих никакого отношения к проблемам поэтического творчества. Так, Юань Мэй описывает свадебные обычаи в Вэньчжоу, где он побывал на крестьянской свадьбе, рассказывает о посещении живописной горной деревушки Баньчжоу в пятидесяти ли от горы Тяньтай, приводит анекдотический случай, происшедший с его молодым приятелем Чжан Сян-янем[46], и т. п.

Мацумура Такаси пишет, что в *Ши хуа* Юань Мэя содержится более 4800 стихотворений или стихотворных строк, принадлежащих примерно 1700 поэтам, причем Юань Мэй цитирует не только «сановных поэтов», но и стихи женщин, слуг и служанок, рабов, кузнеца, портного, батрака[47]. Как в собственном творчестве Юань Мэя, так и в выборе им произведений других поэтов, говорит Мацумура Такаси, проявился его интерес к жизни, житейским мелочам, будничным деталям, смешным случаям. «Так в мир классической поэзии вторгались новые, буржуазные отношения»[48].

С нашей точки зрения, представляется чрезвычайно важным, что, широко цитируя своих современников, Юань Мэй

о «хороших», «плохих» отцах; о «почтительных» и «неблагодарных» сыновьях (R. Ruhlmann, Traditional Heroes in Chinese Popular Fiction,— в кн.: «The Confucian Persuasion», ed. by A. Wright, Stanford, California, 1960, стр. 148).

[45] Японский литературовед Мацумура Такаси в статье «Мир „Рассуждений о стихах Суй-юаня“» (*«Цзуй эн сива» но сэкай*),— Тōгоку бунгаку-хо, т. XXII, апрель 1968, стр. 58—59 (далее — Мацумура Такаси, Рассуждения о стихах), пишет, что по этим записям можно восстановить многие события жизни Юань Мэя с семи лет до самой его смерти.

[46] *Суй-юань сань ши, бэнь* 18, *цз.* 5, стр. 7а.

[47] Когда Юань Мэй был в провинции Гуанси, хозяин дома велел слуге Чжан Биню показать свои стихи Юань Мэю, которому понравились строки: «Около озера душистые травы соединяются, /За горой слышится крик кукушки» и «Над дальними пиками гор лазурные облака высоки, не снижаются/. Над гладким озером мерцание светлячков замрет и вновь взлетит». У Чжан Биня «не было других интересов, кроме любви к стихам. Хозяин дал ему денег, чтобы он мог жениться, но он не взял жену, а все деньги потратил на покупку книг» (*Суй-юань сань ши, бэнь* 16, *цз.* 6, стр. 7а).

[48] Мацумура Такаси, Рассуждения о стихах, стр. 59, 98—99.

тем самым сохранил для будущих поколений многие образцы творчества малоизвестных поэтов своего времени, причем он не ограничивался стихотворными цитатами, а приводил и их высказывания о поэзии.

Юань Мэй решительно возражал против подражаний древним поэтам, которые были так распространены в его время: «Исключительно уподобляясь древним людям, / Где положу место для „я"?» — спрашивал он в своем «Продолжении Категорий стихотворений» *(Сюй Ши-пинь)* [49]; а в «Рассуждениях о стихах» писал: «Деление стихов на танские и сунские продолжается и в наши дни. Это означает непонимание того, что стихи — это отражение человеческого характера и чувств, а Тан и Сун — просто названия династий. Разве человеческие чувства меняются вслед за изменениями династий?» [50].

Возражая против распространенного утверждения, что стихи Тан и Сун превосходны, а поэзия поздних периодов уступает им, Юань Мэй писал: «Рассуждая о стихах, нужно думать только о том, искусны они или грубы, а не о династиях. Ведь золото или яшма, вырытые сейчас из земли, не перестанут считаться драгоценностями, так же как кирпич или черепица, дошедшие от древних времен, не могут считаться драгоценными» [51].

«Некто спросил, кого я считаю первым поэтом нашей династии. Я повернул вопрос и спросил его, какое стихотворение из „Трехсот" (т. е. стихи из «Книги песен».— *О. Ф.*) он считает лучшим. Он не смог ответить. Тогда я пояснил: стихи подобны рождению цветов: весной — орхидея, осенью — хризантема, каждый цветок прекрасен в свой сезон без того, чтобы люди спорили об оценке. Если рифмы и тона, настроение и манера могут тронуть сердце и глаза человека, то это — прекрасные стихи, не нуждающиеся в [присуждении им] первого или второго места» [52].

«Когда сочиняешь стихи, описывать пейзаж легко, говорить же о чувстве трудно. Почему? Пейзаж приходит извне, бросается в глаза и остается в сердце. Чувство же приходит из самого сердца... Ду Фу умел говорить о чувстве, а Ли Бо не мог» [53].

Из этих и других высказываний Юань Мэя видно, что

---

[49] Перевод В. М. Алексеева (В. М. Алексеев, Китайская поэма о поэте, Пг., 1916, стр. 448).

[50] *Суй-юань сань ши, бэнь* 16, *цз.* 6, стр. 8б.

[51] Там же, *бэнь* 17, *цз.* 16, стр. 1а.

[52] Там же, *бэнь* 15, *цз.* 3, стр. 1б.

[53] Там же, *бэнь* 16, *цз.* 6, стр. 5а.

«умение тронуть сердце и глаза человека» выражением в стихах «чувств и характера» поэта он считал главным в поэзии. «Поэзия,— писал он,— это описание природного характера и чувства»[54], т. е. выражение авторской индивидуальности.

Литература сильна не дидактикой, а непреходящими, чисто художественными ценностями. Цель поэзии — не поучать людей, а давать им радость; функция стихов — вызывать восторг читателя свободным выражением эмоций поэта. Когда разум и эмоции приводятся в идеальное сочетание, тогда и возникают прекрасные стихи[55]. Юань Мэй настаивал на том, что литература имеет самостоятельную ценность, она не просто инструмент для передачи *дао* — истины, сформулированной древними государями[56].

По мнению Юань Мэя, поэт не «мудрец» (как считал теоретик тунчэнской школы Яо Най), не «способный человек» (термин тунчэнцев Лю Да-куя и Фан Дун-шу), а «гений» *(цай)*[57], творец, который не «излагает», а творит, не подчиняя своего творчества конфуцианской идеологии, не «неся *дао*» в своих стихах.

В XVII—XVIII вв. в Китае среди поэтов все еще господствовал дух подражаний танским образцам. Считалось, что, сочиняя стихи, надо стараться быть «древним». Поэты имитировали рифмы танских поэтов, копировали употреблявшиеся ими фразы и отдельные выражения, подчеркивали форму, стиль своих произведений, но им не хватало непосредственного чувства, того, что было самым существенным в творчестве Ван Вэя, Ду Фу, Бо Цзюй-и. Вот почему теория Ван Ичжэня (1634—1711) (*шэнь-юнь*[58]), придававшего большое значение вдохновению поэта, а не внешней форме его про-

---

[54] Там же, *цз.* 1, стр. 1б, и в стансе XXIV *Сюй Ши-пинь* Юань Мэй также писал: «Только у нас, людей стиха, /Все чары извлекают [из души] мудрость... Только показывай природу—чувство, /Не сочиняя слов и знаков» (В. М. Алексеев, Китайская поэма о поэте, стр. 071).

[55] См.: D. S. Nivison, The Life and Thought of Chang Hsüeh-cheng (1738—1804), Stanford, California, 1968, стр. 133—134.

[56] *Суй-юань сань ши, бэнь* 3, *цз.* 19, стр. 3б—5а («Второе письмо к другу о литературе»). См. также: Го Шао-юй, История китайской литературной критики *(Чжунго вэньсюэ пипин ши),* Шанхай, 1955, стр. 484—485.

[57] См.: К. И. Голыгина, Основные направления литературной теории Китая XIX — начала XX в. Автореф. канд. дисс., М., 1966, стр. 6.

[58] *Шэнь-юнь* — букв. «дух и рифма»; существует ряд переводов этого выражения («духовная гармония», «духовная атмосфера», «божественность рифмы» и т. п.), но, пожалуй, наиболее удачным является перевод, предложенный В. Лю (W. P. Liu, The Poetry of Yüan Mei, стр. 28) — «вдохновенное описание» («inspired description»).

изведений, привлекала его современников своим вниманием к индивидуальности поэта, творца неповторимых произведений.

Ван Ши-чжэнь трактовал поэзию как мистическую, непостижимую духовную гармонию, как «тайну», которая не может быть выражена в словах, но может быть постигнута как вспышка интуитивного прозрения. Его теория продолжала концепцию Сыкун Ту, рассматривавшего поэзию как непознаваемое, непостижимое и неповторимое таинство; в основу своей теории Ван Ши-чжэнь положил строку из XII станса «Поэмы о поэте» Сыкун Ту *(Ши-пинь)*, где говорится: «Не ставя ни одного знака, исчерпать могу дуновенье — текучесть»[59]. Переводчик и исследователь поэмы Сыкун Ту академик В. М. Алексеев перефразирует эту строку следующим образом: «Поэт, ни единым словом того не обозначая, может целиком выразить весь живой ток своего вдохновения» — и объясняет, что настроение поэта — это нечто невыраженное, не расчлененное на элементы, не требующее «слов для своего выражения; настроение сквозит между строк. Читателю сообщается и жизнь поэтического духа, и его тайные томления вне слов»[60].

Юань Мэй не только не был противником положений Ван Ши-чжэня, но даже подчеркивал важность *шэнь-юнь* в поэзии; поэтому он резко выступал против взглядов поэта и каллиграфа Чжао Чжи-синя (1662—1744), который критиковал положения Ван Ши-чжэня и придавал исключительное значение роли музыкального эффекта тонов в стихах[61]. Юань Мэй, считавший, что поэзия сама диктует поэту слова, насмехался над теорией Чжао, заключавшего поэзию в жесткие рамки правил чередования тонов и требовавшего от поэта чуть ли не исследовательских усилий.

По мнению Юань Мэя, главное в поэзии — *син-лин*[62] — спонтанность поэзии, прямое выражение чувств поэта, усиливаемое моментами вдохновения, которое поднимает стихи

---

[59] В. М. Алексеев, Китайская поэма о поэте, стр. 189.

[60] Там же.

[61] Теория *гэ-дяо* (форма и мелодия или «мелодика стиха») была изложена Чжао Чжи-синем в его работе «Регистр тонов и мелодий» *(Шэн дяо пу)*.

[62] *Син-лин* переводят как «природа и вдохновение», «индивидуальность и вдохновение», «естественность и духовность», «естественность и утонченность», «естественность и одухотворенность». Го Шао-юй (История китайской литературной критики, стр. 493) считает, что теория *син-лин* Юань Мэя близка к теории Ван Ши-чжэня: «обе эти теории делают акцент на индивидуальности поэта, только мера разная».

на высший эмоциональный уровень. В своих «Рассуждениях о стихах» Юань Мэй часто употребляет выражение *син-лин*, применяя его как к своим стихам, так и к чужим.

Для наглядной демонстрации своей теории *син-лин* Юань Мэй в 1767 г. написал 32 станса — «Продолжения Категорий стихотворений» (Сыкун Ту.— *О. Ф.) Сюй Ши-пинь сань ши эр шоу*. Каждый станс имеет свой заголовок: «Важность значения», «Выбор материала», «Выбор рифмы», «Важность знания», «Духовное понимание», «Наличие индивидуальности» и т. п.

В качестве примера приведем станс XXIV — «Духовное понимание»:

Пение птиц и опадание цветов —
Непостижимая тайна,
Люди не успеют их заметить,
[Как] их уже унес ветер.
Только у нас, людей стиха,
Все чары извлекает [из души] мудрость.
Только показывай природу-чувство,
Не сочиняя слов и знаков [63].

Природа (птицы, цветы, ветер) и чувство поэта и составляют *син-лин*.

Юань Мэй считал, что в стихах можно говорить обо всем, поэзия не знает запретных тем. Поскольку всякое эмоциональное содержание человеческого разума — это естественный голос личности и поэзия должна быть отражением этого естественного голоса, то и такие эмоции, как ненависть, злоба, ярость, тоже достойные объекты поэзии [64]. В этом он расходился с поэтом Шэнь Дэ-цянем (1673—1769), считав-

[63] *Суй-юань сань ши, бэнь* 9, *цз.* 20, стр. 10а (вторая часть стихотворения дана в переводе акад. В. М. Алексеева; см.: Китайская поэма о поэте, стр. 071). Здесь интересна отмечаемая В. М. Алексеевым перекличка с уже упоминавшимся нами XII стансом поэмы Сыкун Ту, где речь тоже шла о ненужности слов для выражения настроения — «чувства», по Юань Мэю. В. М. Алексеевым переведены также стансы I, VI, VII, XII, XVII, XIX, XXV, XXVII «Продолжения» Юань Мэем поэмы Сыкун Ту (Китайская поэма о поэте, стр. 442—448).

[64] В этом отношении Юань Мэй близок к идеям мыслителя XVI в. Ли Чжи, для которого «искусство есть выражение живых чувств, а не стереотипных сентенций. Произведения искусства должны исторгать из себя (как исторгает из себя душа) крики радости, стоны скорби, слезы и рыдания и т. д.» (Д. Н. Воскресенский, К вопросу об особенностях развития творческой мысли в Китае XVI—XVII вв.,— «Вестник Московского университета», серия XIV, Востоковедение, 1971, № 2, стр. 34).

шим, что поэзии должно быть чуждо обличение, в ней не должно быть никаких крайностей, в стихах может быть «скорбь, а не гнев», чувства должны быть умеренными, мягкими, сдержанными, как бы иллюстрирующими традиционную мораль, являющуюся содержанием поэзии. Юань Мэй, говоривший, что отношение к поэзии как к средству повышения нравственности — выдумка педантов, в письме к Шэнь Дэцяню упрекал его за то, что тот не включил в составленную им антологию ранней цинской поэзии любовные стихи: «Конфуций не исключал любовные песни из „Книги песен"... Составитель антологии подобен историку и должен учитывать все жанры поэзии, созданные в период, с которым он имеет дело. Любовная поэзия, стихи о придворных красавицах — признанные категории литературы, и историк литературы не имеет права исключать их» [65].

При всей виртуозности стихов Юань Мэя они всегда — плод напряженной работы. Обвинения его критиками в легковесности, поверхностности его произведений несправедливы. Юань Мэй говорил, что стихи новичка могут быть поверхностны, но дальше идет напряженная работа и учеба. Поэтическое произведение должно быть безыскусственным, но за этим должны стоять работа, труд поэта, его подлинное мастерство; стихи должны быть простыми, но за этой простотой должны скрываться глубина мысли и богатство воображения.

Кредо поэта, пожалуй, лучше всего выражено в следующем стихотворении:

Поэзия подобна игре на лютне,
Каждый звук обнаруживает мысль,
А мысль, являясь музыкальным инструментом,
Выражает то, что чувствуешь в душе.

Когда мое сердце полно покоя,
В словах моих нет ни дыма, ни огня,
Когда же сердце переполнено чувствами,
Читатель будет проливать слезы... [66]

Для Юань Мэя чрезвычайно важна мысль о свободе выражения настроений, чувств и желаний поэта. Многие передовые мыслители его времени критиковали сунских неоконфуцианцев с их неизменным, стоящим надо всем нравственным принципом (или законом) *ли,* сковывавшим свободное

[65] *Суй-юань сань ши, бэнь* 2, *цз.* 17, стр. 4а—4б.
[66] Там же, *бэнь* 9, *цз.* 20, стр. 9б (станс XXI *Сюй Ши-пинь*).

развитие личности. Последователи Чжу Си идентифицировали Путь мудрецов древности — *дао* с этим метафизическим принципом *ли*, присущим, по их мнению, всем вещам в мире. Чжу Си считал, что человек получает свою «природу» от небесного принципа *(тянь ли)* и по природе он добр, но его природную доброту затмевают желания, происходящие от избытка земных чувств. Нужно приглушить свои желания и «очищать свою природу» путем личного самосовершенствования. Философ-просветитель Дай Чжэнь в противовес *ли* выдвигал в качестве основного философского понятия категорию *цин* (чувства, эмоции), утверждая, что именно чувства играют основную роль в жизни людей. Дай Чжэнь рассматривал человека не как отвлеченное понятие, а как создание из плоти и крови, рожденное с желаниями, ищущее радости, расширяющее свои познания и — на основе познаний и желаний — делающее выбор между добром и злом. «Когда миром управляет благородный муж, он дает возможность каждому выражать свои чувства и удовлетворять свои желания, не противореча Пути Истины. Зло от подавления желаний больше, чем от потопа: оно убивает разум и подавляет человеколюбие» [67].

Лян Ци-чао говорил, что содержание работы Дай Чжэня «Критическое толкование терминов у Мэн-цзы» можно суммировать как попытку заменить философию рационалистического принципа *(ли)* философией чувства *(цин)* [68].

Философия Дай Чжэня близка Юань Мэю, чей гуманизм и гедонизм — своего рода реакция на ригоризм и ханжество современных ему начетчиков. Вслед за Дай Чжэнем он выступал против неоконфуцианской теории, игнорировавшей эмоции и желания людей, пропагандировал свободу выражения любых эмоций, нападал на буддизм с его теорией отказа от желаний. Особенно ярко свои гуманистические взгляды он сформулировал в «Слове о любви к вещам» *(Ай у шо)*, где развивал мысль о том, что человек — самая большая ценность в мире и что Конфуций, говоря о человеколюбии *(жэнь)*, имел в виду любовь именно к людям, а не к вещам [69].

Пожалуй, не будет натяжкой сравнение эстетических взглядов Юань Мэя с концепцией его современника — япон-

---

[67] Дай Чжэнь, Критическое толкование терминов у Мэн-цзы *(Мэн-цзы цзи и шу-чжэн)*, Пекин, 1956, стр. 36.

[68] Liang Ch'i-chao, Intellectual Trends in the Ch'ing Period, Cambridge, Mass., 1959, стр. 61.

[69] См.: *Суй-юань сань ши, бэнь* 13, *цз.* 21, стр. 2б—3а; *бэнь* 3, *цз.* 22, стр.1.

ского ученого и литератора Мотоори Норинага (1730—1801), одного из руководителей движения *кокугаку*[70]. Норинага считал, что поэзия «должна выражать то, что человек чувствует в душе»[71].

Сочинение стихов, по Мотоори Норинага, это «акт, совершаемый человеком, когда он не может больше вынести переполняющих его эмоций *моно-но аварэ*[72]... В результате — он дает им выражение в словах. Слова, выходящие из опыта *моно-но азарэ*, стремятся быть произнесенными нараспев и рифмоваться. Это и есть поэзия»[73].

Сигэру Мацумото пишет, что идеи Мотоори Норинага были свежи и оригинальны не только как теория литературы, но и как взгляд на человеческую природу. Представления Норинага о человеке были радикальной антитезой к преобладающему конфуцианскому представлению, настаивавшему на самосовершенствовании путем подавления земных желаний и естественных чувств. Взгляды Мотоори Норинага «были репрезентативны для нового представления о человеке, которое начиная с XVII в. разделялось все большим числом людей...»[74].

Любопытно, что, как и Юань Мэй, Мотоори Норинага увлекался чудесами, рассказами о необычном. Примечательно и отношение Мотоори Норинага к традиции: сравнивая древнюю поэзию с более поздней, он говорил, что не всегда старые стихи лучше новых, и так как во многих отношениях

---

[70] *Кокугаку* — национальная японская филология, возникшая как реакция на возросшее влияние конфуцианства, «выдвинувшая в качестве идеологического орудия древнюю религию — синто» (Н. И. Конрад, Японская литература, М., 1974, стр. 159). Ученые *кокугакуся* ратовали за возвращение к оригинальным древним текстам (вне их позднейших интерпретаций и комментариев) с целью обнаружения в них непреходящих духовных ценностей в жизни древней Японии.

[71] Цит. по: Shīgeru Matsumoto, Motoorī Norinaga. 1730—1801, Cambridge, Mass., 1970, стр. 45.

[72] Существуют разные переводы выражения *моно-но аварэ*. Пожалуй, удачнее всего определение, данное И. А. Борониной; характеризуя философско-эстетическую позицию поэтов периода Хэйан (IX—XII вв.), она пишет, что их стремление «преломить собственные переживания через поэтическую призму» было обусловлено «убеждением, что каждому предмету, явлению свойственно особое, только ему одному присущее, „неповторимое“ очарование — *моно-но аварэ*, уникальная эстетическая ценность, которая чаще всего не лежит на поверхности, а скрыта, и ее нужно найти» (И. А. Боронина, Японская средневековая лирика и ее европейские соответствия,— «Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада», М., 1974, стр. 549).

[73] Shīgeru Matsumoto, Motoorī Norinaga, стр. 48.

[74] Там же, стр. 61.

поздние периоды могут превосходить древность, не следует всегда презрительно отзываться о творениях позднейшего времени [75].

Совпадение взглядов Дай Чжэня, Юань Мэя и крупного японского мыслителя Мотоори Норинага представляется не случайностью, а веянием времени, явлением, характерным для второй половины XVIII в., когда многие мыслящие люди восставали против официальных норм и установок.

Юань Мэй противопоставил официальной идеологии, консерватизму мышления реабилитацию земной чувственной природы человека, признание за ним права на наслаждение, гедонистическую уверенность в том, что человек рожден для счастья, для того, чтобы получать удовольствие от всего, что может это удовольствие доставить.

Когда человек стар,
Он дорожит каждым мгновеньем,
День дорог ему, словно целый год.
Но как редко даже за год
Приходит сердечное опьянение.
Человек рожден, чтобы получать радость,
Каждый радуется по-своему, разным вещам,
Но главное — это вовремя обнаружить каждому для себя,
Чему он радуется по-настоящему.
Я родился со множеством желаний,
Теперь же, достигнув старости,
Я постепенно теряю их, остались лишь две-три вещи,
Которые радуют меня по-прежнему:
Разложить книги у реки, среди бамбуков,
Провести рукой по прекрасной яшме,
Опираясь на палку, бродить по знаменитым горам,
Пить вино среди прекрасных цветов,
Говорить о литературе, обсуждая ее сладость и горечь,
Беседовать о бесах и чудесах,
как бы ни были они странны,
Это — излишества, которые может позволить себе человек,
Переваливший за семьдесят лет [76].

Характерно, что восьмидесятилетним стариком, незадолго до смерти, Юань Мэй закончил «Трактат о пище» (опубликован в 1797 г.), содержащий в себе около 300 рецептов раз-

[75] Там же, стр. 161.

[76] *Суй-юань сань ши, бэнь* 11, *цз.* 32, стр. 2б («Пишу о том, что вижу»).

личных блюд, рассказы и анекдоты об обедах, на которых довелось ему бывать, рассуждения о приготовлении пищи, о сортах вин и т. п.

Очень показательны письма Юань Мэя, которые бросают свет на многие обстоятельства его жизни, на его отношения с современными ему литераторами, учеными, сановниками, а также сохраняют для нас его оценки литературных произведений, его взгляды на литературу, науку, призвание поэта.

А. Уэйли делает интересное наблюдение: «У китайцев в XVIII веке не было научных журналов. До известной степени их место заняли письма, которыми обменивались друзья-ученые и которые часто копировались и распространялись. Юань Мэй вел обширную переписку такого рода, и мы часто обнаруживаем, что он использовал ее в своих заметках в *Суй би*»[77].

В собрание сочинений Юань Мэя включено свыше трехсот писем (72 — в соответствующем разделе его произведений в жанрах *гувэнь* и 247 — в разделе *Чи ду*)[78].

Большинство писем Юань Мэя написано по серьезным поводам, на важные для поэта темы, но есть и шутливые письма, и именно в них, как наиболее интимных, ярче вырисовывается облик Юань Мэя.

Иногда шутливая форма скрывает волнение поэта, столкнувшегося с несправедливостью властей или глупостью обывателей. Иногда под видом шутки Юань Мэй обращается с просьбой о помощи человеку, незаслуженно сурово наказанному. Так, в «Прошении Ли Тану, начальнику Цзяннина» он заступается за девушку, которую подвергли наказанию за то, что она играла в азартные игры[79].

Ярким примером непринужденного шутливого тона писем Юань Мэя является его письмо к художнику Ло Пиню, славившемуся своими рисунками бесов («В шутку пишу Ло Лян-фэну, нарисовавшему мой портрет»):

«Господин Ло Лян-фэн нарисовал мой портрет. Лян-фэн считал, что он нарисовал меня, мои домашние считали, что это не я, и две эти точки зрения невозможно примирить. Цзыцай, подсмеиваясь над собой, скажет: „Мудрец имеет два „я“... Я тоже имею два „я“: одно „я“ — то, каким я являюсь в глазах моей семьи, другое „я“ — то, каким я представлен на картине Лян-фэна. Человеку трудно познать себя и представить себе самого себя. Я не могу оценить свой облик, так

[77] A. Waley, Yüan Mei, стр. 112—113.
[78] *Суй-юань сань ши, бэнь* 13—14.
[79] Там же, *бэнь* 13, *цз.* 2, стр. 6а.

же как Лян-фэн не может оценить свою картину... Так как мои домашние говорят, что это не я, то если мы оставим дома [портрет], его обязательно примут по ошибке за портрет кухонного мужика или продавца, принесшего прохладительный напиток, и тогда его порвут или сожгут. Лян-фэн считает, что это я, поэтому я не решаюсь оставить его у себя, а посылаю обратно Лян-фэну, чтобы он сохранил его для меня. Пусть каждый, кто знает меня и кто знает Лян-фэна, хорошенько присмотрится к нему» [80].

Мы уже отмечали, что в использовании Юань Мэем жанров *гувэнь* происходило некоторое «смещение системы» [81]. Подобные явления на материале русской литературы привлекали пристальное внимание Ю. Н. Тынянова, который сделал важное и интересное наблюдение о том, что в первой половине XVIII в. переписка была «исключительно явлением быта. Письма не вмешивались в литературу. Они многое заимствовали от литературного прозаического стиля, но были далеки от литературы, это были записки, расписки, прошения, дружеские уведомления и т. д.» [82]. Позже, с утратой интереса к «грандиозной» эмоции, с упадком оды, ораторского слова, с культом малой формы, меняется роль и функция писем: «Здесь, в письмах, были найдены самые податливые, самые легкие и нужные явления, выдвигавшие новые принципы конструкции с необычайной силой: недоговоренность, фрагментарность, намеки, „домашняя“ малая форма письма мотивировали ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных „грандиозным“ приемам XVIII в. Этот нужный материал стоял вне литературы, в быту. И из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы», становится «литературным фактом» [83]. Исследовательница русского дружеского письма второй половины XVIII в. Р. М. Лазарчук пишет, что, «преодолевая узость и замкнутость сферы частного документа, переставая жить только своей камерной жизнью... письмо тем самым оказывалось причастным к важнейшим историко-литературным процессам своего времени» [84]. В Китае второй половины XVIII в. мы наблюдаем обратное явление: письмо там всегда было «литературным фактом»,

[80] Там же, *бэнь* 13, *цз.* 5, стр. 6б.

[81] Термин Ю. Н. Тынянова (см.: Ю. Н. Тынянов, Архаисты и новаторы, Л., 1929, стр. 6).

[82] Там же, стр. 20.

[83] Там же, стр. 21, 22.

[84] Р. М. Лазарчук, Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы (автореф. канд. дисс., Л., 1972, стр. 4).

строго определенным жанром со своими канонами и функциями; письма же Юань Мэя, оставаясь функционально «литературой», стилистически сближались с «бытовым письмом», «частной перепиской». В своих письмах Юань Мэй шутит, иронизирует, острит, отвечает на просьбы, сам обращается с просьбами... Многие его письма — бытовые документы, со своей непринужденной (близкой к устной) интонацией, своей реакцией на интимные события жизни.

Юань Мэй был одним из немногих литераторов XVIII в., в чьих произведениях так открыто и ярко вырисовывался облик их автора. Его письма, как и большинство других прозаических произведений самых различных жанров, а тем более его стихи, позволяют увидеть живого человека с его нонконформизмом («житейским» и «литературным»), стремлением к «самовыражению», вольнодумием и скепсисом по отношению к традиции, авторитетам и принятым в обществе установлениям (скепсисом, который иногда оборачивался неприкрытым цинизмом, иногда прикрывался шуткой); стремление к свободному выражению чувств, желаний, воспевание чувственной любви, гедонизм Юань Мэя и его тяга к «следованию природе», выразившаяся в противопоставлении «частной жизни» человека казенной жизни бюрократического традиционалистского общества и приведшая поэта к уходу в отставку в расцвете его чиновничьей карьеры, наконец, его независимый образ жизни — все это делает Юань Мэя необычной для его века фигурой.

Взгляды Юань Мэя, его стихи и сама необычайная личность поэта не могли оставить современников равнодушными, и история китайской литературы знает мало поэтов, у которых было бы такое великое множество друзей, поклонников и учеников. Среди друзей и последователей Юань Мэя были такие крупные поэты его времени, как Чжэн Се (1693—1765), Чжао И (1727—1814), Хуан Цзин-жэнь (1749—1783), Чжан Вэнь-тао (1764—1814), поэт и драматург Цзян Шицюань (1725—1784). Их объединяло не только преклонение перед Юань Мэем, но и стремление следовать его заветам — выражать в поэзии правдивые чувства, сокровеннейшие мечты поэта. Эта группа поэтов сыграла значительную роль в борьбе с подражаниями древности, для утверждения поэзии на современном им живом языке.

И в то же время, пожалуй, ни один китайский поэт не вызывал к себе такой страстной ненависти, как Юань Мэй. «Его превозносили как поэта, писателя, литературного критика. Его критиковали как лицемера, мелкого человека, че-

ловека „без сердца". Многие ортодоксальные ученые и суровые моралисты критиковали (особенно после смерти Юань Мэя) его стихи, его литературную теорию, его высказывания о поэзии»[85].

Юань Мэй был прямым и смелым человеком, не боявшимся откровенно говорить то, что он думал (цитированное выше его письмо к Хуан Тин-гую — очевидный пример этого). С точки зрения ученых-традиционалистов, Юань Мэй не знал меры ни в своем поведении, ни в своих высказываниях, особенно касавшихся лицемерия и ханжества современного ему общества или проявлений трусости перед общественным мнением[86]. Конфуцианских моралистов возмущало то, что Юань Мэй отстаивал право поэта говорить о чувственной любви и подчеркивал важное место, которое эта тема занимает в литературе, особенно в поэзии (даже в «Книге песен»). Он открыто выступал против традиционной точки зрения о том, что «отсутствие таланта в женщине — синоним ее добродетели», ратовал за женское образование, среди его учеников было множество поэтесс, и он публиковал их стихи (последнее обстоятельство вызвало град нападок на него)[87]. Он выступал против бинтования ног в то время, когда борьба против этого обычая была составной частью борьбы за женские права[88].

Возмущение традиционалистов вызывало и то, что Юань Мэй выступал против самоубийства вдов и отстаивал право женщины на второй брак[89], приводя исторические факты в доказательство того, что безбрачие вдов — выдумка позднейших времен.

Шокировала общественное мнение и дружба Юань Мэя с актерами[90] — париями в традиционалистском китайском обществе[91].

---

[85] W. P. Liu, The Poetry of Yüan Mei.

[86] См., например, письмо Юань Мэя к Ян Чао-гуаню *(Суй-юань сань ши, бэнь* 14, *цз.* 7). Об этом письме см. стр. 66—67.

[87] Мацумура Такаси (Рассуждения о стихах, стр. 69) пишет, что у Юань Мэя было более пятидесяти учениц. Стихи 28 из них он опубликовал в своем собрании сочинений.

[88] Впоследствии против бинтования ног резко выступили писатели Юй Чжэн-се (1775—1840), Ли Жу-чжэнь (1763?—1830?), поэт и писатель Гун Цзы-чжэнь (1792—1841) и реформаторы XIX в.

[89] Примечательно, что в коллекции Юань Мэя есть рассказ (№ 180) «Могилы девяти мужей» о вдове, у которой было девять мужей, так ее любивших, что и после смерти они дрались из-за нее.

[90] См.: A. Waley, Yüan Mei, стр. 27, 98—100, 107—108.

[91] Стоит отметить, что младший современник Юань Мэя — автор романа «Неофициальная история конфуцианцев» У Цзин-цзы вывел среди

Особенно ненавидел Юань Мэя крупный историк, эссеист, литературный критик и библиограф Чжан Сюэ-чэн (1738—1804). Сразу же после смерти Юань Мэя, в 1798 г., Чжан писал: «Был в последнее время один бесстыдный дурак, который гордился своим распутством, отравлял умы молодых людей и дурачил всех, нанимая актеров и ставя пьесы о героях и красавицах. К югу от Янцзы многие женщины из знатных семей были соблазнены им. Он повышал свою репутацию, выманивая у них стихи и печатая их сочинения. Он перестал уважать различия между мужчинами и женщинами...» [92].

Еще до этого, в 1796 г., Чжан Сюэ-чэн, возмущенный выходом в свет «Рассуждений о стихах» Юань Мэя, писал, что Юань Мэй пренебрегал всеми книгами конфуцианского канона, кроме «Книги песен», да и в ней он ценил лишь те песни, «что касаются любви между мужчинами и женщинами... высказывая мысль, будто в подобных песнях выражены плотские чувства... Никогда еще не было таких, [как он], кто бы при свете дня и под ясным солнцем посмел дойти до такой крайности, отрицая и священное, и закон и занимая свой ум такими извращенными, безнравственными, грязными идеями» [93].

Негодовал Чжан и по поводу писем Юань Мэя, содержание которых, по его мнению, сводилось к «рассуждениям о женской красоте, оценке чужих наложниц, хитрой лести... сводничеству, возврату беглых наложниц» [94]; он называл Юань Мэя бесстыдным хвастуном, лгуном и льстецом.

Характерно, что большинство авторов, осуждавших Юань Мэя, были учениками Чжан Сюэ-чэна [95].

В известной мере ненависть Чжан Сюэ-чэна можно объяснить завистью: к нему слава пришла слишком поздно, мно-

---

своих положительных героев актера Бао Вэнь-цина (см.: О. Л. Фишман, Китайский сатирический роман, стр. 87); потомок знатного рода Цзя Бао-юй, герой романа Цао Сюэ-циня «Сон в красном тереме», дружит с актером, что вызывает страшный гнев отца юноши — Цзя Чжэна (см.: О. Лин-Лин, Учебный материал к спецкурсу — Цао Сюэ-цинь и его роман «Сон в красном тереме» (XVIII в.), М., 1972, стр. 34). Таким образом, просветительская пропаганда внесословной ценности человека нашла выражение и в том, что актеры, принадлежавшие к сословию людей, презираемых в феодальном Китае, изображались как умные, порядочные и интересные люди, с которыми общались лучшие представители интеллигенции.

[92] Цит. по: D. S. Nivison, Chang Hsüeh-cheng, стр. 265.
[93] Цит. по: Ян Хун-ле, Биография Юань Мэя, стр. 7.
[94] Цит. по: D. S. Nivison, Chang Hsüeh-cheng, стр. 265.
[95] D. S. Nivison, Chang Hsüeh-cheng, стр. 274.

гое из его наследия было напечатано более чем через сто лет после его смерти (в 1922 г.), а Юань Мэй был знаменит при жизни, наслаждался успехом и славой, его общества искали, его произведения печатали, и они расходились по рукам [96].

Но негодование Чжана объясняется не только личными мотивами. По мнению В. П. Лю, конфуцианских ученых раздражало в Юань Мэе присущее ему чувство юмора, экстравагантность, фраппантность его поведения.

Возмущение буддистов вызвало «Завещание» Юань Мэя, адресованное сыну и племяннику, где он писал: «Что касается чтения сутр, пения молитв и приглашения монахов на седьмой день, это я всегда презирал. Можете сказать своим сестрам, чтобы они приготовили мне жертвоприношение, его я, конечно, приму. Один раз они могут прийти поплакать, я буду этим очень тронут, но если придут монахи, то при первом же звуке их деревянных колотушек моя душа заткнет уши и убежит, что вам наверняка не понравится...» [97].

Если еще можно понять критиков Юань Мэя, живших в его время и исходивших в своих оценках поэта из «конфуцианских норм», которые Юань Мэй постоянно нарушал, то приходится признать, что критика Юань Мэя современными китайскими литературоведами носит уже чисто конъюнктурный характер. Особенно ярко это проявляется в книжке Го Мо-жо «Заметки по прочтении „Рассуждений о стихах Суй-юаня“», написанной, видимо, специально для того, чтобы подвергнуть уничтожающей критике любые, даже самые бесспорные рассуждения Юань Мэя о поэзии. Иногда заявления Го Мо-жо производят просто комическое впечатление. Так, цитируя уже приводившееся нами место из «Рассуждений», где Юань Мэй говорит: «Ведь золото или яшма, вырытые сейчас из земли, не перестанут считаться драгоценностями, так же как кирпич или черепица, дошедшие от древних времен, не могут считаться драгоценными» [98], Го Мо-жо критикует «ненаучность» аргументации Юань Мэя на том основании, что «кирпич и черепица не могли дойти до нас от древности» [99]. В другом месте, возражая против метафорически

[96] Самое любопытное то, что при всей ненависти Чжан Сюэ-чэна к Юань Мэю некоторые их взгляды, особенно на историю и поэзию, были сходны: оба считали, что конфуцианские классики должны рассматриваться как исторические источники, поэзия должна выражать чувства, стихи должны служить «самовыражению» поэта и т. п.

[97] W. P. Liu, The Poetry of Yüan Mei, стр. 26, 27.

[98] *Суй-юань сань ши, бэнь* 17, *цз.* 16, стр. 1а.

[99] Го Мо-жо, Заметки, сделанные при чтении «Рассуждений о стихах Суй-юаня» *(Ду «Суй-юань Ши хуа» чжа цзи)*, стр. 46—47.

употребленного Юань Мэем сравнения литературных произведений после Сун и Юань со сплавом золота, серебра и бронзы, Го Мо-жо приводит точные данные (полученные им «от специалистов») о температуре плавления драгоценных металлов и проценте содержания одного металла в другом [100]. Почти на каждой странице своей книге Го Мо-жо разоблачает «классовую ограниченность» и «феодальную идеологию» Юань Мэя, его «суеверность», «хвастливость» и «самолюбование» [101].

В историях китайской литературы, выходивших во множестве в КНР в 50-х — начале 60-х годов нашего века, рассмотрению творчества Юань Мэя, за редкими исключениями, отводится крайне мало места. Как правило, положительно оцениваются его литературная теория, выступления против подражаний древним поэтам, высказывания о поэзии как выражении индивидуальности поэта, но тут же добавляется, что «он выражал позицию вельмож», у него было мало «произведений, отражающих тяжкую жизнь народа», он не испытывал «глубокого сочувствия к народным бедствиям», «если его литературная теория и была в известной мере прогрессивной, то стихи его не представляли ценности» [102], «его философия жизни была неглубокой, а потому и стихи его неизбежно оказывались поверхностными, и даже лучшие из них отличались юмором, пикантностью, и только» [103]. О прозе Юань Мэя в историях китайской литературы, как правило, не упоминается, в тех же случаях, когда в перечислениях сборников цинской прозы и называется коллекция «Новые [записи] Ци Се», о ней говорится буквально несколько слов, причем в совершенно уничтожающем тоне [104].

В историях китайской литературы, созданных японскими синологами, творчеству Юань Мэя отводится немного места, но довольно подробно рассматривается литературная теория Юань Мэя, особенно его концепция *син-лин*, в рабо-

---

[100] Там же, стр. 26—27.

[101] Там же, стр. 3, 9, 17, 26, 43, 62, 63, 68, 72, 73, 83—85 и др.

[102] *Чжунго вэнь сюэ ши,* Пекин, 1959, т. 4, стр. 66—67.

[103] *Чжунго вэнь сюэ ши,* Фудань дасюэ, 1959, т. II, стр. 344. То же самое говорится и в «Истории китайской литературы», выпущенной в Пекине в 1962 г. (*Чжунго вэнь сюэ ши*, т. 3, стр. 1067). Объективные, но очень краткие оценки взглядов и творчества Юань Мэя содержатся в работах Тан Чжэнь-би, Ли Чжэнь-дуна, Фан Чжэня, Ван Янь-цзе, Хуан Хай-чжана и в «Истории китайской литературной критики» (*Чжунго вэнь сюэ пипин цзяньши,* Гуанчжоу, 1962).

[104] *Чжунго вэнь сюэ ши,* Пекин, 1959, т. 4, стр. 136; *Чжунго сяошо ши гао,* Пекин, 1960, стр. 355—356.

тах, например, Утида Сэнноскэ [105] и Кураиси Такэсиро, который, упоминая о сборнике рассказов Юань Мэя, отмечал, что писатель «использует буддийскую идею наград и наказаний за добрые и злые поступки для осуждения отрицательных сторон современного ему общества, подражая таким образом Ляо Чжаю» [106]. Большой интерес представляет уже упоминавшаяся статья японского литературоведа Мацумура Такаси, специально посвященная «Рассуждениям о стихах» Юань Мэя [107].

Европейского читателя с жизнью и творчеством Юань Мэя знакомит превосходная книга А. Уэйли, неоднократно упоминавшаяся нами. В ней очень подробно изложены обстоятельства жизни поэта, обильно цитируются его стихи, приводятся образцы его прозы, в частности несколько рассказов из сборника «Новые [записи] Ци Се».

Довольно много переводов из этого сборника Юань Мэя включено в работы Де Грота [108] и Л. Вигера [109], использовавших рассказы Юань Мэя как «ценный источник для ознакомления с современным китайским фольклором» [110].

Анализу этого сборника (на материале двух его *цзюаней*) посвящена глава в книге Эберхарда [111], о которой мы будем подробно говорить ниже.

II. КОЛЛЕКЦИЯ «НОВЫЕ [ЗАПИСИ] ЦИ СЕ»

Рассматриваемая нами коллекция рассказов и заметок Юань Мэя известна под двумя названиями: «О чем не говорил Конфуций» *(Цзы бу юй)* и «Новые [записи] Ци Се» *(Синь Ци Се)*. Первоначально Юань Мэй назвал свой сборник «О чем не говорил Конфуций», но, узнав, что под этим названием выпустил сборник рассказов один писатель, живший при династии Юань, изменил наименование своей кол-

[105] См.: Утида Сэнноскэ, Тюгоку бунгаку-си, Токио, 1957, стр. 427—429.

[106] См.: Кураиси Такэсиро, Тюгоку бунгаку-си, Токио, 1956, стр. 150—152.

[107] Мацумура Такаси, Рассуждения о стихах, стр. 57—99.

[108] J. M. De Groot, The Religious System of China, Leide, vol. IV, b. 2, 1901; vol. V, b. 2, 1907.

[109] L. Wieger, Folk-lore Chinois moderne, Hokienfu, 1909.

[110] J. M. De Groot, The Religious System..., vol. IV, стр. 106—107, n. 1.

[111] W. Eberhard, Die Chinesische Novelle des 17.—19,. Jahrhunderts (Eine Soziologische Untersuchung), Ascona (Schweiz), 1948 (далее — Die Chinesische Novelle).

лекции на «Новые [записи] Ци Се»[1]. Сочетание *ци се* встречается в гл. 1 книги *Чжуан-цзы*. Некоторые китайские комментаторы считают это сочетание названием книги, в котором *се* значит «шутки»[2], другие комментаторы, а также известный лингвист Ван Ли считают, что Ци Се — имя автора рассказов о чудесах, вымышленного Чжуан-цзы. Мы разделяем последнюю точку зрения, исходя из следующих соображений (частично подсказанных нам С. Е. Яхонтовым): в тексте Чжуан-цзы встречается фраза *Се чжи янь юэ* — «Се говорил, повествуя [о чудесах]...»; усечение фамилии (Ци) — явление обычное, усечение же части названия книги — необычно. Кроме того, если *се* в этой фразе означает «шутки», то это могло быть только жанровым определением сборника шуток, но подобных сборников в период Чжоу не существовало. Имя Ци Се впоследствии включалось в названия сборников о чудесах (к которым, кстати, определение «шутки» вряд ли подходит); но в этих случаях оно, как правило, сопровождалось названием жанра — *цзи* «записи» (ср., например, название сборника У И из Дунъяна — «Записи Ци Се» *(Ци Се цзи)* или сборника писателя V в. У Цзюня — «Продолжение записей Ци Се» *(Сюй Ци Се цзи)*, что было бы излишним, если бы *се* означало сборник шуток. Следует также отметить, что в период Чжоу *ци* и *се* рифмовались, а у вымышленных персонажей Чжуан-цзы фамилия и имя часто рифмуются.

В каталогах[3] и историях китайской литературы коллекция Юань Мэя чаще называется «О чем не говорил Конфуций», чем «Новые [записи] Ци Се». Сам Юань Мэй явно оказывал предпочтение этому первоначально выбранному им названию: говоря о своей коллекции в письмах к друзьям[4] или в своих стихах, он неизменно называл ее «О чем не говорил Конфуций». Так, например, в стихотворной надписи, сделанной Юань Мэем на картине его друга — художника Ло Пиня, славившегося своими рисунками бесов, говорится:

[1] Лу Синь, Краткая история китайской повествовательной литературы *(Чжунго сяошо шилюэ)*, Пекин, 1953, стр. 169—170. Об этом же писал и сам Юань Мэй в предисловии к коллекции.

[2] Видимо, следуя этой трактовке, В. И. Семанов, например, переводит название коллекции Юань Мэя «Новые циские шутки» (В. И. Семанов, Эволюция китайского романа, М., 1970, стр. 94, прим. 27).

[3] Оба издания коллекции Юань Мэя, хранящихся в ЛО ИВАН СССР, носят название «О чем не говорил Конфуций» *(Цзы бу юй)* (см.: Б. Б. Вахтин, И. С. Гуревич, Ю. Л. Кроль, Э. С. Стулова, А. А. Торопов, Каталог фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР, М., 1973, т. II, № 2328 и 2364).

[4] См., например, письма к Ян Ли-ху *(Суй-юань сань ши, бэнь* 14 *(Чи ду), цз.* 7, стр. 1а и 2б).

Я сочиняю книгу о бесах и чудесах,
Дав ей название «О чем не говорил Конфуций».
Увидев нарисованное вами изображение беса,
Только теперь понял многое, чего раньше не знал,
Думаю, что ныне нет никого на свете, кто бы
так много знал о них,
Как знаем мы с вами[5].

Думается, что Юань Мэя привлекал в этом названии подтекст: это был вызов ортодоксальным конфуцианцам, твердо помнившим, что Конфуций «не говорил о чудесах, применении физической силы, смутах и сверхъестественных существах»[6]. Именно о чудесах и сверхъестественных существах, о которых избегал говорить Конфуций, и повествует в своем сборнике Юань Мэй. В печатном издании полного собрания сочинений Юань Мэя, с которого сделан перевод, даны оба названия коллекции, чем и объясняется то, что на титульном листе нашей книги тоже помещены оба этих названия.

Из 1023 произведений, включенных Юань Мэем в коллекцию, 937 (т. е. 91,58%) так или иначе связаны с темой сверхъестественного; процент настолько высокий (если учесть, что даже в коллекции Цзи Юня, использующего фантастику для морализующих выводов, доля таких рассказов составляет только 86%), что это обстоятельство не может не привлечь внимание исследователя.

Безусловно, интерес Юань Мэя к чудесному и сверхъестественному в большой мере разделялся его современниками: XVIII век дал множество сборников рассказов о чудесах; но в то время как для Пу Сун-лина, например, фантастика служила своеобразным коррективом к действительности, скрывая обличение социальных порядков и критику общественных институтов, а для Цзи Юня, мыслившего не социальными, а этическими категориями, фантастика была средством поучения читателя, попыткой исправить общественные нравы, Юань Мэй в основном[7] использует сверхъестественную тематику и персонажей в развлекательных целях; он сам забавляется, повествуя о всяческих чудесах, необычайных происшествиях, встречах людей с бесами и трупами и эпатируя серьезного читателя, искавшего в этих рассказах скрытый

[5] Там же, *бэнь* 10, *цз.* 27, стр. 4а.
[6] *Луньюй,* VII, 20.
[7] В некоторых рассказах Юань Мэя, как будет видно из дальнейшего изложения, есть и элементы обличения и элементы дидактики, но они не являются определяющими в корпусе текстов исследуемой коллекции.

смысл, обличение или поучение. В известной мере тональность некоторых рассказов Юань Мэя напоминает ироническую трактовку «стихийных духов» в волшебно-сатирических сказках Виланда, гротескные образы которых исследователь этих сказок уподобляет «пестрым маскам и разряженным карликам, участникам феерий и карнавалов»[8]. Но любопытно, что, давая волю своей фантазии, Юань Мэй как бы сдерживал ее рамками реальных народных верований его эпохи, словно ученый-этнограф в нем брал верх над писателем-рассказчиком странных историй.

Большинство исследователей китайских народных верований (от Де Грота[9] до В. Эберхарда[10]) отмечает удивительное единообразие религиозных представлений, свидетельства которых сохранились в прозе малых форм на протяжении огромного промежутка времени (от Хань до Цин); видимо, это обстоятельство и может служить объяснением той бросающейся в глаза повторяемости сюжетов и сверхъестественных персонажей, которая имеет место не только в сборниках фантастических рассказов различных авторов разных эпох[11], но даже и в пределах сборника рассказов одного автора.

Во многих рассказах Юань Мэя можно обнаружить остатки архаичных представлений китайцев. Если попытаться реконструировать их в некую систему, то при сопоставлении их с древними источниками выясняется, что в целом эта система мало чем отличается от религиозных представлений древнего Китая[12], особенно если речь идет о пантеоне богов

---

[8] А. А. Морозов, Немецкая волшебно-сатирическая сказка,— в кн.: «Немецкие волшебно-сатирические сказки», Л., 1972, стр. 169. Аналогию можно было бы продолжить: слова А. А. Морозова о «разумном гедонизме» Виланда и его сенсуализме приложимы и к Юань Мэю, так же как и соображение о том, что «В историческом свете сама „фривольность" предстает как протест не только против обывательского ханжества, но и догм, освященных официальной церковностью и пиетическим благочестием» (там же, стр. 175—176). Здесь, пожалуй, уместно вспомнить и замечание В. И. Семанова (Эволюция китайского романа, стр. 97) о том, что эротика «представляет реакцию на конфуцианское ханжество, несет в себе жизненную правду».

[9] J. M. De Groot, The Religious System of China, vol. IV, b. 2.

[10] W. Eberhard, A Study of Ghost Stories from Taiwan and San Francisco,— «Asian Folklore Studies», Tokyo, 1971, vol. XXX, № 2.

[11] Именно поэтому, в частности, Эберхард считает, что «китайские рассказы о духах определенно строятся по установленным образцам» (там же).

[12] Характеризуя систему китайских религиозных представлений Л. С. Васильев справедливо отмечает, что в отличие от других развитых религий в Китае «все примитивные верования и суеверия продолжали

и о «ритуализованных формах поведения» [13]. Следует, правда, сразу сделать ту оговорку, что в древности ритуализованные формы поведения относились не столько к отдельному человеку, сколько к коллективу (человек выступал как член этого коллектива), в рассказах же Юань Мэя мы чаще всего имеем дело с отдельным человеком (в меньшей степени связанным с семейным коллективом, чем, например, в рассказах Цзи Юня). В терминах цитированной выше статьи ритуализованные формы поведения преследуют цели «сохранения и продолжения во времени жизни человека»; в частности, эту цель преследуют обряды, связанные с мертвыми: «охранение живых от мертвых, получение надежной уверенности в том, что мертвые не будут мешать живым и даже будут к ним благосклонны» [14].

Эта черта проявляется в одном из самых устойчивых и важных по своей роли в китайской культуре [15] культе, а именно культе предков, согласно которому «забота об умерших и точное исполнение в их честь всех обязательных ритуалов были главной обязанностью потомков, прежде всего главы семьи, главы клана... главная задача живых — это забота об ублаготворении мертвых...» [16].

Значительное большинство рассказов Юань Мэя так или иначе связано с оппозицией живой — мертвый. В ряде рассказов фигурируют духи мертвых *(гуй)*, которые могут вселиться в тело живого человека и говорить его устами, карая тем самым человека за причиненную мертвому обиду (рассказы № 122, 252, 262, 328, 410, 423 и др.) или стремясь добиться наказания другого человека, приведшего мертвого к

без изменения существовать в рамках новой системы на правах автономии, причем нередко сохраняли свои самые первобытные формы» (Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции в Китае, М., 1970. стр. 377). К. Дей (Cl. B. Day, Chinese peasants Cults, Shanghai, 1940) отмечает, что религиозные представления современных китайцев по существу те же, что и примитивные верования древнего Китая.

[13] Термин употреблен в том же значении, что в работе: Вячеслав В. Иванов, Владимир Н. Топоров, К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале),— сб. «Sign, Language, Culture», The Hague, Paris, 1970, стр. 322.

[14] Там же.

[15] Нельзя не согласиться с положением, которое выдвинул J. K. Shryock (The Origin and Development of the State Cult of Confucius, New York, 1966), о том, что религия является частью культуры народа и в то же время интерпретацией этой культуры.

[16] Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции, стр. 131; см. также: M. Freedman, Ritual Aspects of Chinese Kinship and Marriage (в кн.: «Family and Kinship in Chinese Society», Stanford, California, 1970, стр. 174).

гибели (№ 21, 24, 96, 345); душа умершего может вселиться в тело другого умершего (№ 26, 165, 306); умерший может возродиться к жизни в своем прежнем облике (№ 13, 74) или в чужом (например, в теле новорожденного — № 68, 87, 288, 335, 337, 820, 1006); души людей, умерших насильственной смертью или безвинно казненных, могут мстить виновникам своей смерти (№ 22, 234, 310, 351, 365, 387, 405, 513, 524, 534) или требовать их наказания властями (№ 17, 53, 149, 317, 388, 415, 615, 640, 687, 697, 1000); души самоубийц могут возродиться к жизни, найдя себе замену (склонив к самоубийству живого человека — № 89, 98, 144, 156, 215, 257, 414, 748 и др.); души умерших следят за жизнью своих близких, сохраняют свои прежние привычки (№ 273), симпатии и антипатии (№ 42, 105, 180, 499, 875), помогают в беде своим родным (№ 82, 115, 144, 373, 390, 535, 543, 632, 774), просят людей о помощи (см. Указатель сюжетов: Б, а, α, III', 9), карают дурных людей (№ 270, 381, 384, 395) и т. п. Мертвецы преследуют живых людей, причиняют им зло (№ 3, 8, 9, 116, 118, 354, 427, 855 и др.). Мир населен злыми духами *(гуй)*, причиняющими людям зло (№ 186, 199, 431, 527, 626, 731), насылающими на них болезни (№ 161, 177, 308, 528, 786),— это души самоубийц, людей, умерших не естественной смертью, непогребенных, а также «голодные» духи, которым никто не приносит жертвы (чаще всего они водятся на пустошах, на заброшенных дорогах, покинутых кладбищах). По сравнению со сборниками Цзи Юня у Юань Мэя много рассказов о духах мертвых, которые жалуются на обиду, несправедливость, просят людей покарать виновника их смерти или убийцу (20 рассказов) или просят помощи иного рода (24 рассказа) [17].

Помимо веры в существование душ мертвых в сборнике можно выделить следующие элементы народных верований:

1. Наличие у человека нескольких душ позволяет одной из них существовать вне тела ее обладателя и являться окру-

[17] Тема «обиженных душ мертвых» с древности привлекала внимание китайских писателей; так, уже в VI в. появился целый сборник рассказов на эту тему — *Юань хунь чжи* (автор — Янь Чжи-туй, 531—593) — о душах убитых или несправедливо казненных людей, которые возвращаются в мир смертных, чтобы пожаловаться на обиду, добиться справедливости или наказания своих обидчиков. A. Dien (A. E. Dien, The *Yüan hun chi* (Accounts of Ghosts with Grievances). A Sixth-century Collection of Stories — *Wen-lin*. Studies in Chinese Humanities, University of Wisconsin Press, 1968, стр. 228) характеризует этот сборник как дидактическое произведение, «отбирающее и систематизирующее элементы из конфуцианской традиции и вводящее их в модель человеческого поведения».

жающим людям в форме, совершенно идентичной покинутому ею телу (№ 318).

1а. Человек может выпускать свою душу на волю по своему желанию (№ 413, 422).

1б. Уклоняясь от наказания, человек может спрятать свою душу в сосуд (№ 125).

2. После смерти человека его душа попадает в царство мертвых, где получает новое рождение; варианты возможных рождений являются следствием поступков (добрых дел и проступков), совершенных людьми при жизни (см. Указатель сюжетов: A, a, α, IV, 1 и A, a, α, IV, 4).

3. Человек и при жизни может превратиться в животное, рыбу или птицу (№ 126, 152, 976, 1001, 1008, 1020).

4. Смертная женщина может родить чудесное существо (дракона — № 209, 443, *якшу* — № 695, *цилиня* — № 694).

5. Существуют души-оборотни, которые фигурируют чаще всего в облике лисы, реже — тигра и волка, кошки, выдры и других животных (№ 76, 244, 349, 710, 932, 933, 934 и др.).

5а. Лиса-оборотень чаще всего является человеку в виде красавицы, ищущей с ним близости и либо приносящей ему богатство и удачу (№ 99, 233, 466, 789, 947 и др.), либо причиняющей ему физический вред — истощающей его жизненную энергию (№ 447, 480, 488, 529, 807), реже — наносящей ему материальный ущерб (№ 285, 739).

5б. Лиса ведет себя дружественно по отношению к человеку, оказавшему ей услугу (№ 200, 693).

5в. Лиса вредит человеку, причинившему ей вред в этом или прошлом рождении (№ 691, 704).

5г. Лиса может быть агрессивна по отношению к человеку без видимых на то причин (№ 263, 973).

5д. Изгнать лису (или другую нечисть) и устранить вред, причиненный ею человеку, могут маги с помощью различных заклинаний и амулетов (№ 18, 146, 459, 462, 484, 799, 818, 833, 860, 893 и др.).

5е. Лиса (как и бесы — № 10, 41, 42, 57, 129, 197, 383, 504, 648, 828) может быть обуздана смелым (не боящимся ее) человеком (№ 108, 400, 765).

6. Растения часто бывают одухотворены, их духи обычно являются в облике людей, живущих поблизости от дерева или растения (№ 608). Срубив такое дерево, человек вызывает месть его духа (№ 159, 325, 367).

7. Помимо злых духов *(гуй)* существуют добрые духи *(шэнь)*, помогающие людям в беде, охраняющие их от бесов

и оборотней; к ним относятся духи дорог, охраняющие путников *(синь шэни)*, духи-хранители входа в дом, отгоняющие бесов *(мэнь шэни)*, дух домашнего очага и т. п. (№ 181, 327, 465, 1017 и др.).

8. Существует пантеон богов со своей иерархией [18] и своими функциями. К числу высших божеств [19], фигурирующих в рассказах Юань Мэя, относятся: Шан-ди (1 рассказ), Яньлован (6 рассказов), Гуань-ди (15 рассказов), Гуань-инь (5), Вэньчан дицзюнь (5), местные божества-покровители городов [20] *(чэн-хуаны)* и деревень *(туди-шэни)* (более 30 рассказов), даосские божества — бессмертные (4 рассказа), бог грома (более 20 рассказов), богиня радуги (1 рассказ), царь драконов Лун-ван (2 рассказа), духи рек, озер и гор, божества-патроны и т. д. Боги и духи награждают людей за их добрые дела и карают за злые (см. соответствующие разделы по Указателю сюжетов).

9. Существуют своего рода посредники между сверхъестественными силами и людьми (маги, шаманки, гадатели, вызывающие духов умерших людей, геоманты и т. п.— см. Указатель сюжетов: Б, а, α, IX, 23; Б, а, α, X, 31а).

10. Человек может узнать свою судьбу не только из предсказаний и гаданий, но и из вещих снов (Б, а, α, IX, 24) и предзнаменований (рассказы № 16, 609, 634, 638).

---

[18] Многие исследователи отмечают, что мир сверхъестественных сил является как бы копией социального устройства людей; «мир духов рассматривается как организованная и упорядоченная сфера, чьи обитатели имеют свои особые функции и обязанности, так же как имеют их люди» (E. Erkes, The God of Death in Ancient China,— «Toung Pao». 1939, vol. XXXV, Livr. 1—3, стр. 186); см. также: H. C. Du Bose, Dragon, Image and Demon, London, 1886, стр. 358; Cl. B. Day, Chinese Peasants Cults; E. Balazs, Political Theory and Administrative Reality in Traditional China, London, 1965, стр. 63 и сл.; Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции, стр. 391, и др.

[19] Здесь мы придерживаемся классификации, принятой в работе Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова (Славянские языковые моделирующие семиотические системы, М., 1965, стр. 185—189), где бог, входящий в высший уровень мифологической системы, т. е. в «пантеон», противопоставлен «мифологическому существу» — представителю более низких уровней, принадлежащему к группе «существ чудесной природы».

[20] Обращает на себя внимание большое количество рассказов (около 30), в которых фигурируют *чэн-хуаны* — хорошие чиновники, деифицированные после их смерти. Л. С. Васильев правильно отмечает, что культ *чэн-хуанов* «мог возникнуть только в обществе с весьма развитой административно-бюрократической структурой... густая сеть *чэн-хуанов* и *туди-шэней*, выступавших в качестве локальных божеств — управителей... была в мире сверхъестественных сил как бы зеркальным отражением того порядка, который существовал... в конфуцианской бюрократической империи» (Культы, религии, традиции, стр. 388 и 391).

11. В повседневной жизни людей происходят всякие чудесные и странные случаи (Б, а, α, X, 34; Б, а, α, X, 34').

Суммируя эти элементы религиозных верований и суеверий в рассказах Юань Мэя, можно прийти к выводу, что автора скорее интересовал низший уровень религиозной системы. Культовая практика в Китае сложилась так, что для низших социальных слоев были более существенны низшие уровни религиозной системы (народная религия[21]), почитание же высшего уровня — пантеона — было распространено преимущественно среди образованных людей. Если религиозная практика последних характеризуется почитанием Неба, Земли, предков, основателей религии (Конфуция, Лаоцзы, Будды) и некоторых деифицированных исторических

---

[21] Насколько широко отражены в сборнике Юань Мэя народные религиозные представления, можно судить даже по тому факту, что такие известные исследователи китайской народной религии, как Де Грот и Вигер, использовали множество рассказов из этого сборника в качестве иллюстраций многих рассматриваемых ими народных верований и суеверий (см.: J. M. De Groot, The Religious System of China, vol. IV, b. 2 и vol. V, b. 2 — 60 рассказов Юань Мэя; L. Wieger, Folk-lore Chinois moderne — 141 рассказ Юань Мэя (из них 30 совпадают с использованными Де Гротом)). Де Грот даже считал рассказы Юань Мэя образцами «современного фольклора» (см.: J. M. De Groot, The Religious System of China, vol, IV, стр. 106—107, n 1). Показательно, что обследованные В. Эберхардом истории о духах, которые в наши дни рассказывают китайцы на Тайване и в Сан-Франциско, распадаются почти на те же самые типы, что отмечены нами в сборнике Юань Мэя. Эберхард называет девять типов: 1. Бесы беспричинно нападают на людей (по своей злой природе). 2. Духи мертвых ищут «замены». 3. Духи нападают на людей, совершающих запретные поступки. 4. Духи мертвых мстят живым за обиды, причиненные им при жизни. 5. Духи мертвых благодарят людей за услугу. 6. Человек вступает в связь с духом мертвой. 7. Дух мертвого посещает родственников. 8. Духи имеют нужды, в удовлетворении которых им могут помочь только живые существа. 9. Люди притворяются духами, чтобы добиться своих целей (см.: W. Eberhard, A Study of Ghosts Stories).

Устойчивость народных верований характерна не только для китайских рассказов о сверхъестественных существах. Исследователь несказочных форм норвежской народной прозы Р. Грембо отмечает, что если бы люди потеряли интерес к сверхъестественным существам и больше не верили в них, то «повествовательная традиция о них скоро утратила бы свою ценность, изменила бы свою природу и исчезла...» (R. Grambo, Guilt and Punishment in Norvegian Legends,— «Fabula», Bd. 11, H. 3, 1970, стр. 269).

Кстати, Де Грот (The Religious System of China, vol. V, стр. 745) указывает, что единственные упоминания о том, что трупы питаются человеческой кровью, он нашел только в сборнике Юань Мэя (рассказы № 294 и 775).

деятелей, отношением к религиозным обрядам как к необходимой формальности (проявление уважения к духам предков, обращение к Небу с изъявлением почтения и благодарности), причем жертвоприношения рассматривались как этико-социальные функции, способствующие регулированию отношений в обществе[22], то для первого (низшего) уровня характерно поклонение бесчисленным божествам, духам и силам природы, отношение к религиозным обрядам как к магии, вера в то, что духи, управляющие судьбами людей, антропоморфны и подражают людям в их поведении[23], а, следовательно, поклонение им и принесение жертв обеспечат их помощь людям[24].

Этот характерный для китайской народной религии утилитарный подход к сверхъестественным силам — установление с ними «„деловых" связей, базировавшихся на принципе эквивалента (do ut des)»[25],— выражался прежде всего в том, что, принося жертву тому или иному божеству или духу, человек рассчитывал получить за это определенную выгоду или умилостивить злого духа. Рационалистический, конкретный характер просьб, с которыми обращаются к божествам и духам, хорошо продемонстрирован в работе Л. Хейеса, проанализировавшего 500 молитвенных листков, поданных в

---

[22] C. K. Yang, Religion in Chinese Society, Berkeley & Los Angelos, 1961, стр. 254.

[23] См.: A. J. Elliot, Chinese Spirit-Medium Cults in Singapore, London, 1955.

В Указателе сюжетов нами выделены особые разделы, включающие 34 рассказа: Б, а, α, I', 16 (5 рассказов), Б, а, α, II, 16 (2 рассказа), Б, а, α, III, 16 (17 рассказов), Б, а, α, III', 16 (8 рассказов) и Б, а, α, III", 16 (2 рассказа).

[24] См.: Wing-tsit Chang, The Religious Trends in Modern China, New York, 1953, стр. 141—142; D. C. Graham, Folk Religion in Southwest China, Washington, 1961, стр. 120; Cl. B. Day, Chinese Peasants Cults...; L. N. Hayes, The Gods of Chinese,— «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», vol. LV, 1924; Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции, стр. 376.

В «Книге о правилах поведения» *(Ли-цзи)* говорится: «С духами обращаются как с людьми... Для людей обычно награждать добрые дела и поддерживать ближайших родственников, отсюда пошла обязанность отплачивать за доброту предков и приносить им жертвы» (цит. по: J. K. Shryock, The Origin, стр. 82). В сборнике Юань Мэя (так же как и в коллекции Цзи Юня) есть целый ряд рассказов, иллюстрирующих положение о том, что сверхъестественные силы награждают людей, оказавших им услугу, или помогают таким людям (см. разделы по Указателю сюжетов: А, а, α, I', 1 — пять рассказов; А, а, α, III, 2 — шесть рассказов; награждают людей, проявляющих почтение к ним: А, а, α, I' 2 в— 11 рассказов).

[25] Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции, стр. 413.

храмах пяти провинций Китая[26]. К. Б. Дэй, использовавший материалы Хейеса, пришел к выводу, что китайские крестьяне в своей культовой практике «в первую очередь заинтересованы в здоровье и долгой жизни»[27]. К аналогичным выводам пришел и Ян, в работе которого дается функциональная классификация главных храмов Китая — «согласно природе богов в каждом храме»[28]. Ян выделяет следующие функции божеств: обеспечение благополучия общественных институтов (семьи, общины, государства), поддержание нравственного порядка в обществе (награда за добро и наказание за зло), экономические функции (покровительство сельскому хозяйству, ремеслам, искусству, торговле, экономическому процветанию), обеспечение здоровья и общественного благополучия (божества, изгоняющие бесов).

Боги и духи размещаются в некоей иерархии, соответствующей их магическим силам; «в тех нередких случаях, когда божество манкировало своими обязанностями, ему официально предъявлялись претензии», направлявшиеся местной администрации «с просьбой воздействовать на потусторонние силы», причем «административное начальство... нередко действительно карало божество — в лице его идола — за его „прегрешения“, например за длительную засуху, которую оно, несмотря на многократные просьбы и жертвы, не предотвратило»[29].

В сборнике есть ряд рассказов, иллюстрирующих это положение; так, в рассказе № 324 жители деревни разрушают храм духа, не выполняющего своих функций; в рассказе № 142 крестьянин в «Молитвенном и жертвенном обращении к богу грома» упрекает его в том, что бог по ошибке убил его пятнадцатилетнего сына (и бог исправляет свою ошибку,

[26] L. N. Hayes, The Gods of Chinese. Хейес устанавливает следующую иерархию ценностей: просьбы об исцелении от болезней — в 96,8% молитвенных листов (следует учесть, что просят о нескольких благах сразу),

о гармонии в семейной жизни	90,2%	о потомстве	70%
об удаче в поездке	88%	о помощи в семейных делах	70%
о богатстве	85%	об урожае	54,6%
о выигрыше тяжбы	78,2%	о продвижении по службе	50%

В книге Д. Калпа (D. H. Kulp, Country Life in South China, New York, 1925, стр. 314) эта иерархия ценностей носит сходный характер: потомство, долголетие, уважение к старости, богатство, предотвращение несчастных случаев, гармония в семейной жизни, ученость и т. п.

[27] Cl. B. Day, Chinese Peasants Cults.

[28] C. K. Yang, Religion in Chinese Society.

[29] Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции, стр. 8.

воскрешая мальчика); в рассказе № 809 мудрый сановник разоблачает духа кумирни, который, получая от населения жертвы, не дал дождя во время длительной засухи; в рассказе № 64 ученый в своем донесении жалуется на бога земли, хитростью выманившего у него жертвоприношение. Молния сжигает храм бога земли.

Ряд рассказов Юань Мэя иллюстрирует не только известное положение о том, что в отношениях человека со злыми духами действовал тот же принцип умилостивления, что и в отношениях с богами и добрыми духами, но и наличие в китайской народной религии разработанной, сложной системы оберегов — заклинаний, амулетов, различных охранительных надписей и т. п. Так, в рассказе № 39 гадатель советует родителям, у которых умирали один за другим все новорожденные сыновья, следующего сына назвать женским именем и одевать в платье девочки; в рассказе «Ночная звезда» (№ 692) говорится о народном веровании в то, что, если грудные дети плачут ночи напролет, значит, это дело нечисти, которую может изгнать шаман. Интересна деталь, знакомая нам по европейскому фольклору,— старуха ведьма («ночная звезда») ездит верхом на коте[30].

В рассказах Юань Мэя мы встречаем и другой мотив, широко распространенный в мировом фольклоре: деньги или золото, полученные человеком от сверхъестественных существ, не приносят ему пользы[31] (рассказы № 35, 69, 195, 480 и др.). Ряд рассказов содержит известный фольклорный мотив чудесного рождения или рождения чудовища (monstrous birth[32]) — № 209, 286, 443, 694, 695; в рассказе № 588 человек, поднявшийся на гору Тяньшань и проведший там, как ему показалось, всего полдня, по возвращении домой обнаруживает, что он отсутствовал несколько лет[33]. Среди фольклорных мотивов в рассказах Юань Мэя отметим также мотив «сказочного вредительства»[34] (№ 170 — волосатый

[30] S. Thompson, Motif-Index of Folk-Literature, vol. 1—6, Copenhagen & Bloomington, Indiana, 1955—1958 (G. 241, 1.4).

[31] В европейском фольклоре они обычно превращаются в сухие листья или навоз (см.: В. Г. Богораз (Тан), Эйнштейн и религия, М.— Пг., 1923, стр. 48); исследователь японского фольклора отмечает этот мотив и в японских сказках (см.: Keiko Seki, Types of Japanese Folktales,— «Asian Folklore Studies», Tokyo, 1966, vol. XXV). См. также: S. Thompson, Motif-Index (F.348.0.1 и F.348.4).

[32] Мотив, распространенный во всем мире, как показывает Ст. Томпсон (Motif-Index, T. 540, T. 550, T. 556).

[33] В. Г. Богораз (Эйнштейн и религия, стр. 54—55) приводит ряд примеров такого «сжатия или расширения времени» в мировом фольклоре.

[34] S. Thompson, Motif-Index (R.11.3).

великан похищает женщину, № 150 — «Ветер чудит», № 692— «Ночная звезда» и др.), мотив «волшебного дерева» — связующего звена между небом, где обитает фея, и земным миром, где живет ее возлюбленный (№ 1005) [35], мотив колодца (в европейском фольклоре чаще фигурирует яма — «pit») — связующего звена между царством живых и царством мертвых (№ 7) [36], мотив чудесного помощника (№ 71) [37], чудесной жены-помощницы (№ 693, 789) [38], благодарного животного [39].

Точно так же и часто встречающиеся у Юань Мэя мотивы брака со сверхъестественным существом [40], воскрешения из мертвых [41], путешествия в царство мертвых [42] — широко известны в мировом фольклоре. Более того, казалось бы, специфически буддийская идея воздаяния за грехи перекликается с тематикой религиозных рассказов европейского средневековья [43].

В ряде рассказов отражены народные представления о сверхъестественных силах: так, тело беса не отбрасывает тени (рассказ № 471), в глазах водяного духа нет зрачков (№ 61), при появлении нечисти поднимается холодный ветер (№ 93, 128, 734, 859, 919 и др.), духи мертвых превращаются в мух (№ 90), дух грома имеет петушиный клюв и шпоры (№ 184) или птичьи когти и клюв (№ 195) и т. п.[44].

---

[35] Там же, F.54+F.63.1 (смертный взят на небо небесной девой).

[36] Там же, F.92+F.157

[37] Там же, n.800+n.813.

[38] Наблюдение исследователя японского фольклора М. Эдера (M. Eder, Reality in Japanese Folktales,— «Asian Folklore Studies», vol. XVIII, № 1, 1969, стр. 23) о том, что в Японии мы не находим рассказов, в которых сверхъестественный или неестественный брачный партнер является только заколдованным человеческим существом, которое может быть расколдовано, насколько мы можем судить, верно и для китайского фольклора.

[39] S. Thompson, Motif-Index (B.361 и сл.).

[40] Там же, F.300.

[41] Там же, E0.

[42] Там же, F.80.

[43] Так, например, в Указателе F. C. Tubach'a (Index Exemplorum. A Handbook of Medieval Religious Tales, составитель F. C. Tubach — «Folklore Fellows Communications» (далее — FFC), № 204, Helsinki, 1969), включающем более 5400 примеров, найденных в 37 коллекциях средневековых религиозных рассказов, мы находим очень много примеров наказания за разврат (№ 58—61, 63—64, 66, 1778, 2267, 2268, 3063 и др.), наказания богохульника (№ 672—684, 3047), пьяницы (№ 1795, 1801, 1804, 1805, 1809, 1811, 1815, 1816), клятвопреступника (№ 1703 — 1707), злого убивает молнией (№ 3043), лгуна убивает молнией (№ 3046) и т. п.

[44] Может быть, к рассказам этого типа применим термин, используемый Отто Блером (O. Blehr, The Analysis of Folk Belief Stories and

Неудивительно, что при такой бросающейся в глаза «фольклорности» рассказов Юань Мэя у некоторых исследователей создалось впечатление, что он являлся не автором этих рассказов, а только собирателем или редактором их. Так, C. Imbault-Huart (Un poète chinois, стр. 34) считает, что коллекция Юань Мэя «принадлежала не ему самому, а его друзьям», он же только «редактировал их рассказы». В. Эберхард (Die Chinesische Novelle) утверждает, что все рассматриваемые им коллекции (включая даже коллекцию Пу Сун-лина) собраны из разных районов страны; «чистая фантазия авторов», по его мнению, отсутствует, при этом Эберхард ссылается на то, что авторы коллекций сами пишут, что слышали те или иные истории от своих друзей (но это широко распространенный прием, использовавшийся уже в танских новеллах), и что во многих рассказах приводятся этнографически точные детали или содержащиеся в них мотивы достоверны: большинство новелл Пу Сун-лина имеют местом действия провинции Хэбэй и Шаньдун, а именно на севере Китая и были распространены истории о лисах-оборотнях; на юге же эти истории мало распространены, поэтому подобные рассказы слабо представлены в коллекции Юань Мэя. Против этого можно возразить, что этнографически точные детали могут свидетельствовать о наблюдательности и начитанности писателя, хорошо знакомого с верованиями народа и с системой народных представлений; выбор же тематики свидетельствует о специфике авторских интересов: Пу Сун-лина больше занимали рассказы о лисах-оборотнях и людях, которые умеют творить чудеса, Юань Мэя интересовали гадания, вещие сны, предсказания, Цзи Юня — взаимоотношения людей со сверхъестественными силами. То есть, с нашей точки зрения, речь должна идти об индивидуальных предилекциях авторов; Юань Мэй часто использовал «готовые» мотивы из фольклорного фонда, но особая сюжетная организация этих мотивов, индивидуальность манеры их использования и отбора, специфический подход к материалу — все это говорит за то, что Юань Мэй был создателем, а не передатчиком рассказов, включенных им в свой сборник.

its Implications for Research on Folk Beliefs and Folk Prose,— «Fabula», Bd 9, H. 1—3, стр. 259),— «folk beliefs stories», под которым он понимает «рассказы, в которых элементы народных верований появляются в контексте специфических событий, якобы действительно имевших место, и в них выражены сохранившиеся в момент рассказывания народные верования» (в отличие от «folk beliefs legends», под которыми Блер понимает «повествовательную прозу, содержащую элементы уже не существующих народных верований»).

Наличие отдельных персонажей и мотивов, общих с произведениями китайского фольклора, мотивов, находящих типологические параллели в фольклоре и литературе других народов (что заставляет предполагать фольклорный источник), в значительной мере оправдывает такой подход Эберхарда к проблеме авторства Юань Мэя и, во всяком случае, постановку вопроса. Однако ошибка Эберхарда заключается в том, что он подходит к этой (литературной) проблеме с сугубо фольклористических позиций. Вероятность того, что Юань Мэй широко пользовался фольклорными источниками (непосредственно из устного бытования или из литературных текстов, восходящих к фольклору), разумеется, очень велика. Для фольклориста этого заключения было бы достаточно, поскольку для него важна лишь правомочность использования текста Юань Мэя как свидетельства об устном бытовании интересующего его мотива или о наличии письменной традиции, зафиксировавшей его бытование в более раннее время [45]. С точки зрения исследователя литературного текста, дело обстоит иначе: даже если бы нам удалось доказать, что Юань Мэй не «придумал» ни одного рассказа, что все тексты его коллекции являются аутентичными записями, это никак не повлияло бы на оценку коллекции как произведения литературного и авторского, поскольку само включение текста в коллекцию, подписанную индивидуальным именем, определенный выбор текстов и их расположение заставляют читателей воспринимать текст как авторское произведение, связанное с системой взглядов автора (как это было в Европе со сказками Перро или новеллами Боккаччо). Только в очень определенных культурно-исторических условиях сборник записей (независимо от их аутентичности) воспринимается в первую очередь как достоверная запись, как текст, ценный тем, что он сообщает о реально бытующих произведениях. Таковы сборники Гердера, братьев Гримм, Арнима и Брентано, в России — Афанасьева (ср. рядом с последним сказки Казака Луганского — В. И. Даля). Очевидно, что такой установки не было ни у Юань Мэя, ни у его читателей. Очевидно и то, что доказать несамостоятельность, неоригинальность всех рассказов Юань Мэя было бы невозможно, и никто не ставил перед собой такой задачи. Наше рассуждение имело своей целью лишь показать, какое место в исследовании коллекции Юань Мэя должен занимать вопрос о ее фольклор-

[45] Так, как уже упоминалось, использовали коллекцию Юань Мэя Вигер и Де Грот.

ности. Для произведения такого типа это вопрос об источниках, а не о характере самой коллекции.

В связи с вопросом об авторстве и фольклорности находится и проблема жанровой отнесенности ряда произведений в коллекции Юань Мэя. Позиция Эберхарда в этом вопросе не совсем ясна. В составленном им Указателе типов китайских сказок[46] Эберхард ссылается на коллекцию Юань Мэя в двадцати пяти случаях[47]. В гл. XI более поздней работы (Die Chinesische Novelle) Эберхард отмечает, что из тысячи обследованных им рассказов в ряде коллекций XVIII в. «только 10 (1%) являются сказками». В коллекции Юань Мэя он выделяет две сказки (наши № 151 и 654).

Возможно, что Эберхард считает (или считал в 1937 г.) все эти 25 случаев действительными сказками. Возможно, что внесение этих текстов Юань Мэя в Указатель Эберхарда не связано с жанровым определением и должно лишь констатировать наличие сходного мотива в авторской литературе[48]. Если мы примем первое допущение, то возможно, что к 1948 г. Эберхард изменил свой взгляд на эту проблему и считал, что в коллекции Юань Мэя содержатся всего две сказки или что число два — это количество сказок в обследованной Эберхардом части сборника (88 номеров из *цз.* 2 и 23) и остальные 25[49] номеров Эберхард и в 1948 г. продолжал считать сказками[50]. Дело существенно осложняется тем, что из двух названных рассказов лишь один (№ 654, входящий в состав *цз.* 23, но не отмеченный в «Typen») входит в число тех 88, которыми Эберхард оперирует во всех остальных местах своей книги, а № 151 (включенный в «Typen») относится к *цз.* 6, не используемой Эберхардом в этой книге. Это обстоя-

[46] W. Eberhard, Typen Chinesischer Volksmärchen,— FFC, № 120, Helsinki, 1937.

[47] Насколько удалось отождествить их по нашему изданию 1892 г. (Эберхард отсылает к страницам трехтомного издания, вышедшего в Шанхае в 1934 г.), это № 32, 89, 90, 151, 179, 209, 279, 286, 289, 305, 315, 439, 444, 520, 757, 761, 762, 774, 916, 919, 920, 935, 1003. Два номера отождествить не удалось: тип 183 — «Летающий платок» и тип 124 — «Жилище духа».

[48] Или в несказочных фольклорных произведениях, аутентично зафиксированных Юань Мэем.

[49] Точнее, 24, так как из двух случаев, упомянутых В. Эберхардом в «Die Chinesische Novelle», в «Typen» включен только один — № 151 («Typen» — № 127), а второй — № 39 (№ 654 в коллекции Юань Мэя) не содержит ссылки на коллекцию «Новые [записи] Ци Се».

[50] В пользу этого говорит простой подсчет: 25 номеров составляют 2,5% от всей коллекции, 2 номера — 2,3% от 88 рассказов, обследованных Эберхардом. Впрочем, отмечаемое далее обстоятельство ставит под сомнение и это соображение.

тельство как будто позволяет предположить, что в 1948 г. Эберхард насчитывал две сказки во всей коллекции (а может быть, и в 1937 г., приводя в Указателе несказочные параллели). В этом случае не совсем понятен критерий, по которому признаются сказками № 151 и 654, мало чем отличающиеся от других рассказов Юань Мэя, в которых боги и духи награждают человека, оказавшего им услугу, или помогают больному, спасают от опасности человека, проявившего уважение к сверхъестественным силам.

Одно только наличие сказочного мотива или персонажа, общего и для сказок, и для фантастических рассказов, и для народных верований китайцев[51], еще не делает текст сказкой и не указывает на сказку как на непосредственный источник или образец рассказов Юань Мэя. То же относится к мотивам, взятым per se. Как справедливо указывает Эберхард, «отдельные сказочные мотивы чаще выступают в новеллах, но они не идут из сказки в новеллу: и в сказку, и в новеллу эти мотивы идут из общего фонда народных верований»[52]. В самом деле, мотив посещения живым человеком царства мертвых, чудесного рождения, брака со сверхъестественным существом и т. п.— все это сказочные мотивы (точнее, мотивы сюжетного фольклора, свойственные, в частности, и сказке), но наличие такого мотива еще не составляет сказки. Только когда эти мотивы организованы в повествовательную цепочку, подчиненную специфическим законам морфологии сказки (не обязательно морфологии, разработанной В. Я. Проппом на материале европейской сказки), только тогда мы имеем право говорить о жанре сказки[53] и о неори-

[51] Если, как пишет Р. О. Якобсон, «демонология сказки (русской.— *О. Ф.*) резко отличается от русских народных верований, которые не знают ни Кощея Бессмертного, ни Бабы Яги, ни Морского царя, ни Жар-птицы, ни других фантастических фигур, появляющихся в русской народной сказке» (On Russian Fairy Tales в кн.: R. Jakobson, Selected Writings, vol. IV, Epic Studies, The Hague, Paris, 1966, стр. 98), то китайская сказка (во всяком случае, судя по Указателю Эберхарда) хорошо иллюстрирует китайские народные верования.

[52] W. Eberhard, Die Chinesische Novelle, Kap. XI, § 1.

[53] «Само соединение мотивов в сюжете, точнее говоря, их группировка, распределение в нем зависит от специфической для сказки постоянной композиционной структуры» (Е. М. Мелетинский, Структурно-типологическое изучение сказки,— в кн.: В. Я. Пропп, Морфология сказки, М., 1969, стр. 135). Дальше Е. М. Мелетинский пишет: «В. Я. Пропп... убедительно показал, что специфика волшебной сказки оказалась заключенной не в мотивах (не все, но многие сходные мотивы волшебной сказки можно найти и в других жанрах), а в неких структурных единицах, вокруг которых мотивы группируются (разрядка наша.— *О. Ф.*)» (там же, стр. 136).

гинальности всего текста. В тех же случаях, когда эта сюжетная схема отсутствует или когда время действия соотнесено со временем историческим, «авторским» [54], и события излагаются, как имевшие место в действительности [55], мы имеем дело не со сказкой, а с литературным рассказом [56].

Сравнение описания реальных сказок в Указателе Эберхарда и в его работе «Volksmärchen aus Südost-China» [57] с указанными под теми же номерами Указателя рассказами Юань Мэя показывает, насколько сильно последние отличаются от сказок. Если даже эти сказки и служили источником рассказов, то модификации настолько значительны, что препятствуют отождествлению и — главное — отнесению этих рассказов к жанру сказки вообще. Так, например, в сказке, приводимой в книге «Volksmärchen...» под № 30 (с отсылкой на тип № 47 по Указателю — «Потоп»), речь идет о нищем, который в благодарность велит накормившей его старухе сказать ее сыну, чтобы он купил бумагу и муку и изготовил

---

[54] Д. С. Лихачев указывает, что «условность сказочного времени тесно связана с его замкнутостью. Сказочное время не выходит за пределы сказки. Оно целиком замкнуто в сюжете. Его как бы нет до начала сказки и нет по ее окончании. Оно не определено в общем потоке исторического времени» (Поэтика древнерусской литературы, Л., 1967, стр. 232). И дальше: автор «выпадает из самой поэтики фольклора; он не нужен с точки зрения структуры произведения... Если нет автора, то нет и авторского времени» (стр. 242—243). Об этом же говорит и М. И. Стеблин-Каменский: «Господство сверхъестественного, фантастического, сказочного делает возможным вневременность повествования, отсутствие вообще какой-то локализации во времени. Поэтому волшебная сказка в принципе вневременная» (Мир саги, Л., 1971, стр. 104).

[55] Например, № 179 (включенный Эберхардом в Указатель тип № 185), где указано место и время действия, сумма денег, потребованных даосом за магические действия; № 935 (тип № 110, по Эберхарду), где указано место действия, чин героя, названо его имя; № 757 (тип № 152), где повествование ведет рассказчик, приходящийся потомком в 28-м колене обожествленной девушки, есть ссылка на родственника, от которого он услыхал эту историю, и т. д.

[56] В статье «Фольклор и действительность» (журн. «Русская литература», 1963, № 3, стр. 66) В. Я. Пропп, сравнивая новеллу Маззучио «Невинный убийца» с фольклорным сюжетом о злополучном мертвеце, пришел к выводу, что события в новелле перенесены в сферу реальной действительности; они рассказываются «не только как возможные в действительности, но и как имевшие место в определенном пространстве и в определенное время и случившиеся с определенными людьми... Рассказ из „складки" превратился в „быль"... Отличительная черта тех новелл, которые из фольклора переходят в литературу, состоит в том, что рассказываются необыкновенные, необычайные и невероятные истории, как происшедшие в действительности. Эта-то невероятность, неслыханность и нравится. Но это уже не фольклор».

[57] FFC, № 128, Helsinki, 1941.

бумажную лодку; когда глаза двух каменных львов, стоящих перед храмом, покраснеют, старуха с сыном должны будут немедленно сесть в лодку, чтобы спастись от потопа. Выполнив указание нищего, старуха с сыном спасаются.

В рассказе Юань Мэя (упомянутом Эберхардом в типе № 47) значительные отклонения от сюжета сказки: министру Туну во время инспекционной поездки снится дух, который велит ему немедленно покинуть уезд, в котором Тун временно остановился. Министр не придает значения сну. На следующую ночь дух является снова, повторяет свой приказ и добавляет, что если министр захочет его поблагодарить за милость, то должен запомнить пять слов. Министр в испуге покидает уезд, население которого через три дня почти целиком погибает от наводнения. Впоследствии оказавшись в другом уезде, министр видит в храме Гуань-ди надпись, состоящую из тех пяти слов, что назвал дух, и понимает, что спасителем его был Гуань-ди. Присущие народной сказке безымянные герои (нищий, старуха, сын) заменены «министром нынешней династии Туном» (реальным историческим лицом) и богом Гуань-ди, указаны вполне реальная цель поездки Туна (инспекция уездов), его точное местопребывание, время действия; сюжет осложнен мотивом неузнавания духа, спасшего Туна. А главное — пропадает «взаимность» действий персонажей, т. е. собственно сюжет; нищий в сказке спасает старуху и ее сына в благодарность за их поступки, явление духа министру не вызвано никакими действиями героя (во всяком случае, в рамках рассказа). По сути дела, здесь просто сообщается факт — спасение министра духом, pointe рассказа ослаблен и перенесен на опознание духа, на то, что он оказывается прав.

Еще более модифицирован у Юань Мэя сюжет рассказа № 919 по сравнению со сказкой № 61 в «Volksmärchen...» (тип № 100 — «Уловка ремесленника»): в тексте, приводимом Эберхардом, каменщик или плотник, обиженный крестьянином, подгоняет строительство с помощью магического предмета, который потом прячет в постройке. Предмет вредит крестьянину, который, обнаружив источник вреда, уничтожает его; уничтожение магического предмета наносит вред ремесленнику. У Юань Мэя рассказ состоит из двух частей (см. перевод). В первой части молодой ученый — правнук сановника Гао Нянь-дуна (т. е. реальное лицо) заболевает, ему видится маленький ребенок, которого не видят остальные люди. С помощью мага удается найти причину болезни — деревянную фигурку ребенка, которую обиженный тестем

больного мастеровой запрятал в доме. Фигурку сжигают, мастеровой умирает, но больной так и не может больше ходить. Вторая часть рассказа (дружба больного юноши с девушкой-оборотнем) не имеет отношения к сюжету, рассматриваемому Эберхардом, это дополнительная сюжетная линия, превращающая рассказ в новеллу.

Наконец, в разделе «Шванки» Указателя Эберхарда (подраздел II: «Умники и хитрецы», № 12) зарегистрирован анекдот о художнике Сюй Вэнь-чжане, которого кто-то подговорил съесть вкусное блюдо, затем Сюя убеждают, что блюдо было отравленным, и в качестве противоядия предлагают есть грязь. В рассказе № 395 Юань Мэя отсутствие трикстера делает происходящее с гостями Сюя случайностью, забавным эпизодом, а не остроумной проделкой, характерной для комической сказки.

Среди рассказов Юань Мэя, не упоминаемых Эберхардом, некоторые, на наш взгляд, можно с бо́льшим правом отнести к сказкам (или сопоставить с ними), нежели перечисленные выше[58]. Наиболее характерным является № 115 («Моет в реке зародыши»).

---

[58] Возможно, что некоторая неясность и расхождения в отнесении произведений Юань Мэя к сказкам проистекают и из различного понимания термина. Примечательно, что если, как отмечает Е. М. Мелетинский (Герой волшебной сказки, М., 1958, стр. 3—4), Эберхард, «составляя свод китайских сказок, вынужден был отказаться от использования указателя Аарне» (A. Aarne, Verzeichnis des Märchentypen,— FFC, № 3, Helsinki, 1911), то в указателе Aarne — Thompson. The Types of the Folktale— FFC, № 184, Helsinki, 1964 (представляющем собой переиздание английского перевода Указателя Аарне, выполненного Ст. Томпсоном, который значительно расширил работу Аарне, по существу превратив ее из указателя классической европейской сказки в указатель сказки мировой) сравнительно немного ссылок на свод Эберхарда, и совсем нет ссылок на те номера, где упоминаются им рассказы из коллекции Юань Мэя. Это свидетельствует не только о том, что структура китайской сказки отличается от европейской, но и, как нам кажется, о том, что не все произведения народной прозы (а уж тем более литературы), относимые Эберхардом к сказкам, являются таковыми. В ряде случаев речь могла бы идти не о сказке, а о «меморате» — «сказе-воспоминании, рассказываемом от первого лица», как определяет эту категорию в своей статье К. В. Чистов (К. В. Чистов, Проблема категорий устной народной прозы несказочного характера,— «Fabula», Bd 9, H. 1—3, 1967, стр. 20); Ю. Кшижановский считает мемораты — «сообщения, в которых содержится данное верование, суеверие, видение, химера и т. п.,— документальным подсобным материалом» (см. J. Krzyżanowski, Legend in Literature and Folklore,— там же, стр. 116); наконец, в статье Алвера (B. Alver, Category and Function, опубликованной там же) под меморатом понимается индивидуальный рассказ о «сверхъестественных переживаниях». Некоторые же рассказы, относимые Эберхардом к сказкам, можно причислить к категории «фабулата», определяемой К. В. Чисто-

Здесь переплетено несколько сказочных мотивов: «благодарный мертвец» (герой по дороге оказывает услугу сверхъестественному существу или животному, которое становится его помощником; в нашем рассказе «помощь» заменена тем, что дух отпускает героя и дает ему волшебное лекарство), мотив «волшебного средства»; сказочной является и ситуация, когда родственница героя (здесь — жена, обычно — сестра) спасает его в ином мире, спрятав его от своего мужа; сказочен мотив «путешествия в иной мир»; чисто фольклорно и то, что царство мертвых и «наш мир» соседствуют друг с другом и, заблудившись, можно незаметно для себя перейти эту границу; река — как граница двух миров — тоже хорошо известна в фольклоре. Находим здесь и постоянно используемый в волшебной сказке прием ретардации: Быкоголовый дух готов помочь человеку вернуться в мир смертных, но откладывает это до следующего дня, чтобы посмотреть в списках царства мертвых, не пришло ли герою «время расставаться с жизнью». Главное же то, что сама последовательность эпизодов, их связи и отношения напоминают сюжетную схему волшебной сказки. Это, кажется, единственный пример, который можно назвать «волшебной сказкой» в корпусе текстов Юань Мэя; несколько шире представлены так называемые новеллистические сказки и анекдоты; примером последнего может служить рассказ № 788.

По традиционным законам жанра *бицзи*[59] Юань Мэй включил в свою коллекцию не только сюжетные произведения (их 953, т. е. 93,1%), но и заметки («свободную прозу») на самые разнообразные темы (70 заметок, т. е. 6,9%), близкие к записям типа *суй би*; причем, как и в других сборниках этого типа, заметки этой коллекции не составляют отдельных разделов, а вкраплены в основной корпус текстов без какой-либо определенной последовательности, без логической связи с окружающей их сюжетной прозой.

вым как «относительно устойчивый и вошедший в традицию сюжетный рассказ» (К. В. Чистов, Проблема категорий..., стр. 20), Ю. Кшижановским — как «замкнутые повествовательные художественные формы» (J. Krzyżanowski, Legend in Literature..., стр. 116), Алвером — как «короткое, обычно одноэпизодное повествование в прозе, которое принимается всерьез, как полезное и интересное знание» (B. Alver, Category and Function).

[59] См.: О. Л. Фишман, Жанровые особенности «Заметок из хижины Великое в малом» Цзи Юня,— «Страны и народы Востока», вып. XI, М., 1971, стр. 185—191.

Эстетическая система жанра *бицзи* наложила свой отпечаток не только на состав сборника и расположение в нем материала, но и на типы повествований, так же как и на введение «рассказчика» в повествование, способы характеристики персонажей, описания их быта, окружения и другие стилистические средства.

В коллекции Юань Мэя можно условно выделить три типа произведений: короткие рассказы (в том числе близкие к анекдоту или «быличке»); обрамленные повествования; заметки.

В произведениях первого типа (их около 650) содержание, как правило, исчерпывается изложением сюжета, включающего в себя один какой-либо эпизод, одно событие и его результат; персонаж изображается в какой-то определенный момент его жизни или в одной, обычно исключительной ситуации, описание которой и создает желаемый эффект занимательности (усиливаемый иногда неожиданной концовкой). Повествование строится обычно на конфликте, на каком-либо противоречии (например, рассказ № 84 — «Тот, кому суждено сгореть, не должен утонуть»). Рассказ предельно лаконичен: о его герое не сообщено ничего, кроме имени и места рождения, даже профессия упомянута мимоходом («поехал торговать»). Герой не обладает никакими индивидуальными чертами, он мог бы носить другое имя, происходить из другого места, ехать в другой город, а не в Аньцин,— все эти модификации ничего не изменили бы в сюжете, который по существу сформулирован названием рассказа. Эффект неожиданности создается концовкой, противоречием между убежденностью героя в том, что его спасение от участи утонувших в реке его спутников предвещает ему прекрасное будущее, и реальной его судьбой — смертью при пожаре.

В рассказе № 291 повествуется о траве, с помощью которой обнаруживают воров: стоит сжечь эту траву, как у вора начинают дрожать руки. Здесь, как и в первом случае, повествование ориентировано на неожиданную концовку: «вором» оказался не кто-то из челяди, заподозренной барышней, а занавес. Pointe заключается в том, что действие, оказываемое обычно волшебным предметом на людей, проявляется на неодушевленном предмете.

На комизме ситуации строятся рассказы, близкие к анекдоту (№ 704) и плутовские анекдоты — о ловких ворах, о мошеннических проделках (№ 677, 678, 679 и др.).

В рассказе № 788 комический эффект создается не ситуацией, а неожиданным ответом: буддийский монах взял в по-

слушники трехлетнего мальчика, и в течение более чем десяти лет послушник не спускался с горы, где стоял храм. Когда монах впервые взял его с собой в низину, мальчик увидел волов, лошадей, пастухов, собак. Монах объяснил ему, что это за животные; когда же мимо прошла молоденькая девушка, монах на вопрос мальчика ответил, что это тигр, пожирающий людей. По возвращении в храм монах спросил своего послушника, понравилось ли ему какое-либо существо из тех, что они видели днем. «Никто не понравился,— ответил послушник.— Только этот тигр, что пожирает людей, очень понравился. Никак из головы нейдет»[60].

К этому же типу коротких рассказов относятся, например, рассказ № 8 (о человеке, который оскорбил череп и умер в результате его мести), № 15 (о человеке, которым бесы перекидывались, как футбольным мячом), № 432, 487, 489 и другие рассказы о волшебных предметах и т. п.[61].

Сюда же можно отнести и «былички», например, № 742 («Небо раскрывает глаза»), № 517 («Лицо в городских воротах») и № 979 («Зеркало, освещающее море»).

В рассказах, отнесенных нами к «быличкам», впечатление «фактологичности» создается с помощью «точных» деталей. Так, например, в № 979 — размеры «зеркала», его цвет, форма, даже реальная стоимость, в рассказе № 742 — описание двух глаз в трещине, появившейся на небе, подробное для такого короткого рассказа, как № 517, описание лица в городских воротах, ставших «гладкими и мягкими, как человеческая кожа». В большинстве же коротких рассказов де-

---

[60] Как отмечается в Указателе Аарне—Томпсона, этот мотив имеет очень широкое распространение: он встречается в немецком, шведском, норвежском, ирландском, французском, японском, канадском, американском, литовском фольклоре. См. Указатель Аарне—Томпсона, № 1678: «Юноша, никогда не видевший женщин, встретив девушку, спрашивает своего отца, что это; отец говорит ему, что это Сатана. На вопрос, что ему больше всего нравится, юноша отвечает: „Сатана“» (ср. также: Декамерон.IV.1).

[61] Подобные рассказы Юань Мэя несложностью сюжета, интересом к занимательному и забавному происшествию, а не к характерам действующих лиц, напоминают фацеции (см.: О. А. Державина, Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века, М., 1962, стр. 78—79). Отметим, кстати, сходство (по материалу и жанрам) коллекции Юань Мэя с русскими рукописными сборниками XVIII в., в составе которых их исследователь М. П. Сперанский выделил новеллы, анекдоты, коротенькие остроумные рассказы, которые должны были служить «для забавы и увеселения»; включались туда и «литературные сказки» (см.: М. П. Сперанский, Рукописные сборники XVIII века, М., 1963, стр. 72, 77).

тали отсутствуют, если они не являются структурным элементом, «работающим» на движение сюжета.

Характерно, что в рассказах, близких к «анекдотам» и «быличкам», как и в подавляющем большинстве других рассказов первого типа, отличающихся крайним лаконизмом, отсутствуют даже рассказчики, от имени которых велось бы повествование. Сведения о персонажах сведены к минимуму (обычно эти сведения ограничиваются именем и профессией, но иногда, например, в № 291, 413, 788, 517, 970, не сообщается даже имя персонажа, а указывается только его профессия, занятие или социальная принадлежность — барышня, продавец тыкв, буддийский монах, курьер, крестьянин) [62].

В отличие от повествований первого типа второй тип — обрамленное повествование — обычно включает в себя некую предысторию героя или описываемой ситуации; больший объем рассказа обусловливает бóльшую его протяженность во времени, позволяет соблюсти известную временну́ю последовательность, дать несколько эпизодов из жизни персонажа или несколько этапов его жизненного пути; соответственно усложняется структура рассказа [63], появляются экспозиция, или пролог, развязка, иногда эпилог и т. п.

В коллекции Юань Мэя повествований второго типа более двухсот пятидесяти. В качестве примера рассмотрим структуру рассказа № 6.

В нем есть коротенькая завязка (герой засыпает в храме, дух храма приглашает его войти). Действие развивается в нескольких эпизодах: герой слышит беседу двух духов, касающуюся его будущей судьбы; разговор героя с двоюродным братом и переезд с ним в другую область; *жизнь героя на*

---

[62] В. Эберхард отмечает в сборниках рассказов XVIII — начала XIX в. группы рассказов (сообщений) о чудесах — «короткие, конкретные рассказы без пуантировки, напоминающие перечисление чудес в династийных историях (раздел „Воздействия пяти элементов“)». Среди этих рассказов есть такие, в которых «человеческая личность вообще не принимает участия, здесь велик процент рассказов, где не указано место действия. На наш взгляд, это не новеллы, а сообщения. Но большое их количество показывает, что китайские ученые обсуждали такие сообщения и интересовались ими» (W. Eberhard, Die Chinesische Novelle, Кар. IX, § 8).

[63] Ю. Н. Тынянов (О литературном факте,— «Архаисты и новаторы», стр. 7) писал: «Расчет на большую форму не тот, что на малую, каждая деталь, каждый стилистический прием в зависимости от величины конструкции имеет разную функцию, обладает разной силой, на него ложится разная нагрузка».

новом месте[64]; появление старика, именующего себя «утонченным бесом», *беседа с ним;* беспокойство двоюродного брата, уговорившего героя уехать, чтобы избежать колдовских чар; встреча со стариком бесом на джонке *и иероглифическая загадка, заданная им герою;* возвращение домой, *советы друзей и родных.* Кульминация: ярость беса, в котором герой узнал «упрямца с горы Наньшань», упоминавшегося в разговоре двух духов. Развязка: герой затаскивает беса в храм, бес исчезает в небе. Эпилог: предсказание судьбы героя, сделанное духами, сбывается.

Рассказ № 7 отличается наличием экспозиции и переплетением двух сюжетных линий — основной и побочной, что, усложняя структуру рассказа, приближает его к новелле.

Введение вставных эпизодов, не входящих органически в сюжетную схему,— прием, используемый Юань Мэем в ряде рассказов[65]. В одном случае (рассказ № 72) таким вставным эпизодом можно было бы считать экспозицию — хорошо известный в мировой литературе и фольклоре мотив перепутанных невест. Но если обычно из-за этой путаницы возникают всякие недоразумения, создающие конфликтную ситуацию, которая движет сюжет, то здесь дальнейшее действие никак логически не связано с тем, что герой рассказа, ставший впоследствии духом озера Поян, получил в жены младшую сестру вместо старшей.

Экспозиция либо служит вводом в действие (т. е. является прологом), либо дает краткие сведения о главном действующем лице. Но следует упомянуть и другой тип ее,— в которой сообщается характеристика персонажа, подкрепляемая рассказом о нем; к таким рассказам можно отнести № 41, 240, 500, 584 и др.[66]. Очень редки случаи, когда в экспозиции содержится какое-либо обобщение (№ 505, 792, 819). Это объясняется (так же как и отсутствие эпилогов, содержащих авторскую оценку описываемого события, а тем более

[64] «Выделенные курсивом «побочные» эпизоды можно, используя термины М. Л. Гаспарова, назвать «свободными образами и мотивами», непосредственно не связанными с сюжетной схемой. Функция их в том, чтобы «оживлять действие, создавать впечатление его свободы и естественности, смягчая условную выделенность сюжета... смягчить и сгладить... схематичность, наращивая на костях сюжета плоть живых подробностей» (М. Л. Гаспаров, Античная литературная басня (Федр и Бабрий), М., 1971, стр. 83 и 88).

[65] Введение дополнительных эпизодов и мотивов, усложнение композиционной схемы рассказов Юань Мэя определяют и наличие большего, чем, например, у Цзи Юня, числа действующих лиц, особенно сверхъестественных.

[66] Об этом типе экспозиции см. стр. 97—98.

назидание[67]), как нам кажется, тем, что рассказам Юань Мэя чужда дидактичность. Поэтому и авторское вмешательство так редко наблюдается в его рассказах. Это особенно важно отметить еще и потому, что в других прозаических произведениях Юань Мэя индивидуальность писателя очень ярко проявляется в его субъективных реакциях и оценках личностей и событий. Нагляднее всего это прослеживается при сравнении одного и того же сюжета, используемого Юань Мэем в разных жанрах. В принадлежащем к типу обрамленного повествования рассказе № 82 («Ли Сян-цзюнь поднимает полог») Юань Мэй повествует о том, как его другу Ян Чао-гуаню, когда тот был экзаменатором, явилась во сне красавица. Приподняв полог его постели, она попросила его обратить внимание на экзаменационное сочинение потомка ее возлюбленного. Повествование ведется в нейтральном тоне, которому Юань Мэй изменяет лишь в заключительной фразе рассказа: «Ян Чао-гуань хвастался перед людьми, что к нему явилась Ли Сян-цзюнь, считая это удивительным происшествием». Однако далеко не нейтрально звучит насмешливый ответ Юань Мэя на резкое письмо Ян Чао-гуаня, обидевшегося на то, что Юань Мэй превратил в своем рассказе приснившуюся Яну неизвестную красавицу древности в знаменитую певичку Ли Сян-цзюнь.

Юань Мэй упрекает Яна в ханжестве и лицемерии и насмешливо утешает его, говоря, что он напрасно испугался: что же страшного в том, что ему приснилась красавица? Ведь сейчас-то ей было бы уже лет двести!

Юань Мэя смешат мелочные поправки Яна (которому в это время было не менее 70 лет) к его рассказу: стремление уточнить, что явившаяся ему во сне красавица была одета просто и держалась скромно и с достоинством. Писатель язвительно спрашивает, откуда это известно Яну, ведь ему, как истинному конфуцианцу, не подобает смотреть на неподходящие объекты. И откуда он знает, что это была «целомудренная душа»? И так ли уж это важно? Ведь если сам Ян — человек целомудренный, то нет беды, если женщина и склонилась к нему и что-то шептала ему на ухо, если же он не таков, каким должен быть ученый муж, то даже и стоявшую перед ним на коленях «целомудренную душу» он мог бы поднять с пола и усадить к себе на колени. Юань Мэй напоминает Яну об одном человеке, который рассказал жене, что

---

[67] Об этих типах эпилогов см.: Д. Д. Елисеев, Корейская средневековая литература пхэсоль, М., 1968, стр. 60—61.

ему приснилось, будто он взял в дом наложницу, и жена страшно рассердилась на него. «Неужели вы так боитесь свою жену, что даже и во сне стараетесь избежать скандала?» — спрашивает Юань Мэй и посылает заключительную парфянскую стрелу: «В конце концов это же ваш сон, а не мой, и если бы вы мне его не рассказали, то я бы ничего не узнал об этой истории» [68].

Если иногда бывает трудно сразу определить, к какому типу повествования — короткому рассказу или обрамленному повествованию — следует отнести тот или иной рассказ в коллекции Юань Мэя (например, № 141, который по объему и количеству эпизодов следовало бы отнести к первому типу, имеет экспозицию и эпилог, характерные для второго типа), то третий тип — заметки — выделяется без всякого труда. Этот тип повествования лишен событийного ряда, не имеет сюжетного ядра, он носит информационный характер (даже когда речь идет о сверхъестественных существах) [69].

Среди заметок о сверхъестественном многие посвящены повадкам бесов (№ 369, 370, 626, 797, 858, 949), повадкам трупов (№ 735, 855, 864, 952), категориям бесов (№ 806), категориям трупов (№ 856); Юань Мэй приводит поверья (№ 811, 867), рассказывает о типах гаданий (№ 635, 967), о волшебных предметах, растениях, животных (см. соответствующие разделы по Указателю сюжетов), повествует о чудесных явлениях и местностях.

Заметки, в которых отсутствует элемент фантастики, написаны на философские темы или повествуют о надписях, редкостях, древних могилах; но наибольший интерес представляют этнографические заметки о различии брачных обрядов на севере и на юге Китая, о жителях о-ва Хайнань, изготовляющих губные гармоники, об обычаях других народностей (в этом отношении наиболее интересны заметки № 591, 592, 593, посвященные описанию обычаев народности ли). Следует отметить, что наряду с этнографически достоверными сведениями, сообщаемыми Юань Мэем в заметках такого рода, встречаются ни на чем не основанные выдумки, приписывающие тем или другим народам совершенно не свойственные им обычаи. Так, в заметке № 585 он сообщает, что ни одна сиамская девушка не выйдет замуж за юношу, который до брака с ней не состоял «в брачных отношениях» с ослицей; заметка № 620 кончается таким образом: «Большинство жи-

[68] *Суй-юань сань ши, бэнь* 14, *цз.* 7, стр. 1а—2а.

[69] Из 70 заметок теме сверхъестественного посвящено 41 (58,5%), теме естественного — 29 (41,5%).

телей Цейлона ходят голыми. У тех же, кто надевает платье, кожа и мясо обязательно начинают гнить» (см. также № 407 и 622). Сведения, сообщаемые о народностях, живущих на территории Китая («своя» земля — центр цивилизации), достоверны; сведения о «чужих» землях, населенных «варварами», фантастичны и невероятны[70]. Понять, почему Юань Мэй изображает обычаи чужих народов как нелепые, иррациональные, подчас просто непристойные, помогает разработанная Ю. М. Лотманом концепция пространства художественного произведения, как моделирующего «разные связи картины мира: временные, этические и т. п.». Положение о том, что «в той или иной модели мира категория пространства сложно слита с теми или иными представлениями, существующими в нашей картине мира как раздельные и противоположные», Ю. М. Лотман иллюстрирует примером наличия «в средневековом понятии „русской земли" признаков не только территориально-географического, но и религиозно-этического характера, дифференциального признака святости, противопоставленного в „чужих землях" греховности одних и иному иерархическому положению на лестнице святости других»[71]. «Чужая» земля, культура описываются как хаотические, неупорядоченные настолько, что им может быть не свойственна даже целостность организма. Отсюда многочисленные описания уродов, и в частности человеко-зверей, как в средневековых географиях; таковы люди с собачьими головами, встречающиеся, например, в европейском «Романе об Александре»[72]. Эта же черта может прослеживаться в виде

---

[70] О традиционном китайском представлении мира как единства, резко разделенного на две части — Китай и варвары, см.: А. С. Мартынов, Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции,— НАА, 1972, № 5.

В статье «О метаязыке типологических описаний культуры» («Труды по знаковым системам», IV, Тарту, 1969, стр. 460) Ю. М. Лотман пишет: «„Своя культура" рассматривается как единственная. Ей противостоит „некультура" других коллективов... При этом „своя" культура противопоставляется „чужой" именно по признаку „организованности" ←→ „неорганизованности"».

[71] Ю. М. Лотман, Проблема художественного пространства в прозе Гоголя,— «Труды по русской и славянской филологии Тартуского университета», XI. Литературоведение, Тарту, 1968, стр. 6. В. Эберхард также отмечает, что описания близких народов в новеллах безупречно точны, описания же дальних переходят в сказку (W. Eberhard, Die Chinesische Novelle, Кар. X, § 3).

[72] Это, с одной стороны, связано с представлением о «варварах» как о животных, «не вполне людях», а с другой — с «хаотичностью» чужих культур, их не окончательной созданностью (ср. в некоторых философско-мифологических системах античности представления о кентаврах и по-

«нелепости» чужой культуры (как в № 585 и др.). Противопоставление «чужой» культуры «своей» связано также с оппозицией «природа — культура» (в терминах К. Леви-Стросса); это объясняет роль, которую в заметке № 620 играет такой внешний знак культуры, как одежда.

«Реальное»[73] географическое пространство в коллекции Юань Мэя тесно связано с местами службы писателя или поездок его по стране. Крайне характерно в этой связи, что больше всего рассказов имеют местом действия провинции Чжэцзян (родину писателя), Цзянсу (где он служил и где находился его знаменитый сад — Суйюань) и Хэбэй (Юань Мэй часто бывал в Пекине). Таблица 1 показывает это наглядно; отметим, что место действия указывается в 742 рассказах (77,8% случаев).

Хорошо известно, что в сборниках рассказов о необычайном указание на место и время действия служило как бы подтверждением достоверности тех странных и невероятных случаев, о которых повествовал автор[74]. В этой связи небезынтересно отметить, что у Юань Мэя процент рассказов, в которых указано время действия, значительно ниже, чем у других современных ему авторов коллекций подобных рассказов[75]: из 953 рассказов время действия обозначено толь-

---

добных существах как о первых неудачных опытах Творения). Ср. также: «Если политическая власть китайского императора рассматривается как универсальное и мироустроительное влияние, то, естественно, все, что оказывается вне его сферы, по ту сторону политических рубежей, находится тем самым за пределами устроенного мира... Хаос предполагал полное попрание всех этических норм... те, кто населял „внешние" земли, людьми в собственном смысле этого слова не являлись. Считалось, что „варвар" — это „человек лицом, [но] зверь сердцем [умом]", „зверь по природе своей"» (А. С. Мартынов, Представления о природе, стр. 78).

[73] Пользуясь терминами той же статьи Ю. М. Лотмана (стр. 13—19), отметим «открытость», «разомкнутость», «безграничность», «незаполненность» «фантастического» пространства в тех рассказах Юань Мэя, где он описывает путешествие человека в иной мир (рассказы № 5, 28, 115, 130 и др.: «необъятно-широкие» пески, «повсюду... сыпучие пески») или в вымышленные страны, обязательно находящиеся за океаном или морем (№ 386, 605, 824 и др.).

[74] Ср. указание М. И. Стеблина-Каменского на то, что личные имена, названия местностей, генеалогия вводились в ирландские саги для придачи правдоподобия рассказываемому, т. е. это — художественный прием, так же как и утверждение автора, что он забыл имя героя или не знает его,— «имитация добросовестной передачи правды» (см.: М. И. Стеблин-Каменский, Мир саги, стр. 56).

[75] По результатам обследования ряда коллекций XVIII в., проведенного В. Эберхардом (Die Chinesische Novelle).

Таблица 1

Место действия	Количество рассказов	%
Чжэцзян	161*	22,1
Цзянсу	130	17,5
Хэбэй	96**	13,1
Аньхой	38	5,1
Шаньдун	32	4,3
Хэнань	30	4,0
Гуандун	27	3,66
Цзянси	26	3,5
Шэньси	25	3,37
Сычуань	23	3,09
Хунань	23	3,09
Фуцзянь	19	2,56
Шаньси	18	2,42
Хубэй	16	2,15
Гуанси	15	2,02
Юньнань	15	2,02
Ганьсу	8	1,07
Ляонин	6	0,8
Синьцзян	5	0,68
Гуйчжоу	5	0,68
Внутренняя Монголия	17	2,3
Россия	2	0,26
Тайвань	2	0,26
Тибет	1	0,12
Цейлон	1	0,12
Сиам	1	0,12
Сулу	1	0,12
Индия	1	0,12
Аннам	1	0,12

* Из них в Ханчжоу — 79 рассказов.
** Из них в Пекине — 63 рассказа.

ко в 336 (т. е. в 35,2%[76]), причем в ряде случаев оно указывается не прямо, а «выводится» из упоминания какого-либо персонажа или рассказчика, чьи даты жизни известны как современникам писателя, так и исследователю коллекции. Видимо, Юань Мэю не так уж важно было убедить своего читателя, что он рассказывает правду, «быль».

[76] У Цзи Юня этот процент гораздо выше (около 60), что не случайно, так как ему важно было не только подтвердить достоверность рассказываемого, но — и это для него было главным — доказать, что описываемые им происшествия не случайны, что сверхъестественные силы всегда и везде карали дурных людей и награждали хороших.

Приводимая таблица временно́го распределения (табл. 2) в рассказах Юань Мэя показывает, что «сюжетное время» (т. е. время, когда происходили события, о которых идет речь в рассказах) в основном концентрируется во второй половине XVIII в.— время жизни самого Юань Мэя. Таким образом, мы имеем дело с «открытым», по выражению Д. С. Лихачева[77], временем, связанным с временем историческим, соотнесенным с точно обозначенным историческим отрезком времени.

Таблица 2

Время действия	Количество рассказов	%
2-я половина XVIII в. . .	169	50,3
1-я половина XVIII в. . .	95	28,2
1-я половина XVII в. . . .	31	9,2
2-я половина XVII в. . . .	27	8,1
Династия Мин	11	3,3
XIII в.	2	0,6
IX в.	1	0,3

Как уже отмечалось, Юань Мэй избегал авторского вмешательства в повествование, а тем более авторских оценок описываемых им событий; он вообще довольно редко упоминает о себе в рассказах, но отдельные, хотя и редко встречающиеся даты дают дополнительные сведения о его жизни (см. рассказы № 51, 54, 83, 391, 432, 906, 940).

То, что Юань Мэя не заботила проблема подтверждения «достоверности» описываемых им странных событий и чудесных происшествий, видно также из сравнительно небольшого числа рассказчиков, от имени которых ведется повествование или от которых Юань Мэй слышал об излагаемом им случае. Из 953 произведений повествовательных жанров только в 115 (12,1%) упомянуты рассказчики (у Цзи Юня — 54,4%). Из них: 75 рассказывают по одному разу, 5 — по два, 2 — по три раза, один рассказывает 5 раз и один (сам Юань Мэй) — 19 раз; всего 84 рассказчика (у Цзи Юня — 352).

По социальному статусу и степени близости к автору рассказчиков можно отнести к следующим группам (табл. 3).

[77] Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы, стр. 221.

Таблица 3

	Чиновники	Ученые	Поэты	Монахи	Солдаты	Женщины	Социальная принадлежность неизвестна	Всего
Родственники Юань Мэя . .	—	—	—	—	—	1	—	1
Соученики	1	—	—	—	—	—	—	1
Экзаменаторы	—	1	—	—	—	—	—	1
Сослуживцы	1	1	—	—	—	—	—	2
Друзья	1	—	3	—	—	—	—	3
Посторонние	27	19	8	1	1	—	18	71
Всего	30	21	11	1	1	1	18	83*

* Сам Юань Мэй как рассказчик в этой таблице не учитывается.

Таким образом, непосредственное отношение к Юань Мэю имеют только 9 из 83 рассказчиков [78].

Существенным является то, что из тех 65 рассказчиков, социальная принадлежность которых известна, 63 принадлежат к кругу чиновников, ученых и литераторов, т. е. к кругу Юань Мэя.

Интересно сопоставить эти данные с социальным составом главных персонажей в рассказах Юань Мэя (табл. 4) [79]. Из 953 сюжетных произведений социальная принадлежность указана в 631 случае; приводимая ниже таблица показывает, что действие большинства рассказов происходит в среде высшего сословия.

Среди 332 персонажей, принадлежащих к высшему сословию, только 27 имеют непосредственное отношение к Юань Мэю: 11 родственников писателя, пятеро его соучеников, пятеро друзей, три сослуживца, два его экзаменатора и один учитель.

Возвращаясь к вопросу о рассказчиках, отметим, что смена их не отражается ни на языке, ни на тематике рассказов.

[78] У Цзи Юня же, в коллекции которого личный голос автора гораздо ощутимее, из 352 рассказчиков 116 имеют непосредственное отношение к нему самому или к его семье.

[79] Эберхард, обследовавший всего 88 рассказов Юань Мэя, дает несколько иное соотношение: из 69 рассказов, в которых указана сословная принадлежность главного персонажа, к высшему сословию принадлежат 48 человек (69,5%), к среднему — 8 человек (11,5%) и к низшему — 13 человек (19%).

Таблица 4

Социальный статус	Количество рассказов	%
Высшее сословие		
Чиновники	149	
Ученые	144	
Богачи	28	
Военные высшего ранга	11	
Итого	332	52,6
Среднее сословие		
Горожане	52	
Маги	36	
Монахи	31	
Купцы	12	
Мелкие служащие	10	
Врачи	4	
Итого	145	22,9
Низшее сословие		
Крестьяне	64	
Слуги, рабы	27	
Воры	17	
Мелкие торговцы	12	
Мастеровые	11	
Простолюдины	8	
Нищие	8	
Повара	5	
Солдаты	2	
Итого	154	24,4

Крупные сановники повествуют о тех же сюжетах, что поэты или ученые; сюжеты не дифференцированы по рассказчикам, определенный рассказчик не связан с определенным кругом сюжетов[80]. Так, сановник Ху Цзи-мо (рассказы № 839, 840,

[80] Исключение составляют рассказы поэта и художника Ло Пиня, который повествует о повадках бесов (№ 369 и 370), но, как уже упоминалось, Юань Мэй в своих стихах и письмах подчеркивал, что Ло Пинь «знаток бесов», славящийся картинами, изображающими бесов.

841) повествует о вещем сне, об оборотнях и об удивительном тигре; ученый Чжан Лай (№ 795, 796) рассказывает о духе покойного, просящего помощи у живых, и о том, как нечисть вредит людям; ученый Чжао И-цзи (№ 277, 833, 850, 858, 865) — о чудесном животном, о даосском маге и об удивительном происшествии, о людях, умеющих творить чудеса; литератор Янь Чжан-мин (№ 446, 449, 605) сообщает о стране Черного Тумана (России), о наказании убийцы духом-покровителем местности и о сбывшемся предсказании; ученый Шэнь Юй-тань (№ 669, 670) рассказывает о драконе и о боге грома, которого женщина облила мочой.

Таким образом, можно прийти к выводу, что, как и в ряде других коллекций, рассказчики у Юань Мэя служат для ввода в действие, и этим их роль ограничивается. Функция рассказчика сходна с той, о которой писал Ю. Н. Тынянов: «В разное время в разных национальных литературах замечается тип „рассказа", где в первых строках выведен рассказчик, далее не играющий никакой сюжетной роли, а рассказ ведется от его имени... Объяснить сюжетную функцию этого рассказчика трудно. Если зачеркнуть первые строки, его рисующие, сюжет не изменится... Думаю, что здесь явление не сюжетного, а жанрового порядка. „Рассказчик" здесь — ярлык жанра, сигнал жанра „рассказ" — в известной литературной системе. Эта сигнализация указывает, что жанр, с которым автор соотносит свое произведение, стабилизирован. Поэтому „рассказчик" здесь жанровый рудимент старого жанра»[81].

Возможно, что введение рассказчиков, установка произведения на «устность» у Юань Мэя, как у многих европейских писателей прошлого, имеют целью снять «официально-казен-

[81] Ю. Н. Тынянов, О литературной эволюции,— в кн.: Архаисты и новаторы, стр. 38 (прим.). Если это высказывание Ю. Н. Тынянова полностью приложимо к той роли, которую играет рассказчик у Юань Мэя, то соображения Э. А. Шубина, цитирующего наблюдение Тынянова, можно отнести к традиции китайской прозы малых форм (особенно сильной у Цзи Юня), где ссылка на рассказчика, сопровождаемая упоминанием места его рождения или службы, его должности или профессии, усиливает ощущение достоверности даже самого невероятного происшествия. Э. Шубин считает, что «рудиментарное жанровое явление», о котором говорит Тынянов, оказалось настолько стабильным потому, что «устное повествование, художественно воссозданное в новелле, придает бо́льшую достоверность и убедительность рассказываемому. Именно стремление к... непридуманности изображаемого в новелле события заставляет порою писателя как бы передавать авторство устному рассказчику, избирая для себя роль пассивного слушателя» (Э. А. Шубин, О рассказе и устном повествовании,— сб. «Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова», Л., 1971, стр. 316).

ную форму письменного слова... стать живым человеческим голосом, ведущим непринужденную беседу»[82].

Несмотря на очень незначительное количество рассказчиков, от имени которых повествование ведется более одного раза, можно заметить, что в ряде случаев один и тот же «рассказчик» сообщает два или три следующих друг за другом рассказа, т. е. имя рассказчика служит способом «сцепления» разных рассказов (в № 10—11 — рассказчик Чжао Чжи-юань, в № 369, 370 — рассказчик Ло Пинь, в № 767, 768 — рассказчик Ван Цянь-гуан, в № 669, 670 — Шэнь Юйтань, в № 839, 840, 841 — Ху Цзи-мо). Иногда эта связь даже подчеркивается Юань Мэем: так, рассказ № 768 начинается словами: «Ван Цянь-гуан еще рассказывал...». В тех случаях, когда рассказы, поданные от имени одного и того же рассказчика, не следуют друг за другом подряд, как, например, рассказы Янь Чжан-мина (№ 446, 449, 605), повторение имен рассказчиков в разных частях коллекции (как и такой прием, когда один и тот же человек является то рассказчиком, то персонажем рассказа) создает эффект «узнавания», связи материала, разбросанного по многим страницам коллекции.

Помимо «сцепления» рассказов с помощью «рассказчиков» Юань Мэй использует ряд других приемов «сцепления». Наиболее часто употребляется тематическое: так, № 158 и 159, 192 и 193, 265 и 266, 361 и 362, 408 и 409, 514, 515 и 516, 577 и 578, 600 и 601 «сцеплены» темой «предсказаний»; № 1, 2 и 3 — темой поисков духом мертвого «замены» себе; № 102 и 103, 451 и 452, 650 и 651 — темой «небо карает»; № 5 и 6, 189 и 190, 925 и 926 — темой вещего сна; № 316 и 317, 328 и 329, 351 и 352, 387 и 388 — темой мести духов мертвых живым; № 579 и 580, 677—680 — темой мошеннических проделок и т. д.[83]. Иногда рассказы сцепляются «местом действия» (так, действие рассказов № 74 и 75, 230 и 231, 236—238 происходит в царстве мертвых; № 129 и 130 — в «ином мире»; № 605 и 606 — в чужих странах и т. п.), есть и «жанровое сцепление»: так, № 900—905 относятся к жанру «заметок», как и № 822—824 (причем здесь есть и тематическая связь — это заметки о чудесных местностях, так же как и в заметках № 591—593 — об обычаях народности ли).

Таким образом, несмотря на явную «случайность», в расположении материала в коллекции Юань Мэя, где рассказ

[82] Г. Д. Гачев, Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр, М., 1968, стр. 55, 58.

[83] Примеров тематического сцепления можно найти очень много по Указателю сюжетов.

о чудесном происшествии соседствует с этнографической заметкой или анекдотом, все-таки некоторые внутренние связи в ней существуют.

В разделе I довольно подробно говорилось об интересе Юань Мэя к истории и о его записях на различные исторические темы в *Суй би*. Этот интерес нашел отражение и в «Новых [записях] Ци Се»: в сюжетных рассказах, а также заметках на этнографические, философские и исторические темы (№ 511, 684, 689, 912, 956, 959, 961). Так, в рассказе № 27 Юань Мэй, вопреки традиционной точке зрения[84], утверждает, что потомок чуских князей Хуай-ван, принявший имя И-ди, был убит не по приказу «вана — гегемона Западного Чу» Сян Юя, а по повелению первого императора династии Хань, Гао-цзу, который это преступление «свалил на Сян Юя».

В рассказе № 190 танская императрица У-хоу является во сне человеку, чтобы поблагодарить его за то, что он защищал ее от обвинений в развращенности.

Стремление к выяснению до конца какого-либо обстоятельства, заинтересовавшего самого Юань Мэя, подчас граничащее с ученым педантизмом, отличает и рассказ № 205, где отсутствие в г. Люйчэн храма в честь Гуань-ди объясняется тем, что этот город был построен врагом Гуань Юя — полководцем Люй Мэном (см. также рассказ № 25, где выясняется этимология выражения «торговец контрабандной солью», а также рассказы № 283 и 260).

Иногда рассказы о снах дают возможность Юань Мэю выступить против обычаев его времени (например, № 236 — сановнику снится, что его пригласили в царство мертвых, чтобы он вынес приговор князю древности, который ввел в моду бинтование ног женщинам), или (иногда в крайне фраппантной манере) против общепринятой морали (рассказ № 665), или, наконец, против «священных книг» конфуцианского канона (рассказ № 59, в котором предку Юань Мэя во сне является дух Тун Сяня — любимца ханьского императора Ай-ди, погубленного Ван Маном, и говорит, что Бань Гу в «Истории ранней династии Хань» неправильно осудил его, резко обличает Ван Мана и даже намекает на то, что «Книга чжоуских установлений» *(Чжоу-ли)* является подделкой Лю Синя, сделанной им в угоду Ван Ману). Если учесть, что пересмотр конфуцианского канона и постановка вопроса о его аутентич-

[84] Принятой, например, Сыма Цянем; см.: Ю. Л. Кроль, Сыма Цянь — историк, М., 1970, стр. 136, прим. 140; стр. 177, прим. 261.

ности были весьма актуальны для школы Дай Чжэня и других китайских просветителей этого времени (как позднее для реформаторов), то можно согласиться с мнением В. Эберхарда о том, что критика Юань Мэем неточной традиционной историографии, необъективных традиционных исторических оценок и авторитетов носила и политический характер [85].

В нескольких рассказах Юань Мэя содержатся прямые выпады против социальных условий его времени, критика жестоких или нечестных чиновников. Так, в рассказе № 7 мы находим фразу, направленную против правительства, не облегчившего налоги в годы длительной засухи: «В уезде Фэнду много лет подряд засуха, силы народа истощены, он не в состоянии вносить даже установленные двором императора государственные налоги...» В рассказе № 188 говорится: «Кто скажет, что чиновники в царстве мертвых честнее чиновников в царстве живых?»

Очень существенным кажется нам упоминание о жестоко подавленном маньчжурами крестьянском восстании, поднятом в 1661 г., в провинции Шаньдун под предводительством крестьянина Юя Седьмого (рассказ № 682): «Во время мятежа Юя Седьмого в Шаньдуне погибло много людей. После усмирения мятежников соевые бобы, выросшие в поле, напоминали лица различных людей: старых, молодых, мужчин, женщин, красивых, уродливых. Уши, глаза, рты, носы — все у них было. А от шеи вниз — все было в крови. Люди прозвали их „бобы с человеческими лицами“».

В нескольких рассказах Юань Мэй разоблачает коррупцию: взятки берут все, кто может. Так, в рассказе № 645 бес жалуется на служащего палаты наказаний, который обещал смягчить приговор, за что потребовал взятку в 500 золотых («Деньги я отдал сполна, но он не сдержал своего обещания, и меня казнили»). Тот же мотив в рассказе № 496, где вор перед казнью дал тюремщику взятку в 30 золотых, чтобы тот положил в гроб его отрубленную голову, но тюремщик не сдержал своего обещания: «памятуя о том, что лепешки, смоченные человеческой кровью, могут излечить чахотку, отнес кровь вора в дом одного своего родича». В рассказе № 405 уездные курьеры, решив нажиться на чужой беде, «потащили в уездное управление» юношу, который сошелся с девушкой из чайной лавки. «Желая обрести репутацию истинного конфуцианца [86], начальник уезда велел дать

[85] W. Eberhard, Die Chinesische Novelle, стр. 41.
[86] Фраза достаточно язвительная в данном контексте.

Чэню сорок палок. Девушка с воплями и рыданиями бросилась на спину Чэню, чтобы принять удары на себя. Сочтя это бесстыдством, начальник уезда пришел в еще больший гнев и приказал дать и ей сорок палок». Слуги, которым Чэнь успел дать взятку, «лишь слегка били палками по полу рядом [с девушкой]»[87]. В конце концов после очередных побоев Чэнь умер, а девушку продали в наложницы. Когда один ученый упрекнул начальника уезда в жестокости, тот ответил, что девушку он приказал выпороть, чтобы не подумали, что он сластолюбец (ведь она была красива), а юношу приговорил к жестокому наказанию, чтобы не стали говорить, что Чэнь дал ему взятку. На это ученый ответил: «Допустимо ли, чтобы „родители народа" терзали кожу и мясо людей, стремясь сохранить свою репутацию?»

Примечателен рассказ № 685, в котором дух мертвого студента Чжу просит своего друга Чжао сжечь бумажные деньги, так как в царстве мертвых ему приходится плохо без денег. На замечание Чжао, что Чжу был богат при жизни, дух мертвого отвечает: «Я только после смерти узнал, что ни одной связки монет, имевшихся при жизни, нельзя взять с собой в царство мертвых»[88]. Чжао недоумевает — ведь деньги, которые сжигают над могилой умершего, сделаны из бумаги, какая же от них польза владыке царства мертвых? Чжу объясняет ему: «Ваш вопрос неверен. Настоящие деньги, которыми пользуются в мире живых, тоже ведь сделаны из меди, голодный не может их съесть, замерзший не может одеться в них, они лишь условно обладают ценностью, и тем не менее и люди, и бесы гонятся за деньгами».

Но подобных рассказов в коллекции немного, и, видимо, прав В. Эберхард, считая, что элементы критики (вернее, скепсиса) выражены у Юань Мэя гораздо менее отчетливо, чем в новеллах Пу Сун-лина. По словам Эберхарда, «Юань Мэй был активным и везучим чиновником и у него не было оснований клеймить общественную систему, сделавшую его

[87] Эти эпизоды очень напоминают описание системы подкупа палачей и судейских чиновников в «Заметках о тюрьме» известного ученого Фан Бао (1668—1749), который просидел год в пекинской тюрьме (подробнее см.: D. Bodde, Prison Life in XVIIIth century Peking,— «Journal of the American Oriental Society», vol. 89, № 2, 1969).

[88] Эта мысль перекликается со стихами Юань Мэя:

Все вещи можно любить,
Только деньги представляют наименьший интерес,
Пока жив, зовешь их — не приходят,
Умрешь — не возьмешь их с собой.

(*Суй-юань сань ши, бэнь* 11, *цз.* 35, стр. 2а).

богатым, или всерьез ее критиковать»[89]. Можно не соглашаться с причинами, которыми Эберхард объясняет позицию Юань Мэя, но нельзя игнорировать тот факт, что рассказы Юань Мэя носят в своем подавляющем большинстве развлекательный, а не обличительный или поучительный характер.

III. ЮАНЬ МЭЙ И ЦЗИ ЮНЬ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

По мнению А. Уэйли, основной корпус коллекции Юань Мэя (составление которого началось около 1770 г.) был завершен к 1781 г. Однако данные самих рассказов опровергают предположение Уэйли: действие рассказа № 432 отнесено Юань Мэем к 1782 г., рассказа № 430 — к 1784 г.; события, описанные в рассказах № 421, 423 и 627, Юань Мэй стносит к 1788 г., и, наконец, в рассказе № 660 упоминается 1789 год. Таким образом, исходя из дат, указанных самим автором, можно утверждать, что основной корпус коллекции был завершен не ранее 1789 г. Что же касается «Продолжения» (последние 10 *цзюаней* коллекции), то самая поздняя дата, упоминаемая в нем,— 1795 год (рассказ № 810) — не противоречит предположению Уэйли, что к 1796 г. оно было полностью закончено.

Уточнение времени завершения основного корпуса памятника подтверждается и косвенными данными: в коллекции Цзи Юня «Заметки из хижины Великое в малом» рассказы Юань Мэя упоминаются пять раз (Цзи Юнь, № 30, 541, 895, 967, 1020). В рассказе № 30 (сборник «Записи, сделанные летом в Луаньяне», опубликован в 1789 г.) Цзи Юнь пишет: «...это странная история. Юань Цзы-цай записал ее в своих „Новых [записях] Ци Се“»[1]. В рассказе № 967 Цзи Юня (сборник «Не принимайте всерьез», опубликован в 1793 г.) упоминается рассказ Юань Мэя «Человека, из-за которого дерутся ищущие себе замену духи, спасают» (Юань Мэй, № 229). Значит, Цзи Юнь знал об основном корпусе коллекции Юань Мэя не только в 1793 г., но уже в 1789 г. Следовательно, он был закончен не позднее 1789 г.

На вопрос, откуда Цзи Юнь в 1789 г. знал о рассказах Юань Мэя, коллекция которого вышла в свет значительно позже, трудно ответить однозначно. Возможно, он видел отдельные рассказы в рукописи; вероятнее же всего, он слышал о них от общих знакомых. Вопрос этот существен только для одного рассказа Юань Мэя — «Дух дерева в фуцзяньском

[89] W. Eberhard, Die Chinesische Novelle, стр. 41.

[1] Цзи Юнь, Юэвэй цаотан бицзи, Шанхай, 1923, т. I, *цз.* 1, стр. 8.

управлении», упоминаемого Цзи Юнем в его рассказе № 30. Рассказ Цзи Юня мог быть кем-то пересказан Юань Мэю, и тот, значительно изменив, включил его в свою коллекцию (см. дальше сравнение текстов); затем кто-то из общих знакомых рассказал об этом Цзи Юню, и тот сделал приписку к своему рассказу: «...запись его (Юань Мэя.— *О. Ф.*) несколько отличается от моей; видимо, это ошибка того, кто, услыхав от меня, рассказал ему об этом». Возможен и другой вариант: Юань Мэй рассказал кому-то из своих друзей историю, якобы случившуюся с Цзи Юнем; узнав об этом, Цзи Юнь включил в сборник «Записи, сделанные летом в Луаньяне» свою версию этой истории. Правда, этот вариант кажется менее вероятным, если учесть, что у Юань Мэя рассказ (№ 608) помещен в *цз.* 21 основного корпуса его коллекции, а у Цзи Юня в самом начале его первого сборника. Как бы то ни было, расхождения настолько принципиальны, что сравнение текстов представляет интерес.

Цзи Юнь:

«Перед помещением для экзаменов в Динчжоу, что в провинции Фуцзянь, росло два древних кипариса, посаженных еще при Танах; говорили, что там водится дух. Когда я прибыл туда, служитель сказал мне: „Надо поклониться им". Я ответил: „Духи деревьев не причиняют вреда людям, не трогающим их. Сановник не обязан им кланяться". Листья деревьев затрепетали, так что было видно издали. В этот вечер луна светила ярко; когда я поднялся по лестнице и взглянул на вершины деревьев, там было два человека в красных одеждах, которые поклонились мне, а потом исчезли.

Я позвал моего друга посмотреть, и он видел их. На следующий день я поклонился каждому из этих деревьев и повесил на дверях парную надпись: „Всегда, когда небо становится черным,/ Некий господин в красной одежде кивает головой".

Это странная история. Юань Цзы-цай записал ее в своих „Новых [записях] Ци Се", запись его несколько отличается от моей, видимо, это была ошибка того, кто, услыхав от меня, рассказал ему об этом» [2].

Юань Мэй:

«Когда академик Цзи Сяолань был инспектором училищ в провинции Фуцзянь, у западного кабинета в помещении для экзаменов рос кипарис, устремленный в небо и заслонявший солнечный свет. Както глубокой ночью приятель Сяо-ланя увидел расхаживавшего под этим деревом человека в парадной одежде, принятой при нынешней династии, только халат у него был красного цвета.

Подумав, что это злой дух дерева, Цзи Сяо-лань подмел помещение и поставил табличку, чтобы принести жертвы; кроме того, он написал парные строки и повесил их между столбами: „Всегда, когда небо становится черным,/ Некий господин в красном кивает головой". С тех пор чудеса прекратились».

[2] Там же.

В изложении Юань Мэя два кипариса превращаются в один, исчезает упоминание о возрасте деревьев; духа дерева видит не сам Цзи Юнь, а его приятель; но самое главное изменение заключается в том, что снят разговор Цзи Юня с предостерегающим его служителем и отказ Цзи Юня поклониться деревьям. Получается, что, испугавшись духа дерева (которого он даже не видел), Цзи Юнь сразу решает принести ему жертву,— таким образом полностью пропадает оттенок самоуважения уверенного в себе ученого и сановника, не считающего себя обязанным кланяться духам деревьев и делающего это только в ответ на их почтительное приветствие.

Отметим, что это единственный рассказ, перекликающийся с коллекцией Цзи Юня, который Юань Мэй включил в основной корпус своей коллекции. В *цз.* 5 «Продолжения» этой коллекции мы находим десять рассказов, заимствованных Юань Мэем из первого сборника коллекции Цзи Юня. Сравнение текстов (различие между ними, кроме оговариваемых ниже случаев, есть только на уровне грамматических частиц) дает основание утверждать, что мы имеем дело не с совпадением сюжетов (услышанных от одного лица или прочитанных в одном общем источнике), а с прямым заимствованием. То, что именно Юань Мэй заимствовал эти десять рассказов у Цзи Юня, а не Цзи Юнь у Юань Мэя, очевидно, поскольку первый сборник Цзи Юня вышел в 1789 г., когда Юань Мэй вообще не приступал к работе над «Продолжением» своей коллекции, а тем более к его *цз.* 5. Так что Цзи Юнь просто не мог знать рассказов, которых Юань Мэй еще не написал.

В большинстве случаев Юань Мэй заимствует рассказы Цзи Юня без ссылок на источник; только в трех из одиннадцати заимствованных рассказах — № 608, 877 и 878 (у Цзи Юня соответственно № 30, 219 и 235) — Юань Мэй упоминает имя Цзи Юня в таком контексте: «Когда академик Цзи Сяо-лань был инспектором училищ в провинции Фуцзянь...», «Когда господин Цзи Сяо-лань находился в Урумчи...» и «Когда господин был в Урумчи...», т. е. во всех трех случаях повествование от лица автора (Цзи Юня) заменено повествованием в третьем лице. Стремлением снять авторское «я» можно объяснить и то, что в рассказе № 876 (Цзи Юнь, № 188) Юань Мэй снимает первую часть фразы Цзи Юня: «Покойный мой дядя, господин И-ань» — и ограничивается упоминанием имени рассказчика с добавлением фамилии: «Цзи И-ань»; этим же, видимо, объясняется и то, что

в начале рассказа № 875 (Цзи Юнь, № 154) Юань Мэй снимает упоминание о бабушке Цзи Юня, от лица служанки которой ведется повествование: рассказ дан у него от третьего лица. К такому же роду замен следует отнести и концовки рассказов № 869 (Цзи Юань, № 9) и № 877 (Цзи Юнь, № 219), в которых Юань Мэй отказывается от заключительных фраз Цзи Юня, вводящих автора в повествование.

Текстуальное сравнение рассказов, взятых Юань Мэем из коллекции Цзи Юня, приводит к некоторым любопытным выводам. В тех случаях, когда заимствованный рассказ лишен дидактической нагрузки, Юань Мэй ограничивается незначительными изменениями; так, например, в рассказе № 868 (Цзи Юнь, № 3) Юань Мэй в характеристике персонажа вместо «твердый характер» пишет «прямодушный» и к фразе «Это жилище писателя» добавляет слова: «Нельзя входить». В рассказ № 872 (Цзи Юнь, № 107) Юань Мэй вводит место действия — Баодин, отсутствующее у Цзи Юня.

Иногда Юань Мэй сокращает излишние, с его точки зрения, подробности; так, он снимает библиографические детали в начале и конце заметки № 874 (Цзи Юнь, № 119); в рассказе № 878 (Цзи Юнь, № 235) выбрасывает заключенные у Цзи Юня в скобки пояснения: «Урумчи находится к северу от Тяньшани, поэтому и говорят — Наньшань — Южные горы» — и местное, диалектное наименование разбойников. Кроме того, он снимает заключительную фразу рассказчика («Из всех виденных мною в жизни необычайных вещей эта — самая странная»); заменяет концовку Цзи Юня [«В *Тай-пин гуанцзи* я нашел запись о старом монахе, который видел бессмертного, поймавшего летающего по небу *якшу*. *Якша* был красивой женщиной. Не принадлежали ли те, кого видел Цай, к этой категории?»[3]] фразой: «Некто сказал: Это летающие по небу *якши* превратились в женщин».

Такой способ цитации[4], элиминирующий географические, этнографические и библиографические детали, носит уже принципиальный, а не случайный характер, так как Юань

---

[3] Там же, стр. 133—134.

[4] Мы принимаем определение цитации, данное Б. С. Шварцкопфом (Б. С. Шварцкопф, О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией (на материале русского языка),— сб. «Sign, Language, Culture», 1970, The Hague, Paris, стр. 658): «Цитация — это... воспроизведение в данном контексте определенного отрезка (или отрезков) из иного контекста... Воспроизводимый отрезок может весьма значительно колебаться и по своим размерам — от одного слова до целого произведения».

Мэй, видимо, стремится избавить повествование от излишних «ученых» подробностей [5].

Но наиболее значительными и важными представляются нам те изменения, которые Юань Мэй вносит в заимствованные им дидактические рассказы Цзи Юня. Даже в анекдоте о лисе, побившей своего мужа (Цзи Юнь, № 188 — Юань Мэй, № 876), снята заключительная сентенция рассказчика: «То, что лисы сумели смехом умерить гнев, это прекрасно!»

В рассказе Цзи Юня № 154 (Юань Мэй, № 875) Юань Мэй последовательно снимает психологические подробности в описании внутреннего состояния духа мертвого, который не может забыть жену и ребенка и приходит в полное отчаяние, узнав о решении жены вновь выйти замуж. Не ограничиваясь этими операциями с текстом, Юань Мэй снимает всю концовку, содержавшую двойное назидание (реакцию другой молодой вдовы на рассказ о том, что произошло с покойным мужем ее соседки, и авторскую сентенцию), и тем самым как бы дискредитирует моралистическую концепцию Цзи Юня, лишенную для него всякого интереса.

Еще большие изменения в текст Цзи Юня внесены Юань Мэем в рассказе № 873 (см. перевод); объединив в нем два рассказа Цзи Юня (№ 114 и 118), Юань Мэй дал свою концовку, причем, если Цзи Юнь, по существу, уклоняется от окончательной оценки описываемых им ситуаций, концовка Юань Мэя (составляющая вообще исключение в его рассказах) носит не морализующий, а эмоциональный характер.

Различие установок и целей Юань Мэя и Цзи Юня, наглядно демонстрируемое даже выбранным Юань Мэем способом цитации (не говоря уже о его собственных рассказах в сопоставлении с произведениями Цзи Юня), определяет разную степень авторского вмешательства в рассказ, разное соотношение повествования и «морали» в произведениях двух этих писателей.

Если в коллекции Цзи Юня дидактические произведения составляют 42% всего материала, то в коллекции Юань Мэя процент дидактики значительно ниже (27,31). При этом необходимо учитывать, что выделение дидактических произве-

[5] С. Моравский считает одним из мотивов появления цитат в литературном произведении пародию, «т. е. желание дискредитировать идею или штамп, или иногда эстетизирующую цель, обнаруживаемую в очевидно парадоксальной форме квазиученой орнаментации» (см.: S. Morawski, The Basic Function of Quotation,— «Sign, Language, Culture», стр. 700—701).

дений из корпуса коллекции «Новые [записи] Ци Се» гораздо более условно и произвольно, чем из сборников Цзи Юня, так как многие рассказы Цзи Юня содержат морализующие концовки, авторские назидания[6]; у Юань Мэя же нравственный урок, который может извлечь из повествования читатель, заключен в самом сюжете и не бросается в глаза, видимо не являясь существенным в рассказе для его автора.

В рассказах Цзи Юня сверхъестественные персонажи выполняют определенные, устойчивые функции, верша суд над поступками людей, карая дурных, вознаграждая хороших. Сравнение двух рассказов (Цзи Юнь, № 10 и Юань Мэй, № 995), написанных на одну и ту же тему, подтверждает наблюдение о том, что у Цзи Юня сверхъестественные силы постоянно следят за поведением людей, от них никуда не укроешься, и если сами люди (соседи, чиновники) не могут или не хотят реагировать на добрые или злые поступки человека, то есть всевидящие и всезнающие силы, от суда которых человеку никуда не уйти. В рассказе Цзи Юня Яньлован, холодно и насмешливо принявший крупного сановника, который всю жизнь думал только о самом себе, выказывает необычайное уважение простой деревенской старухе, потому что эта старуха за всю свою жизнь «никому не причинила вреда ради личной выгоды, а ведь корысть движет всеми, даже мудрецами и вельможами». Рассказ кончается нравоучением автора: «Как бы ни была темна и неясна душа человека, духи и бесы в ней все углядят; и мудрецу, если он думает лишь о своей личной выгоде, не избежать наказания. И разве не верно то, что говорится в „Поучении правителю“!»[7].

А в «Поучении правителю» («Книга песен», III, 3, 2) сказано: «Будь же таким и тогда, как заходишь в покой; /Перед отверстием в крыше своей не красней, / Не говори, что не видно, каков ты под ней, / И что никто за тобой не следит»[8]. Ссылкой на эти слова Цзи Юнь как бы говорит: в месте, где человеку кажется, что его никто не видит, он должен вести себя так, словно за ним непрестанно следят сверхъ-

[6] К таким рассказам Цзи Юня в известной мере приложимо определение типов 1 и 3 «субъективного повествования» по классификации, предложенной А. П. Чудаковым (А. П. Чудаков, Поэтика Чехова, М., 1971, стр. 10—11): тип 1 — оценка, позиция повествователя выражается в целых высказываниях, развернутых рассуждениях, размышлениях; тип 3 — повествователь вмешивается в ход рассказа, предваряет события, обсуждает с читателем развитие фабулы.

[7] Цзи Юнь, Заметки, стр. 156—157.

[8] Шицзин. Перевод А. А. Штукина, М., 1957, стр. 381.

естественные силы, контролирующие его поведение. Эта точка зрения была вообще широко распространена в старом Китае. Так, например, даосский патриарх Ли Чан-лин (ум. в 1108 г.) писал, что за действиями и мыслями людей постоянно следят духи извне и внутри самих людей (*сань ши шэнь* — три духа тела, живущих внутри человека), сообщающие Небу о проступках человека; то же делает и бог домашнего очага (Цзао-ван) в последний день каждого месяца [9].

В рассказе Юань Мэя ситуация аналогична изображаемой Цзи Юнем: человек попадает в царство мертвых и с удивлением видит, что Яньло-ван награждает прекрасным новым рождением двух его соседок, которых он знал одну как развратницу, другую как лицемерку. Чиновник царства мертвых объясняет ему, что одна из этих женщин славится своей добротой, вторая — почтительностью к старшим (таким образом, эти качества в глазах судьи царства мертвых перевешивают распутство и лицемерие). Очень знаменательна фраза, которой чиновник царства мертвых завершает свое разъяснение: «Яньло-ван величествен и прямодушен. Неужели же он опустится до того, чтобы прятаться под кроватями людей и подглядывать за ними, когда они находятся у себя дома?» Создается впечатление, что эта фраза непосредственно полемизирует с традиционной установкой Цзи Юня и прямо направлена против того его рассказа, о котором шла речь.

Но, взятый сам по себе, этот рассказ Юань Мэя, как и ряд других, свидетельствует о том, что дидактика не совсем была чужда Юань Мэю. И у него есть рассказы, в которых сверхъестественные силы тем или иным образом реагируют на поведение людей. И у него, как и в сборниках Цзи Юня, эта реакция сильнее и чаще, чем реакция самих людей на поведение их соседей, знакомых или подчиненных.

Приводимая таблица 5 позволяет сравнить частоту реакции сверхъестественных сил с реакцией людей в рассказах сборника.

Таким образом, из 203 случаев, когда сверхъестественные силы в рассказах Юань Мэя реагируют на поведение людей, в 96 случаях (47,2%) эта реакция положительная, в 107 случаях (52,8%) — отрицательная (у Цзи Юня же из 302 подобных случаев положительная реакция дана в 84 рассказах, т. е. в 27,8% случаев, отрицательная — в 218 рассказах, т. е. в 72,2% случаев).

---

[9] См.: Hsu Dau-lin, Crime and Cosmic Order,— «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 30, 1970, стр. 119.

Таблица 5

Функции	Сверхъестественные силы	%*	Люди	%**
Награждают человека	29	11,4	1	4
Помогают	33	13	—	—
Спасают	28	11	—	—
Проявляют уважение	4	1,59	—	—
Прощают	2	0,79	—	—
Карают	65	25,5	9	36
Мстят	29	11,4	—	—
Проявляют отрицательную реакцию другими способами	13	5,1	3	12
Всего	203	80	13	52

* От общего числа (254) дидактических рассказов о сверхъестественном.

** От общего числа (25) дидактических рассказов о естественном.

В тех 13 рассказах Юань Мэя, где люди реагируют на поведение людей, положительная реакция проявляется лишь в одном случае (7,7%), отрицательная — в 12 (92,3%). В дидактических рассказах Цзи Юня о естественном пропорция примерно такая же: из 23 рассказов, дающих реакцию людей,— положительная реакция проявляется в двух случаях (8,7%), отрицательная — в 21 случае (91,3%). И это закономерно, так как Цзи Юню было важно показать остроту и суровость реакции сверхъестественных сил на проступки людей, отсюда и перевес отрицательной реакции над положительной в подобных рассказах, в то время как у Юань Мэя нет такого резкого разрыва (отношение + к — в его рассказах о сверхъестественном примерно равное, а у Цзи Юня — 1 : 2).

За какие же качества сверхъестественные силы в рассказах Юань Мэя награждают людей, помогают им или проявляют иную положительную реакцию? Ответ на этот вопрос дает таблица 6, показывающая качества людей, к которым благосклонно относятся сверхъестественные силы.

Если сравнить эту таблицу с данными, полученными при анализе коллекции рассказов Цзи Юня [10], то выясняется, что

[10] См.: О. Л. Фишман, Использование статистических приемов, стр. 92, табл. 4.

Таблица 6

Качества и поступки людей	Небо		Боги и духи				В Царстве мертвых	Нечисть	Души мертвых		В новом рождении	Всего
	награждает	помогает	награждают	помогают	проявляют уважение	спасают	награждают	помогает	помогают	спасают	награждают	
Почтительный к старшим	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	3
Добродетельный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Верная жена	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Верный слуга	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Ученый	—	—	—	3	2	—	—	1	—	1	3	10
Поэт	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	2
Добросовестный чиновник	—	—	—	2	2	—	—	—	—	—	12	16
Верный сановник	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Добрый	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2
Восстановивший храм	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Уважающий сверхъестественные силы	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Честный	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Смелый	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Верный друг	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Невинный	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	2	5
Бедняк	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2
Ребенок	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	2
Нуждающийся в помощи	—	1	—	12	—	14	—	—	1	3	—	31
Оказавший услугу	—	—	2	—	—	—	—	6	—	—	—	8
Мстящий нечисти за причиненное ею зло	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего	1	2	5	21	4	21	4	9	1	7	19	91

у Юань Мэя сверхъестественные силы чаще всего вознаграждают добросовестного чиновника (16 случаев), подлинного ученого (10 случаев) или человека, нуждающегося в помощи (строго говоря, последний тип рассказов лишь условно может быть отнесен к дидактическим); у Цзи Юня же больше всего рассказов, где сверхъестественные силы награждают добродетельных (20 случаев) и почтительных к старшим людей (11 случаев),— эти качества, которые занимают первые ме-

ста в традиционной шкале этических ценностей [11], Цзи Юнь ценит выше остальных.

Ответ на вопрос о том, какие отрицательные качества или дурные поступки людей влекут за собой наказание со стороны сверхъестественных сил или вызывают их осуждение в рассказах Юань Мэя, дает таблица 7.

Из этой таблицы видно, что самыми отрицательными качествами (по частоте наказаний) являются развращенность (12 случаев), злоба (8+4 — «задумавший зло»), непочтительность к сверхъестественным силам (13 случаев); но примечательно, что по сравнению с коллекцией Цзи Юня (в которой за разврат наказывают в 58 случаях, за злые поступки в 26 и т. п.) [12] цифры эти не кажутся внушительными: разнообразие проступков, небольшое число отдельных их примеров создают впечатление случайности, а не целенаправленного выбора «преступлений», как в рассказах Цзи Юня. У Юань Мэя процент рассказов о преступлениях «против веры» вдвое больше, чем у Цзи Юня: у Юань Мэя из 105 случаев, когда провинность известна, таких преступлений 23, т. е. 22% (13 случаев — неуважение к богам или духам, 5 — нарушение запрета, 4 — осквернение могил, 1 — разрушение храма; у Цзи Юня из 218 подобных случаев 25 преступлений «против веры», т. е. 11% (14 случаев — убийство животных, 8 — неверие, 3 — осквернение могил). Думается, что это не случайно, так как Цзи Юнь считал наиболее опасными, а поэтому и наказуемыми, преступления против людей (особенно — семьи), а не против богов и духов; и в этом отношении его взгляд на то, что является грехом, совпадал с традиционными представлениями его времени [13]. Юань Мэя вопросы морали интересуют в значительно меньшей степени; случаи же, когда люди обманывают духов или проявляют неуважение к божествам, дают материал для занимательных рассказов, для всяких неожиданных поворотов сюжета.

В коллекции Цзи Юня мы не найдем таких рассказов,

---

[11] Д. Грэхем (D. C. Graham, Folk religion in Southwest China) указывает, что этика в Китае всегда была «общественной этикой»: что считается хорошим и что считается дурным, во многом зависит от того, полезно это или вредно людям (особенно семье). Это же отмечает Р. Грембо на другом материале (R. Grambo, Guilt and Punishment..., стр. 259): «Концепции вины и наказания можно соотнести с определенными социальными ценностями и нормами».

[12] О. Л. Фишман, Использование статистических приемов, стр. 93, табл. 5.

[13] См.: W. Eberhard, Guilt and Sin in Traditional China, Berkeiev and Los Angelos, 1967, стр. 61.

Таблица 7

Качества или поступки людей	Небо	Боги и духи					В Царстве мертвых		В новом перерождении	Души мертвых			Нечисть			Итого
	карает	карают	мстят	осуждают	насмехаются	предостерегают	карают	предостерегают	карают	карают	мстят	предостерегают	карает	насмехается	предостерегает	
Непочтительный к старшим	—	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3
Развратник	1	3	—	—	—	—	3	—	—	1	3	—	—	1	—	12
Обманщик	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Нечестный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	3
Начетчик	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	3
Презирающий искусство	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Злой	1	—	—	—	—	—	2	1	—	—	4	—	—	—	—	8
Задумавший зло	1	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Равнодушный к чужой беде	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Вор, разбойник	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	6
Убийца	1	3	—	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	7
Виновник чужой смерти	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	5	—	—	—	—	6
Мошенник	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Преступник	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Шантажист	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Нарушивший запрет	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	5
Недобросовестно выполняющий обязанности	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	3
Мятежник	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Пьяница	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2	—	3
Заносчивый	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	3
Хвастун	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	2
Грабитель могил	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
Потревоживший могилу по неведению	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Непочтительный к сверхъестественным силам	3	4	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13
Собирающийся разрушить храм	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Скупой	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2
Ханжа	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Глупец	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Колдун	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1

Продолжение табл. 7

Качества или поступки людей	Небо	Боги и духи					В Царстве мертвых		В новом перерождении	Души мертвых			Нечисть			Итого
	карает	карают	мстят	осуждают	насмехаются	предостерегают	карают	предостерегают	карают	карают	мстят	предостерегают	карает	насмехается	предостерегает	
За обиду, нанесенную в прошлом рождении	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	3
За преступление, совершенное в прошлом рождении . .	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	3
За неизвестную провинность	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Всего . . .	23	21	8	1	1	2	10	3	2	4	21	1	5	4	1	107

как, например, № 181, 184, 486, 763 и др. из сборника «Новые [записи] Ци Се»[14], где дух, предостерегающий женщину от пожара, требует в благодарность за это жертвоприношений, где слуга из палаты грома шантажом вымогает жертвоприношения, дух берет взятки, дух озера Дунтин грабит торговцев, оставляя у себя их джонки с товарами; или, например, рассказ № 195, в котором человек безнаказанно крадет у бога грома шило; № 452, где сановник позволяет себе осуждать слишком суровый приговор, вынесенный мальчику духом озера Тайху; № 55, в котором человек упрекает бога грома за то, что тот готов был внять молитве бандита и убить честного человека (в № 142 крестьянин письменно выговаривает богу грома, ни за что убившему его сына); № 809, где мудрый сановник изобличает духа кумирни, который, получая жертвоприношения от населения, не послал дождь во время длительной засухи, или, наконец, № 670, в котором женщина

[14] Это понятно, так как почти все божества в китайских храмах считаются добрыми, нравственными и требующими нравственного поведения от людей (см.: E. T. Williams, Popular religious literature of the Chinese,— «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», NS, vol. 33, 1899—1900).

безнаказанно обливает мочой бога грома, после чего тот некоторое время не может летать.

Любопытно, что среди дидактических рассказов Цзи Юня довольно большое место занимает группа (59 рассказов), основная тема которой — проявление людьми каких-нибудь определенных качеств или свойств характера. У Юань Мэя подобных рассказов всего девять; таблица 8 показывает, как эти качества распределяются.

Таблица 8

Положительные качества, проявляемые людьми	Количество случаев	Отрицательные качества, проявляемые людьми	Количество случаев
Почтительность к старшим	1	Ревность	2
Целомудрие	1	Развращенность	1
Любовь к семье	1	Жестокость	1
Смелость	1	Хвастливость	1
Всего	4		5

Число этих случаев невелико, но интересно сравнить их с аналогичным материалом в коллекции Цзи Юня, где дано 39 случаев проявления людьми положительных качеств, распределяющихся по 15 подрубрикам (на первом месте верность в любви — 8 случаев, на втором почтительность к старшим — 6 случаев), и 20 случаев проявления людьми отрицательных качеств в 10 подрубриках (на первом месте нечестность — 5 случаев, на втором педантизм и злоба — по 3 случая).

Малочисленность таких рассказов у Юань Мэя объясняется и тем, что они носят дидактический характер, и их принадлежностью к рассказам о естественном, которых у него так немного [15].

[15] В коллекции Юань Мэя рассказов о сверхъестественном — 896 (92,4%), рассказов о естественном — 73 (7,6%), заметок о сверхъестественном — 41 (58,5%), о естественном — 29 (41,5%); таким образом, общий процент сверхъестественной тематики у Юань Мэя значительно превышает этот процент в сборниках Цзи Юня, составляющий 80,6% всего материала. (Выходит, что в сборнике Юань Мэя не 953 рассказа, как мы указывали раньше, а 969; это объясняется тем, что 16 рассказов имеют две или более сюжетных линии, позволяющие отнести их к разным подрубрикам Указателя сюжетов, или несколько частей, посвященных как сверхъестественным, так и естественным событиям.)

«Оптимистический баланс», наблюдаемый в этой группе рассказов Цзи Юня (39 рассказов со знаком + на 20 со знаком —), соответствует всему замыслу его коллекции, стремящейся убедить читателя, что зло — лишь временное нарушение гармонии, царящей в разумно и хорошо организованном обществе, и что подражание хорошим примерам может благотворно изменить общественные нравы, так же как дурные примеры могут послужить своего рода предостережением читателю (рассказы № 154, 999, 1123 и др. из коллекции Цзи Юня). Юань Мэй же стремился не поучать своего читателя, а развлекать его, и истории из жизни людей давали ему значительно меньше занимательного материала, чем рассказы об общении людей с обитателями «иного» мира. Видимо, этими же соображениями объясняется и то, что группа рассказов, объединяемых нами в Указателе сюжетов под условным названием «Нечисть ведет себя как люди», у Цзи Юня состоит из 56 рассказов, а у Юань Мэя только из 25 (включая раздел «Души мертвых ведут себя как люди»), в то время как дающий большую свободу творческой фантазии раздел «Свойства душ мертвых» (у Цзи Юня — «Свойства нечисти») включает в коллекции Юань Мэя 43 рассказа, а у Цзи Юня — лишь 17.

Цзи Юнь постоянно подчеркивает, что нечисть не страшна человеку праведной жизни, что она отступает перед честными и добродетельными людьми, которые могут победить ее силой своей добродетели. Из 64 рассказов Цзи Юня, в которых люди побеждают или обуздывают нечисть, им помогает в этом добродетель (11 случаев), природный ум (6 случаев), сила убеждения (3 случая), магия (9 случаев), и только в 25% случаев (16 рассказов) человек побеждает нечисть своей смелостью. У Юань Мэя картина обратная: добродетель помогает человеку справиться с нечистью в одном случае, магия — в двух, ум — в девяти, смелость же — в 25 случаях (67%). Характерен рассказ № 10, где генерал обуздывает беса в силу своего положения и военного искусства, а не благодаря добродетели, или рассказ № 57, в котором бес пугается человека, с безрассудной смелостью провоцирующего его на нападение (рассказ так и называется — «Бес пасует перед человеком, готовым рисковать своей жизнью»). Таким образом, хотя и у Цзи Юня и у Юань Мэя есть рассказы, иллюстрирующие мысль о том, что нечисть не страшна, но Юань Мэй переносит акцент с нравственных качеств человека, которому можно не бояться нечисти, на его смелость, ловкость или физическую силу.

Читатель рассказов Цзи Юня убеждается в том, что честные, добродетельные люди могут не бояться нечисти еще и потому, что нечисть в этих рассказах ведет себя разумно, действия ее логически обоснованы и целенаправлены; в рассказах же Юань Мэя в основе действий нечисти лежит, как правило, не причинность, а случайность; нельзя заранее предугадать, как поведет себя в том или ином случае бес или оборотень, можно только априорно предположить, что их действия будут скорее во вред людям, чем на пользу им.

В сборниках Цзи Юня сравнительно мало рассказов, где нечисть вредит людям без видимой на то причины (30 рассказов), у Юань Мэя же таких рассказов вдвое больше (63, среди них 27 рассказов о вреде, который приносят людям трупы,— категория, вообще отсутствующая у Цзи Юня).

Если в сборниках Цзи Юня дух мертвого мстит обидчику своих близких только в одном случае, а в 22 случаях духи мертвых помогают родным или любимым, проявляют заботу о них [16], то в коллекции Юань Мэя духи мертвых помогают своим близким только в 12 случаях, а в 37 рассказах они мстят людям за обиду (причем в большинстве случаев — за обиду, причиненную им самим, а не их близким). Трупы пугают людей, гоняются за ними, пытаются их убить (рассказы № 3, 9, 116, 118, 119 и др.), духи мертвых ищут себе «замену», т. е. толкают людей на самоубийство (№ 2, 44, 89, 98, 156, 174 и др.— всего 18 случаев); даже ветер не просто «чудит» (см. рассказ № 150, который так и называется — «Ветер чудит»), а вредит людям, разрушает их жилища (№ 130, 277, 970 и др.).

Нечисть у Юань Мэя вредит людям не только чаще, чем в рассказах Цзи Юня, но и больше (отличие не только количественное, но и качественное — приносимый ею вред серьезнее). Как правило, вред, который приносит людям нечисть у Цзи Юня,— это реакция нечисти на поведение людей; у

---

[16] В доказательство этого положения интересно сравнить рассказ Цзи Юня № 967 и рассказ Юань Мэя № 229. Сам Цзи Юнь упоминает о сходстве основной ситуации: «Эта история, недавно происшедшая в нашем доме, очень похожа на случай с портным, который повстречался с бесами и о котором рассказывал Юань Мэй,— случай, видимо, достоверный». Сюжетное сходство заключается в том, что в обоих рассказах духи мертвых, ищущие себе «замены», пытаются утопить в реке человека. Но на помощь слуге У Ши-цзюню в рассказе Цзи Юня приходит дух его покойного друга Вэнь Куя, матери которого У в свое время оказал услугу, у Юань Мэя же на помощь портному Вану приходит живой человек — его дядя (причем дается рациональное объяснение вмешательства дяди).

Юань Мэя же вредоносность — природа нечисти, т. е. взгляд Юань Мэя на нечисть близок к фольклорной ее трактовке: бесы, духи мертвых, трупы, оборотни — все это «не люди», «чужие» по своему происхождению, вредоносные по своим функциям [17].

Коллекция Цзи Юня создает картину упорядоченного, рационально устроенного мира, где сверхъестественные силы, выполняющие определенные функции «воспитания» человека, действуют не произвольно, а подчиняясь целесообразности, определенному закону отношений в обществе [18]; даже бесы здесь соблюдают «правила игры», не выходя днем на улицу, не показываясь людям, редко задевая тех, кто их сам не трогает.

У Юань Мэя мир хаотичен и не упорядочен; бесы толпятся на дорогах и улицах (№ 444), скапливаются в местах наказаний и публичных казней, задевают людей, вредят им. Да и какой может быть порядок в таком мире, какая целесообразность и справедливость, если даже боги и духи ссорятся между собой (№ 86, 205, 505), мстят друг другу (№ 333), посланцы царства мертвых берут взятки и за это отпускают на свободу людей, которых им было приказано отвести к судье царства мертвых (№ 100, 165), духи берут взятки (№ 64, 181, 184, 186, 763), обворовывают людей (№ 486) и т. п.

В этих условиях может возникнуть либо фаталистическая вера в судьбу, либо скептическое отношение к всесилию мира, населенного сверхъестественными существами. Фатализм в рассказах Юань Мэя начисто отсутствует; скепсис же в ряде случаев проявляется. Так, глиняный чан, стоявший в одном из залов управления уезда Тяньтай, почитался чудотворным, поэтому ему приносили жертвоприношения и отбивали перед ним поклоны. Юань Мэй, не веривший в чудотворность чана, ударил по нему веером и потрогал его дно бамбуковой палочкой. Увидев, в какой ужас это привело начальника уезда, Юань Мэй сказал ему, смеясь: «Я ударил его, я его трогал, и чан должен наслать беду на меня, а не на вас». Но никакой беды с Юань Мэем не произошло (№ 432); цензор Цзян Юн-ань говорит о посланцах царства мертвых,

---

[17] У Цзи Юня же в одном из рассказов (№ 934) четко сформулирована мысль о том, что сами сверхъестественные силы не бывают добрыми или злыми: все зависит от того, что представляют собой люди, с которыми имеют дело Небо, духи или бесы,— добры они или злы.

[18] Подробнее об этом см.: О. Л. Фишман, Статистические приемы, стр. 80—82.

что они шантажом добывают деньги «Кто скажет, что чиновники в царстве мертвых честнее чиновников в царстве живых?» (№ 188); в рассказе № 790 дух мертвого все время чего-то требует; ученый, понимающий язык нечисти, говорит: «Незачем его раскапывать! Этот бес при жизни был крупным сановником и любил, чтобы люди ему льстили. После его смерти никто ему не льстит, поэтому он все время сам себя расхваливает, лежа в гробу». Здесь наряду со скептическим отношением к сверхъестественным силам есть и элемент социальной критики (ср. с № 188).

Очень интересно место в рассказе № 859, где говорится, что за горой Дунмэньшань «так часто показывались горные бесы, что местные жители привыкли к их виду и не считали каким-то дивом». Собственно говоря, здесь содержится та же мысль о том, что привычное перестает казаться страшным, которую за двадцать веков до Юань Мэя высказали авторы трактата *Хуайнань-цзы*: «То, что некоторые явления люди [считают] странными, объясняется тем, что эти явления редки и люди знакомы с ними поверхностно... Эти непонятные вещи... используются как средство для предупреждения и сдерживания народа. Все эти явления используются как иносказания. Народные суеверия становятся средствами воспитания...» [19].

При всем интересе Юань Мэя к предсказаниям и гаданиям с помощью вызова духа, он и тут проявляет свой скепсис: то в его рассказе (№ 268) фигурирует дух, который пытается выдать себя за ученого, но не разбирается в «критических доказательствах», то (№ 602) ученый, присутствующий при гадании, уличает духа в незнании исторических фактов. Дух обещает выяснить истину у историографов сунской эпохи, но не только не выполняет своего обещания, а вообще не является на вызовы гадателя, если на сеансе присутствует разоблачивший его невежество ученый.

Точно так же, несмотря на обилие рассказов о людях, умеющих творить чудеса (34 рассказа), и даосах-магах (30 рассказов), Юань Мэй показывает, что часто за этими чудесами кроется шарлатанство (№ 83, 1015 и др.) или что маги из корыстолюбия или мести приносят людям не пользу, а вред (№ 1, 52, 219, 249, 393, 396, 426, 611, 813). В рассказе № 347 фигурирует даос, отравитель и мошенник; в рассказе

[19] *Хуайнань-цзы*, гл. 13 (цит. по переводу Моргана в кн.: E. Morgan, Tao. The great Luminant. Essays from Huai Nan Tzu. London, 1933). Последняя часть цитированного высказывания могла бы быть непосредственно отнесена к коллекции Цзи Юня.

же № 7 судья царства мертвых говорит: «В мире есть подлые буддийские монахи и негодные даосы, которые, ссылаясь на духов, заставляют людей поститься, совершать моления с возлияниями и так разоряют людей, что не уступят целому сонму бесов и духов».

Различные творческие «задачи» и цели авторов двух сравниваемых коллекций, так же как и различная функция сверхъестественных сил в их рассказах, определяют, как нам кажется, и различие в манере описания сверхъестественных персонажей и другие стилевые отличия.

В рассказах Цзи Юня, где акцент делается на моральной стороне поведения человека, т. е. на стороне понятийно-воспринимаемой, а не образной, индивидуальной, отсутствуют описания внешности персонажей, по существу неважные для целей, которые ставил перед собой писатель. В ряде случаев портрет заменяется словесной характеристикой персонажа; там же, где портрет присутствует, он выполнен с помощью стандартных формул и эпитетов.

Юань Мэй тоже дает трафаретные описания людей, например: «женщина... лет двадцати с небольшим, чистенькая, красивая» (№ 170); «девушка лет 17—18, красоты необычайной» (№ 490); «Цай Чжан-гуань... был молод и очень красив» (№ 553); «у него было две дочери, обе — красавицы. Был некий ученый Ли, тоже очень красивый юноша» (№ 681); «молодой человек лет двадцати с небольшим, очень красивый и изящный» (№ 892). На этом фоне даже такое скупое описание, как «женщина лет тридцати с лишним, не напудренная, без румян, но редкостной красоты; роста она была невысокого, одета в синевато-лиловую юбку, на голове черная повязка, какие носят в районе Цзяннани» (№ 82), кажется подробным, а тем более портрет-характеристика Е Лао-то: «ходил он с непокрытой головой, босиком, зимой и летом в одном и том же хлопчатобумажном халате, держа в руках бамбуковую циновку» (№ 41).

Зато сверхъестественные персонажи выписаны в рассказах Юань Мэя более подробно и выразительно[20]. Приведем

[20] Напомним в этой связи наблюдение Б. Л. Рифтина о том, что герой реального мира в китайской новелле «никак не описывается (это сложившийся литературный тип, известный читателю из жизни и как бы не требующий описания), а неземная дева — персонаж, явившийся из потустороннего мира, как раз и „требует“ описания» (Б. Л. Рифтин, Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае, М., 1970, стр. 106).

несколько примеров: «из-под земли вылезли два черных человека с зелеными зрачками и глубоко сидящими глазами; все тело у них было покрыто короткой шерстью длиной в одно-два чи, головы большущие, как колеса» (№ 1); «...увидел женщину с веревкой на шее; глаза у нее вылезли из орбит и висели на щеках, язык длиной в несколько чи вывалился изо рта; шла она, волоча ноги. Рядом с ней был бес без головы, несший в руках две головы. Шествие замыкали идущий за ними вплотную бес с черным телом, уши, глаза, рот, нос еле были различимы, и еще один бес с руками и ногами [желтыми, как при] желтухе, огромным животом величиной с тыкву-горлянку в пять даней» (№ 41); «...в глазах [его] нет черных [зрачков]»[21] (№ 61); «...появился человек ростом в чжан с лишним, с зеленым лицом, зелеными усами, в зеленой одежде и обуви; он был так высок, что шапка его доставала до потолка. Затем... вошел маленький человечек, ростом не полных три чи. Голова у него была большущая, лицо, одежда и шапка тоже зеленого цвета... у лежанки его уселся... человек в газовом головном уборе и широком поясе, с лицом, изрытым оспой, и длинной бородой» (№ 264); «...человек.., весь покрытый черным лаком, только глаза и губы у него были белые, как мука» (№ 638).

Женщина «родила *якшу*, у которого все тело было голубого цвета, рот огромный, изогнутый кверху, глаза круглые, нос узкий, как клюв, волосы красные. У него были петушиные шпоры и конские копыта» (№ 695).

У ожившего трупа «было черное лицо, глубоко запавшие глаза с зелеными зрачками, источавшими свет. Вид у него был необычайно свирепый и устрашающий» (№ 892).

Таких развернутых описаний сверхъестественных персонажей в коллекции Цзи Юня нет.

Характеристики людей Юань Мэй дает реже, чем Цзи Юнь, и, как правило, они так же лаконичны, сжаты и прямолинейны, как в рассказах Цзи Юня; в них выделяется лишь основная черта характера, доминирующая в рассказе. Так, например, о герое рассказа № 8 говорится, что у него был «подлый характер; он любил оскорблять духов и поносить бесов», действия героя подтверждают эту характеристику, и череп, над которым он издевался, приносит ему смерть; в рассказе № 1 фигурирует «старый слуга, искренне ему (хозяину.— *О. Ф.*) преданный; он горько оплакивал безвременную кончину своего хозяина». Характеристика подтверждает-

[21] Отражение народных представлений.

ся действиями слуги, который готов был принести себя в жертву, чтобы воскресить хозяина; также подтверждается характеристика военного губернатора Сюй Ши-линя, который «по природе своей был человеком высокопорядочным и прямым» (№ 17). Смельчак, испугавший своей безрассудной храбростью беса, характеризуется как «человек смелый до дерзости» (№ 57); о слуге Э-чжэне говорится, что он «был человеком отважным, любителем выпить» (в пьяном виде он вырвал язык у решившего напугать его беса — № 827).

Иногда характеристика дается более развернутая: «Даосу Люю... было более ста лет, он мог дышать с громоподобным шумом, мог десять дней не принимать пищи или в один день съесть 500 кур; дохнет на человека, а того словно огнем опалит; или положит в шутку себе на спину сырой пирожок, а тот тут же испечется, так что его можно есть. Зимой и летом он ходил в холщовом халате, за один день проходил гриста ли». Эта характеристика функциональна, так как речь идет о маге, конкретные примеры умения которого приводятся дальше в рассказе (№ 240). Также значима характеристика юноши из знатного маньчжурского рода Ван, который «с детства выделялся своими способностями и умом, умел читать по-китайски», а потом вдруг сбежал из дома и стал носильщиком паланкинов, объясняя это тем, что, «когда он несет на плечах тяжесть, его... кости наполняются умом» (№ 565).

Даже в тех случаях, когда на первый взгляд создается впечатление, что характеристика «не работает», выясняется, что она что-то объясняет в рассказе; так, характеристика Кай Инь-бу: «имел поэтические способности и был человеком, не признававшим никаких оков», не объясняет, почему именно с ним произошла беда, навлеченная глиняным человечком; действительно, это могло произойти с любым другим персонажем Юань Мэя, но приведенная характеристика объясняет следующую за ней фразу: «мы с ним были дружны», которая может быть отнесена далеко не ко всякому человеку, упоминаемому Юань Мэем в его коллекции.

Интересен зачин рассказа № 42, содержащий характеристику главного действующего лица: «В Ханчжоу жил некий Су Дань-лао, насмешник, любивший над всеми подшучивать; люди терпеть его не могли». Чтобы отомстить Су за насмешки, соседи повесили на его дверях изображение духа морового поветрия. У Цзи Юня подобная характеристика героя сопровождалась бы сообщением о несчастье, случившемся с ним (скажем, болезнь, насланная духом морового поветрия).

У Юань Мэя герой не только не испугался неминуемой беды, но даже пригласил духа морового поветрия выпить с ним, после чего тот, когда началась повальная эпидемия, потребовал, чтобы люди, приносящие ему жертвы, обязательно приглашали на угощение Су, который таким образом только выгадал от эпидемии (семья его тоже осталась здорова, не забывает сообщить Юань Мэй).

Юань Мэй редко пользуется стандартными, «готовыми» сравнениями; его сравнения неизбитые, оригинальные, заставляющие вспомнить стихи автора: «Постель стала издавать жужжание, словно мальчишки учили уроки вслух» (№ 219), «ветви дерева, напоминавшие птичьи когти» (№ 525), «темное, как панцирь черепахи, небо» (№ 605), следы пальцев «величиной с листья ивы» (№ 19), «шум под столом, словно в бамбуковое ведро льется вода» (№ 35), «лицо, словно оклеенное серой бумагой» (№ 116), «снежинки, крупные, как черепица» (№ 28) и т. п.

При бросающемся в глаза почти полном отсутствии пейзажных зарисовок в рассказах Юань Мэя (в отличие от его стихов) обращает на себя внимание детализация в описаниях «иного мира», служащая усилению художественного впечатления, изобразительности описания. Например: «Мы шли по необъятно широким желтым пескам и белым травам, не встречая ни души» (№ 5); «небо было желтым, и солнце там не светило. Повсюду, куда ни взглянешь, сыпучие пески, так что ноги не касались земли. И ни людей, ни жилья не видно» (№ 28). Аналогичные описания есть в рассказах № 115, 130, 242, 542 и других, в которых человек путешествует в «иной мир».

У Юань Мэя описания внешности персонажей, детали обстановки и т. п. играют роль своего рода орнаментировки, придающей повествованию живость и интерес. Поэтому так точны и живописны его сравнения, так точно подмечены детали. Описывая ощущения человека, уснувшего на заброшенной могиле, Юань Мэй говорит: «Во сне он почувствовал, что роса увлажнила ему нос, а трава щекочет губы» (№ 490).

Любопытная деталь, придающая достоверность рассказу о человеке, который во что бы то ни стало хотел покончить с собой, присутствует в № 553: хотя у него отобрали все, чем можно было порезаться или на чем повеситься, он повесился «на полотнище материи, которое украл в красильне, где оно сушилось на полу».

В заметке № 511 дается детальное описание содержимого разрытой древней могилы: каменная лежанка, на кото-

рой стоял красный гроб, «бронзовый меч длиной более чжана, отливавший зеленоватым блеском, и несколько бамбуковых дощечек, на которых, казалось, что-то было написано древним головастиковым письмом», треножник и жертвенный стол с ритуальной утварью.

Очень интересны точные этнографические детали[22] в рассказах и заметках о нравах и обычаях различных китайских племен (см. № 591, 592, 593 — об обычаях народности ли), заметка № 912 — о брачных обрядах в разных районах Китая, заметка № 628 — о туземцах о-ва Хайнань, изготовляющих губные гармоники[23], и др. В рассказах о вымышленных странах (№ 386, 768, 870 и др.) Юань Мэй тоже стремится дать детали, которые делают описываемую им картину более зримой. Так, например, в рассказе № 386 («Страна без дверей») Юань Мэй пишет: «Деды жили на третьем этаже, отцы — на втором, сыновья — на первом, а на самых высоких этажах жили прадеды. В домах имелись проемы для входа и выхода, но дверей для преграды не было. Люди в этой стране были очень богаты, и там не было ни воров, ни разбойников... По обычаям этой страны, день у них делился на два: вставали они с криком петуха, обменивались визитами, в полдень вся страна ложилась спать... в девять же часов вечера снова ложились спать...». В рассказе № 768 («Страна „наказанных небом“») описывается остров, где жили «тысяча мужчин и женщин; все они были толстые, маленькие и безголовые. Глазами им служили соски́, сверкавшие при движении, а ртом служил пупок; они подносили к пупку пищу, втягивали ее и ели. Голоса у них были тоненькие и писклявые, речь разобрать невозможно».

Интересные детали описания путешествия человека в «иной мир» мы находим в рассказе № 28: «...далеко впереди смутные очертания дворца. Черепица его была покрыта желтой глазурью, словно в нем жил император. Подойдя ближе, я увидел двух людей в парадных сапогах, шапках и халатах, стоявших перед дворцом, словно актеры в мире живых, исполнявшие роли Гао Ли-ши и Тун Гуаня. На фасаде дворца была золотая вывеска...».

---

[22] В этой связи стоит отметить и рассказ № 468, в котором души воинов, чьи скелеты были потревожены рывшим колодец человеком, говорят его устами на разных диалектах.

[23] Эберхард (Die Chinesische Novelle..., стр. 112) придает большое значение этой заметке, так как, по его словам, сведения, приводимые в ней, совершенно верны и — при скудости сведений об этом острове — очень важны.

Повествуя о реально существующих странах, Юань Мэй тоже часто сообщает совершенно невероятные подробности об их обычаях (например, о нравах сиамцев — № 585, жителей Индии — № 606, Цейлона — № 620, княжества Тьямпа — № 622 и даже голландцев или англичан — «Красноволосых» — № 407).

Сообщая сведения о жителях других стран (в частности, о «жителях Западного океана», т. е. европейцах), Юань Мэй стремится не к достоверности, а к занимательности (часто весьма фривольного характера); приводимые им сведения так же далеки от действительности, как, скажем, характеристики вымышленных стран в романе Ли Жу-чжэня «Цветы в зеркале». Но если Ли Жу-чжэнь показывает обычаи и нравы выдуманных им стран для критики реальных китайских нравов и государственных институтов (т. е. с теми же целями, с какими использовали этот прием Монтескье и Голдсмит), то Юань Мэй просто рассказывает всякие небылицы, уснащая их подробностями, которые делают рассказ более ярким и запоминающимся.

Такое «вранье с подробностями» имеет место и в произведениях Цзи Юня: изложение необычайного происшествия ведется в его рассказах так, словно оно было в действительности; это ощущение достоверности происходящего (необходимое писателю для того, чтобы преподносимый им нравственный урок оказался действенным) создается благодаря введению черт реального быта эпохи, обрамлению фантастического происшествия временны́ми и пространственными рамками действительности, изложению от лица рассказчика — современника автора (с упоминанием его имени, места рождения или службы, занимаемой должности). Нам уже приходилось подробно писать о том, что коллекция Цзи Юня представляет собой нечто вроде «набора доказательств» определенных нравоучительных идей [24], что, создавая свою модель мира, в которой сверхъестественные силы действуют разумно и целесообразно и выполняют роль «исполнителей нравственного закона», Цзи Юнь как бы творил миф «научными» средствами [25], стремясь не только показать, но и дока-

[24] Цзи Юнь, Заметки, стр. 110—118.

[25] В статье Т. и М. Саттонов (C. Th. and M. Sutton, Science Fiction as Mythology,— «Western Folklore», vol. XXVIII, October, 1969, № 4, стр. 234) говорится: «И миф и наука пытаются создать представление о существовании путем соединения внутренней и внешней реальности. Направление этого процесса различно: миф пытается проецировать внутреннюю реальность в метафору внешней реальности, а наука стремится осветить внутреннюю реальность путем изучения внешних, эмпириче-

зать, что есть силы, которые всегда следят за человеком и покарают его за малейшие отклонения от «нравственной нормы». Отдельные рассказы его коллекции — это звенья в цепи «доказательств» основной ее идеи — идеи исправления общественных нравов силой примера и воспитания.

Юань Мэй, в отличие от Цзи Юня, показывает, как много странного, необычного и интересного происходит в этом мире, какие невероятные вещи могут случаться с людьми; поэтому ему так важны эти элементы странного и чудесного, эти невероятные детали и выдуманные подробности; и действие его рассказов потому так часто происходит во сне (а «земное» происшествие — лишь рамка таких рассказов, в отличие от рассказов Цзи Юня, где центром повествования является земля, а сон — лишь средство общения со сверхъестественными силами), что во сне «развязываются» пространство, время и причинность; они не связаны материальными условиями, путешествие не обязательно имеет цель, события не обязательно вызваны обычными причинами и мотивировками[26]. Происходят странные события, и единственное их объяснение в том, что это видéние, сон, т. е. действительность не проясняется, а становится еще более запутанной, многозначительной, символичной[27]. Вместо обычной

ских форм. Миф формирует автономный универсум, который находится в метафорическом отношении к миру действительности. Научные гипотезы тоже образуют универсум, не идентичный объективной реальности, но репрезентирующий понимание ее человеком. Таким образом, вопрос о доказательстве нерелевантен для мифа, но важен для науки, ибо ценность научной гипотезы целиком зависит от точности ее отношения к объективной реальности... В научной фантастике научный образ мышления сознательно мифологизирован».

[26] Интересно наблюдение В. Эрлиха о том, что «только во сне компактность и отчетливость образов может существовать рядом с логической и онтологической несовместимостью. Именно во сне вещь может быть и собой и своей противоположностью... И во сне такая ситуация может восприниматься как совершенно естественная» (V. Erlich, Gogol and Kafka. Note on «Realism» and «Surrealism» — For Roman Yakobson, Essays on the Occasion of his 60th Birthday, The Hague, 1956, стр. 104).

[27] Т. А. Ся отмечает, что до появления романа Дун Юэ «Дополнения к Путешествию на Запад» (XVII в.) сны в китайской прозе «редко бывали необузданными или абсурдными. Почти всегда соблюдалось условие, что все случающееся во сне соответствует логике жизни наяву. Слишком большое количество манипуляций этого рода лишило китайскую прозу того типа прекрасного, которое может быть найдено только в снах. Сны в китайском художественном воображении обычно двух типов: они либо короткие, либо длинные. Короткий сон дает, как правило, один эпизод, выполняющий практическую функцию общения между этим миром и миром сверхъестественного... Длинный сон суммирует жизнь человека в ее естественной временнóй последовательности, с юности до старости, от

трактовки поведения людей в зависимости от их интересов (как в «Неофициальной истории конфуцианцев») или от нравственных правил (как в коллекции Цзи Юня) человек во многих рассказах Юань Мэя действует без причин, утрачивает субстанциональность, им «действуют» какие-то силы, «подсовывающие» человеку события, которые что-то означают, но что — человек не знает. Писатель уходит из действительности в сказку, с земли в «иной мир» или сон, но это противоречит трезвому рационалистическому мышлению читателя XVIII в., и поэтому в «рамке» автор возвращается на землю, сообщая читателю подробности, носящие подчас фарсовый, буффонный характер и связывающие высший, «идеальный» ярус действия с вульгарно-реалистическим ярусом земной жизни. Типичный пример этого — рассказ № 28 «Дворец на краю земли», анализ которого прояснит и проиллюстрирует нашу мысль.

Повествование, начавшееся на земле и вводящее вульгарно-реалистические подробности, переходит в устах героя, рассказывающего о своих приключениях родным, в иной мир; дается описание неземного пейзажа (ранее нами цитировавшееся); светает, и Ли видит большую реку, где трое пастухов пасут овец «белого цвета и тучных, как лошади». Пастухи не отвечают на вопросы Ли, и он бредет дальше. Он видит дворец и любуется им, пока двое стражников не начинают гнать его прочь. Шум драки доносится до обитателей дворца, стражников зовут туда, вернувшись, они велят Ли «ждать повеления». Ждать приходится долго. В описание вводятся реалистические подробности, реальные мотивировки: пастухам лень возиться с Ли, стражники боятся голоса,

---

процветания до упадка и гибели, со всеми надеждами, желаниями, устремлениями, кончающимися последним поражением, которое является общим уделом смертных людей. Два наиболее знаменитых сна в китайской прозе — это танские новеллы „В подушке“ и „Правитель Нанькэ“, но те, кому снятся эти сны, просто проживают во сне свою земную жизнь так, как они мечтали об этом. Жизнь проходит и уходит, не оставляя за собой следа, и она уподобляется сну. Но только сон, который рисует всю карьеру человека, может быть должным образом использован как метафора, чтобы проиллюстрировать этот тип пессимизма. В результате, для того чтобы усилить силу сравнения, сны заставляют походить на жизнь... Потребовался писатель оригинального ума (Дун Юэ.— *О. Ф.*), чтобы увидеть литературные возможности снов и порвать с установившимся литературным обычаем» (T. A. Hsia, *The Hsi Yu Pu* as a Study of dreams in fiction,— в статье: C. T. Hsia & T. A. Hsia, New Perspectives on Two Ming Novels: *Hsi Yu Chi* and *Hsi Yu Pu*,— «*Wen-lin*. Studies in Chinese Humanities», Madison, Milwauke & London, 1968, стр. 243—244).

раздававшегося из дворца, им, как и герою рассказа, холодно. Когда на рассвете Ли отпускают, стражники передают его пастухам, чтобы те проводили его домой. «Пастухи набросились на меня с кулаками; в испуге я свалился в реку; наглотался воды так, что живот распух; помочился и ожил». Подробность, носящая в завязке вульгарно-бытовой характер, здесь приобретает фарсовый характер буффонады: мистическая река проникает герою в живот, и он извергает ее в потоке мочи. Удар, который сбрасывает героя в реку, тоже буффонный, клоунский трюк, отдающий площадным, народным комизмом. Происходит снижение: с одной стороны, высшего яруса действия в низший, а с другой — использование «площадных, карнавальных жестов и образов»[28], снижающих трагический по существу смысл происходящего (судьба человека в ином мире складывается по велению какой-то высшей силы, обитающей во «Дворце на краю земли» и в конце концов лишающей его жизни: через несколько дней Ли снова умирает и на этот раз уже не воскресает).

Рассказ драматизирован: и земная его рамка дана в виде отдельных сцен, и события, происходящие в ином мире, представляют собой отдельные сценки; собственно говоря, мы имеем дело с двумя инсценировками, причем почти без разговоров, напоминающими народные пантомимы.

Пантомиму напоминает и другой, почти лишенный диалога рассказ Юань Мэя (№ 35), «Неваляшка», о студенте Цзяне, заночевавшем на постоялом дворе, где водилась нечисть. В комнате, занятой студентом, неожиданно появились «несколько маленьких человечков, несших на носилках чиновника». Придя в ярость от того, что Цзян не испугался его, маленький чиновник приказал своим слугам схватить студента. «Те стали изо всех сил тянуть Цзяна за туфли и чулки, но не могли сдвинуть его с места». Когда Цзян, взяв в руки крошку-чиновника, положил его на стол и разглядел, то это оказался неваляшка, «какие продаются в мире смертных». Человечки упали на колени перед студентом, умоляя вернуть

[28] М. Бахтин, Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса, М., 1965, стр. 161. В связи с тем, что пишет М. М. Бахтин о «традиционных снижающих жестах» (там же, стр. 160 и сл.), напомним рассказ Юань Мэя (№ 670), в котором женщина обливает мочой бога грома; № 8, где череп мстит смертью человеку, который «смеха ради присел на заброшенной могиле прямо над черепом, так что черепу пришлось наглотаться извергнутого им»; № 451, где смерть является наказанием мальчику, помочившемуся в колодец; см. также рассказ № 305 — «Приняли слабительное по ошибке» и № 986 — «Ночной горшок ведет себя безнравственно».

им их начальника, и Цзян в шутку потребовал выкуп. Через мгновение они принесли ему много головных украшений и убежали, унося своего начальника. Наутро выяснилось, что золотые украшения принадлежали хозяину постоялого двора, который «поднял крик, что его обокрали».

В этом рассказе, видимо, впервые в китайской литературе мотив оживления куклы трактуется в комических тонах[29]: смешно, что в вымышленном мире крошечных людей, которыми командует маленькая кукла-неваляшка, соблюдается та же иерархия отношений, что и в реальном мире, смешны попытки человечков сдвинуть с места студента (ср. Гулливер и лилипуты), смешна напыщенная важность и бессильный гнев маленького чиновника; наконец, смешным оказывается и сам студент, так как он вынужден вернуть хозяину постоялого двора «выкуп», полученный им от слуг куклы-чиновника. Мотив количественного сокращения размеров человека (здесь «работают» все детали, вплоть до голоса — «не громче жужжания пчелы», одну головную шпильку несут четыре человечка, одну головную булавку тащат на плечах еще двое), сохраняющего пропорции нормальной фигуры, в китайской литературе, насколько мы можем судить, также был введен Юань Мэем[30].

В сборниках Цзи Юня, как и в коллекции Юань Мэя, встречаются анекдоты, рассказы о мошеннических проделках, ловких ворах; есть даже несколько рассказов о людях, притворяющихся сверхъестественными существами (в корыстных целях или чтобы подшутить над кем-нибудь)[31], но это — исключение; в целом же тон Цзи Юня серьезно-поучительный. Юань Мэй, напротив, часто смешит своего читателя, стараясь не только развлечь его, но и позабавить.

---

[29] Вообще же мотив движущейся куклы встречается еще у Ле-цзы (притча о мастере Сутулом, создавшем «из кожи, дерева, клея, лака» артиста, который мог танцевать, петь и «изменяться на тысячу ладов» (см.: Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Вступит. статья, перевод и комментарии Л. Д. Позднеевой, М., 1967, стр. 93). У Юань Мэя также есть рассказ (№ 664) о привезенной в Китай европейцами коллекции бронзовых кукол, которые якобы двигались по сцене, разыгрывали отрывки из пьесы «Западный флигель», а по окончании спектакля сами раздевались и «укладывались в ящик». См. также рассказ № 663 — «Деревянная собака, умеющая лаять».

[30] В европейской литературе этот мотив впервые был использован Свифтом в «Путешествиях Гулливера», а затем Л. Кэрролом в «Алисе в Стране чудес».

[31] Нельзя согласиться с В. Эберхардом, который считает, что у Цзи Юня нет историй о людях, которые выдают себя за духов, чтобы совершить обман (W. E b e r h a r d, Die Chinesische Novelle..., Kap. III).

И, наконец, еще одна черта различия: Цзи Юнь не дает названий своим рассказам: отдельный рассказ (единичный случай) менее важен для него, чем весь сборник (представляющий собой как бы серию случаев, дающих картину жизни, систему норм поведения людей). Сюжеты повторяются из рассказа в рассказ, кочуют из сборника в сборник, черты характера героев, переходя из рассказа в рассказ, как бы накапливаются, складываются в тип (особенно характерен тип начетчика), и это подчеркивает стремление Цзи Юня к цельности, единству впечатления от изображаемой им картины общества и нравов. В коллекции Юань Мэя каждый рассказ имеет свое название. Юань Мэю интересен каждый отдельный случай, каждое необычайное происшествие ценно для него само по себе, а не как звено некоей системы. Писатель стремится не к единству, а к сложности и разнообразию впечатлений.

Таким образом, несмотря на некоторые черты сходства, в первую очередь обусловленные жанровыми особенностями сборников *бицзи* (включение наряду с сюжетными повествованиями заметок на самые различные темы, способ изображения человека, не предполагающий раскрытия его душевного мира, показа его мыслей и переживаний, лаконизм характеристик персонажей, хронологическая и географическая прикрепленность рассказов, сравнительно простые тропы) [32], рассказы Юань Мэя во многом отличаются от произведений Цзи Юня, и отличия эти объясняются и различием творческих индивидуальностей писателей, и разными их целями и установками.

О. Л. Фишман

[32] К числу сходных черт следует отнести также преобладание в обеих коллекциях фантастики и рассказов о сверхъестественном, а также повторяемость сюжетов (значительно менее обращающая на себя внимание в коллекции Юань Мэя, чем в сборниках Цзи Юня, где она является осознанным художественным приемом и поэтому носит принципиальный характер).

НОВЫЕ [ЗАПИСИ] ЦИ СЕ
ИЛИ
О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛ КОНФУЦИЙ

ПЕРЕВОД

ЦЗЮАНЬ ПЕРВАЯ

(1.) МЛАДШИЙ ПОМОЩНИК НАЧАЛЬНИКА ОБЛАСТИ ЛИ

Ли из Гуанси, младший помощник начальника области, был очень богат; у него было семь наложниц, а сокровищ — горы несметные. Когда ему исполнилось двадцать семь лет, он заболел и умер. У Ли был старый слуга, искренне ему преданный; он горько оплакивал безвременную кончину своего хозяина. Когда этот слуга вместе с семью наложницами совершал моление, [во дворе] вдруг появился даос[1] с корзинкой для шелковичных червей в руках и попросил подаяния. Слуга прикрикнул на него:

— Моего господина постигла безвременная кончина, недосуг мне милостыню раздавать!

— Тебе хочется, чтобы твой хозяин вернулся к жизни? Ну, так я знаю способ, как приказать его душе возвратиться,— улыбнулся даос.

Потрясенный слуга поспешил сообщить об этом наложницам хозяина; те в изумлении вышли, чтобы поклониться даосу, но его уже не было.

Старый слуга горько каялся в том, что оскорбил бессмертного, прогнав его, а наложницы наперебой его упрекали.

Некоторое время спустя слуга проходил мимо рынка, и по дороге ему повстречался тот самый даос. Слуга испугался и обрадовался, схватил даоса за руку и стал умолять его о прощении.

— Не я помешал твоему господину вернуться к жизни,— сказал даос.— По правилам Царства мертвых, для того чтобы покойный вернулся к жизни, необходимо найти ему замену[2]; вряд ли в вашем доме найдется человек, который заменил бы покойного. Поэтому я и ушел тогда от вас.

— Позвольте мне вернуться домой, чтобы посоветоваться,— сказал слуга.

Он привел даоса с собой и передал его слова наложницам хозяина. Сначала, услыхав о приходе даоса, женщины очень

обрадовались, но, узнав, что надо найти замену покойнику, пришли в смятение. Каждая посматривала на других, но никто не произносил ни слова.

— Все госпожи еще молоды,— твердо сказал старый слуга,— их жалко, старому же вашему рабу осталось немного жить, чего меня жалеть!

Он вышел к даосу и спросил его, может ли старый раб заменить своего господина.

— Если ты способен не пожалеть о своем решении, то можешь,— сказал даос.

— Способен,— ответил слуга.

— За твою преданность разрешаю тебе пойти проститься с близкими и друзьями, а я пока приготовлю необходимое средство. Через три дня оно будет готово, через семь дней мы его применим.

Слуга отвел даоса к наложницам, оказавшим тому все знаки почтения, а сам, проливая слезы, отправился в дома, где жили его родные и друзья, проститься с ними. Некоторые насмехались над ним, некоторые отнеслись с уважением, одни жалели его, другие, не поверив ему, издевались.

Проходя мимо храма Шэн-ди[3], слуга зашел туда, отбил поклоны и вознес молитву: «Для того чтобы раб мог заменить умершего хозяина, молю Шэн-ди помочь даосу вернуть душу покойного». Не успел он это сказать, как перед ним предстал босоногий буддийский монах и стал кричать на него:

— Ты весь опутан чарами, будет большая беда. Я тебя спасу, но ты, смотри, никому не рассказывай,— и дал слуге бумажный сверток, прибавив: — Понадобится, посмотришь, что внутри.

Сказал и исчез, а старый слуга пошел домой, украдкой заглянул в сверток, а там — пять когтей, связанных веревочкой в один пучок. Он положил сверток за пазуху.

Наступил назначенный даосом срок. Даос приказал перенести постель слуги так, чтобы она стояла напротив гроба хозяина, запер двери на железный засов, просверлил в двери отверстие, чтобы передавать еду и питье, и с помощью наложниц соорудил алтарь для чтения заклинаний. Этим и ограничился. Слуга почувствовал недоверие к даосу и очень волновался. Вдруг под его лежанкой послышался свист ветра, из-под земли вылезли два черных человека с зелеными зрачками и глубоко сидящими глазами; все тело у них было покрыто короткой шерстью длиной в одно-два чи, головы большущие, как колеса у телеги. Сверкающими глазами смотре-

ли они на слугу, смотрели и шли; обошли вокруг гроба и стали прогрызать в гробу щель; щель раскрылась, и послышался кашель — точь-в-точь хозяина. Бесы открыли переднюю часть гроба, стали растирать руками покойнику живот; покойник начал издавать звуки. Слуга смотрит — облик хозяина, а голос даоса.

Переменившись в лице, слуга воскликнул:

— Разве это не подтверждение слов Шэн-ди? — и поспешно выхватил лежавший у него за пазухой сверток, оттуда вылетели пять когтей и превратились в золотого дракона длиною в несколько чжанов. Дракон схватил слугу, поднял его в воздух и привязал веревкой к стропилам. У слуги в глазах потемнело. Придя немного в себя, он устремил взгляд вниз и увидел, что те двое бесов, поддерживая хозяина, перевели его из гроба на постель слуги, и он лежал там, как мертвый.

— Способ не увенчался успехом,— с тяжелым вздохом произнес хозяин.

Оба беса в ярости стали обыскивать комнату, но не могли найти слуги. Хозяин страшно рассердился и начал рвать в клочки одеяло и постель слуги. В это время один из бесов поднял голову и увидел слугу, привязанного к стропилам. В дикой радости бесы и хозяин стали подпрыгивать, но не могли достать до него. Внезапно раздался удар грома, и слуга упал на пол. Смотрит: гроб закрыт, как прежде, и бесов не видно.

Услышав раскат грома, наложницы отперли двери, чтобы посмотреть, что случилось. Слуга рассказал им то, что видел, и все поспешили на поиски даоса. А тот лежал убитый молнией, и на трупе его большими желтыми знаками было написано: «Стремившийся к богатству сластолюбец колдовским способом изменил свой вид, Небо покарало его по закону».

(2.) СТУДЕНТ ЦАЙ

В Ханчжоу за воротами Бэйгуань был дом, где водилась нечисть. Люди не решались селиться в нем и заперли его на замки и крепкие засовы. Один студент по фамилии Цай решил купить этот дом. Ему говорили, что от этого добра не будет, но он не слушал и сделал по-своему. Семья его не хотела входить в дом, тогда он один отправился туда, отпер двери, зажег в одной комнате светильник и уселся. В середине ночи к Цаю приблизилась женщина, горло которой было пе-

ревязано красным платком[1]. Низко поклонившись студенту, она закинула веревку на балку, вытянула шею и стала лезть наверх. Цай не испугался, тогда женщина стала манить его к себе. Цай схватил ее за ногу [и стащил вниз].

— Господин совершает ошибку,— сказала женщина.

— Ошибку совершаешь ты,— засмеялся Цай.— Как раз сегодня я не ошибаюсь.

Бесовка громко заплакала, распростерлась перед Цаем, отбивая земные поклоны, и вдруг исчезла.

С этих пор нечисть перестала появляться в том доме.

Цай продвинулся по службе, говорят, он даже стал губернатором.

(3.) УЧЕНЫЙ ИЗ НАНЬЧАНА

В уезде Наньчан, что в провинции Цзянси, двое ученых занимались в храме Бэйланьсы, один был пожилой, другой — молодой, они были очень дружны между собою. Старший, вернувшись домой, скоропостижно скончался; младший ничего об этом не знал и продолжал заниматься в храме, как прежде. Однажды, когда наступил вечер, он уснул и увидел, как старший его друг открыл дверь и вошел, сел на лежанку, потрепал его по спине и сказал:

— Не прошло и десяти дней, как мы расстались, и я скоропостижно скончался, теперь я — дух, но дружеские чувства не иссякают сами собой, и я пришел специально для того, чтобы проститься с вами.

От удивления и испуга младший не мог произнести ни слова.

Покойный начал успокаивать его:

— Если бы я хотел причинить вам вред, разве решился бы так прямо объявиться! Вам нечего бояться. Я пришел сюда для того, чтобы поручить вам дела, оставшиеся после моей смерти.

Немного овладев собой, младший спросил, что он хочет ему поручить.

— У меня есть старуха мать,— ответил тот,— ей за семьдесят, а жене моей еще и тридцати нет, несколько ху риса им хватит, чтобы прокормиться. Надеюсь, вы им поможете. Это первое. У меня осталась неизданная рукопись, надеюсь, что вы ее опубликуете, чтобы мое ничтожное имя не совсем исчезло. Это второе. Я задолжал несколько тысяч монет продавцу кистей и не успел возвратить долг. Надеюсь, что вы вернете его за меня. Это третье.

Младший почтительно обещал все сделать. Тогда покойник поднялся и сказал:

— Раз вы взяли все это на себя, я могу удалиться.

Он хотел уйти, но младший, сознавая, что слова покойного выражают человеческие чувства и вид у него такой же, как при жизни, постепенно перестал его бояться и со слезами стал упрашивать задержаться немного:

— Мы расстаемся с вами навсегда, почему же вам не повременить немножко, зачем так спешить с уходом?

Покойник тоже заплакал и снова присел на лежанку. Они стали беседовать о житейских делах, но затем покойник поднялся и сказал:

— Я ухожу.

Однако он стоял на месте и не двигался, пристально глядя на молодого ученого. Постепенно лицо его приняло такой ужасающий вид, что тот в испуге стал торопить его с уходом:

— Вы ведь уже все сказали, теперь можете идти.

Но покойник не уходил. Младший ударил по лежанке и громко закричал, но тот не уходил и упорно стоял, как прежде.

Тогда младший в ужасе вскочил и бросился бежать, покойник погнался за ним. Младший побежал быстрее, покойник тоже побежал быстрее. Пробежав несколько ли, младший перелез через стенку и упал на землю. Покойник не мог перелезть через стенку. Тогда он свесил голову и стал плевать в младшего, так что тот был весь в слюне.

Когда рассвело, прохожие напоили молодого ученого отваром имбиря, и он пришел в себя.

В это время семья покойного стала искать его труп, не зная, что с ним случилось. Они на носилках принесли его домой и положили в гроб.

Узнавшие об этой истории говорили:

— *Хунь*[1] в человеке добрая, а *по*[2] — злая; *хунь* — мудрая, а *по* — глупая. Когда он только пришел, духовное начало в нем еще не погибло, но вскоре *по* начало вытеснять *хунь*. Когда он исчерпал свои сокровенные заботы, *хунь* испарилась, а *по* — сгустилась. Пока в нем была *хунь*, он был тем самым человеком, что прежде; с уходом же *хунь* уже не был тем человеком. Трупы, что свободно двигаются, ходят, а также бродячие тени — все это создания *по*, обуздать же *по* может только человек, которому открыт Путь Истины — *дао*[3].

(4.) ЦЗЭН СЮЙ-ЧЖОУ

В годы правления под девизом Кан-си* жил некий Цзэн Сюй-чжоу. Говорили, что родом он из уезда Жунчан, что в провинции Сычуань; бродя в краях между У и Чу, он вел себя, как юродивый. О нем велись всякие удивительные разговоры. Куда бы он ни пришел, старые и малые, мужчины и женщины сбегались отовсюду и окружали его.

Сюй-чжоу то шутил, то бранился, неожиданно раскрывал секреты людей. Он то вдруг ласково говорит с человеком, а тот уходит, громко рыдая, то прибьет и обругает кого-то, а тот уходит радостный. Причем знали, в чем тут дело, лишь те, кто к нему обращался, окружающие же ничего не понимали.

Господин Ван Цзы-цзянь из Ханчжоу был уездным начальником в уезде Луси. Когда он вышел в отставку, кто-то сказал ему, что могила его деда расположена в неблагоприятном месте. Цзы-цзянь хотел перенести могилу, но не успел сделать этого, как услыхал, что появился Цзэн Сюй-чжоу. Цзы-цзянь пошел спросить его; Сюй-чжоу стоял на высоком холме, опершись на дубинку, его окружала толпа народа; Цзы-цзянь не мог пробиться вперед, но Сюй-чжоу издали заметил его и начал размахивать дубинкой.

— Не лезь сюда, не лезь,— сердито закричал он.— Ты собираешься вырыть труп и осквернить кости. Не смей, не смей!

Цзы-цзянь в испуге ушел. Впоследствии сын его — Вэнсюань [1] — дослужился до должности цензора.

(5.) *ЦЗЮЙЖЭНЬ* [1] ЧЖУН

Мой однокашник Шао Ю-фан в детстве был учеником некоего *цзюйжэня* Чжуна, который был родом из Чаншу. По характеру своему господин Чжун был человеком прямодушным, не допускал пустой болтовни и смешков; обычно он ложился и вставал одновременно с Ю-фаном, и вот как-то раз он проснулся в середине ночи и, заплакав, сказал:

— Я умру.

Ю-фан стал спрашивать его, что случилось, и Чжун ответил:

— Я увидел во сне двух рабов, которые поднялись из-под земли, подошли к моей лежанке и повели меня с собой.

---

* 1662—1722 гг.

Мы шли по необъятно широким желтым пескам и белым травам, не встречая ни души. Так прошли мы несколько ли, пока не подошли к какому-то казенному зданию; там сидел, обратясь на юг, какой-то дух в головном уборе из тонкой черной ткани.

Рабы подхватили меня под руки и заставили склонить перед ним колени.

— Знаешь, в чем обвиняешься? — спросил меня дух.

— Не знаю,— ответил я.

— Попробуй вспомнить.

Я долго думал и наконец сказал:

— Знаю. Я был непочтителен к старшим: мои родители умерли и пролежали в гробу более двадцати лет, я не мог выбрать счастливого места для захоронения и заслуживаю тысячи смертей.

— Это мелкая вина,— сказал дух.

— В юности я развратничал со служанкой, а также заигрывал с певичками.

— Это мелкая вина,— сказал дух.

— Я иногда говорил чего не следует, любил подсмеиваться над чужими экзаменационными сочинениями.

— Это еще меньшая вина,— сказал дух.

— Если так, то другой вины за мной нет.

Взглянув на слуг, дух сказал:

— Пусть он увидит свое отражение.

Тотчас принесли большой таз с водой, я омыл лицо и вдруг словно прозрел. Я понял, что в прежнем своем рождении был человеком по фамилии Ян, имя мое было Чан. Когда-то вместе со своим другом я торговал в Хунани. Позарившись на его добро, я столкнул его в реку, и он утонул. Невольно задрожав, я упал ниц перед духом и сказал:

— Знаю свою вину.

— Ты все еще не прошел превращений[2]! — свирепо крикнул дух и стукнул рукой по столу. Ударил гром, небо обрушилось, земля раскололась, городские стены и здания, духи и бесы — все исчезло. Виден был только разлив вод без конца и края, и лишь я один в этом необъятном водном пространстве. Я плыл на зеленом листке. Не успел я подумать: «Листик легкий, а я тяжелый, почему же я не падаю с него?» — как увидел, что я превратился в личинку мухи: мои уши, глаза, рот, нос — все было меньше горчичного зернышка. Невольно я громко зарыдал и проснулся. Раз мне такое приснилось, могу ли я долго оставаться в живых?

Чтобы успокоить его, Шао Ю-фан сказал:

— Не горюйте, учитель, сны — вещь недостоверная.

Господин Чжун велел срочно приготовить все для похорон. Через три дня он скончался от неукротимой кровавой рвоты.

(6.) УПРЯМЕЦ С ГОРЫ НАНЬШАНЬ

Некий *сюцай*[1] Чэнь из Хайчана как-то уснул во время молитвы в храме Су-миня и ему приснилось, что Су-минь[2] открыл главные двери и пригласил его войти. *Сюцай* в нерешительности топтался на месте, но Су-минь сказал ему:

— В минувшие дни ты был моим последователем, и по правилам тебе положено входить в главные двери.

Куда ему сесть, *сюцай* не знал, поэтому он пропустил вперед духа-покровителя[3] уезда Танси, затем вошел еще какой-то дух в высокой шапке, но Су-минь приказал Чэню отбросить церемонии:

— Ты был моим последователем, и тебе положено сидеть на почетном месте.

Изумленный *сюцай* уселся. Су-минь и дух-покровитель Танси начали между собой тихий разговор, всего Чэнь разобрать не мог, но несколько фраз расслышал: «Умрет в Гуанси, выдвинется в Танси, упрямец с горы Наньшань прожил десять тысяч лет».

Дух-покровитель Танси сказал, что ему надо уходить, и Су-минь велел Чэню проводить его до дверей.

— Вы кое-что расслышали из моего разговора с достопочтенным Юем[4]? — спросил дух.

— Только несколько таких-то фраз,— ответил Чэнь.

— Настанет день, когда они сбудутся,— сказал дух.

Вернувшись, Чэнь увидел Су-миня, и тот сказал ему то же самое.

В испуге Чэнь проснулся. Он рассказал людям свой сон, но никто не мог понять, в чем тут дело.

Семья Чэня была бедная. Был у него двоюродный брат по фамилии Ли, которого назначили младшим помощником начальника одной области в Гуанси. Он хотел, чтобы Чэнь поехал с ним, но Чэнь не соглашался.

— Приснившийся мне дух сказал, что я умру в Гуанси. Если поеду с тобой, боюсь, будет беда,— сказал он.

— Вы ослышались,— возразил двоюродный брат.— Дух сказал: «начнет в Гуанси», а не «умрет в Гуанси». Если умрете в Гуанси, как же сможете выдвинуться в Танси?

Чэнь согласился с его доводами, и они поехали в Гуанси.

Двери, ведущие в западную часть помещения, отведенного младшему помощнику начальника области, были заперты, и никто не решался туда войти. Чэнь отпер двери, внутри оказался садик, беседка, цветы, камни. Чэнь приказал перенести туда его лежанку. Месяц с лишним все было в порядке, но в восьмую луну, в праздник Середины осени[5], он напился и запел в саду:

Луна светла, как вода,
осветила башню —

и вдруг услышал, как в воздухе кто-то захлопал в ладоши, засмеялся и пропел:

Луна светла, как вода,
затопила башню,

заменив таким скверным образом слово «осветила». Чэнь очень испугался, поднял голову и увидел старика в шляпе, сплетенной из лиан, в одежде из рогожи. Старик сидел на ветви платана. Весь дрожа от страха, Чэнь побежал к себе, чтобы лечь, но старик спрыгнул на землю и, удерживая Чэня, сказал:

— Не бойся, на свете водятся и утонченные бесы вроде меня.

Чэнь спросил, что он за дух. Старик ответил:

— Не скажу. Давай побеседуем о стихах.

Чэнь, заметив, что прическа и усы у старика такие, каких никто сейчас не носит, постепенно стал понимать, [с кем имеет дело]. Вошли в помещение; стали состязаться в сочинении стихов. Иероглифы, которые писал старик, все были в форме головастикового письма[6], Чэнь не мог как следует разобраться в них.

На его вопрос старик ответил:

— Я с детства привык так писать, а теперь, если бы мне и захотелось перейти на почерк *кайшу*[7], рука привыкла [к старому письму] и не послушается меня.

Детские годы, о которых упомянул старик, приходились на время еще до Нюй-ва[8].

С этих пор старик стал приходить каждую ночь, как свой человек.

Домашние младшего помощника начальника области Ли

часто видели, как Чэнь, держа в руках чашку с вином, пьет будто вместе с кем-то, находящимся в воздухе. Рассказали об этом Ли; тот тоже заметил, что Чэнь в каком-то странном состоянии, и упрекнул его:

— Вас опутали колдовскими чарами, боюсь, как бы не сбылись слова о смерти в Гуанси.

Вняв совету Ли, Чэнь решил вернуться домой, чтобы избавиться от старика. Но когда он поднялся на джонку, оказалось, что старик уже там. Другие люди его не видели. Путь лежал мимо Цзянси, и старик сказал:

— Завтра попадем в пределы Чжэцзяна, здесь наша с вами связь оборвется. Не могу не признаться вам, что я совершенствую свое *дао* уже десять тысяч лет, но бессмертия еще не достиг. Прошу вас вырезать из сандалового дерева в три тысячи *цзиней* фигуру женщины, в противном случае мне придется воспользоваться вашим сердцем и легкими.

Испугавшись, Чэнь спросил старика, как он совершенствует свое *дао*.

— Рублю топором телегу,— ответил старик.

Чэнь сообразил, что знаки «рубить топором» и «телега» составляют вместе[9] слово «казнить» и еще больше перепугался.

— Подождите, пока я вернусь домой и посоветуюсь кое с кем,— сказал он.

Прибыли в Хайчан. Чэнь рассказал обо всем своим родным и друзьям.

— Уж не этот ли оборотень упрямец с горы Наньшань, о котором говорил Су-минь? — решили они.

На следующий день, когда пришел старик, Чэнь спросил его:

— Не на горе ли Наньшань находится ваш дом?

Старик изменился в лице и злобно воскликнул:

— Ты не мог этого сам узнать, наверняка какой-то негодяй тебя научил!

Чэнь рассказал об этом своим друзьям, и те решили: раз так, надо его стащить в храм Су-миня!

Чэнь так и сделал, но, когда дошли до храма, старик переменился в лице и повернул назад. Чэнь схватил его обеими руками и насильно втащил в храм. Старик издал протяжный свист и взмыл в небо.

С тех пор оборотень больше не показывался.

Впоследствии Чэнь указал местом своего рождения Танси[10], в конце концов он получил степень *цзиньши*[11], на экзаменах в столице ему присвоили звание *чжуанъюаня*[12].

(7.) НАЧАЛЬНИК УЕЗДА ФЭНДУ

В народе говорили, что уезд Фэнду в Сычуани — пограничное место для людей и бесов[1]. В уезде есть колодец, куда каждый год бросали сжигаемые связки бумажных денег стоимостью три тысячи золотом; это называлось вносить денежный налог Царству мертвых. Те, кто скупился, обязательно заболевали во время эпидемий.

Когда установилась нынешняя династия[2], [в Фэнду] приехал Лю Ган, назначенный на должность начальника уезда. Услыхав [о местном обычае], он запретил его. К нему пришла целая толпа возмущенных людей, но Лю Ган твердо стоял на своем.

— Если сумеете разъяснить это духам и бесам, тогда можно,— говорили ему люди.

— А где же духи и бесы? — спросил Лю Ган.

— Духи и бесы обитают на дне колодца, к ним никто не решается спуститься,— ответили ему люди.

— Для того чтобы сохранить жизнь народу, не жалко и погибнуть. Я должен сам спуститься туда,— решительно заявил Лю Ган.

Он приказал своим слугам принести длинную веревку, обвязать его и спустить в колодец. Все пытались удержать его, но он [никого] не слушал.

Секретарь его, Ли Шэнь, был человеком выдающейся храбрости.

— Я хотел бы сам взглянуть на духов и бесов и понять, что они собой представляют,— сказал он начальнику,— позвольте мне спуститься с вами.

Лю Ган не соглашался, но Ли Шэнь настаивал на своем, и его тоже обвязали веревкой и спустили в колодец. Когда они опустились на глубину более пяти чжанов, стало гораздо светлее, все блестело, как при свете дня. Открывшиеся их взору городские стены и здания точь-в-точь походили на те, что в мире живых; жители же были маленького роста и при солнечном свете не отбрасывали тени; ходили они по воздуху и сами говорили, что те, кто находятся здесь, не знают, что существует земля. Увидев начальника уезда, они низко поклонились ему и спросили:

— Зачем изволил пожаловать Солнечный чиновник[3]?

— Я прошу освободить народ, живущий под солнцем, от денежного налога Царству мертвых,— ответил Лю Ган.

Тут духи зашумели и позвали какого-то мудреца.

Приложив ко лбу руки[4], тот сказал Лю Гану:

— Об этом деле надо посоветоваться с Бао Яньло[5].

— А где господин Бао? — спросил Лю Ган.

— Во дворце.

И Лю Гана повели во дворец. Это было величественное здание, где восседал некто в головном уборе, украшенном жемчужными нитями; лет ему было за семьдесят, держался он с величавым достоинством.

— Прибыл начальник некоего уезда! — закричали духи.

Господин Бао спустился по ступенькам навстречу Лю Гану, приветствовал его и усадил на почетное место.

— Пути Света и Тьмы различны,— сказал он.— Зачем вы пожаловали?

Лю Ган поднялся, сложил для приветствия руки и ответил:

— В уезде Фэнду много лет подряд засуха, силы народа истощены, он не в состоянии вносить даже установленные двором императора государственные налоги. Как же может он платить денежный налог Царству мертвых, да еще выплачивать арендную плату? Рискуя жизнью, я, начальник уезда, пришел просить сохранить жизнь народу.

Бао улыбнулся:

— В мире есть подлые буддийские монахи и негодные даосы, которые, ссылаясь на духов, заставляют людей поститься, совершать моления с возлияниями и так разоряют людей, что не уступят целому сонму бесов и духов. У живых и мертвых пути различны, одни не могут понять других. Разорвите путы клеветы [на нас], объявите открыто, кто причиняет ущерб народу. Даже если бы вы и не пришли сюда, никто не посмел бы пойти вам наперекор, а тем более теперь, когда вы проявили такое человеколюбие и смелость.

Он еще не договорил, как вдруг с неба спустилось красное сияние. Бао поднялся и сказал:

— Прибыл Великий государь, ниспровергающий бесов[6], скройтесь на время.

Лю Ган попятился в соседнее помещение.

Вскоре спустился Гуань, в зеленом халате, с длинной бородой. Он и Бао обменялись приветствиями, приличествующими гостю и хозяину, и начали долгий разговор, который не был слышен [Лю Гану].

— У вас тут пахнет духом живого человека, как это случилось? — спросил вдруг Гуань. Бао объяснил ему.

— Если так,— сказал Гуань,— то это мудрый начальник уезда. Я хочу поглядеть на него.

Лю Ган и его секретарь Ли, испуганные, вышли и низко

поклонились. Гуань удостоил их приглашения сесть, вид при этом у него был очень ласковый, и он подробно расспрашивал о современных событиях, только не говорил о путях живых и мертвых. И вдруг Ли по простоте душевной спросил:

— А где князь Юань-дэ[7]?

Гуань не ответил, вид у него стал очень недовольный, даже волосы от ярости поднялись под шапкой дыбом; он попрощался и ушел.

Очень встревоженный Бао сказал Ли:

— Ты непременно будешь убит ударом грома, и я не смогу спасти тебя. Как можно было такое спрашивать! Да еще при людях. Назвал его государя по прозвищу!

Лю Ган стал просить Бао сжалиться над Ли. Бао ответил:

— Я могу только быстрее умертвить его, чтобы молния не сожгла труп.— Он вынул из шкатулки яшмовую печать размером более квадратного чи и на спине халата Ли поставил оттиск печати. Лю Ган и Ли отбили прощальные поклоны, тогда их вытащили [из колодца]. Только они оказались у южных ворот Фэнду, как Ли хватил удар, и он умер. Немного погодя ударил гром, сверкнувшая молния обежала вокруг трупа, вся одежда Ли сгорела дотла, только то место на спине, где стояла печать, уцелело.

(8.) МЕСТЬ ЧЕРЕПА

У Сунь Цзюнь-шу из Чаншу был подлый характер; он любил оскорблять духов и поносить бесов. Как-то раз, гуляя с другими людьми в горах, он почувствовал потребность сходить по большой нужде. Смеха ради присел на заброшенной могиле прямо над черепом, так что черепу пришлось наглотаться извергнутого им.

— Ешь, разве не вкусно,— приговаривал Цзюнь-шу, на что череп, широко раздвинув челюсти, ответил:

— Вкусно.

Охваченный ужасом Цзюнь-шу бросился бежать, череп — за ним, катясь по земле, как колесо. Цзюнь-шу добежал до моста, череп не мог туда подняться; поднявшись на мост, Цзюнь-шу оглянулся и увидел, что череп покатился на свое прежнее место. Цзюнь-шу вернулся домой бледный, как мертвец, и сразу же заболел. Он все время глотал свои испражнения, крича сам себе:

— Ешь, разве не вкусно?

Поев, он извергал съеденное, а извергнутое ел снова. Через три дня он умер.

(9.) ЧЕРЕП ДУЕТ

Минь Мао-цзя из Ханчжоу любил играть в шашки. Его учитель, некий Сунь, часто с ним играл. В шестую луну пятого года правления под девизом Юн-чжэн * стояла сильная жара. Минь пригласил к себе Суня и еще четырех приятелей и по очереди играл с ними. Закончив партию, Сунь сказал:

— Я устал, пойду немного посплю в восточном флигеле. А вернусь — и наверняка выиграю.

Прошло немного времени, и из восточного флигеля послышались крики. Минь и четверо его приятелей бросились туда — узнать, в чем дело. Смотрят — а Сунь лежит на полу и по его подбородку течет слюна. Они напоили его имбирным отваром, и Сунь пришел в себя. Тогда они стали спрашивать, что с ним случилось.

— Я прилег на лежанку вздремнуть,— сказал Сунь,— и вдруг почувствовал, что у меня замерз кусочек спины, величиной с грецкий орех. Постепенно место, где ощущался холод, стало длиной со стебель травы, вскоре оно доросло уже до половины циновки, холод пронзил меня до самого сердца, но я не понимал, отчего это. И вот под лежанкой я услышал какое-то недовольное бормотание, нагнулся, чтобы посмотреть, а там череп, широко раздвинув челюсти, дует на меня через циновку. От испуга я свалился с лежанки, а череп стал бодать меня. Только услышав ваши шаги, он исчез.

Приятели Миня предложили раскопать пол, но его домашние, боясь навлечь несчастье, не решились на это и просто заперли накрепко восточный флигель.

(10.) ГЕНЕРАЛ ЧЖАО ПРОНЗАЕТ ТОЛСТОКОЖЕЕ ЧУДИЩЕ

После того как генерал Чжао Лян-дун [1] подавил мятеж «трех дальних» [2], путь его лежал мимо Чэнду в Сычуани; здесь его принял начальник провинции и хотел поселить в доме местного жителя, но, увидев, что там тесно, генерал решил заночевать в резиденции судьи, находящейся к западу от города.

---

* 1727 г.

— Говорят, что резиденция заперта уже более ста лет,— сказал начальник провинции,— там водится много нечисти; не смею предоставить ее для вас.

— Во время усмирения мятежников я убивал людей без счета. Если бесы не лишены рассудка, им следует меня бояться,— засмеялся генерал Чжао.

Он послал слуг прибрать помещение, разместил сопровождавших его членов семьи во внутренних покоях, а сам расположился в одиночестве в главном зале и улегся спать. подложив вместо подушки длинный трезубец, которым пользовался в бою.

Наступила вторая стража[3]; крючки на пологе забренчали, и какое-то высокое существо в белой одежде, с большим отвисшим животом возникло перед постелью. Пламя свечей стало голубоватым и холодным. Генерал поднялся и крикнул свирепым голосом; чудище отступило на три шага, и пламя свечей снова стало ярким. Генерал увидел, что голова и лицо [чудища] очень похожи на распространенное в народе изображение Фансян шэня[4]. Он схватил свой трезубец и метнул в [чудище], тот спрятался на балке крыши, генерал снова метнул трезубец, но чудище бросилось бежать. Генерал преследовал его до боковой дороги, где тот исчез.

Возвращаясь домой, генерал почувствовал, что кто-то идет следом за ним, обернулся и увидел, что это то самое чудище, ухмыляясь, идет за ним по пятам.

Генерал пришел в ярость и закричал:

— Да есть ли еще на свете такое толстокожее чудище?!

Тут проснулись слуги и, схватив оружие, выбежали из дома. Чудище снова отступило и побежало по боковой дорожке в пустое помещение. Видно было, как взлетает песок и поднимается пыль, слышался треск, словно сюда собралась целая толпа таких же чудищ.

Добежав до центрального зала, чудище встало там, выпрямившись, и заняло самую выгодную позицию.

Генерал Чжао совсем рассвирепел и вонзил трезубец прямо в пупок чудища. Раздался треск, словно лопнул пузырь, и чудище исчезло; остались только два золотых глаза на стене, величиной с бронзовые тазы, от которых шло сияние, ослеплявшее людей.

Слуги бросились на них с мечами, но глаза превратились в горящие звезды, заполнившие все помещение. Сначала звезды были большими, потом уменьшились, пока совсем не исчезли.

На востоке уже стало светло, наступил день, и генерал

Чжао верхом на коне отправился рассказать чиновникам города о том, что видел. Все удивлялись, но что это было за чудище, так и не удалось узнать.

(11.) ЛИС-СТУДЕНТ СОВЕТУЕТ ЧЕЛОВЕКУ СТАТЬ БЕССМЕРТНЫМ

Сын генерала Чжао, господин Сян-минь[1], был генерал-губернатором Баодина. Как-то ночью он сидел и читал в западной башне. Двери были заперты, как вдруг кто-то тонюсенький пролез в оконную щель; дойдя до середины комнаты, начал тереть руками голову, потом руки и ноги и постепенно стал плотнее и круглее; на существе этом была головная повязка, красные туфли; сложив руки для приветствия, оно сказало:

— Я бессмертный лис-студент, живу здесь уже сто лет, меня удостаивали своим посещением многие известные люди, а теперь вот вы вдруг решили устроиться здесь для занятий. Я не смею оказать сопротивление чиновнику императора, поэтому и пришел просить указаний. Если вы обязательно хотите здесь заниматься, я должен буду переселиться, на это мне нужно три дня; если же вы проявите жалость и позволите мне по-прежнему жить здесь, то я попрошу вас запереть за собой двери, как это всегда делается.

Удивленный Чжао сказал с улыбкой:

— Ведь ты лис, как же можешь быть студентом?

— Все лисы,— услышал он в ответ,— удостаиваются права сдавать ежегодные экзамены матушке Тайшань[2]; те, кто овладел литературным стилем, становятся студентами, а недоучки остаются дикими лисами. Студенты могут достичь бессмертия, недоучки же не могут. Вы — знатный человек, и очень жалко, что не научились, как достичь бессмертия. Нам трудно этому научиться. Сначала мы учимся [принимать] человеческий облик, потом изучаем язык людей. Те, кто учится языку людей, сначала учат язык птиц; учащиеся языку птиц обязательно должны выучить язык всех птиц внутри всех девяти областей в пределах четырех морей[3]. Когда они овладеют этим, то могут понимать язык людей и обрести человеческий облик. На это уходит пятьсот лет. Людям легче научиться тому, как стать бессмертными, на это нужно пятьсот лет тяжкого труда, но знатным людям, а также литераторам, если они начнут учиться, как стать бессмертными, труда потребуется на триста лет меньше. Вы могли бы этому научиться; это — непреложная истина.

Господину Чжао понравились рассуждения лиса, и на следующий день он запер западную башню, уступив ее лису.

Обе эти истории[4] я узнал от начальника Чэньюани, чье посмертное имя было Чжао Чжи-юань[5], он был внуком генерала [Чжао Лян-дуна]. И еще он добавил:

— Мой отец потом жалел, что не спросил, какие же экзаменационные темы давала лисам матушка Тайшань.

(12.) НА ДУХА УМЕРШЕГО НАДЕВАЮТ КАНГУ[1]

Некий Ли из Хуайани жил со своей женой в полном душевном согласии, когда же ему перевалило за тридцать лет, он заболел и умер. Его положили в гроб, но жена не могла вынести мысли, что гроб заколотят, с утра до вечера лила слезы и все время открывала гроб, чтобы посмотреть на мужа.

В народе с древности рассказывают, что через семь дней после смерти человека является его дух. Даже самые близкие родственники Ли ушли из дома, только жена его не соглашалась уйти. Оставив сына и дочь в другой комнате, она сидела одна за пологом постели и ждала появления духа.

Когда пробили вторую стражу, налетел порыв холодного ветра, пламя светильника стало зеленоватым, и женщина увидела беса с красными волосами и круглыми глазами. Ростом он был более чжана, в руках у него была железная острога; с помощью веревки он втащил мужа женщины через окно в комнату. Но тут, заметив стоявшие перед гробом жертвенные закуски и вино, он положил острогу, бросил веревку, уселся и целыми пригоршнями стал отправлять еду в рот, запивая большими глотками вина; при каждом глотке в животе его слышался шум. Дух мужа ходил, притрагиваясь к старым, хорошо знакомым вещам, и печально вздыхал. Подойдя к постели, он приподнял полог. Жена, плача, обняла его, но почувствовала такой холод, словно ее обволокло ледяное облако. Красноволосый бес попытался оттащить мужа от жены, тогда она закричала так, что прибежали ее дети. Красноволосый бросился бежать, а жена и дети покойного положили его в гроб, и труп начал дышать. Тогда они перенесли его на постель, напоили рисовым отваром, и, когда наступил рассвет, он ожил. Железная острога, оставленная красноволосым бесом, оказалась бумажной.

Ли и его жена снова зажили вместе и прожили еще двадцать лет.

Когда жене Ли исполнилось шестьдесят лет, она моли-

лась в храме духа-покровителя города и, словно во сне, увидела двух стрелков из лука, которые тащили преступника с кангой на шее. Приглядевшись, она узнала в нем красноволосого беса.

— Из-за моего обжорства тебе удалось засадить меня на двадцать лет в кангу,— крикнул он ей со злостью.— Ну уж теперь, когда мы встретились, я не отпущу тебя!

Придя домой, женщина умерла.

(13.) ЧЖАН ШИ-ГУЙ

Командующий Чжан Ши-гуй из Аньчжоу, что в провинции Чжили, находя, что помещение в присутственном месте слишком тесное, купил дом к востоку от города. В народе говорили, что там водится нечисть. Чжан был человеком упрямым и во что бы то ни стало хотел там поселиться. Семью свою он тоже перевез туда.

Каждую ночь в главном зале слышались удары барабана, и домашние Чжан Ши-гуя были очень испуганы. Взяв с собой лук и стрелы, Чжан уселся в этом зале при свече. Когда воцарилась ночная тишина, на потолочной балке вдруг показалась чья-то голова: смотрит искоса и ухмыляется.

Чжан выпустил в нее стрелу, тогда все тело свалилось на землю; коротенькое, черное, толстое, живот огромный, как тыква-горлянка вместимостью пять даней. Стрела Чжана попала в самый пупок и вошла внутрь на чи с лишним. Бес потер руками живот и сказал со смехом:

— Удачный выстрел. А ну стрельни еще разок,— и продолжал потирать живот и посмеиваться.

Чжан громко крикнул, сбежались домашние. Тогда бес поднялся на балку и исчез, бранясь.

На следующий день, когда рассвело, тяжко заболела жена Чжана и умерла, а к вечеру умер и его сын.

Тела их положили в гробы, Чжан горько оплакивал их и терзался раскаянием. Прошел месяц с лишним, и вдруг Чжан услышал чьи-то стоны внутри второй стены; пошел посмотреть, а там его жена и сын. Чжан напоил их имбирным отваром, и они пришли в себя.

На вопросы Чжана они ответили:

— Мы не умерли, а были в каком-то смутном состоянии, словно во сне, нам привиделись две большие черные руки, втолкнувшие нас сюда.

Чжан открыл гробы, а там — никого.

Тогда он понял, что и в смерти у людей есть своя судьба;

даже если злой бес будет несправедливо обижен [человеком], он сможет только насмехаться над ним, но убить не сможет.

(14.) ДУ ИЗ ПАЛАТЫ РАБОТ

Некий Ду из Сычуани в год *дин-си* правления под девизом Цянь-лун * получил степень *цзиньши* и был назначен на должность начальника отдела палаты [работ]; было ему тогда за пятьдесят лет, и он вторично женился на женщине из Сянъяна.

В вечер их свадьбы собрались сослуживцы Ду из палаты работ. Когда церемония была закончена, Ду хотел войти в комнату, но увидел, что на свадебной свече сидит на корточках мальчик ростом в три-четыре цуня и дует изо всех сил, стараясь потушить свечу. Ду крикнул, мальчик убежал, и обе свечи погасли.

Удивленные гости увидели, что Ду переменился в лице и пот льет с него ручьями. Служанки помогли ему подняться на постель, и он начал показывать рукой то на потолок, то на пол, то направо, то налево.

— Там человеческая голова,— сказал он.

Пот продолжал литься с него еще обильней, язык не повиновался, и в тот же вечер Ду умер.

Когда новобрачная выходила из паланкина, ее встретила женщина с растрепанными волосами и спросила:

— Хочешь вырезать личную печать?

Удивившись столь несообразному вопросу, новобрачная ничего не ответила. Когда же скончался Ду, она поняла, что ей встретилась нечисть. После смерти Ду его душа вошла в тело жены, за едой хватала ее за горло и вопила: «Не могу расстаться!»

Однокашник Ду, Чжоу Хуань, служивший в академии Ханьлинь, приняв строгий вид, выругал душу покойного:

— Господин Ду, как вы можете так нелепо вести себя? Вы умерли, какое теперь имеете касательство к супруге, а вы еще требуете ее жизни!

Дух громко зарыдал и умолк.

И жена сразу поправилась.

(15.) ХУ ЦЮ ДЕЛАЕТСЯ МЯЧОМ ДЛЯ БЕСА

У секретаря государственного совета Фан Бао[1] был слуга Ху Цю лет тридцати с лишним. Он сопровождал Фан Бао

* 1737 г.

в Чжили, где тот редактировал книги в Уиндянь[2]; Ху Цю ночевал в зале Юйдэ. Ночью, когда пробили третью стражу, он увидел, как двое людей, неся носилки, спускаются с лестницы. Луна светила ярко, было светло, как днем, и Ху Цю увидел, что люди эти черного цвета, на них надеты халаты с короткими рукавами и узкими полами.

Ху Цю испугался и бросился бежать, но, повернув к восточному входу, он увидел духа в красном халате и черной головной повязке, ростом выше чжана, и тот подбросил его подошвой своего сапога так, что Ху Цю откатился к западному входу, где уже находился другой дух, точно такого же вида, как первый. Он тоже поддал Ху Цю ногой, и тот откатился к восточному входу; они поступали с Ху Цю так, словно это был мяч, а он изнемогал от боли. Только когда пробили пятую стражу и закричал петух, духи ушли.

Измученный Ху Цю лежал на земле, где его и нашли утром. Все тело его было в синяках, и поправился он только несколько месяцев спустя.

(16.) ТРЕТИЙ СЫН РЕЧНОГО ГОСУДАРЯ

Сучжоуский *цзиньши* Гу Сань-дянь[1] любил есть морских черепах. Рыбаки знали об этом, и каждый, кому попадалась большая черепаха, обязательно нес ее продавать в дом Гу.

Как-то ночью теще Гу, госпоже Ли, приснилось, что человек в металлическом панцире жалобно молит ее: «Я третий сын речного государя. Некто поймал меня для вашего зятя. Если отпустите меня, то я ни в коем случае не забуду вас отблагодарить».

Утром Ли велела служанке бежать спасать черепаху, но повар уже разрубил ее на куски.

В том же году в доме Гу без всякой причины возник пожар, во время которого погибли картины и книги. В вечер накануне пожара домашний пес вдруг встал на задние лапы, как человек, а передними поднес хозяину чашу с водой. И еще — на стене комнаты вдруг появился облик предка Гу, словно нарисованный.

Понимающие люди говорили: «Это символ того, что сила *инь*[2] не одолеет силу *ян,* быть пожару». И так ведь и вышло!

(17.) ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ВДОВА ТЯНЬ

Господин Сюй Ши-линь[1], военный губернатор провинции Цзянсу, по природе своей был человеком высокопорядочным

и прямым. Когда он был начальником области Аньцин, то, войдя однажды вечером в свою канцелярию, увидел при свете луны женщину. Черная повязка закрывала ей голову и спускалась на плечи так, что разглядеть черты ее лица было невозможно. Женщина стояла в почтительной позе на коленях за дверью, словно несправедливо обиженная душа. Господин Сюй понял, что перед ним дух, и приказал писарям возгласить: «Дух несправедливо обиженной может войти!»

Женщина нерешительно вошла, стала на колени у ступеней и заговорила слабым, как у ребенка, голосом. Она сказала, что фамилия ее Тянь, когда она осталась вдовой, то строго блюла себя, но брат ее покойного мужа Фан-дэ, надеясь нажить состояние, принуждал ее выйти вторично замуж и довел ее до того, что она повесилась.

Господин Сюй приказал привести брата мужа на очную ставку с духом женщины. В начале допроса тот ни в чем не признавался, но когда он повернул голову и увидел женщину, то страшно испугался и рассказал все, как было. Тогда господин Сюй отдал распоряжение считать ее духом этой области и воздвигнуть мемориальную доску в честь добродетельной вдовы Тянь.

Министр Чжао Го-линь[2] из Тайани в бытность свою военным губернатором упрекал господина Сюя, сказав, что достаточно было допроса и незачем было полагаться на показания духов и бесов.

Господин Сюй был очень смущен, но ведь история эта была достоверная и скрыть ее было невозможно.

Еще до этого случая господин Сюй как-то ехал в столицу. Случайно встреченный им попутчик внезапно закричал, что у него разболелась спина; он упал на колени посреди дороги и, отбивая поклоны, сказал:

— Я — разбойник-конокрад, позарясь на ваше имущество, хотел зарубить вас, но вдруг на меня набросился дух в золотом панцире и стал наносить мне такие удары, что я свалился на землю. Быть вам выдающимся человеком, господин,— сказав это, он испустил дух.

(18.) БЕСОВКА, НАДЕВ ПЛАТЬЕ, ПОПАДАЕТ В СЕТИ

Женой жителя уезда Шучэнь, что в области Лучжоу, некоего Чэня, овладела бесовка; то за горло ее схватит, то затянет веревкой шею. Посторонним это не было видно, а женщина очень мучилась. Однажды, когда та разодрала ей шею

под воротником, муж дал жене связку персиковых прутьев и сказал:

— Как заявится, отхлещи ее.

Бесовка рассердилась и стала еще сильнее терзать женщину. Муж не знал, что и придумать. Он отправился в город, отыскал там даоса Е, вручил ему два десятка золотых и привел к себе домой. Даос установил в доме алтарь и приступил к делу; по всем четырем сторонам он развесил восемь триграмм [1], а в середине поставил небольшой кувшин, из пятицветной бумаги вырезал множество разных платьев и положил их по бокам кувшина; потом начал читать заклинания. Прошло часа три, и женщина сказала:

— Бесовка пришла, в руке у нее свиное мясо.

Муж стал хлестать связкой персиковых прутьев, и с воздуха на пол упало несколько кусков свинины.

— Если она согласится надеть [вырезанные] мною из бумаги платья, легче будет ее обуздать,— сказал даос женщине.

Вскоре бесовка стала брать платья, а женщина нарочно крикнула:

— Не дам тебе воровать одежду.

— Такую красивую одежду следует носить мне,— со смехом сказала бесовка и стала все надевать на себя.

Одежда тут же превратилась в сети, которые слой за слоем опутали бесовку, сначала свободно, а потом затянулись, так что она не могла из них выпутаться.

Даос написал амулет, прочел заклинания, затем взял чашку со святой водой и ударил бесовку по голове. Вода вылилась, но чашка не разбилась. Бесовка метнулась на восток [2], но чашка ударила ее с востока; бесовка — на запад, и чашка туда же. Чашка разбилась, и голова бесовки треснула. Тотчас же даос втолкнул ее в кувшин, закрыл ее пятицветной бумагой и запечатал своей печатью [3]; кувшин он зарыл под персиковым деревом, а потом написал еще два амулета, скатал два шарика из красного ароматного порошка и отдал их женщине со словами:

— У этой бесовки еще есть муж. Недели через две он непременно придет, чтобы отомстить за нее. Кинешь в него эти [шарики], и тогда тебе нечего опасаться.

И действительно, через некоторое время явился рассвиреневший муж бесовки. Женщина сделала, как велел даос, и бес обратился в бегство.

(19.) А-ЛУН

Сюй Ши-цю из Сучжоу жил в Муду и в юности занимался в доме Хань Ци-у[1]. У Ханя был слуга по имени А-лун, было ему двадцать лет. Он усердно прислуживал в помещении для занятий. Однажды вечером, когда Сюй занимался в башне, он приказал А-луну спуститься и принести ему чаю. Вскоре А-лун вернулся, весь бледный, и сказал:

— Под башней я [только что] видел человека в белом, который бродит там с видом безумного; я окликнул его, но он не отозвался, наверное, это бес.

Сюй Ши-цю рассмеялся и не поверил.

На следующий вечер А-лун побоялся подняться на башню; Сюй велел слуге Лю заменить его. Когда наступила вторая стража, Лю спустился за чаем, наступил на что-то ногой и растянулся на земле. Поглядел, а это А-лун лежит мертвый под лестницей. На крик Лю и Сюй Ши-цю и Хань Ци-у пришли узнать, в чем дело. На шее А-луна были иссиня-черные, величиной с листья ивы следы пальцев. Уши, глаза, рот и ноздри А-луна были залеплены желтой грязью, но он еще дышал. Его напоили имбирным отваром, и он ожил.

— Когда я спустился с лестницы,— рассказал А-лун,— тот, вчерашний, в белой одежде стоял как раз у меня над головой, на вид ему лет сорок с лишним, короткая борода, лицо черное; он разинул рот и высунул язык длиной больше чи; я хотел крикнуть, а он стал меня бить, схватил руками за горло; а рядом с ним был еще какой-то старик с седой бородой и в высокой шапке. Он почтительно сказал: «Он еще молод, не надо бы его обижать». В это время я уже готов был испустить дух, как вдруг этот Лю споткнулся об меня, и тот в белом бросился прочь.

Сюй приказал слугам отнести А-луна на постель; а на постели сверкало несколько десятков каких-то странных огней, похожих на гигантских светлячков, не исчезавшие до самого рассвета. На следующий день А-лун стал бредить, ничего не ел; тогда господин Хань позвал знахарку, чтобы она осмотрела больного.

— Возьмите красную кисть из кабинета уездного начальника и напишите ею на сердце больного знак «прямой», на шее — знак «нож» и на обеих руках — по знаку «огонь», тогда, может быть, он поправится.— Господин Хань сделал все, как она сказала. Когда кистью на левой руке выводили знак «огонь», А-лун широко открыл рот и закричал:

— Не жгите меня, я уйду и так!

С тех пор чудеса прекратились, и А-лун все еще жив.

(20.) ДА ЛЭ ШАН-ЖЭНЬ

Буддийский монах из обители Шуйлу в Лояне по прозвищу Да Лэ Шан-жэнь был очень богат, а сосед его, некий Чжоу, исполнявший трудовую повинность в уезде, был беден. Налоги и арендная плата совсем его обескровили, и каждый раз, когда подходил срок уплаты, он брал взаймы у Да Лэ Шан-жэня; за несколько лет долг его составил семь лянов. Шан-жэнь знал, что Чжоу не может расплатиться с ним, и не требовал долг; Чжоу был очень тронут великодушием Шан-жэня и каждый раз, встречаясь с ним, обязательно говорил:

— Я не могу отплатить за ваши милости, но когда умру, то превращусь в осла или лошадь и отблагодарю вас[1].

Шло время, и вот однажды вечером кто-то сильно постучал в двери. Шан-жэнь спросил, кто там.

— Это Чжоу, пришел поблагодарить вас за ваши милости,— ответили ему.

Шан-жэнь открыл дверь, но никого не увидел. Он решил, что над ним кто-то подшутил.

В эту ночь его ослица родила осленка; на следующее утро Шан-жэнь пошел к Чжоу и [узнал, что] тот действительно умер[2]. Когда Шан-жэнь подошел к ослице, новорожденный осленок поднял голову и стал задирать ноги, словно узнал его.

Шан-жэнь уже год как ездил верхом на этом осленке, когда один приезжий из Шаньси заночевал в обители. Ему так полюбился ослик, что он попросил продать его, но Шан-жэнь не согласился, не объяснив причины [отказа].

— Ну если так,— сказал приезжий,— одолжите мне его, чтобы я съездил в такой-то уезд на одну ночь.

Шан-жэнь согласился. Приезжий оседлал ослика, сел на него и засмеялся:

— Я перехитрил монаха. Мне этот осел полюбился, и вряд ли я его верну. Деньги за него я положил на твой стол. Можешь вернуться и взять их.

Не оглядываясь, он уехал.

Не зная, что делать, Шан-жэнь вернулся в обитель, взглянул на стол, а на нем семь лянов — как раз сумма долга.

(21.) ВАН-ЭР ИЗ ШАНЬСИ

Господин Сюн Ди-чжай, член палаты ученых[1], рассказывал мне, что в годы правления под девизом Кан-си[2], прогуливаясь по столице вместе с советником Чэнь И[3] и неким Цзи— помощником начальника цензората, он устроил пирушку в храме Баогосы[4]. Все трое рано достигли высокого положения, любили роскошь и веселье и очень досадовали на то, что с ними нет знаменитых певичек.

Решили послать человека за одной шаманкой, чтобы она украсила их пирушку исполнением песен *янгэ*[5].

Когда шаманка кончила петь, она вдруг почувствовала, что вся распухла, словно больная водянкой, и вышла помочиться под стену храма. Вскоре она вернулась с выпученными глазами и, упав на колени перед тремя господами, закричала:

— Я — Ван-эр, родом из Шаньси. В такой-то день такой-то луны такого-то года меня убил хозяин постоялого двора Чжао-сань, позарившись на мое имущество. Тело мое он зарыл под стеной этого храма. Молю трех великих сановников сообщить за меня о причиненной мне обиде.

Все трое в испуге переглядывались, не решаясь вымолвить ни слова. Наконец Сюн сказал:

— Это дело подведомственно начальнику городского района Юю, не нам о нем судить.

— Сейчас на должности начальника этого района достопочтенный Юй,— сказала шаманка,— он дружен с господином Сюном, и если господин Сюн передаст ему просьбу, то этого будет достаточно, чтобы достопочтенный Юй прибыл сюда и вырыл останки.

— Это серьезное дело,— возразил Сюн,— голословному утверждению не поверят, как же я могу [взять это на себя]?

— Вообще-то мне самому следовало бы изложить все обстоятельства дела,— сказала шаманка,— но тело мое сгнило, так что мне пришлось воспользоваться устами живого человека. Вы, достопочтенные господа, найдете способ сделать все за меня.

Проговорив это, шаманка упала ничком на землю и долго не приходила в сознание; когда стали ее расспрашивать, она ничего больше не сказала.

Трое сановников стали рассуждать: «Как можем мы за духа погибшего человека жаловаться на несправедливо причиненную ему обиду; да ведь и сама-то жалоба не достоверна. Но все-таки завтра пригласим сюда начальника город-

ского района Юя выпить с нами, позовем и эту женщину. Пусть он допросит ее, тогда и узнает про жалобу».

На следующий день они пригласили на угощение в храм достопочтенного Юя и рассказали ему о причине [приглашения]. Вызвали шаманку, но она очень испугалась и отказалась прийти. Тогда Юй послал за ней слуг, и ее привели. Как только шаманка вошла в храм, она сразу же стала говорить и вести себя, как накануне.

Достопочтенный Юй приказал городским властям копать у стены; там обнаружили труп с раной на шее.

Стали допрашивать местных жителей, и те рассказали, что в прошлом эта стена примыкала к постоялому двору, владельцем которого был Чжао-сань, уроженец области Цзинань, что в Шаньдуне. В таком-то году он вдруг закрыл свой постоялый двор и поспешно уехал в Шаньдун.

В Цзинань была послана официальная бумага со специальным курьером.

Действительно, там был такой человек, но в день прибытия бумаги этот Чжао-сань исчез.

(22.) БОЛЬШОГО СЧАСТЬЯ НЕ ИЗБЫТЬ

В Сучжоу жил некий человек по фамилии Ло, лет ему было двадцать с чем-то. В первый день Нового года ему приснилось, что его покойный дед говорит ему: «В такой-то день десятой луны ты умрешь, этого никак не избежать. Так что поспеши уладить все свои дела».

Проснувшись, Ло рассказал о своем сне домашним, и те перепугались.

Когда подошел назначенный срок, домашние окружили Ло и смотрели на него, но он чувствовал себя совершенно здоровым; наступил вечер, но ничего не случилось, и домашние решили, что сну нельзя верить.

После того как пробило вторую стражу, Ло вышел помочиться у стены. Прошло много времени, а он все не возвращался. Домашние вышли искать его и увидели на земле одежду Ло. Принесли светильники и нашли Ло, лежавшего замертво шагах в десяти от одежды. Дыхание еще как будто теплилось, и они не решились обряжать его как покойника.

На следующий день Ло ожил и рассказал домашним следующее.

— Это дело рук несправедливо обиженной. Я совратил служанку моей жены — Сяо-чунь, а когда она забеременела, отрекся от нее. В результате моя жена забила ее до смерти,

допрашивая под палками. Сяо-чунь пожаловалась судье Царства мертвых, и ее послали за мной. В то время, когда я стоял у стены, она сорвала с меня одежду, как это сделал я с ней в свое время, голова у меня закружилась, и я почти лишился чувств. Мы прибыли с ней в Царство мертвых, в канцелярию духа-покровителя города. Там хотели сразу провести дознание, но как раз в это время вскрылось, что в ее прошлой жизни было какое-то другое дело, и ее повели к духу-покровителю Шаньси.

Чиновники Царства мертвых не хотели задерживать меня под стражей и поэтому велели мне вернуться в мир живых. Но боюсь, что мне все равно не удастся спастись.

— Ты спрашивал о том, как будет в этом мире? — спросил Ло его отец.

— Я понял, что мне не избежать смерти,— ответил Ло,— и, боясь, что некому будет кормить моего отца, спросил караулившего меня слугу: «Что же будет с моим отцом?» Тот засмеялся и сказал: «Ну, раз ты такой почтительный сын, так твоему отцу не избыть большого счастья».

Услыхав это, домашние порадовались за старика, и сам старик был очень доволен. Но не прошло и месяца, как он весь распух и умер. Живот у него стал огромный, как тыква-горлянка. Тогда только поняли, что под словами «большое счастье» подразумевался «большой живот» [1]. Прошло три года, и сын его тоже умер.

(23.) КУМИРНЯ ГУАНЬ-ИНЬ [1]

Мой сослуживец, достопочтенный Чжао, которому дали посмертное имя Тянь-цзюе, рассказывал, что, когда он служил начальником Гоужуна, ему пришлось как-то раз поехать в деревню, чтобы осмотреть труп.

Наступил вечер, и Чжао заночевал в старом храме. Ему приснилось, что старуха с растрепанными волосами и с лицом, покрытым пылью, встала перед ним и попросила: «Вань Лань держит меня за горло, вы сановник и должны спасти меня».

Проснувшись в испуге, Чжао широко раскрыл глаза. Перед светильниками мелькнуло что-то неясное, он поспешно вскочил, хотел поймать, но никого не было.

Прогуливаясь следующим утром, Чжао заметил, что рядом с храмом стоит кумирня Гуань-инь. Стоящая слева [от изображения Гуань-инь] статуя была как две капли воды похожа на старуху, явившуюся ему во сне.

Перед кумирней был узенький проулочек, ведший к жилому дому.

Чжао позвал монаха и спросил его:

— Есть в вашей деревне Вань Лань?

— А вот его дом, перед кумирней,— ответил монах.

Позвали Вань Ланя. Чжао спросил его:

— Этот дом оставлен тебе предками в наследство?

— Нет,— ответил Вань Лань.— Прежде этот дом служил входом, ведущим к главным воротам в кумирне Гуань-инь. В первую луну этого года монах из кумирни продал его мне за двадцать золотых.

Чжао ничего не сказал о своем сне, откупил у Вань Ланя дом за двадцать золотых и отдал кумирне. Он приказал еще и отремонтировать дом.

В это время Чжао было уже за сорок лет, но потомства у него не было. Через несколько месяцев его жена понесла.

В вечер перед родами Чжао приснилось, что снова пришла та старуха с ребенком на руках, которого она и передала Чжао.

Когда жена Чжао проснулась, оказалось, что ей приснилось то же самое.

У них родился сын.

(24.) ЧАН-ГЭ ЖАЛУЕТСЯ НА НЕСПРАВЕДЛИВУЮ ОБИДУ

В третий день восьмой луны шестнадцатого года правления под девизом Цянь-лун * при инспекции дворца было замечено, что пропало несколько безделушек, выставленных на горе Цзиншань [1]. Чиновник дворцового управления заподозрил в краже рабочих, переносивших землю. Он вызвал несколько десятков надзирателей и стал их допрашивать.

Один из них вдруг упал на колени и сказал:

— Я — Чан-гэ, служил в знаменных войсках, мне было двадцать лет, я приехал в город кое-что купить. Рабочий Чжао-эр сделал мне гнусное предложение и, когда я отказался, зарезал меня своим ножом. Труп мой закопан за воротами, там, куда свозят кучи древесного угля. Дома у меня остались отец и мать, они ничего не знают об этом. Молю высокого сановника выкопать доказательство, чтобы обида моя стала известна.

Сказав это, человек упал ничком на землю. Вскоре он пришел в себя, вскочил на ноги и заявил:

---

* 1751 г.

— Я и есть Чжао-эр, я — убийца Чан-гэ.

Посмотрев на него, чиновник дворцового управления понял, что это тот, о ком говорил дух обиженного, и передал дело в палату наказаний.

Труп выкопали, вызвали родителей, те сказали:

— Наш сын уже месяц как пропал, но мы не знали, что он погиб.

Стали допрашивать Чжао-эра, он чистосердечно рассказал обо всех обстоятельствах дела.

Из палаты наказаний доложили:

«Чжао-эр признался в своем злодеянии, и получается так, словно он добровольно пришел с повинной. По обычаю полагается смягчить наказание. Однако, учитывая сказанное духом обиженного, ссылаться на обычай неудобно. Предлагаем казнить немедленно».

Приговор был высочайше утвержден.

(25.) ТОРГОВЕЦ КОНТРАБАНДНОЙ СОЛЬЮ ИЗ ПУЧЖОУ

Юэ Шуй-сюань[1], проезжая мимо соляного пруда в Пучжоу, увидел в храме Гуань-шэня[2] изображение князя Чжан Хуаня[3], сидевшего вместе с Гуанем лицом к югу; сбоку находилась фигура генерала Чжоу[4], взгляд у него был свирепый, в одной руке он держал железную цепь, в другой ветку гнилого дерева, почему — непонятно.

Указав на [изображение], местный житель сказал:

— Это — торговец контрабандной солью.

Юэ попросил объяснения, и тот сказал:

— При династии Сун, в годы правления под девизом Юань-ю*, воду из соляного пруда кипятили несколько дней, но соль не выпаривалась. Торговец в страхе и смятении стал молиться в храме; ему приснилось, что Гуань-шэнь сказал ему: «Твоим соляным прудом завладел Чи Ю[5], поэтому соль и не выпаривается. Я принимал приносимых мне в жертву животных и должен сам навести порядок, но если с духом Чи Ю я могу справиться, жену его, которую зовут Сяо[6], женщину крайне свирепую, я обуздать не могу. Надо, чтобы пришел мой побратим Чжан И-дэ[7], тогда мы сможем поймать и обуздать их. Я уже послал за ним человека в Ичжоу[8]».

[Торговец] в смятении проснулся. А когда рассвело, [все] увидели, что в храме прибавилось изображение [Чжан] Хуа-

* 1086—1093 гг.

ня. В этот вечер бушевал ветер и гремел гром; гнилое дерево повалилось на железную цепь.

На следующий день соль стала выпариваться из воды, и ее было в десять раз больше, чем обычно.

Тогда [Юэ Шуй-сюань] понял, что нынешнее выражение «торговец контрабандной солью» ведет свое начало от этой истории.

(26.) ДУША ДЕВУШКИ ИЗ ЛИНБИ ВОЗРОЖДАЕТСЯ В ЧУЖОМ ТРУПЕ

Когда Ван Янь-тин был начальником уезда Линби, в одной деревне жила жена крестьянина по фамилии Ли. Лет ей было тридцать, была она уродливая, слепая, да еще и водянкой болела лет десять, живот у нее вздулся, как у свиньи. Однажды вечером она умерла. Муж отправился в город, чтобы купить гроб. Когда гроб доставили и хотели уложить в него женщину, она ожила.

Глаза у нее стали ясные и живот совсем спал. Муж, обрадовавшись, приблизился к ней, но она резко оттолкнула его и, плача, сказала:

— Я — девица Ван из такой-то деревни. Я еще не замужем. Как я оказалась здесь? Где мои родители и сестры?

Объятый испугом, крестьянин поспешил сообщить в ту деревню, а там вся семья оплакивала младшую дочь, тело которой они уже захоронили.

Родители как сумасшедшие примчались в дом Ли. Увидев их, девушка со слезами стала их обнимать, говорила о событиях их обыденной жизни, и все совпадало с действительностью.

Семья ее будущего мужа тоже пришла проведать ее, она покраснела, словно была сильно смущена.

Обе семьи стали спорить из-за нее; обратились к властям. Ван Янь-тин примирил их, вынеся решение, что она вернется в свою деревню.

Произошло это в двадцать первом году правления под девизом Цянь-лун *.

(27.) ХАНЬСКИЙ ГАО-ЦЗУ [1] УБИЛ И-ДИ [2]

Шаньдунский соляной комиссар Лу Сянь-гуань скоропостижно скончался, но вскоре ожил. Он рассказал, что в прошлой своей жизни был неким Ван Ин-бу, родом из Цзю-

* 1756 г.

цзяна. Он убил И-ди — Государя долга — и сделал это по велению Гао-цзу, а не по приказу Сян Юя[3]. Гао-цзу тайно убил И-ди, свалив это на Сян Юя, который якобы по совету князей убил И-ди. Сян Юй пожаловался верховному владыке[4] и потребовал, чтобы Лу засвидетельствовал правду. А правда состоит в том, что убийцей в действительности был Гао-цзу. Это входило в один из «шести удивительных планов» Чэнь Пина[5].

Поэтому Лу [Сянь-гуань] после смерти снова возродился к жизни.

Его спросили, почему же две тысячи лет медлили и только сейчас пришли к этому решению.

— Верховный владыка пришел в ярость,— ответил он,— из-за того, что [Сян] Юй закопал двести тысяч солдат в Сяньяне[6], предал Юя смерти[7] на горе Иньшань, и только сейчас ему дали возможность принести жалобу на не заслуженную им обиду.

В «Случайной болтовне к северу от пруда» Ван Юаньтина[8] приводится история о том, как наложница Чжан Сюня[9] отплатила за обиду. Произошло это тоже с опозданием на тысячу лет.

Чжан был преданным и верным чиновником, и [все-таки] ему было трудно добиться должного воздаяния. Сян [Юй] же совершил жестокие убийства множества людей, поэтому ему было так трудно добиться, чтобы узнали о его обиде.

(28.) ДВОРЕЦ НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Ли Чан-мин, военный чиновник в Баодине, скоропостижно скончался. Прошло три дня, а труп все не остывал, и домашние не решались положить его в гроб. Но вот живот покойника вздулся, словно барабан, полилась моча, и Ли воскрес. Схватив за руки родных, он стал рассказывать:

— Перед смертью я невероятно мучился, все тело — от шеи до ног — болело, даже вздохнуть не мог. Когда же я умер, то почувствовал, что тело мое стало легким и гораздо более красивым, чем при жизни.

В том месте, где я оказался, небо было желтым и солнце не светило. Повсюду, куда ни взглянешь, сыпучие пески, так что ноги не касались земли. И ни людей, ни жилья не видно.

Душа моя, несомая ветром, долго металась в разные стороны, пока постепенно не стало светлее и не улегся песок.

Посмотрев вниз, я увидел в северо-восточном углу какую-то большую реку; трое пастухов пасли там овец, а овцы были белые и тучные, как лошади.

Я спросил, где жилища [пастухов], но они мне не ответили. Я прошел еще несколько десятков ли и увидел далеко впереди смутные очертания дворца. Черепица его была покрыта желтой глазурью, словно в нем жил император. Подойдя ближе, я увидел двух людей в парадных сапогах, шапках и халатах, стоявших перед дворцом, словно актеры в мире живых, исполнявшие роли Гао Ли-ши[1] и Тун Гуаня[2]. На фасаде дворца была золотая вывеска, гласившая: «Дворец на краю земли». Я долго прогуливался, любуясь, пока эти в халатах не подошли ко мне с сердитым видом и не погнали меня прочь, крича: «Кто позволил тебе здесь стоять?»

Я заупрямился и не хотел уходить; тогда началась драка. И вдруг из дворца послышался крик: «Что там за шум?»

Те двое вошли во дворец и довольно долго отсутствовали, когда же вышли, то сказали мне: «Не уходи, подожди повеления».

Став по обе стороны от меня, они сторожили. День уже склонился к вечеру, подул холодный ветер, начали падать снежинки, крупные, как черепица. Я стал дрожать от холода, а у стражников от мороза даже слезы выступили.

«Не затеял бы ты драку,— говорили они мне с досадой,— так разве пришлось бы нам мучиться здесь в такую холодную ночь!»

Постепенно небо посветлело, во дворце ударили в колокол, ветер и снег улеглись. Из дворца вышел еще один человек и сказал: «Проводите оставшегося здесь вчера человека в его края».

Те двое потащили меня за собой. Мы шли по проделанной мною раньше дороге. Я увидел, что пастухи по-прежнему там, где были. Мои провожатые передали меня [пастухам], сказав: «По высочайшему повелению поручаем вам этого человека. Проводите его домой. А мы уходим».

Пастухи набросились на меня с кулаками; в испуге я свалился в реку; наглотался воды так, что живот распух; помочился и ожил.

Закончив свой рассказ, Ли помыл руки и лицо, поел и выпил, как в обычное время.

Прошло дней десять или больше, и Ли снова умер.

А до этого сосед Ли по фамилии Чжан спал, когда же наступила третья стража, он услыхал, как рядом с кроватью кто-то зовет его.

Вскочив в испуге, он увидел четырех человек в черных одеждах, ростом каждый более чжана.

— Покажи нам дорогу к дому военного чиновника Ли,— потребовали они. Чжан отказался, тогда люди в черном хотели наброситься на него; испугавшись, он пошел с ними. Подойдя к дому Ли, он увидел, что у дверей уже сидят на корточках двое каких-то людей еще более свирепого вида.

Те четверо не смели поднять на них глаз. Взяв с собой Чжана, они проломили изгородь, так чтобы можно было войти в дом сбоку. Через мгновение в доме послышался плач.

Эту историю рассказывал Чжо Юань, командующий войсками провинции, он был приятелем Ли.

(29.) КАМЕННЫЙ ЯЩИЧЕК В ТЮРЬМЕ

Чжоу Дао-ли из Юечжоу благодаря наследственным привилегиям был аттестован на должность начальника округа Лунчжоу в провинции Шэньси. Прибыв на место службы, он, по обычаю, отправился инспектировать тюрьму. В тюрьме был каменный ящичек длиною в одно чи с небольшим, крепко запертый на замок.

Чжоу захотел открыть ящичек и посмотреть, что там. Тюремный надзиратель остановил его:

— Говорят, что этот ящичек находится здесь со времен Мин *; что в нем, неизвестно, но помню, один даосский монах говорил, что, если ящичек откроют, это принесет беду начальству.

Чжоу стоял на своем: во что бы то ни стало хотел открыть ящичек и заглянуть внутрь. Тогда топором сбили замок; в ящичке оказался свиток с изображением человека — тело красное, все в крови, черты лица расплывчатые, от него веяло холодом, но Чжоу все не мог оторвать от него глаз. Из ящичка поднялись серные пары, окутали свиток и сожгли его. Пепел поднялся в воздух и исчез.

Чжоу очень испугался, заболел и умер в Лунчжоу.

Что это было в ящичке, неизвестно.

Мне рассказывал об этом академик Чжоу Лань-по [1]; начальник округа Чжоу был его внучатым племянником.

---

* 1368—1644 гг.

ЦЗЮАНЬ ВТОРАЯ

(30.) ЖЕНА ЧЖАН ЮАНЯ

У крестьянина Чжан Юаня из уезда Яньши, что в провинции Хэнань, была жена из рода Би. Погостив в доме родителей, она возвращалась к мужу. Младший брат ее мужа вышел навстречу ей.

Дорога шла мимо старой могилы, скрытой в тени деревьев. Би понадобилось облегчиться. Попросив деверя подержать осла, на котором она ехала, Би повесила на дерево свою красную хлопчатобумажную юбку. Кончив свои дела, она хотела надеть юбку, но та исчезла.

Вернувшись домой, Би легла спать с мужем. Наступило утро, но они не могли подняться. Домашние постучались в дверь, вошли: окно закрыто, тела мужа и жены есть, но голов у них нет.

Сообщили судье, тот не мог понять, в чем дело. Арестовали деверя, допросили его. Тот рассказал, как накануне пропала красная юбка.

Тогда отправились к той могиле. Рядом с ней оказалась пещера, гладкая, словно кто-то часто входил и выходил из нее. Пригляделись внимательно, а за пещерой виднеется красная хлопчатобумажная юбка, принадлежавшая Би. Стали рыть,— обе головы здесь, без гроба, а пещера узенькая, только рука войдет.

Судья так и не смог вынести решения по этому делу.

(31.) ЧУДЕСА С БАБОЧКОЙ

Некий Е из столицы и Ван-сы, уроженец Ичжоу, были большими друзьями. В седьмой день седьмой луны, когда Вану исполнилось шестьдесят лет, Е верхом на осле отправился поздравить его. Когда он проезжал через Фаншань[1], уже смеркалось. Вдруг к нему подъехал какой-то детина на лошади и спросил, куда он едет. Е объяснил ему.

— Ван-сы мой двоюродный брат,— обрадовался тот,— я тоже собрался поздравить его. Поедем вместе, ладно?

Е тоже обрадовался, и они продолжали путь вместе. Детина все время отставал. Е хотел пропустить его вперед, тот сделал вид, что согласен, но тут же начал отставать по-прежнему.

Е подумал, не грабитель ли он, и начал оглядываться. Стало совсем темно. Е не различал облика своего спутника,

но тут началась гроза, и при вспышках молнии Е увидел, что тот висит на лошади головой вниз, а обе ноги его двигаются в воздухе, словно он идет быстрым шагом. При каждом таком шаге раздавался удар грома, и изо рта его вылетал черный пар. Язык у него был длиной более целого чжана, красный, как киноварь. Е очень испугался, но — ничего не поделаешь — пришлось ему скрывать [испуг]. Доехали до дома Ван-сы. Ван вышел им навстречу, радостно приветствовал, приказал подать вино. Е отвел его в сторону и спросил, кем ему приходится его спутник.

— Это мой двоюродный брат Чжан,— ответил Ван,— он живет в столице на улице Веревочных мастеров, а сам он серебряных дел мастер.

Е понемногу стал успокаиваться и даже решил, что виденное им в пути ему почудилось. Но когда кончили пить и стали устраиваться на ночлег, он не захотел ночевать вместе с детиной. Тот настаивал, и Е пришлось попросить старого слугу лечь с ними в одной комнате.

Е все никак не мог заснуть, а слуга спал крепким сном. Когда наступила третья стража, светильник погас. Детина уселся на постели, снова высунул язык, и вся комната озарилась ярким светом. Подойдя к постели Е, он начал обнюхивать полог, роняя слюну. Затем он протянул обе руки, схватил старого слугу и начал пожирать его[2], выплевывая кости на пол.

Е закричал, взывая к Гуань-шэню:

— Великий государь, ниспровергающий бесов[3], где ты?

Неожиданно послышался гул, похожий на бой барабана, с балки спустился Гуань-ди с огромным мечом в руках, ударил мечом детину, и тот превратился в бабочку величиной с колесо телеги. Бабочка расправила крылья и отражала ими удары меча. Но вот раздался удар грома — бабочка и Гуань-ди исчезли. Е потерял сознание и упал на пол.

Наступил полдень, а он все еще не поднимался. Ван-сы пришел в комнату посмотреть, в чем дело. Е все ему рассказал. На полу было несколько доу свежей крови. Ни Чжана, ни слуги на постели не было, но лошадь по-прежнему стояла в конюшне. Послали человека на улицу Веревочных мастеров узнать про Чжана. Чжан работал в своей мастерской, он не ездил в Ичжоу поздравлять [Вана].

[32. Человек, повстречав приятеля, ночует с ним в одной комнате; ночью видит, как тот, изменив внешний вид, с кем-то борется. Утром на земле валяется труп питона. Посетив этого приятеля, узнает, что тот

был тяжело болен от укуса «ядоноса» и выздоровление началось в момент их «встречи».

33. Дух болезни в благодарность за оказанную человеком услугу делает его богатым.

34. Бесы карают жестокого чиновника, заставив его обманным путем перебить всех членов собственной семьи.]

(35.) НЕВАЛЯШКА

Некий студент Цзян на пути в провинцию Хэнань заночевал в уезде Гунсянь. На постоялом дворе был западный павильон, очень чистый, тихий, так понравившийся Цзяну, что он немедленно отнес туда свои вещи.

— А вы, почтеннейший, смелый человек или нет? — с улыбкой спросил хозяин постоялого двора.— А то здесь не очень-то спокойно.

— За себя постоять сумею,— ответил Цзян.

Когда наступила глубокая ночь, Цзян, сидевший при светильнике, услышал какой-то шум под столом, словно в бамбуковое ведро льется вода. Из-под стола выскочил кто-то в синей одежде, черной шапке, похожий на курьера из мира смертных, но ростом не больше трех цуней. Он долго глядел на Цзяна, а потом что-то проворчал и ушел. Вскоре появилось несколько маленьких человечков, несших на носилках чиновника. Знамена, повозка, лошади — все было крошечным, как горошинки. Чиновник в черном головном уборе из тонкой ткани восседал в важной позе. Показав рукой на Цзяна, он выбранился, голос у него был не громче жужжания пчелы. Цзян не испугался. От этого чиновник пришел в еще большую ярость; ударив ручонкой по полу, он приказал человечкам схватить Цзяна. Те стали изо всех сил тянуть Цзяна за туфли и чулки, но не могли сдвинуть его с места. Чиновник, заподозрив их в трусости, засучил рукава и вскочил. Тогда Цзян взял его в руку, поставил на стол, пригляделся и понял, что это неваляшка, какие продаются в мире смертных. Тогда он стал его опрокидывать.

Маленькие человечки упали перед Цзяном на колени, умоляя вернуть им их начальника.

— За это нужно дать выкуп,— пошутил Цзян.

Те согласились. В дырке в стене послышалось жужжание, и четыре человечка внесли одну головную шпильку; еще двое на плечах притащили головную булавку. Через мгновение на полу лежало много головных украшений из золота.

Цзян отдал им неваляшку. Теперь они могли двигаться

в прежнем порядке, но ряды смешались, и отряд обратился в беспорядочное бегство.

Когда наступило утро, хозяин поднял крик, что его обокрали.

Расспросив его, Цзян понял, что выкуп, отданный ему человечками за их чиновника, состоял из вещей, украденных ими у хозяина постоялого двора.

[36. Дух предсказателя, случайно обиженный лодочником, вселяется в тело его сестры. Та заболевает, после выздоровления становится грамотной и умеет предсказывать людям судьбу. Брат ее жалуется духу-покровителю местности, тот наказывает духа предсказателя за то, что он отомстил неповинной женщине. После этого она лишается своего дара.

37. В Царстве мертвых наказывают женщину, которая убила многих своих служанок и наложниц мужа.

38. Любитель гаданий верит, что сошелся с духом женщины древности, хранившей верность своему покойному мужу. Оказывается, что его соблазнила современная ему бесовка.

39. Гадатель советует родителям, у которых умирали все новорожденные сыновья, следующего сына назвать женским именем и одевать, как девочку. Тот живет до старости.

40. Небо карает даоса, который выманил у богача все серебро для приготовления эликсира долголетия.]

(41.) Е ЛАО-ТО

Был некий Е Лао-то, откуда родом — не знаю, ходил он с непокрытой головой, босиком, зимой и летом в одном и том же хлопчатобумажном халате, держа в руках бамбуковую циновку. Как-то раз он забрел на постоялый двор в Вэйяне. Недовольный тем, что гости очень шумели, он захотел устроиться в комнате, где было потише. Хозяин показал ему комнатку:

— Здесь самое тихое и уединенное место, но тут водятся бесы, ночевать здесь нельзя.

— В этом нет ничего дурного,— сказал Е Лао-то, подмел комнату, расстелил на полу свою циновку и с наступлением ночи улегся спать.

Когда наступила третья стража, двери внезапно открылись, и он увидел женщину с веревкой на шее; глаза у нее вылезли из орбит и висели на щеках, язык длиной в несколько чи вывалился изо рта, шла она волоча ноги. Рядом с ней был бес без головы, несший в руках две головы. Шествие замыкали идущий за ними вплотную бес с черным телом,

уши, глаза, нос, рот были еле различимы, и еще один бес с руками и ногами [желтыми, как при] желтухе, огромным животом величиной с тыкву-горлянку в пять даней.

— Здесь пахнет живым человеком,— сказали они друг другу с удивлением,— надо его поймать.

И они начали шарить повсюду, но не приближались к Е Лао-то.

— Ясно, что он здесь,— сказал один из бесов.— Почему же мы не можем его найти?

— Как правило,— ответил желтушный бес,— нашей породе потому удается ловить людей, что сердце их наполняется страхом и душа выскакивает наружу. А этот человек, наверное, ученый, постигший *дао*, в сердце его нет страха, и душа не отделилась от тела. Поэтому в суматохе его не легко поймать.

Бесы стали оглядываться по сторонам, тогда Е Лао-то уселся на своей циновке, показал на себя рукой и сказал:

— Я здесь.

Бесы испугались и упали перед ним на колени, а Е начал их допрашивать одного за другим.

Указывая на трех бесов, бесовка сказала:

— Этот погиб в воде, этот умер в огне, а этот был казнен за грабеж и убийства людей. Я же повесилась в этой комнате.

— Согласны покориться мне? — спросил Е.

— Да,— ответили они.

— Если так, то добейтесь нового рождения и больше здесь не появляйтесь в виде нечистой силы.

Поклонившись ему, они ушли.

Утром Е Лао-то рассказал все хозяину. С тех пор в этой комнате все было спокойно.

(42.) СУ ДАНЬ-ЛАО ПЬЕТ С ДУХОМ МОРОВОГО ПОВЕТРИЯ

В Ханчжоу жил некий Су Дань-лао, насмешник, любивший над всеми подшучивать; люди терпеть его не могли. В день Нового года [соседи] прикрепили к его двери бумагу с изображением духа морового поветрия. Выйдя утром из дому, Су увидел [рисунок] и, громко захохотав, пригласил духа войти, сесть на почетное место и выпить с ним вина. Рисунок Су сжег.

В том году был мор; все заболевшие соседи [Су] наперебой стали приносить жертвы духу морового поветрия; устами одного больного дух возвестил: «В день Нового года Су

Дань-лао почтил меня угощением, а я его не отблагодарил. Хотите умилостивить меня, пригласите Су составить мне компанию, тогда я уйду».

Теперь те, кто приносил жертвы духу морового поветрия, стали наперебой приглашать к себе Су Дань-лао, и он целыми днями был занят, принимая угощение и вино.

В семье его было больше десяти человек взрослых и детей, и никто из них не заболел.

[43. Человеку снится, что он поймал беса и отвел его в храм Гуань-инь. В храме Гуань-инь объяснила ему, что это — служащий Царства мертвых, которого надо отпустить обратно. С разрешения Гуань-инь человек посещает Царство мертвых, проводником туда (как и в храм Гуань-инь) служит его друг. Проснувшись, человек узнает о смерти этого друга.

44. Двух студентов, занимавшихся в уединенном месте, посещает незнакомый им студент, который рисует магический круг, чтобы вызвать Гуань-инь. Один из студентов (по предложению вновь прибывшего) всовывает в круг голову и чуть не умирает от раны на шее. Незнакомец исчезает. А пострадавший некоторое время спустя вешается.]

(45.) СЮЦАЙ ЛИНЬ ИЗ ШАНЬДУНА

Сюцай Линь из Шаньдуна достиг уже сорока лет, но все не мог никак получить следующую ученую степень. Однажды, когда он задумался о том, чтобы сменить род своих занятий, ему послышался идущий откуда-то сбоку голос:

— Не приходите в отчаяние.

Линь в испуге спросил, кто это говорит.

— Я бес, который на протяжении нескольких лет защищает вас и охраняет,— ответил голос.

Линь захотел увидеть его, но бес отказался [показаться]. Линь продолжал настаивать, тогда бес сказал:

— Если вы обязательно хотите увидеть меня, то не пугайтесь.

Линь обещал. Бес упал перед ним на колени, лицо у него было скорбным и залито кровью.

— Я торговец тканями из Ланьчэнсяня,— сказал он.— Некий Чжан из Есяня убил меня и спрятал мой труп под мельничным жерновом у Дунчэнских ворот. Настанет день, когда вы будете начальником Есяня, прошу вас тогда отомстить за меня.

И еще он сказал:

— В таком-то году вы сдадите экзамен на степень *цзюйжэня*, а в таком-то году — на степень *цзиньши*.

Замолчав, бес исчез.

Когда настал названный им срок, Линь действительно сдал экзамен на степень *цзюйжэня*, но вот экзамен на степень *цзиньши* он не сумел сдать в указанный бесом срок. Линь сказал со вздохом:

— Видно, и бесы не всегда разбираются в делах смертных, связанных с почестями и славой.

Не успел он произнести эти слова, как из пустоты послышался голос:

— Не я ошибся, а вы сами виноваты. В такой-то день такого-то месяца вы вступили в незаконную связь с некоей вдовой; еще хорошо, что она не забеременела. Никто из людей об этом не знает, но в канцелярии Царства мертвых ваш поступок записан, и карой вам послужит задержка на два срока со сдачей экзамена.

Линь, весь дрожа, обещал исправиться.

Через два срока он сдал экзамен на степень *цзиньши* и получил назначение на пост начальника Есянь. Прибыв в город, он нашел мельничный жернов. Когда его сдвинули, там действительно оказался труп. Линь велел арестовать Чжана. Когда того допросили, он сознался в убийстве, за что и понес кару по закону.

[46. Заметка о том, как хоронят в районе Цинь, чтобы трупы не причиняли вреда людям.]

(47.) МОГИЛА СЯХОУ ДУНЯ [1]

Когда родился Чжан Юн [2], командующий войсками в районе Сунцзян при нынешней династии, его отцу приснился дух в золотых латах, назвавшийся ханьским генералом Сяхоу. Как только он вошел в дверь, родился Чжан Юн. Впоследствии [Чжан Юн] получил титул *хоу* [3], хоронили его в родном краю. Когда разрыли землю, там обнаружили древнюю мемориальную надпись, гласившую: «Могила вэйского генерала Сяхоу Дуня». Иероглифы были огромные и написаны стилем *лишу* [4]. Через две тысячи лет [дух] посетил родные места. Странно!

[48. Казненный генерал становится злым духом, обуздать которого можно, если выкрикнуть имя живого генерала, который не испугался первого появления злого духа.

49. Жена злого человека, доведенная голодом до отчаяния, крадет курицу у соседа. Пьяный муж хочет зарезать жену, она говорит, что украла эту курицу по приказанию деревенского ученого. По настоянию того гадают; три раза жребий показывает, что украл мужчина. Впослед-

ствии дух объясняет человеку, которого напрасно обвинили в краже, что он лишился только места и уважения соседей, а женщина могла лишиться жизни.

50. Человек умирает; воскреснув, говорит, что его призывали в небесный секретариат, так как там не хватает искусных писцов. Через несколько дней хвастун снова умирает.]

(51.) ГУ ЯО-НЯНЬ

В пятнадцатом году правления под девизом Цянь-лун* я жил в Сучжоу в доме Цзян Юй-фэна. Его сын Бао-чэн, вернувшись с государственных экзаменов в Цзиньлине, тяжело заболел. Юй-фэн отовсюду приглашал к нему знаменитых врачей, но все они уходили со сконфуженным видом. Зная, что я нахожусь в дружеских отношениях с дипломированным доктором Сюе[1], он заставил меня написать тому письмо с просьбой посетить [больного].

Когда мы с Юй-фэном стояли у ворот в ожидании [врача], больной закричал в своей комнате:

— Гу Яо-нянь пришел! Садитесь, пожалуйста, почтенный Гу!

Гу Яо-нянь был простолюдин из Сучжоу, казненный сучжоуским губернатором Ань-гуном за то, что он возглавил толпу, избившую чиновников во время «рисового бунта».

Усевшись, Гу сказал Бао-чэну:

— Господин Цзян, вы заняли тридцать восьмое место в списке выдержавших экзамены[2]. И болезнь у вас пустяковая. Вы излечитесь от нее, если угостите меня вином и мясом[3]. После этого я сразу же уйду.

Услыхав это, Цзян Юй-фэн бросился в комнату сына и стал его успокаивать:

— Дядюшка Гу скоро уйдет, вот только поднесем ему жертвенное угощение.

— Там, у ворот,— ответил больной[4],— чешет языком этот чиновник Юань из Цяньтана, я боюсь его, не могу уйти.— И добавил: — К воротам подходит господин Сюе, это искуснейший врач, и мне лучше уклониться от встречи с ним.

Цзян Юй-фэн поспешил к воротам. Он потянул меня за руку, чтобы я уступил дорогу [Гу Яо-няню], но в это время подошел доктор Сюе. Узнав, в чем дело, он засмеялся:

— Значит, дух [покойного] не желает встречаться с нами двумя. Пойдемте-ка вместе прогоним его.

---

* 1750 г.

Мы вошли в комнату больного. Сюе пощупал его пульс, я подмел перед лежанкой[5]. После одного приема лекарства больному сразу стало лучше.

В этом году Бао-чэн получил степень. Действительно, он прошел тридцать восьмым по списку выдержавших.

(52.) ДАОС-ВОЛШЕБНИК ПРОСИТ РЫБУ

Ван Гун-нань, муж моей младшей сестры, жил у моста Хэнхэцяо в Ханчжоу. Выйдя как-то утром из дому, он встретил у ворот даоса, который, сложив для приветствия руки, сказал ему:

— Прошу у вас, достопочтенный, одну рыбу.

— Вы, монахи, питаетесь вегетарианской пищей, чего ж ты клянчишь рыбу? — возмутился Ван.

— Деревянную рыбу[1],— сказал даос.

Ван отказал ему, и даос ушел, сказав на прощание:

— Сейчас пожадничали, достопочтенный, потом обязательно раскаетесь в этом!

В ту же ночь Ван услышал шум падающей черепицы. Утром пошел посмотреть — куча черепицы лежала на дворе.

На следующую ночь вся его одежда оказалась в отхожем месте.

Ван Гун-нань попросил амулет у *сюцая* Чжан Ю-ху.

— У меня есть два амулета: один дешевый, другой дорогой,— сказал тот.— С помощью дешевого Чжан Чжи-кэ[2] будет держать [бесов] в уезде днем и ночью; с помощью дорогого Чжан Чжи-сян[3] поймает нечисть.

Гун-нань взял дешевый амулет и, вернувшись домой, повесил его в главном зале. В эту ночь действительно все было спокойно.

Через три дня в ворота постучался старый даос, с необычайной внешностью человека древности. Так как Гун-наня не было дома, то к даосу вышел его второй сын — Хоу-вэнь.

Даос сказал ему:

— Вашей семье на днях причинил неприятности один даос, это мой ученик; вы искали помощи у амулета, лучше бы вам искать помощи у меня. Пусть ваш отец завтра придет в беседку Холодных источников[4] у Западного озера и трижды громко крикнет: «Железная Шапка»[5], я тотчас же приду. В противном случае бесы украдут амулет.

Когда отец вернулся домой, Хоу-вэнь все рассказал ему,

и на следующее утро Гун-нань пришел в беседку Холодных источников; несколько сот раз он громко кричал: «Железная Шапка», но никто не отзывался.

Как раз в это время Ван Цзя-цзэн[6], начальник [уезда] Цяньтан, проезжал по дороге, и Гун-нань, преградив дорогу его паланкину, рассказал ему всю эту историю. Решив, что он спятил, Ван обругал его и оскорбил.

В эту ночь все взрослые мужчины семьи Гун-наня сторожили амулет. Но вот наступила пятая стража и вдруг послышался звук, какой бывает, когда рвут бумагу, и амулет исчез; утром на столе обнаружили следы ног огромного человека, величиной более чжана.

С этих пор каждую ночь толпа бесов собиралась у ворот, стучала в них и кидалась всякими черепками. Гун-нань был сильно напуган, за пятьдесят золотых он приобрел у Чжан [Ю-ху] новый амулет, повесил его, и после этого бесы действительно угомонились.

Однажды Гун-нань рассердился на своего старшего сына, Хоу-цзэна, и хотел его побить, но Хоу-цзэн убежал. Он не вернулся и на третий день. Моя младшая сестра плакала, не осушая глаз. Гун-нань сам отправился на поиски сына и нашел его, бродящего у реки; тот собирался утопиться. Поспешно усадили его в паланкин; оказалось, что он стал вдвое тяжелее, чем прежде. Когда привезли его домой, он тупо смотрел перед собой и бормотал что-то неразборчивое. Когда уложили, он вдруг в испуге закричал:

— Хотят расследовать, хотят расследовать, я уйду!

— Куда ты идешь, сынок? — спросил Гун-нань.— Я пойду с тобой!

Хоу-цзэн поднялся, надел халат и шапку, преклонил колени перед амулетом. Остававшийся рядом с ним Гун-нань ничего не видел, а Хоу-цзэн видел духа, сидящего на почетном месте; у духа было три глаза под бровями, золотое лицо и красная борода; рядом стояли на коленях молодые мужчины.

— Ван [Хоу-цзэн],— сказал дух,— твое существование на этом свете еще не окончилось, что же привело тебя в такой ужас, что ты решил искать смерти? — И потом добавил, [обращаясь к молодым мужчинам]: — Вы — слуги пяти сторон[7]. Как же, не получив приказа Верховной чистоты[8], вы стали слугами даоса-волшебника?

Те признали свою вину. Дух приказал дать им по тридцать палок. Бесы вопили и просили пощады; видно было, как их ягодицы становились цвета черной грязи. Когда

[экзекуция] кончилась, дух толкнул [Хоу-цзэна] ногой, и тот очнулся, словно от сна. Пот градом катился по его спине.

С тех пор в доме воцарился покой.

(53.) ТРУП ПРИХОДИТ ЖАЛОВАТЬСЯ НА ОБИДУ

В городе Сисян, что в округе Чанчжоу, жил человек по фамилии Гу. Как-то вечером, когда солнце уже село, он шел по предместью и попросился на ночлег в старом монастыре.

— Сегодня вечером мы совершаем похоронную службу в одной семье,— сказал монах,— послушники уже там, в храме нет никого. Приглядите за храмом, почтенный.

Гу согласился. Он запер двери храма, задул светильник и лег. Когда наступила третья стража, кто-то сильно постучал в двери.

— Кто там? — крикнул Гу.

— Это я — Шэнь Дин-лань,— ответил голос из-за двери.

Шэнь Дин-лань был старым приятелем Гу, умершим более десяти лет назад. Гу был в страшном испуге и не стал открывать двери.

— Не бойся,— громко крикнул голос снаружи.— Мне надо кое-что тебе поручить. Если ты сейчас же не откроешь, я обернусь бесом и неужто не сумею выломать двери и войти? Но ведь я — твой старый друг, сохранивший к тебе прежние чувства.

Ничего не поделаешь, Гу пришлось открыть двери; когда он открывал щеколду, послышался глухой стук, словно человек упал на землю.

Руки у Гу дрожали, веки дергались, он хотел взять светильник, но с земли вдруг послышался громкий крик:

— Я не Шэнь Дин-лань, а такой-то, только что умерший в доме к востоку отсюда. Злодейка-жена отравила меня. Я потому назвался именем Шэнь Дин-ланя, что хочу просить тебя сделать известной всем мою обиду.

— Но я же не судья, как я могу это сделать? — спросил Гу.

— Доказательства на моем трупе.

— А где ваш труп? — спросил Гу.

— Иди сюда со светильником и погляди. Но когда я вижу свет, я не могу разговаривать.

В этот момент снаружи послышались голоса и стук в двери. Гу пошел открывать. Это монахи вернулись в храм. Все они были перепуганы.

— Когда мы читали сутру над трупом,— объяснили они

Гу,— он таинственным образом исчез. Поэтому мы прекратили чтение и вернулись сюда.

Тогда Гу рассказал им, что случилось.

Они осветили труп своими факелами и увидели, что из всех его семи отверстий течет кровь, застывающая на земле.

На следующий день об этом доложили властям и тем самым восстановили истину.

[54. Юань Мэй выносит неправильное решение по делу об убийстве женщины, через десять с лишним лет он видит во сне ее дух, который называет ему имя настоящего убийцы и требует отмщения.

55. Бандит, желая отомстить разоблачившему его человеку, непрерывно молится богу грома, тот является, но, пристыженный упреками разоблачителя, уходит.]

(56.) БЕС, ПРИСВОИВ ЧУЖОЕ ИМЯ, ТРЕБУЕТ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Некий телохранитель государя очень любил быструю скачку на коне и стрельбу; как-то, гоняясь за зайцем, он налетел у восточных ворот [столицы] на старика, который, стоя на коленях, набирал воду из колодца. Не сумев сдержать лошадь, он столкнул старика в колодец.

В смятении телохранитель поскакал домой.

Этой же ночью он увидел, как тот старик открыл двери, вошел и сердито сказал:

— Хотя ты и не нарочно убил меня, но, если бы, видя, что я упал в колодец, ты позвал на помощь людей, меня удалось бы спасти. Зачем же тебе, бессердечному, понадобилось мчаться домой?

Тому нечего было ответить. Старик стал бить посуду, сломал дверь, творил бесчинства. Вся семья на коленях молила его о прощении, предлагала богатое угощение, но старик сказал:

— Это бесполезно. Хотите, чтобы я успокоился, тогда вырежьте из дерева поминальную табличку [1], напишите на ней мое имя и фамилию, каждый день приносите мне в жертву поросячьи ножки, служите мне как вашему предку, тогда я прощу.

Сделали, как он сказал, и бесчинства прекратились. С этих пор каждый раз, проезжая мимо восточных ворот, телохранитель делал крюк, чтобы объехать тот колодец.

Однажды, сопровождая императора, он ехал мимо восточных ворот и хотел, как всегда сделать крюк, но начальник остановил его:

— А если государь спросит, где ты, что ему ответим? И кроме того, как можно бояться духа мертвого при свете белого дня, находясь среди тысячи колесниц и десятка тысяч всадников?

Телохранителю пришлось проехать мимо колодца, и тотчас же он увидел старика, как тогда стоявшего у колодца. Старик бросился вперед, схватил его за полу одежды и стал ругать:

— Сегодня я нашел тебя! Несколько лет тому назад ты дал своей лошади наехать на меня и не помог мне. Как можно быть таким жестокосердным?

Старик ругался и бил телохранителя, а тот в испуге жалобно просил:

— Как же мне искупить свою вину? Ведь уже несколько лет вы принимаете жертвы, приносимые вам в моем доме, и сами обещали простить меня, почему же вы изменили своему слову?

Еще больше распалясь, старик закричал:

— Я еще не умер, зачем же ты мне приносишь жертвы! Когда твоя лошадь толкнула меня, я хоть и оступился и упал в колодец, но вскоре проходивший мимо человек услышал мои крики о помощи и сразу же вытащил меня. Ты что же это, меня за беса принимаешь?

В смятении телохранитель повел старика в свой дом.

Поглядели на табличку, и оба увидели, что на ней написаны другие имя и фамилия. Старик засучил рукава и с проклятиями сбросил табличку на пол. Домашние телохранителя стояли потрясенные, в ужасе, не понимая, в чем дело. А в воздухе послышался смех и сразу затих.

(57.) БЕС ПАСУЕТ ПЕРЕД ЧЕЛОВЕКОМ, ГОТОВЫМ РИСКОВАТЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

У помощника министра Цзе был дальний родственник, человек смелый до дерзости. Он ненавидел разговоры о бесах и духах; и где бы он ни жил, всегда старался поселиться в том месте, о котором говорили, что там селиться не к добру.

Проезжая через Шаньдун, он услыхал, что в западном флигеле одного постоялого двора водится нечисть. Цзе очень обрадовался, открыл двери, вошел туда и уселся. Когда наступила вторая стража, с потолочной балки упала черепица. Цзе выругался:

— Ты — бес? Скинь что-нибудь, чего нет на крыше моей комнаты, тогда испугаюсь!

Сверху свалился мельничный жернов.

— Ты что, злой бес? Сумеешь разбить мой стол, вот тогда испугаюсь! — злобно сказал Цзе.

Сверху упал огромный камень, расколовший стол пополам.

— Бес, собака, раб, посмей разбить мне голову, тогда покорюсь тебе! — завопил Цзе в ярости, вскочил с места, швырнул шапку на пол и стал ждать, задрав вверх голову.

С этой минуты воцарилась полная тишина, ни звука не не было слышно; и нечисть там больше не появлялась.

[58. Человек, овладевший искусством ездить верхом на ветре и ходить по воде, после землетрясения попадает на небо, «находящееся за оболочкой обычного неба»; возвращается оттуда весь оборванный и почерневший. Только несколько месяцев спустя он приобретает прежний вид.

59. Совершая моление о дожде, предок Юань Мэя ночует в заброшенном храме, где ему во сне является дух Тун Сяня (любимца императора Ай-ди), которого убил Ван Ман. Дух рассказывает, как было совершено убийство на самом деле (а не как в династийной истории, составленной Бань Гу). Проснувшись, человек жертвует деньги на восстановление храма. С тех пор моления о дожде его и его потомков стали всегда увенчиваться успехом.

60. Трое братьев заблудились и много дней голодали в горах. Они попадают к трехголовому человеку, который кормит их и показывает им дорогу. Его предсказание о гибели двух братьев в случае нарушения ими запрета сбывается.]

(61.) МЕТЛА ВОДЯНОГО ДУХА

Мой двоюродный брат Чжан Хун-е жил в доме некоего Паня, стоявшем у реки Циньхуай. Как-то летней ночью он пошел в отхожее место; вода в клепсидре опустилась до уровня третьей стражи, голоса людей уже смолкли, луна светила ярко, и Чжан оперся на перила, любуясь луной. Тут он услышал какой-то плеск и увидел голову человека, высовывающуюся из воды; удивившись тому, что кто-то плавает в такой поздний час, Чжан присмотрелся внимательнее и увидел, что в глазах его нет черных [зрачков]; когда же [существо] выпрямилось, шея его была неподвижна, как у деревянного изваяния. Чжан бросил в него камень. Тогда оно скрылось в воде.

На следующий день утонул один парень, и Чжан понял, что он видел водяного духа. Когда он рассказал об этом соседям, продавец риса добавил, что водяные духи — это нечисть, жаждущая жизни людей. Как-то в юности он торго-

вал рисом в Цзясине, и ему нужно было перебраться через канал, полный желтой грязи. Канал был очень глубоким, и [ему] пришлось сесть на буйвола. Когда он доехал до середины канала, из грязи протянулась черная рука и схватила торговца за ногу, но ему удалось поджать под себя ноги, так что черная рука ухватила за ногу буйвола, не давая ему двигаться.

Испуганный торговец стал звать на помощь прохожих, те пытались тащить буйвола вперед, но он не мог выбраться из грязи. Тогда они стали поджигать ему хвост. Не в силах вынести боли, буйвол рванулся изо всех сил и вылез. Люди увидели, что под брюхом у него привязана старая метла, да так крепко, что ее никак не удавалось отвязать. Она была такой прогнившей и грязной, что даже приближаться к ней было противно. Стали сбивать ее палками, метла издавала стоны, и из нее лилась жидкость — черная кровь. Люди разрезали метлу ножами, принесли хворосту и сожгли [метлу]. Вонь не проходила в течение месяца. С этих пор уже никто больше не тонул в этом желтом глинистом канале.

[62. Чудовищная птица *лоча*, выклевывающая людям глаза и пьющая их кровь, обернулась двойником новобрачной и ночью чуть не заклевала ее.]

ЦЗЮАНЬ ТРЕТЬЯ

[63. Человек, брат которого повесился в храме, изрубил на куски изображение духа, подстрекавшего людей к самоубийству. Оскорбленный дух насылает болезнь на ни в чем не повинную девушку. Оскорбивший его человек изгоняет наваждение и женится на выздоровевшей девушке.]

(64.) *СЮЦАЙ* ЦЮ

Некий *сюцай* Цю из Наньчана летним днем, чтобы насладиться прохладой, разлегся нагишом в храме бога земли[1], а когда вернулся домой, то сильно заболел. Его жена, решив, что мужа наказал бог земли, принесла жертвы вином и яствами, бумажными деньгами и курениями, прося за *сюцая* прощения. Действительно, больному стало легче. Жена велела *сюцаю* пойти в храм и поблагодарить бога земли. *Сюцай* рассердился и пошел в храм духа-хранителя местности, где сжег написанный им доклад, в котором сообщал, что бог земли хитростью выманил жертвоприношения, наслав на него наваждение.

Прошло десять дней, но ответа не было. Еще больше рассердившись, *сюцай* сжег новое донесение, в котором прибавилось еще обвинение по адресу самого духа-хранителя местности, якобы присвоившего из корыстолюбия часть жертвоприношений [богу земли].

В эту ночь *сюцаю* приснилось, что на стене храма духа-хранителя местности наклеено объявление, в котором говорилось: «Бог земли хитростью выманил жертвоприношения, чем опозорил свой ранг. Сместить его с должности. Некий Цю за неуважение к духам и любовь к тяжбам получит тридцать палок в Синьцзяне».

Когда *сюцай* проснулся, он припомнил свой сон и усомнился: ведь он — житель Наньчана. Даже если он и должен подвергнуться наказанию, то не в уезде Синьцзянь. Значит, сон не обязательно сбудется.

Вскоре храм бога земли разрушило молнией; тут *сюцай* так забеспокоился, что даже не решался больше выходить из дому.

Через месяц с лишним, когда губернатор Цзянси А-гун пришел в храм, чтобы возжечь курения, его враг зарубил его топором. Собрали всех чиновников, чтобы произвести расследование и арестовать [преступника]. *Сюцай*, пораженный случившимся, прибежал, чтобы узнать подробности. Начальник уезда Синьцзянь, заметив его странный вид, спросил, кто он такой. *Сюцай* стал заикаться и не смог произнести ни слова. Одет он был в халат, ни шапки, ни пояса на нем не было[2], и разгневанный начальник приказал тут же на улице дать ему тридцать палок. Только когда порка кончилась, Цю смог произнести: «Я — *сюцай,* из семьи министра земледелия Цю».

Начальник уезда Синьцзянь в раскаянии добился для него места ведающего образованием в Фэнчэне.

[65. Лекарь, свалившийся в воду, уцепился рукой за речного дракона. С тех пор его рука исцеляла больных людей.

66. Пропавший из дому студент по возвращении рассказал, что человек в черном привел его к озеру и показал дворец водяного духа и красавиц девушек. По приглашению человека в черном юноша собирался броситься в воду, но проходивший мимо бондарь удержал его.

67. Женщина отдает трем приятелям 50 лянов на обновление храма, двое решают присвоить деньги, третий возражает. Через некоторое время те двое умирают. Третий попадает в Царство мертвых и видит, как его приятелей судят. Придя в себя, узнает, что три дня лежал дома как мертвый.

68. Умерший юноша вновь рождается в теле своего новорожденного брата; в три месяца у него уже появляются зубы.]

(69.) ЛИС УДАРЯЕТ В КОЛОКОЛ

Когда достопочтенный Чэнь Шу-чжао [1] приступил к исполнению своих обязанностей в районе Тинчжоу и Чжанчжоу, с моря вдруг прибило к берегу колокол, такой большой, что он мог вместить сотню даней. Люди сочли это благоприятным предзнаменованием, доложили властям, и колокол был повешен на высокую башню к западу от города. Ударили в него — звон был слышен за десять ли вокруг. Старого крестьянина Ли назначили сторожем при колоколе.

Вскоре с моря стал слышаться свист. Достопочтенный Чэнь, решив, что это свистит какой-то морской дух, отвечающий на зов колокола, приказал начальнику уезда запечатать вход в башню и строго предупредил старика Ли, чтобы он никому не позволял больше бить в колокол.

На башню повадился ходить один красивый юноша, он беседовал с Ли, а когда приходила охота поесть и выпить, то появлялись еда и вино. Ли понимал, что это лис-бессмертный, и как-то раз, охваченный внезапной жадностью, упал перед ним на колени и попросил:

— Вы ведь бессмертный, почему же не подарите мне серебро, а ограничиваетесь лишь едой да питьем?

— Богачей имеется определенное число,— ответил юноша.— Тебе судьбой предуготовлено быть бедняком, нельзя тебе получить богатство; а если получишь — быть беде, и тебе придется пожалеть об этом.

Но Ли продолжал упрашивать его.

Наконец юноша с улыбкой согласился. Мгновение спустя на столе оказался большой слиток серебра в пятьдесят лянов. Но с тех пор юноша больше не приходил. Серебро Ли спрятал в сундук.

Однажды уездный начальник проезжал по той дороге и услыхал звон колокола; рассердившись на то, что Ли плохо выполняет обязанности сторожа, он призвал к себе старика, выругал его и велел дать ему пятнадцать палок. Ли ничего не мог понять, а вернувшись назад, увидел, что вход в башню опечатан, как прежде. Но палки-то он ведь уже получил; посетовал, посердился, и все тут.

Вскоре уездный начальник снова проезжал там, и опять на башне зазвонил колокол. Начальник послал слуг посмотреть, но на башне никого не было. Тут он стал догадываться:

— А нет ли на башне нечисти? — спросил он.

Ли пришлось все ему рассказать.

Начальник велел показать ему слиток. Оказалось, что слиток-то из казначейства. Его вернули на место, и колокол больше не звонил.

[70. Человек покупает для своего сада у монаха землю заброшенного храма духа-покровителя местности. Жене его является дух-покровитель местности, нищий и жалкий. По его требованию муж возвращает храму землю и восстанавливает храм.

71. Из-за вредящего людям духа черной рыбы в озере утонул отец одного юноши. Сын просит духа-покровителя местности помочь ему отомстить. По указанию духа ему помогает отысканный им мальчик, отбрасывающий три тени; мальчик бросается в воду и вытаскивает оттуда голову черной рыбы. Теперь на озере все стало спокойно.]

(72.) МАЛЕНЬКИЙ ДУХ ИЗ ПОЯНА

У некоего Чжана из уезда Синьцзянь, что в провинции Цзянси, было две дочери. Они были выданы замуж в один и тот же день. Когда родня несла паланкины с невестами, поднялся сильный ветер, и, сбившись с толку, родственники отнесли младшую сестру в дом, где должна была жить старшая, а старшую доставили к жениху младшей. Только на следующий день после совершения брака стала ясна ошибка. Родители обоих мужей посчитали это судьбой и решили больше не говорить об этом.

Муж младшей сестры, некий Цзинь, поехал продавать товары. Когда он переправлялся на джонке через озеро Поян, он сказал своему компаньону:

— Я буду чиновником и сегодня же вступлю в должность.

Решив, что он шутит, компаньон засмеялся. Когда они проехали еще несколько ли, Цзинь радостно воскликнул:

— Вот и служащие встречают меня с паланкином и лошадьми. Я не могу мешкать! — сказал, прыгнул в воду и утонул.

В этот вечер крестьянин из приозерной деревушки увидел молодого мужчину, идущего с гордо поднятой головой. Остановившись перед деревней, мужчина сказал:

— Я — Маленький дух Пояна и должен получать жертвенную пищу на вашей земле. Надо установить мое изображение и приносить ему жертвы.

Сказал и исчез.

Крестьянин медлил и ничего не предпринимал для строительства кумирни [Маленького духа]. Тогда у него начались сильные головные боли, он весь горел от жара. Стали гово-

рить, что его околдовал Маленький дух. Все перепугались, собрали деньги, воздвигли кумирню и начали приносить там жертвы. На просьбы дух обычно откликался, как эхо.

Некоторое время спустя Маленький дух пришел опять и сказал:

— Разве можно, чтобы у духа не было пары? Вы должны поставить изображение *няннян*[1] в пару мне. И не медлите с этим!

Крестьяне сделали, как он сказал.

В доме Цзиня узнали о его смерти, выловили из озера труп и положили в гроб. Вся семья носила траур. И вдруг однажды жена Цзиня сняла с себя траурную одежду, заменив ее нарядной, нарумянилась, напудрилась и выглядела очень довольной собой.

Свекровь сердито одернула ее:

— Вдове не подобает так делать!

— А мой муж не умер. Сейчас он исполняет чиновничьи обязанности на озере за Пояном, он прислал слуг с паланкином пригласить меня занять мое место. Все они уже ждут меня на улице. Почему же мне не надеть праздничную одежду? — Сказав это, она приняла позу женщины, поднимающейся в паланкин, и умерла.

С этих пор имя Маленького духа из Пояна стало настолько известно и в ближних и в дальних местах, что от желающих возжечь [перед ним] курения отбою не было.

[73. Дух помогает человеку, который постоянно проявлял к нему большое уважение, изгнать нечисть, принуждающую к сожительству соседскую девушку.

74. Человек перед смертью просит жену не класть его тело в гроб, так как ему надо поговорить с судьей Царства мертвых. Ожив через три дня после смерти, он рассказывает, как жаловался в Царстве мертвых на несправедливость. Он прожил честную жизнь, но был беден и не имел сына. Судьи перекладывают вину друг на друга. В награду ему даруют еще двенадцать лет жизни.

75. Игрок в азартные игры, ожив после смерти, рассказывает, что он проигрался богу богатства, который тоже азартно играет в Царстве мертвых. Чтобы вернуть долг, надо сжечь бумажные деньги, после чего он сможет спокойно умереть.]

(76.) ОБОРОТЕНЬ БАРАНЬЕЙ КОСТИ

Ли Юань-гуй, уроженец Ханчжоу, служил в канцелярии достопочтенного Ханя в уезде Пэйсянь, занимался делопроизводством и докладывал о делах.

Узнав, что один его земляк возвращается в Ханчжоу, Ли поручил ему передать письмо семье и велел мальчику, прислуживавшему в канцелярии, заварить из муки клей и заклеить письмо. Мальчик заварил полную пиалу. Ли взял сколько ему нужно, а оставшийся клей поставил на стол.

Ночью он услышал какие-то звуки. Решив, что это мыши воруют еду, он поднял полог и стал караулить. При свете светильника он увидел маленького белого барашка не выше двух цуней. Барашек съел клей и ушел. Ли подумал, что это ему померещилось.

Однако на следующий день он специально приготовил еще порцию клея и стал ждать. Ночью маленький барашек снова пришел. Ли внимательно следил за ним, чтобы заметить, куда тот уйдет. Барашек скрылся под деревом, что росло за окном.

На следующий день Ли рассказал об этом своему начальнику. Стали копать под деревом и нашли там сгнившую баранью косточку. В полой ее части еще оставался клей. Косточку сожгли, и после этого оборотень больше не появлялся.

(77.) *ЯКША*[1] ВОРУЕТ ВИНО

На Желтой реке, у города Луаньчжоу, что в округе Шуйпин провинции Чжили, царь драконов[2] каждый год строит дворец. Есть два дракона — желтый и белый. С древних времен у северного устья выкорчевывают деревья и сплавляют их сюда. На каждом дереве по сто ветвей, сторожит их один *якша*. Все эти деревья стоят торчком в воде и так движутся, а на вершины вешают красный фонарь как опознавательный знак. За заставой продавцы и перекупщики деревьев каждый год поджидают, пока дракон вздует реку, чтобы воспользоваться этим для сплава своих деревьев.

Если пропадет хоть одна ветка, дракон приходит в ярость и посылает *якшу* разыскивать пропажу. Поднимается сильный ветер, льет проливной дождь, летят камни с гор.

Один крестьянин заготовил восемь жбанов вина, а *якша* однажды ночью выпил их все дочиста. Боясь, что это принесет ему беду, *якша* срубил дерево и спустил его в реку. Той же ночью все утихло.

Мне рассказал это начальник уезда Шидай, достопочтенный Чжэн Шоу-ин. Чжэн был родом из Луаньчжоу.

[78. Бес убивает новобрачную. Люди считают, что это произошло потому, что был выбран неблагоприятный для свадьбы день.

79. Бес прогоняет душу мертвой женщины, которая, ища себе замену, хотела задушить девушку; потом бес требует, чтобы за это семья девушки приносила ему жертвы.]

(80.) МОГИЛА ЦЗЕ-СИ

Янь Цзе-си с помощью гадания выбирал место для могилы своей жены, урожденной Оуян. Он пригласил к себе несколько десятков геомантов[1] и обратился к ним с такой просьбой:

— Я нахожусь в самом зените богатства и знатности, так что мне больше нечего желать. Хотел бы только, чтобы вы, достопочтенные, выбрали место, которое принесло бы моим потомкам не меньше удачи, чем мне.

Геоманты почтительно поддакивали ему.

Не прошло и месяца, как один геомант пришел к Цзе-си и сказал:

— На такой-то горе есть пещера; если похороните там, то положение и долголетие ваших потомков не уступят вашим.

Цзе-си попросил всех геомантов отправиться посмотреть [указанное] место. Один из них сказал:

— Если похороните здесь, то ваши потомки хоть и будут знатны, но продвигаться дальше не будут, а в шестом или седьмом поколении [род] кончится.

Остальные же геоманты считали, что место подходящее, и Цзе-си купил эту землю и велел раскопать вход в пещеру. Внутри оказалась древняя могила. Когда очистили надпись, то оказалось, что это — могила предка семьи Янь в седьмом колене. Цзе-си очень испугался[2], поспешно велел снова закрыть вход в пещеру. Но с тех пор род Янь пришел в упадок, а потом и совсем исчез из списков [чиновников]. Эту историю мне рассказал Бин-лянь[3], далекий потомок Яня.

[81. Предсказания гадателя сбываются.]

(82). ЛИ СЯН-ЦЗЮНЬ[1] ПРИПОДНИМАЕТ ПОЛОГ

Мой приятель Ян Чао-гуань[2] по прозвищу Хун-ду, уроженец города Уси, получив степень *цзюйжэня*, был назначен на должность начальника уезда Гуши в провинции Хэнань. В год *жэнь-шэнь* правления под девизом Цянь-лун * во время

* 1752 г.

экзаменов в области[3] Ян был назначен одним из экзаменаторов.

Закончив проверку экзаменационных сочинений и составив список выдержавших экзамен, Ян обнаружил сочинение, оставшееся непроверенным, по которому надо было вынести суждение. Он был утомлен и решил прилечь.

Во сне Яну явилась женщина лет тридцати с лишним, не напудренная, без румян, но редкостной красоты; роста она была невысокого, одета в синевато-лиловую юбку, на голове черная повязка, какие носят в районе Цзяннани. Приподняв полог постели, она тихо сказала: «Почтительнейше прошу вас, достопочтенный, отнеситесь внимательно и поддержите того, кто написал о благоухании цветов корицы[4]».

Проснувшись в испуге, Ян Чао-гуань рассказал о своем сне товарищам-экзаменаторам. Те, смеясь, сказали:

— Какой ужас! Да разве бывает такое, чтобы списки были уже готовы и вдруг еще кого-то выдвинут?

Ян Чао-гуань согласился с ними.

Просматривая оставшееся случайно непроверенным сочинение, он увидел в нем параллельную фразу: «Сезон цветенья абрикоса, / благоухают цветы корицы». Тема эта была дана во вторую луну года *жэнь-шэнь*, когда подготовка к экзаменам на степень *цзюйжэня* была закончена.

Ян в большом удивлении стал читать сочинение с особым вниманием. Изложение было цветистым, ответы на вопросы точные, обнаруживающие большую эрудицию, но с цитатами из классиков дело обстояло не так хорошо. Поэтому Ян поместил сочинение в число не отвечающих требованиям. Памятуя о своем сне, Ян не решился обратиться к главному экзаменатору, долго колебался, не зная, рекомендовать это сочинение или нет. Как раз в это время главный экзаменатор достопочтенный Цянь Дун-лу[5], помощник начальника палаты финансов, боясь, что кто-нибудь талантливый не будет замечен и выдвинут, велел тщательно обыскать все помещения [в поисках незамеченных сочинений]. Ян обрадовался и рекомендовал его вниманию сочинение о благоухании цветов корицы. Достопочтенный Цянь отнесся к сочинению как к драгоценности и включил в список восьмидесяти трех лиц, выдержавших экзамены. Когда же выяснилось имя автора, то оказалось, что это был студент второго разряда Хоу Шэнбяо из города Шанцю, предком которого был Хоу Чжао-цзун[6].

Тогда поняли, что женщина, явившаяся просить за него, была Ли Сян-цзюнь. Ян Чао-гуань хвастался перед

людьми тем, что к нему явилась Ли Сян-цзюнь, считая это удивительным происшествием [7].

(83.) ДАОС ОТБИРАЕТ ТЫКВУ-ГОРЛЯНКУ

Чжу Сюань-чэнь [1] из Сюшуя был моим однокашником в год *моу-у* *. Женившись, он очень разбогател. Однажды в его дом постучался даосский монах и попросил разрешения повидать хозяина. На вопрос, зачем он пришел, даос ответил:

— У меня есть друг, который сейчас обитает в вашем доме, я пришел повидать его.

— Но у нас тут нет даосов,— возразил Чжу.— Кто такой ваш друг?

— Он сейчас в вашем кабинете,— ответил даос.— Если вы не верите, не сочтите за труд пойти со мною туда поискать его.

Чжу пошел с даосом. В его кабинете висело изображение Люй Чунь-яна[2], и даос, с улыбкой показав на него, сказал:

— Это и есть мой наставник и друг. Он украл у меня тыкву-горлянку и очень долго ее не отдавал. Вот я и пришел потребовать, чтобы ее вернули.

Сказав это, даос сделал жест рукой по направлению к картине, словно забирая [тыкву].

Бессмертный Люй тоже улыбнулся и бросил ему тыкву.

Чжу увидел, что на картине действительно не стало тыквы-горлянки. Потрясенный, он спросил:

— А зачем вам понадобилось забирать тыкву?

— В четырех уездах здешней области,— ответил даос,— летом будет такой большой мор, что даже собак и кур не останется. Я забрал тыкву-горлянку, чтобы плавить в ней пилюли бессмертия и спасти ими местных жителей. Я приготовлю лекарство для того, кто может творить благие дела и купит у меня его за тысячу золотых. Он не только сам останется жив, но сможет еще спасти и других и тем самым приобретет большие заслуги.

Вынув из мешка несколько пилюль, он показал их Чжу. Аромат от них ударял в ноздри.

— В восьмую луну этого года,— добавил даос,— в праздник Середины осени, когда будет очень ярко светить луна, я снова приду в ваш дом, можете приготовить угощение и

* 1738 г.

ждать меня. Боюсь только, что народу здесь поубавится наполовину.

В сильном волнении Чжу спросил:

— А мне можно совершить благое дело?

— Можно,— ответил даос.

Тогда Чжу приказал мальчику-слуге принести тысячу золотых и вручил их даосу. Тот повесил кошель с золотом на пояс, как кусок материи, словно не чувствуя тяжести. Оставив Чжу десяток пилюль, он откланялся и ушел.

Вся семья Чжу, [видя в нем своего спасителя], прониклась к нему таким уважением, словно он был божеством, утром и вечером отбивала ему поклоны.

Летом того года никакого мора не было. В праздник Середины осени луна не светила, а был сильный дождь и ветер. Даос так больше и не приходил.

(84.) ТОТ, КОМУ СУЖДЕНО СГОРЕТЬ, НЕ ДОЛЖЕН УТОНУТЬ

Некий Е из Цзинсяня с другими людьми поехал торговать в город Аньцин. На реке поднялся сильный ветер, и более десяти человек, бывших на джонке, утонуло. Только Е, упав в воду, увидел человека в красном, который поднял его на руки и спас.

Е решил, что ему помог бессмертный дух и это означает, что ему предстоит стать знатным человеком.

Но вскоре после этого в доме Е не уберегли от пожара, и Е погиб в огне.

[85. Дух-покровитель местности карает смертью беса, насильственно заставлявшего сожительствовать с ним замужнюю женщину.]

ЦЗЮАНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

(86.) ЛЮЙ МЭН[1] ИСПАЧКАЛ ЛИЦО

Некий *сюцай* Чжун из Хубэя приходился родственником по женской линии Тан Чи-цзы[2] — советнику императора. Когда он отправлялся на осенние экзамены[3], ему приснилось, что его позвал дух Вэньчан[4]. *Сюцай* склонил перед ним колени, не произнеся ни слова, но ему было приказано подойти поближе. Взяв кисть, он так густо напитал ее тушью, что забрызгал лицо. В испуге он проснулся и, подумав, что [сон его предвещает] испачканное экзаменационное сочинение, сильно огорчился.

Во время экзаменов Чжун устал и заснул в своей экзаменационной комнатушке. Ему привиделось, что туда вошел огромный детина с длинной бородой, в зеленой одежде. Это был Гуань-ди[5].

«Старый разбойник Люй Мэн,— заорал он сердито,— как ты посмел испачкать [мне] лицо! Думаешь, я не узнал тебя?» — Сказал это и исчез.

Чжун понял тогда, что в прошлом своем рождении он был Люй Мэном.

Сердце у него колотилось от испуга.

На экзамене в этом году он достиг большого успеха. Через десять лет был назначен начальником уезда Цзелян в провинции Шаньси. Через три дня после прибытия на место службы он пошел поклониться [Гуань-ди] в храме Умяо[6]. Отвесил один земной поклон и больше не поднялся. Домашние пришли его искать, а он мертв.

(87.) ЧЖЭН СИ ДЕВЯТЫЙ

В Янчжоу [домашним] рабам часто дают имя Си; Си Девятый был рабом в доме торговца Чжэна. Мать Чжэна была при смерти, но вдруг пришла в себя, села на постели, огляделась по сторонам и сказала:

— Вот уж смешная история вышла! Что бы вы думали помешало мне умереть? Необходимость возродиться в теле ребенка, который родится у Си Девятого. Из-за этого мою душу, которая уже покинула труп и на полпути получила это известие, вернули обратно.

Сказав это, она пожаловалась на жажду и попросила овощного супа.

Домашние сварили суп и принесли ей. Она отпила немного, откинулась на постель, закрыла глаза и испустила дух.

Мгновение спустя прибежал Си Девятый и сообщил, что у него родился мальчик с листком зелени во рту и очень громко кричит.

Впоследствии Чжэн очень заботился о мальчике, не решаясь относиться к нему, как к сыну раба.

[88. Душа мертвого мужа пытается задушить жену, вышедшую снова замуж. Душа покойной жены ее второго мужа тоже хочет отомстить мужу, забывшему ее. По совету ученого живые празднуют свадьбу мертвых, после этого те оставляют их в покое.]

(89.) ТРИ УЛОВКИ, ИМЕВШИЕСЯ У БЕСА, ИСТОЩИЛИСЬ

Цзюйжэнь Цай Вэй-гун как-то сказал, что у бесов есть три уловки: одна — завлечь, вторая — препятствовать, третья — запугивать. На вопрос, что это значит, он ответил:

— Мой двоюродный брат Люй был студентом-стипендиатом[1] в уезде Сунцзян; человек он был широкой натуры и несдержанный, сам себе дал прозвище Великодушный Господин. Однажды он проходил мимо деревни Сисян, что у озера Маоху; уже вечерело, и он увидел женщину, напудренную, с насурмленными бровями, которая, не разбирая пути, бежала с веревкой в руках. Заметив издали Люя, она спряталась за большое дерево, а веревку уронила на землю.

Люй поднял веревку — она оказалась сплетенной из соломы, и от нее шел какой-то затхлый запах. Люй понял, что перед ним дух повесившейся женщины. Положив веревку за пазуху, он продолжал свой путь. Женщина вышла из-за дерева и преградила Люю дорогу. Он — направо, и она — направо, он свернул влево, и она — влево. Тогда Люй понял, что это то, что в народе именуют «бесовской стеной», и пошел прямо на нее, пока она не издала громкого вопля и не начала прыгать на него, приняв вид женщины с растрепанными волосами, с которых капала кровь, и высунутым на целый чи языком.

— Сначала накрасила брови и размалевала лицо,— сказал Люй,— чтобы завлечь меня, затем преградила мне путь, а теперь, приняв страшный вид, пугаешь меня. [Все твои] три уловки использованы до конца, а я так и не испугался. Думаю, что в запасе у тебя других уловок нет; да и разве тебе не известно, что я зовусь Великодушным Господином?

Тогда бесовка приняла свой первоначальный вид и, упав на колени, сказала:

— Я была женщиной из города, фамилия моя Ши. Поссорившись с мужем, повесилась. Теперь я узнала, что к востоку от Маоху живет женщина, которая не в ладу со своим мужем. Я и пошла искать себе замену. Но вы остановили меня на полпути, да еще забрали мою веревку. Так что план мой не осуществится, и я могу только умолять вас, господин, спасти меня.

Люй спросил, как можно спасти ее.

— Вы должны вместо меня известить семью Ши в городе, чтобы они попросили настоятеля буддийского храма усиленно молиться о моем перевоплощении. Тогда я смогу снова родиться.

Люй сказал со смехом:

— А я и есть настоятель! Сейчас спою тебе молитву о твоем новом рождении.

И он громко запел:

В мире огромном нет ни преград, ни помех.
Мертвым уйти иль живым возвратиться, —
К чему тут замена? Хочешь идти, так иди.
Чего ж еще легче?

Бесовка слушала его и вдруг словно прозрела. Упав на колени, она поклонилась Люю в ноги, а потом бросилась бежать.

Впоследствии местные жители говорили:

— Раньше здесь было неспокойно, а с тех пор как прошел Великодушный Господин, вся нечисть вывелась.

(90.) ДУШИ МЕРТВЫХ ЧАСТО ПРЕВРАЩАЮТСЯ В МУХ

Дай Ю-ци[1], *чжуанъюань* из города Хойчжоу, вместе со своим приятелем пил вино, любуясь луной. Выйдя из города, он направился к мосту Хойлунцяо и увидел человека в синей одежде, тот шел из западного предместья, держа в руке зонт. Заметив достопочтенного Дая, он заколебался, не решаясь идти вперед.

Подумав, что это грабитель, Дай пошел прямо на него, схватил его и спросил, кто он такой.

— Я — курьер, послан начальником произвести аресты,— ответил человек.

— В мире существует правило, по которому городского курьера можно послать произвести арест за городом, но не бывает, чтобы курьера из предместья посылали арестовать человека из города,— возразил Дай.

Тот в синем бросился на колени и признался:

— Я не человек, я бес. Меня действительно послал чиновник Царства мертвых арестовать людей в городе.

Дай спросил, есть ли у него при себе список, тот ответил:

— Есть.

Дай взял список, посмотрел, а там стояло имя его двоюродного брата.

Даю хотелось спасти двоюродного брата, но он не поверил словам человека в синем и отпустил его. А сам остался сидеть на мосту.

Когда наступила четвертая стража, человек в синей одежде вернулся.

— Всех сумел арестовать? — спросил Дай.
— Всех,— ответил тот.
— Где же они? — спросил Дай.
— На зонте, который я несу.

Дай поглядел и увидел пять связанных ниткой мух, которые громко жужжали.

Захохотав, Дай взял и отпустил мух. Человек в синем в ужасе бросился вдогонку за ними.

Уже наступил рассвет, и Дай пошел в город; он зашел проведать двоюродного брата, и там домашние рассказали ему:

— Хозяин давно болел и в третью стражу умер. Когда наступила четвертая стража, он ожил, а когда рассвело, снова умер.

У некоего Лю, семилетнего мальчика из Цзянина, на мошонке вскочил красный фурункул. Ни врачи, ни лекарства — ничто не помогало. По соседству жила женщина из рода Жао, которая служила посыльной у судьи Царства мертвых. Когда подходил ее срок, она не могла делить ложе с мужем, не пила, не ела и вела себя как помешанная.

Мать мальчика Лю попросила ее пойти к судье Царства мертвых и спросить у него [о мальчике]. Через три дня Жао пришла и сказала:

— Это не опасно. Второй барич в прошлом рождении любил есть лягушек; он сдирал с них кожу и очень многих убил, поэтому нынешние лягушки собираются целой стаей и кусают его в отместку. Однако небо породило лягушек для того, чтобы они шли людям в пищу. Пресмыкающиеся и рыбы находятся под началом у духов *ба-ча*[2]. Тебе надо пойти туда, где находится [изображение] генерала Люй Мэна[3], возжечь курения и обратиться к нему с молитвой. Тогда они больше не смогут причинять боль [мальчику].

Мать сделала, как ей было сказано, и мальчик действительно выздоровел.

Однажды эта самая Жао проснулась только после того, как беспробудным сном проспала два дня и две ночи. Она вся была в поту и все время разевала рот, задыхаясь. Невестка спросила, что с ней.

— Соседская женщина — злодейка, ее трудно было схватить,— ответила Жао.— Повелитель Царства мертвых велел мне взять ее, но у нее после смерти оставалось еще столько сил, что пришлось очень долго с ней бороться. К счастью,

она ослабела, а я сняла с ног бинты[4], связала ей руки и притащила ее.

— А где она сейчас? — спросила невестка.

— На дереве платана за окном,— ответила Жао.

Невестка пошла поглядеть, но ничего не увидела, кроме синей мухи, связанной волоском. Она решила позабавиться, поймала муху и положила ее в коробку с иголками и нитками.

Вскоре она услышала, как Жао, лежавшая в постели, стала кричать. Прошло много времени, пока Жао очнулась.

— Ты своей шуткой причинила большой вред,— сказала она.— Судья Царства мертвых приказал дать мне тридцать палок за то, что, поймав эту женщину, я не доставила ее к нему. Он дал мне срок, чтобы я ее снова поймала. Отдай мне скорее муху, чтобы я избежала нового наказания.

Невестка увидела, что на ягодицах Жао действительно видны следы палок, и раскаялась в своем поступке. Она отдала Жао муху, та спрятала ее во рту и заснула.

Потом все было спокойно, но с тех пор Жао не соглашалась выяснять что-нибудь в Царстве мертвых для других людей.

(91.) ЯНЬ БИН-ЦЗЕ

Янь Бин-цзе был назначен начальником уезда Луцюань провинции Юньнань. В восточной части уездного управления были три комнаты, накрепко запертые. Рассказывали, что там живет бессмертная лиса, которой вновь прибывший на должность чиновник должен обязательно поклониться.

Следуя этому обычаю, Янь Бин-цзе пришел поклониться [лисе], жена его во что бы то ни стало хотела взглянуть [на лису], заглядывала много раз в щелочки, но так ничего и не смогла увидеть.

Однажды [жена Янь Бин-цзе] заметила у окна красивую женщину, которая расчесывала гребнем волосы. Будучи от природы злой и ревнивой, жена заподозрила мужа [в измене]; ведя за собой вооруженных палками слуг и служанок, она ворвалась в комнату и набросилась на красавицу; та обернулась белым гусем и жалобно закричала.

Янь Бин-цзе приложил к спине гуся свою печать. Тогда, приняв свой изначальный вид, [лиса] упала на пол, скинула двух новорожденных лисят и умерла. Янь взял кисть и красной краской пометил им лбы. Лисята тоже испустили дух. Их вместе с лисой бросили в огонь, и с тех пор в уездном

управлении лисы больше не водились, а у семьи Янь не было никаких несчастий.

Через некоторое время жена Яня родила двойню. На лобиках у детей было по красному пятнышку, словно поставленных кистью, напитанной киноварью. От испуга жена Яня умерла. Янь так горевал по ней, что вскоре заболел и умер, а младенцев некому было кормить.

(92.) УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ФЭНСИНЕ

В деревне Фэнсинь, что в провинции Цзянси, крестьянка Ли рожала три дня и все никак не могла родить. Ее свекровь привела помогать при родах трех женщин, а когда те устали, попросила трех других соседок сменить их. У одной из этих женщин, некоей Сунь, был грудной ребенок, которого она не могла взять с собой, поэтому она отнесла его в дом своей матери. В дом Ли ее провожал ее старший сын Чжун. Этому сыну было уже двадцать лет, он принадлежал к среде ученых; решив позаниматься в ночной тиши, он взял с собой книгу.

На следующий день, когда наступил полдень, а за дверьми не было слышно ни звука, родня заподозрила [неладное] и взломала дверь. Вошли — на кровати лежит мертвая роженица, на полу семеро мертвецов. У шестерых из них вид был такой же, как обычно, только что дыхания нет, и вся [разница]. Лишь один *сюцай* Сунь Чжун сидел выпрямившись и по-прежнему держал в правой руке книгу; левая его рука от плеча до кисти и все тело обгорели так, что он до подошв был черный как уголь.

В деревне поднялся шум. Вызвали судью. Он срочно провел дознание и приказал похоронить [трупы], не сообщив об этом [властям].

Эту историю мне рассказал Пэн Юнь-мэй[1], младший помощник начальника области.

(93.) МОНАХ ЧЖИ-ХЭН

Чэнь Го-хун из Сучжоу, учитель Пэн Юнь-мэя, получил степень *цзюйжэня* в год *дин-ю* *. Он очень любил древние безделушки; в саду у него была ваза, в которой были посажены водяные лилии. Ее много лет не поднимали с места, когда же Чэнь приказал поднять ее, чтобы посмотреть имя мастера, то под ней обнаружили горшок желто-голубых то-

* 1777 г.

нов с очень древним орнаментом; внутри оказалась тина и несколько сгнивших костей. Чэнь приказал бросить кости в воду, а вазу внести в дом.

Ночью Чэню приснилось, что к нему явился буддийский монах и сказал:

— Я танский монах Чжи-хэн. В фарфоровом горшке, который ты забрал, были захоронены мои кости. Немедленно верни их и зарой.

Чэнь был человеком смелым; не придав этому [сну] серьезного значения, он рассказал о нем своим приятелям. Но через три дня его матери во сне явился монах с косматыми от старости бровями, который привел с собой еще одного монаха, очень безобразного на вид, и сказал:

— Твой сын не знает приличий, он позарился на мою фарфоровую вазу и раскидал мои кости. Я пожаловался на несправедливость и оскорбление моей старости. Мой наставник, услыхав об этом, возмутился и пришел со мной, чтобы убить твоего сына.

Проснувшись в испуге, мать [Чэня] велела домашним отыскать выброшенные кости, но найти удалось только одну косточку. Когда она пришла к сыну, тот уже бредил. Не прошло и десяти дней, как он умер от тяжелой болезни.

[94. Рассказ об обжоре-нищем, обладавшем колоссальной силой.]

(95.) СУ НАНЬ-ЦУНЬ

В Тунъи некий Су Нань-цунь тяжело заболел. В полузабытьи он спросил домашних:

— Ли Гэн-е и Вэй Чжао-фан еще не прибыли?

Домашние, ничего не понимая, не ответили ему.

Через несколько минут он снова спросил, тогда ему ответили, что никто не приходил.

— Пошлите кого-нибудь, чтобы их поторопили,— сказал Су Нань-цунь.

Домашние решили, что он бредит, и ничего не ответили. Тут у него началась агония, и домашние поспешно отправили скорохода на рынок, чтобы он купил бумажный паланкин [с носильщиками] [1]. Когда покупка была принесена, увидели, что на спинах носильщиков написаны иероглифы: «Ли Гэн-е» и «Вэй Чжао-фан». Поняв, в чем дело, поспешно сожгли [изображения паланкина и носильщиков], и Су Нань-цунь испустил наконец дух.

Имена носильщиков написал в шутку какой-то забавник, но совпадение это удивительно!

[96. Устами жены арендатора говорит вселившийся в нее дух повесившейся женщины, которая разоблачает виновника гибели всей ее семьи.

97. Увидев ночью семерых обезглавленных духов, ученый умирает. Ненадолго воскреснув, рассказывает жене о своем посещении Царства мертвых, куда его доставили, чтобы обвинить в том, что в своем прошлом рождении он послужил причиной гибели этих семи человек.]

(98.) ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ЧЭНЬ КЭ-ЦИНЬ ДУЕТ, ЧТОБЫ ПРОГНАТЬ ДУХА

Когда Чэнь Пэн-нянь [1] еще не достиг известности, он дружил со своим односельчанином Ли Фу. Осенним вечером, прогуливаясь при луне, он зашел поболтать на досуге к Ли Фу. Тот был бедным ученым и сказал Чэню:

— Я как раз хотел выпить, спросил жену; оказалось, что вино кончилось. Вы посидите немножко, я схожу куплю вина, и мы вместе будем любоваться луной.

Чэнь сел и в ожидании Ли Фу стал читать свиток со стихами.

За воротами появилась женщина в голубой одежде с растрепанными волосами. Открыв дверь, она вошла в комнату, но, увидев Чэня, тотчас же попятилась назад. Решив, что это родственница Ли, которая хочет избежать встречи с чужим человеком и поэтому не входит, Чэнь отодвинулся, чтобы не смущать ее. Женщина вынула из рукава какую-то вещь, спрятала ее под порог и ушла в женские покои. Заинтересовавшись, Чэнь пошел к порогу посмотреть, что она там спрятала, и увидел веревку, испачканную кровью и издающую вонь. Чэнь понял, что это — дух повесившейся женщины, взял веревку, спрятал ее в свою туфлю и снова уселся как прежде.

Через некоторое время женщина с растрепанными волосами вышла из дома и начала шарить под порогом. Не найдя веревки, она пришла в ярость и накинулась на Чэня с криком:

— Отдай мою вещь!

— Какую вещь? — спросил Чэнь.

Женщина не ответила; выпрямившись во весь рост, она раскрыла рот и выдула струю ледяного воздуха на Чэня, так что у него волосы встали дыбом и застучали зубы. Пламя лампы стало зеленым и дрожало, словно собираясь погаснуть.

«Даже у духов мертвых есть дыхание,— подумал Чэнь,— что же у меня одного его нет?» — И он изо всех сил дунул на женщину. В том месте, где дыхание Чэня косну-

лось женщины, образовалась дыра. Сначала был пробит ее живот, затем грудь, наконец, исчезла и голова; через мгновение она превратилась в легкую дымку, которая тут же испарилась и больше не появлялась.

Вскоре пришел Ли Фу с вином. Войдя, он закричал, что его жена повесилась у постели.

— Вреда она себе не причинила,— улыбнулся Чэнь,— веревка духа все еще у меня в туфле.

Чэнь рассказал Ли Фу о том, что произошло, и они вместе пошли и сняли жену с веревки, влили ей в рот имбирный настой, а когда она пришла в себя, спросили, почему она искала смерти.

— Дом наш очень беден, а муж любит принимать гостей,— ответила жена Ли Фу,— единственную оставшуюся у меня головную шпильку он забрал, чтобы купить на нее вина. Сердце у меня разрывалось от обиды, а я не могла плакать, так как в доме сидел гость. Но в это время вошла женщина с растрепанными волосами, назвалась соседкой, живущей слева от нас, и сказала, что муж забрал мою шпильку не из-за гостя, а чтобы пойти в игорный дом. Мне стало еще обиднее, и я подумала, что если муж и ночью не вернется, то гость не уйдет, так как я не могу выйти к нему, чтобы предупредить. Тут женщина с растрепанными волосами сделала из своих рук кольцо и сказала: «Отсюда ты попадешь в царство Будды, где радости бесконечны». Я вложила голову в кольцо, но руки ее не могли удержать меня и размыкались. Тогда женщина сказала: «Я принесу шнур Будды, и ты сама станешь Буддой». Она пошла за шнуром и не вернулась. Голова моя шла кругом, словно я была во сне, и тут пришли вы и спасли меня.

Когда расспросили соседей, то оказалось, что за несколько месяцев до этого, действительно, одна женщина из их деревни повесилась.

[99. Человек сходится с лисой-оборотнем, живет с ней как с женой, богатеет, но, когда его сын убивает юношу, сына лисы, дом, богатство, слуги исчезают, и человек оказывается таким же бедняком, каким был раньше.

100. Человек устраивает угощение голодным посланцам Царства мертвых, спасая этим от смерти своего друга, за которым они приходили.

101. Двое молодых людей ночью встречают красавицу, которая оказывается лисой-оборотнем и пугает их чуть не до смерти.]

(102.) ГРОМ КАЗНИТ ГАРНИЗОННОГО СОЛДАТА

Во вторую луну третьего года под девизом Цянь-лун* громом убило одного гарнизонного солдата. Так как ничего дурного за ним не водилось, то люди сочли это удивительным.

Старый солдат, служивший вместе с покойным, рассказал:

— Он уже давно стал хорошо себя вести, а вот лет двадцать назад, когда он только что надел латы, была с ним одна история. Мы служили в одном отряде, и я хорошо знал его.

Наш командующий охотился у подножия горы Гаотиншань, а тот солдат поставил палатку у дороги. Уже смеркалось, когда мимо палатки прошла молоденькая монахиня. Увидев, что поблизости никого нет, солдат втащил ее в палатку и хотел надругаться над ней. Монахиня сопротивлялась изо всех сил; оставив у него [в руках] свои штаны, она вырвалась; солдат гнался за ней больше пол-ли, но она вбежала в дом какой-то крестьянской семьи, и он, раздосадованный, вернулся ни с чем.

В доме, куда забежала монашка, были только молодая женщина и ее маленький сын; муж ушел на заработки. Женщина хотела прогнать монашку, но когда та рассказала, что с ней случилось, и стала умолять позволить ей переночевать, женщина пожалела ее и позволила остаться. Она одолжила монашке свои штаны и договорилась, что та через три дня вернет их. Еще до рассвета монашка ушла.

Вернулся муж, снял с себя грязную одежду, захотел переодеться. Жена открыла сундук, стала искать, ничего не нашла — только штаны ее лежат. Тогда она поняла, что в суматохе дала монашке по ошибке мужнины штаны, но побоялась признаться. А ребенок возьми да и скажи:

— Вчера ночью приходил монах, он надел штаны и ушел.

Муж заподозрил неладное, стал расспрашивать сынишку, а тот все подробно рассказал: как ночью пришел монах, как жалобно просил маму, как остался ночевать, как мать одолжила ему штаны и как он еще затемно ушел.

Жена уверяла, что это была монашка, а не монах, но муж не поверил. Сначала он обругал ее, а потом избил, да еще пошел рассказал соседям, а те передали другим, так что все узнали об этой истории. Жена не стерпела обиды и повесилась.

На следующее утро муж открыл двери и увидел, что

---

* 1738 г.

пришла монашка вернуть штаны, да еще в благодарность принесла корзинку с печеньем.

Указав на монашку, мальчик сказал:

— Вот монах, что позавчера ночевал у нас.

Муж в раскаянии стал бить мальчика, да так и забил его до смерти перед гробом матери, а потом и сам повесился. Соседи не хотели вмешивать власти, сами похоронили покойников, не дав делу хода.

В следующую зиму наш командующий снова охотился в этих местах, и кто-то из местных жителей рассказал об этой истории. Я знал, что [виновник] — этот солдат, но дело заглохло, и я не стал никому ничего говорить, только ему самому рассказал. На него это очень подействовало, и с тех пор он изменился к лучшему. Он надеялся, что добрым поведением искупил свою вину, и никак не предполагал, что не сможет избежать небесной кары.

[103. Молнией убивает предводителя разбойничьей шайки, несмотря на все его попытки спастись от гибели, предсказанной ему во сне.

104. Двое студентов селятся в запертом помещении, где, по слухам, водится нечисть; ночью видят беса, который исчезает с криком петуха.

105. Человек ночует на постоялом дворе, видит множество военных, которые снимают с себя голову, ноги, руки. Утром оказывается в заброшенном поле. Дойдя до настоящего постоялого двора, узнает, что там, где он провел ночь, некогда было поле боя.

106. Человек в доме своего родственника видит духа мертвого, пришедшего поблагодарить бывшего хозяина за спасение сына.]

(107.) ДВЕ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ ЦЗЯН ВЭНЬ-КЭ[1]

Когда мой экзаменатор достопочтенный Цзян Вэнь-кэ жил в доме Ли Гуан-цяо, он сам рассказывал, что в юности учился в Пинтае и занимался в доме, находившемся вдали от других жилищ. Каждый вечер, стоило ему усесться за книги, слышался голос, зовущий кого-то, но никто не появлялся. Однажды ночью Цзян Вэнь-кэ понадобилось сходить по малой нужде. Луна за окном светила не очень ярко, товарища по занятиям у него не было, и он позвал сопровождавшего его мальчишку-слугу; тот отозвался. Цзян велел ему войти в дом, но того все не было. Цзян открыл дверь и выглянул наружу. Он увидел, что, положив голову на порог, лежит человек и отвечает ему. Цзян заподозрил, что слуга напился, и обругал его, но человек продолжал лежать. Тогда Цзян рассердился и хотел ударить лежащего, но увидел, что это человек ростом в три чи, в квадратной шапке, черной одеж-

де, с седыми волосами, похожий на глиняного божка. Цзян окликнул его, но тот исчез.

Отец Цзян Вэнь-кэ, достопочтенный Вэнь-су[2], предостерегал своих сыновей и внуков от сближения с актерами, поэтому, пока Вэнь-су был жив, ни один актер не бывал в гостях в его доме. Через десять лет после смерти отца Цзян Вэнь-кэ стал приглашать актеров играть у него в доме, но поселить у себя труппу не решался. Старый слуга Гу Шэн, как-то прислуживая Вэнь-кэ за едой, заговорил о театральных представлениях и начал подстрекать Вэнь-кэ:

— Актеры со стороны никогда не сравнятся с труппой, обученной дома,— сказал он.— К тому же [домашние актеры] всегда под рукой. У многих ваших слуг есть сыновья, почему бы вам не подыскать учителя, чтобы он отобрал нескольких и обучил их?

Вэнь-кэ это предложение понравилось, но не успел он ответить, как вдруг увидел, что лицо Гу Шэна исказилось от ужаса. Держа руки так, словно на них надеты колодки, Гу Шэн упал на пол. Голову он просунул между ножками кресла и стал протискиваться от одной ножки к другой, от второй к третьей, пока весь не оказался под креслом, словно накрытый ящиком. Цзян окликнул его, но тот не отозвался.

Цзян немедленно послал за колдуном и доктором, те перепробовали множество средств, но ничто не помогло. В середине ночи Гу Шэн стал приходить в себя.

— Чуть не умер со страху! Чуть не умер со страху! — воскликнул он.— Не успел я договорить вам последнюю фразу, как вдруг увидел перед собой огромного человека, который вытащил меня в зал, где сидел покойный хозяин. Свирепым голосом хозяин сказал: «Ты столько лет был слугой в моем доме, разве тебе не известен мой предсмертный завет, что ты посмел подговорить Пятого Господина завести труппу актеров?»

Меня связали и дали сорок палок, а потом живым уложили в гроб. Я задыхался и не знал, что мне делать. Потом издалека послышался зовущий меня голос. Лежа в гробу, я хотел отозваться, но не мог. Наконец я постепенно начал приходить в себя, но все еще не знал, как выбраться.

Посмотрели на его спину — на ней действительно были иссиня-черные рубцы.

[108. Лисы занимают помещение в доме богача, изгнать их не могут самые знаменитые маги. Охотники выстрелами изгоняют нечисть.]

ЦЗЮАНЬ ПЯТАЯ

[109. Почтительный сын жалуется духу-покровителю местности на дурное отношение его жены к свекрови. Ему снится, что жену подвергают жестокой казни в Царстве мертвых. Жене снится то же самое, и она становится почтительной невесткой.

110. Человеку снится, что его обвиняют в том, что в одной из прошлых жизней он велел казнить пятьсот солдат; но его бывший слуга доказывает, что в гибели солдат виноват не он.

111. Дух-покровитель местности карает смертью человека, который шантажом довел до разорения своего соседа.

112. В умирающую женщину вселяется дух несправедливо обиженного человека, который умер много лет назад насильственной смертью.

113. О волшебном животном, которое карает преступников в Царстве мертвых.

114. Человек, приучавший лис-оборотней выполнять все его желания, сходится с лисой, которая рожает ему четырех мальчиков с хвостами. По просьбе лисы он обрубает им хвосты.]

(115.) МОЕТ В РЕКЕ ЗАРОДЫШИ

Дин Кай, курьер из уезда Фэнду, что в Сычуани, был послан с депешей в Куйчжоу. Проходя мимо заставы Гуймэньгуань [1], он увидел впереди каменную стелу с надписью «Граница миров *инь* и *ян*». Подойдя к основанию стелы, Дин долго глядел на нее и незаметно для себя оказался за пределами этого мира. Он хотел вернуться, но потерял дорогу, и ему пришлось пойти куда несли ноги. Так он дошел до какого-то древнего храма; изображение духа валялось разбитым, а стоявшее сбоку изображение духа с коровьей головой [2] было покрыто пылью и паутиной. Дин понял, что в храме нет монаха, и стал стирать рукавом пыль и паутину с изображения.

Снова пустившись в путь, он прошел еще два с чем-то ли и услышал журчание воды. Дорогу преграждала большая река, в которой какая-то женщина мыла овощи; овощи были лиловатого цвета, стебли и листья круглые, как у лотоса. Дин подошел поближе, чтобы разглядеть, и узнал свою покойную жену. Увидев Дина, она очень испугалась.

— Как вы попали сюда? — спросила она.— Здесь не должны появляться живые.

Дин ей все рассказал и спросил, где она живет и что за овощи она моет.

— После моей смерти,— сказала жена,— меня отдали в

жены прислужнику Яньло-вана, духу с коровьей головой. Дом наш под ясенем к западу от реки. А мóю я зародыши. Если вымыть зародыш десять раз, то родится здоровый и красивый мальчик. Если вымыть два-три раза, то родится обычный человек, а если совсем не мыть, то родится глупый и грязный человек. Яньло-ван распределил эти обязанности между всеми своими прислужниками, поэтому я вместо мужа и мóю зародыши.

— Можешь ли ты помочь мне вернуться в мир смертных? — спросил Дин.

— Надо подождать, пока вернется мой муж, и посоветоваться с ним,— ответила женщина.— Но я — ваша жена и жена духа. Мне будет очень неловко при разговоре старого мужа с новым.

Она привела Дина к себе домой, стала расспрашивать о домашних новостях и о родне. Вскоре послышался стук в дверь. Дин с испугу залез под кровать, жена открыла, вошел дух с коровьей головой. Он снял свою коровью голову и положил ее на стол,— это была маска. Когда он снял ее, то лицо его, улыбка, речь — все было, как у обычных людей.

— Очень устал,— сказал он жене.— Сегодня прислуживал Яньло-вану, когда он рассматривал несколько десятков дел, пришлось очень долго стоять и падать ниц, все тело ноет. Дай-ка побыстрее вина.— Затем он добавил с удивлением:— Пахнет живым человеком,— и, втягивая носом воздух, принялся искать.

Жена, понимая, что больше скрывать нельзя, вытащила Дина из-под кровати, поклонилась духу в ноги, рассказала обо всем и стала просить спасти ее прежнего мужа.

— Я помогу ему не только ради жены,— сказал дух,— он и сам заслужил это своим добрым поступком. Мое изображение в храме покрылось пылью и паутиной, а он его почистил. Это — большая заслуга, но я пока не знаю, сколько ему уготовано жить. Завтра пойду в судейскую канцелярию, потихоньку погляжу в списки. Так будет лучше.

Он велел Дину сесть за стол, и они втроем выпили. Когда принесли еду, Дин хотел взять палочки, но дух и жена поспешно остановили его:

— Бесовское вино не причинит вреда, а вот бесовскую пищу вам есть нельзя. Если поедите, то навсегда останетесь здесь.

На следующий день дух ушел из дому и вернулся только вечером. Очень довольный, он поздравил Дина:

— По спискам Царства мертвых вам еще не пришло

время расстаться с жизнью. Кроме того, меня посылают за наши пределы, и я смогу сам вывести вас из нашего мира.

Взяв в руку кусочек мяса красного цвета, от которого шла вонь, дух сказал:

— Это я дарю вам, на этом сможете разбогатеть.

Дин спросил, что это такое.

— Это мясо из спины некоего Чжана — богача из Хэнани. Он совершил злой поступок, Яньло-ван велел вбить ему крюк в спину и подвесить на горе Течжуйшань[3]. Полночи он висел, мясо порвалось, ему удалось сорваться с крюка и бежать. Сейчас он в мире смертных, но на спине у него язва, которую и тысяча врачей не сможет вылечить. Если вы принесете ему этот кусочек его мяса, растертый в порошок, и вотрете его в язву, то он выздоровеет и щедро вознаградит вас.

Дин кланялся и благодарил, мясо он завернул в бумагу и хорошенько спрятал. Когда вышли за заставу, дух исчез.

Дин прибыл в Хэнань. Действительно, у некоего Чжана была на спине язва. Дин вылечил его и получил пятьсот золотых.

(116.) ТРУП ИЗ ШИМЭНЯ

Сельский писец Ли Нянь-сян, родом из Шимэня, что в провинции Чжэцзян, чтобы поторопить людей с уплатой арендной платы, отправился в округ. Ночью он попал в заброшенную деревню, где не было постоялого двора. Оглядевшись, Ли заметил вдалеке свет в какой-то лачуге и пошел туда. Подойдя поближе, он увидел сломанную бамбуковую изгородь, калитка была закрыта, из-за нее слышались чьи-то стоны. Ли громко крикнул:

— Сельский писец такой-то просит пустить его на ночлег, откройте поскорее двери.

Никто не ответил. Ли заглянул за изгородь — вся земля была покрыта соломой, а в ней лежал человек, худой, как скелет, лицо, словно оклеенное серой бумагой, длиной цуней в пять с лишним, шириной больше трех цуней; он еле дышал и весь извивался. Ли понял, что это тяжело больной, и несколько раз окликнул его, пока тот наконец не отозвался тихим голосом:

— Пусть гость сам толкнет калитку.

Ли послушался и вошел. Больной сказал, что он заразился во время морового поветрия и что все его домашние умерли. Говорил он очень грустно, но все же стал настаи-

вать на том, чтобы пойти купить вина. Ли всячески его отговаривал, но тот так настаивал, что отказать было невозможно, и Ли пришлось дать ему двести цяней. Тот с большим трудом поднялся и, взяв деньги, ушел. Свет в доме потух. Ли очень устал и повалился на солому.

Вдруг он услышал какой-то свистящий звук, словно в соломе кто-то поднялся во весь рост. Забеспокоившись, Ли высек огонь из кремня и увидел худого человека с растрепанными волосами и лицом шириной цуня в три. Человек стоял с закрытыми глазами, как одеревеневший труп. Привстав, Ли окликнул его, но тот не отвечал. Ли испугался, снова высек огонь и заметил, что с каждой вспышкой огня лицо мертвого все приближалось к нему. Ли решил бежать отсюда. Согнувшись, он начал отступать; отступит на шаг, а труп приблизится на шаг. Еще больше испугавшись, Ли вырвал кусок изгороди и бросился наутек — труп за ним. Топча солому, задыхаясь, Ли как сумасшедший пробежал более ли, ворвался в винную лавку и с громким криком повалился на пол. Труп тоже упал. Хозяин винной лавки влил Ли в рот имбирного отвара, и тот пришел в себя. Когда он рассказал, что с ним случилось, то узнал, что моровое поветрие охватило всю деревню; преследовавший его труп был женой того больного человека. После смерти она еще не была положена в гроб; ощутив приближение мужского начала, душа *хунь* покинула ее. Деревенские жители пошли искать больного, который ушел за вином. Он упал замертво около моста, не дойдя шагов пятьдесят до винной лавки. Деньги были зажаты в его руке.

[117. В доме больного человека появляется бес, у которого нет сердца и грудная клетка просвечивает. Бес хочет отравить больного, чтобы воспользоваться его сердцем, но изображение Чжун Куя прогоняет беса.]

(118.) ХУДОЖНИК РИСУЕТ ПОРТРЕТ ТРУПА

Лю И-сянь из Ханчжоу был искусным каллиграфом и портретистом. По соседству с ним жили отец и сын. Отец умер, и сын, отправившись покупать гроб, через другого соседа попросил Лю И-сяня написать портрет его отца.

И-сянь пошел к ним в дом. Там никого не было. Подумав, что покойник лежит наверху, И-сянь поднялся по лестнице, присел на постель покойника, вынул кисти, и вдруг труп вскочил. И-сянь понял, что это ходячий труп, и сидел, не шевелясь. Труп тоже не двигался; закрыв глаза и нахмурившись, он все время разевал рот. И-сянь подумал, что если

он бросится бежать, то труп погонится за ним, и решил, что лучше уж заняться рисованием. Взяв кисти и развернув бумагу, он начал рисовать труп, а тот передразнивал каждое его движение. И-сянь стал громко звать, но никто ему не отвечал. Вскоре пришел сын умершего и поднялся наверх; увидев, что труп отца поднялся, он в ужасе грохнулся на пол, а шедший за ним сосед, увидев поднявшийся труп, так испугался, что свалился с лестницы. И-сяню пришлось напрячь всю свою волю, чтобы оставаться на месте, пока не пришли носильщики с гробом. Вспомнив, что ходячие трупы боятся метлы, И-сянь закричал:

— Принесите метлу!

Носильщики гроба поняли, что речь идет о ходячем трупе, взяли метлу, поднялись наверх и ударами метлы повалили труп на пол. Влив в рот лежавшего на полу сына имбирный отвар, они привели его в чувство, а труп уложили в гроб.

(119.) ИН-ЦЗЯО

Янчжоуская певичка Ин-цзяо в двадцать четыре года твердо решила выйти замуж. Был человек по имени Чай, который хотел взять ее в жены. Срок свадьбы уже был назначен, как в Ин-цзяо влюбился некий студент Чжу и за десять золотых попросил ее подарить ему радость. Певичка взяла деньги и сказала:

— В такой-то вечер приходите, и мы проведем ночь вместе.

Когда студент в назначенное время пришел, Ин-цзяо уже поднялась в паланкин, который должен был доставить ее в дом мужа. Чжу понял, что она обманула его, и раздосадованный ушел.

Через год Ин-цзяо заболела чахоткой и умерла. Чжу неожиданно увидел во сне, что Ин-цзяо вся в черном вошла к нему в дом и сказала: «Я пришла вернуть долг». Чжу в испуге проснулся. На следующий день в его доме родился черный теленок, который, словно привязанный, всюду ходил следом за Чжу. Когда его продали, за него выручили десять золотых. Деньги, потраченные на распутство, были возвращены вот таким ни на что не похожим способом.

[120. Оставшийся безучастным свидетель убийства лишается сына, которого убивают таким же способом, как первого убитого.

121. Вернувшись неожиданно домой, муж убивает женщину, лежавшую в объятиях соседского сына, приняв ее за свою жену.

122. Человек, случайно вспугнувший брачующихся барана и овцу, падает без чувств на пол, а потом его устами говорит женщина, чью связь с любимым он в прошлом перевоплощении также грубо прервал.]

(123.) СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ, ОБМАНУВ ЛЮДЕЙ, В НАКАЗАНИЕ ГУБЯТ ИХ

После того как нынешняя династия воцарилась во всей империи *, некий Гу безрассудно решил поднять население двух уездных городов, Чаншу и Уси, на мятеж. Был там некий Дянь, который понимал, что нельзя рассчитывать на успех, но и отговорить Гу невозможно, поэтому он обратился к людям с такими словами:

— В нашей деревне есть чудотворный храм Гуань-ди, почему бы не помолиться Гуаню и не устроить гадание, бросив в реку железный меч генерала Чжоу[1]? Если меч потонет, значит, нас ждет поражение, если же поплывет, значит, нас ждет победа и можно поднимать мятеж.

Человек этот был уверен, что меч обязательно потонет, поэтому и решил попробовать таким способом удержать народ.

Сначала вознесли моления Гуань-ди, а затем всей толпой пошли и бросили меч в воду. Меч поплыл по воде, как банановый лист. Все изумились и обрадовались. В тот же день был поднят мятеж, в котором участвовало несколько десятков тысяч человек. Но неожиданно прибыли правительственные войска и истребили всех до единого.

[124. Дух покойника преследует человека, мстя ему за обиду.]

(125.) СПРЯТАЛ ДУШУ В КУВШИН

В Юньнани и Гуйчжоу очень распространены магические талисманы и заклинания нечисти. Когда Фэй Юань-лун[1], служивший чиновником в суде, ехал в Юньнань, раб его семьи Чжан, ехавший верхом на лошади, вдруг громко закричал и свалился с лошади, а левая нога его исчезла. Фэй понял, что это дело нечисти, и объявил во всеуслышание:

— Тот, кто сможет вернуть ногу Чжану, получит награду.

Вскоре пришел какой-то старик и сказал:

— Я могу помочь. Когда Чжан был в родных местах, он, используя власть своего хозяина, держал всех в страхе, поэтому с ним и сыграли такую злую шутку.

* Т. е. после 1644 г.

Чжан стал умолять старика помочь ему. Старик развязал подвесной кошель и вынул оттуда ногу, крошечную, как у лягушки, подышал на нее, прочел заклинание и прилепил на место. Обе ноги у Чжана стали такими, как прежде, а старик, получив награду, ушел.

Кто-то спросил у достопочтенного Фэя, почему он не припугнул старика законом. Фэй ответил:

— Не принесло бы пользы.

Когда Фэй Юань-лун жил в Гуйчжоу, там был один негодяй, на которого было заведено столько судебных дел, что они высились словно гора. В суде его забили палками и труп бросили в воду, но по прошествии трех дней душа его вернулась в тело, а через пять дней он снова принялся за свои дурные дела. Так повторялось несколько раз, пока наконец не доложили об этом начальнику области. Тот сильно разгневался и попросил у трона разрешения отрубить преступнику голову. Тело и голова [казненного] находились в разных местах, но через три дня он снова ожил, голова и тело соединились, только на шее остался тонкий след, как красная нить. И снова он принялся за свои злые дела. Дошел даже до того, что избил свою старуху мать. Она обратилась с жалобой в суд. В руках она держала кувшин.

— Дурной сын,— сказала она чиновнику,— прячет свою душу в этом кувшине. Когда он сам понимает, что совершил серьезное преступление или очень дурной поступок, он остается дома, вынимает душу из тела, омывает ее и прячет в кувшин. И то, что власти карают или казнят,— это лишь его тело из плоти и крови. С помощью закаленной длительной практикой души он исцеляет свое разрубленное тело, и оно уже через три дня может вернуться к прежнему образу жизни. Но сейчас преступления его достигли предела — он избил меня, старуху, этого я снести не могу. Прошу вас, разбейте этот кувшин, развейте по ветру его душу с помощью ветрового колеса, и если после этого вы казните его снова, то можно надеяться, что мой дурной сын действительно умрет.

Сделали так, как она сказала. Его забили насмерть, а когда осмотрели труп, то увидели, что он уже начал разлагаться, хотя прошло меньше десяти дней.

(126). СТАРУХА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НЕЧИСТЬ

В двадцатом году правления под девизом Цянь-лун * в семье одного столичного жителя родился сын, у которого все

* 1755 г.

время были судороги, так что, не прожив и года, он умер. Когда у ребенка бывали приступы, появлялось какое-то черное существо, похожее на филина. Оно порхало вокруг лампы, и чем быстрее оно летало, тем сильнее задыхался ребенок. Когда же ребенок испустил последний вздох, черное существо исчезло.

Некоторое время спустя в другой семье ребенок заболел той же болезнью. Об этом услыхал некий Ао из императорской охраны, человек суровый и смелый. Он пришел в ярость, взял лук и стрелы и стал ждать. Когда черное существо появилось, Ао выстрелил в него. Раздался крик, и на землю закапала кровь. Пойдя по кровавому следу, Ао дошел до двойной стены, перелез через нее и дошел до дома Ли — начальника военной палаты. След исчез под кухонным очагом в доме. Ао вошел со своим луком на кухню, удивленный Ли вышел к нему и спросил, в чем дело. Они были родней, и Ао все ему рассказал.

Ли приказал поискать под очагом. В соседней комнате увидели старуху с зелеными глазами, в пояснице у нее застряла стрела, с которой капала кровь. По виду старуха напоминала обезьяну. Когда начальник военной палаты Ли вернулся из Юньнани, где он служил, он привез с собой эту старуху из племени мяо, она была очень стара и сама говорила, что не помнит, сколько ей лет. Заподозрив, что она и есть та нечисть, стали ее допрашивать под пыткой. Старуха призналась, что умеет читать заклинания, с помощью которых может превращаться в необычных птиц. Дождавшись второй стражи, она вылетала из дому и пожирала мозги маленьких детей. Так она погубила несколько сотен детей. Достопочтенный Ли пришел в страшную ярость, велел связать ее и заживо сжечь на костре.

После этого все стало спокойно и судороги у маленьких детей прекратились.

[127. Бог грома убивает женщину, плохо обращавшуюся со свекровью.]

(128.) ПОЙМАЛ БЕСА

Ван Ци-мин из Уюаня переехал в дом некоего *цзиньши в* Шанхэ; это было старое жилье родственника Вана — *цзиньши* Ван Бо. В год *цзя-у* правления под девизом Цянь-лун * ночью в первый день четвертой луны Ван Ци-мину приснился ка-

* 1744 г.

кой-то злой дух, а когда он проснулся, то увидел этого духа, ростом с целый дом, стоявшего у его постели. Ван был человеком смелым, он вскочил и кинулся на беса, тот бросился к дверям, выбежал, но налетел на стену. Вид у него был очень растерянный. Ван догнал его, схватил за пояс. Но вдруг подул холодный ветер, лампа погасла, лица беса не было видно, а на ощупь он был очень холодным, и тело у него стало как бочка. Ван хотел позвать на помощь домашних, но голос застрял у него в глотке. Прошло много времени, пока ему удалось наконец закричать. Домашние отозвались. Тотчас же бес стал маленьким, как грудной ребенок, и когда люди прибежали с факелами, в руках у Вана был лишь клочок истлевшей ваты. За окном начали дождем сыпаться черепица и кирпичи. Домашние Вана в страхе стали просить его отпустить беса, но Ван засмеялся и сказал:

— Бесы напрасно пугают людей. Что они могут сделать? Если я его отпущу, то этим помогу творить зло. Лучше убить одного в назидание сотне других!

Левой рукой зажав беса, он взял принесенный домашними факел и стал поджаривать беса. Раздался треск, брызнула кровь, которая воняла так, что, когда прибежали перепуганные соседи, им пришлось зажать носы. Кровь стояла на земле больше чем на цунь в высоту, вонючая, жирная, как клей.

Так и осталось неизвестно, что это был за бес. Мой родственник Ван Фэн-тин увековечил эту историю в стихотворении «Поймал беса».

[129. Человеку снится, что он попал за реку и увидел покойную мать и жену. По просьбе жены монах помогает ему вернуться в мир смертных, но вскоре, как и предсказывала жена, он умирает.

130. Ветром относит джонку туда, где живет Паньгу, из тела которого, по преданиям, произошел мир.]

ЦЗЮАНЬ ШЕСТАЯ

[131. Монах из буддийского храма ухаживает за живущей при храме свиньей, как за человеком: в прошлой жизни свинья была крупным чиновником.

132. Разбойник притворяется магом и выманивает у семьи богача драгоценности, обещая приготовить из них эликсир долголетия.]

(133.) ВОЛОСАТЫЕ ЛЮДИ ВРЕМЕН ЦИНЬ *

В уезде Фансянь, что в области Юньян в Хугуане, есть гора Фаншань, высокая и неприступная, уединенная и далекая; в ней есть пещеры, похожие на комнатушки. В этих пещерах живет множество волосатых людей. Ростом они более чжана, все их тело покрыто волосами; они выходят из пещер, чтобы поедать людей, кур, собак.

Тот, кто сопротивлялся, выхватывал огнестрельное оружие и стрелял в них, не мог их даже ранить: пули падали на землю. Говорят, что единственный способ справиться с ними — это схватиться врукопашную и кричать: «Воздвигают Великую стену! Воздвигают Великую стену!» Тогда волосатые люди немедленно обращаются в бегство.

У меня был старый друг, господин Чжан Юй. Когда-то он служил в тех местах и сам убедился, что это правда.

Местные жители говорят, что во времена династии Цинь, когда воздвигали Великую стену, многие попрятались в горах. Они долго не умирали, а превратились в этих волосатых людей. Увидав людей, они обязательно спрашивают, закончилось ли уже строительство Великой стены, благодаря этому их узнают и пугают. Прошло уже несколько тысяч лет, но они все еще боятся циньских законов; отсюда видно, какой страх внушил император Ши хуан [1].

(134.) ЗВЕРЬ *МО*

На горе Фаншань водится зверь *мо*, он любит поедать медь и железо, а людям вреда на причиняет. Как только завидит плуги, мотыги, ножи, топоры местных жителей, у него даже слюни текут и он ест их, как мясо. Эти звери сожрали все железо на городских воротах.

(135.) ЧЕЛОВЕКОПОДОБНОЕ

В районе Халхи есть животное, похожее на обезьяну, но не обезьяна. Китайцы называют его человекоподобным, а инородцы — *гэли*. Оно постоянно подглядывает за [живущими] в хижинах, клянчит у людей еду и питье или просит табак. Когда человек позовет его, оно идет на зов.

Был один генерал, который приручил такое животное, заставлял его резать солому, собирать хворост, таскать воду

---

* 246—207 гг. до н. э.

из колодца... Животное оказалось очень способным и послушным. Через год у генерала истек срок службы в этих краях, и он собрался домой; человекоподобное стало перед генеральским конем, и слезы его лились дождем. Оно бежало за конем более десяти ли и все не отставало. Тогда генерал сказал ему:

— Ты не можешь сопровождать меня до Китая, так же как я не могу остаться с тобой в этих краях. Ты проводил меня, а теперь хватит.

Человекоподобное жалобно вздохнуло и пошло прочь, все время оглядываясь и провожая генерала глазами.

(136.) ЧЕЛОВЕК-КРЕВЕТКА

Когда установилась нынешняя династия, один старик, верный династии Мин [1], хотел погибнуть за родину, но не соглашался умереть от ножа, веревки, огня и воды, а мечтал весело умереть, как синьлинский правитель [2]. Он губил себя вином и женщинами, у него было множество жен и наложниц, и он целыми днями предавался разврату. Так прошло несколько лет, но он все не умирал, а лишь подорвал свое здоровье. Голова его скривилась набок, спина сгорбилась, он весь скрючился, как вареная креветка, и люди в насмешку прозвали его «человек-креветка».

[137. Красивого юношу, которого утка ущипнула за ягодицу, прозвали «любовником утки».

138. Студент, сошедшийся с красавицей-оборотнем, заболевает от истощения, никакие амулеты не помогают, пока даосский маг не превращает красавицу в черный пар.

139. Юноше предсказано духом, что он получит должность, он умирает после сдачи экзамена, дух его, вызванный гадателем, сообщает, что получил должность в Царстве мертвых, и жалуется на занятость делами.

140. Повар вступает врукопашную с бесом, который превращается в крошечный кусочек мяса и исчезает.]

(141.) В ВОРОТАХ ПРИЩЕМИЛИ БЕСУ НОГУ

Инь Юэ-хэн жил за воротами Гэншань [1] в Ханчжоу. Возвращаясь как-то домой с порогов реки Ша, он нес за пазухой полцзиня водяных орехов. Дорога шла мимо пруда Боюй [2], люди здесь встречались редко, место было заброшенное, неподалеку находилось несколько общественных могил.

Инь вдруг почувствовал, что сверток за пазухой стал совсем легким, пощупал — а орехов нет. Тогда он повернул

назад, чтобы поискать свои орехи, дошел до могил и на одной из них увидел орехи, уже расколотые и очищенные. Инь поднял орехи, положил их за пазуху и поспешил домой.

Не успел он съесть все орехи, как заболел и стал громко кричать:

— Мы давно не ели водяных орехов, хотели одолжить у тебя и насладиться ими, а тебе обязательно потребовалось возвращаться за ними. Раз ты такой жадный, мы пришли в твой дом и пока не наедимся до отвала, не уйдем!

Домашние Иня перепугались и выставили угощение, чтобы искупить вину хозяина дома.

У жителей Ханчжоу есть обычай: когда выпроваживают беса, то человек, идущий впереди, провожает беса за ворота, а идущий сзади запирает ворота. Эта семья последовала обычаю, но ворота закрыли слишком поспешно, и Инь громко закричал:

— Если вы пригласили гостей, так надо принимать их с должными почестями. Мы еще не вышли, а вы уже заперли ворота и прищемили мне ногу. Боль непереносимая! Если вы не приготовите снова большое угощение, то я вообще не выйду за ворота!

Пришлось снова изгонять бесов молитвами и приношениями, и только тогда Инь пришел в себя. Ему становилось то лучше, то хуже, болезнь не оставляла его, и в конце концов он умер.

(142.) МОЛИТВЕННОЕ И ЖЕРТВЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ ГРОМА[1]

Хуан Сян-чжоу рассказывал:

У одного крестьянина, жившего поблизости от меня, был сын. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, его убило громом. Отец его сочинил молитвенное и жертвенное обращение к грому, в котором говорилось: «Кто посмеет оскорбить бога грома? Кто посмеет воспрепятствовать богу грома? И все-таки у меня есть вопрос к богу грома: если это наказание моему сыну за грехи, совершенные в этой жизни, то ведь ему только-только исполнилось пятнадцать лет; если же это наказание за грехи, совершенные в прошлой жизни, то почему ему вообще была дарована эта жизнь? Бог грома! Бог грома! Что ты скажешь на это?»

Сочинив это обращение, он написал его на желтой бумаге и сжег.

Внезапно раздался удар грома, и сын ожил.

[143. Юноше во сне является древний историк, который говорит, что юноша будет продолжать его труды.]

(144.) ЧЖОУ ЖО-СЮЙ

Чжоу Жо-сюй долго бедствовал, сорок с лишним лет он учительствовал в деревне Сецзядянь. Все местные жители, и старые и малые, учились у него.

Однажды вечером, после ужина, когда он сидел один в школе, пришел его ученик, некий Фэн, поклонился и попросил Жо-сюя срочно пойти к нему домой по очень важному делу. Сказав это, Фэн попрощался; вид у него был встревоженный и огорченный.

Жо-сюй вспомнил, что Фэн давно уже умер, значит, тот, кого он видел, был бес; он сильно испугался.

Когда Жо-сюй пришел в дом Фэна, отец того, [Фэн] Мэн-лань, стоял за воротами; увидев Жо-сюя, он пригласил его зайти в дом, выпить. Жо-сюй не стал объяснять ему, почему он пришел, а начал разговор о будничных делах. Подошло уже к третьей страже, возвращаться домой было невозможно, и Мэн-лань оставил гостя ночевать в верхнем помещении. Ему поставили там лежанку, а за стеной спала госпожа Ван — жена покойного Фэна. Оттуда слышались какие-то звуки, похожие на рыдания.

Жо-сюй зажег свечу и не стал ложиться спать. Вскоре он увидел, что по лестнице поднимается женщина в черном; вытянув шею, она заглянула в комнату. Сначала была видна только часть ее лица, потом и вся фигура.

— Кто это? — спросил Жо-сюй.

— Господину Чжоу в такое время следовало бы спать,— злобно ответила женщина.

— Сплю я или нет, какое вам до этого дело? — сказал Жо-сюй.

— А какое дело вам до того, кто я такая? — спросила женщина.

Волосы у нее были растрепаны, по лицу лилась кровь; взмахнув веревкой [1], она бросилась вперед. Жо-сюй закричал. Старый [Фэн] Мэн-лань с факелом в руках поднялся наверх. Жо-сюй рассказал ему, что видел. Тогда старик крикнул невестке, чтобы открыла двери. Та не откликалась. Взломали дверь, вошли — а невестка висит на балке. Жо-сюй и старик сняли ее, стали приводить в чувство. Через некоторое время женщина пришла в себя. Так как утром она поссорилась с младшей сестрой мужа, а свекор выбранил ее, она решила

покончить с собой. Злая бесовка воспользовалась этим и пришла [найти себе замену]. Муж, находясь в Царстве мертвых, узнал об этом и попросил помощи у Жо-сюя.

[145. Даосский монах моет ветром руки.

146. Душа покойного вселяется в тело женщины, обидевшей его, когда он был мальчиком. Даосский маг с трудом ее изгоняет.

147. Смельчак изгоняет беса из помещения, которое тот долго занимал.

148. Лиса-оборотень выдает себя за соседскую девушку, в которую влюблен сын рассказчика.

149. Во время написания сочинения экзаменующийся кричит от боли; его бьют палками в Царстве мертвых, куда пожаловалась на него душа погубленного им красавца юноши.]

(150.) ВЕТЕР ЧУДИТ

В Дацзинпине, что в Лянчжоу, у горы Суншань, в песках находится древнее поле [боя]. Командующий Тасыха[1] вел свои войска мимо этого места; повсюду белые травы и желтые облака, им не было конца и предела. Внезапно увидели гору высотой в тысячу жэней, внутри ее виднелись десятки тысяч искр, затмевавших своим сиянием солнце. Затем послышались такие раскаты грома, что и люди и лошади испугались. Командующий закричал, что гора движется. Вскоре она приблизилась к ним. [Люди] не успели уклониться и, зажмурив глаза, попрыгали с лошадей наземь, поддерживая друг друга. Через мгновение все кругóм потемнело, люди катались по земле, лошади тоже упали. Прошло много времени, пока все успокоилось. У тридцати шести человек лица были залиты кровью: камешки впились им под кожу на глубину полцуня. Оглянулись на гору — а она уже отодвинулась на несколько десятков ли.

Наступил вечер, когда они прибыли в лагерь Дацзинпин. Тасыха доложил [о случившемся] главнокомандующему Ма Чэн-луну. Тот, улыбнувшись, сказал:

— Это ветер чудит, а не гора перемещается. Если бы гора двигалась, то и вы и все остальные погибли бы. Ветер на границе холодный, здесь часто случается такое. Смертельных случаев не бывает, но вас и других побило камнями, и шрамы останутся навсегда.

[151. Девушка постоянными молитвами в храме духа-покровителя местности возвращает здоровье своему тяжело болевшему отцу.]

(152.) СТАРУХА ПРЕВРАТИЛАСЬ В ВОЛЧИЦУ

В Яйчжоу, что в провинции Гуандун, у одного крестьянина по фамилии Сунь была мать-старуха лет семидесяти с лишним. Как-то вдруг обе ее руки обросли шерстью, которая стала расти и на животе, и на спине, а потом [даже] на ладонях; шерсть была повсюду длиной более цуня. Тело постепенно скрючилось, вырос хвост. Однажды она упала на пол, превратилась в белую волчицу, распахнула ворота и выбежала. Домашние не могли ее удержать. Говорят, что каждый месяц или через две недели она возвращалась домой, чтобы повидать сына и внуков, ела и разговаривала, как в прежние дни. Соседи ее ненавидели и решили зарезать или застрелить из лука. Тогда невестка купила свиное копыто, дождалась, когда старуха снова придет, и сказала ей:

— Свекровь съест это угощение, и больше ей приходить не следует. Ваши дети и внуки знают, что вы любите свою семью и не причините ей вреда. Но соседям откуда это знать? Они могут ранить вас ножом или стрелами. Каково будет вашему сыну и невестке?

Невестка замолчала, а волчица жалобно завыла. Потом она обошла весь дом напоследок, ушла и больше уже никогда не приходила.

[153. Развратники убивают собаку, пытавшуюся спасти от них своего молодого хозяина. Появляется другая, старая собака, которая кусает насильников и спасает юношу. Во сне ему является его собака, душа которой переселилась в тело старой собаки, искусавшей насильников. Он выкупает ее у хозяина.

154. Богиня радуги вознаграждает человека за услугу, оказанную ей, когда она в образе старой крестьянки просила перевезти ее через реку.

155. Дух покойного ученого спасает человека, которого маленькие бесы завели в трясину.]

(156.) ПРИГВОЖДЕННЫЙ БЕС ОСВОБОДИЛСЯ

Сыщик Инь Цянь из Цзюйжуна славился умением ловить воров. Каждую ночь он караулил в уединенных местах. Однажды, когда он шел в одну из деревень, его толкнул в спину какой-то человек с веревкой в руках, который очень быстро бежал. Инь подумал, что это наверняка разбойник, и побежал за ним следом. Добежав до какого-то дома, человек перелез через стену и вошел в дом. Инь подумал, что лучше не арестовывать его сейчас, а подождать. Если взять его сейчас и отвести к чиновнику, то вознаграждения могут и не

дать, а если подождать, пока тот выйдет с добычей, то наверняка дадут большую награду. Вдруг послышался тихий жалобный плач. Охваченный подозрениями, Инь перелез через стену и вошел в дом. Он увидел женщину, причесывавшуюся перед зеркалом, а на балке человек с растрепанными волосами пытался накинуть ей на шею веревку.

Инь понял, что это — дух повесившейся, который ищет себе замену. Он громко закричал, разбил окно и влез в комнату. Прибежали испуганные соседи. Инь рассказал им, в чем дело. И действительно, они увидели женщину, висящую на балке. Они сняли ее и вернули к жизни. Свекор и свекровь женщины пришли их благодарить, принесли вино. Когда все разошлись, Инь пошел домой прежней дорогой. Еще не рассвело; сзади послышались шаги, Инь оглянулся — это был бес с веревкой.

— Какое тебе дело до того, что я ловил ту женщину,— закричал бес злобно.— Ты помешал мне! — И стал обеими руками дубасить Иня.

Тот был человек смелый и крепкий и ответил такими же ударами; места, которых касался его кулак, были холодные и вонючие.

Постепенно рассвело, бес с веревкой стал ослабевать, а у Иня сил прибавилось. Он крепко схватил руками беса и не отпускал. Появившийся на дороге прохожий увидел, что Инь обнимает гнилое дерево и яростно бранится. Подойдя ближе, прохожий заметил, что Инь ведет себя словно во сне. Когда Инь пришел в себя, гнилое дерево упало на землю. Инь рассвирепел:

— Бес прилип к этому дереву, я его не пощажу!

Он взял гвоздь и прибил дерево к столбу в своем дворе. Каждую ночь слышались стоны и плач, словно от невыносимой боли. Прошло несколько ночей, и стали слышаться другие голоса, словно маленькие дети пришли утешать беса и просить Иня пощадить его. Но Инь не обращал на это внимания.

Один из бесов сказал:

— Счастье твое, что хозяин дома пригвоздил тебя, а не привязал веревкой, это было бы куда хуже.

На следующий день Инь заменил гвоздь веревкой. До вечера не было слышно плача, а на следующий день гнилое дерево исчезло.

[157. Чиновник ранит беса, который воровал вино у него из-под носа.
158. Предсказание, сделанное гадателем, сбывается.]

ЦЗЮАНЬ СЕДЬМАЯ

(159.) ДВЕ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ ДОСТОПОЧТЕННЫМ ИНЬ ВЭНЬ-ДУАНЕМ[1]

В пятнадцатом году правления под девизом Цянь-лун* достопочтенный Инь Вэнь-дуань был губернатором в Шэньси. Некий Гу из Сучжоу, назначенный начальником округа Суйдэ, всегда имел цветущий вид, но, когда в девятую луну указанного года он прибыл в Сиань и попросил аудиенцию, он выглядел очень плохо, и достопочтенный Инь спросил, не болен ли он.

Преклонив колени, Гу ответил:

— Всю свою жизнь я учился и никогда не верил в сверхъестественные силы, к тому же разве я посмею занимать вас всякими выдумками! Мне предстоит сегодня умереть, и я считал своей обязанностью доложить вам обо всем.

В седьмой день пятой луны этого года, ранним утром я сидел в своем кабинете и вдруг увидел, как вошел человек в черной одежде и шапке. В руке у него была пригласительная карточка. «Такой-то сановник просит вас, достопочтенный, произвести допрос. Лошадь ожидает вас»,— сказал он.

Я посмотрел на карточку; на ней стояло имя Тан Ши, чиновника одного со мной ранга. Я сел на лошадь и выехал из города. Проехав тридцать ли к северу, я доехал до присутственного места. Там меня встретил человек в одежде и шапке, какие носили в древности. «Вы напрасно прибыли, почтенный,— сказал он.— Если вы хотите, чтобы ваше имя было в списке, посылаемом верховному владыке, то это можно оспорить».

Я молчал. Стоявший рядом писец опустился на колени и раскрыл книгу, в ней был неоконченный очерк моей жизни, который сможет быть завершен только в двадцать четвертый день восьмой луны. Человек в древней одежде приказал тому, в черном, проводить меня домой, так как назначенный срок еще не наступил.

Я снова сел на лошадь, проехал тридцать ли и вошел в свой дом. Там я увидел мое мертвое тело, лежавшее на постели, рядом рыдала жена. Человек в черном втянул меня в мое мертвое тело через рот, но я не мог найти себе места: мои конечности, мышцы, кости и внутренности — все болело.

---

* 1750 г.

После того как ко мне вернулось сознание, меня пришлось кормить и поить.

С тех пор я снова занимался делами, а когда подошло утро 24-го дня восьмой луны, оделся, простился с сослуживцами, друзьями, женой и детьми и, плача, сказал:

— Пока не остыл труп, повремените обряжать покойника до полудня.

Потом я потерял сознание. Действительно, человек в черном прибыл и проводил меня туда, где я уже был раньше.

В зале за двумя столами друг против друга сидели люди в древних одеждах и головных уборах, как в суде в мире смертных. Писец делал перекличку; знакомых мне имен не было. Третьим было названо имя низшего служащего из этого округа, а восемьдесят пятым — имя писца из этого округа. Остальные, хотя и были мне знакомы на вид, но как их зовут, я не знал. Двух человек вызвали к столу, чтобы допросить. Они утверждали, что не знают, как попали сюда. На это человек в древней одежде сказал, смеясь: «О чем вы говорите? Вам уже давно полагалось здесь служить».

Поняв, в чем дело, я спросил, когда мне положено прибыть.

«В седьмой день десятой луны этого года,— последовал ответ,— а пока можете вернуться и заниматься служебными делами».

Мы попрощались, и я снова стал жить, как прежде. Но тело мое было в еще худшем состоянии. Вскоре в уезде начался мор, и один писец и курьер умерли во время него.

Сейчас наступила уже девятая луна. Срок моей смерти недалек. Поэтому я и приехал проститься с вами.

Достопочтенный Инь выразил Гу свое сочувствие. Заливаясь слезами, Гу попрощался и ушел.

В первую луну следующего года, совершая инспекционную поездку, Инь проезжал через Суйдэ. Ему вспомнилась эта история, и он спросил о Гу. Оказалось, что тот здоров.

Гу явился с визитом, вид у него был цветущий, как всегда.

— Как же это вышло,— спросил в шутку Инь,— что предсказание бесов сбылось для писца и курьера, но оказалось ошибочным в отношении вас?

Гу, отвешивая поклоны, благодарил за оказанное ему внимание; он и сам не понимал, как это случилось.

Когда достопочтенный [Инь Вэнь-дуань] был губернатором в Шэньси, начальник уезда Хуаинь прислал ему следующее донесение:

«Излагаю в подробностях столкновение со злым духом и рапортую о своей смерти. Перед третьим залом в моем присутствии есть старый ясень, затемняющий помещение. Я хотел его срубить, но служащие сказали:

— У этого дерева есть свой дух, поэтому его нельзя рубить.

Я не поверил и приказал срубить дерево, да еще и корни выкорчевать. Когда корни выкорчевали, то показался кусок свежего мяса, а под ним рисунок с изображением нагой женщины, лежавшей навзничь. Я с отвращением сжег рисунок, а мясо отдал на съедение собаке. В ту же ночь я почувствовал смятение в душе. Я не был болен, но стал чахнуть, и с каждым днем мне становилось все хуже. Какие-то противные звуки бились в моих ушах, глазам ничего не было видно, но уши слышали. Я понял, что мне недолго осталось жить на этом свете. Прошу вас, пошлите на мое место другого».

Получив это донесение, достопочтенный Инь положил его в рукав, а потом дал его прочесть своему приятелю, спросив при этом:

— Как надо ответить на это донесение?

Не успел он еще кончить фразу, как из уезда Хуаинь прибыло донесение о смерти начальника [уезда] от тяжелой болезни.

[160. Человек исчезает, видимо став бессмертным.]

(161.) БЕС МОРОВОГО ПОВЕТРИЯ

В год *бин-цзы* правления под девизом Цянь-лун * дядя Сю И-шэня из Хучжоу — Юэ Лю-минь, назначенный начальником канцелярии, поселился в доме, пожалованном министром роду Юэ. Когда Сю И-шэнь вернулся в Хучжоу, он посетил своего дядю. Стояла жаркая погода, и Сю мылся в кабинете. Луна светила не ярко. Сю почувствовал, что из окна несет каким-то вонючим дымом и дует так, что лежавшая на столе метелочка из петушиных перьев крутилась не переставая. Сю постучал по кровати и крикнул. Тогда висевшее на кровати полотенце и чашка с чаем вылетели из окна. За окном росло самшитовое дерево, раздался треск — чашка ударилась о него и разлетелась на куски. Сю испугался и послал слугу поглядеть. Тот увидел, как черная тень обвила осколки, послышались звуки, словно падает черепи-

* 1756 г.

ца. Прошло много времени, пока наконец не наступила тишина.

Сю сидел на постели и вдруг увидел, как метелочка снова задвигалась. Тогда он встал и взял метелочку в руку; она была мягкая и влажная, как растрепанные женские волосы, и от нее шел такой запах, что невозможно было находиться близко. Из руки Сю в плечо ударил холод, но он терпел и не выпускал метелочку. В углу вдруг послышались звуки, доносящиеся как будто из чана. Сначала это было похоже на то, как учится говорить попугай, потом на лепет ребенка:

— Моя фамилия У, имя Чжун, я пришел с озера Хунцзэху. Испуганный молнией, я спрятался здесь, молю вас отпустить меня.

— Сейчас в Умэне сильный мор,— сказал Сю,— уж не бес ли ты морового поветрия?

— Да,— послышалось в ответ.

— Раз ты бес морового поветрия,— сказал Сю,— тем более я не отпущу тебя, чтобы ты не причинял вреда людям.

— Есть средство избежать заразы,— сказал бес,— осмелюсь просить вас пощадить меня в обмен на рецепт.

Сю приказал бесу назвать лекарства и записал их. Вонь была ужасная, а холод в руке Сю стал совсем нестерпимым, так что он хотел было выпустить метелочку из рук, но боялся, что она натворит бед. Тогда он велел слуге, стоявшему рядом, опустить метелочку в винный кувшин и запечатал отверстие; кувшин бросили в озеро Тайху.

Рецепт был такой: «Четыре ляна трюфелей, брызги фольги из тридцати пластинок, три цяня киновари, один лян квасцов, четыре ляна ревеня смешать с водой, приготовить пилюли, на каждый прием по три цяня».

Начальник сучжоуской области Чжао Вэнь-шань попросил этот рецепт, чтобы помочь народу, и все остались живы.

[162. Бессмертный избавляет человека от нечисти, преследующей его семью.]

(163.) ТРИ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ ИСТОРИОГРАФОМ СЯ

Когда господин Ся Ли-гу[1] из Гаою, назначенный инспектором училищ в Хунань, проезжал на джонке по озеру Дунтин, поднялся сильный ветер и волны. Множество джонок вынуждено было причалить к берегу.

Господин Ся, человек нетерпеливый, хотел прибыть на место в назначенный срок, поэтому приказал рулевому идти

против ветра. Остальные джонки, следуя за ним, подняли паруса. Когда они доплыли до середины озера, ветер стал еще сильнее, все вокруг потемнело, белые валы вздымались как горы. На поверхности озера появились два крошечных человечка ростом в чи с небольшим, с черными лицами. Они показали знаками, чтобы джонки остановились. Люди во всех джонках видели их.

Вскоре ветер стих, выглянуло солнце, и тьма исчезла.

Слуги из канцелярии инспектора училищ, где поселился господин Ся, средь бела дня видели нечисть, и каждый, кто ее видел, обязательно заболевал. Супруга господина Ся велела запереть двери и запретила слугам и детям выходить в сад после полудня, а господина Ся просила принести жертвоприношение, но он не верил [слухам].

Как-то ночью, читая при светильнике, он услышал несущийся с запада жалобный плач. Звуки становились все громче, в окна стал бить летящий песок, словно струи дождя.

Господин Ся громко крикнул:

— Я понял, чего вы хотите, завтра принесу вам жертвы. Ладно?

Постепенно шум стал удаляться и вскоре совсем затих.

Наутро достопочтенный Ся отправился искать место, откуда доносились звуки. Оказалось, это разрушенное здание, где находились несколько десятков дощечек с именами лиц, скончавшихся на посту инспектора училищ. Придерживаясь списка, господин Ся принес им всем жертвы, и с тех пор чудеса здесь прекратились.

Чжу Ши-сю, ученик достопочтенного Ся, ехал из Фуцзяни в столицу. Когда он доехал до уезда Шипин, в Шаньдуне, наступил уже вечер, и надо было укрыться где-то на ночь от ветра и дождя. Чжу послал вперед слугу, чтобы тот отыскал постоялый двор, а сам остался ждать его в экипаже у развилки трех дорог.

Когда наступила вторая стража и совсем стемнело, Чжу увидел вдалеке меж деревьев свет, то поднимавшийся наверх, то опускавшийся вниз, и решил, что это идет слуга с факелом. Вскоре свет приблизился; он был огромный, как несколько десятков колес, соединенных вместе. Когда свет взмывал вверх, он достигал неба, а когда опускался вниз, то доставал до лошадиных копыт. Испуганный Чжу понял, что

это не может быть светильник, сделанный руками человека. Когда свет совсем приблизился, в нем стали видны три человека, прошедшие мимо экипажа. У того, что был в середине, глаза находились на лбу, одет он был в красное платье с широким поясом, осанка его была величественной, с обеих сторон его поддерживали под руки двое красавцев в парчовых одеждах; впереди быстро шел седой сгорбленный старик, на спине у него было отверстие, похожее на пиалу, из которого исходил свет, словно дым из дымохода очага. Увидев людей, они не выразили ни удивления, ни испуга, а продолжали свой путь; дойдя до дальней деревни, исчезли в ней.

Вскоре подошел слуга с хозяином постоялого двора. Когда Чжу рассказал им о том, что видел, оба очень удивились.

[164. Дух-покровитель города спасает поэта, отравленного древним бесом, который губил знаменитых людей.]

(165.) БЕС-ПОСЫЛЬНЫЙ ПОЗАРИЛСЯ НА ВИНО

Юань Гуань-ланю из Ханчжоу было уже сорок лет, но он не был женат. Ему очень понравилась красавица дочь соседа. Девушка отвечала ему взаимностью, но отец ее был недоволен тем, что Юань беден, и отказал ему. От любовной тоски девушка заболела и умерла. Юань очень тосковал по ней и лил слезы. Как-то лунной ночью, не зная, как развеять печаль, он в одиночестве пил вино; вдруг в углу у стены он заметил человека с растрепанными волосами, который держал в руках веревку, словно ведя кого-то на ней. Человек этот искоса поглядывал на Юаня и тихонько посмеивался. Решив, что это соседский посыльный, Юань подозвал его:

— Хотите выпить?

Тот кивнул головой. Юань налил ему чашку и подал. Тот понюхал, но пить не стал.

— Не нравится, что холодное? — спросил Юань.

Тот снова кивнул головой.

Юань подогрел чашку и протянул человеку, тот снова понюхал, но не пил. Когда он нюхал вино, лицо его покраснело, он широко разинул рот и не закрывал его. Юань влил ему вино в рот; с каждым глотком лицо человека уменьшалось, а когда он выпил весь чайник, то и лицо его и тело стали маленькими, как у новорожденного ребенка. Он не мог двинуться, а на веревке у него оказалась соседская девушка. Юань очень обрадовался, взял глиняный сосуд, затолкал туда человека с растрепанными волосами, запечатал отверстие и

нарисовал восемь триграмм [1], чтобы тот не мог выбраться наружу. Затем он освободил девушку от пут, ввел ее в дом, они стали мужем и женой. Ночью девушка обретала плоть и сливалась с ним в близости, днем же ее было только слышно.

Так прошел год. Как-то она радостно сказала:

— Я смогу снова жить и быть вам настоящей женой. Завтра в такой-то деревне умрет одна девушка. Я воспользуюсь ее трупом и смогу ожить. Если вы сочтете это возможным, то сэкономите и на свадебных расходах.

На следующий день Юань отправился в ту деревню. Действительно, там умерла девушка, труп которой только обрядили. Мать и отец девушки горько плакали.

Юань обратился к ним:

— Согласитесь отдать ее мне в жены! У меня есть средство, с помощью которого душа ее вернется.

Родители девушки очень обрадовались и дали согласие. Юань что-то пошептал девушке на ухо, и она тут же вскочила. Вся деревня была в смятении, считая ее духом. То, что девушка вспоминала, касалось не ее семьи. Через год она постепенно стала все понимать, а облик ее был краше, чем у первой девушки.

[166. Человек помогает безвинно погибшему духу, который становится духом-хранителем города.

167. Дух покойной жены давно умершего генерала завлекает человека; с трудом удается изгнать духа.

168. Встреченный на дороге старик провожает человека, мечтавшего изучить секреты даосов, во дворец, где государь-ребенок велит ему вернуться в мир смертных, так как ему на роду не написано стать бессмертным.

169. Человека призывают в Царство мертвых, где он судит бесов и отказывается освободить трех бесовок. Вернувшись, узнает, что его сочли мертвым и оплакивали его труп. Через несколько лет умирают все три его невестки — это месть тех трех бесовок.]

(170.) ВОЛОСАТЫЙ ВЕЛИКАН ХВАТАЕТ ЖЕНЩИНУ

На северо-западе большинство женщин, справляя малую нужду, не пользуются ночным горшком. В уезде Сяньнин провинции Шэньси была женщина по фамилии Чжао, лет ей было двадцать с небольшим, чистенькая, красивая. Однажды лунной ночью в самый разгар лета она выскочила полураздетая по малой нужде и долго не возвращалась. Муж ее услыхал за стеной шум, словно падает черепица, забеспокоился и вышел посмотреть. Видит — жена, совершенно голая, висит

на стене, ноги по ту сторону, а руки — по эту. Он подхватил ее, но она не могла произнести ни слова, только разевала рот, из которого вылетали куски глины. Когда она наконец смогла заговорить, то рассказала:

— Вышла, чтобы помочиться, только спустила штаны, как вдруг увидела за стеной огромного волосатого человека со сверкающими глазами. Он манил меня рукой. Я побежала прочь, но он протянул из-за стены огромную ручищу, схватил меня за волосы и втащил на стену. Потом он замазал мне рот глиной и стал стаскивать меня со стены. Я уцепилась обеими руками за стену, но сил уже не хватало. Тут, к счастью, ты подоспел мне на помощь.

Чжао вытянул шею и посмотрел за стену: там действительно оказался огромный волосатый человек, похожий на обезьяну, который сидел под стеной на корточках, держа обеими руками женщину за ноги. Чжао обхватил жену и стал тащить ее к себе, но сил у него не хватило. Тогда он стал звать соседей, но те жили далеко, не отозвались. Чжао бросился в дом, схватил нож, думая ударить им волосатого человека по рукам и освободить жену. Пока он бегал за ножом, волосатый человек утащил женщину за стену. Чжао распахнул ворота и побежал вдогонку. Тут прибежали соседи. Волосатый великан бежал с быстротой ветра. Женщина жалобно звала на помощь. Бежали более двадцати ли, но так и не догнали.

На следующее утро пошли по следам, оставленным огромными ногами великана. Среди деревьев увидели мертвую женщину. Руки и ноги ее были связаны огромными лианами, на губах следы зубов великана, на теле — следы насилия, кожа порвана, кости обнажились, земля на целый доу залита кровью. Вся деревня горевала, и даже чиновник, которому сообщили об этом, не мог удержаться от слез.

Тело покойной положили в богатый гроб. В погоню за великаном были посланы охотники, но его так и не нашли.

[171. Красавица-оборотень несколько раз уводит с собой студента, в последний раз он вообще не возвращается домой.]

(172.) ЛИСА-БЕССМЕРТНАЯ В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ ЛЕТ ВЫДАЕТ СЕБЯ ЗА ГУАНЬ-ИНЬ

Студент Чжао из Ханчжоу сопровождал Чжан Тянь-ши[1]; когда они по дороге зашли в Баодин, то на постоялом дворе увидели красавицу женщину, которая упала на колени перед

ступенями, словно умоляя о чем-то. Чжао спросил о ней у Чжан Тянь-ши.

— Это лиса,— ответил тот.— Она просит у меня позволения присваивать жертвоприношения людей.

— Вы позволите ей? — спросил Чжао.

— Она занималась самосовершенствованием и может творить чудеса. Если будет присваивать жертвоприношения, боюсь, что станет еще красивее и могущественнее и будет насылать на людей злые чары.

Студенту очень понравилась красавица, и он стал за нее просить.

— Мне трудно отказать вам,— сказал Чжан Тянь-ши,— но я разрешу ей получать жертвоприношения только три года. Больше этого срока нельзя.

Он велел чиновнику написать решение на желтой бумаге, вручил его и ушел.

Три года спустя Чжао, получив назначение, покинул столицу. Проезжая Сучжоу, он услыхал, что в некоей буддийской обители на горе Шанфаншань [2] Гуань-инь творит чудеса, и решил отправиться туда помолиться ей. Когда он прибыл к подножию горы, другие паломники сказали ему, что надо идти пешком:

— На этой горе Гуань-инь чудотворная, все носильщики паланкинов, поднимающиеся в гору, падают на полдороге.

Чжао не поверил и стал подниматься на гору в паланкине. Его несли десять солдат, но паланкин действительно сломался, и Чжао упал на землю. К счастью, он не пострадал. Выйдя из паланкина, Чжао пошел пешком. Войдя в храм, он увидел, как там возжигают курения в большом количестве, как Гуань-инь сидит за занавесом и люди не могут разглядеть ее.

Чжао спросил у монаха, тот ответил:

— Изображение так прекрасно, что может вызвать дурные мысли у лицезреющих его.

Чжао во что бы то ни стало хотел увидеть изображение. И действительно, она была прекрасна, совсем иная, чем Гуань-инь в других местах. Чжао вгляделся пристальнее, и ему показалось, что он уже видел ее. И через некоторое время он узнал ее: это была женщина с постоялого двора в Баодине. Чжао страшно рассердился. Тыча в нее пальцем, он закричал:

— Благодаря моим просьбам ты получаешь жертвоприношения, вместо того чтобы помнить о моем благодеянии, ты ломаешь мой паланкин! Совсем потеряла совесть! И к тому

же ведь Чжан Тянь-ши разрешил тебе только три года пользоваться жертвоприношениями, срок этот уже истек, а ты не убралась отсюда. Разве можно нарушать условие?

Не успел он договорить, как изображение упало на пол и разбилось на куски. Монах очень испугался, но что он мог сделать? Ему пришлось отпустить Чжао, который пожертвовал золото на новую статую Гуань-инь. С тех пор чудеса прекратились.

[173. Неизвестный юноша поднимает с постели больного, приводит его в дом роженицы, где тот рождается заново, как ее сын. Когда он становится взрослым, то попадает в родные края и узнает, что его жена и дети умерли.

174. Бес пытается заставить человека покончить с собой.

175. Гуань-ди казнит лису-оборотня, причинявшую вред людям.

176. Заблудившийся в лесу монах встречает духа генерала древности, который выводит его на дорогу.]

(177.) ДУХ ЛИХОРАДКИ

Начальник уезда Шанъюань Чэнь Ци-дун в молодости вместе с неким Чжаном поселился в храме Гуань-ди в Тайпинфу. Чжан заболел лихорадкой. Чэнь, живший в одной с ним комнате, как-то раз очень устал и прилег днем на постели. Вдруг видит — за дверью стоит мальчик, лицо белое и светится, а одежда, шапка, чулки, туфли — все черного цвета, просунул в дверь голову и смотрит на Чжана. Чэнь сначала подумал, что это служка из храма, и ни о чем его не спросил. Тут у Чжана начался приступ, и мальчик ушел. Приступ сейчас же прекратился.

В другой раз Чэнь спал и вдруг услышал, что Чжан кричит в бреду и его рвет желчью. Чэнь в испуге проснулся, видит — мальчик с очень довольным видом стоит перед постелью Чжана, делает руками и ногами танцевальные движения, радостно смеясь. Тогда Чэнь понял, что это — дух лихорадки. Он подошел и толкнул мальчика, рука его сразу заледенела. Мальчик выбежал с шумом, похожим на свист ветра. Чэнь бежал за ним до центрального зала, где тот исчез.

Здоровье Чжана пошло на поправку, а на руке у Чэня осталось черное, как сажа, пятно, которое исчезло только через несколько дней.

(178.) ОШИБОЧНО ПОДРАЖАЕТ У СУНУ[1]

В доме Ма Гуань-ланя из Ханчжоу во все четыре сезона обязательно совершали жертвоприношения воротам. Я спросил:

— Это ведь одно из пяти жертвоприношений[2] по древним обрядам, сейчас эти обряды давно уже забыты, почему же ваша семья соблюдает их?

— Раб нашей семьи Чэнь Гун-цзо,— ответил Ма,— любил выпить. Каждый вечер он обязательно напивался и, вернувшись, стучал в ворота. Однажды я услыхал шум и крики за воротами, вышел посмотреть. Раб, лежа на земле, сказал:

«Я вернулся и увидал за воротами мужчину и женщину, оба без головы, головы держат в руках. Женщина закричала мне:

— Я жена твоего старшего брата. Действительно, я развратничала, и если бы меня убил мой муж, это бы еще куда ни шло, но ты — ты ведь только его младший брат, тебе не пристало убивать меня! Муж хотел меня убить, но у него доброе сердце, и рука не поднялась. Ты отнял у него нож и убил меня за него. Разве это было твое дело? Каждый раз как я приходила сюда, чтобы найти тебя, ворота в доме твоего хозяина были для меня недоступны, поэтому сегодня я ждала тебя за воротами».

Она плюнула в лицо раба, а бес-мужчина швырнул в него свою голову, и раб свалился на землю. Услыхав голос человека, бесы исчезли.

Домашние господина Ма помогли рабу добраться до постели, и он рассказал, что в молодости с ним действительно произошла такая история. Он прочитал тогда роман «Речные заводи», восхищался У Суном — и вот столкнулся со случаем разврата.

— В романах не бывает истины,— сказал кто-то,— как же можно было так безрассудно подражать У Суну? К тому же он убил жену своего брата за то, что она убила его брата. Если же столкнулся с обычным проступком или с развратом, то по государственному закону это карается лишь побоями. Как же ты мог за брата убить его жену?

Не успел говоривший замолчать, как раб широко раскрыл глаза и проговорил женским голосом:

— Если каждый будет произвольно судить о справедливости, на что это будет похоже? На что это похоже? — он трижды поклонился говорившему и умер.

Из-за слов бесовки господин Ма с бóльшим тщанием приносил жертвы духам ворот[3] и завещал делать это следующим поколениям своей семьи.

[179. Даос во время сильной засухи вызывает дождь, используя легенду о комете-развратнице, во время любовных приключений которой на землю изливается дождь.]

(180.) МОГИЛЫ ДЕВЯТИ МУЖЕЙ

За южными воротами Гоужуна есть могилы девяти мужей. Рассказывают, что [там] жила когда-то женщина редкой красоты. Муж ее умер, она осталась с маленьким сыном. Семья была богатая, приняли в дом нового мужа, от него родился сын. Муж этот тоже умер, и она похоронила его рядом с первым; затем снова вышла замуж, но и этот муж умер, как двое первых. Она была замужем девять раз и родила девятерых сыновей. Девять могил располагались по форме круга, а когда она умерла, ее похоронили посредине этого круга из девяти могил.

Каждый день на заходе солнца в этом месте поднимался сильный ветер, а ночью слышались крики и шум, словно мужья из ревности дрались за свою жену.

Прохожие боялись здесь ходить, да и в соседней деревне так были этим обеспокоены, что сообщили начальнику уезда — Чжао Тянь-цзюе. Он прибыл на это место, вокруг расставил служащих из своего *ямыня,* а курьерам и писцам велел стать у изголовья каждой могилы и длинными палками нанести по тридцать ударов. С тех пор все стало тихо.

[181. Женщине снится дух, предостерегающий от пожара и требующий за это жертвоприношения.]

ЦЗЮАНЬ ВОСЬМАЯ

[182. Поэт ночью видит двух маленьких бесов, критикующих написанные им стихи. С криком петуха они уменьшаются и наконец совсем исчезают. Выясняется, что это души двух ученых, умерших в этом доме.]

(183.) СТОНОЖКА ПЛЮЕТСЯ КРАСНЫМИ ПИЛЮЛЯМИ

Мой дядя Чжан Шэн-фу как-то проходил мимо горы Яньтан в Вэньчжоу. Солнце было в зените, когда он в одиночестве шел вдоль ручья; с северо-запада вдруг донесся затхлый запах, и питон длиной в несколько чжанов взмыл в воздух и понесся, как стрела, словно кто-то гнался за ним. Его преследовала золотисто-коричневая стоножка размером в пять-шесть чи. Питон уполз в ручей, стоножка не могла последо-

вать за ним в воду, тогда она затрясла всеми своими ножками, издавая свистящий звук, потом очень долго втягивала в себя воду и выплюнула красную пилюлю, похожую на свежую кровь. Когда пилюля упала в ручей, вода в нем стала горячей и почти сразу же закипела. Питон не мог выбраться и сразу издох. Проплыв по поверхности воды, стоножка вскарабкалась на голову питона и стала поглощать его мозг, попрежнему втягивая в себя воду и выплевывая красные пилюли. Потом она уползла.

(184.) ТРЕТИЙ ГОСПОДИН ИЗ ПАЛАТЫ ГРОМА

Семья некоего Ши из Ханчжоу жила в деревне Чжунцин. В шестую луну после сильной грозы Ши хотел помочиться под деревом, только он спустил штаны, как вдруг перед ним появились петушиный клюв и шпоры; он испугался и бросился домой. Ночью он заболел и в бреду кричал, что столкнулся с духом грома. Домашние, окружив его, умоляли [духа] помиловать Ши.

— Купите вино, чтобы напоить меня,— сказал больной.— Убейте барана, чтобы накормить меня, тогда я прощу его.

Сделали все, о чем [просил больной], и через три дня ему стало легче.

В это время один даосский маг проезжал через Ханчжоу. Ши с ним был хорошо знаком и рассказал ему эту историю.

Даос, смеясь, сказал:

— Это был раб из палаты грома [1], по прозванию А Третий. Он привык, полагаясь на силу, вымогать у людей вино и еду. Если бы это был действительно дух грома, неужели этим бы ограничилось!

Теперь встречаются слуги с прозвищами Третий Господин, Четвертый Господин.

[185. Человек хитростью избавляется от преследовавшего его беса, любителя выпить.

186. Рассерженные раскопками бесы вызывают обвал горы, при котором погибает много людей.

187. Разбойник и его сестра мстят сыну человека, убившего их отца.]

(188.) ПОВАР ЦЗЯНА

Ли Гуй — повар чанчжоуского провинциального цензора Цзян Юн-аня — брал воду под очагом и вдруг упал, как подкошенный, на землю.

Позвали шаманку, она посмотрела на него и сказала:

— Этот человек шел ночью и ударил стражника — духа-хранителя местности, поэтому его арестовало бесовское войско. Надо принести в жертву корову, барана, свинью, бумажные деньги, молить чернолицего писца в западной галерее храма в честь духа-хранителя местности о продлении ему жизни, тогда его могут отпустить.

Сделали, как она сказала, и Ли действительно ожил.

Домашние стали расспрашивать его, и он рассказал:

— Как раз, когда я черпал воду, двое чернолицых служащих из уезда Уцзинь схватили меня и увели, сказав, что я ударил старого стражника; они привязали меня к дереву, растущему за *ямынем,* и оставили ждать решения. Всего я не знаю, но сегодня я услыхал, как эти двое говорили между собой: «По делу этого Ли уже исчерпаны все обрядовые проявления почтительности, его можно отпустить; докладывать чиновнику незачем, просто развяжем веревку и бросим его в воду».

Я испугался и очнулся.

Услыхав это, цензор засмеялся:

— Судя по всему, когда тебя арестовали, дух-хранитель города об этом не знал, и когда тебя отпустили, он не знал. Все это — проделки тех чернолицых служащих, вымогательством добывающих деньги. Кто скажет, что чиновники в Царстве мертвых честнее чиновников в Царстве живых?

[189. Ученому снится, что его призвал к себе древний государь Цао Цао, чтобы через него сообщить людям, что сначала существовала скоропись *цаошу*, а потом появилось уставное письмо *кайшу*.

190. Друг Юань Мэя в беседе с ним защищает танскую императрицу У-хоу от обвинений в развратности. Ночью ему снится, что она призвала его к себе, чтобы поблагодарить за заступничество. Предсказанное ею повышение его в должности происходит в действительности.

191. Бес-грубиян обуздывает бесовку.

192. Даос, гадающий человеку перед государственными экзаменами, предсказывает ему долголетие, но провал на экзаменах и предлагает изменить его судьбу — удача на экзаменах, высокие чины, но сокращение срока жизни на тридцать лет. Человек принимает предложение, предсказание даоса сбывается.]

(193.) ПЕРВЫЙ МИНИСТР ГАО РАСТИТ БОРОДУ

Достопочтенный Гао Вэнь-дуань[1] сам рассказывал, что, когда ему было двадцать пять лет и он был назначен на-

чальником уезда Сышуй в Шаньдуне, даос Люй гадал ему по лицу и сказал:

— Вам предназначено быть очень высоким сановником, но, если борода не вырастет, продвижения по службе не будет.

Потерев щеки, Гао сказал:

— Даже тут нет волос, откуда же взяться бороде?

— Я могу вырастить ее,— сказал даос.— Сегодня ночью, когда вы крепко уснете, я возьму кисть с черной тушью и нарисую внизу подбородка точки, через три дня покажется борода. Но нарисованные кистью [волосы] будут тонкими, и всю жизнь [борода] не станет густой.

В том же году Гао был повышен в должности начальника Биньчжоу, потом сразу поднялся до должности губернатора провинции и стал министром.

[194. Ребенок чиновника-южанина заболевает и говорит на северном диалекте: это им овладели бесы, вымогающие приношение вином. Дух-покровитель местности изгоняет бесов.]

(195.) ВОРУЕТ ШИЛО У ГРОМА

На улице Хаосян в Ханчжоу жил некий Вань, он был очень богат, и дом у него был большой. Однажды летом гром попал в комнату рожавшей женщины, испачкался и не смог взлететь на небо. Тогда он вскарабкался на вершину высокого дерева, росшего во дворе. У него были птичьи когти, острый клюв, и в руке он держал шило. Вначале люди, увидев его, не поняли, что это такое; но когда он долго не улетал, сообразили, что это бог грома. Вань в шутку сказал домашним:

— Тому, кто сможет украсть у бога грома шило, которое он держит в руках, дам награду в десять лянов серебром.

Слуги молчали, никто не осмеливался. Тогда один каменщик отозвался. Сначала он взял высокую лестницу и приставил ее к стене; когда солнце склонилось к западу, он дождался темноты и полез наверх. Бог грома спал; каменщик потихоньку взял шило.

Хозяин посмотрел на шило, оно было не из железа и не из камня, сияние его могло ослепить; весило оно пять лянов, длиной было семь цуней; кончик его был таким острым, что резал камень, как глину. Посетовав, что не может им воспользоваться, хозяин велел кузнецу сделать из него ножичек,

чтобы носить его на поясе. Когда шило положили в огонь, оно превратилось в синий дым и мгновенно испарилось.

Народная молва о том, что небесный огонь, придя в соприкосновение с огнем мирским, изменяется, видимо, верна.

[196. Дух-покровитель бедной местности часто испытывает голод, так как не получает жертвоприношений.]

(197.) ДАЕТ ПОЩЕЧИНУ ТРУПУ

Некий Цянь из Тунчэна жил за городскими воротами Ифэнмэнь. Как-то вечером он собрался домой; наступила уже вторая стража, сослуживцы уговаривали его дождаться утра, но Цянь не соглашался; взял фонарь, уселся на лошадь и поехал навеселе. Доехав до пустоши Саоцзявань, где находилось много заброшенных могил, он увидел вдалеке среди деревьев, бегущего вприпрыжку человека, босого, с всклокоченными волосами, с лицом, как выбеленная стена. Лошадь испугалась, не пошла дальше, пламя в фонаре стало зеленым. Цянь был пьян и поэтому не испугался, ударил бегущего по щеке, а у того голова закачалась. Через мгновение бегущий вернулся и стал наскакивать на Цяня. К счастью, ехавший сзади человек подоспел на помощь, и нечисть отступила в лес, где и исчезла.

На следующий день рука у Цяня стала черная, как тушь. Прошло года три-четыре, пока чернота не стала сходить.

Цянь спросил у одного ученого, и тот сказал, что то был труп только что умершего человека.

[198. Рассказ об огромной черепахе без головы, ног и хвоста, имеющей на теле несколько сотен отверстий и пожирающей людей.

199. Бес устраивает пожар в доме человека, сгорает лишь гроб, который приготовил для себя старый слуга.

200. Бессмертная лиса учит доброго человека, как достичь бессмертия.]

(201.) ПЯТЕРО БОЖЕСТВ[1] ПО ВИНЕ ЧЕЛОВЕКА ПОКАЗЫВАЮТСЯ ЛЮДЯМ

У сына Чэнь Яо-фэна из Цзяннина характер был не из лучших. Как-то, прогуливаясь по храму Пуцзисы[2], он увидел, что изображения пяти божеств занимают более почетное место, чем изображение Гуань-ди. Он рассердился на такое нарушение правил и, обругав монаха, приказал ему переставить пять божеств ниже Гуань-ди. Посетители храма, быв-

шие этому свидетелями, сочли Чэня правым. Тот был очень доволен собой.

Вечером Чэнь вернулся домой и увидел, что в воротах стоят пять божеств. Они толкнули его так, что он упал, и в гневе закричали:

— Мы — великие божества, давно уже получаем от людей жертвоприношения, и вдруг судьба изменилась к худшему. Мы столкнулись со старым Таном — губернатором Цзянсу и с молодым Инем — начальником провинций Цзянсу и Аньхой, которые наказали нас и изгнали. Эти двое были знатными и достойными людьми, что же мы могли поделать? Нам только и оставалось смириться. А ты, простой горожанин, осмеливаешься кичиться своим богатством, этого мы тебе не простим!

Семья Чэня молила за него, приготовила угощение из трех блюд, пригласила монаха читать заклинания, но ничто не могло спасти Чэня, и он умер.

(202.) ЧЖАН ЦИ-ШЭНЬ

Чжан Ци-шэнь из Хунани мог с помощью своего искусства овладевать душой человека. Многие относились к нему с почтительным страхом, и только цзяннаньский студент У не верил в его силы. Однажды У при всех стал позорить Чжана. Понимая, что в ту же ночь на него будет наверняка напущена нечистая сила, У при светильнике стал читать «Книгу перемен»[1]. Послышался звук падающей черепицы, дух в золотых латах толкнул дверь, вошел и направил на студента У копье. У швырнул в него «Книгу перемен», дух упал; студент пригляделся, а это — бумажный человек. У поднял его и заложил между страницами книги. Через несколько мгновений вошли двое бесов с черными лицами с секирами в руках; студент и в них швырнул «Книгу перемен», они тоже упали на пол, У и их вложил в книгу. В полночь какая-то женщина с громким плачем стала стучаться в дверь, крича:

— Мой муж [Чжан Ци-шэнь] послал вчера двух наших сыновей наслать наваждение, неожиданно вы схватили обоих, уж не знаю, с помощью какого колдовства. Умоляю вас отпустите их и верните к жизни.

— Приходило трое бумажных людей,— возразил студент У,— а не ваши сыновья.

— Муж и сыновья вошли в этих бумажных людей[2],— сказала женщина,— сейчас у нас дома три трупа, если упустить

время, когда прокричит петух, они уже не смогут возродиться к жизни.

И она продолжала жалобно молить студента.

— Вы причинили немало вреда людям,— сказал У,— за это вы должны получить возмездие. Мне жаль вас, [но] я отдам [только] одного сына.

Женщина со слезами взяла одного бумажного человека и ушла.

На следующий день У пошел справиться. Оказалось, Чжан Ци-шэнь и старший его сын умерли, только младший сын остался в живых.

[203. Учитель, погнавшийся за бесами, влезшими в окно школы, по ошибке забивает насмерть своих учеников, потом пытается покончить с собой.

204. Человеку, который хотел выкопать в своем саду пруд, является во сне дух древнего императора, предупреждающий его, чтобы он не повредил могилу.]

(205.) В ГОРОДЕ ЛЮЙЧЭН НЕТ ХРАМА ГУАНЬ-ДИ

В окрестностях города Люйчэн на расстоянии пятидесяти ли нигде нет храма Гуань-ди. Говорят, что город этот был построен Люй Мэном [1], который до сих пор является духом-покровителем этой местности. Стоило возвести здесь храм Гуань-ди, как по ночам слышались звуки сражения, и поэтому местные жители отказались от мысли строить храм Гуань-ди.

Один бродячий гадатель как-то заночевал в храме духа-покровителя города. Ночью он услышал, как шумел ветер и лил дождь, гремел гром, с крыши летела черепица, и так продолжалось до утра, почему — непонятно. Когда местные жители пришли утром в храм, то оказалось, что у гадателя на плече был вымпел с изображением Гуань-ди. Гадателя выгнали из храма, и больше он уже не решался там ночевать.

[206. Бессмертный творит чудеса с помощью волшебного меча.

207. Душа умершей женщины преследует крестьянина, выкопавшего утварь из ее могилы.

208. Предсказания, сделанные лисой-оборотнем, сбываются.

209. Женщина, съевшая выросшую зимой на дереве сливу, рожает дракона.

210. Небо карает смертью женщину, задумавшую зло.

211. Человек, которому в Царстве мертвых была предсказана смерть от огня, всячески избегает огня, но гибнет при пожаре.

212. Человек во сне посещает чертоги бессмертной феи и по ее просьбе пишет ей стихи, из которых, проснувшись, помнит лишь две строчки.

213. Дух спасает тонущих, послав им на помощь рыбу, которая заткнула собой пробоину в джонке.

214. Покойник выходит из гроба, чтобы узнать у врача, как лечить болезнь, сведшую его в могилу.]

(215.) ЧЖУ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Поговаривали, что в двухэтажном здании у моста Вансяньцяо в Ханчжоу, где жила семья Сю, водится дух повесившейся женщины. Мясник Чжу Двенадцатый, кичившийся своей храбростью, взял нож, которым он закалывал свиней, со свечой в руке поднялся на верхний этаж этого дома и улегся там спать.

Когда наступила третья стража, пламя свечи посинело и действительно наверх поднялась старуха с растрепанными волосами, державшая в руках веревку. Чжу ударил ее ножом. Старуха попыталась поймать его веревкой, Чжу перерезал веревку, но концы ее тут же соединились. Веревка кружила вокруг ножа, нож с легкостью резал веревку, борьба длилась долго, и старуха стала слабеть.

— Чжу Двенадцатый, я не боюсь тебя,— закричала она сердито,— но тебе еще предстоит получить пятнадцать тысяч монет, поэтому сейчас я тебя отпущу, а когда ты их получишь, то испробуешь ловкость рук старухи Цзинь Лаоцинь!

Сказала и ушла, волоча за собой веревку.

Чжу спустился вниз, рассказал все людям, те увидели, что нож его испачкан лиловой кровью и [от него идет] дурной запах.

Через год с лишним Чжу продал свой дом за пятнадцать тысяч монет и в тот же вечер умер.

[216. Дух, вызванный гадателем, называет себя человеком времен Сун и подробно отвечает на вопросы о жизни, смерти и новых рождениях.

217. Покойный муж продает своему умершему хозяину жену, та умирает.]

(218.) ШАНТАЖ ЗЛОГО ДУХА НЕ УДАЕТСЯ

Чэнь Фу-цюй — *сюцай* из Жэньхо — был человек суровый и прямой. У него была дочь. С детства она увлекалась учением даосов, соблюдала пост и ежедневно читала даосский

канон. Когда она слышала, как люди говорят о том, что ее пора выдавать замуж, она начинала плакать и отказывалась есть. Фу-цюй сердился и огорчался. Отец и дочь старались не встречаться друг с другом. Когда ей было уже больше тридцати лет, она вдруг заболела и в бреду сказала:

— Я — торговец материями из Цзянси — Чжан Четвертый. В прошлом своем рождении твоя дочь была лодочником, чью джонку я нанял, чтобы плыть в Сычуань. Лодочник убил меня, позарившись на мои товары, да еще выколол мне глаза, содрал кожу и бросил труп в реку. Поэтому я пришел требовать ее жизни.

«Есть много разбойников, грабящих людей,— подумал Чжан,— но вряд ли они сдирают кожу с жертвы».— И он спросил, в каком это было году.

— В одиннадцатом году правления под девизом Юнчжэн *,— последовал ответ.

Чэнь громко рассмеялся:

— В одиннадцатом году правления под девизом Юнчжэн моей дочери было уже три года, как же она могла все еще оставаться лодочником?

Тут вдруг дочь его ударила себя по щеке и сказала:

— А вы молодец, господин Чэнь! Я разыскал не ту девушку. Дайте мне три тысячи монет, и я уйду.

Чэнь рассердился:

— Злой дух, мошенник! — закричал он.— Вот сейчас я тебя отхлещу персиковой веткой [1], а денег тебе не будет!

Дочь снова ударила себя по щеке и сказала:

— Ну и молодец же вы, господин Чэнь! Раз вы говорите, что я злой дух, так я и буду себя вести, как злой дух. Отниму у вашей дочери жизнь, вы уж не раскаивайтесь потом!

— Она — непочтительная дочь и очень мне надоела,— сказал Чэнь.— Я буду рад, если ты заберешь ее с собой. Но так как мы с тобой не враги, а ты все же решился меня запугать, видно, годы, дарованные моей дочери, уже на исходе. Если ты сможешь сразу оборвать ее жизнь, тогда я поверю в твою силу, а если она умрет только через три дня, значит, такова ее судьба, и ты здесь ни при чем!

Только он это сказал, как дочь его вздрогнула и села, дух перестал говорить ее устами. Прошло месяца два с лишним, только тогда она умерла.

---

* 1733 г.

(219.) ДАОС, НАСЛАВШИЙ НАВАЖДЕНИЕ, КОНЧАЕТ С СОБОЙ

Чжао Цин-яо из Ханчжоу любил шахматы. Услыхав, что расставляют фигуры, он обязательно усаживался напротив. Как-то раз, прогуливаясь по храму Двух божеств [1], он увидел там даоса с вульгарной внешностью, который играл с гостем в шахматы. Даос играл так плохо, хотя и называл себя знатоком, что Чжао почувствовал отвращение и ушел, не обменявшись с ним ни единым словом.

Улегшись спать в этот вечер, Чжао увидел два блуждающих огня, кружащих подле его полога. Чжао не шелохнулся. Но вот бес с синим лицом и острыми, как пила, зубами, держа в руках меч, приподнял полог. Чжао обругал его, и тот мгновенно исчез.

На следующий вечер постель стала издавать жужжание, словно мальчишки учили уроки вслух. Вначале слова нельзя было разобрать, но, внимательно вслушавшись, Чжао понял: «Какое тебе дело до того, что я плохо играю в шахматы, а называю себя мастером? Как ты смеешь меня презирать?»

Тут Чжао понял, что это даос напустил наваждение на него, и совсем перестал испытывать страх. Затем послышался тихий голос:

— Ты очень смел, не боишься меча, но я заполучу твою жизнь способом «вылавливания души крючком».— Тут же последовало заклинание: — Небесная сила чудотворна, земная сила чудотворна, игла у тебя под сердцем.

Услыхав это, Чжао почувствовал, что все тело его охватила дрожь, словно от страха, но он обуздал свое сердце и не двигался.

Он закрыл руками уши и продолжал лежать неподвижно, заклинание доносилось из его подушки, но усилием воли Чжао заставил себя терпеть.

Примерно месяц спустя Чжао неожиданно увидел даоса, который, плача, бросился на колени перед его постелью.

— В сердцах я употребил свое искусство против вас,— сказал он.— Хотел напугать вас, надеясь, что вы запросите пощады и дадите мне денег и шелка. Я не предполагал, что вас это совсем не тронет. Нет предела моему раскаянию. Когда мой способ не действует на людей, то он обращается против меня самого, поэтому я вчера кончил счеты с жизнью. Для души моей нет пристанища, и я хочу предложить вам свои услуги в качестве духа деревьев в вашем саду, чтобы искупить вину.

Чжао ничего не ответил.

На следующий день он послал человека в храм Двух божеств. Оказалось, что даос действительно перерезал себе горло. С тех пор Чжао за день раньше знал все, что случится. Некоторые говорили, что ему служит даос.

ЦЗЮАНЬ ДЕВЯТАЯ

(220.) ДЕРЕВЯННЫЙ ОБРУЧ НА ГОРЛЕ

Чжуан И-юань, будучи в области Гуаньдун, увидел охотника с деревянным обручем на шее. Он удивился и спросил его, [как это случилось]. Тот ответил:

— Мы с моим старшим братом отправились верхом охотиться, заехали в большую пустошь, как вдруг откуда ни возьмись появился человечек ростом в три чи с небольшим, седой, в головном платке. Он встал перед лошадью и поклонился нам. Старший брат спросил, кто он такой, он помахал рукой, не произнося ни слова, а потом стал дуть на лошадь. Та испугалась и не трогалась с места. Брат рассердился и выпустил в человека стрелу; тот бросился бежать, брат за ним. Так как он долго не возвращался, то я пошел его искать, дошел до большого дерева и увидел лежащего там брата, шея у него вытянулась на несколько чи. Я стоял в растерянности, и в этот миг человек в повязке выскочил из-за деревьев и подул на меня. Я почувствовал невыносимый зуд в шее, стал ее чесать, а она стала вытягиваться и извиваться, словно превратилась в змеиную. Обхватив шею руками, я поскакал домой. Смерти я избежал, но шея была парализована, я не могу ее повернуть, поэтому я надел деревянный обруч с железным ободком.

Кто-то сказал:

— Эти людишки ростом в три чи — духи воды и деревьев. Тому, кто сумеет окликнуть их по имени, они вреда не причиняют. Увидите это в *Бао Пу-цзы* [1].

[221. Сверхъестественные силы карают смертью воров, разграбивших могилы.]

(222.) ПЯТЬ ГОСПОД С ОДНИМ ГЛАЗОМ

В Чжэцзяне было пять удивительных бесов, четверо были совершенно слепыми, а у пятого был только один глаз, все остальные полагались на его зрение, и их называли пять господ с одним глазом.

В год, когда началось моровое поветрие, эти пять бесов, взявшись за руки, ходили подсматривать за людьми и обнюхивали их. Один бес обнюхает — человек заболевает, все пятеро обнюхают — человек умирает. Четверо бесов вслепую толкались на месте, не решаясь что-либо предпринять, а только слушались распоряжений пятого беса.

Некий Цянь ночевал на постоялом дворе. Все постояльцы уже улеглись, один он не спал. Внезапно огонь в лампе стал меркнуть, и он увидел пятерых бесов. Четверо из них стали обнюхивать одного постояльца, а пятый бес сказал:

— Это хороший человек, не трогайте!

Бесы принялись обнюхивать другого постояльца, но пятый бес сказал:

— Это очень везучий человек, не трогайте!

Стали нюхать третьего, но пятый бес сказал:

— Это очень дурной человек, ни в коем случае не трогайте!

— В таком случае как же вы собираетесь поесть? — спросили тогда бесы.

— Вот двое людей, они и не хорошие, и не плохие, не везучие, но и не неудачливые, их можно съесть не мешкая,— ответил пятый бес.

Четверо бесов принялись обнюхивать двух постояльцев, дыхание у тех постепенно стало ослабевать, а животы у пяти бесов стали постепенно раздуваться.

[223. Предсказание, сделанное человеку во сне духом, сбывается.]

(224.) В ОДНОМ ГРОБУ ЗАХОРОНИЛИ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК

В четвертом году правления под девизом Цянь-лун* в Пучжоу, что в провинции Шаньси, ремонтировали городскую стену. Когда копали землю на берегу реки, то выкопали гроб, похожий на сундук. Открыли — там оказалось девять полок, на каждой полке лежало по два человека, каждый ростом чи с небольшим, старые, молодые, мужчины, женщины, все они лежали, как живые. Что это было за диво, неизвестно.

[225. Славящийся своей проницательностью судья приговаривает к смертной казни человека, обвиненного в убийстве мужа соблазненной им женщины. Через год после казни муж возвращается с заработков домой.

226. Дух-покровитель местности совершает чудо, чтобы обелить невинного человека, обвиненного в убийстве матери.]

* 1739 г.

(227.) ВОДЯНЫЕ ДУХИ БОЯТЬСЯ ИЕРОГЛИФА *СЯО*[1]

Чжао И-цзи сказал: «У бесов есть свои запахи. Духи, погибшие в воде, воняют, как козлы; духи, погибшие на суше, пахнут, как бумажная зола. Услыхав такой запах, люди должны немедленно бежать прочь».

И еще он сказал: «Водяные духи особенно боятся иероглифа *сяо*. Если человек в пути услышит запах козла, он должен тотчас написать этот иероглиф, и тогда сможет избежать беды».

[228. Лиса, укравшая угощение с пирушки, правильно предсказывает гостям исход экзаменов.]

(229.) ЧЕЛОВЕКА, ИЗ-ЗА КОТОРОГО ДЕРУТСЯ ИЩУЩИЕ СЕБЕ ЗАМЕНУ БЕСЫ[1], СПАСАЮТ

Ван Второй из Хойси, портной, проходил ночью мимо горы Хуашань; он нес в руках женскую одежду и увидел, как из воды выпрыгнуло двое голых людей с черными лицами; они схватили его и потащили в реку; у него не хватило сил сопротивляться, и он уже сделал вслед за ними несколько десятков шагов, как вдруг с сосны на вершине горы слетел человек с нависшим бровями и вывалившимся изо рта языком[2]. В руках у него была большая веревка, которую он захлестнул вокруг пояса Вана, чтобы вытащить его из воды, и тут же вступил в драку с чернолицыми бесами. Чернолицые вопили:

— Ван Второй — наша замена, почему ты его отнимаешь у нас?

— Ван Второй — портной,— ответил бес с веревкой,— а вы — речные бесы, с голыми задницами, живущие в воде, вам одежда вообще не нужна, какой же вам с него толк? Лучше уступите его мне!

Ван словно в каком-то забытьи чувствовал, что они тянут его в разные стороны. Так как рассудок еще теплился в нем, то он сказал сам себе: «Если эти женские одежды пропадут, то сил моих не хватит, чтобы их возместить». Поэтому он повесил одежды на дерево.

В это время дядя Вана проходил по другой тропе. При лунном свете он издали заметил висевшие на дереве красные и зеленые одежды, удивился и подошел поближе, чтобы рассмотреть. Трое бесов сейчас же пустились в бегство.

У Вана Второго рот и уши были забиты грязью. Дядя повел его домой, спасши таким образом от верной смерти[3].

[230. По ошибке пьяного духа-хранителя города в Царстве мертвых наказывают палками человека, приняв его за его однофамильца — разбойника; он умирает, но счастливо рождается вновь; виновные наказаны судьей Царства мертвых.

231. Глупый человек, попавший в Царство мертвых, обижен тем, что ему оказан там менее почетный прием, чем другим.]

(232.) ДВА СПОСОБА ОБУЗДАНИЯ БЕСОВ

Лю, постигший *дао* — истину, советовал людям, повстречав беса, не пугаться, а обязательно подуть на него, сражаясь с бесформенным тем, что тоже лишено формы. Бесы больше всего боятся человеческого дыхания, с его помощью можно одолеть и меч и дубинку.

Господин Чжан Ци-ши сказал: «Увидев беса, не пугайтесь, а вступайте с ним в бой. Если вы его победите, то от этого вам будет только лучше, а если потерпите поражение, то останетесь в прежнем положении.

[233. История о лисе-оборотне, которая, став женой студента, исправляла стиль его экзаменационных сочинений.

234. Дух умершей женщины разоряет плохо относившуюся к ней семью ее свекра.

235. Дух безвременно погибшей жены обещает мужу встречу через семнадцать лет. Действительно, он женится на семнадцатилетней девушке, в облике которой она родилась вновь.

236. Добродетельному чиновнику снится, что он приглашен судьей в Царство мертвых для вынесения приговора князю, который впервые ввел в моду бинтование женских ног.

237. Человек при жизни назначен судьей в Царство мертвых, он рассказывает друзьям о судопроизводстве, но отказывается отвечать на вопросы об отпущенном им сроке жизни.

238. Талантливый человек, которого при жизни приглашают судьей Царства мертвых, отказывается, так как он нужен своей старой матери и маленькому сыну.

239. Предсказание, сделанное духом, вызванным гадателем, в виде иероглифической загадки, сбывается, разгадку находят после смерти человека, которому адресовано предсказание.]

(240.) ДАОС ЛЮЙ ИЗГОНЯЕТ ДРАКОНА

Даосу Люю из области Гуйдэ, что в провинции Хэнань, было более ста лет, он мог дышать с громоподобным шумом, мог десять дней не принимать пищи или в один день съесть

пятьсот кур; дохнет на человека, а того словно огнем опалит; или положит в шутку себе на спину сырой пирожок, а тот тут же испечется, так что его можно есть. Зимой и летом он ходил в холщовом халате, за один день проходил триста ли.

В годы правления под девизом Юн-чжэн * Ван Чао-энь, будучи главным инспектором северных водных путей, возводил в Чжанцзякоу каменную плотину. Израсходовано было уже несколько сотен тысяч монет, а строительство не кончалось, и это очень его беспокоило.

Тут пришел Люй и сказал:

— Это чары злого дракона, живущего внизу.

— Можешь ли ты его изгнать? — спросил Ван.

— Этот дракон уже две тысячи лет совершенствует свою природу,— ответил Люй,— сила его очень велика. Когда произошел обвал плотины, построенной лянским государем Уди [1] в Фушани, и пострадало несколько десятков тысяч людей, это натворил тот самый дракон. Если вы хотите достроить плотину, то бедному даосу придется самому спуститься в воду и вступить в бой, может быть, я сумею прогнать дракона, и тогда можно будет достроить плотину. Но бедному даосу не везет, его одолевает беспокойство, нужно, чтобы вы, опора мудрого государя, поддержали меня своими усилиями.

— Как это можно сделать? — спросил Ван.

— Прошу вас привязать к моей спине дощечку с приказом, завернутую в промасленную бумагу, запечатанную печатью начальника речных путей и удостоверенную вашей собственной подписью, тогда, может быть, удастся,— ответил даос.

Сделали, как он сказал, и даос, опираясь на меч, вошел в воду. Вскоре поднялся черный вихрь, раздались удары грома, засверкала молния, волны вздымались до неба. Лишь назавтра, в полночь, даос появился, подняв окровавленный меч; тело его было залито вонючей слюной, спина искривлена.

— У бедного даоса переломаны ребра драконовым хвостом,— сказал он,— но зато у дракона отрублена лапа. Она упала в реку, остался лишь коготь, который я приношу вам в дар. Раненый дракон бежал в Восточное море. Завтра можно будет достроить плотину.

Ван очень обрадовался, приказал принести вина в благо-

---

* 1723—1735 гг.

дарность, хотел позвать монгольского врача, чтобы осмотреть даоса, но тот сказал:

— Не нужно, вылечусь с помощью дыхания; через полгода все будет в порядке.

На следующий день достопочтенный Ван прибыл на строительство, а оно уже действительно завершилось. Драконов коготь величиной с рог буйвола, пахнувший слюной дракона, повесили, и мухи и комары далеко облетали это место.

Люй сам рассказывал, что был в дружбе с Ли Цзы-чэном [2], когда-то сплел ему из травы туфли и пояс, а также что вместе с Цзя Ши-фаном был учеником господина Вана. Цзя любил выгоду, был человеком умным, не искавшим мирной кончины, но желавшим, чтобы имя его дошло до государя. О нем говорили, что, если он чего захочет, обязательно добьется.

Когда Цзи Вэнь-минь [3] стал смотрителем Желтой реки, он прибыл в столицу на аудиенцию. Не имея сведений о своей семье, он обратился к Люю.

— У вашего старшего сына дерево в глазу,— ответил тот.

Цзи испугался, решив, что у сына заболели глаза. Оказалось, что тот получил должность министра государственного совета, тогда Цзи понял, что [знак] «дерево» сбоку от [знака] «глаз» составляет знак *сян* — «министр».

В четвертом году правления под девизом Цянь-лун * Люй прибыл в столицу; все высокопоставленные лица приглашали его лечить их, и он их недуги как рукой снимал.

У шестого сына достопочтенного Сюй Вэнь-му [4] оказалась дурная болезнь, Люй взглянул на него один раз и сказал:

— У барича на лице кровь не окрашена. Это просто остатки грезы.

Приказал закрыть глаза, лечь на пол и обнажить грудь; взял железную иглу длиной более чи и вколол ее прямо в сердце, затем вытащил, кровь потекла по игле, как красная нитка. Люй слюной растер ранку. Присутствовавшие при этом люди очень испугались, но сам больной ничего не знал и в тот же вечер выздоровел.

Начальник области Ван Мэн-тин, страдавший болями в пояснице, пригласил к себе этого даоса. Тот сказал:

— Подождем погожего дня, тогда я приду и вылечу вас.

В назначенный день пришел, набрал в горсть солнечных лучей и втер их, тепло проникло до самых внутренностей, и болезнь прошла.

---

* 1739 г.

Когда Люя спрашивали о его искусстве, он отказывался отвечать. Тайком расспросили его ученика, тот ответил:

— Ничего тут удивительного нет. Он каждое утро на рассвете ходит в пустошь. Только красное солнце выйдет, как он начинает прыгать по направлению к нему, словно тигр, рукой манит к себе солнечные лучи, направляет их себе в рот и заглатывает, заглатывает много раз подряд.

(241.) НЕБО, КАКИМ ОНО БЫЛО ДО ПАНЬГУ[1]

Рассказывают, что «не тонущее в мире теней» дерево росло еще до сотворения мира. Захороненное в песках, оно снова и снова выходило на свет, следуя за судьбами неба и земли, и снова оказывалось под землей, не сгнивая за десятки тысяч лет. Оно густо-зеленого цвета, узоры на нем похожи на переплетение [нитей] в ткани. Если кусочек этого дерева положить в землю, то это место будут избегать мухи и москиты, не приближаясь на сто шагов.

В тридцатом году правления под девизом Кан-си * гора Тяньтайшань обрушилась, и из песка вылетел гроб странной формы: изголовье заостренное, а изножие широкое, высота более шести чи.

Знающие люди сказали:

— Этот гроб сделан из дерева, «не тонущего в мире теней», в нем наверняка захоронено какое-нибудь диво.

Гроб открыли, внутри его оказался человек; брови, глаза, нос, рот одного цвета с деревом, на руках и ногах такие же узоры, как на дереве, и никаких признаков разложения. Неожиданно труп открыл глаза, поглядел вверх, в небесную пустоту, и спросил:

— Что это там синее-синее?

— Это — небо! — ответили ему.

— Когда я только появился на свет, небо не было таким высоким,— удивился он и снова закрыл глаза.

Люди наперебой бросились поднимать его. Отовсюду сбежались мужчины и женщины, чтобы поглядеть на человека, жившего раньше Паньгу.

Но поднялся сильный ветер, и человек этот окаменел. Гроб отдали уездному начальнику, и он преподнес его начальнику области.

Думается мне, что это был человек времен первозданного хаоса.

---

* 1691 г

В гадательных книгах говорится: «Через десять тысяч лет небо можно будет подпереть палкой». Этот человек сказал, что небо было не таким высоким, как сейчас,— похоже на правду!

ЦЗЮАНЬ ДЕСЯТАЯ

[242. Во время охоты человек попадает на границу иного мира, где водятся во множестве змеи, которых поедает надгробная доска государя древности.]

(243.) ЧЕРНЫЙ СТОЛБ

Некий Янь из Шаосина, женившись на девушке из рода Ван, переехал в дом ее родителей. Однажды, когда он был в своем родном доме, тесть прислал за ним человека, сообщившего, что жена его опасно заболела. Янь поспешно собрался в дорогу. Было уже темно, и он шел с фонарем в руке. По дороге он увидел черный смерч, похожий на столб, который все время преграждал свет от фонаря; Янь повернет фонарь на восток, и смерч двигается на восток, повернет фонарь на запад, и смерч — на запад, преграждая дорогу так, что Яню было трудно идти вперед.

Сильно испугавшись, Янь зашел в дом знакомых и попросил, чтобы ему дали в сопровождающие слугу; взяв второй фонарь, они пошли дальше. Черный столб быстро рассеялся и вскоре совсем исчез.

Когда Янь дошел до дома, навстречу вышел тесть и сказал:

— Зять давно уже пришел, что это еще за посторонний тут пожаловал?

— Настоящий зять пришел только сейчас,— ответил Янь.

Домашние переполошились, вбежали в комнату жены Яня, видят — на постели сидит человек и держит больную за руку, словно собираясь вести ее куда-то. Янь бросился вперед, схватил жену за руку, тогда тот человек исчез, а жена испустила последний вздох.

[244. Обезьяна-оборотень мстит бросившей в нее камнем девушке, наслав на нее тяжелую болезнь, от которой девушку излечивает дух-хранитель города.]

(245.) БЬЕТ ПЛЕТЬЮ ТРУП

Двое друзей из Тунчэна, Чжан и Сюй, продавали товары в провинции Цзянси. Когда они добрались до Гуансиня, Сюй скончался в верхнем помещении постоялого двора. Чжан пошел покупать для него гроб. Хозяин лавки похоронных принадлежностей спросил с него две тысячи монет. Они уже договорились, как вдруг вмешался сидевший у прилавка старик, который сказал, что обязательно надо взять четыре тысячи монет. Чжан рассердился и ушел назад на постоялый двор.

Той же ночью, когда Чжан поднялся наверх, труп вскочил и набросился на него с побоями. Чжан в испуге побежал вниз.

Ранним утром следующего дня Чжан снова отправился покупать гроб и накинул еще тысячу монет. Хозяин молчал, но старик, по-прежнему сидевший у прилавка, начал браниться.

— Хоть я и не хозяин, но в этих местах меня все называют Сидящим Горным Тигром,— сказал он.— Не дашь мне две тысячи монет и столько же хозяину,— не получишь гроб.

Чжан был беден, таких денег у него не было, и вот, не зная, что делать, он брел в нерешительности по заброшенному полю, как вдруг ему повстречался какой-то седобородый старик в голубом халате.

— Это вы покупаете гроб? — спросил старик с улыбкой.

— Я,— ответил Чжан.

— Это вы рассердили Сидящего Горного Тигра? — снова спросил старик.

— Да,— ответил Чжан.

Тогда седобородый старик вручил Чжану плеть и сказал:

— Этой плетью У Цзы-сюй избил труп Пин-вана[1]. Сегодня вечером, если труп снова поднимется и бросится на вас, используйте эту плеть, и вы получите гроб и избавитесь от большой беды.— Сказал и исчез.

Чжан вернулся на постоялый двор и поднялся наверх. Труп тотчас же вскочил, но Чжан, как ему было сказано, стал его хлестать, пока труп не повалился на пол.

На следующий день Чжан снова пошел в лавку похоронных принадлежностей покупать гроб. Хозяин лавки сказал:

— Вчера вечером Сидящий Горный Тигр умер. Мы изба-

вились от беды. Можете взять гроб за старую цену в две тысячи монет.

Чжан спросил, как это случилось.

— Фамилия этого старика была Хун,— рассказал хозяин,— он владел колдовским искусством, мог заставить бесов служить себе, постоянно посылал трупы избивать людей. Когда кто-нибудь умирал и нужно было купить гроб, он усаживался в моей лавке и силой брал себе половину назначенной им цены; так продолжалось много лет, от него многие натерпелись. И вот вчера вечером он неожиданно умер, неизвестно от какой болезни.

Тогда Чжан рассказал о плетке, которую дал ему седобородый старик.

Вдвоем с хозяином они поспешили поглядеть и увидели, что на трупе старика действительно есть следы ударов плетью.

Некоторые говорили, что седобородый старик в голубом халате был духом-покровителем этой местности.

[246. Человек подглядывает за сборищем духов давно погибших воинов, чьи могилы находятся поблизости от постоялого двора, стоящего на месте древнего поля боя.

247. Человек, побывавший (по ошибке бесов — прислужников Яньло) в Царстве мертвых, возвращается домой, приходит в себя и через два дня снова умирает.

248. В храме водится чудище, пугающее людей; под храмом находят гроб, в котором лежит труп такого же чудища; когда его сжигают, в храме все становится спокойно.]

(249.) ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ЧЖАН

Могила аньсийского князя Сян-гуна находится на горе в провинции Фуцзянь. Там жил один даос по фамилии Цзи, он наживался на своем искусном владении геомантией [1]. Когда дочь его опасно заболела, он сказал ей:

— Ты родилась для меня, а болезнь твою все равно не излечишь. Я собираюсь взять кусочек твоего тела, это принесет пользу нашему дому.

— Как прикажете,— задрожав, сказала дочь.

— Я давно уже хочу завладеть *фэншуем* [2] семьи Ли,— продолжал даос,— но получить его можно, лишь если захоронить кость собственной дочери. От мертвой живой косточки не получишь, а живого убивать нельзя. Ты же все равно умрешь, а те, кто останется в живых, извлекут из этого выгоду.

Не успела дочь и слова сказать, как даос взял нож, отрубил ей палец, вложил его внутрь бараньего рога и сам закопал рядом с могилами семьи Ли. С этих пор, если в доме Ли умирал ученый со степенью, кто-нибудь из родни даоса получал такую же степень, если же на полях семьи Ли урожай уменьшался на десять доу, урожай на поле даоса возрастал на десять доу.

Люди начали подозревать, что дело тут нечисто, но понять ничего не могли.

Наступил праздник Цинмин[3], деревенские жители несли изображение великого государя Чжана[4] на благодарственное жертвоприношение духам. Процессия с красиво расшитыми знаменами подошла к могилам семьи Ли, и вдруг изображение духа остановилось; несколько десятков человек, несших его, не могли сдвинуть его с места. Бывший среди них юноша вдруг громко закричал:

— Скорее назад в храм! Скорее назад в храм!

Все поспешили вернуться в храм, внесли внутрь изображение духа, юноша уселся на почетное место и сказал:

— Я — дух великого государя. Могилы семьи Ли околдованы. Надо поймать и обуздать [колдуна].

Он приказал одним из толпы взять лопаты, другим — мотыги, третьим — принести веревки. Когда все было сделано, он громко закричал:

— Скорее идите к могилам семьи Ли! Скорее идите к могилам семьи Ли!

Толпа послушалась его приказа, а изображение духа неслось со скоростью ветра. Когда дошли до могил, [дух] приказал тем, что с лопатами и мотыгами, рыть возле могил. Долго они рыли, пока не нашли позолоченный бараний рог, внутри которого ползала маленькая красная змейка, сбоку на роге были иероглифы — имена родни даоса.

Тогда [дух] приказал тем, что с веревками, пойти и связать даоса.

Позвали судью, тот допросил даоса и осудил его по закону.

С этих пор семья Ли стала процветать и очень почитала великого государя Чжана.

[250. Бессмертная фея сходится с молодым ученым; расставаясь с ним, обещает впоследствии стать его настоящей женой. Через пятнадцать лет он женится на девушке, в которую воплотилась фея, отказавшись от бессмертия ради любви.

251. Смерть юноши, которому явился дух только что умершего сановника.

252. Внезапно заболевший человек начинает говорить на сычуаньском диалекте: им завладел дух убитой им в одной из прошлых жизней змеи, которая через две тысячи лет сумела отомстить ему за свою гибель. Человек умирает.

253. Дух-покровитель местности наказывает женщину за скупость, проявленную в одном из ее прошлых рождений.)

(254.) ТРИ ЗЛОВЕЩИХ СНА

Ли Цзи-цянь, сын чжэчэнского помощника начальника палаты общественных работ, получил степень *цзиньши* и вскоре после смерти отца и матери опасно заболел. Ночью ему приснилось, что мать велела ему принять женьшень; он рассказал об этом врачу, тот ответил:

— При вашей болезни женьшень противопоказан, его нельзя принимать.

На следующую ночь Ли снова увидел во сне мать, которая сказала: «Не слушай врача! Тебя нельзя спасти, если не примешь женьшень. У меня в таком-то месте спрятано некоторое количество женьшеня, можешь взять его».

И действительно, женьшень оказался там, где она сказала. Ли принял, в полночь он сошел с ума и умер.

Чжэн Цзюню из Лушэшаня приснилось, что пришел старший его родич, имевший степень *цзюйжэня*, и сказал: «В мою могилу просочилось много воды, и мне от этого плохо. На вершине горы Гаотиншань есть участок, принадлежащий такой-то семье, попроси продать его тебе. Когда купишь и перенесешь туда мою могилу, дух мой успокоится».

Чжэн Цзюнь посетил семью, [о которой шла речь], за большую сумму приобрел участок и перенес туда могилу. В старой яме воды не оказалось, наоборот, оттуда шел теплый, как пар, воздух. Чжэн Цзюнь пожалел о том, что сделал, да было уже поздно. После того как могилу перенесли, Чжэн Цзюнь стал бедствовать, а потомки его обнищали и разбрелись по свету.

Каждый год, когда происходили государственные экзамены, лица, рекомендованные для сдачи экзаменов, селились в кельях монахов в монастыре Баоэньсы[1] в Цзяннине. Студент-стипендиат Чжан из Люхэ поселился в келье одного монаха в том году, когда настоятель монастыря У-си уже умер.

Так как Чжан не выдержал экзамена, то у него совсем опустились руки, и он перестал принимать участие в экзаменах несколько последующих лет.

И вот в какой-то год ученику настоятеля приснилось, что к нему во сне явился У-си, сказавший: «Немедленно найми джонку, переправься через реку и побуди достопочтенного Чжана явиться на экзамен; в этом году он обязательно выдержит».

Ученик настоятеля сообщил об этом Чжану, и тот, обрадовавшись, переправился через реку, чтобы принять участие в экзаменах. Но, когда опубликовали списки выдержавших, имени Чжана не было, как и прежде. Чжан крайне разобиделся и, принеся жертвы духам предков, пожаловался им. В ту же ночь к нему явился во сне У-си и сказал: «В этом году судья Царства мертвых назначил меня ответственным за раздачу пищи экзаменующимся. Если бы не хватило одного едока, я бы не смог отчитаться, а на пропущенных вами трех экзаменах вам причиталось одиннадцать чашек риса. Поэтому я велел моему ученику пригласить вас на экзамен, чтобы я мог избежать наказания, а не потому, что хотел вас обмануть».

(255.) НАЧАЛЬНИК УЕЗДА КАЙ

Начальник уезда Цюаньцзяо достопочтенный Кай Инь-бу имел поэтические способности и был человеком, не признававшим никаких оков; мы с ним были дружны. В году *гэн-инь* * он был назначен экзаменатором в Цзяннань, у него появились фурункулы на спине, и он умер.

Когда мать достопочтенного Кай Инь-бу была беременна им и подошел уже срок родов, один из родственников, занимавший крупный пост в дворцовом управлении, увидел вечером во дворе дома огромного человека, ростом выше дома. Когда на него крикнули, он стал постепенно уменьшаться и при каждом окрике уменьшался на несколько чи. Родственник Кай Инь-бу выхватил меч и бросился на него, тогда он превратился в карлика, кинулся к деревьям и исчез. Взяли факелы и пошли искать, увидели глиняного человечка высотой в чи с небольшим, лицо плоское и широкое, на левой руке не хватает мизинца.

Взяли его и поставили на стол, в это время служанка пришла доложить, что госпожа родила мальчика. Через три

* 1770 г.

дня принесли показать новорожденного, а у него на левой руке не хватает мизинца, и лицом он был очень похож на этого глиняного человечка. Домашние перепугались, отнесли человечка в храм предков, принесли ему жертвы. Теперь, после смерти Кай Инь-бу, когда поставили табличку с его именем в храме предков, то заметили, что капли дождя пробили на спине у глиняного человечка три дырки, и он упал со своего сиденья. А когда Кай Инь-бу умирал, то фурункулы на его спине образовали три язвы. Домашние раскаивались в том, что не чтили должным образом глиняного человечка, но было уже поздно!

[256. Дух-покровитель города излечивает молодого ученого от венерической болезни, полученной таинственным образом.

257. Деревенского мальчика околдовывает дух мертвого, надеющийся найти в нем замену себе.

258. Предсказание, сделанное духом покойного, сбывается.

259. В Царстве мертвых человека карают за прелюбодеяние со служанкой, а его сыну, покончившему с собой (так как на него пало подозрение, что он отец незаконного ребенка этой служанки), даруют новое, хорошее рождение.]

(260.) РАЗРУШИЛ ХРАМ ЧЭНЬ Ю-ЛЯНА

Достопочтенный Чжао Си-ли был уроженцем Ланьси, что в провинции Чжэцзян. Сперва он получил назначение начальником уезда Чжушань, но сразу же был переведен в уезд Цзяньли. В день прибытия на место назначения он, по обычаю, должен был посетить храм Конфуция и духа-хранителя местности. Среди сопровождавших его был служка, возжигавший курения перед изображением божеств. В храме Чжао увидел изображения трех божеств, сидевших в ряд друг за другом, в княжеских одеяниях и парадных головных уборах, с величавым выражением лиц. Чжао спросил, кто эти духи. Никто не знал. Тогда Чжао решил снести храм, но служка сказал, что этого нельзя делать:

— В народе эти духи носят название блестящих и славных, когда-то они занимали высокие посты. Если разрушить храм, боюсь, что духи разгневаются — и беды не избежать.

Достопочтенный Чжао вернулся к себе и стал искать в историко-географическом описании уезда и в уложении о жертвоприношениях, но нигде не было упоминания об этих духах. Тогда он выбрал день и направил в храм людей, которые накинули духам на шеи железные цепи и потащили

их, но это были редкостные изображения, которые нельзя было сдвинуть с места, не разбив. Когда же достопочтенный Чжао сам потянул за цепь, то изображения упали и разлетелись на мелкие кусочки.

Надпись на храме изменили, назвав его храмом Гуань-ди. В течение долгого времени никаких чудес там не происходило. Но достопочтенный Чжао чувствовал себя не совсем спокойно и обратился с запросом в астрологический приказ, прося дать ему справку. В ответе, полученном им, говорилось: «Духи эти относятся к концу династии Юань [1], это — объявивший себя императором Великой Хань Чэнь Ю-лян [2] и два его брата. Войско их потерпело поражение, и Чэнь Ю-лян погиб у озера Поянху. В честь его был воздвигнут храм в Цзинчжоу, построенный в таком-то году правления под девизом Чжи-чжэн [3]*, разрушен этот храм был в таком-то году правления под девизом Юн-чжэн ** руками сановника Чжао, так что он пользовался приношениями всего четыреста лет».

ЦЗЮАНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

[261. Старуха-ясновидящая передает мужу слова его покойной жены и правильно предсказывает будущее.

262. Дух покойного говорит устами обидевшего его человека; придя в себя, обидчик становится лучше, чем был.

263. Лисы в насмешку пишут на спинах у двух пьяных стихи.]

(264.) КАРЛИКИ И ВЕЛИКАНЫ

В год *синь-мао* правления под девизом Цянь-лун *** Сян-тин [1] и его приятель Шао отправились в столицу. В двадцать первый день четвертой луны они прибыли в Луаньчэн. Все постоялые дворы на Восточной заставе были забиты повозками и лошадьми; только одно подворье было пусто. Приятели решили там заночевать. Шао выбрал себе первую комнату, а Сян-тин вторую, внутреннюю. Когда пришло время ложиться спать, оба улеглись в своих комнатах, но светильники не потушили и продолжали переговариваться через тонкую стенку.

Сян-тин вдруг увидел, как в его комнате появился человек ростом в чжан с лишним, с зеленым лицом, зелеными

* 1341—1352 гг.
** 1723—1735 гг.
*** 1771 г.

усами, в зеленой одежде и обуви; он был так высок, что шапка его доставала до потолка. Затем послышался шум и вошел маленький человечек, ростом не полных три чи. Голова у него была большущая, лицо, одежда и шапка тоже зеленого цвета. Он подошел к лежанке, размахивая руками, и стал делать танцевальные движения. Сян-тин хотел закричать, но не мог раскрыть рта. Он слышал голос Шао в соседней комнате, но не мог ответить ему. Ему и так было страшно, а теперь, когда он увидел, что у лежанки его уселся [еще один] человек в газовом головном уборе и широком поясе, с лицом, изрытым оспой, и длинной бородой, Сян-тин был охвачен настоящим ужасом. Бородатый сказал, указав на великана:

— Это не бес.

Затем он кивнул в сторону большеголового карлика и сказал:

— А вот это — бес.

Сделав рукой знак, он что-то шепнул тем двоим, и тотчас же великан и карлик, сложив руки в знак приветствия, стали кланяться Сян-тину. При каждом поклоне они отступали на шаг; третий поклон, третий шаг — и они исчезли за дверью. А тот в газовой шапке поклонился и пропал.

Сян-тин вскочил с лежанки и хотел бежать в комнату Шао, но в это время тот сам вбежал к нему с диким криком: его тоже посетили чудища.

— У вас тоже были карлик и великан? — спросил Сян-тин.

— Нет,— махнул рукой Шао.— Как только я лег, так сразу почувствовал, что из маленькой комнатушки за моей лежанкой тянет холодом. Подул такой холодный ветер, что у меня мороз по коже пошел, спать я не мог и поэтому стал разговаривать с вами. Вдруг вы перестали мне отвечать, и в это время я заметил, что в маленькой комнатушке расхаживает взад и вперед несколько десятков людей; там были люди огромного роста и совсем крошечные, лица у них у всех походили на миски и тазы. Я было решил, что мне все это чудится, и не испугался, но тут они вдруг столпились у дверей, скоро их оказалась там целая куча, и над всеми высилась голова великана, похожая на жернов. Они смотрели на меня и скалили зубы в улыбке. Тогда я вскочил с лежанки и бросился к вам. Не знаю, о каких это зеленых людях вы говорите!

Сян-тин рассказал ему о том, что видел, и они сейчас же уехали, даже не покормив лошадей.

На рассвете они услышали, как их слуги разговаривают между собой.

— Оказывается, то место, где мы ночевали,— сказал один слуга,— постоялый двор бесов. Большинство людей, останавливающихся здесь, либо умерло, либо сошло с ума. Поэтому местные власти уже лет десять, как приказали закрыть этот постоялый двор. Раз наши господа провели здесь ночь и ничего с ними не случилось, значит, либо чудеса здесь прекратились, либо им обоим судьба уготовила высокие посты.

[265. Дух, вызванный гадателем, в стихах предвещает ему появление девушки в красном, та действительно является и хочет ударить гадателя мечом. Только после того как гадатель переезжает в другое место, видéние оставляет его в покое.

266. Предсказание, сделанное духом-хранителем города, сбывается.

267. Юноша, провалившийся на экзамене, уходит в горы, там он сходится с бессмертной феей; вернувшись по ее настоянию домой, узнает, что тело его уже двадцать семь дней лежит дома мертвым.

268. Дух простого человека, постоянно являющийся на вызовы гадателя, выдает себя за ученого.

269. Наставник талантливого юноши жестоко проучил его ревнивую жену, так что ей приходится смириться с появлением в их доме наложницы.

270. Дух покойного чиновника наказывает заносчивого геоманта.]

(271.) ЛЮЙ ЧЖАО-ЛЕ

Люй Чжао-ле был уроженцем Шаосина. Когда он получил степень *цзиньши*, его назначили на должность начальника города Ханьчэн; придворный ученый Янь Дун-ю[1] подружился с ним там.

Как-то, беседуя на досуге, Янь спросил Люя, что имели в виду, когда дали ему имя Чжао-ле[2].

— В прошлом своем рождении я был лошадью, принадлежавшей семье Чэнь в Бэйтунчжоу,— ответил Люй.— Масти я был пестрой, белый в яблоках, а грива густая, длиной более трех чи. Господин Чэнь очень заботился обо мне.

Однажды, находясь в конюшне, я услыхал, что госпожа Чэнь рожает; три дня она не могла разрешиться. Кто-то из ее родных сказал:

— При таких трудных родах нужна повивальная бабка. Есть одна, которая смогла бы помочь, но, к сожалению, она живет в такой-то деревне, за тридцать ли отсюда и не сможет быстро приехать. Как быть?

— Пошлите слугу верхом на этой вашей длинногривой

лошади, пусть привезет бабку,— посоветовал другой родственник.

Только сказали это, как седой слуга уже вскочил на меня. Тут я вспомнил, как всю жизнь ел сено моего хозяина, и сейчас, когда хозяйка в беде, мне представился случай отблагодарить за милости. С разметавшейся гривой я помчался во весь опор, и вдруг путь мне преградил горный поток; расстояние между двумя скалами было более чжана; обогнуть его значило очень замешкаться, а тут нужно было спешить на помощь госпоже, и я взмыл вверх и перескочил поток, но споткнулся и полетел с крутого берега вниз, разбился и умер.

Седой слуга крепко держался за меня, поэтому он не разбился о скалистый берег. Тотчас же после моей смерти я увидел седобородого старца, который ввел меня в присутственное место; там я увидел сидящего на почетном месте духа в головном уборе из черного газа. Дух сказал:

— У этой лошади благородное сердце, какое и у людей трудно найти.

Он велел писцу привязать мне к копыту ярлык с надписью древним шрифтом, гласившей: «Препроводить под конвоем в хорошее место».

И тогда незаметно для себя я прошел новое рождение и родился сыном семьи Люя из Шаосина. После того как мне исполнился год, волосы на моей голове разделились надвое, как пучки лошадиной гривы, поэтому меня и назвали Чжаоле — Пышногривый.

[272. Человеку во сне является дух умершего местного жителя, известного дурным характером, но умевшего писать стихи. Дух душит спящего, и тот вскоре умирает.]

(273.) АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЗУД

Рассказывают, что во времена династии Мин в области Наньян был некий начальник области, который умер при исполнении служебных обязанностей в присутственном месте, и с этих пор каждое утро, на рассвете, дух его в головном уборе из черного газа проходил в главный зал и усаживался на место, обращенное к югу. Слуги кланялись ему, словно он мог кивнуть им в ответ. А когда становилось совсем светло, его больше не было видно.

В середине годов правления под девизом Юн-чжэн на

должность начальника этой области прибыл достопочтенный Цяо; услыхав об этой истории, он засмеялся и сказал:

— Это у него административный зуд. Тело его хоть и умерло, но сам он не знает, что мертв, поэтому и ведет себя так. Мне надлежит уведомить его.

И вот, когда еще не рассвело, Цяо в парадной одежде и головном уборе пораньше уселся на почетное место, обращенное на юг, а когда пришло время начать аудиенцию, вдали показался тот в черном газовом головном уборе; увидев, что его место уже занято, он стал переминаться с ноги на ногу, не решаясь пройти вперед. Затем тяжело вздохнул и удалился. С тех пор чудеса прекратились.

[274. Предсказание, сделанное человеку во сне, сбывается.]

(275.) ВАЛЕК ИЗ КРАСИЛЬНИ

У некоего простолюдина Чэня была жена и наложница. У жены детей не было, а наложница родила сына, и жена очень ревновала к ней. Дождавшись, когда наложница вышла из дому, жена потихоньку бросила ее сына в реку. А по соседству находилась женщина из красильни, которая стирала в реке одежду. Увидев маленького ребенка, которого несло течением реки, она пожалела его и спасла. Принеся ребенка домой, она накормила его молочной кашей и совсем забыла, что оставила свой валек у реки.

Жена Чэня, хотя и бросила ребенка в воду, боялась, что он не утонул, поэтому она снова пошла на реку. Глядит — ребенка нет, а по воде плывет валек. Засмеявшись, она сказала себе:

— Когда стирала, я потеряла здесь эту вещь.

Взяла валек, вернулась домой и повесила валек у постели. В ту же ночь в комнату проник вор, схватил одеяло с постели женщины, она в ужасе закричала, а он поспешно снял висевший у постели валек и ударил ее. Удар пришелся прямо в висок, так что потекли мозги, и женщина умерла.

Утром Чэнь пошел доложить чиновнику. Тот осмотрел орудие убийства, а на вальке — ярлычок красильной. Он вызвал на допрос красильщика. Жена успела рассказать красильщику, как она спасла младенца и позабыла на реке валек. Тот все рассказал чиновнику, который велел вернуть ребенка в дом Чэня и поймать убийцу его жены.

[276. Трава, которая останавливает кровь.]

(277.) ВЕТЕР, ПОДНЯТЫЙ ДРАКОНАМИ

Осенью года *синь-ю* правления под девизом Цянь-лун * тайфун вырывал деревья. Прибрежные жители увидели, как в небе подрались драконы,— и ветер пронесся над городом Гуанлин. В жилищах людей оконные рамы, мебель, пологи, одежда — все было выметено ветром на улицу и разметано в воздухе. На одной пирушке восемь тарелок и шестнадцать пиал были унесены ветром и упали на землю в нескольких десятках ли от места, где поднялись в воздух. А в доме некоего Ли, где как раз поставили на стол мясные и рыбные закуски, ничто не стронулось с места.

А вот что было особенно странно: жившая слева от арки Цинбайлюфан на улице Наньцзе женщина, помывшись и принарядившись, уселась с грудным ребенком на руках за воротами у бамбуковой изгороди. Порывом ветра ее подняло вверх, все видели, как она, словно кукла, сидела, а через мгновение исчезла в облаках. На следующий день эта женщина пришла из Шаобочжэня, то есть больше чем за сорок ли, целая и невредимая.

Она рассказала: «Сначала, когда меня подняло вверх и в ушах засвистел ветер, я испугалась. Чем выше, тем становилось холоднее. Я хотела поглядеть на наш город, но видела только дымку облаков. Не знаю, высоко я летела или низко, однако когда стала падать на землю, то падала медленно, спокойно, словно ехала в паланкине, а на сердце все же было смутно».

[278. Семьи двух умерших людей через двадцать лет после их смерти узнают, что их встречали в чужих краях. В могилах их обнаружены отверстия, словно кто-то вылез из них.

279. Дух покойника, которого плохо захоронили, мешает театральному представлению, чтобы пожаловаться на обиду.]

(280.) УДИВИТЕЛЬНЫЙ БЕС С ГЛАЗОМ НА СПИНЕ

Фэй Ми [1], второе имя его — Цы-ду, был простолюдином из Сычуани. Ему принадлежит строфа «Великая река течет в Ханьшуй, одинокая лодка отодвигает конец осени», которую так ценил глава историографов Юань-тин [2].

Вместе с командующим Ян Мин-чжаном Фэй Ми вернулся из похода в Сычуань, и когда они проезжали через Чэнду, то остановились на верхнем этаже помещения цензората.

* 1741 г.

Передавали, что там наверху водится нечисть. Командующий и его помощник Ли не поверили в это, решили там ночевать и потащили с собой Фэй Ми. У него были подозрения, поэтому он взял фонарь и уселся за пологом постели, обнажив меч. Когда пробили третью стражу, внизу послышались чьи-то шаги и какое-то чудище поднялось по лестнице наверх. При свете фонаря Фэй Ми разглядел его: голова есть, а бровей и глаз нет, похож на кусок сухого дерева. Чудище стало прямо перед пологом, но Фэй Ми ударил его мечом. Тогда чудище отступило на несколько шагов, повернулось и пошло прочь. На спине его вертикально стоял глаз длиной более чи, из которого исходило ослепительное сияние.

Подойдя к лежанке командующего Яна, чудище приподняло полог и повернулось спиной так, чтобы блеск его глаза ослепил командующего, но внезапно из ноздрей командующего стал выходить пар двумя струйками; столкнувшись с испускаемым чудищем сиянием, эти струйки начали увеличиваться, а сияние стало уменьшаться. Тогда чудище кубарем скатилось с лестницы, а командующий продолжал спать, так ничего и не зная. Вскоре на лестнице снова послышались шаги; чудище вновь поднялось наверх и поспешно направилось к лежанке помощника командующего Ли; тот крепко спал, и храп его напоминал гром. Фэй Ми решил, что это еще более бесстрашный человек, чем командующий, но вдруг услышал громкий крик, поглядел — у Ли изо всех отверстий льется кровь, и он мертв.

ЦЗЮАНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

[281. Бесы похищают человека, который пытался узнать секрет бессмертия; его спасает вмешательство Гуань-ди.

282. Человек сжигает найденный им в пещере труп чудища; оказывается, это тело духа, разгоняющего тучи. В искупление своей вины человек должен сорок девять дней читать сутру.]

(283.) «РАЗВЕ МНЕ ЗРЯ ОТРУБИЛИ ГОЛОВУ?»

Когда старший историограф Цзян Синь-юй[1] редактировал историко-географическое описание уезда Наньчан, ему как-то ночью приснилось, что пришел командующий Цзя, величественный мужчина в военной одежде и головном уборе, и, не поклонившись, схватил его за горло и закричал: «Разве мне зря отрубили голову?»

Цзян, в испуге проснувшись, понял, что это был дух обиженного. Заглянул в новое описание — там нет такого человека; заглянул в старое — там имелось упоминание о командующем Цзя, погибшем в Янчжоу. Тогда Цзян поспешно внес его имя в раздел «Жизнеописания преданных долгу».

[284. Человек, занимающийся в храме, видит, как камни превращаются в людей; из разговора с ними понимает, что это ученые древности.

285. Красавица-оборотень выманивает у юноши золотые украшения.]

(286.) ПРЕДОК ГРОМА

Жил когда-то охотник по фамилии Чэнь, у него была собака с девятью ушами. Если собака шевельнет одним ухом, Чэню попадался один зверь, шевельнет двумя — попадались два зверя, ни одним не шевельнет, значит, никого не подстрелит. Чэнь ежедневно проверял это на деле. И вот однажды собака зашевелила сразу всеми девятью ушами. Чэнь обрадовался, решив, что добыча будет большой, поспешил в горы, ходил с рассвета до полудня, но не убил ни одного зверя. Когда он совсем потерял надежду, собака забралась во впадину в горе и, громко лая, стала карабкаться вверх, перевернувшись вниз головой, словно маня его за собой. Чэнь стал копать в том месте и вырыл яйцо величиной с целый ковш.

Вернувшись домой, Чэнь положил яйцо на стол. На следующее утро началась сильная гроза, молния осветила комнату, и Чэню показалось, что с яйцом творится что-то странное. Он вынес яйцо во двор, в это время раздался удар грома, в яйце появилась трещина, и оно раскололось. Внутри него оказался маленький ребенок, красивый, как картинка.

Чэнь очень обрадовался, отнес ребенка в дом; стал растить его, как родного сына. Когда мальчик вырос, он сдал экзамен на степень *цзиньши*, был назначен на должность начальника области. Благодаря своим способностям и уму он прекрасно управлял делами. А когда ему исполнилось пятьдесят семь лет, у него под локтями внезапно выросли крылья, он взмыл в небо и, став бессмертным, исчез.

До сих пор в Лэйчжоу приносят жертвы Лэй-цзу — предку грома [1].

[287. Воспользовавшись отъездом младшего брата, старший брат распускает слух о его смерти на чужбине и продает его жену богачу; та кончает жизнь самоубийством, муж ее вскоре возвращается домой.

288. Деньги, которые умерший отец зарыл в храме для непутевого

сына, перемещаются и оказываются зарытыми в доме человека, у которого рождается сын — в этом ребенке вновь родился отец непутевого сына.]

(289.) БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ

Был торговец из Чжэцзяна, зарабатывавший на жизнь морской торговлей. Джонку, в которой он находился с двадцатью товарищами, прибило ветром к одному морскому острову. Они вышли на сушу, прошли примерно ли с небольшим, как вдруг им навстречу попался огромный медведь, ростом более чжана; медведь обеими лапами сгреб людей, чем больше захватывал, тем крепче сдавливал их, подтащил к большому дереву, схватил лианы и стал одну за другой протыкать их в ушные раковины людей; привязав их к дереву, он побежал прочь.

Дождавшись, когда медведь ушел подальше, люди сняли с поясов ножи, разрубили лианы и побежали обратно на джонку. Но вдруг они увидели четырех медведей, тащивших большую каменную плиту, на которой сидел медведь еще больший, чем тот, что повстречался им первым. Тут прибежал и первый медведь с радостным видом, но, когда он добежал до дерева и увидел валявшиеся на земле лианы, вид у него стал такой огорченный, словно он что-то потерял. Сидевший на плите медведь свирепо зарычал, а те четыре медведя стали бить [первого], задрали насмерть и ушли. Увидев это, люди, сидевшие в джонке, поразились и обрадовались, считая, что обрели вторую жизнь.

У некоего У из Шаньиня были дырки в ушных раковинах, родич его Шэнь Цзюнь-пин спросил его о причине этого, и тот рассказал ему эту историю.

[290. Человек вызывает дождь, забрасывая веревки в небо и стягивая тучи в одно место.]

(291.) СОЖГЛИ ТРАВУ, ОБЛИЧАВШУЮ ВОРОВ

В Ланьфу есть трава, обличающая воров. Если в каком-нибудь доме пропадет какая-то вещь, сжигают эту траву, и у вора начинают дрожать руки и ноги.

У одной барышни пропала пара золотых шпилек, кто их украл — неизвестно. Она собрала всех слуг, служанок, старух нянек, всего несколько десятков человек, и сожгла эту траву. Вид у всех был совершенно спокойный, ничем не отличавшийся от обычного, но барышня вдруг заметила, что занавес у двери начал непрерывно дрожать. Она подняла

голову и увидела, что на занавесе висят ее шпильки. Когда она как-то проходила мимо, шпильки зацепились за занавес и повисли на нем.

[292. Дух покойного вселяется в тело девушки и говорит ее устами. Его с трудом удается изгнать.

293. При постройке здания обнаруживают скелет. Когда его хотят перенести в другое место, он проклинает того, по чьему приказу была разрыта его могила. Тот человек вскоре умирает.]

(294.) ЛЕТАЮЩИЙ ТРУП

Когда Цзян из Инчжоу был начальником области Аньчжоу, что в провинции Чжили, ему повстречался старик, который лихорадочно двигал обеими руками, словно размахивая колокольчиками. На вопрос о причине этого старик ответил:

— Моя семья живет в такой-то деревне, всего нас там несколько десятков семейств. Однажды из холмов вышел труп, который мог летать по воздуху. Он пожирал маленьких детей. Хотя ежедневно на закате солнца люди запирали двери и прятали детей, все же этот труп часто похищал детей. Деревенские жители прощупали могилу, но не могли достать до ее дна и не решались осквернить ее.

Тут мы узнали, что в городе живет некий даос, искусный в магии. Мы собрали деньги и подарки для него и отправились просить его поймать чудище. Он согласился и, выбрав благоприятный день, пришел в деревню, воздвиг алтарь для совершения своей магии и сказал людям:

— Мое искусство дает мне возможность набросить на небо и на землю сети, которые могут помешать нечисти улететь, но вы должны мне помочь оружием; а главное — мне нужен смелый человек, который решится войти в эту могилу.

Никто в собравшейся толпе не решался, тогда я откликнулся, выступил вперед и спросил, что он мне поручит.

— Духи мертвых,— сказал даос,— обычно очень боятся звуков колокольчиков и гонгов. С наступлением ночи ты должен ждать того момента, когда чудище вылетит, и войти в его могилу, взяв с собой два больших колокольчика. Звони в них не переставая, так как даже короткого перерыва будет достаточно, чтобы труп успел войти в могилу и причинить тебе зло.

Когда наступила ночь, даос поднялся на алтарь, чтобы читать заклинания. А я с двумя колокольчиками ждал, пока

труп вылетит. Затем я изо всех сил стал махать руками, как падающий дождь, не решаясь ни на минуту остановиться, так как труп был у выхода из могилы. Он выглядел ужасающе свирепым и не отрывал от меня яростного взгляда, но звук колокольчика заставил его начать бегать вокруг могилы, куда он не решался войти. Окруженный толпой труп не мог никуда бежать. Протянув вперед руки, он стал сражаться с деревенскими жителями, пока первые лучи рассвета не заставили его упасть на землю. Тогда наши люди развели огонь и сожгли его.

Я же оставался в могиле и, не зная, чем дело кончилось, непрерывно размахивал колокольчиками, боясь остановиться. В полдень люди начали громко звать меня, и я вылез, но обе мои руки продолжали непрерывно двигаться, и до сегодняшнего дня я страдаю от этой болезни.

(295.) СВЯЗЬ ДВУХ ТРУПОВ

Некий смельчак, гостя в Хугуане, поселился один в старом храме. Однажды вечером, когда луна была прекрасна, он прогуливался за воротами и увидел в лесу существо неясных очертаний, в головном уборе танских времен*, легко, как ветер, несущееся к нему. Он решил, что это бес. Существо свернуло в самую гущу деревьев и вошло в древнюю могилу. Тогда смельчак понял, что это дух мертвого. Ему приходилось слышать, что дух мертвого не может причинить зла, если пропадет крышка от его гроба. Поэтому на следующую ночь он спрятался в лесу, дождался, когда труп выйдет из могилы, и украл крышку его гроба. Спрятав крышку, смельчак сам спрятался в глубине соснового леса. Ночь была уже на исходе, когда появился бегущий труп. Увидев, что крышка гроба пропала, он очень взволновался. Искал повсюду, а потом побежал по той же дороге, по какой пришел. Смельчак пошел за ним. У двухэтажного здания он увидел, как труп прыгает и кричит; ему отвечала женщина, стоявшая на верхнем этаже. Женщина делала знаки, чтобы труп ушел, но вдруг закричал петух, и труп упал на дороге.

Рано утром прохожие собрались в этом месте, и все были очень испуганы. Поднялись на верхний этаж, чтобы выяснить, в чем дело. Это был храм семьи Чжоу; на верхнем этаже стоял гроб, а рядом с ним лежал труп женщины. Все поняли, что имеют дело со связью мертвецов, поэтому положили их рядом и сожгли.

---

* 618—907 гг.

[296. Человек неожиданно умирает; воскреснув, рассказывает, что был в Царстве мертвых, куда его призвали, чтобы он выносил судебные приговоры.]

(297.) ГРОМ УДАРИЛ В ЛЯГУШКУ-ОБОРОТНЯ

Сун Дань-шань из Яньлина летом года *дин-хай* правления под девизом Цянь-лун* увидел, что гром ударил в дом крестьянина из Суйаня. В тот же миг небо прояснилось. Никому не было причинено вреда, только в доме долго стояла вонь.

Дней через десять родственники и друзья собрались в этом доме поиграть в кости. Вдруг из потолочного перекрытия рекой потекла кровь. Вскрыли потолок и увидели там мертвую лягушку длиною более трех чи; на голове у нее была шапка с кистью из конского волоса, на ножках — сапожки из черного шелка, на теле — платье из черного газа, обликом она походила на человека. Тогда только стало известно, что громом убило лягушку.

[298. Человеку снится решение сложного судебного дела.

299. Лошади превращаются в рыб.

300. По реке плывет труп. Выловивший его крестьянин покупает для него гроб, но ночью к нему является дух покойного, требующий жертвоприношений. Только когда сожгли гроб, бес перестал шантажировать крестьянина.

301. Человек, попросившийся на ночлег, ночует в комнате, где стоит гроб. Ночью гроб открывается, из него выходит старик, закуривает и снова укладывается в гроб. Утром выясняется, что это хозяин дома, любящий спать в гробу.

302. Тучи саранчи пожирают урожай и даже маленьких детей. Истребить ее удается лишь с помощью пушек.]

(303.) ТРУП ДЕРЖИТ В РУКАХ СЛИТОК СЕРЕБРА

Зимой девятого года правления под девизом Юн-чжэн** на северо-западе было землетрясение. В одной деревне уезда Цзесисян, что в Шаньси, на протяжении целого ли с небольшим земля провалилась; были места, где еще не образовались ямы. Жители деревни раскопали одно такое место и увидели, что там погребена семья некоего Цю. Трупы не разложились, все вещи сохранились в целости. Хозяин как

* 1767 г.
** 1731 г.

раз взял весы, чтобы взвесить серебро. В руке его был крепко зажат серебряный слиток.

[304. К человеку во сне является дух древнего полководца Чжан Фэя, жалующийся на несправедливость.]

(305.) ПО ОШИБКЕ ПРИНЯЛИ СЛАБИТЕЛЬНОЕ

Чанчжоуский цензор Цзян Юн-ань вместе с четырьмя приятелями пил в доме Сюй Чжао-хуана[1]. Сюй хорошо готовил, особенно вкусно он жарил рыбу-шар. Поэтому, выставив вино, он пригласил пятерых своих друзей отведать вместе с ним рыбу-шар.

Хотя все гости набросились на вкусную рыбу, подхватывая палочками большие куски, они все-таки испытывали легкое беспокойство. И вдруг один из гостей, некий Чжан, упал ничком на пол, на губах его появилась пена; закрыв рот, он не мог произнести ни звука. Хозяин и гости решили, что рыба была ядовитая, поспешили купить слабительное и влили его Чжану в рот. Но тот не приходил в себя. Все очень напугались.

— Разве может помочь лекарство, пока яд не вышел? — заявили они, и каждый выпил по чарке слабительного.

Через некоторое время Чжан пришел в себя. Друзья наперебой стали рассказывать ему, как они спасли его. Тогда он сказал:

— Я давно уже страдаю падучей, неожиданно случился приступ, а рыба-шар здесь ни при чем.

Тогда остальные приятели горько пожалели о том, что без причины приняли слабительное. Они полоскали рот, вызывали у себя рвоту и хохотали без удержу, как сумасшедшие.

[306. Судья Царства мертвых, пожалев умершую женщину, которая не успела родить сына, разрешает умершей молодой девушке возродиться в теле этой женщины, чтобы она смогла стать женой ее овдовевшего мужа и родить ему сына.]

ЦЗЮАНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

[307. Чиновник, проживший восемьдесят лет, упрекает духа, неправильно предсказавшего, что он проживет до шестидесяти лет.

308. Вся семья человека, задевшая духа морового поветрия, умирает.]

(309.) ГУЙАНЬСКАЯ РЫБА-ОБОРОТЕНЬ

В народе передают, что Чжан Тянь-ши[1] не проезжает через уезд Гуйань.

Рассказывают, что при прошлой династии некий начальник уезда Гуйань, находившийся на должности полгода, както улегся спать с женой и вдруг в середине ночи услышал стук в дверь. Начальник встал, чтобы поглядеть, в чем там дело. Вскоре он вернулся на постель и сказал жене:

— Это всего лишь ветер.

Жена, считая, что это ее муж, по-прежнему лежала рядом с ним, но вдруг почувствовала, что от его тела идет дурной запах. Она затаила подозрение и ничего не сказала. Однако с тех пор уезд превосходно управлялся, уголовные дела и тяжбы решались необычайно мудро.

Через несколько лет через Гуйань проезжал Чжан Тянь-ши. Начальник уезда не решился явиться к нему с визитом. Чжан Тянь-ши сказал:

— В этом уезде пахнет нечистью.— И приказал вызвать к нему жену начальника уезда.

— Помнишь, как в такой-то день такой-то луны такого-то года ночью раздался стук в дверь? — спросил он ее.

— Помню,— ответила она.

— Нынешний твой муж не настоящий твой супруг,— сказал Чжан Тянь-ши.— Это дух угря. А твоего прежнего мужа он съел, когда тот вышел на его стук в дверь.

Жена пришла в ужас, стала умолять Чжан Тянь-ши отомстить за нее.

Чжан Тянь-ши поднялся на алтарь, произнес заклинания. Появился большой черный угорь, длиной в несколько чжанов. Он пал ниц перед алтарем.

— За свое преступление ты заслуживаешь казни,— сказал ему Чжан Тянь-ши,— но обязанности начальника уезда ты исполнял превосходно, и это избавит тебя от смерти.

Взяв большой сосуд, он заключил в него угря и опечатал отверстие. Сосуд зарыли в центральном зале, засыпав сверху землей. Угорь умолял пощадить его, на что Чжан Тянь-ши ответил:

— Подожди, пока я снова буду проезжать через этот уезд, тогда освобожу тебя.

Говорят, что с тех пор Чжан Тянь-ши больше не проезжал через Гуйань.

[310. Дух покончившей с собой женщины мстит бросившему ее возлюбленному; тот долго болеет и умирает.

311. Юань Мэй убеждает своего собеседника в том, что падение звезд не обязательно является предвестником беды.]

(312.) ЯН-ГУЙФЭЙ[1] ЯВЛЯЕТСЯ ВО СНЕ

В годы правления под девизом Кан-си* Ван Шань-цяо[2] из Сучжоу, человек выдающихся талантов, проводил аттестацию чиновников в уезде Синпин провинции Шэньси и заночевал в Мавэй[3]. Во сне ему явилась женщина редчайшей красоты, какую не встретишь в мире смертных, одетая в убор из перьев зимородка. Она вручила ему жалобу и сказала:

— Участок, где находится моя могила, захвачен людьми. Было бы счастьем, если бы вы, мудрый правитель, пожалели меня и разобрались в этом деле.

Ван в испуге проснулся. Расспросил местных жителей, те сказали:

— Здесь только могила государыни Ян. Когда ее похоронили во времена Тан, первоначально участок был шириной в несколько му; со времени же Сун и в период Мин дровосеки и пастухи захватывали по частям эту землю, так что лишку совсем уже не осталось.

Ван решил навести порядок. Действительно, там была древняя могильная надпись, гласившая: «Могила танской гуйфэй из рода Ян». Тогда он поставил межевой знак и сверх того насадил там сотню деревьев. Весной и осенью — два раз в год — он приносил ей жертвы.

[313. Умерший хозяин дома возрождается в теле ученого.

314. Дух несправедливо обиженного человека является к спящему чиновнику, чтобы пожаловаться на обиду.

315. Гуань-ди спасает чиновника от опасности, явившись к нему во сне с предостережением.]

(316.) ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЦЕНЗОР ФЭН

Провинциальный цензор Фэн Цзин-шань жил в столице на улице Юнгуансысицзе[1]. Когда перестраивали его кабинет, вырыли черный лакированный гроб и перенесли в другое место. Ночью Фэну приснился человек, поднесший ему донесение с жалобой на обидчика. Фэн в это время инспектировал Сичэн[2]; получив донесение во сне, он ознакомился с ним; речь там шла о том, что влиятельный сановник вырыл гроб, и стояли фамилия и имя Фэна.

Проснувшийся в испуге Фэн заболел. Когда болезнь его обострилась, жена Фэна услыхала смех и говор в его комнате. Решив, что больному стало лучше, она заглянула к нему

* 1662—1722 гг.

и увидела совершенно незнакомого человека в черном, сидевшего на постели Фэна; в то же мгновение он исчез.

— Этот человек — мой сосед,— сказал Фэн жене.— Он охранял караван с продовольствием и, когда продовольствие доставили в столицу, умер. Гроб его временно поставили в кумирню на улице перед храмом Юнгуансы, совсем рядом с нашим домом, а я об этом ничего не знал. Теперь он услыхал, что мой жизненный путь тоже подходит к концу. Вот я и хочу договориться: надо сжечь жертвенные деньги, чтобы помочь ему в потустороннем мире.

Жена Фэна послала человека на улицу. Там действительно стоял точно такой же гроб. Она поняла, что муж ее не выживет.

[317. Дух мертвого учителя мстит отравившему его ученику.]

(318.) *СЮЦАЙ* ЧЖУАН

Сюцай Чжуан из Тунчжоу, ставший *цзюйжэнем* в год *моу-у* *, в юности был очень красив. Дочь его арендатора влюбилась в него. В конце концов она заболела и перед смертью сказала своему отцу:

— Я умираю из-за *сюцая* Чжуана. Я мечтала выйти за него замуж, но понимала, что это невозможно из-за моего низкого происхождения. Поэтому я заболела от тоски. Хоть я и умираю, но сердце мое стремится к *сюцаю!*

На следующий день она умерла. Отец ее поспешил сообщить *сюцаю* Чжуану. Тот пришел навестить девушку, но она уже испустила последний вздох.

Когда Чжуан отправился на осенние экзамены, он встретил девушку на мосту Хуайсицяо, совсем такую же, как при жизни. Когда он вошел в помещение для экзаменов, то оказалось, что приготовлением пищи, закусок, чая ведала эта девушка. В том году он получил степень.

Каждый раз, когда Чжуан отправлялся в дальнюю поездку, обязательно приходила эта девушка. Чжуан из страха поставил в своем доме табличку с ее именем и приносил жертвы. Когда он женился на девушке из некоей семьи, та девушка пришла попрощаться и больше не появлялась.

[319. Дух помогает чиновнику добиться литературной славы.

320. Труп человека, которому никто не приносит жертв, ищет пищу. По приказу чиновника труп сжигают.]

---

* 1738 г.

(321.) ТРУП ИЗ-ЗА СВОЕЙ ЖАДНОСТИ ПОПАДАЕТ В БЕДУ

Некий учащийся Ван из Шаосина в течение года получал от правительства [стипендию] продовольствием, одна богатая семья в деревне пригласила его домашним учителем. Дома у них было тесно, но вышло так, что на расстоянии одного ли с небольшим продавался новый дом. Семья богача купила этот дом и поселила в нем Вана. При этом было сказано:

— Тут еще не все устроено как следует. Ваши ученики и прислуга прибудут завтра рано утром, так что вам, почтенный, одну ночь придется провести одному, но бояться нечего.

Ван был человеком смелым, да и, собственно, чего было бояться в новом доме!

Ван приказал мальчишке-слуге захватить с собой чайную посуду и отнести ее в кабинет, а сам, осмотрев дом, вышел на улицу и стоял, прислонившись к воротам.

Уже наступила ночь; луна светила ярко, и Ван увидел у подножия холма какое-то сияние, как от зажженного факела. Он пошел посмотреть, в чем там дело, и увидел, что сияние исходит из гроба, сделанного из некрашеного дерева. Ван подумал: «Если бы это был бесовский свет, то он был бы голубовато-зеленым и давал бы языки пламени чуть красноватого оттенка. Нет ли там золота или серебра?»

Ван вспомнил, что в «Мешке премудрости»[1] есть запись о том, что тунгусы в траурных одеждах погрузили на повозки гробы и захоронили их за городом, а их преследователи нашли в этих гробах груды желтого и белого [металла]. Уж не из тех ли гробов этот? Счастье, что никто другой его не нашел!

Ван взял камень и стал выбивать им гвозди. Затем он открыл крышку гроба и с ужасом увидел внутри труп с землистым лицом и вспухшим животом. На трупе была шапка из конопли и соломенные туфли.

В районе Юе было принято в таком виде хоронить родителей, переживших своих сыновей. Ван в ужасе отшатнулся. С каждым шагом Вана назад труп приподнимался и наконец вскочил. Ван как сумасшедший бросился бежать, труп погнался за ним. Ван вбежал в дом, поднялся наверх, захлопнул дверь, задвинул засов и смог наконец перевести дух.

Думая, что труп уже ушел, Ван открыл окно и выглянул, но труп тотчас же поднял голову, запрыгал с радостными

криками и кинулся к двери. Так как дверь была заперта, войти он не смог. Он издал громкий жалобный вопль. Три раза он крикнул, и дверь распахнулась, словно кто-то открыл ее. Труп поднялся наверх. Вану ничего не оставалось, как схватить палку и ждать его. Когда труп приблизился, Ван ударил его палкой по плечам, висевшие [на плечах у трупа] слитки из серебряной бумаги рассыпались по полу. Труп нагнулся, чтобы поднять их, тогда Ван воспользовался этим и толкнул его изо всех сил. Труп упал с лестницы. Тут закричал петух, и с этой минуты труп лежал молча.

На следующее утро Ван пошел посмотреть на труп и увидел, что у него при падении сломалось бедро. Ван позвал людей, они вынесли труп и сожгли его. Вздохнув, Ван сказал:

— Моя жадность привела труп наверх, а его жадность довела его до того, что люди сожгли его! Если бесам не следует быть жадными, то насколько же больше это относится к людям!

[322. Дух-покровитель местности разоблачает развратника.]

(323.) ГОСПОЖА ЛУ

Госпожа Лу, супруга некоего Фан Бо, была приемной дочерью государственного секретаря — достопочтенного Цю Вэнь-да [1]. После того как господин Вэнь-да умер, госпожа заболела, и ей приснилось, что в комнату внесли большой паланкин, перед которым стоял человек в синем, провозгласивший: «Вельможа Цю прислал просить вас пожаловать к нему».

Госпожа поднялась в паланкин и незаметно для себя оказалась среди облаков. Ее доставили к большому храму с величественным главным зданием и очень чистыми маленькими пристройками по бокам. Достопочтенный Вэнь-да сидел с непокрытой головой в шелковом халате, по бокам стояли двое прислужников, на столе лежало множество свитков с делами.

— Я знаю причину твоей болезни,— сказал госпоже достопочтенный Вэнь-да,— это возмездие за грехи, совершенные в прошлом твоем рождении.

Госпожа упала на колени и обратилась к нему с мольбой:

— В силах ли мой приемный отец избавить свою дочь от беды или нет?

Достопочтенный Вэнь-да ответил:

— Здесь в западном флигеле лежит на постели женщина, пойди и подними ее. Если сумеешь поднять, твоя болезнь поддастся лечению; не сумеешь, тогда и я не смогу спасти тебя.

И он приказал мальчику-слуге проводить госпожу в западный флигель. Действительно, там стояла расписанная золотом лежанка, над которой был натянут большой полог из красного шелка, одеяло и постельные принадлежности были очень нарядными. В постели, вытаращив глаза и не произнося ни слова, лежал труп обнаженной женщины.

Госпожа стала поднимать женщину, совсем выбилась из сил, но без толку. Тогда она вернулась к достопочтенному Вэнь-да и сообщила ему об этом.

— Возмездия трудно избежать,— сказал он.— Можешь вернуться домой и попросить Чжан Тянь-ши[2] совершить моление, чтобы предотвратить беду. Но Чжан Тянь-ши в последнее время стал небрежен, и его благополучие тоже идет к концу. В такой-то день такой-то луны он написал текст молитвы для семьи Гу Мао-дэ из Сучжоу и там было очень много ошибок, так что Верховный владыка[3] сильно разгневался.

Госпожа Лу проснулась в испуге. В это время Чжан Тянь-ши находился в столице, и госпожа рассказала ему все. Он проверил черновик текста молитвы для семьи Гу, там действительно было много ошибок, и Чжан Тянь-ши сильно встревожился.

Вскоре госпожа Лу умерла. Чжан Тянь-ши тоже умер. Слава его сохранилась. Гу Мао-дэ, еще не получив степень *цзиньши*, был назначен начальником отделения в палате обрядов.

(324.) ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ С КОРОВЬЕЙ ГОЛОВОЙ

Чжуан Гуан-юю, крестьянину из Лияна, приснилось, что оборотень с рогами на голове постучался в двери и вошел в дом.

— Я великий князь с коровьей головой[1],— сказал он.— Верховный владыка приказал мне есть здесь жертвенную пищу. Поставь в доме мое изображение и приноси мне жертвы, наградой за это тебе непременно будет счастье.

Чжуан, проснувшись, рассказал о своем сне деревенским жителям. Как раз в это время в деревне было моровое поветрие. Крестьяне решили, что лучше поверить духу; собрали несколько тысяч монет и воздвигли хижину, в которой по-

ставили изображение сидящего духа с коровьей головой и человеческим телом.

После этого все, кто заболел во время морового поветрия, выздоровели. И молитвы о рождении сына тоже возымели свое действие. Так что курения [перед изображением духа] возжигались непрерывно. Прошло несколько лет. И вот сын крестьянина Чжоу Маня заболел оспой. Чжоу принес жертвенное мясо в храм и стал молиться духу. Гадательные жребии предсказывали счастье, и Чжоу, обрадовавшись, решил в знак благодарности устроить [в честь духа] театральное представление. Но не прошло и нескольких дней, как сын его умер.

В гневе Чжоу сказал:

— Я надеялся, что мой сын будет возделывать землю и кормить меня. Лучше бы я умер, чем мой сын!

Чжоу привел с собой жену, и они мотыгами разбили на куски изображение духа с коровьей головой и разрушили его храм. Деревенские жители испугались, решив, что теперь будет беда. Но все было тихо. Куда перебрался дух с коровьей головой, неизвестно.

[325. Дух цветка мстит человеку, сломавшему цветок.

326. Человек, нарушивший запрет и потревоживший заколдованное место, умирает.

327. Дух, явившийся человеку во сне, помогает ему найти родителей, которых тот потерял во время бегства от смуты.]

(328.) БЕСТОЛКОВЫЙ БЕС

В тридцать девятом году правления под девизом Цяньлун * живший в столице беспутный малый Хань-лю нанес телесные повреждения своему отцу. Палата наказаний расследовала это дело, Хань-лю был брошен в тюрьму, и его должны были казнить. Некий помощник начальника ведомства, исходя из того что побои, нанесенные отцу, не были опасны для его жизни, хотел смягчить наказание, но, когда глава палаты достопочтенный Коу Цинь по обязанности доложил об обстоятельствах дела, был получен приказ предать [Хань-лю] казни по закону.

Начальник тюрьмы Ли Хуай-чжун был послан палатой наказаний наблюдать за казнью. Через три дня дух [казненного] вселился в тело этого Ли и его устами заявил:

— Вы все, достопочтенные господа, оказали мне снисхож-

* 1774 г.

дение, а ты прибыл меня казнить. Я не хотел умирать, поэтому пришел требовать твою жизнь.

Слышавшие это очень удивились и решили, что дух этот бестолковый, но Ли так больше и не поднялся.

[329. Дух покинутой наложницы мстит жене бросившего ее хозяина.]

(330.) ГУАНЬ-ДИ СЛЕДУЕТ МИРСКИМ ОБЫЧАЯМ

В год *гуй-мао* правления под девизом Кан-си* у *цзюйжэня* Цзян Кая[1], назначенного начальником одного уезда, умерли родители, и он вернулся домой[2]. Когда он снова смог приступить к исполнению служебных обязанностей, ему приснился человек в латах, который назвался Чжоу Цаном[3] и был одет так, как его изображают в нынешних храмах, но был молод и без бороды. В руке у него была пригласительная карточка, на которой было написано: «Ваш младший брат, некий Гуань, бьет земной поклон». Цзян Кай в удивлении проснулся и громко рассмеялся, решив, что Гуань-ди следует мирским обычаям.

Вскоре Цзян Кай был назначен начальником уезда Цзелян в Шаньси. Там он отправился поклониться в храм Гуань-ди. Сбоку находилось изображение Чжоу Цана, действительно молодого и без бороды. Весь его облик был точь-в-точь таким, как видел Цзян во сне. Цзян пожертвовал большую сумму на ремонт храма. Впоследствии он скончался на своем посту.

Достопочтенный Цзян был дядей Юй-цзю[4], начальника области, который рассказал мне эту историю.

[331. Человеку, увлекавшемуся древностью и презиравшему экзаменационные сочинения, благодаря счастливой случайности удается сдать экзамен.]

(332.) ДВА ВАН ШИ-ХУНА

В годы правления под девизом Шунь-чжи** господину Ван Жи-хэну из Хойчжоу под Новый год приснилось, что в списке выдержавших экзамен на степень *цзиньши* есть имя Ван Ши-хуна. Тогда он переменил свое имя на Ши-хун, но так до конца своих дней и не получил степени. Уже при правлении Кан-си*** экзамены выдержал господин Ван Туйгу[1], значившийся в списке под именем Ван Ши-хун. Это про-

* 1663 г.
** 1644—1662 гг.
*** 1662—1722 гг.

изошло более чем сорок лет спустя, когда господин Жи-хэн давно уже умер. Его внук записал слова деда, и мы вместе с ним вздохнули о том, как удача играет людьми.

[333. Дух-покровитель местности, бывший при жизни другом начальника уезда, спасает его жену, которая в наказание за грехи, совершенные в прошлом рождении, должна была быть убита ударом грома. В отместку бог грома разрушает храм духа-покровителя местности.

334. Лиса-оборотень, сожительствовавшая с юношей, вновь рождается в теле девушки, на которой он женится.

335. Душа покойной жены человека возрождается в теле новорожденной девочки, которая впоследствии становится женой этого человека.

336. Предсказание, сделанное духом, сбывается.

337. Умерший возрождается в теле ребенка, родившегося, как и предсказывал покойный, в другой семье.

338. Удивительный умелец, пытавшийся покончить с собой, чтобы «заменить» тонувшего в это время в другом городе сына.]

ЦЗЮАНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[339. Бесы заманивают человека в хижину и запирают его там.

340. Хозяин дома находит приглашенного им гостя мертвым; в груди у него большое отверстие, через которое кем-то вынуты сердце и внутренности.

341. Предсказание, сделанное духом покойного, сбывается.

342. Бес выдает свою дочь замуж за купца, потом ссорится с ним и подбрасывает его в воздух; тот приходит в себя на большом расстоянии от дома.

343. В наказание за мошенническую проделку чиновника его сын умирает в юности.]

(344.) ХОЗЯИН ЧАЙНОЙ ЛАВКИ ВОЗВРАЩАЕТ ДОЛГ

Цзоу, курьер из уезда Ганьцюань, шел лунной ночью мимо Симэньдацзе. Наступила третья стража, и на дороге не было прохожих. Под ясенем Цзоу увидел небольшой домик, ворота которого стояли открытыми, к ним прислонилась женщина. Сделав вид, что ему нужен огонь, чтобы закурить, Цзоу попросил у женщины огня. Та не спряталась от него, и Цзоу, обрадованный, ввел ее за руку в дом. Усевшись на скамью, он уговорился с ней, что придет на следующей день.

Назавтра Цзоу утром пришел туда [снова, а в домике] под ясенем никого не было, лишь в маленькой комнатушке стоял гроб. Цзоу заглянул в окошко: скамья стоит, как преж-

де, на ней следы пепла и очертания двух сидящих рядом людей. Тогда он понял, что это было бесовское наваждение, и был очень огорчен и раздосадован.

Однажды Цзоу поднялся рано и сказал жене:

— Один человек задолжал мне семь лянов серебра и два цяня, пойду потребую с него долг.

В тот день Цзоу не вернулся домой, а наутро на улице поднялся большой шум. Рассказали, что в одной чайной лавке человек пил чай и вдруг скоропостижно умер. Владелец чайной лавки сообщил властям; труп освидетельствовали, но причину смерти не смогли установить. Хозяину лавки было приказано купить гроб и обрядить покойника.

Услыхав об этом, жена Цзоу пошла посмотреть. Это оказался ее муж.

Она спросила хозяина чайной лавки, сколько стоил гроб; оказалось, ровно семь лянов и два цяня.

[345. Душа умершей полуторамесячной девочки вселяется в служанку и ее устами разоблачает кормилицу, по чьей небрежности она погибла.]

(346.) ЯДОВИТЫЕ НАСЕКОМЫЕ *ГУ*[1]

В Юньнани многие семьи держат у себя ядовитых насекомых *гу*. *Гу* могут испражняться золотом и серебром и таким образом обогащать людей. Каждый вечер *гу* выпускают, и оно, сверкая, как молния, летает на восток и на запад. Если поднять сильный шум, то этим можно заставить его упасть на землю.

Гу может быть змеей или жабой, любым пресмыкающимся или насекомым. Люди [от *гу*] прячут маленьких детей, боясь, что *гу* съест их.

Те, кто держит у себя *гу*, прячут их в потайных комнатах, приказывая женщинам кормить их. Мужчинам вредно видеть *гу*, так как оно состоит из скопления *инь*[2]. *Гу*, что пожирает мужчин, извергает золото, а *гу*, пожирающее женщин, извергает серебро.

Это мне рассказал Хуа Фэн[3], командующий войсками в Юньнани.

(347.) ОТРАВЛЕННОМУ ЧЕЛОВЕКУ ВОЗЖИГАЮТ КУРЕНИЯ

Ляо Мин, даос из Ханчжоу, собрал деньги и воздвиг на них изображение в храме Шэн-ди[1]. В день открытия мужчины и женщины со всей округи толпами собрались там, чтобы возжечь курения. Неожиданно какой-то бродяга нагло рассел-

ся рядом с изображением Шэн-ди и стал тыкать в него пальцем и высмеивать его.

Толпа возмутилась, но даос сказал:

— Пусть делает что хочет, он непременно будет наказан.

И в тот же миг бродяга упал на землю и стал кататься по ней, крича, что у него болит живот. Вскоре он умер, а из всех семи отверстий у него лилась кровь. Все очень испугались, решив, что это Шэн-ди проявил свою чудотворную силу.

С тех пор здесь стали возжигать еще больше курений, и даос благодаря этому разбогател.

Прошел год, и сообщники даоса, недовольные неравным дележом доходов, донесли властям, что бродяга, который в прошлом году насмехался над Шэн-ди, был подкуплен даосом, научившим его так вести себя, а умер он потому, что даос всыпал яд ему в вино и бродяга, ничего не подозревая, выпил вино.

Вырыли труп — и действительно, кости почернели. Даоса казнили, а курения в храме Шэн-ди почти перестали возжигать.

[348. Два рассказа об экзаменах: экзаменатору, не сумевшему понять хорошее сочинение, во сне является дух, исправляющий его ошибку; дух заступается за старого студента, над которым потешались экзаменаторы.]

(349.) ДИКАЯ КОШКА НАЗЫВАЕТ СЕБЯ ДВОЮРОДНОЙ СЕСТРОЙ (БРАТОМ)

В обители Лаомэй в Люхэ много диких кошек. Ночью они выходят, чтобы дурачить людей: под окном начинают звать человека, называясь при этом двоюродным братом (сестрой). Если человек предостережен и не ответит, они уходят.

Некий юноша по фамилии Ся занимался в этой обители. Лунной ночью он услыхал, как кто-то зовет его. Он подумал, что это человек, открыл окно и откликнулся. Он увидел манившую его к себе женщину, вид у нее был грубый и уродливый. Ся хотел оттолкнуть ее, но она обхватила его обеими руками, втолкнула обратно в комнату и стала срывать одежду. Только когда втянула в себя всю его «жизненную энергию»[1], ушла.

Говорят, что сила у нее была такая, что с ней нельзя было справиться.

Пахло от нее так, что запах этот остался на теле Ся и только через месяц с лишним исчез.

[350. Бесы мешают похоронить сановника в указанном гадателем месте. Сын покойного, настаивавший на том, чтобы могила находилась в этом месте, умирает.

351. Дух женщины, повесившейся из-за жестокого обращения с ней мужа, мстит ему и доводит его до смерти.

352. Две лисы селятся во внутренностях человека, никакие талисманы и заклинания не помогают, так как это не проделки бесов-оборотней, а месть духов умерших людей, которых он обидел в прошлом своем рождении. Человек умирает.

353. Бес препятствует браку служанки, с которой он сожительствует.]

(354.) ДВА БЕСА ПОД РОЖКОВЫМ ДЕРЕВОМ

За южными воротами Даньяна некий Люй имел сад с рожковыми деревьями, от которых он получал большие доходы. Всякий раз, как рожки созревали, Люй с сыновьями сторожили сад от воров.

Как-то лунной ночью Люй сидел на камне и смотрел на деревья. Под одним деревом он увидел вылезшее из земли существо с растрепанными волосами, висящими космами. От страха у него даже в глазах помутилось. Люй позвал сыновей, те поймали существо, превратившееся в молодую женщину в красном платье, которая сразу же вырвалась. Отец в страхе упал на землю, а сыновья как сумасшедшие бросились домой. Женщина погналась за ними.

У главных ворот их дома она внезапно остановилась и стала неподвижно — одна нога в воротах, другая за воротами. На крики сыновей сбежались все домашние, с ножами и палками; но, боясь, что леденящее дыхание женщины коснется их, никто не решался приблизиться к ней. Тогда она медленно вошла в дом, нагнулась, подлезла под лежанку и исчезла.

Напоив отца имбирным отваром, чтобы привести его в чувство, сыновья Люя отвели его домой и стали скликать соседей. Сообща они разрыли землю под лежанкой и обнаружили там красный гроб, а внутри его в красном платье, такую [же женщину], как та, что они видели ночью.

С этой поры отец и сыновья не решались сторожить деревья.

Прошло три года, и под рожковым деревом нашли человека. Люй с сыновьями привели его в чувство и спросили, откуда он взялся.

— Я ваш сосед с западной стороны,— ответил он.— Видя, что у вас много рожковых деревьев, которые никто не сторожит, я пришел, чтобы украсть рожки, но вдруг увидел под деревом обезглавленного человека, который манил меня рукой к себе. В ужасе я упал на землю.

Снова сыновья Люя созвали людей, чтобы разрыть землю, и на этот раз нашли черный гроб с обезглавленным трупом.

Оба трупа не разложились. Их сожгли, и тогда чудеса прекратились.

[355. Дух-покровитель местности наказывает не проявившего к нему уважения человека.]

(356.) ПЕРВЫЙ КАНДИДАТ НЕ МОЖЕТ СДАТЬ ЭКЗАМЕН

Первый кандидат Хуан Сюань сам рассказывал, что когда он стал *сюцаем*, то неоднократно с успехом сдавал экзамены.

В год *и-ю* * шанцзянскому главному экзаменатору Лян Яо-фэну [1] понравился его талант, и он рекомендовал его для сдачи экзаменов в столице.

Когда наступил день сдачи экзамена, у Хуана началось сильнейшее головокружение, так что он не смог написать ни одного слова. Ляну пришлось заменить его кандидатуру неким У Хао-лином, учащимся из уезда Сюнин.

А после того как вывесили списки выдержавших экзамен, болезнь Хуана сразу же прошла. С тех пор он потерял надежду прославиться и рассчитывал лишь на должность помощника начальника уезда или округа.

Только через три года он наконец одержал победу и даже занял первое место на дворцовых экзаменах. У Хао-лин же был послан в дальний район, заболел брюшным тифом и так и умер там в безвестности.

[357. Чиновнику снится иероглифический ребус, решив который он обличает убийцу.]

(358.) ПЕРЕСТАРАЛИСЬ

Некий помощник начальника ведомства Сай был по природе своей человеком крайне осторожным. Каждый раз, когда при нем упоминалось слово «смерть» или «похороны», он обязательно чихал, чтобы отогнать от себя несчастье.

---

* 1765 г.

Повстречав на дороге гроб с покойником, он спешил зайти в дом приятеля или родственника, снимая с себя одежду и шапку и несколько раз вытряхивал их, считая, что невезение останется в этом доме, а его не коснется.

А еще был помощник начальника ведомства Ли. Сюе Шэн-бай[1] навещал больных в его доме. Как-то раз пришел рано утром, но Ли вышел к нему лишь в полдень. Шел он спиной, поддерживаемый под руки двумя сыновьями. Усевшись, протянул руку, чтобы Сюе пощупал пульс, отвечал на вопросы о болезни, но так ни разу и не повернул головы.

Сюе удивился и решил, что у Ли изуродовано лицо, поэтому он и не поворачивается. Спросил у его домашних, но те ответили:

— Лицо у господина нормальное, ничем не изуродовано. А ведет он себя так, потому что в определенные дни дух счастья находится на востоке, и хозяин не осмеливается выходить, повернувшись к нему спиной. И еще: раннее утро — время неблагоприятное, поэтому он вышел к вам только в полдень.

[359. Человек, который мог творить чудеса и провидеть будущее.

360. Бессмертная лиса-оборотень, принявшая вид студента, селится в башне, где обитает дух повесившегося человека, который ищет себе замену; через некоторое время хозяин дома обнаруживает труп повесившейся лисы.

361. Предсказание духа, вызванного гадателем, сбывается.

362. Предсказание Гуань-инь, явившейся беременной женщине во сне, сбывается.

363. Юань Мэй встречает на дороге калеку чудовищного вида, который просит подаяния].

(364.) ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ЦЯНЬ ВЭНЬ-МИНЬ[1] РОДИЛСЯ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЕГО МАТЬ УВИДЕЛА ВО СНЕ СИНЬ ЦЗЯ-СЮАНЯ[2]

Достопочтенный Цянь Вэй-чэн, получивший [посмертно] имя Вэнь-минь, вначале именовался Синь-лай[3], потому что его матери перед родами во сне явился Синь Цзя-сюань. После того как имя переменили, ему дали прозвище Цзя-сюань, чтобы сохранить предсказанное сном.

За четыре месяца до экзаменов, проходивших в год *и-чоу* *, Цяню приснилось, что в списке выдержавших экзамен первым стояло имя некоего Ли, сам Цянь был третьим в спис-

* 1745 г.

ке, а фамилия и имя лица, занявшего второе место, были неясны.

После того как список выдержавших был опубликован, оказалось, что Цянь занял первое место, а Ли был только во втором списке. Цянь получил назначение на должность начальника уезда.

Это не поддается объяснению.

[365. Чтобы отомстить за нанесенную при жизни обиду, дух покойницы вселяется во внутренности обидчицы и причиняет ей нестерпимую боль, доведя ее до смерти.]

(366.) ТРУП КОРОВЫ

Один житель деревни Тунцзинь, что в Цзяннине, более десяти лет держал корову, за это время она родила двадцать восемь телят, принеся таким образом большой доход своему хозяину.

Корова состарилась и не могла уже больше тащить плуг. Многие мясники просили хозяина продать ее, но он не мог на это решиться, а поручил мальчику заботиться о ней, пока она сама не испустила дух. Труп коровы он закопал в землю.

В ту же ночь хозяин услыхал стук в ворота. Так было несколько ночей подряд, но ему не приходило в голову, что это делала его корова. Когда же через месяц стало еще хуже — по ночам слышались мычание и стук копыт,— жители деревни поняли, что это «коровьи чудеса»; они вырыли труп коровы и увидели, что он совсем не разложился. Глаза ее блестели как при жизни, а из копыт торчали колосья, словно она в эту ночь выходила из-под земли. Придя в ярость, хозяин коровы схватил нож и отрубил все четыре копыта, затем он взрезал ей живот и набил его пылью и навозом. После этого все стало тихо. А когда снова разрыли могилу, то увидели, что труп коровы разложился.

(367.) ОГРОМНОЕ ДЕРЕВО В ОБЛАСТНОМ УПРАВЛЕНИИ ЮАНЬЧЖОУ

В западном дворе областного управления Юаньчжоу, что в провинции Цзянси, росло огромное дерево высотой более десяти чжанов. Каждую ночь на его вершине повисали два красных фонаря, а когда кто-нибудь приближался к дереву, то в него начинали лететь грязь и песок. Весной и летом с этого дерева спускались сколопендры и гады. Поэтому люди не решались трогать его.

В годы правления под девизом Цянь-лун* некий Минь прибыл туда на должность начальника области, возмутился этой чертовщиной и вызвал несколько мастеровых, чтобы они срубили дерево.

Его подчиненные и сослуживцы, жена и сыновья уговаривали его не делать этого, но Минь был непоколебим.

Усевшись в кресло, Минь следил за тем, как начали рубить дерево, и вдруг с дерева слетел листок бумаги, на котором было написано несколько строк, и упал на грудь Миня. Тот взглянул на листок, изменился в лице, встал с кресла и велел мастеровым немедленно уйти.

Дерево это существует до сих пор. А что было написано на том листе бумаги, так и осталось неизвестным. Минь об этом никому не говорил.

[368. Чудесное дерево, из которого в древности высекали огонь.]

(369.) БЕСЫ БОЯТСЯ НИЩЕТЫ

Ло Лян-фэн[1] из Янчжоу сам рассказывал, что может видеть бесов. Каждый раз, когда заходит солнце, на дорогах полно бесов. Особенно много их в домах богачей и знати. Обычно бесы меньше людей на несколько чи, лица их трудно разглядеть, но виден черный пар; ходят они боком, стоят наклонясь; говорят многословно и шепотом. Любят тепло, селятся во множестве в домах преуспевающих людей, как трава у воды.

Ян Цзы-юнь[2] сказал: «Бесы наблюдают за домами преуспевающих и уважаемых людей». В этих словах есть правда. Натолкнувшись на стену, ограду или окно, бесы проходят насквозь, не чувствуя преграды. С людьми они не общаются и не причиняют им вреда. Если же покажут свое лицо, значит это оборотень, мстящий за причиненную ему обиду. В семьях бедняков или в домах разорившихся людей бесы появляются очень редко, так как бедность и убожество не могут даже бесам доставить удовольствие.

Пословица: «Бедняков даже бесы не посещают» — верна!

[370. Заметка о том, что бесы избегают людей, так же как люди сторонятся дыма.

371. Удивительный старик, победивший в драке деревенского силача.

372. Слуга притворяется мертвым, чтобы хозяин отправил его тело домой.

373. Человек встречает духа своего предка, который дает ему добрый совет.]

* 1736—1796 гг.

ЦЗЮАНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

[374. Бес тщетно пытается подкупить праведного судью.

375. Дух покойницы вступает в связь с новобрачным, деля его любовь с его женой.]

(376.) РЯБОЙ ЛИНЬ

Мой слуга Рябой Линь был дружен с Ли Вторым. Ли Второй умер в нищете, а семья Линя разбогатела. Однажды вечером Линю приснилось, что Ли уселся на его постели и стал упрекать его: «При моей жизни мы с тобой были как братья, ничто не могло нас поссорить, теперь же я умер, не оставив после себя сыновей и внуков, а ты даже поросячьего копыта не принес в жертву на моей могиле. Как можно быть таким бессердечным?»

Линь кивал и давал обещания, тогда Ли встал с постели и вышел из комнаты. Линь почувствовал, что ему что-то давит на грудь, подумал, что это душа Ли еще не рассеялась, и резко поднялся, чтобы поглядеть. Оказалось, что на грудь его давил маленький поросенок, испражнявшийся на его постель. Тогда он понял, что душа Ли пришла к нему, вселившись в тело этого поросенка. Он понял [свою вину], связал поросенка, продал его и на вырученные две тысячи грошей купил жертвенного вина и мяса и собственноручно принес их в жертву на могиле Ли Второго.

(377.) ГОСПОДИН ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ

Когда Ли Фань-се[1] еще не получил степени, он и его друг Чжоу Му-мэнь[2] увлекались гаданиями с вызовом духов.

Однажды по их вызову явился бессмертный, который написал: «Я господин Одинокий Журавль; при жизни любил стихи, поэтому явился, чтобы мы создали поэтическое содружество. Если вы будете спрашивать меня о всяких мелочах, я непременно буду сообщать вам все, что знаю. О серьезных вещах меня не надо спрашивать — если даже я буду знать, не решусь ответить».

С этих пор, когда они спрашивали о молениях о ясной погоде или дожде, об излечении от лихорадки или поноса и делах подобного рода в Ханчжоу, он обязательно писал срок или рецепт, и все выходило именно так, как он предсказы-

вал. Если же пытались спросить его о будущем счастье или несчастье, то кисть лежала неподвижно.

Каждый раз, как они обращались к нему с просьбой, стоило им написать: «Господин Одинокий Журавль» и сжечь бумагу, на которой были написаны эти слова, бессмертный вступал с ними в стихотворную переписку. Стихи его были превосходными, одно стихотворение следовало за другим, иногда до шестидесяти.

Так прошел год. Фань-се и Му-мэнь стали просить его показаться им. Последовал решительный отказ. Но они столько раз умоляли его, что он наконец ответил: «Завтра после полудня в „Беседке Отпускающего Журавлей", что на Одинокой горе»[3].

В указанный срок друзья отослали лодку и ждали, сидя в домике. Солнце уже стало клониться к западу, но никого не было видно. Они начали сомневаться, не обманул ли он их, думали уже уезжать, как вдруг в воздухе послышался громкий свистящий звук, подул северный ветер, и они увидели, что на каменной арке, на длинном куске шелка висит [изображение] величественного мужчины, с бородой длиною в несколько чи, в газовой шапке и красном халате. Через мгновение он исчез. Видимо, это был верный сановник династии Мин, покончивший с собой во имя долга[4].

С тех пор, хотя они и вызывали его, больше он не являлся. Жаль, что не спросили фамилию его и имя.

(378.) ДВЕРИ БЕСПРИЧИННО РАСКРЫЛИСЬ САМИ

Покойный господин Сунь Се-фэй[1] заведовал училищем на горе Ухуа, что в провинции Юньнань. В тринадцатую ночь первой луны двери училища сами собой распахнулись, сбросив с себя замки и петли. Сунь очень удивился этому. На следующий день в городе передавали, что во всех домах накануне сами собой распахнулись двери. Что это была за чертовщина, неизвестно. Следили больше месяца, но ничего подобного больше не происходило.

[379. Убит гигантский журавль, крылья которого покрыли крыши нескольких сотен домов.]

(380.) ДУХ-ПОКРОВИТЕЛЬ ЗЕМЛИ ПРИВЕТСТВУЕТ *ЦЗЮЙЖЭНЯ*

У Хэн из Сюнина был студентом-стипендиатом в Чжэцзяне. Во время областных экзаменов в год *и-ю* правления под

девизом Цянь-лун* накануне опубликования списка выдержавших экзамены старый слуга семьи У внезапно проснулся ночью и радостно закричал:

— Наш барич выдержал экзамены!

На вопрос, откуда он это знает, слуга ответил:

— Этой ночью вашему слуге приснилось, что он идет мимо храма духа-покровителя земли и видит, как дух вывел [из ворот] запряженную повозку. Дух сам запер за собой двери и сказал мне: «Согласно обычаю, если в провинции имеется человек, выдержавший экзамены, дух-покровитель земли должен приветствовать его. Выполняя свой долг, я собрался отправиться в путь. Тот, кого я должен приветствовать, твой хозяин».

Услыхав это, У, хотя и обрадовался, не поверил. Когда же список был опубликован, то оказалось, что его имя действительно стояло шестнадцатым в списке.

[381. Дух преданной жены, покончившей с собой после смерти мужа, обличает неверных жен.]

(382.) СЯО-ФУ

Некоей замужней женщине по фамилии Ван, жившей к северу от уезда Исянь, приснилась красавица, которая называла ее мужчиной и искала с ней близости, сказав так: «Я Сяо-фу и была служанкой в семье Чэнь в Паньюе, а вы в прошлом рождении были слугой. Между нами была связь, но все открылось, и я умерла от горя. Любовь наша закончилась не так, как было назначено судьбой, поэтому я пришла, чтобы продолжить радость».

Когда Ван проснулась, то оказалось, что она помешалась. Ушла от мужа, поселилась одна, все время разговаривала сама с собой и смеялась; ругалась, как мужчина, забывая, что она женщина.

Так продолжалось долгое время. Сяо-фу появлялась средь бела дня, и хотя семья женщины всеми способами пыталась прогнать Сяо-фу, ничего не получалось.

Случилось так, что в соседнем доме не уберегли от пожара, Сяо-фу предупредила Ван и тем спасла ее от несчастья. В благодарность за это семья Ван оставила их в покое больше чем на год.

Однажды вечером Сяо-фу сказала Ван:

---

* 1765 г.

— Моей судьбе приходит конец, наступает пора нового рождения.

Она обняла Ван, называя ее старшим братом, и, громко плача, простилась с ней навсегда.

Ван вновь обрела рассудок, и впоследствии с ней ничего необычного больше не происходило.

[383. Бесы, посрамленные мужеством старика, которого они старались напугать, разбегаются.

384. Летающий гроб опускается на голову человека, который ночевал в заброшенном доме, чтобы доказать свою смелость.]

(385.) В БУТЫЛКЕ МАСЛА СВАРИЛИ БЕСА

Цзюйжэнь Чжоу И-хань из Цяньтана был человек смелого и живого нрава. Однажды, когда стояло жаркое лето, он вместе с семью или восемью приятелями поздним вечером плыл по озеру. Когда они доплыли до горы Динцзяшань, один из друзей сказал:

— Я слышал, что в храме Цзинцысы [1], слева от моста, водится много бесов. Давайте пойдем поищем их, может, увидим их настоящий облик и посмеемся.

Все согласились, вышли на берег и пошли к мосту. Там они увидели рыбака, который нес сеть с пойманной рыбой. Приглядевшись, Чжоу узнал сторожа своего фамильного кладбища и сказал ему:

— Одолжи мне свои сети, а завтра утром получишь их обратно.

Рыбак согласился. Чжоу приказал сопровождавшему его слуге нести за ним сети. Приятели спросили, зачем ему сети; Чжоу ответил:

— Я собираюсь поймать в эти сети всех бесов у горы Наньпиншань и истребить их.

Все громко рассмеялись.

Выбрав маленькую тропку в уединенном месте горы, они пошли по ней. Ночь была лунная, было светло как днем. Впереди виднелся лес, а в нем они заметили женщину в красной кофте и белой юбке. Запрокинув голову, женщина глядела на луну.

— В такое позднее время женщина не выйдет одна из дому,— сказали друзья,— без сомнения, это бесовка. Кто решится первым задеть ее?

Чжоу выразил желание пойти. Большими шагами прошел он вперед и, когда между ним и женщиной оставалась половина расстояния полета стрелы, почувствовал, как подул

ледяной ветер. Женщина обернулась, лицо ее было залито кровью, глаза вылезли из орбит. Чжоу задрожал, остановился как вкопанный и стал кричать:

— Давайте сети, давайте сети!

Все бросились к нему и кинули сети, но женщины и след простыл, в сетях же оказался только кусочек сухого дерева чуть побольше одного чи.

Взяв с собой этот кусочек дерева, друзья вернулись и разбудили кладбищенского сторожа, одолжили у него пилу и распилили деревяшку на мелкие кусочки; из дерева капала свежая кровь.

Затем они купили у сторожа бутылку масла для лампы, отнесли ее на джонку, развели на корме огонь, нагрели масло и сунули распиленные кусочки дерева в бутылку. Тотчас же поднялся черный дым, дерево превратилось в уголь.

Утром друзья вернулись в город и рассказали своим приятелям:

— Вчера ночью в бутылке масла сварили беса. Вот удивительная история!

(386.) СТРАНА БЕЗ ДВЕРЕЙ

Некий Люй Хэн родом из Чанчжоу зарабатывал на жизнь морской торговлей. В сороковом году правления под девизом Цянь-лун * ветер опрокинул его джонку, и все утонули, кроме Люя, который уцепился за доску, и волнами его занесло в какую-то страну.

Люди здесь жили в многоэтажных домах; были дома трехэтажные, пятиэтажные. Деды жили на третьем этаже, отцы — на втором, сыновья — на первом, а на самых высоких этажах жили прадеды.

В домах имелись проемы для входа и выхода, но дверей для преграды не было. Люди в этой стране были очень богаты, и там не было ни воров, ни разбойников.

Сначала Люй не понимал их языка и объяснялся знаками, но некоторое время спустя начал разбирать слова. Узнал, что китайцев они очень уважают за то, что те знают правила поведения. По обычаям этой страны, день у них делился на два: вставали они с криком петуха, обменивались визитами, в полдень вся страна ложилась спать, а когда солнце клонилось к закату, они вставали и занимались делами, в девять же часов вечера снова ложились спать.

---

* 1775 г.

Люй спросил, чему равен их год. Оказалось, что их десять лет равны пяти годам в Китае, их двадцать — десяти китайским.

Место, в котором жил Люй, было удалено от дворца их государя более чем на тысячу ли, поэтому Люй не видел [государя]. Чиновников [в стране] было очень мало. У них имелись должностные лица, именуемые *бало*, но какие они выполняли обязанности, неизвестно. Мужчины и женщины, понравившиеся друг другу, сочетались браком; красивые и уроды, молодые и старые — все находили себе пару, и не было там людей, доведенных до отчаяния [1] насилием над их волей и принуждением. Особенно же странным был у них уголовный кодекс. Тому, кто отрубил человеку ногу, тоже отрубали ногу; тому, кто нанес другому рану в лицо, тоже наносили рану в лицо, точно в то же место, не отклоняясь ни на волос. Если человек изнасиловал чужую дочь или сына, то и его дочь или сына насиловали, а если у преступника не было детей, то из дерева выстругивали фаллос и загоняли ему в задний проход.

Люй прожил в этой стране тринадцать месяцев. Воспользовавшись южным ветром, он смог вернуться в Китай.

По словам одного старого иноземца, этот остров зовется Страной Без Дверей. С древности никто [из его жителей] не общался с Китаем.

[387. Дух покончившей с собой служанки мстит мужу и его дяде, который заставил ее мужа развестись с ней.

388. Дурной запах, идущий от могилы погубленной развратником женщины, заставляет нового начальника уезда расследовать обстоятельства ее смерти и покарать чиновника.

389. Человеку снится, что к нему явились несколько бессмертных, насмехающихся над ним в стихах.

390. Дух покойного свекра, ставшего чиновником в Царстве мертвых, спасает от смерти тяжелобольную невестку.]

(391.) ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ЦЮ ВЭНЬ-ДА СТАЛ РЕЧНЫМ ДУХОМ

Перед смертью достопочтенный Цю Вэнь-да сказал своим домашним:

— Я речной дух Ласточкиных порогов [1], сейчас вернусь на свой пост. После моей смерти отправьте гроб с моим телом в родные края — в Цзянси; при этом вы обязательно будете проезжать мимо этих порогов, а там стоит храм Гуаньди, где сможете погадать на гадательных жребиях [2]. Если

третий жребий выпадет благоприятный, значит, я по-прежнему речной дух, если же нет, то, значит, я подвергся наказанию и не смог снова занять свою должность.

Сказав это, он умер. Слышавшие его слова не совсем поверили им, но один старый слуга полностью поверил и убежденно сказал:

— Наш господин был рожден госпожой Ван, она была родом из Цзяннина. Когда она переправлялась через реку, то у Ласточкиных порогов в храме речного духа молила, чтобы ей был дарован сын. Ночью ей приснилось, что явился кто-то в парадном одеянии, с дощечкой из слоновой кости в руках [3] и сказал: «Дарую тебе сына, причем хорошего сына». И действительно, через год родился господин.

Супруга достопочтенного Цю Вэнь-да повезла гроб с его телом в родные края. Когда она доехала до Ласточкиных порогов, то, согласно его указанию, гадала в храме Гуань-ди и действительно вытащила [благоприятный] третий жребий.

Обливаясь слезами, родня покойного сожгла бумажные деньги и установила дощечку с его именем рядом с храмом, а также мемориальную стелу со стихами достопочтенного Инь Вэнь-дуаня [4].

Я ехал в Сучжоу и был задержан здесь встречным ветром. Поклонившись мемориальной дощечке, я написал на стеле стихи:

У Ласточкиных порогов остановился,
«Прошел мимо винного погреба Хуан-гуна» [5].
Глажу старую могильную надпись,
Грущу на этой горе.
Короткие усы белы, как снег.
В необъятные дали вздымает волны Янцзы.
Речной дух, если знаешь меня,
Пошли побольше попутного ветра!

И на следующий день действительно подул сильный попутный ветер.

[392. Душа умершего поросенка тщетно пытается вселиться в тело ученого и толкнуть его на блуд.

393. Мошеннические проделки даоса-колдуна.

394. Бес околдовывает человека и говорит его устами.

395. Дух умершей девушки соблазняет развратного слугу и пугает его.]

(396.) СЕКТА БЕЛОГО ЛОТОСА[1]

Богатый старик Сюй из Цзиншани, чей род в течение многих поколений жил в Санхупани, взял себе новую жену. Туалетные шкатулки у нее были такими богатыми, что на них позарился вор Ян-сань.

Через год с лишним, узнав, что Сюй повез сына в столицу, а его молодая жена беременна и с ней остались лишь две служанки, Ян-сань ночью забрался в дом и, спрятавшись в укромном месте, стал ждать.

Когда наступила третья стража, при свете лампы он увидел, что в окно залез человек с глубоко запавшими глазами и курчавой бородой, на спине у него был желтый мешок из хлопчатобумажной материи.

Ян-сань подумал: «На дороге мне этот человек не встречался» — и, затаив дыхание, стал следить за ним.

Человек вынул из рукава курительную палочку, зажег ее от лампы и поставил подле двух служанок. Затем он подошел к постели женщины и пробормотал какое-то заклинание, и женщина внезапно вскочила и совершенно нагая упала перед ним на колени. Тогда он раскрыл свой мешок, вынул оттуда маленький нож, вспорол женщине живот и вынул оттуда плод; положил его в маленький фарфоровый кувшинчик, вскинул мешок на спину и ушел. А труп женщины остался лежать у постели.

Охваченный ужасом Ян-сань выбежал из дома и погнался за этим человеком. Около постоялого двора, находившегося у входа в деревню, он нагнал его и, обхватив обеими руками, стал кричать:

— Хозяин, скорее сюда, я поймал колдуна!

Сбежались соседи и, увидев в мешке человеческий зародыш, с которого капала кровь, пришли в ярость, начали бить [колдуна] лопатами и мотыгами, но тот громко хохотал, и ранить его не удавалось. Только когда они стали бросать в него навозом, он потерял способность двигаться.

Наутро его отвели к судье. Допрошенный под пыткой колдун сказал:

— Я член секты Белого Лотоса, у меня много сообщников.

Тогда узнали, что в районе Ханьсян точно таким же образом умерло несколько беременных женщин.

Когда расследование закончилось, преступника четвертовали, а вору в награду дали пятьдесят лянов серебра.

(397.) ДОСТИГ ДОЛГОЛЕТИЯ, СЪЕВ СЕМЕНА КОРИЧНОГО ДЕРЕВА

Люй Ци сопровождал своего старшего брата, получившего назначение на должность начальника приказа по военным делам в Линнань. Там в присутственном месте был старый колодец. Как-то летней ночью Люй вышел подышать свежим воздухом и заметил, что на поверхность колодца со звоном поднялось несколько красных шариков. Подумав, что это драгоценности, утром Люй послал человека, чтобы тот спустился в колодец на веревке. Человек достал [из колодца] несколько десятков прошлогодних семян коричного дерева, ярко-красных и очень красивых.

Шутки ради Люй проглотил их, сказав:

— По семи штук в течение семи дней.

Он сразу же почувствовал прилив сил и энергии, словно принял женьшень. Прожил он более девяноста лет.

[398. Неизвестный старик обучает нищего калеку, который хотел покончить с собой, искусству изгонять бесов, так что тот становится всеми уважаемым человеком.

399. Дух покойного мужа преследует вышедшую вторично замуж жену.

400. Чиновнику во сне являются два помощника Гуань-ди, которые обещают ему пятьсот золотых, если он восстановит храм Гуань-ди. В храме чиновник ловит лису-бессмертную; чтобы откупиться от него, лиса насылает на богатых жителей района болезнь. Чиновник излечивает ее полученным от лисы лекарством. Получив за излечение пятьсот золотых, он восстанавливает храм.]

ЦЗЮАНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

[401. Человек беседует с духами предков об их жизни в Царстве мертвых.

402. Морское чудище мстит человеку, погубившему его детенышей.

403. Бес пристает к пьяному человеку.

404. Из благодарности к человеку, который выпускал птиц на волю, воробьи спасают его от нападения бесов.]

(405.) ЦЮАНЬ-ГУ

Цюань-гу из чайной лавки у горы Даншань славилась своей чистой, белой кожей. Когда ей исполнилось девятнадцать лет, она сошлась со студентом Чэнем, красивым юношей, жившим по соседству. За это на него напустилась шай-

ка негодяев, но семья Чэня была богатой, и он откупился от них сотней золотых. Узнав об этом, уездные курьеры тоже захотели поживиться и потащили юношу в уездное управление. Желая обрести репутацию истинного конфуцианца, начальник уезда велел дать Чэню сорок палок. Девушка с воплями и рыданиями бросилась на спину Чэню, чтобы принять удары на себя. Сочтя это бесстыдством, начальник уезда пришел в еще больший гнев и приказал дать и ей сорок палок. Двое слуг бросили девушку на землю и крепко держали ее. В душе они испытывали жалость к девушке, видя, какое у нее хрупкое и нежное тело, словно в нем нет костей, да к тому же они получили от Чэня деньги, поэтому они лишь слегка били палками по полу рядом [с девушкой].

Ярость начальника уезда не утихла. Он приказал остричь девушке волосы, снять с нее остроконечные туфельки и выставить их на всеобщее обозрение, чтобы во всем районе знали о ее позоре. Потом он велел продать девушку.

На этом дело кончилось, но Чэнь не мог забыть девушку. Он подкупил одного человека, чтобы тот купил ее и дал ему возможность жениться на ней.

Не прошло и месяца, как явились уездные курьеры, требуя взятки. По дороге они подняли такой шум, что это дошло до ушей начальника уезда. Он пришел в ярость и велел снова арестовать этих двоих и привести их к нему.

Понимая, что на этот раз ей не спастись, девушка положила в штаны травы и бумагу, чтобы смягчить удары палками. Но начальник уезда, поглядев на нее, сказал:

— Чем это ты так обмоталась внизу? — сам обыскал ее и, вытащив все, что было положено в штаны, приказал бить ее голой.

Чэнь бросился защищать девушку, но, получив несколько сотен палок, был снова приговорен к полному наказанию.

Он вернулся домой и через месяц с небольшим скончался. А девушку продали в наложницы одному баричу.

Некий *цзюйжэнь* Лю, ученый с рыцарским духом, направился прямо в присутствие, чтобы укорить начальника уезда.

— Вчера,— сказал он,— я прибыл в этот уезд и услыхал, как вы кричали «палок»! Думая, что речь идет о ворах или шайке бандитов, я подошел к ступеням, чтобы поглядеть, и неожиданно для себя увидел красивую девушку со спущенными фиолетовыми штанами, которую били палками. Ягодицы ее напоминали снежный ком, тающий под лучами солнца. Вы велели дать ей полное число ударов, хотя уже после первого ягодицы стали цвета гнилого персика. Она совершила

незначительный проступок против нравственности, почему же вы так обошлись с ней?

Начальник ответил:

— Цюань-гу — красавица, если бы я не приговорил ее к порке, то люди говорили бы, что я сластолюбец; Чэнь — богат, не приговори я его к порке, стали бы говорить, что я получил взятку.

— Допустимо ли, чтобы «родители народа» терзали кожу и мясо людей, стремясь сохранить свою репутацию? — возразил Лю.— Такой поступок повлечет за собой возмездие!

Он отряхнул одежду и вышел, не желая больше иметь дело с начальником уезда.

Прошло лет десять. Начальника уезда перевели на должность начальника Сунцзяна. Как-то раз, когда он сидел за обедом, слуги увидели, что в окно влез какой-то молодой человек и три раза ударил начальника по спине. В тот же момент начальник завопил, что у него болит спина. Затем на спине у него появилась опухоль размером более чи, в середине которой шел рубец, придававший опухоли вид двух ягодиц. Позвали врача, тот сказал:

— Неизлечима, уже стала цвета гнилого персика.

Услыхав это, начальник пришел в ярость, но не прошло и десяти дней, как он умер.

(406.) ЧУДО-ХРАБРЕЦЫ

Когда установилась нынешняя династия[1], было два батыра[2]. Один из них, провалившись в яму, сумел вытащить себя за волосы, поднялся в воздух на целый чи, оторвавшись ногами от земли, и долго не опускался.

Второй был атакован врагами за городской заставой. В темноте они отрубили ему голову, но он правой рукой зажал перерубленное место, а левой сумел зарубить несколько десятков врагов и только после этого испустил дух.

(407.) ЖИТЕЛИ СТРАНЫ КРАСНОВОЛОСЫХ[1] ПЛЮЮТ В ПЕВИЧЕК

Жители страны Красноволосых часто распутничают с певичками. Когда устраивают пирушки, то приглашают певичек, раздевают их и, усевшись вокруг, плюют им в тайное место. Большей близости им не надо. Кончив плевать, отпускают их, щедро наградив. Это называется «деньги из общего котла».

[408. Предсказание, сделанное незнакомцем, сбывается.]

(409.) ВАЖНО ПРОГУЛИВАЕТСЯ ПО ЛУННОМУ ДВОРЦУ

Некий У Чжу-пин из Янчжоу перед осенними экзаменами в год *дин-мао* * гадал в Цзиньлине, выдержит он экзамен или нет. Ответом были слова: «Важно прогуливается по Лунному дворцу» [1]. Сочтя это свидетельством того, что он получит высокое назначение, У очень обрадовался.

Когда опубликовали списки выдержавших, его имени там не было. Первым в списке оказался достопочтенный Сюй Бучань [2].

[410. Дух покойного жениха вселяется в тело забывшей его невесты и говорит ее устами.]

(411.) ЗАПЛАТАННАЯ КУРТКА БЕСА

Некий Цзян из Чанчжоу был помощником начальника провинции Ганьсу. В сорок пятом году правления под девизом Цянь-лун ** мусульмане в Ганьсу подняли мятеж, во время которого Цзян был убит. В течение трех лет о нем ничего не было слышно.

Племянник Цзяна открыл в Дунчэне лавку, где торговал женьшенем. Как-то после полудня в лавку неожиданно явился Цзян, с головой, обвязанной тряпкой, и в заплатанной в нескольких местах куртке.

— В такой-то день такой-то луны,— сказал он племяннику,— я был убит мятежниками. Мой труп находится в Янчэне, можешь послать за ним людей, чтобы мое тело отвезли на родину.

Указав на сопровождавшего его мальчика-слугу, он добавил:

— Этот мальчик тоже зарубил нескольких людей, теперь он служит мне в Царстве мертвых, и я плачу ему три ляна серебром в год.

Племянник в испуге обещал сделать то, что приказал Цзян. Дух велел мальчику-слуге дать ему прикурить от огня и тут же исчез.

Племянник послал людей за телом Цзяна. Когда гроб привезли и открыли, то увидели, что голова Цзяна разрублена на несколько кусков, а на теле красные и синие рубцы, точно в тех местах, где были заплаты на куртке.

* 1747 г.
** 1780 г.

(412.) СУНЬ ФАН-БО

Когда Сунь Фан-бо был начальником отдела палаты, он жил в столице на улице Иньтаосецзе[1]. Дом содержался в чистоте, но из окон в дом стало нести вонью. Вонь шла из колодца в заднем дворе. Ночью в третью стражу, когда все спали, послышались крики, кто-то звал по имени и фамилии старого слугу. Прислушались — голос шел из того же колодца.

Рассердившись, достопочтенный Сунь велел засыпать колодец.

После этого чудеса прекратились.

(413.) ПРОДАВЕЦ ВОСКОВЫХ ТЫКВ

В Ханчжоу за воротами Цаотяомэнь жил продавец тыкв, который мог выпускать свою душу из макушки. Каждый раз при этом он сидел неподвижно, закрыв глаза, а душа вовне выполняла его приказы.

Однажды душа купила несколько связок вяленой рыбы и поручила соседу захватить их с собой и по возвращении передать жене [продавца].

Получив рыбу, жена, смеясь, сказала:

— Ты что тут прикидываешься? — и стала шлепать рыбой по голове мужа.

Почти сразу же душа вернулась, а макушка испачкана рыбой. Душа стала метаться около постели, но вернуться [в тело] не могла. Тогда она громко зарыдала и ушла. А труп продавца тыкв стал деревенеть.

[414. Дух повесившегося человека ищет себе замены среди людей, поселившихся в его доме.

415. Дух несправедливо казненного человека является к чиновнику, чтобы заявить о своей обиде.

416. Храбрец прогоняет оборотня-мечехвоста, причинившего вред многим людям.

417. Волосатый великан своим дыханием надувает парус потерпевшей крушение джонки и спасает людей.

418. Духи, разгневавшиеся на местных жителей, вызывают обвал горы, под которой погибает множество людей.]

(419.) БЕС ПРЕСЛЕДУЕТ БЕСА

Сюцай Цзо из Тунчэна жил со своей женой Чжан в любви и согласии. Чжан заболела и умерла, и Цзо, не в силах перенести разлуку с ней, целыми днями лежал около ее гро-

ба. В пятнадцатый день седьмой луны — в День поминовения усопших[1] его семья устроила празднество. Все домашние ушли, чтобы приготовить угощение в честь Будды, а *сюцай* сидел у гроба жены с книгой; вдруг подул ледяной ветер, и появился дух повесившегося человека с растрепанными волосами и залитым кровью лицом, сзади него тащилась веревка. Дух направился прямо к Цзо, намереваясь броситься на него. В ужасе Цзо ударил по гробу и закричал:

— Жена, спаси меня!

Внезапно жена сбросила крышку гроба и поднялась.

— Злой бес! — закричала она.— Как ты смеешь бесцеремонно кидаться на моего мужа!

И стала бить беса так, что тот обратился в бегство. Тогда она обратилась к Цзо:

— Ты глупец, разве супружеская любовь исчерпалась? Твое везение так ничтожно, что даже бесы не боятся причинить тебе вред! Тебе лучше пойти со мной, сбросив узы тела, и обдумать, как нам прожить вместе до старости.

Цзо согласился. Тогда его жена снова улеглась в гроб.

Цзо позвал своих домашних и указал [на гроб]; те увидели, что несколько рядов гвоздей сломаны, а часть юбки застряла под крышкой гроба. Не прошло и года, как *сюцай* Цзо умер.

(420.) ДУХ ИВЫ

Чжоу Ци-кунь из Ханчжоу был старшим учителем уездного училища в Лунцюане. Каждый вечер в главном зале училища сам собой начинал звонить колокол. Чжан послал туда слугу подстеречь, и тот увидел человека ростом более чжана, который рукой ударял в колокол. Этот слуга Юй Лун был человеком очень храбрым. Он натянул лук и выпустил стрелу. Великан в панике обратился в бегство. На следующую ночь все было тихо.

Через два месяца за воротами поднялся сильный ветер, с корнями вырвавший огромную иву. Чжоу приказал распилить ее на дрова. Внутри оказалась застрявшая поперек стрела. Тогда поняли, что это и был оборотень, бивший в колокол.

В Лунцюане до тех пор не было ни одного *цзиньши*, а в том году некий Чэнь получил [степень].

[421. Человек, делится с другом секретом бессмертия.]

(422.) У БЕССМЕРТНОГО НА МАКУШКЕ НЕТ ВОЛОС

Осенью года *гуй-сы* * начальник области Чжан в Билине встретил даоса Яна, лицо у того было молодое, а волосы седые. Только на макушке была лысина величиной в квадратный цунь без единого волоска. Удивившись, Чжан спросил его, почему это.

Даос ответил с улыбкой:

— Разве вы не замечали, что по обеим сторонам дороги трава растет, а посредине, в местах, вытоптанных людьми, не растет?

Вначале Чжан не понял, что это значит, но подумав, сообразил, что из этого места на макушке душа выходит и входит обратно, поэтому волосы там не растут.

Ночью даос уселся у ворот буддийского монастыря. Монах пригласил его переночевать внутри, но даос решительно отказался. На следующее утро увидели, что, когда на востоке поднялось солнце, даос сидел на стене и вдыхал солнечные лучи, а на его макушке танцевал маленький мальчик, пухленький и красивый, который тянулся к солнечным лучам и тоже впивал их.

(423.) СЯН-ХУН

У некоего Цзяна, жившего в Уцзяне, были сын и дочь. Сын женился на девушке из рода Лю. Она была от природы нежной, слабенькой, не могла выполнять физической работы. В доме была служанка Сян-хун, хитрая и коварная; день и ночь она вместе с дочерью Цзяна придиралась к молодой. Когда Лю прибыла в дом Цзяна, свекровь отобрала у нее все красивые вещи из приданого. Не прошло и года, как Лю тяжело заболела и слегла. Свекровь объявила, что у нее чахотка, и запретила своему сыну видеться с женой. От горя Лю умерла.

Однажды, когда дочь Цзяна легла спать, она вдруг стала бить себя по щекам и [голосом Лю] перечислять обиды, причиненные Лю при жизни:

— Свекровь не позволила мне видеться с мужем,— говорила она,— этим расторгла брачные узы. Как можно быть такой жестокой?

Так продолжалось несколько дней. Напрасно устраивали

моления, а когда Цзян и жена стали сами просить ее, она ответила.— Свекор ко мне относился хорошо, а свекровь меня преследовала. Это — вина Сян-хун, и ее я не прощу.

Стоявшая в стороне Сян-хун вдруг вытаращила глаза, громко закричала и поднялась в воздух, словно чья-то рука потащила ее вверх. Затем она упала на пол, уже мертвая. И дочь Цзяна тоже умерла. Случилось это в первую луну пятьдесят третьего года правления под девизом Цянь-лун *.

[424. В Царстве мертвых сурово судят чиновника, который хотя и не ел мяса животных, но своей жестокостью загубил множество людей.]

(425.) УТЕС ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ БУДД

В пятидесятом году правления под девизом Кан-си ** на вершине горы Холишань в Сучжоу вдруг кто-то закричал:

— Открывать или нет? Открывать или нет?

И так продолжалось несколько дней, но никто не решался ответить.

Однажды мальчик-пастух проходил мимо, услыхал этот крик и в шутку откликнулся:

— Открой!

И в тот же миг раздался треск, налетел вихрь, яростно загрохотал гром. Каменные горы разверзлись, и внутри обнаружился утес, на котором находилось несколько тысяч созданных самой природой изображений будд, даже с волосами и бровями.

И до сих пор люди называют [этот утес] утесом Десяти Тысяч Будд.

Инспектор Чжан Хуай-шу [1], проезжая мимо этого места, сам видел его.

[426. Колдун, которого прогнал крестьянин, в отместку насылает землетрясение, в результате которого гибнут сотни жителей района.]

ЦЗЮАНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

(427.) ДУХ БЕЛЫХ КОСТЕЙ

В местности Чучжоу много гор. Жители уезда Лишуй, расположенного к югу от горы Сяньду [1], пашут и сеют, поднимая целину вплоть до середины горы. В горах водится

* 1788 г.
** 1711 г.

много нечисти, и люди рано начинают и рано кончают работу, не решаясь ночью выходить из дому.

Как-то поздней осенью некий землевладелец Ли приехал в деревню, чтобы снять урожай риса, и поселился один на хуторе.

Местные жители, боясь, что он испугается, не решились сказать ему, в чем дело, но предупредили, чтобы он не выходил темными ночами из дому.

Однажды вечером, когда лунный свет был прекрасен, Ли прогуливался под горой и вдруг увидел какое-то белое существо, вприпрыжку приближавшееся к нему и издававшее угрожающие звуки. Вид у него был очень странный, и Ли бросился бежать домой. Существо погналось за ним и почти совсем уже догнало, но, к счастью, в дверях дома была выдвижная решетка, которую Ли успел захлопнуть, и нечисть не смогла войти в дом. Захлопнув решетку, Ли осмелел. При лунном свете он стал вглядываться через отверстия в решетке и увидел череп, кусающий решетку и толкающий дверь. От него шел невыносимый запах.

Вскоре прокричал петух, и Ли увидел, что череп упал на землю, рассыпавшись грудой белых костей. А когда рассвело, то и костей не стало видно.

Ли расспросил местных жителей, и те сказали:

— К счастью, вы повстречались с духом белых костей, поэтому с вами не произошло беды. Если бы вам повстречалась седая старуха, выдающая себя за хозяйку лавки, она обязательно предложила бы вам выкурить ее табак, а те, кто курил ее табак, теряли жизненную силу. В те ночи, когда луна светит ярко и ветер чист, она выходит творить свои злые дела. Только ударами метлы можно повалить ее на землю, и никто не знает, что она за чудище.

[428. Гигантская морская черепаха проглатывает жену человека; черепаху удается убить; из ее панциря строят беседку.]

(429.) НЕЧИСТЬ БОИТСЯ ЛОГИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЙ

Хуан Лао-жэнь, богатый старик из Сучжоу, которому было уже за восемьдесят лет, жил один на верхнем этаже дома. Как-то раз он неожиданно увидел женщину. Она стояла, прислонясь к воротам, и глядела вдаль.

У старика, когда он был молод, была любимая, которая умерла в этом доме. Подумав, что это ее дух, он не задал ей ни одного вопроса. На следующий вечер женщина появилась снова, но на этот раз в сопровождении мужчины. На

третий вечер женщина и мужчина уселись на стропила и стали пристально глядеть вниз, но старик делал вид, что не замечает их, и сидел за книгой, склонив голову.

Тогда мужчина спрыгнул на пол и стал рядом со стариком.

— Ваша милость — бес? — шутливо сказал старик.— Вы совершили большую ошибку, пожаловав сюда. Мне уже за восемьдесят, в любую минуту я могу умереть, скоро я буду таким же, как вы, зачем же было торопиться с визитом? Если же вы бессмертный, то почему бы вам не присесть и не побеседовать со мной?

Мужчина ничего не ответил, только протяжно вздохнул — распахнулись все окна, подул холодный ветер.

Старик позвал своих домашних, те поднялись к нему, но нечисть уже исчезла.

Спустя несколько месяцев обе невестки и сын старика умерли. Осталась только маленькая служанка. Боясь, что после его смерти на нее нельзя будет положиться[1], старик подарил Хуа-цзюню, наставнику своего сына, наложницу, которая родила ему трех сыновей.

Сейчас в управлении уезда Линьхай, что в провинции Чжэцзян, есть господа Хуа.

Историю эту мне рассказал начальник уезда Хуа Цю-ча[2].

[430. Маг по ошибке ловит не того беса, но хозяину дома удается прогнать беса, приставшего к его дочери.

431. Бесы выдают себя за духов и причиняют вред людям.]

(432.) ГЛИНЯНЫЙ ЧАН В УЕЗДЕ ТЯНЬТАЙ

Чиновники, прибывавшие на пост в управление уезда Тяньтай, не занимали третьего зала, стоявшего пустым, так как там находился глиняный чан. Говорили, что это древняя вещь, наделенная чудотворными свойствами: чан мог предсказывать, что ждет человека — счастье или беда. Все уездные начальники, прибывая сюда на свой пост, обязательно отбивали девять поклонов перед чаном и приносили ему жертвы. Если они этого не делали, то чан напускал на них злые чары. Если чиновнику предстояло повышение по службе, чан поднимался в воздух. Если кто-нибудь ударял чан, то его должны были понизить в должности, и чан опускался, постепенно уходя в землю наполовину. В обычное время чан висел на цунь с лишним над землей, не касаясь ее.

Я в душе не верил этому. Весной года *жэнь-инь** я со-

* 1782 г.

совершил поездку на гору Тяньтайшань, и достопочтенный Чжун Ли-цюань пригласил меня на угощение, которое он устроил в управлении. После того как мы выпили вина, он сказал мне:

— Здесь в управлении есть две старинные вещи. Пойдемте, я покажу их вам.

К западу от кабинета росло старое коричное дерево, достигавшее вершиной неба; сбоку висела пластинка с надписью, сделанной в четвертом году правления под девизом Тяньци* уездным начальником Чэнь Мин-чжуном. Затем мы пришли в третий зал, где находился волшебный чан. Он был из грубой желтой глины и большой, как барабан. В середине его было маленькое отверстие, о котором достопочтенный Чжун сказал:

— Это уста духа, куда вливается кровь жертвенных животных.

Я ударил по чану веером, он зазвенел; тогда я потрогал бамбуковой палочкой дно, но палочка не входила в чан, который не был отделен от земли.

Достопочтенный Чжун испугался, но я сказал ему, смеясь:

— Я ударил его, я его трогал, и чан должен наслать беду на меня, а не на вас.

Но все было спокойно.

Об этом чане есть запись в «Историко-географическом описании уезда Тяньтай».

[433. Труппа актеров по приглашению неизвестного чиновника играет перед множеством гостей на богатом пиру. Гости оказываются бесами, а богатый дом превращается в заброшенную могилу.

434. Громом убивает развратника, из-за которого повесилась его невестка; она возвращается к жизни.]

(435.) ЯЩЕРИЦА ГЕККО[1] В ЖЕЛЕЗНОЙ КОРОБКЕ

Около озера Куньминху в Юньнани крестьяне копали землю и вырыли железную коробку, на которой старинными письменами были написаны непонятные заклинания, сбоку же шла надпись уставным почерком *кайшу*, которая гласила: «В первом году правления под девизом Чжи-чжэн** Ян Чжэн-жэнь[2] запечатал своей печатью»[3]. Не зная, что в этой коробке, крестьяне разбили ее мотыгами; внутри оказалась

* 1624 г.
** 1341 г.

ящерица гекко величиной чуть побольше цуня; полуживая, она извивалась. Один мальчишка полил ее водой, и в то же мгновение ящерица выросла до целого чжана, сердито встопорщила чешую, взвилась в воздух и исчезла.

Тут же налетел вихрь, полил дождь, небо и земля окутались тьмой. Однорогий водяной дракон сражался в воздухе с двумя драконами; землю усыпал ледяной град, повредивший без счету жилища и урожай.

[436. Праведный и мудрый чиновник становится духом-хранителем отдаленной местности.

437. Ряд случаев, когда предзнаменования, увиденные во сне Юань Мэем или его родней, не сбывались, а выдающиеся события в его жизни происходили без всяких предзнаменований.]

(438.) ГУАНСИЙСКИЕ «НАСТАВНИКИ БЕСОВ»

В Гуанси верят в «наставников бесов» и почитают их. Были два человека — Чэнь и Лай, которые могли ловить жизнь, чтобы заменить ею смерть. Их часто приглашали родственники больных людей.

Придя к больному, «наставник бесов» прежде всего брал чашку с водой, накрывал ее бумагой и подвешивал вверх дном над постелью больного. На следующий день приходил посмотреть. Если вода к этому времени не вытекла, то он говорил, что больного можно спасти. Или же брал петуха, втыкал ему в горло на семь-восемь цуней чистый нож и держал петуха над телом больного, читая заклинания об удаче. Если по прочтении заклинания из клюва петуха не текла кровь, то тоже говорил, что можно спасти, вытаскивал нож, бросал на пол, а петух улетал, словно ничего не случилось.

Если же вода или кровь текла, то он уходил, так как помочь было невозможно.

Когда же помочь было можно, он воздвигал алтарь и вешал множество изображений духов и бесов. «Наставник бесов» в женской одежде танцевал и читал заклинания под удары барабана и гонга. Когда наступала ночь, он делал фонарь из промасленной бумаги, выходил на пустошь и призывал душу тихим, глухим голосом. Душа крепко спящего соседа [больного] откликалась на зов и шла. «Наставник бесов» вручал ей фонарь и прогонял ее. Потом он шел к семье больного и поздравлял ее. Больной выздоравливал, а тот, чья душа приняла фонарь, умирал. Чтобы спастись от этой участи, человек, услышавший ночью гонги и барабаны,

должен поставить обе ноги на землю, тогда ему нельзя будет причинить вред.

Благодаря своему искусству Чэнь и Лай разбогатели. В их домах были темные комнаты, где они приносили жертвы множеству изображений духов и бесов.

Жена моего младшего дяди тяжело заболела, пригласили «наставника бесов» Лая, чтобы он посмотрел ее. Держа в руках меч, Лай пытался схватить беса. В комнате появилось существо, похожее на большую летучую мышь, и забилось под лежанку. Лай написал на своей ладони знаки: «Гром, ударь его»[1]; из ладони появился огонь и опалил ему бороду.

Лай пришел в ярость. Он велел вскипятить в котле тунговое масло, написал талисман и сжег его. Помешивая рукой масло в котле, он услыхал, как бес под лежанкой стал просить пощады. Прошло довольно много времени, бес исчез, а моя тетка выздоровела.

Однажды, когда «наставник бесов» Чэнь по просьбе одной семьи призывал душу, он увидел приближавшуюся к нему девушку в голубой одежде. Пристально вглядевшись, он узнал в ней свою дочь, которая пришла взять фонарь. Чэнь очень испугался, бросил фонарь на землю, ударил девушку по спине и кинулся домой, чтобы поглядеть на дочь. Девушка только что в испуге проснулась и сказала:

— Во сне я слышала, как отец зовет меня, поэтому я пришла.

На ее голубом платье был жирный след от ладони Чэня.

Дочь гуйлиньского начальника Вэя тяжело заболела. Мать девушки пригласила «наставника бесов» Чэня посмотреть девушку. Чэнь потребовал за это сотню золотых. Вэй был человек суровый, он велел схватить Чэня, дать ему палок, а затем посадить в тюрьму. «Наставник бесов» смеясь сказал:

— Как бы не пришлось раскаиваться в этих ударах!

Когда «наставника бесов» Чэня стали бить палками, дочь Вэя внезапно закричала с постели:

— «Наставник бесов» Чэнь приказал двум бесам бить меня палками, сейчас они тащат меня в тюрьму!

Мать девушки очень испугалась и стала умолять мужа отпустить Чэня. Она обещала Чэню двойную плату, но Чэнь сказал:

— Меня напугали злые бесы, и я потерял силу.

Девушка умерла.

[439. Богатый дом, в котором прекрасно приняли проходившего мимо человека, оказывается могилой давно умершей семьи генерала древности.]

(440.) ЗВЕЗДА С НЕБЕСНОЙ КУХНИ

Господин Цао Нэн-ши[1] был большим гурманом. Его повар Дун Тао-мэй был непревзойденным искусником. Когда Цао приглашал гостей на пир, то без Дуна ничего не получалось.

Однокашник Цао, некий инспектор училищ, получил назначение в Сычуань, и ему нужен был повар. Он стал просить Дуна поехать вместе с ним. Цао обещал прислать ему Дуна, но тот не согласился ехать. Цао рассердился и стал его гнать. Тогда Дун, опустившись на колени, сказал:

— Тао-мэй — звезда с небесной кухни. Так как вы, господин, подлинный бессмертный среди чиновников, то я и прибыл, чтобы служить вам. Инспектор же училищ — обычный человек; так может ли он удостоиться услуг небесной звезды? Когда я уйду, кончится и ваше благополучие.

Сказав это, он взмыл в воздух и полетел на запад, тень его долго не исчезала.

Не прошло и года, как Цао покинула удача.

[441. Вещий сон сбывается.

442. Человек, который мог видеть бесов, рассказывает об их повадках.]

(443.) МАТЬ ДРАКОНА

Женщина по фамилии Ли из Чаншу носила ребенка четырнадцать месяцев, а родила кусочек мяса, скрученный и свернутый, прозрачный, словно хрусталь. Охваченная ужасом, она бросила его в реку, где он превратился в маленького дракона, взмыл в небо и исчез.

По прошествии года Ли умерла. Когда обряжали ее тело, началась гроза, все потемнело, [над домом] летал дракон с громкими рыданиями, напоминавшими мычание коровы. Местные жители были поражены этим; воздвигнув в честь этой женщины кумирню на горе Юйшань[1], они назвали ее кумирней Матери дракона.

Летом года *жэнь-у* правления под девизом Цянь-лун* была сильная засуха, скот погибал. Гуйлиньский начальник

* 1762 г.

счел это небесным наказанием, а его помощник Се И-пяо[2] сказал:

— Почему бы не попробовать поклониться матери дракона?

Начальник провинции послал за жертвенными животными и принес в жертву в кумирне Матери дракона. На следующий день пошел дождь.

[444. Старый благочестивый отшельник после смерти возродился в теле развратного монаха.

445. Развратник, выгнанный из дому, сталкивается в своих скитаниях с удивительными волосатыми людьми, которые спасают его.

446. Девушка, чей труп был оставлен в храме, оживает, монах из храма убивает настоятеля и кладет его тело в гроб девушки, а сам бежит с девушкой в другой город. В храме бога-покровителя литературы их видят родители девушки. Монаха казнят.

447. Лиса-оборотень, сойдясь с монахом-развратником, истощает его силы и доводит до смерти.]

(448.) ДЕРЕВЯННЫЙ СЛУГА

В монетном дворе в столице была кумирня духа-покровителя местности. По бокам духа стояли деревянные изображения четырех слуг. Все чеканщики монет приносили жертвы в этой кумирне. Каждую ночь мастера оставались ночевать в монетном дворе. Один из них, молодой парень, постоянно видел один и тот же кошмар: ему снилось, что его насилует какой-то человек, и хотя он в душе изо всех сил этому противился, но руки и ноги его были словно связаны, и крикнуть он не мог. А когда он вставал утром, то нащупывал у себя в заднем проходе грязь.

Так продолжалось больше месяца, все дразнили парня, не зная, что же это за диво такое.

Как-то раз, принося жертву в кумирне духа-покровителя местности, парень заметил, что один из деревянных слуг как две капли воды похож на ночного насильника. Он сообщил об этом судье. Тот приказал прибить гвоздями [к полу] ноги слуги, и с тех пор наваждение прекратилось.

[449. Предсказание, сделанное речным духом во сне, сбывается.

450. Неизвестный старик излечивает больную девушку, превращая ее в мужчину.]

(451.) КОЛОДЕЗНЫЙ МАЛЬЧИК

У *цзюйжэня* Мяо Хуаня из Сучжоу, получившего ученую степень в одном году со мной[1], был двенадцатилетний сын

Си-гуань, упрямый и непослушный. Играя с другими мальчишками, он помочился в колодец. В ту же ночь он заболел и стал кричать, что колодезный мальчик схватил его и по приказу духа-покровителя местности дал ему двенадцать палок.

Утром посмотрели — ягодицы у него посинели. Мальчик немного поболел и уже через три дня снова стал играть. Теперь он еще рассказал, что колодезный мальчик был недоволен тем, что дух-покровитель местности из дружеских чувств к земляку так легко наказал его за столь тяжелую провинность. Поэтому колодезный мальчик отвел его к духу, ведающему дорогами. Дух сказал: «Этот мальчишка осквернил колодец, из которого пьют люди. Это вина того же разряда, что отравление ядом, за которое платятся жизнью».

В тот же вечер мальчик умер.

Когда стали выяснять, кем был [при жизни] дух-покровитель местности, то оказалось, что это был достопочтенный Чжоу Фань-лянь, в год *гэн-сюй* * получивший место в академии Ханьлинь, уроженец Сучжоу, он управлял одной из областей провинции Хэнань, был человеком прямодушным и добрым; когда кого-нибудь били палками, то он не мог видеть этого и каждый раз закрывал лицо веером.

(452.) ВЫПУСКАЕТ НЕБЕСНУЮ СТРЕЛУ

Младшему брату Тао Куй-дяня из Сучжоу было шестнадцать лет; он любил пускать в небо стрелы и сам себя прозвал Небесной Стрелой.

Однажды, кончив стрелять, он вдруг бросил лук на землю и громко закричал:

— Я дух озера Тайху. Утром я пролетал здесь и был ранен в зад твоей стрелой. Это преступление, заслуживающее смертной казни.

Вся семья бросилась на колени и стала умолять, но спасти [юношу] было невозможно, и, проболев один день, он умер.

Куй-дянь сказал мне:

— Брат действительно был непослушным и упрямым, но чтобы чудотворный дух не смог уклониться от стрелы, вы-

* 1730 г.

пущенной мальчишкой из лука, это тоже трудно представить.

[453. Предостережение, сделанное духом спящему человеку, заставляет того отказаться от задуманного дурного поступка.

454. Человеку снится, что он попал в Царство мертвых, где покойный сосед просит передать его сыну, что гроб его сгнил. Это оказывается правдой.

455. Предсказание, сделанное духом, вызванным гадателем, сбывается.

456. Голодный дух мертвого просит, чтобы ему принесли в жертву еду и питье.

457. Чиновник после смерти становится судьей в Царстве мертвых.]

ЦЗЮАНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

(458.) ШЭНЬСИЙСКИЙ ТОРГОВЕЦ ЧАЕМ

Шэньсийский торговец чаем, распродав свой товар, возвращался из Цзяннани и заночевал на постоялом дворе в уезде Вэньсян. До него в восточном флигеле остановились два торговца тканями из Шаньдуна. Поужинав, заперли двери и улеглись спать.

Торговцу чаем приснилось, что какое-то странное существо с красными растрепанными волосами, маленькой бородой и худым лицом постучало в дверь. Войдя, оно заковало в цепи двух торговцев тканями, а затем и торговца чаем и привязало их к деревьям, растущим за домом. После этого чудище ушло.

Торговцы тканями были закованы так крепко, что не могли пошевелиться, но торговцу чаем ценой мучительных усилий постепенно удалось освободиться от цепей. Проснувшись в испуге, он понял, что это был сон.

Он рассказал об этом владельцу постоялого двора, но тот отнесся к рассказу без особого волнения или тревоги. Наутро же, когда наступила пятая стража, владелец постоялого двора громко закричал. Оказалось, что оба торговца, ночевавших в восточном флигеле, были мертвы. А в харчевне, отстоявшей на пол-ли от постоялого двора, также умер погонщик мулов.

[459. Даос изгоняет беса, вселившегося в женщину.

460. Бес издевается над сластолюбивым стариком, которому он посулил красивую наложницу.]

(461.) МИНИСТР ВАН БО-ЧЖАЙ И БУДДИЙСКИЙ МОНАХ ИЗ КУМИРНИ ЧАОМИНСЫ

Мой однокашник Ван Бо-чжай в молодости был очень красив. Семнадцати лет, впервые поступив в школу, он случайно прогуливался по кумирне Чаоминсы и, увидев изображение старого буддийского монаха в главном зале, невольно почувствовал такой ужас, что волосы у него встали дыбом. Вернувшись домой, он заболел. Впоследствии, проходя мимо этой кумирни, он не решался заходить в нее.

Когда он прошел первым в первом списке выдержавших экзамены, ему приснился этот старый монах, который вручил ему пятьдесят четыре курительные палочки и сказал при этом: «У меня есть три младших брата. Один — Мэн Линь[1], другой — Цянь Вэй-чэн[2], третий — ты. Ты прославишься как глава палаты наказаний; при решении некоего дела ты спасешь душу умершего друга и возвратишься к истине».

Бо-чжай никому не рассказывал об этом. Впоследствии он действительно стал во главе палаты наказаний и умер пятидесяти четырех лет от роду. Но чью душу он спас, решая дело, так и осталось неизвестно.

[462. Даосский маг изгоняет беса, вселившегося в тело красивой женщины.]

(463.) ЧЕРЕП ПРОСИТ О МИЛОСТИ

Чэнь И-куй из Ханчжоу был большим искусником по части перемещения бесов и очень успешно отыскивал пропавшие вещи с помощью гадания на круглом зеркале. Его приятель Сунь как-то ночевал у него в доме и вдруг в полночь увидел, как из-под кровати вышел седой старик, стал на колени и сказал: «Умоляю вас упросить господина Чэня вернуть мне мой череп, чтобы мой труп снова стал целым».

Сунь перепугался, поспешно вскочил и посветил фонарем под кроватью; там лежал череп. Тогда он понял, что Чэнь, изгоняя бесов, брал из гробов души мертвых, которые приходили к нему потому, что он использовал талисманы и заклинания.

Сунь сначала набросился с упреками на Чэня, но тот все отрицал. Тогда Сунь вынул череп из-под кровати и показал

ему. Тут Чэню нечего было сказать, и он вернул череп туда, откуда взял его.

Вскоре на Чэня напала целая толпа бесов, и он умер весь в синяках.

[464. Человек, побывавший во сне в Царстве мертвых, вскоре умирает.

465. Дух помогает женщине удобрять поля.

466. Благодаря лисьим чарам неграмотная женщина пишет стихи и правильно предсказывает будущее.]

(467.) СТРАННАЯ ИСТОРИЯ С ЖЕНЩИНОЙ ИЗ ЧУЧЖОУ

Житель уезда Чучжоу Чэнь Дуань отослал жену к ее родителям. Пройдя полдороги, она остановилась по малой нужде у моста над прудом. Так как она долго не возвращалась домой, то Чэнь отправился искать ее, но не нашел. Впереди была деревня; там под навесом он увидел гроб, из которого высовывалась красная юбка. Чэнь поспешно подошел, поглядел, оказалось — юбка его жены. Как будто кто-то втащил ее в гроб, так что часть юбки высовывалась наружу. Заподозрив, что это сделал труп, Чэнь решил вскрыть топором гроб и спасти жену. Стал выяснять, кому принадлежит гроб.

Некий Чжан сказал:

— Это гроб моей тетки. Она умерла тридцати с лишним лет, сын ее тоже умер, у меня не было возможности похоронить ее, и гроб давно уже стоит здесь.

Чэнь стал просить разрешения открыть гроб. Чжан вначале не соглашался, но Чэнь жалобно молил его и наконец добился согласия. Когда гроб открыли, там оказался седой мужчина, державший в руках юбку жены Чэня, а тела тетки Чжана там не было.

Тогда Чэнь подал судье жалобу о пропаже живой жены, а Чжан — о пропаже мертвой тетки. Судья не мог решить дела, и до сих пор оно осталось нерешенным.

[468. Духи мертвых, чьи скелеты потревожены двумя людьми, рывшими колодец, мстят людям и требуют, чтобы был найден даосский маг, который сумеет воссоединить их скелеты.]

(469.) ДАЛ ПОЩЕЧИНУ ВЛАДЫКЕ АДА

Юй Чэн-луну[1], генерал-губернатору провинций Цзянсу, Аньхой и Цзянси, когда он еще не достиг известности, приснилось, что он попал в какой-то дворец, на котором было

написано «Дворец владыки ада». Во дворце, поджав под себя крестообразно ноги[2], сидел старый буддийский монах с закрытыми глазами. Юй вспомнил, что владыка ада властен над жизнью и смертью людей, а дома у него был старый слуга, честный и усердный, который давно болел и не поднимался с постели. Поэтому, отвесив низкий поклон, Юй рассказал монаху о старике и попросил продлить тому жизнь. Трижды повторил он свою просьбу, но монах сидел молча и не отвечал. Юй рассердился и дал ему пощечину. Монах открыл глаза, засмеялся и, согнув один палец, показал его Юю.

Проснувшись, Юй рассказал об этом домашним.

Все сказали:

— Один палец владыки ада означает один период в двенадцать лет.

И действительно, старый слуга выздоровел и прожил в мире людей еще двенадцать лет.

(470.) НЕ ПРИНЯТ НИ КОНФУЦИАНЦАМИ, НИ БУДДИСТАМИ

Ян Чжао-нань из Ханчжоу был конфуцианцем, но разбирался и в буддизме.

Через год после его смерти он явился своей жене во сне и сказал:

— Когда люди умирают, у них непременно есть место, куда они возвращаются. Так как я был конфуцианским ученым, то Ведающий душами послал меня к Вэньчан дицзюню[1]; тот дал тему, чтобы проэкзаменовать меня, но я не смог с ней справиться. Вэньчан дицзюнь не принял меня к себе.

Ведающий душами послал меня к бодхисаттве. Бодхисаттва хотел проэкзаменовать меня по сутрам, но я не смог ему ответить, и он тоже не принял меня. В растерянности бродил я по иному миру, не имея места, где мог бы дать отдых ногам. Мне только и остается, что в такой-то день такой-то луны родиться вновь в доме некоего Чжана. Так как я всю свою жизнь почитал Будду, то тебе надлежит отправиться к Чжану и сказать ему, чтобы он не кормил меня мясной пищей[2] и тем самым избавил от нового падения.

Чжан был приятелем Чжао-наня; и жена Чжао-наня сделала, как он велел. В назначенный срок в доме Чжана действительно родился мальчик. Роды были тяжелыми. Три года мальчик плакал не умолкая. Чжан накормил его мясом, и мальчик перестал плакать, но от испуга, что нарушил запрет, он стал биться в судорогах.

Было это в сорок третьем году правления под девизом Цянь-лун *.

(471.) СЛУЧАЙ В ГОРАХ НЯОМЭНЬШАНЬ

В восточном предместье Шаосина жил некий Чжан. Жена его заболела, и он пошел за врачом. Проходя мимо горы Няомэньшань, он повстречал седовласого старика, которому оказалось с ним по дороге. Наступил вечер. Заметив, что ноги старика не касаются земли, а тело его не отбрасывает тени, Чжан заподозрил, что это бес. Спросил об этом без обиняков, и тот не стал запираться, а ответил:

— Я не человек, а бес. Но у меня есть к вам просьба, и я не причиню вам вреда. Мой труп похоронен к западу от горы Няомэньшань, на утесе, где целыми днями работают камнетесы; утес покосился, и мой гроб уже наполовину обнажился в могиле, вскоре он упадет в реку. Прошу вас, сжальтесь надо мной, перенесите мою могилу в другое место. Вам надо идти к Новому мосту, а там сидят пять водяных бесов и поджидают вас. Я пойду вперед и прогоню их.

Бес вынул из-за пазухи пакет от пирожков, приготовленных в доме пирожника Чжу, передал его Чжану и сказал:

— Завтра прошу вас зайти в дом Чжу, показать ему этот пакет в качестве подтверждения.

Чжан и его спутник дошли до Нового моста, там действительно сидело пять черных теней. Старик пошел вперед и разогнал их веткой, срезанной с дерева. С пронзительными криками бесы скрылись в реке. Чжан дошел до дома врача, и старик с поклонами распрощался с ним.

На следующий день Чжан пошел в дом Чжу покупать пирожки. Вынул бумагу — действительно, это была реклама лавки Чжу. Чжан рассказал, что с ним случилось. Чжу опечалился:

— Встреченный вами старик — это мой родственник Мо Цюань-чжан. То, что заняться переносом могилы он поручил не мне, а вам, наверное, вызвано тем, что ваша судьба как-то связана с ним. Видно, вам не суждено было погибнуть от пяти речных бесов, поэтому высшие силы велели старику прогнать их.

Он повел Чжана на гору Няомэньшань, показал могилу, которую отделяло от воды расстояние всего лишь в чи с небольшим. Выбрали подходящее место и перенесли могилу.

---

* 1778 г.

[472. Бес убивает человека, ударившего его камнем.

473. Двое приятелей, увидевших бесов, умирают, третий, который ничего не видел, остается в живых.

474. Случайно оказавшись около горной пещеры, люди видят огромное животное, похожее на слона, с рогом на лбу, пожирающее диких зверей, которые являются к нему как по команде.

475. Удивительные волосатые люди с куриными лапами вместо ног.]

(476.) МОРСКИЕ МОНАХИ

Некий старик Пань, рыбачивший всю жизнь, как-то раз вместе с другими рыбаками вытащил сети, заброшенные ими в море у берега, и почувствовал, что сети вдвое тяжелее, чем обычно. Несколько человек с трудом вытащили их. В сетях рыбы не было, а было только шесть-семь маленьких человечков, сидящих на корточках. Увидев людей, человечки дружно сложили ладони в знак приветствия и почтительно поклонились. Все тело их поросло волосами, как у обезьян, а головы были бритые[1], речь их понять было невозможно.

Рыбаки открыли сети и выпустили человечков. Те прошли несколько десятков шагов по морю и исчезли.

— Их называют морскими монахами,— сказали местные жители.— Если их поймать и съесть вялеными, то целый год не будешь чувствовать голода.

[477. Двое нищих убивают удивительную змею с человеческой головой и ослиными ушами, с одной лапой, похожей на коготь дракона; змея испускает ядовитое дыхание, от которого люди падают без чувств, и она высасывает их кровь.

478. Человек убивает пчел, внутри которых находятся *якши.*]

(479.) ГОРНЫЕ МОНАХИ

Некий человек по фамилии Ли гостил в Чжунчжоу, когда там началось наводнение. Чтобы спастись, он взобрался на гору, но вода все прибывала, и ему пришлось вскарабкаться на самую вершину горы. Когда наступил вечер, Ли увидел маленькую хижину, в которой ночевали горные жители, приходившие пахать землю. Внутри было много соломенных циновок, а сбоку лежала колотушка. Ли устроился здесь на ночлег. Ночью он услыхал журчание воды, встал посмотреть и увидел маленького толстого монаха, который шел к нему по воде. Ли громко закричал, тогда монах отступил, но потом опять пошел вперед. Ли в испуге схватил колотушку и

стал громко стучать ею. Сбежались горные жители, и монах пустился бежать прочь.

На следующий день вода спала. Ли стал расспрашивать горных жителей, и те сказали:

— Это — горный монах. Он заманивает одиноких и слабых людей и пожирает их мозг.

[480]. Лиса-оборотень сожительствует с юношей и, доведя его до полного истощения, отпускает, подарив на прощание серебро, которое превращается в золу.

481. Дух доведенной до самоубийства наложницы рассказывает ученому, поселившемуся в ее покоях, о своей обиде на первую жену.

482. Заблудившийся человек попадает в пещеру, где живут волосатые людоеды. Его спасает старуха, которая давно стала пленницей этих волосатых людей и даже родила им двух сыновей.

483. Дух, ищущий себе замену, доводит человека до самоубийства.

484. Даос изгоняет беса, вселившегося в человека.

485. Тяжелобольного человека во сне спасает дух его покойного соседа.

486. Дух озера Дунтинху оставляет у себя джонки с товарами.]

(487.) ГЕНЕРАЛ-ВЕРЕВКА УТРАЧИВАЕТ СИЛУ

Когда на торговые джонки на озере Поянху налетал ветер, часто появлялся черный канат, похожий на дракона, который бил джонки и ломал их. Его называли Генерал-Веревка. В течение многих лет ему приносили жертвы.

В десятом году правления под девизом Юн-чжэн * была большая засуха, и в том месте, где озеро высохло, увидели лежащую поперек песка сгнившую веревку. Крестьяне разрубили на куски и сожгли ее. Жидкость, [содержавшаяся в веревке], испарилась, и потекла кровь. С этого времени Генерал-Веревка не причинял больше зла, и рулевые с джонок перестали приносить ему жертвы.

[488. Лиса-оборотень вступает в сожительство с юношей и напускает на него злые чары, от которых его спасает даосский маг.

489. Крестьяне, услышавшие крики о помощи, выкапывают из-под земли каменного льва и, поставив его в кумирню, приносят ему жертвы.]

(490.) ДУХ ЗАСУХИ

В двадцать шестом году правления под девизом Цяньлун ** в столице была сильная засуха. Скороход по имени

* 1732 г.
** 1761 г.

Чжун Гуй был послан со срочной депешей от генерал-губернатора в Лянсян и вечером вышел из города. Когда он дошел до тихого места, где уже не было пешеходов, вокруг него вдруг начал кружить черный вихрь, задувший его фонарь. Поэтому он укрылся от ветра и дождя на почтовой станции. Там к нему вышла девушка с лампой, лет семнадцати-восемнадцати, красоты необычайной. Она пригласила Чжана в дом, чтобы напоить чаем. Чжан привязал лошадь к столбу, надеясь, что ему удастся провести с девушкой ночь. Счастье его превзошло всякие ожидания; всю ночь они не разжимали объятий, пока не закричал петух. Тогда девушка оделась и встала, Чжан не мог уговорить ее побыть с ним еще. Усталый, Чжан снова заснул.

Во сне он почувствовал, что роса увлажнила ему нос, а трава щекочет губы. Когда стало рассветать, он увидел, что лежит на заброшенной могиле. В испуге Чжан стал искать лошадь, а она оказалась привязанной к дереву.

Депешу Чжан доставил с опозданием на двенадцать часов, и чиновник, которому она была адресована, сообщил об этом генерал-губернатору, выражая сожаление, что из-за этого так задержалось дело.

Генерал-губернатор приказал своему помощнику строго допросить Чжана. Когда Чжан рассказал, что с ним случилось, генерал-губернатор велел осмотреть могилу. Оказалось, что это могила женщины по фамилии Чжан, повесившейся от стыда, когда стало известно, что до брака она сожительствовала с неким человеком. Дух ее часто показывался путникам. Некоторые говорили, что это дух засухи.

Те, что с растрепанными волосами и внешностью мартышки, ходящие на одной ноге,— это духи умерших животных. Трупы же повесившихся людей, которые выходят, чтобы сбить с дороги людей,— это бесы. Достаточно их поймать и сжечь, чтобы вызвать дождь.

Доложили об этом властям. Открыли гроб. Там действительно оказался труп женщины, совсем как живой, только все тело ее поросло белыми волосами. Труп сожгли, и на следующий день полил сильный дождь.

[491. Гигантский скорпион, кусающий людей и пьющий их кровь.

492. «Повелитель змей» — чудище без глаз и ушей, которого панически боятся змеи и от прикосновения которого сохнут деревья и травы.

493. Чиновник после своей смерти становится судьей в Царстве мертвых.]

(494.) СОЕВЫЙ ТВОРОГ И ПАЛОЧКИ ДЛЯ ЕДЫ

У Чжана, богатого хозяина из Сычуани, на старости лет родился сын, которого он очень любил. Каждый раз, когда мальчик выходил погулять, его обязательно наряжали в красивые одежды с дорогими украшениями. Когда мальчику исполнилось восемь лет, он пошел посмотреть на праздничное шествие в честь духов и не вернулся домой. Стали искать, дошли до одной речки и там нашли его убитым. Он лежал голый в воде, а одежда и украшения были сорваны с него. Чжан принес жалобу судье, но убийцу не нашли.

Начальник области — достопочтенный Е сам пошел ночевать в храм духа-хранителя местности и просил [духа явиться ему] во сне.

Ночью ему приснилось, что дух-хранитель местности открыл дверь, приветствовал его, поставил вино на стол и угощал его. На столе стояла пиала с соевым творогом, поверх которой лежали бамбуковые палочки для еды. Больше ничего на столе не было. За все время дух не произнес ни слова.

Проснувшись, Е не понял, [как сон поможет] решить дело.

Потом сыщики увидели человека, который продавал в закладной лавке золотые украшения. Его задержали и допросили. Все улики совпадали. Фамилия этого человека была Фу. Только тогда достопочтенный Е понял, что «бамбуковые палочки» поверх «соевого творога» составляют иероглиф *фу*[1].

[495. Душа умершей девушки возрождается в чужом теле.]

(496.) ОТДАЙ МОЮ КРОВЬ!

Тюремщик палаты наказаний Ян-ци подружился с осужденным на смерть шаньдунским вором. Перед казнью вор передал Ян-ци взятку в тридцать золотых, с тем чтобы тот положил в гроб его отрубленную голову. Ян нарушил условие и, памятуя о том, что лепешки, смоченные человеческой кровью, могут излечить чахотку, отнес кровь вора в дом одного своего родича.

Внезапно две руки схватили его за горло и громкий голос закричал:

— Отдай мою кровь! Верни мои деньги!

Родители и жена Ян-ци сожгли бумажные деньги[1], позвали буддийского монаха, чтобы он молитвами защитил Ян-ци, но тот все равно умер.

ЦЗЮАНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

(497.) ЧЖОУ ШИ-ФУ

Чжоу Ши-фу и Чжоу Ши-лу, братья из уезда Шилоу провинции Шаньси, подрались. Младший брат ударил старшего ножом в живот, так что кишки вылезли наружу более чем на два цуня. Некоторое время спустя в животе образовалось отверстие, которое могло открываться и закрываться, как рот, а вылезшие наружу кишки Чжоу Ши-фу прикрывал оловянной тарелкой, привязанной к поясу. Все отправления производил через это отверстие. Так он прожил года три, пока наконец не умер.

В день смерти Чжоу Ши-фу его дух завладел телом Чжоу Ши-лу и стал поносить младшего брата:

— Ты убил меня, и это было предопределено в прошлом рождении. Но сколько нечистот ты заставил меня проглотить за эти несколько лет!

[498. Пятнадцатилетний родственник Юань Мэя, умирая, говорит матери, что он был бессмертным, сосланным в мир людей за провинность, и теперь возвращается в обитель бессмертных, так что она не должна печалиться о нем.

499. Умершая жена продолжает любить мужа, и призрак ее постоянно появляется в доме.]

(500.) МОГИЛА ЛЮТНИ

Академик Дун Чао[1] молодым получил ученую степень. В каллиграфии, живописи, прозе, стихах он превосходил всех своих современников. Он был человеком чистосердечным и прямым.

Как-то знаменитые ученые собрались вместе в парке Таожаньтин[2], гуляли, читали стихи. Дун один ушел к запруде у городской стены и неожиданно услышал звуки *пиба*[3]. Он пошел на эти звуки. Они доносились из разрушенного здания. Семнадцать-восемнадцать девушек в светло-красных одеждах, сидя у окон, перебирали струны. Увидев Дуна, они нисколько не смутились, а продолжали играть. Дун бродил в нерешительности поблизости, не находя в себе силы уйти.

Приятели Дуна, удивленные его длительным отсутствием, пошли искать его и увидели, что он стоит с каким-то потерянным видом, прислонясь к сломанному окошку. Позвали его, но он не откликался, тогда они стали ругать его, и Дун очнулся, но женщины исчезли, и музыка смолкла.

Когда Дун рассказал друзьям, что с ним случилось, все отправились на розыски в дом. Крыша разрушена, стены обвалились, следов людей не видно. Был лишь холмик земли, поросший полынью, который в народе назывался могилой лютни.

Друзья под руки отвели Дуна назад. Вскоре он вернулся в Чанчжоу совсем больным и умер дома.

[501. Дух умершего человека, которому не приносили жертв, жалуется на обиду устами соседской женщины.

502. Дух плохо захороненной женщины, явившись к ученому, просит помочь ей и в награду указывает ему место, где зарыто серебро.]

(503.) ЖАБА *ГУ*[1]

Когда ученый Чжу И-жэнь работал писцом в цинъюаньском управлении, что в провинции Гуанси, начальник области Чэнь Си-фан пригласил его к себе частным секретарем.

В самое жаркое время года Чэнь созвал своих друзей и сослуживцев на угощение. Усевшись за стол, все сняли головные уборы и тогда увидели, что на макушке у Чжу сидит большая жаба. Скинули ее, она упала на пол и вдруг исчезла. Пили до полуночи. Тогда жаба снова [появилась и] влезла на макушку Чжу. Он не заметил этого, но сидевшие рядом гости снова скинули ее на пол. Когда жаба упала, то посуда, стоявшая на столе, разлетелась на кусочки, а жаба опять исчезла.

Придя в свою спальню, Чжу почувствовал, что у него чешется макушка. На следующий день волосы на макушке вылезли, и там появилась опухоль, кожа покраснела. Потом опухоль прорвалась, и из нее высунулась голова жабы, устремившая взгляд вдаль. Две передние ее лапки лежали на макушке Чжу, а нижняя ее часть оставалась под кожей его головы. Проткнули жабу иглой, но она не издохла, стали тащить ее, но Чжу при этом почувствовал непереносимую боль. Врачи не могли ему помочь.

Старый сторож сказал:

— Это — *гу*; если проткнуть его золотой шпилькой, то издохнет.

Попробовали — действительно издохла. Жабу вытащили, и Чжу больше не испытывал боли, но на макушке его осталась вмятина, похожая на перевернутую пиалу.

[504. Смелый человек побеждает преследовавших его бесов.]

(505.) ЛЮ-ЛАНЫ ПОДРАЛИСЬ

В деревнях уезда Наньпин, что в провинции Гуанси, приносят жертвы духу Лю-лана [1]. Людям, которые говорят о нем или задевают его, он причиняет вред. Особенно же он любит обольщать девушек, красивыми часто овладевает.

Те, кому он причинил вред, приносят ему в полдень или ночью в жертву сверток бумажных денег и блюдо риса, при этом два-три музыканта играют, завлекая его на пустошь. Он уходит и привязывается к другому человеку. Не проходит вечера без того, чтобы Лю-лана не выпроваживали таким образом.

Была девушка по имени Ян-сань, лет семнадцати, очень красивая. Как-то раз, когда солнце уже клонилось к закату, она сидела со своими родителями и вдруг стала глядеть искоса и смеяться. Так продолжалось довольно долго, а потом она поспешно ушла в спальню и начала румяниться и пудриться с застенчивыми ужимками.

Родители пришли узнать, в чем дело, но из пустоты в них начали лететь кирпичи, а двери спальни закрылись, только слышны были голоса и смех двух людей. Тогда они поняли, что пришел Лю-лан, и позвали музыкантов, чтобы выпроводить его, но Лю-лан не захотел уходить.

Наутро девушка вышла, как обычно, и рассказала, что Лю-лан — красивый молодой человек в генеральской шапке и латах, лет ему двадцать семь—двадцать восемь, он ее очень любит и вовсе незачем его прогонять.

Отец и мать девушки не знали, что им делать.

Прошло несколько вечеров. Однажды девушка выбежала из спальни и сказала:

— Еще один Лю-лан пришел! С большой бородой, вид свирепый, начал драться из-за меня с первым Лю-ланом, тот не может его одолеть и вынужден будет уйти.

Из спальни доносился шум жестокой битвы. Казалось, что все вещи там разобьются. Родителям девушки пришлось позвать музыкантов и выпроваживать обоих Лю-ланов. Наконец оба ушли, не причинив вреда девушке.

[506. Растение, которое способно оживить мертвого.]

(507.) ГУАНЬ-ИНЬ ПРОЩАЕТСЯ

Моя наложница Фан поклонялась изображению Гуань-инь [1], высотой в четыре цуня, сделанному из сандалового де-

рева. Я человек терпимый, сам не участвовал в обрядах, но и ей не запрещал.

Была некая тетушка Чжан, которая очень усердно поклонялась Гуань-инь вместе с Фан. Каждое утро она обязательно приходила зажечь курения перед изображением Гуань-инь и только потом принималась за уборку.

Однажды я поднялся очень рано и велел тетушке Чжан побыстрее принести мне таз с горячей водой для умывания, но Чжан продолжала кланяться Гуань-инь и все не шла. Я рассердился, схватил изображение Гуань-инь, бросил его на пол и стал топтать ногами.

Услыхав об этом, Фан заплакала и сказала:

— Вчера мне приснилось, что Гуань-инь пришла проститься со мной. «Завтра мне причинят вред,— сказала она мне,— и я должна буду уйти». И действительно, сегодня вы растоптали ее изображение. Разве слова ее не подтвердились?

И Фан унесла [изображение Гуань-инь] в посвященную ей буддийскую обитель Чжуньтиань.

Я подумал: «Буддийские законы отвлеченны. Если проделала такую ловкую штуку, значит, это не обошлось без нечисти!»

И с этих пор я больше не позволял домашним поклоняться Будде.

[508. Красивый чиновник убивает влюбившегося в него развратника. Убитый, превратившийся в дух зайца, является во сне соседу и просит, чтобы ему приносили жертвы.

509. Бес развращает маленькую служанку и пытается похитить ее.

510. Лиса-оборотень вредит человеку, пытавшемуся прогнать ее.]

(511.) МОГИЛА КОНФУЦИЯ

В годы правления под девизом Юн-чжэн * достопочтенный Чэнь Вэнь-цинь [1] ведал приведением в порядок могилы Конфуция. Шагах в сорока от могилы мудреца в земле образовалась яма шириной более чжана. Чэнь стал осматривать ее и увидел на дне каменную лежанку, на которой стоял красный гроб, уже сгнивший, так что видна была куча белых костей. Сбоку лежал бронзовый меч длиной более чжана, отливавший зеленоватым блеском, и несколько десятков бамбуковых дощечек, на которых, казалось, что-то было написано древним головастиковым письмом. Когда

* 1723—1735 гг.

Чэнь взял дощечки в руки, они рассыпались в прах. Треножник и жертвенный стол с ритуальной утварью стояли рядом, сильно поврежденные, разбитые.

Достопочтенный Вэнь-цинь решил, что эта могила древнее могилы Конфуция и тревожить ее нельзя. Он осторожно закрыл ее камнями и кирпичами и принес жертву.

[512. Дух, вызванный гадателем, предсказывает человеку будущее.
513. Дух казненного мстит судье, приговорившему его к смерти.]

(514.) ЧЭНЬ ЦЗЫ-ШАНЬ

Мой однокашник Чэнь Цзы-шань, по имени Да-лунь, был родом из Лияна. Он поступил в училище девятнадцати лет и внезапно тяжело заболел. Во сне ему явился буддийский монах в лиловых одеждах, который назвал себя великим наставником Юань-гуем и, взяв за руку Чэня, сказал: «Ты бросил меня и ушел к людям, почему бы тебе не вернуться?»

Чэнь не ответил, и монах, усмехнувшись, проговорил: «Пока оставайся! Пока оставаїся! У тебя есть еще чарка вина из Цюнлиня[1] и тарелка супа из Интая[2]. Я приду снова, когда ты выпьешь их; будет не поздно». Согнув палец, он добавил: «Это — разлука еще на семнадцать лет».

Чэнь в испуге проснулся; он весь был покрыт потом, болезнь покинула его.

В году *цзи-вэй** Чэнь получил степень *цзиньши*, попал в академию Ханьлинь и был повышен в должности: стал дворцовым ученым. Осенью того года, когда ему исполнилось тридцать восемь лет, у него начался неукротимый понос. Он вспомнил приснившийся ему семнадцать лет назад сон и понял, что уже больше не встанет. С улыбкой он говорил домашним:

— Великий наставник еще не пришел. А может быть, он снова изменит срок, как знать?

Однажды Чэнь рано поднялся, возжег курения, помылся и, надев придворное платье и головной убор, сказал:

— Мой наставник уже пришел, и я ухожу.

Стоявший рядом однокашник Чэня, редактор Цзинь Чжифу, горячий приверженец буддизма, воскликнул:

— Пришел за другим и уйдет, взяв его с собой. Уход, приход — как это связано между собой?

---

* 1739 г.

Чэнь, уже смеживший очи, с трудом заставил себя приподняться, раскрыл глаза и сказал:

— Приходу никогда не было преград, и уходу никто не может помешать. В мире людей и на небе один алтарь.

Сказав это, он испустил дух.

[515. Предсказание, сделанное духом, которого человек увидел во сне, сбывается.

516. Предсказание, сделанное бессмертной лисой, сбывается.]

(517.) ЛИЦО В ГОРОДСКИХ ВОРОТАХ

Гуансийскому курьеру в пятую стражу пришлось по срочному делу отправиться в Чаннин; он никак не мог отворить городские ворота, ударил по ним, а они оказались мягкими и гладкими, как человеческая кожа. Курьер очень удивился, пристально вгляделся и увидел, что ворота заполнило человеческое лицо, со ртом, носом, ушами и глазами, словно лукошки.

В испуге гонец бросился бежать обратно в город.

Утром он вместе с другими людьми вышел из города и ничего диковинного не увидел.

(518.) БЕС БАМБУКОВОЙ ПЛАСТИНКИ

У Фэн-э из Фэнсиня был чиновником в Миньцяо. По болезни ему разрешили вернуться домой. Он плыл на джонке по Юйцзяну. Погода стояла жаркая, и У решил погостить в просторном доме на цветущем острове, который очень ему пришелся по душе. И в помещении, и снаружи часто слышались звуки, напоминавшие посвист бесов. Хозяин дома, прогуливаясь в одиночестве, постоянно видел множество черных теней.

Однажды вечером У поставил плетеную лежанку в холодке у галереи и услыхал в углу, в зарослях бананов, какие-то тревожащие душу звуки. Пошел туда поглядеть и увидел бесчисленное множество людей — одни повыше, другие пониже, толстые, худые, но все не выше одного чи с небольшим; сзади всех был человек побольше других, лицо его скрывала большая бамбуковая шляпа с полями; человечки кружились между стен, как несколько десятков кукол-неваляшек. У поспешил позвать людей, и в то же мгновение карликов не стало видно, они превратились в тучу светлячков [1]. У поймал одного. Оказавшись у него в руке, светлячок издал протяж-

ный звук, и все остальные светлячки исчезли. У поднес светлячка к огню, но в руке у него была лишь тоненькая бамбуковая пластинка.

(519.) ГОСПОДИН ОСЕЛ

Старший сын одного знатного сановника был очень жестоким человеком. Стоило слуге не угодить ему, как он порол его почти до смерти. Жестоко мучил он и служанок. И вдруг он заболел и умер.

Явившись во сне одному домашнему рабу, который был его доверенным лицом в прежние времена, он сказал:

— За то, что я был жесток, судья Царства мертвых покарал меня, [превратив в] животное. Завтра рано утром я должен войти в живот ослицы. Ты же срочно отправься в лавку, где продают ослятину, в таком-то переулке, купи там ослицу и приведи ее домой. Этим ты спасешь мне жизнь; если же хоть немного промедлишь, то будет поздно.

Говорил он очень жалобно, но проснувшийся в испуге слуга был охвачен сомнениями и снова улегся спать.

И снова он увидел во сне [покойного], который сказал:

— Я был к тебе добр, как же ты мог забыть прежнее мое расположение к тебе?

Тогда слуга спешно отправился в названный переулок; увидев [в лавке] ослицу, которую должны были забить, он купил ее, привел домой и поместил в саду. Ослица действительно родила осленка, который, увидев людей, вел себя так, словно был знаком с ними. Люди звали его Господин, и он бежал [на их зов].

Некий художник Цзоу, живший рядом с садом, однажды услыхал ослиный крик.

— Это наш Господин кричит,— объяснили ему.

[520. Медведица спасает человека, заблудившегося в лесу, сожительствует с ним и рожает трех сыновей, которые становятся чиновниками.

521. Обиженный дух мертвого по ошибке сбрасывает в реку однофамильца своего обидчика; того спасает прохожий.]

(522.) ОХОТНИК ИЗ ДАЙЧЖОУ

Ли Чун-нань, охотник из Дайчжоу, охотясь в пригороде, увидел стаю голубей и начал стрелять в них; попал одному в спину, но тот улетел с пулей в спине. Ли очень удивился

и погнался за ним; добрался до горной пещеры, в которой исчез голубь, и полез за ним.

В пещере оказалась просторная каменная комната, где находилось несколько десятков каменных людей, очень искусно изваянных, головы у всех были отрублены, и каждый держал свою голову в руке, а самый последний лежал, опершись на свою голову, гневными глазами уставившуюся на Ли так, словно она хотела пронзить его насквозь сверканием глаз.

Ли перепугался и хотел уйти, но голубь с пулей в спине во главе многотысячного голубиного войска набросился на него и стал клевать. Ли продвигался к выходу, отбиваясь ружьем, в котором не осталось пуль, и нечаянно упал в пруд. Вода в пруду была красная и горячая, как кровь, а воздух очень затхлый. Голуби, словно изнемогая от жажды, стали драться за глоток воды, благодаря чему Ли удалось выбраться из пещеры. Одежда его окрасилась в ярко-красный цвет и сверкала под лунными лучами, как яркий огонь.

Так и осталось неизвестным, что за диво была эта горная пещера и эти голуби.

[523. Человеку, который после смерти своего родственника постоянно читал во искупление его грехов «Алмазную сутру», снится владыка ада, который жалуется, что из-за этого должен был отпустить безнаказанной душу покойного.

524. Дух безвинно погибшей женщины мстит своему убийце.]

(525.) ДУХ ДЕРЕВА

Фэй Ци-ду[1] шел с карательным отрядом из Сычуани к порогам Янцзы. Там было дерево с сухими ветвями, без листьев и цветов. Прошедшие под этим деревом солдаты внезапно умирали. Так умерло три солдата, и Фэй, разозлившись, пошел сам посмотреть на дерево.

Ветви дерева, напоминавшие птичьи когти, увидев проходящего под ними человека, старались схватить его. Фэй обрубил мечом ветви, из которых потекла кровь.

С этих пор дерево уже не причиняло вреда проходившим под ним людям.

[526. Лиса-оборотень в благодарность за оказанную человеком услугу предостерегает его от злого беса, подстерегающего его.

527. Бес вредит человеку.

528. Ученые, увидевшие оборотня, заболевают.]

(529.) В «ДРАГОЦЕННОМ ЗЕРЦАЛЕ ЯПОНСКОЙ МЕДИЦИНЫ»[1] ЕСТЬ СПОСОБ ИЗГОНЯТЬ ЛИС

Ли из Сяошаня в молодости был человеком несдержанным. Как-то, возжигая курения в храме Будды, он увидел там красивую женщину; вокруг людей не было, и Ли заговорил с ней.

Женщина сказала, что фамилия ее У, с малых лет она лишилась отца и матери и жила у дяди. Мать дяди жестоко обращалась с ней, поэтому она пошла в храм просить у Будды хорошего мужа.

Ли стал говорить ей любезности, она их не отклоняла, и он повел ее к себе домой. Они полюбили друг друга и долго жили в согласии.

Однако Ли с каждым днем слабел и чувствовал, что при слиянии она истощала его жи́зненную энергию[2], чего не бывает при сношениях обычных супругов. Кроме того, она заранее знала о том, что произойдет в пределах десяти ли вокруг. Ли понял, что имеет дело с лисой-оборотнем, но не знал, как прогнать ее.

Однажды он повел своего друга, *цзюйжэня* Яна, гулять за тридцать ли от дома и там все ему рассказал.

— Помнится мне, что в «Драгоценном зерцале японской медицины» есть раздел об искусстве изгонять лис. Почему бы вам не попробовать? — ответил Ян.

Они отправились на Люличан[3], разыскали эту книгу, попросили японца перевести и применили [способ]. Действительно, женщина ушла, заливаясь слезами. Об этой истории мне рассказал *цзюйжэнь* Ян, которого я видел в доме Се Юнь-шаня[4], академика, жившего у реки Сицзян. К сожалению, я не спросил его, какая это глава и страница в «Драгоценном зерцале японской медицины».

[530. Предсказание, сделанное духом, вызванным гадателем, сбывается.]

ЦЗЮАНЬ ДВАДЦАТАЯ

(531.) ПЕРЕДВИНУЛИ ИЗОБРАЖЕНИЕ ГУАНЬ-ИНЬ

За северными воротами города Цзе́чжоу в провинции Шаньси был храм, где приносили жертвы Гуань-инь. Часто из расщелин между камнями под сидением Гуань-инь тысячами вылетали осы, застилавшие солнечный свет.

Местные жители передвинули изображение Гуань-инь,

разрыли яму, в которой роились осы, и окурили ее. В яме был красный гроб, дно его сохранилось, а крышки не было; в гробу лежала женщина, которая неожиданно поднялась, взмахнула красным рукавом и пошла. Все в изумлении таращили глаза и прислушивались к ее шагам. На ней была юбка, затканная осами. Женщина шла порхающими шажками, вошла наконец в дом семьи Ли в городе и там исчезла.

Как раз в это время Ли привез домой свою молодую жену. Толпа рассказала ему, что случилось, но он решил, что это пустая болтовня, и выругал людей за то, что они несут чепуху.

Не прошло и трех дней, как новобрачная повесилась.

[532. Предсказание, сделанное духом, вызванным гадателем, сбывается.

533. Дух рано умершей девушки спасает талантливого поэта.

534. Дух покончившей с собой женщины мстит людям, доведшим ее до самоубийства.]

(535.) ДУХ МЕРТВОГО ДВАЖДЫ СПАСАЕТ БРАТЬЕВ ОТ СМЕРТИ

После того как Янь-шэн, младший брат Ван Сянь-чэня, начальника Учэна, умер в разгар лета, его двоюродный брат Си-гуань осенью двадцать восьмого года правления под девизом Цянь-лун * тоже тяжело заболел. Несколько ночей он не спал; врач прописал ему укрепляющее лекарство, которое должно было вылечить его. Когда мать Си стала подогревать лекарство, больной вдруг подал голос: «Тетушка, не повторяйте ошибку! Я уже пострадал по ошибке коновала, теперь то же будет и с братом Си; я не могу сложа руки смотреть, как он умрет!»

Сказав это, он смахнул на пол пиалу с лекарством.

— Кто ты, вошедший в тело моего сына? — спросила мать Си.

— Я Янь-шэн,— ответил голос.— Года не прошло с моей смерти, а теперь тетушка уже не узнает моего голоса?

— Чем же ты занимаешься после смерти? — спросила мать Си.

— Памятуя о прямоте моего характера и безвременной смерти, в Царстве мертвых меня сделали курьером при управлении духа-хранителя Чанчжоу. Я должен был доставить депешу духу-хранителю провинции Чжэцзян и воспользовал-

* 1763 г.

ся этим поручением, чтобы проведать брата Си. Оказалось, что он заболел и чуть не погиб из-за ошибки коновала. Теперь я отправлюсь в *ямэнь* духа-хранителя местности. Закончив там дела, снова приду к вам.

Когда голос смолк, больной закрыл глаза и всю ночь спокойно проспал. На следующий день, когда он проснулся, его стали расспрашивать, но он не помнил, что говорил накануне. Вечером он вдруг заговорил голосом Янь-шэна:

— Я хочу пить, дайте поскорее отвар.

Мать Си исполнила просьбу. Тогда голос сказал:

— Позовите Восьмого брата, мне надо кое-что ему сказать.

Восьмой брат был его самый младший единоутробный брат. Когда он пришел, голос заговорил с ним ласково, как при жизни:

— Будь осторожен в своих забавах. Недавно ты пустил свою лодочку по течению на озере перед храмом наших предков и чуть не налетел на каменную колонну храма. К счастью, я был рядом и отклонил падение колонны, иначе ты не избежал бы смертельной опасности. Под этой колонной находится старая могила. Наш отец углубил озеро, не проверив почву, и захороненные в могиле кости упали в воду, поэтому дух покойного хотел отомстить. Я несколько раз просил его разрешения на перенос могилы, и он наконец согласился. Восьмой брат, тебе надлежит перенести могилу.

Затем голос позвал сестер и сказал им:

— Старшая сестра и вторая сестра, вашему счастью ничто не помешает, а младшей сестре счастья не видать; лучше, если я провожу ее к нашей матушке, иначе ей придется терпеть муки от мачехи.

Громко засмеявшись, он сложил руки, словно прощаясь, и сказал:

— До свиданья, до свиданья.

Когда голос смолк, Си снова упал навзничь, как прежде.

Через несколько дней здоровье его пошло на поправку. Не прошло и полгода, как младшая сестра действительно умерла, это было зимой двадцать девятого года *.

Си приснилось, что Янь-шэн говорит ему: «Брат уже выздоровел, я выполнил поручение, обрел заслуги и могу надеяться получить должность. Теперь я расстаюсь с тобой. Больше нам не удастся встретиться».— Сказав это, он ушел. Горестно вскрикнув, Си проснулся.

* 1764 г.

[536. В куске спиленного дерева обнаруживается картина — пейзаж и портрет человека.]

(537.) ПОМОСТ, ГДЕ ВЕРТЕЛИСЬ НА СУТРАХ

В пинъюэском областном управлении, что в провинции Гуйчжоу, был каменный помост высотой в семь чи, где хранились свитки буддийских сутр. Сутры эти были написаны на санскрите, так что никто не мог их прочесть.

Рассказывают, что начальник области, допрашивая арестованных,— если дело было серьезное, а обвиняемый не сознавался,— брал свитки, расстилал их на полу и приказывал обвиняемому вертеться на них.

Если обвиняемый говорил правду, то никакого вреда ему не было, а если лгал, то в тот же миг глаза его стеклепели, а тело деревенело.

В течение нескольких сотен лет чиновники полагались на этот способ при решении уголовных дел, а заключенные не решались легкомысленно «вертеться на сутрах».

Цзин-цзун, пятый сын достопочтенного Чжан Вэнь-хо [1], был человеком упрямым. Прибыв [в Пинъюэ] на пост, он счел это черной магией, велел разбить помост и сжечь сутры. В том же году умерли оба его сына, а на следующий год и сам он скончался.

(538) ТРЕТЬЯ БАРЫШНЯ ЦАЙ-ХУА

Некий *сюцай* из Янху был очень красив и изящен. Однажды весенней ночью, сидя один в своем кабинете, он услыхал стук в дверь, открыл — и увидел девушку, которая назвалась Третьей Барышней Цай-хуа [1] и сказала, что пришла специально для того, чтобы составить ему компанию. За ней шли четверо ее сестер, словно свита невесты.

Сюцай поразился красоте девушки и оставил ее ночевать.

Прошло довольно много времени, *сюцай* стал болеть и решил прогнать Третью Барышню, но никак не мог. Отец *сюцая* подал на нее жалобу в храм Чжан-вана [2]; в ту же ночь ему приснилось, что Чжан Юй арестовал преступницу, слушает ее дело и обвиняет Третью Барышню в том, что она совратила хорошего человека. Велел дать ей пятнадцать палок и под конвоем вывести ее из зала присутствия.

Не успели пять сестер сделать и несколько шагов, как за

ними погнались мелкие служащие с палками и потребовали у Третьей Барышни денег:

— Если бы мы не пожалели вас и не били легко, то ваше хрупкое, нежное тело было бы все изранено, разве вы смогли бы ходить?

Сестры вынули из рукавов и поясов деньги и отдали их со словами благодарности.

Через три дня Третья Барышня снова явилась и сказала:

— Твое средство не помогло. Я не могу покинуть тебя, а если ты снова пожалуешься Чжан-вану, то и он ничего не сможет со мной поделать. Среди твоих соучеников есть некий господин Ван, я его ненавижу, не позволяй ничего ему сообщать и не впускай его в дом.

Родители *сюцая* в ярости снова пожаловались в храм Чжан-вана, но дух действительно ничего не мог сделать. Тогда срочно послали за господином Ваном, но в это время он гостил в отдаленном месте и смог приехать лишь через несколько дней, когда *сюцай* уже умер.

Господин Ван тоже был уездным стипендиатом, ему еще не исполнилось тридцати лет.

[539. Бесовка доводит до смерти человека, с которым сожительствует.]

(540.) МЫШИ СЪЕЛИ БЫКА

Крестьянин из Гоужуна держал у себя дома быка. Вдруг появились семь мышей, съели сердце и внутренности быка, и тот издох.

Крестьянин погнался за мышами и поймал одну. Все ее тело было покрыто белыми волосами, весила она десять цзиней. Он изжарил ее, жира вытопил больше, чем от курицы или поросенка.

[541. Человек во сне попадает в Царство мертвых, где семерых людей приговаривают к смертной казни. На следующий день он видит крушение джонки и гибель семерых ее пассажиров.

542. Человек попадает на Бесовскую заставу, где ядовитый туман, странные птицы, чудовищные змеи и ядовитые травы.

543. Души предков просят судью, решавшего дело по обвинению их потомков, смягчить приговор.

544. Лиса-оборотень правильно предсказывает будущее подружившемуся с ней человеку.

545. Праведный сановник изгоняет беса, причинявшего вред семье его друга.]

(546.) БЛАГОРОДНЫЙ ПОРОСЕНОК

Человек, живший у устья реки Суйци в Сучжоу, что в районе Цзяннань, был убит и брошен в колодец. Судья не мог установить преступника. Внезапно перед лошадью судьи появился поросенок и стал жалобно верещать, слуги никак не могли его прогнать.

— У скотины есть жалоба? — спросил судья.

Поросенок пал ниц, словно отбивая поклоны.

Судья приказал следовать за поросенком. Тот поднялся и побежал впереди. Доехали до одного дома, распахнули двери и вошли. Поросенок подбежал к лежанке и стал разрывать перед ней землю, а там был зарыт нож со свежими следами крови. Хозяина схватили и стали допрашивать. Действительно, он убил того человека.

Тогда односельчане, узнав об этом, собрали деньги, чтобы можно было содержать поросенка при буддийском монастыре[1]; ему дали прозвище Благородный поросенок. Умер он лет десять спустя. Монахи зарыли его в нише[2].

[547. Гром убивает вора.

548. Духи мертвых предсказывают судьбу двух людей.]

(549.) ГЛИНЯНЫЙ ЛЮХАР[1] РАСХАЖИВАЕТ

В северных воротах города Жугао семья Сюй Вэнь-ду, начальника области Чандэ, что в провинции Хунань, купила глиняную фигурку Люхара, высотой в шесть цуней с небольшим, и поставила ее в специальную нишу в зале. Там он стоял год. Как-то раз Вэнь-ду собирался лечь спать и вдруг услышал какой-то скребущий звук, доносившийся из зала. Он приказал служанке пойти с фонарем и посмотреть, в чем там дело. Служанка прибежала испуганная и сказала:

— Люхар вдруг спустился из ниши на пол и стал расхаживать.

Вначале Вэнь-ду не поверил служанке, но, увидев ее испуганное лицо, сам пошел в зал посмотреть. Действительно, Люхар вприпрыжку ходил по залу.

Решили, что это нечисть, и хотели разбить фигурку, но Вэнь-ду сказал:

— Да не бойтесь вы его! Раз изображение бессмертного может ходить, очевидно, это доказательство его чудотворных способностей, нельзя его разбивать! — И он приказал поднять Люхара и поставить его в нишу.

И поныне, более двадцати лет спустя, ничего дурного с

Вэнь-ду не случилось, а его сын, Сян-фу[2], получил должность помощника губернатора провинции Чжэцзян.

[550. Небо карает развратника, изнасиловавшего чужую жену.]

(551.) НАЧАЛЬНИК УЕЗДА ЧЖАН

Чжан, начальник уезда Цзясин, получивший степень *цзиньши* в году *синь-сы* * и бывший наставником хайнинского начальника Ча Юй-чана, был человеком искренним и прямодушным.

Однажды он вдруг поднялся на рассвете, поспешно вынул парадную шапку и пояс и сказал, что ему нужно встретить за главными воротами одно знатное лицо; затем он надел парадное платье и поспешил за ворота, навстречу. Потом поднялся в центральный зал, отвесил положенные поклоны и, усевшись, начал с кем-то разговаривать. Люди слышали речь, но понять слов не могли. Сначала он говорил радостным тоном, потом печальным, потом будто отказывался от чего-то. Взял две чашки с чаем, из одной пил, а вторая висела в воздухе и не падала. Так продолжалось долго; наконец, он как будто проводил кого-то за ворота, снова отвесил поклоны и лишь после этого вернулся к себе.

Домашние стали спрашивать, кого он принимал.

— Духа-хранителя уезда Цзясин,— ответил он.— Его переводят с повышением на другую должность, а он выдвинул меня на свой пост; поэтому и пришел заранее с визитом. Кроме того, он сказал мне, что здесь в ближайшие годы от несчастного случая умрут два знатных человека, бед будет немало. Но мне неудобно разглашать небесные тайны.

Сказав это, Чжан уселся в торжественной позе, не ел, не пил и через три дня скончался.

Скоропостижно скончались два военных губернатора — Ван и Чэнь.

(552.) ЗЕРКАЛЬНЫЙ ПРУД

В городе Сянтань есть зеркальный пруд, который отражает людей в трех их жизнях[1]. Некий *сюцай* пошел поглядеться в пруд, и в нем отразился облик не человека, а свирепого тигра. Работник Хао пошел посмотреться, и вода отразила облик красивой девушки в богатом наряде с пышной прической.

---

* 1761 г.

Лепестки лотосов, распускавшихся в этом пруду, были синего цвета.

(553.) ЦАЙ ЧЖАН-ГУАНЬ

Цай Чжан-гуань с горы Хуцю был антикваром; он был молод и очень красив. Как-то раз он пил в гостях у Ни Канминя. Ни послал маленького раба с фонарем проводить Цая до дому. Когда они дошли до безлюдного места, мальчик увидел, что Цай кланяется кому-то и что-то тихо говорит.

Мальчик спросил, с кем он разговаривает.

— Мой близкий друг Ли Сань-гэ приглашает меня к себе, я пойду с ним, не надо меня провожать,— ответил Цай.

Не успев договорить, Цай прыгнул в реку. Мальчик бросился спасать его, вытащил из реки, привел домой и рассказал все родителям Цая.

Родственники и друзья Цая очень встревожились, пришли расспросить его. А Цай сидел, как пьяный, не произнося ни слова. Но как только видел нож, пытался перерезать себе горло, как видел веревку, пробовал удавиться, словно все радости жизни для него кончились и ему только одно и осталось, что покончить с собой.

Домашние Цая заперли его, отняли одежду [на которой можно было бы повеситься], еду и питье передавали через специально сделанное отверстие.

В день поминовения усопших [1], когда вся семья Цая ушла на могилы предков, Цай выскочил из окна и убежал. Два дня он не возвращался домой, и домашние были убеждены, что он умер.

Повсюду искали его, наконец дошли до пустоши у моста Байляньцяо и увидели Цая, стоявшего, прислонившись к тутовому дереву.

— Я здесь,— крикнул он,— больше не надо искать!

Домашние обрадовались, поспешили к нему, а он висит мертвый на дереве. Окликнула их его душа.

Повесился Цай на полотнище материи, которое украл в красильне, где оно сушилось на полу.

[554. Дух древнего ученого спасает верного дружбе чиновника от гибели.]

(555.) БАРЫШНЯ ЛАНЬ

Начальник провинции Ван, соблюдая траур по родителям [1], гостил у достопочтенного Ян Ши-гуна в Ханчжоу.

Однажды служанка, прислуживавшая на кухне, упала на

пол и долгое время не приходила в сознание. Потом, уставившись в одну точку, она заговорила по-маньчжурски:

— Я барышня Лань из семьи маньчжурского генерал-губернатора Сяна. Меня мучают жажда и голод, сообщите об этом вашему господину, чтобы он поспешил накормить меня.

Ван сам пришел расспросить ее:

— Если ты из маньчжурской семьи, почему же пришла ко мне, китайцу?

— Вместе с моими сестрами,— ответила бесовка,— я вышла в день поминовения усопших посмотреть на праздник. Неожиданно объявили, что здесь будет проезжать губернатор провинции, мы бросились бежать, но мне негде было укрыться и пришлось спрятаться в вашем доме.

— Ты боялась встречи с губернатором,— сказал Ван,— а встречи со мной не побоялась. Разве ты не знаешь, что мы с губернатором сослуживцы? Если он причинил тебе неприятность, почему же ты не в его доме чинишь зло?

— Я боюсь его,— ответила бесовка.

— Если так, значит, вы, бесы, боитесь лишь тех чиновников, которые сейчас исполняют служебные обязанности, а ушедших в отставку не боитесь,— сказал Ван.

— Это неверно,— сказала бесовка.— Того, кто ушел в отставку, но был действительно хорошим чиновником, мы тоже боимся.

Ван был очень недоволен, но ему все же пришлось принести ей жертву и сжечь бумажные деньги.

Здоровье служанки сразу пошло на поправку. Но не прошло и года, как Ван попал в беду.

[556. Удивительные мыши с двумя желчными пузырями.

557. Дух кумирни приглашает чиновника занять его место; тот умирает.

558. Удивительный отшельник, которому на вид лет шестьдесят, более ста тридцати лет прожил среди обезьян.

559. Человек, к которому ночью забирается сумасшедшая служанка, принимает ее за духа мертвеца и чуть не умирает от испуга.

560. Дух покойного генерала спасает от наводнения семью человека, который бросился спасать свою старуху мать, а не жену с ребенком.]

ЦЗЮАНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

[561. Две истории о даосах, которые могли творить чудеса.

562. Волшебная трава, превращающая вещи в золото.

563. Анекдот о развратнике, который считал себя бессмертным, сосланным за грехи на землю.]

(564.) МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА В УЕЗДЕ ТЯНЬЧЖЭНЬ

В местности Лиюнь, что в уезде Тяньчжэнь, есть храм Юаньдимяо, в котором стоит древняя мемориальная доска. В ней застряло великое множество пушечных ядер и ружейных пуль.

Местные жители рассказали: «В правление династии Мин сюда ворвались войска; сопротивление местных жителей уже было сломлено, как вдруг увидели, что эта мемориальная доска вылетела из храма, стала кружиться вокруг сражающихся и принимать на себя весь огонь врага. Мы не потеряли ни капли крови, а враг был вынужден отступить».

Теперь эту доску называют мемориальной доской, созданной Небом. Она и поныне стоит в храме.

(565.) ГОСПОДИН НОСИЛЬЩИК

Студент Ван, происходивший из знатного маньчжурского рода в Ханчжоу, с детства выделялся своими способностями и умом, умел читать по-китайски. Когда ему исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет, он вдруг ушел далеко и не вернулся. Домашние разыскивали его, но безуспешно. Месяц с лишним спустя отец встретил его на улице Яньтяодацзе; Ван вместе с другими людьми нес паланкин. Удивленный отец потащил его домой, выпорол и стал расспрашивать, но юноша ничего не отвечал. Тогда отец запер его в кабинете. Но вскоре юноша снова сбежал и опять стал носить паланкины.

Так повторялось три раза.

Не зная, что делать, дед и отец оставили юношу в покое. Ван не соглашался учиться, не общался с друзьями, но не переставал читать книги. Найдя по пути тихое чистое место, он громко читал наизусть «Записи о деяниях Гао-цзу»[1], не ошибаясь ни в одном слове.

Ханчжоуские вельможи любили пользоваться его услугами, хотя он и превосходил их в учености.

Сам он говорил, что, когда несет на плечах тяжесть, его мускулы и кости наполняются умом. Любил поесть и поспать; если же это не удавалось, был недоволен. Кроме этого, ничего не любил.

[566. Предсказание, сделанное духом-хранителем местности, явившимся человеку во сне, сбывается.]

(567.) ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЦЕНЗОР ФЭН МАЛО ВЕСИЛ

Фэн Ян-у[1] сам говорил, что когда он появился на свет, то был мал, как котенок, и весил неполных два цзиня. Домашние считали, что вырастить его будет очень трудно. Когда ему минуло десять лет, он постепенно стал расти.

Получил степень *цзиньши*, попал в академию, стал провинциальным цензором. У него родилось два сына, один из них стал финансовым комиссаром, второй служил в академии Ханьлинь.

Когда господин Фэн был ребенком, он мог подпрыгнуть и пройти по воздуху шагов десять и даже больше; тогда он узнал, что Ли Е-хоу в детстве умел летать. Мать, боясь, что он совсем улетит, до пресыщения кормила его чесноком и луком.

[568. Мудрый сановник решает сложное судебное дело об убийстве.]

(569.) СХВАТИЛ ТИГРА ЗА УХО

Все поколения семьи Ли Ши-гуя, жившие к югу от уезда Дали, что в провинции Юньнань, были крестьянами. У Ли Ши-гуя было два буйвола. Один из них не вернулся домой, и Ши-гуй отправился искать его.

Луна только что рассеяла ночной мрак, когда он увидел в поле лежащее животное, храп которого был подобен раскатам грома. Решив, что это его буйвол, Ши-гуй обругал его:

— Ах ты, скотина, как смеешь до такого позднего времени не возвращаться домой! — и, вспрыгнув ему на спину, хотел ухватить за рога.

Рогов не было видно, только два поросших шерстью уха стояли торчком, тело было в полосах и пятнах. Тогда Ши-гуй понял, что это тигр, но спрыгнуть с него побоялся.

Тигр, проснувшийся под тяжестью вскочившего на него человека, поднялся и с ревом запрыгал.

Ши-гуй, понимая, что если тигр сумеет его сбросить, то обязательно сожрет, собрал все свои силы и так крепко вцепился ему в ухо, что проткнул насквозь и стал буравить дальше. Тигр рассвирепел. Он прыгал вверх, кидался на землю, но сбросить Ши-гуя не мог. Наутро силы его истощились, и он испустил дух. Ши-гуй тоже повалился на спину, еле дыша.

Разыскавшие его домашние с трудом довели Ши-гуя до дому. Ноги его были так глубоко разодраны когтями тигра, что видны были кости. Только через год раны зажили.

[570. Гуань-ди помогает чиновнику решить запутанное судебное дело.
571. Человек, который мог прыгать по воздуху и ловить воров.]

(572.) ИЩУЩИЙ РЕКУ ВОЕНАЧАЛЬНИК

Мой родственник Чжан Кай-ши, правитель Сучжоу, получил приказ произвести земляные работы для очистки речного фарватера. В земле нашли большую морскую черепаху величиной с колесо телеги. К шее ее была привязана золотая табличка, а на ней вырезаны двенадцать иероглифов: «Во второй год Чжэн-дэ * по приказу императора запечатал Ищущий реку военачальник». Глаза у черепахи были темно-синего цвета, на панцире зеленая шерсть длиной более цуня.

Люди, увидев ее, доложили чиновнику. Поняв, что это древняя редкость, чиновник велел отпустить черепаху. В ту же ночь налетела буря, река пробила себе дорогу на тридцать с чем-то чжанов.

[573. Пять анекдотов о вещих снах и сбывшихся предсказаниях по поводу сдачи государственных экзаменов.
574. Старик, проживший сто сорок лет, женится в столетнем возрасте на молодой девушке, которая рожает ему сына, ставшего впоследствии чиновником.
575. Случаи, когда люди ведут себя хуже, чем звери.]

(576.) СНИТСЯ ТЫКВА-ГОРЛЯНКА

Сюцаю Инь Тин-и, когда он еще не получил ученой степени, каждый раз перед экзаменами снился дух, державший в руках две тыквы-горлянки. В списках выдержавших экзамены фамилии Иня не было, он терял надежду, а сон продолжал ему сниться, только с каждым разом тыква становилась все больше.

Вечером накануне экзаменов в год *цзя-чэнь* правления под девизом Юн-чжэн ** Инь, боясь, что ему снова приснится этот сон, ждал утра, сидя, чтобы не уснуть. Маленький его слуга только улегся, как сразу начал громко кричать, что ему приснилась тыква-горлянка величиной с хозяина.

---

* 1507 г.
** 1724 г.

Инь был раздосадован недобрым предзнаменованием, но сделать ничего не мог.

Когда же опубликовали списки, то Инь оказался тридцать вторым среди выдержавших. Фамилия тридцатого в списке была Ху, фамилия тридцать первого — Лу[1]. Оба они были совсем еще мальчиками. Тогда Инь понял, что сначала ему снились маленькие тыквы, потому что те двое экзаменующихся еще не подросли.

[577. Дух, вызванный гадателем, предсказывает экзаменующемуся тему сочинения, но тот не понимает сказанного.

578. Дух предсказывает будущее чиновнику.

579. Ловкие мошеннические проделки.

580. Человек наказывает мошенника.

581. Брату Юань Мэя снится, что он читает рассказ о женщине-оборотне.]

(582.) СНОШЕНИЯ СУПРУГОВ

Ли Ган-чжу проповедовал искренность и честность. У него был дневник, в который он непременно записывал все, что с ним происходило.

Каждый раз, когда он имел сношения с женой, то обязательно уставным почерком *кайшу* фиксировал месяц и день, со старой женой [записал] один раз.

[583. Анекдот о сердитом начальнике, заподозрившем больного чиновника в непочтительности и оштрафовавшем его за кашель.]

(584.) БУДДА КЛАНЯЕТСЯ В ОТВЕТ

Моя бабушка госпожа Чай как-то рассказывала мне, что ее бабка со стороны матери, госпожа Ян, дожила до старости, не имея сына, жила у своей дочери — госпожи Хун и умерла в возрасте девяноста семи лет.

Жила она в верхнем помещении, усердно поклонялась Будде, читая вслух сутры. В течение тридцати лет она не спускалась вниз. Характер у нее был мягкий и добрый. Если она слышала, как внизу бьют палками раба или служанку, то начинала маяться у себя в комнате и не могла есть. Когда раб или служанка поднимались к ней наверх, она непременно делила с ними еду.

После того как ей исполнилось девяносто лет, когда она кланялась Будде, изображение Будды поднималось и кланялось ей в ответ. Это ее очень пугало. И она часто просила,

чтобы моя бабушка, которая тогда была совсем маленькой, приходила составить ей компанию.

— Когда ты здесь,— говорила она,— Будда мне не отвечает.

За три дня до смерти она попросила таз, чтобы помыть ноги. Служанка принесла ей деревянный таз, которым та всегда пользовалась, но она сказала:

— Не годится! Там, куда я ухожу, ноги будут ступать по лотосам. Принеси мне бронзовый таз для мытья лица.

Когда таз принесли, разнесся аромат сандалового дерева, заполнивший всю комнату.

Умерла она сидя на постели и поджав под себя крестообразно ноги. После ее смерти аромат не рассеивался в течение трех суток.

(585.) СИАМЦЫ ЖЕНЯТСЯ НА ОСЛИЦАХ

Нравы у сиамцев очень распущенные. Когда мальчику исполняется четырнадцать или пятнадцать лет, родители заставляют его взять в жены ослицу и вступить с нею в брачные отношения. Ночью, когда он спит, они привязывают ослицу к его постели и случают их. Тогда он будет необычайно крепким как мужчина. Так продолжается три года, после чего он получает настоящую жену. А ослица живет в его доме всю жизнь на правах второй жены.

За того, кто не был женат на ослице, не согласится выйти замуж ни одна девушка.

[586. Анекдот о том, как карлику, который не хотел пить лекарство, влили это лекарство в задний проход.

587. Лев рвет когтями дерево, из которого течет кровь и выползает змея; лев убивает ее.

588. Человек, презираемый братом за глупость, по приглашению даоса поднимается на гору Тяньшань. Ему кажется, что он отсутствовал полдня, но на самом деле его не было дома несколько лет. Вернувшись, он по-прежнему не умеет читать, но разбирается в самых сложных вопросах.

589. Заметка о гермафродитах.]

(590.) УСЫ ДЛИНОЙ В ЧЖАН

Хуан Лун-мэй был уроженцем уезда Чжэньцзэ, он инспектировал знаменные войска в Жэхэ. Усы у него был длиной в чжан, он дважды оборачивал их вокруг поясницы, а концы достигали земли.

(591.) КОЛДУНЬИ

В Яйчжоу, что в провинции Гуандун, половина населения относится к народности ли; существует разделение на ли-варваров и ли-цивилизованных. Ли-варвары живут на горе Учжишань и не приемлют культуру совершенномудрых правителей. Ли-цивилизованные с почтением относятся к властям и, когда приезжают чиновники, ползают перед ними на коленях. Среди женщин народности ли есть колдуньи, которые заклятиями могут доводить людей до смерти. Для колдовства они берут волосы из бороды того, на кого накладывается заклятие, или же выплюнутый им кусочек бетеля, который кладут в бамбуковый ящичек.

Ночью [колдунья] голая ложится лицом вверх на вершину горы и при звездах и луне произносит заклятия. На седьмой день человек умирает. На его теле не бывает никаких повреждений, но оно становится мягким, как вата.

Однако околдовывать они могут только людей народности ли, а китайцам причинить вред не могут. Если тот, кому [колдунья] причинила вред, схватит ее и отведет к судье, то обязательно надо веревку (которую накидывают ей на шею, чтобы тащить ее за собой) сначала пропустить через длинную бамбуковую трубку, иначе она может приблизиться к нему и околдовать.

Колдуньи эти говорят, что если по истечении недели колдовство их не подействовало, то они сами непременно умирают.

Среди колдуний есть и молодые, не достигшие возраста, когда начинают закалывать прическу [1], но уже могущие применять это искусство, которое передается им от предков.

Их заклятия держатся в глубокой тайне. Если их даже забить до смерти, они не согласятся донести [друг на друга]. Мужчины не владеют искусством заклятий. Оно передается только женщинам.

(592.) РАЗРЕЗАЮТ БАМБУКОВУЮ ПЛАСТИНКУ

Купцы и земледельцы народности ли не имеют письменных контрактов и пользуются бамбуковыми пластинками, на которых ножом вырезают цифру продажной цены. Пластинку разрезают пополам. Покупатель и продавец держат у себя свои половины в качестве свидетельства.

Если по истечении длительного времени совершается перепродажа, то берут половину пластинки у прежнего хозяина,

проверяют, совпадают ли они, и, [предъявив] свидетельство об уплате налога за регистрацию недвижимого имущества, просят чиновника поставить печать на бумагу, которую наклеивают на конец разреза бамбуковой пластинки.

Продовольственный налог, вносимый ими весной и осенью, гораздо выше, чем во внутренних землях.

(593.) ЛЮДИ НАРОДНОСТИ ЛИ «ВХОДЯТ В ДОМ»

Для свадьбы люди народности ли не пользуются паланкинами и лошадьми; в день свадьбы жених, взяв с собой полотнище красной ткани, идет в дом тестя, обертывает невесту [в материю], сажает ее себе на спину и несет к себе домой.

По их обычаям, до того как [семьи] породнились, будущий зять приходит в дом тестя и вступает в связь с его женой. Это называется «войти в дом». Если она может родить сына, то он потом несет ее в свой дом, и все считают это славным делом.

Соседи обмениваются подарками, каждый кладет в пакет из белой бумаги несколько юаней, приносит к воротам жениха и кладет в бамбуковую корзинку. Хозяин выставляет перед воротами несколько больших глиняных кувшинов с вином; в кувшины вставляют несколько бамбуковых трубочек, и каждый приходящий с подарками пьет вино через трубочку. Когда вино выпито, уходят; обрядовая встреча и проводы гостей, поклоны и приветствия — все это у них отсутствует.

Когда я был в управлении Чаочжоу, мне рассказывал об этом яйчжоуский начальник области Чэнь Гуй-сюань.

(594.) МОРСКИЕ ЧУДЕСА

Вода в море сверху соленая, а внизу пресная. Рыбы, живущие в соленой воде, попав в пресную воду, умирают; живущие в пресной воде умирают, попав в соленую. Если варить рисовую кашу на соленой воде, то вода испарится и рис не разваривается, надо варить в пресной воде. Вода такая чистая, что можно смотреть вниз на глубину более чем двадцать чжанов. Цвет воды неодинаковый — синий, красный, черный, желтый. Когда люди мочатся [в море], то морская вода начинает светиться, летят брызги. Рыбы часто взлетают высоко в воздух, как воробьи. Некоторые превращаются в тигров, другие — в оленей.

(595.) ОТКЛИКАЮЩЕЕСЯ РАСТЕНИЕ И СМЕЛЫЙ БАМБУК

На горе Хойчжоушань есть растение, окликнешь его — и листья свертываются, его называют «откликающееся растение».

На горе Лофушань[1] есть «смелый бамбук», он низкий, но очень крепкий. Если его срезать, то из него можно делать палочки для еды; но он не терпит, когда люди шумят или окликают его. Тогда он уходит в землю и его никак не достать.

[596. Огромные ядовитые питоны, от прикосновения которых гибнет все живое.]

(597.) ПОЙМАЛ В СЕТИ ТИГРА

Рыбак с озера Поянху, что в провинции Цзянси, выбрал сети, показавшиеся ему тяжелее обычного. Раскрыл, поглядел, а там полосатый тигр, уже издохший от злости.

[598. Предсказание, сделанное духом-покровителем литературы, которого увидел во сне *сюцай* перед экзаменом, сбывается.

599. Расставшиеся муж и жена соединяются вновь.

600. Предсказание, сделанное гадателем, сбывается.

601. Предсказание, сделанное духом, вызванным гадателем, сбывается.

602. Ученый, присутствующий при сеансе гадания, уличает духа, вызванного гадателем, в незнании исторических фактов. Дух больше не появляется, если на сеансах присутствует этот ученый.]

(603.) ГОСПОДИН-РОЖЕНИЦА

В области Тайпинфу провинции Гуанси женщина народности мяо родила сына; через три дня она уже купалась в реке, а муж ее, держа на руках младенца, сидел в постели. Когда приподнимался, чтобы поесть или попить, то требовал, чтобы жена поддерживала его под руки, ни на мгновение не отлучаясь. Страдал он, как беременная женщина, так что его прозвали Господин-Роженица. Жена же его, наоборот, не испытывала никаких неприятных [ощущений]. Рассказал это Ча Цзянь-тан[1], начальник провинции.

[604. Дух-хранитель города Урумчи просит чиновника восстановить его храм.]

(605.) ЧЕРНЫЙ ТУМАН

Четыре моря, по существу, одно море. Если смотреть с юга — это южное море, если смотреть с севера — это северное

море. И это подтверждается письменными свидетельствами и устными рассказами.

Вот что рассказывал мой друг Янь Дао-фу[1] о монгольском офицере Умитае:

— В годы правления под девизом Юн-чжэн* он участвовал в посольстве в Россию. Услыхав, что северной границей России служит море, захотел побывать там, но чиновники чинили препятствия. Наконец ему удалось получить разрешение. С ним были двадцать иноземцев с компасами и средствами для добывания огня. Они ехали в повозках, обитых войлоком, а сопровождавшие — верхом на верблюдах.

Через шесть-семь дней пути увидели на севере ледяную гору, похожую на городскую стену. Она была такая высокая, что вершина ее достигала неба. Сверкала эта гора таким ослепительным блеском, что смотреть вблизи не было сил. У подножия горы была пещера. Вошли в нее. Спутники Умитая высекали огонь и смотрели на компас. Три дня шли они по этой пещере, пока не дошли до выхода. Выйдя из пещеры, увидели темное, как панцирь черепахи, небо. Черный туман хлестал лица, как мелкие острые камни. Иноземцы так и сказали: «Это черный туман».

Через каждые несколько ли они находили маленькие пещеры, забирались туда и разводили огонь с помощью селитры,— ведь там не росли ни деревья, ни трáвы, и угля там тоже не было. Затем снова пускались в путь. Дней через пять или шесть подошли к двум бронзовым изваяниям. Это были фигуры двух стоящих друг против друга мужчин, высотой в несколько десятков чжанов. Один сидел верхом на черепахе, другой сжимал в руках змею. Перед ними высился бронзовый столб с надписью на непонятном языке.

— Эти статуи воздвигнуты императором Яо[2],— сказали иноземцы.— Говорят, что надпись на столбе гласит: «Врата холода».

И они стали просить Умитая вернуться назад:

— Впереди будет море, но до него не меньше трехсот ли пути. Там не видно ни звезд, ни солнца. Воздух там настолько холодный, что режет кожу и убивает людей. Вода в море черная, как лаковое дерево. По временам воды расступаются, и из них выходят *якши*[3] и диковинные звери, хватающие людей. Уже здесь, где мы находимся, вода не течет и огонь не возгорается.

Чтобы проверить это, Умитай поднес зажженный факел к

* 1723—1735 гг.

своей меховой шубе, она действительно не загорелась. Поэтому они сделали длительный привал и пустились в обратный путь.

Прибыв в город, устроили проверку. Из пятидесяти сопровождавших двадцать человек умерло от холода. Лицо у Умитая стало черное, словно лакированное, и только через полгода стало нормального цвета. А у некоторых его спутников лица всю жизнь так и не побелели.

[606. Заметка об Индии, основанная на данных буддийских сутр.

607. Человек, который в одном из своих прошлых рождений был древним знатоком лошадей.]

(608.) ДУХ ДЕРЕВА В ФУЦЗЯНЬСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Когда академик Цзи Сяо-лань[1] был инспектором училищ в провинции Фуцзянь, у западного кабинета в помещении для экзаменов рос кипарис, устремленный в небо и заслонявший солнечный свет. Как-то глубокой ночью приятель [Цзи Сяоланя] увидел расхаживавшего под этим деревом человека в парадной одежде, принятой при нынешней династии, только халат у него был красного цвета.

Подумав, что это злой дух дерева, Цзи Сяо-лань подмел помещение и поставил табличку, чтобы принести жертвы; кроме того, он написал парные строки и повесил их между столбами:

Всегда, когда небо становится черным,
Некий господин в красном кивает головой.

С тех пор чудеса прекратились.

[609. В заброшенной комнате постоялого двора сановник находит своего сына и надпись, предсказывающую ему успех. Внезапно обрушивается стена, надпись исчезает. Узнав об этом, юноша умирает.]

ЦЗЮАНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

[610. Рассказ об утесе Тысячи Будд (точное повторение рассказа № 425).

611. Монах, которого прогнал хозяин дома, насылает землетрясение и наводнение, от которых гибнет несколько десятков тысяч людей.

612. Чиновник во сне узнает, что в прошлом рождении он был духом лотоса.

613. Покойная жена возрождается в теле новой жены, говорит ее устами, следит за хозяйством и заботится о новорожденном сыне мужа.]

(614.) БЕСЫ ЗАВЛАДЕВАЮТ ПАМПУШКАМИ

Гэ Вэнь-линь рассказывал, что на горе Дунтиншань много голодных бесов. Дома у него испекли корзину пампушек, только сняли с жару, как увидели, что верхние пампушки с шорохом зашевелились и начали уменьшаться. Большие, размером с пиалу, стали маленькими, как грецкие орехи. А когда попробовали, то вкус у них был как у пресных клецок, весь аромат исчез. Вначале никак не могли понять, в чем дело, но один старик сказал:

— Пампушками завладели голодные бесы. Когда кладете пампушки в корзину, помечайте красными точками, бесы тогда не смогут ими завладеть.

Сделали так, как сказал старик, но уменьшившиеся пампушки так и остались маленькими: не мог же один человек, помечавший кистью пампушки, одолеть целую толпу бесов.

[615. Духи двух безвинно казненных людей приходят жаловаться. В прошлом своем рождении чиновник был убит разбойниками, но обвинены были в его убийстве эти двое.

616. Дух-покровитель местности во сне является человеку и просит поставить в храме рядом с ним изображения двух его друзей, которые помогут ему регулировать реки и справляться с засухой в этом обширном районе.]

(617.) «ЛЕТАЮЩИЕ МОНАХИНИ»

В год *моу-сюй* * воды реки Хуанхэ прорвали плотину. Каждый раз, когда ведающие рекой чиновники считали, что плотина восстановлена, над поверхностью реки появлялась стая зеленых гусей, которые проносились над водой, и в ту же ночь плотина непременно обрушивалась снова. Когда в них стреляли дробью, они разлетались врассыпную, но затем снова слетались.

Даже старые, опытные речники не знали, что это за гуси. Но в «Мелких заметках у Коричного моря» я обнаружил запись: «В предшествующую династию Мин во время мятежа Хуан Сяо-яна[1] зеленые гуси причиняли вред людям. Знающие люди говорили:

„Их называют летающими монахинями. Это — водяная нечисть. Если принести им в жертву черную собаку и бросить

* 1778 г.

сотканные из пятицветных нитей ленты, то они сами улетят". Сделали так — оказалось верно».

[618. Бог грома спасает трех верных сановников от несправедливого гнева государя.

619. Чудеса, происходящие на могиле древнего героя.]

(620.) СЛЕДЫ НОГ ПАНЬГУ[1]

На западе есть Цейлонская гора, такая высокая, что достигает облаков. На вершине ее видны следы ног огромного человека, они входят в камни на глубину два чи, а длина их восемь чи. Говорят, что это — следы ног государя древности Паньгу, оставленные им во время сотворения мира.

Большинство жителей Цейлона ходят голыми. У тех же, кто надевает платье, кожа и мясо обязательно начинают гнить.

(621.) ЖЕМЧУЖИНА ВЕСОМ В СЕМЬ ЛЯНОВ

В пятнадцатый год правления под девизом Юн-лэ * династии Мин страна Сулу[1] прислала в дань большую жемчужину, весившую семь лянов с лишним.

(622.) ЖЕЛЧНЫЙ ПУЗЫРЬ КЛАДУТ В ВИНО

Государь страны Чжаньчэнго[1] клал желчный пузырь живого человека в вино и вместе с членами своей семьи пил это вино и мылся им, говоря, что все тело благодаря этому пропитывается желчью[2]. По его приказу люди сидели в засаде и набрасывались на ничего не подозревавших прохожих, убивали их и вырезали желчный пузырь. Если человек успевал почувствовать страх, его желчный пузырь лопался, и пользы от него не было.

Всю желчь сливали в один сосуд, а поверх непременно помещали желчь китайцев.

Государь правил страной тридцать лет, а затем покинул трон и ушел в горы, оставив вместо себя своих племянников. Сам же стал соблюдать пост, принял постриг и сказал, обратясь к небу:

— За то, что я правил страной, не следуя Истинному Пути, хочу, чтобы тигры и волки сожрали меня, пусть я умру от тяжелой болезни!

---

* 1417 г.

Прожив еще год без всяких недомоганий, он вернулся на престол.

[623. У казненного мятежника оказывается огромная печень.]

(624.) ДУХ ОЗЕРА ОХРАНЯЕТ ТРУП

Во времена династии Мин ученый Хэ Фэн-шэн [1], находясь в городе Учан, притеснениями со стороны Чжан Сянь-чжуна [2] был доведен до того, что утопился в озере Дуньцзыху.

С начала лета до осени дух озера стал являться во сне одному из местных жителей. «По приказу Шан-ди [3],— говорил дух,— я охраняю труп министра Хэ от повреждений. Ты можешь выловить его из воды и посмотреть. Узнаешь его по родинке на левой руке».

Этот человек был очень удивлен; он стал ждать у озера и, когда труп всплыл, положил его в гроб и захоронил. Хотя труп пробыл в воде 170 дней, вид у него был, как у живого.

(625.) ТРУП ОБХВАТИЛ ВЭЙ-ТО

Некий Ли Цзю из Сучжоу зарабатывал на жизнь, торгуя вразнос тканями. Как-то поздним вечером он проходил мимо горы Хошань. Постоялый двор был переполнен, и ему пришлось заночевать в буддийском храме. В одиннадцать часов ночи он уже крепко спал, и ему приснился дух Вэй-то [1], который ударил его по спине и сказал: «Вставай скорее, вставай скорее! Надвигается большая опасность! Если спрячешься за моей спиной, я смогу спасти тебя».

Ли в испуге проснулся, вскочил на ноги и увидел, что стоявший за его лежанкой гроб трещит. Из гроба вышел труп, весь покрытый белыми волосами, словно на нем была одежда из шкурок серебристых крыс, вывернутая наизнанку. Лицо его тоже заросло волосами, черные глаза глубоко ввалились, а зеленые зрачки испускали лучи света. Труп пошел прямо на Ли. Тот кинулся к нише с изображением Будды и спрятался за спиной Вэй-то.

Труп обеими руками обхватил изображение Вэй-то и вонзил в него зубы с такой силой, что послышался треск.

Ли громко закричал, монахи повскакали с постелей и прибежали с дубинками и факелами. Труп кинулся обратно в гроб, крышка закрылась, как прежде. На следующий день пошли посмотреть, какие повреждения нанес труп изображению Вэй-то. Дубинка, которую держал Вэй-то, разломилась

на три части, что показало, как велики были сила и ярость трупа.

Монахи сообщили о том, что случилось, властям, гроб сожгли. Ли, полный благодарности за милость, оказанную ему Вэй-то, установил его позолоченное изображение.

[626. Заметка о том, что богатые бесы (т. е. духи мертвых, которым приносят достаточное количество жертв) не трогают людей; вредят людям голодные бесы.

627. Бог грома огненным мечом убивает двух слуг по неизвестной причине.]

(628.) ХРУСТАЛЬНЫЙ *ЦЗЮЙЖЭНЬ*

Цзи, *цзюйжэнь* из Гуандуна, в детстве случайно попал в брюхо змеи. Там было так темно, что он ничего не видел и лишь чувствовал запах гнили. Он стал стучать в стенки [ее желудка], но они были такими скользкими, что он не мог приблизиться к ним. К счастью, на боку у него висел маленький ножик, которым он пробуравил стенку, так что забрезжил свет. Тогда Цзи проделал отверстие, из которого смог выбраться наружу. Так как он лежал на дороге, то соседи увидели его и отнесли на руках домой. В этот день в дальней деревне, находившейся более чем в тридцати ли от его дома, издохла большая змея.

Так как Цзи надышался ядовитым запахом змеи, то кожа на всем его теле слезла и, словно через хрусталь, видны были его желудок и кишки, даже когда он стал взрослым.

Люди, сдававшие вместе с ним экзамен на степень *цзюйжэня*, видели это и прозвали его Хрустальный *Цзюйжэнь*.

(629.) МОРСКОЙ БЕС МЕНЯЕТ ЖИЛЬЕ

Некий Ван жил в местечке Дунъюань за городской стеной города Ханчжоу. Много места там занимали рыбьи садки, тянувшиеся непрерывно с востока на запад; их разделяло естественное возвышение. Как-то летом в полдень Ван стоял на этом холме, наслаждаясь прохладой, и увидел вдруг, как на восточном озере вздулся пузырь шириной в чи с лишним, вырвался наружу, как фонтан, и с шумом стал приближаться к холму. Появился черный пар, переместившийся из восточного озера в западное, а в ноздри Вана ударил запах козла.

Ван спросил у соседей, и те сказали:

— Это морской бес меняет жилье.

[630. Дух покойной жены мстит мужу, который, нарушив данное ей слово, женился снова.]

(631.) ЧЕТЫРЕ МАЛЕНЬКИЕ ЧЕРЕПАХИ НЕСУТ БОЛЬШУЮ

В городе Хэнтанчжэне, что в области Ханчжоу, есть кумирня Гуцзинъань; старый монах, возжигавший там курения и занимавшийся самосозерцанием, увидел как-то в задней пристройке четырех маленьких черепах, которые несли большую черепаху. Пройдя по тропке чи с небольшим, они пошли вдоль стены, остановились у перил, покружились там и пошли дальше, не останавливаясь.

Старый монах дочитал вслух сутру, и черепахи притаились.

Прошло несколько лет; монах жил в полной тишине, и черепахи больше не появлялись. Было это в годы правления под девизом Юн-чжэн *.

[632. Дух покойного ученика спасает тяжело заболевшего учителя.

633. Человек во сне слышит голос духа, который учит его понятию «преданность».

634. Пыльный дождь на дороге, мешающий двигаться повозкам и предвещающий появление бесов.

635. Заметка о способе гадания с вызовом духа в провинции Гуандун.

636. Сын ученого, оскорбившего духа-хранителя города, внезапно умирает. Изображение духа-хранителя принимает вид умершего юноши.

637. Чиновнику снится, что к нему явился голый дух-хранитель города, просящий одежду. Оказывается, вор украл драгоценную одежду духа из храма, где стояло его изображение.]

(638.) МОРСКОЕ ЧУДИЩЕ ДУЕТ

Чэн Чжи-чжун, уроженец Ханчжоу, как-то плыл на джонке из Чаочжоу мимо уезда Хуанган; на полпути неожиданно поднялся сильный ветер, появился черный туман, в котором был виден человек, как будто весь покрытый черным лаком, только глаза и губы у него были белые, как мука. Человек этот уселся на носу джонки и стал дуть на находившихся в ней людей. Из тринадцати человек, бывших там, почти у всех лица стали черными, как у него, только у троих цвет лица не изменился.

Через несколько минут туман рассеялся и [черный] чело-

* 1723—1735 гг.

век исчез. Джонка шла по бушующим волнам и перевернулась. Погибло десять человек — все, у кого лица почернели; только те трое, что не почернели, спаслись.

[639. Предсказание, сделанное бесом, сбывается.

640. Дух целомудренной девушки, покончившей с собой из-за совершенного над ней насилия, жалуется чиновнику на обиду.

641. Мудрый начальник области становится духом-хранителем местности.

642. Заметка, объясняющая, почему Чжоу Цан в храме Дунтай изображен босоногим.

643. Чжан Фэй является во сне чиновнику, ведающему строительством плотины, и дает ему советы.

644. Дух спасает слугу: духи помогают не только знатным людям.]

(645.) НЕ ТОЛЬКО МУДРЕЦЫ МОГУТ СТАТЬ ДУХАМИ

Сюцай Ли Хай-чжун ехал на экзамены в столицу. В Сучжоу он взял джонку, а когда доехал до Хуайаня, перед джонкой появился его бывший сосед, некий Ван, попросивший Ли взять его с собой в столицу. Ли согласился.

Вечером Ван спросил с улыбкой:

— Вы смелый или нет?

Ли удивился, немного подумал и ответил:

— Смелый.

— Я боялся вас испугать,— сказал Ван,— потому и спросил. Раз вы смелый человек, я буду с вами откровенен. Дело в том, что я не человек, а бес. Мы расстались с вами шесть лет тому назад. В прошлом году, когда был неурожай, голод и холод довели меня до того, что я разрыл могилу и украл захороненные в ней вещи. Меня поймали, судили и казнили. Теперь я бес, но по-прежнему страдаю от голода и холода. Мне нужно попасть в столицу, чтобы получить там долг с одного человека. Поэтому я и попросил вас взять меня с собой.

— А с кого вы хотите получить долг? — спросил Ли.

— С некоего Вана,— ответил бес.— Он служил в палате наказаний и обещал мне, что, когда мое дело попадет к нему, он смягчит приговор, за это я должен был дать ему пятьсот золотых. Деньги я отдал сполна, но он не сдержал своего обещания, и меня казнили. Поэтому я хочу покарать его.

Ли испугался: этот Ван был его родственником.

— Ваше преступление заслуживало казни,— сказал он бесу,— и наказание было справедливым. Но Ван не должен

был брать у вас деньги. Я отвезу вас к нему, объясню ему его вину перед вами и заставлю вернуть деньги. Тогда вы сможете отказаться от мести. Но вы уже мертвы, зачем же вам деньги?

— Мне деньги не нужны,— ответил бес,— но моя жена и дети живы, они по-прежнему живут по соседству с вами. Если я получу с него долг, то вы сможете передать им эти деньги.

Ли обещал. Прошло несколько дней. Когда они достигли столицы, бес попросил Ли пустить его первым к Вану.

— Я хочу раньше попасть в дом вашего родственника, чтобы напустить на него наваждение. Он наверняка согласится на ваше требование отдать мне деньги, если поймет, что находится в моей власти. В противном же случае он вас и слушать не станет — ведь это очень жадный человек.

Сказав это, бес исчез.

Ли нашел себе жилье в столице, а через три дня отправился к Вану. Там он узнал, что Ван одержим бесом. Домашние приглашали к нему заклинателей бесов, гадателей, но все без толку.

Когда Ли подходил к воротам, больной закричал:

— Звезда твоего спасения явилась!

Домашние бросились навстречу Ли и наперебой стали его расспрашивать. Ли рассказал им все. Жена больного предложила сжечь бумажные деньги на сумму несколько десятков тысяч грошей, чтобы возместить долг. Но больной захохотал:

— Взял настоящие деньги,— кричал он,— а возвращать хочешь фальшивыми! Вот так выгодная сделка! Сейчас же отдай господину Ли пятьсот золотых, тогда отпущу тебя!

Сделали, как велел бес, и здоровье Вана сразу пошло на поправку.

Через несколько дней бес пришел к Ли и стал уговаривать его ехать домой и взять его с собой. Ли не соглашался:

— Я ведь еще не сдавал экзаменов.

— А вы и не сдадите. Так что незачем и пробовать.

Ли не стал его слушать.

Экзамены кончились. Бес снова стал уговаривать Ли ехать домой.

— Я хочу дождаться опубликования списка выдержавших экзамены,— сказал Ли.

— Вы не выдержали экзамен, так что списка ждать незачем,— возразил бес.

Когда список опубликовали, имени Ли в нем не было.

Бес снова пришел к Ли.

— Ну, теперь-то вы можете возвращаться?— спросил он с усмешкой.

Ли было неловко, что он зря задерживал беса, и он сразу же собрался в обратный путь.

Пока плыли на джонке, бес каждый раз обнюхивал еду и питье, но сам ничего не ел. Горячие блюда, после того как он их обнюхивал, сразу же становились холодными, как лед.

Когда доехали до Суцяня, бес сказал:

— Тут в деревне ставят пьесу, может, пойдем посмотрим?

Пошли. Представление еще не окончилось, как бес вдруг исчез. Слышно было, как катятся камни и сыплется песок. Ли вернулся на джонку и стал ждать беса. Уже стемнело, когда тот наконец явился. На нем была парадная одежда.

— Я не поеду домой,— заявил он,— я буду здесь местным богом войны.

— Да как же вы можете быть богом войны?— с удивлением спросил Ли.

— Все эти богини милосердия и боги войны,— ответил бес,— выдающие себя за бессмертных, на самом деле простые духи. Пьеса, которую мы с вами смотрели в деревне, давалась по желанию местного бога войны, а он куда больший преступник, чем я. Охваченный гневом, я решил сразиться с ним и прогнать его. Разве вы не слышали, как летел песок и катились камни?

Сказав это, бес поблагодарил Ли, поклонился и исчез.

Приехав домой, Ли отдал пятьсот золотых жене и детям беса.

[646. Предсказание духа, вызванного гадателем, сбывается.

647. Дух покончившей с собой женщины жалуется на виновников ее смерти.]

(648.) СТАРШИЙ БРАТ ДИН

В годы правления под девизом Кан-си* янчжоуский житель Юй-эр, занимавшийся земледелием, отправился в город, чтобы получить деньги за проданное зерно. Хозяин лавки

* 1662—1722 гг.

оставил его выпить, и Юй-эр пустился в обратный путь поздно, когда уже совсем стемнело.

Когда Юй-эр дошел до моста Хунцяо, несколько десятков маленьких человечков стали тянуть его в разные стороны. Юй-эр знал издавна, что в этом месте водится много бесов, но человек он был смелый, да и выпитое вино придало ему храбрости, так что он бросился на них с кулаками и разогнал всех. Вскоре бесы снова собрались толпой, и так повторялось несколько раз.

Юй-эр услышал, как бесы говорят:

— Этот человек злой и сильный, нам с ним не справиться! Надо обязательно позвать старшего брата Дина, тогда уж сумеем его обуздать!

Бесы зашумели и исчезли.

Юй-эр стал думать, что же это за злой бес, этот старший брат Дин, но так как он уже добрался до этого места, то ему оставалось лишь идти вперед. Когда он проходил через мост, то увидел беса ростом более чжана, который бродил в темноте. Лицо у него было синевато-лилового цвета, такое свирепое, что наводило ужас. Юй-эр подумал, что в честной схватке он потерпит поражение, воспользовался тем, что бес еще не дошел до него, снял с пояса мешочек с двумя тысячами монет, размахнулся и изо всех сил хватил беса по лицу. Бес упал, ударился о камни, при этом послышался звук, похожий на звон металла. Юй-эр начал топтать беса ногами, и тот стал постепенно уменьшаться, пока не сделался совсем маленьким, но довольно тяжелым.

Юй-эр притащил его домой и при свете лампы увидел, что это большой железный гвоздь, какие вбивали в старые гробы. Длиной он был в два чи, а толщиной с большой палец. Юй сунул его в огонь, чтобы расплавить, и из гвоздя потекла кровь.

Юй-эр позвал друзей и, смеясь, сказал им:

— Сила старшего брата Дина уступает силе Второго брата Юя[1]!

[649. Дух покойницы разыскивает своего старого обидчика; тот умирает, узнав об этом.

650. Человек, оскорбивший изображение Будды, гибнет вместе со своим сыном.

651. Человек, бросивший комок земли в птицу, заболевает. Во сне он узнает, что птица была волшебная, просит у нее прощения и выздоравливает.

652. Человек побывал в Царстве мертвых, чтобы убедить Яньло-

вана, что его жена, умершая скоропостижно, ни в чем не повинна. Его изгоняют из Царства мертвых.

653. Лис-оборотень, знающий принцип справедливости, убивает своего внука, оскорбившего человека, который оказал им гостеприимство.]

ЦЗЮАНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

[654. Речной государь велит плотнику, упавшему в реку, построить беседку; наградив его золотом, отпускает домой.

655. Надпись, которую сделал на своем кабинете чиновник, предсказывает имя будущего владельца этого кабинета.]

(656.) УДИВИТЕЛЬНОЕ ДЕРЕВО В ЧУСЮНЕ

Уроженец Эцзячжоу, что в области Чусюн, переехал в другое место. Там росло вечнозеленое дерево, корни которого извивались на протяжении десяти ли. Если смотреть издали, то казалось, что это несколько десятков деревьев. Между ними можно было разместить кресла, столы, кровати, лежанки, кухню. Там могло поселиться больше десятка семейств. Жаль только, что листва у этого дерева была редкой и под ним нельзя было укрыться от ветра и дождя. Корни дерева выворачивали землю и выступали из нее, словно подпорки.

[657. Странная мемориальная доска, из которой по временам бьет струя желтой воды.

658. Удивительные камни, которые можно сдвинуть с места, только улегшись на один из них.]

(659.) БЕЗГОЛОВЫЕ КАМЕННЫЕ ЛЮДИ В ХРАМЕ ВАСЕМЯО

Подле озера Тайху есть храм Васемяо. Храм этот не очень велик; в нем стоит более двадцати каменных изваяний людей, головы у них отрублены и лежат на полу, а некоторые [фигуры] держат голову в руках.

Рассказывают, что, когда Чжан Ши-чэн[1] был осажден, ночью появился каменный генерал, приведший с собой отряд солдат, которые отчаянно сражались. После того как город был сдан, головы у каменных людей в храме попáдали на землю.

Рассказывают также, что в конце правления династии Мин каменные люди по ночам околдовывали местных жителей. Поэтому крестьяне железными лопатами отбили им головы.

(660.) ТРИНАДЦАТЬ КОШЕК ГИБНУТ ВО ИМЯ ДОЛГА В ОДИН И ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

У отца некоего провинциального цензора Вана из Цзяннина была старая жена, которой было уже за семьдесят лет. Она держала тринадцать кошек и любила их, как родных детей. У каждой кошки было свое имя, на которое она откликалась.

В год *цзи-ю* правления под девизом Цянь-лун * старая госпожа умерла. Все тринадцать кошек окружили ее гроб и жалобно мяукали. Им предлагали отборную рыбу, но они лили слезы и ничего не ели. Проголодав так три дня, все они умерли.

[661. Труп женщины дует на не боящегося ее человека; он отклоняет голову, чтобы избежать ее леденящего дыхания, и с тех пор у него искривлена шея.

662. Нищий показывает дрессированных лягушек и муравьев.]

(663.) ДЕРЕВЯННАЯ СОБАКА, УМЕЮЩАЯ ЛАЯТЬ

Достопочтенный Шэ Вэнь-линь рассказывал, что, будучи в столице, он зашел в дом некоего сановника из уголовной палаты. Только он постучал в дверь, как с громким лаем выбежала свирепая собака с львиной шерстью. Вид был у нее такой, словно она сейчас загрызет Шэ. Он очень испугался. Вышедший вслед за собакой хозяин дома позвал собаку, и она тотчас же улеглась неподвижно.

Хозяин взглянул на гостя и стал хохотать, да так, что не мог остановиться. Шэ спросил его, почему он смеется. Хозяин ответил:

— Это деревянная собака. Снаружи на нее наклеили львиную шерсть, а внутри поставили пружину, так что она может бегать и лаять.

Шэ не поверил. Тогда хозяин вынес петуха с желтыми перьями и красным гребешком, который вытягивал шею и кукарекал. Шэ раздвинул перья, поглядел — петух тоже был деревянный.

(664.) БРОНЗОВЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ РАЗЫГРЫВАЮТ СЦЕНЫ ИЗ «ЗАПАДНОГО ФЛИГЕЛЯ» [1]

В двадцать девятом году правления под девизом Цянлун ** люди Западного океана прислали в дань [2] восемнадцать

* 1789 г.
** 1764 г.

бронзовых актеров, которые могли представлять одну часть «Западного флигеля». Фигурки были высотой в чи с лишним. Тело, уши, глаза, руки и ноги были сделаны из бронзы; сердце, желудок, почки и кишки соединялись с помощью механизма, работающего подобно часам, которые бьют сами. Для каждого акта пьесы нужно было вставлять ключ, чтобы открывать замок. Когда, открывая замок, нарушали установленные правила, возникала путаница и те, кому надо было сидеть, лежали, а те, кому надо было ходить, сидели. Студент Чжан, Ин-ин, Хун-нян, Хой-лин и Фа-цзун[3] — все могли сами ходить, открывать ящик с одеждой, одеваться. Они ходили, встречались, кланялись, приближались и отступали, как живые. Только петь они не могли. Когда акт кончался, они сами снимали с себя одежду и укладывались в ящик. Перед выступлением на сцене они сами поднимались и выходили на сцену.

Вот чего достигло искусство жителей Западного океана[4].

[665. Чиновнику, который хотел разрушить храм, воздвигнутый в честь двух любивших друг друга юношей, убитых разбойником, во сне являются души этих юношей и угрозами заставляют его отказаться от своего намерения.

666. Странные истории, когда мужчины выдавали себя за женщин и сожительствовали с мужчинами.

667. Вещий сон студента, из которого он узнает, что родственник Юань Мэя выдержал экзамен на степень *сюцая*.]

(668.) ХУ ПЭН-НАНЬ

Когда достопочтенный Ху Пэн-нань производил инспекцию во Внутреннем городе [в Пекине], он узнал, что его старшая сестра заболела, и отправился проведать ее.

Сестра уже впала в забытье, но, услыхав, что пришел Ху, приподнялась на постели и сказала:

— То, что брат пришел проведать меня,— прекрасно, но брат должен немедленно вернуться к себе домой!

Ху отказался уйти, тогда она подняла руку и оттолкнула его. Домашние не могли понять, в чем дело. Ху ушел.

Сестра его сказала домашним:

— Как только я умерла, конвойный повел меня к духу-хранителю местности, а по дороге нам повстречалось войско. Слуги сказали: «Старый дух-хранитель города переведен с повышением на другую должность, новый дух-хранитель прибывает на должность. Препроводи пока подсудимую назад».

[Мой провожатый] спросил: «А кто новый дух-хранитель?» «Столичный цензор Ху Пэн-нань»,— ответил тот.

Я в испуге очнулась и вдруг увидела Пэн-наня, сидящего у моей постели. Поэтому-то я так настойчиво отсылала его домой. Пойдите к нему и посмотрите, что с ним.

Сделали, как она сказала.

Ху уже умылся, надел парадное платье. Он скоропостижно скончался, ничем не болея. Ху был тогда главным экзаменатором на столичных экзаменах.

[669. Дракон поднимает бурю.

670. Женщина обливает мочой бога грома; тот после этого долго не может летать.

671. Предсказание, увиденное человеком во сне, сбывается.]

(672.) БЕС ПРОСИТ ПОКАЗАТЬ ЕМУ ДОРОГУ

Когда *цзюйжэнь* Дэ Лин-ань был начальником Тайцанчжоу, его сослуживец, уроженец Чжэцзяна, заразился какой-то болезнью.

Однажды вечером он стал громко кричать:

— Вернусь ли? Вернусь ли? Как вернуться?

Судя по произношению, кричал уроженец Шэньси.

— Почему ты не возвращаешься? — спросил Дэ.

— Некому показать мне дорогу,— ответил бес.

— Как же ты здесь умер? — спросил Дэ.

— Я родом из Нинся, фамилия моя Мо, зовут Жун-фэй. Я дальний родственник бывшего начальника области Чжао Ю. За десять тысяч ли привез ему провиант. Чжао отверг меня, не принял подарка, не дал мне ни гроша. Поэтому я умер в этих местах от голода и холода.

— Почему же ты не вселился в тело Чжао? — спросил Дэ.— Разве между тобой и моим другом существует вражда?

— Чжао уже сам стал бесом,— ответил бес.— Если мне не покажут дорогу, то я не смогу покинуть эти места. Вселяться в тело человека из другого района нет смысла, поэтому я и вселился в тело вашего друга в надежде тронуть вас. Если вам жаль друга, то вы непременно покажете мне дорогу.

Услыхав это, достопочтенный Дэ согласился. Пригласил мага, чтобы тот приготовил документ, уведомляющий духов на протяжении всего пути, чтобы они дали возможность душе Мо Жун-фэя вернуться на родину.

А здоровье друга безо всякого лечения пошло на поправку.

[673. Два удивительных монаха, проживших более ста лет и ставших бессмертными.

674. Предсказание духа, вызванного гадателем, сбывается.

675. Обидевшись на грубость крестьянки, ученый забрасывает каменный каток с ее поля на верхушку дерева. Крестьяне, считая, что это сделал дух дерева, начинают приносить ему жертвы.

676. Хозяин красивой наложницы избивает и чуть не кастрирует легкомысленного студента, пытавшегося назначить ей свидание.

677. Мошенническая проделка человека, обманом выманившего женьшень у торговца.]

(678.) УКРАЛ КАРТИНУ

Человек средь бела дня вошел в чужой дом и украл картину. Только он успел свернуть ее и вынести за ворота, как вернулся домой хозяин.

Вор, крепко держа картину в руках, низко поклонился и сказал:

— Это портрет родоначальника нашей ничтожной семьи. Крайняя нужда заставляет просить вас дать мне в обмен за него несколько доу риса.

Хозяин громко рассмеялся над глупостью просителя, а потом замахал на него руками, накричал и прогнал, так и не взглянув на картину.

Когда же он поднялся в зал, то увидел, что висевшая там картина кисти Чжао Цзы-ана [1] пропала.

(679.) УКРАЛИ ТУФЛИ

Человек в новых туфлях шел по рынку. Какой-то мужчина низко поклонился, взял его за руку и начал дружески разговаривать с ним.

— Я вас совсем не знаю,— с удивлением сказал человек в новых туфлях.

— Надел новые туфли, так старых друзей позабыл,— обиделся тот, сорвал с него шапку, забросил ее на крышу и был таков.

Владелец новых туфель решил, что этот человек пьян и валяет дурака. Пока он стоял, раздумывая, что ему делать, к нему подошел какой-то человек и сказал с улыбкой:

— Он безобразно пошутил над вами, верно? Но чего же

вы стоите с непокрытой головой на самом солнцепеке? Почему не полезете на крышу за шапкой?

— Как же я полезу, у меня ведь нет лестницы,— возразил владелец новых туфель.

— Я помогу вам,— сказал человек.— Станьте мне на плечи, тогда дотянетесь и влезете на крышу. Ладно?

Владелец новых туфель поблагодарил его. Человек опустился на колени, чтобы легче было стать ему на плечи, а затем выпрямился.

Когда владелец новых туфель нетерпеливо потянулся к крыше, тот человек неожиданно рассердился:

— Ишь вы какой! Вам своей шапки жалко, а мне жалко своей рубашки. Хоть у вас и новые туфли на ногах, но грязи на них предостаточно. Смотрите, как вы мне перемазали рубашку.

Владелец новых туфель извинился, поспешно снял туфли, отдал их подержать тому человеку и в одних носках влез на крышу. Тот человек убежал с его туфлями, а он достал шапку и не смог слезть с крыши.

Люди, проходившие по рынку, думали, что это два приятеля подшучивают друг над другом, поэтому и не вмешивались. Только когда человек, лишившийся своих новых туфель, стал звать на помощь, нашли лестницу и помогли ему слезть с крыши. Но человека, укравшего туфли, уже и след простыл.

[680. Мошенническая проделка, в результате которой богач остается в дураках.]

(681.) ДВА СЛУЧАЯ РЕВНОСТИ ДУХОВ МЕРТВЫХ

Дочь Чжана, начальника области Чандэ, была обещана в жены сыну некоего Чжоу, но семнадцати лет умерла от тяжелой болезни.

Тогда Чжоу решил женить сына на девушке из семьи Ван, которой тоже было семнадцать лет. Уже заключили брачный договор, но еще не был назначен день свадьбы, как в тело Ван вселился дух [мертвой].

Ван начала бить себя руками по лицу, крича:

— Я Четвертая Сестрица Чжан! Что же вы за люди такие, если осмеливаетесь отнять у меня жениха?

Узнав об этом, сын Чжоу сообщил начальнику области Чжану. Жена Чжана, которая строго вела дом, услышав об этом, пришла в гнев, повесила на стену портрет покойной дочери и стала его ругать:

— Ты должна была выйти замуж за Чжоу, но умерла до вступления в брак. После твоей смерти он решил жениться на другой, что вполне соответствует установленным правилам поведения. Почему же ты причиняешь зло девушке из рода Ван, что это за бесстыдство?

Выбранив портрет, госпожа Чжан стала хлестать его прутом персикового дерева. Не успела она нанести несколько ударов, как прибежал Чжоу просить ее о снисхождении.

Госпожа Чжан спросила его, что случилось, и он ответил:

— Ван говорит, что Четвертая Сестрица Чжан уже покинула ее тело, крича от боли и умоляя сообщить об этом ее матери. Поэтому я и пришел к вам.

Ван поправилась.

Старик Се, живший в переулке Мапосян в [восточной части] Ханчжоу, занимался продажей рыбы. У него было две дочери, обе красавицы.

Был некий ученый Ли, тоже очень красивый юноша. Он увидел одну из сестер Се и влюбился в нее. До этого он был увлечен своей двоюродной сестрой Ван и даже послал к ней человека, чтобы просить ее руки для него. А теперь он отказался от Ван и женился на Се.

Ван заболела чахоткой и умерла.

Не прошло и месяца после того, как Ли женился на Се, и молодая внезапно заболела. С распущенными волосами и безумным видом она кричала:

— Я Ван! Ты, торговка рыбой, как посмела отнять у меня моего *сюцая!* — Взяла со стола ножницы и ударила себя в сердце, закричав при этом: — Отдай свои медовые силки!

Отец и мать Се побежали к *сюцаю* Ли, сожгли бумажные деньги, принесли в жертву, умоляя о спасении дочери, но все напрасно.

Спросили, что такое «медовые силки». [Дух Ван] ответил: «Сердце вашей дочери».

Вскоре Се умерла.

Сюцай Ли снова пришел просить отдать ему в жены ее младшую сестру. Старик Се из осторожности отказал ему. Но младшей дочери Ли очень нравился, и она сказала:

— Я не боюсь бесовки! Если она придет, то я зарежу ее и отомщу за мою сестру!

Старику Се пришлось выдать ее за Ли.

После того как они поженились, дух мертвой больше не приходил.

Младшая Се родила *сюцаю* Ли сына и овдовела.

(682.) БОБЫ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

Во время мятежа Юя Седьмого[1] в Шаньдуне погибло много людей. После усмирения мятежников соевые бобы, выросшие в поле, напоминали лица различных людей: старых, молодых, мужчин, женщин, красивых, уродливых. Уши, глаза, рты, носы — все у них было. А вот от шеи вниз — все было в крови. Люди прозвали их «бобами с человеческими лицами».

(683.) КОЛОДКИ ДЛЯ ПУДРЫ

Жена некоего Фаня из Ханчжоу вышла второй раз замуж, когда ей было уже за пятьдесят, половину зубов она растеряла. Как-то в ее туалетной шкатулке послышался скрип. Она открыла шкатулку, посмотрела — а там лежало два грецких ореха. Не зная, зачем они там, женщина решила, что случайно забыла их.

На следующее утро она пудрилась перед зеркалом; из-за отсутствия половины зубов щеки ее ввалились, пудра не ложилась ровно. Она крикнула служанке:

— Принеси мои колодки для пудры!

Служанка принесла ей орехи. Женщина заложила их за щеки, и пудра легла ровно.

С тех пор жители Ханчжоу в шутку стали называть грецкие орехи колодками для пудры.

[684. Заметка о том, как жители острова Хайнань изготовляют губные гармоники.

685. Дух покойника просит сжечь бумажные деньги, чтобы облегчить ему существование в загробном мире.]

(686.) БЕСЫ СРЕДИ БЕЛОГО ДНЯ

Был вор по фамилии Цзе, очень искусный в своем деле, но он так много наворовал, что стал бояться, как бы люди не напали на его след. Поэтому он поселился в развалившейся хижине вблизи от кладбища. Во сне ему явилось несколько бесов.

— Если ты принесешь нам жертвы как должно,— сказали они,— то сможешь разбогатеть.

Цзе во сне обещал. Проснувшись же, решил, что это глупо, и вскоре вообще забыл о своем обещании.

Бесы снова явились к нему во сне:

— В течение трех дней принеси нам жертвы, иначе среди белого дня мы заберем у тебя то, что ты наворовал ночами.

Цзе вынужден был пообещать, но, проснувшись, не принес жертв.

Через три дня он заболел. Он велел своей жене следить за имуществом, чтобы бесы не смогли выполнить своей угрозы. В полдень того же дня вещи вдруг стали перемещаться, словно кто-то невидимый тащил их.

Цзе хотел вскочить с постели и отнять вещи, но руки и ноги его были словно в оковах. Только когда все вещи исчезли, оковы спали и болезнь его тоже прошла. Цзе все понял и, смеясь, сказал:

— Я «возжигал дурман», чтобы одурачить других людей, а теперь бесы одурачили меня. Это и есть те самые бесы, которых в народе называют «бесы средь бела дня».

С тех пор Цзе изменился и стал жить как честный человек.

[687. Дух невинно казненного человека, явившись во сне к чиновнику, жалуется на несправедливость и просит захоронить его.

688. Громом убивает сына, не заботившегося о старухе матери.

689. Заметка о храме, воздвигнутом в честь мудрого сановника.

690. Духи мертвых помогают человеку, выброшенному наводнением на необитаемый остров, спастись.

691. Лиса-оборотень наказывает человека за скупость.]

(692.) «НОЧНАЯ ЗВЕЗДА»

В столице, когда маленькие дети плачут по ночам, это приписывают «ночным звездам». Был один шаман, который умел ловить их с помощью лука из тутового дерева и стрел из персикового дерева.

В доме некоего помощника начальника ведомства жила наложница его прадеда, которой было уже за девяносто лет. В семье ее называли Старой Тетушкой. Целыми днями сидела она на *кане* [1], не произнося ни слова, не улыбаясь; была крепка, не болела; любила она только кота, с которым никогда не расставалась. У помощника начальника ведомства был грудной сын, еще в пеленках, который не переставая плакал ночи напролет. Отец велел позвать шамана, который ловил «ночные звезды», чтобы тот вылечил ребенка. Шаман пришел с маленьким луком и стрелой, к которой была при-

вязана белая шелковая нить в несколько чжанов длиной, обмотанная вокруг его четвертого пальца.

Шаман тихо сидел до полуночи, а когда лунный свет стал просачиваться в окно, он увидел смутную тень, быстро скользнувшую по оконной бумаге. Похоже, что это была тень женщины ростом в семь-восемь чи, сидящей верхом на лошади и держащей в руке длинное копье. Шаман протянул руку и, прошептав: «Ночная звезда явилась»,— натянул свой лук и выпустил в нее стрелу.

Раздался стон; тень бросила копье и обратилась в бегство. Шаман порвал бумагу в окне, освободил нить, [привязанную к стреле]. Затем во главе толпы он побежал за нитью, которая привела его к задней комнате дома; нить проходила через дверную щель. Люди стали звать Старую Тетушку, но она не откликалась. Тогда они открыли дверь и вошли с зажженными светильниками. Одна служанка воскликнула:

— Стрела попала в Старую Тетушку!

И действительно, окружив старуху, люди увидели, что в ее плече торчит стрела. Старуха стонала, из раны текла кровь, но она [не упала, а] сидела верхом на своем коте. Копье оказалось тоненькой бамбуковой палочкой. Семья убила кота, а Старой Тетушке перестали давать еду и питье, так что она скоро умерла. С тех пор ребенок больше не плакал.

[693. Молодой врач излечивает от тяжелой болезни лису-оборотня, которая становится его женой и умирает, родив ему сына и сделав его богатым.]

(694.) РОДИЛА *ЦИЛИНЯ* [1]

У некоего Чжана, торговца мясом из Уху, жена носила в чреве ребенка четырнадцать месяцев; родила она *цилиня.* Руки у него были круглые, ноги квадратные, спина черная, живот желтый, все тело поросло бирюзовой шерстью, словно вышивкой. На обоих плечах у него был чешуйчатый панцирь, испускавший золотистое сияние. Когда его поставили на землю, он сразу пошел, съел кашу. Распространился слух, что это счастливое предзнаменование, но *цилинь* умер, прожив всего лишь семь дней.

(695.) РОДИЛА *ЯКШУ*

Сюцай Чжэн Жо-ши из Шаосина был женат на женщине из рода Вэй. Она родила *якшу,* у которого все тело было го-

лубого цвета, рот огромный, изогнутый кверху, глаза круглые, нос узкий, как клюв, волосы красные. У него были петушиные шпоры и конские копыта. Когда *якша* вышел из чрева матери, то укусил за палец повивальную бабку.

Сюцай так перепугался, что схватил нож и хотел убить *якшу,* но тот сопротивлялся изо всех сил, пока наконец не умер. Кровь у него была черного цвета. Мать его тоже умерла от страха.

[696. Врач, убивший пациента, неправильно прописав лекарство, умирает от этого же лекарства.

697. Дух покойного сановника мстит виновнику его смерти.

698. Дух покойного просит своего друга забрать его любимого осла у людей, которые с ним плохо обращаются.]

(699.) КУВШИН ВОДЯНОГО ДУХА

За воротами Улиньмэнь[1] у семьи, жившей возле плотины на озере Сиху, был старый слуга. Однажды вечером он нес воду и издали увидал плавающий на поверхности озера кувшин. Подумав, что кувшин пригодится для того, чтобы прятать туда всякие вещи, слуга решил достать его, и вдруг кувшин поплыл прямо к нему. Слуга схватил его рукой, но руку тут же затянуло в горлышко кувшина; горлышко стало суживаться, и слугу потащило в воду. Он стал громко звать на помощь; [прибежавшие на крик] люди спасли его.

[700. Человек, случайно увидевший празднество бесов, умирает.

701. Дух женщины, убитой во время мятежа, часто является людям и жалуется на обиду.

702. Дух убийцы возвращается домой и продолжает отравлять жизнь членам семьи.

703. Громом убивает четырнадцатилетнюю девочку, в тело которой переселился дух разбойника.]

(704.) ПОЦЕЛУИ БЕССМЕРТНОЙ ЛИСЫ

В кумирне Инсянь жила лиса, напускавшая на людей злые чары. В кумирне был старый слуга, некий Ван. Он ненавидел эту лису и постоянно ругал ее. Как-то ночью, когда Ван лежал в постели, при свете лампы он увидел, что к нему приближается женщина. Она обняла Вана и стала целовать. Ван не очень ее отталкивал. Но она вдруг превратилась в мужчину с короткой черной бородой, колючей, как иголки. Ван громко закричал от боли. Лиса засмеялась и ушла

На следующий день губы Вана были усеяны маленькими царапинами, похожими на множество порезов.

[705. Умерший лама рождается вновь в теле семилетнего ребенка. Перед тем как уйти вместе с приехавшими за ним ламами, он обещает плачущим родителям, что через год у них родится другой сын.

706. Предсказание, сделанное человеку во сне, сбывается.]

ЦЗЮАНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[707. В результате мести беса человек попадает в тюрьму по обвинению в убийстве.

708. Бес преследует человека, отказавшегося выполнить его просьбу.

709. Заметка о пустой пещере, в которой, судя по надписи, должны быть золото и серебро.

710. Кошка-оборотень причиняет вред человеку. В ответ на заклинания даоса кошку убивает громом.

711. Благодаря вещему сну сановник решает дело об убийстве женщины и ее маленьких детей.

712. Маленький сын друга Юань Мэя через три дня после смерти отца видит его в одежде монаха, в которого перевоплотился отец.

713. Небесная фея спасает людей, джонка которых перевернулась в море.

714. Бес преследует человека, нечаянно потревожившего его жилье.

715. Дух покойницы говорит устами служанки. Когда его просьбу о перезахоронении выполняют, служанка выздоравливает.

716. Дух покойного мстит человеку, не вернувшему ему долг, наслав на него тяжелую болезнь.

717. Дух мертвого просит захоронить его.

718. Смелый ученый прогоняет надоедавшего ему беса.]

(719.) СЮЙ СУХОРУКИЙ

Некий Сюй из Сяньяна был очень богат. Сначала у него родился один сын. Мальчик был необычайно умным, но в шесть лет умер от камней в печени. Затем родилось трое сыновей, все были очень похожи друг на друга, но и они заболели, как первый.

Сюй был уже стар, и когда умер третий сын, он горько оплакивал его, держа в объятиях труп.

Взяв нож, Сюй вскрыл живот мальчика, вынул из печени камень, затем отрезал у трупа левую руку и сердито воскликнул:

— Не смей больше приходить завлекать меня!

Камень был треугольный и походил на водяной орех. В нем было отверстие, через которое можно было свистеть. Сюй повесил орех на дерево. Ветер и солнце высушили орех. Каждый раз, когда его задевали, разносилась вонь.

Не прошло и года, как у Сюя снова родился сын, очень похожий на умерших мальчиков. У него не было камней в печени, но левая рука была сухая. Он жив и до сих пор. Люди прозвали его Сюй Сухорукий.

(720.) РЫБЬИ ЧУДЕСА

Цао Цюань-шань, уроженец Хойси, отправился на рынок, где купил большую рыбу. Вернувшись домой, он съел половину, а половину положил в кухне. Когда наступил вечер, в кухне вдруг появился свет, такой яркий, что стало светло во всем доме. Цао пошел посмотреть, в чем дело, и увидел, что оставшаяся половина рыбы светится так ярко, что глазам больно. Цао испугался, положил оставшуюся часть рыбы в таз и отнес к реке. В воде свет рассеялся. Поднялись волны, закружились вокруг рыбины и унесли ее с собой.

Когда Цао вернулся домой, оказалось, что дом горит. Только удалось потушить пожар на восточной стороне дома, как он возник на западной. Одежда, вещи, постель — все сгорело, кроме самого строения. Только через трое суток пожар утих. Но человек, евший рыбу, остался невредим.

[721. Дух казненного вора доводит до самоубийства судью, приговорившего его к смертной казни.

722. Даос, который мог общаться с духами и через них знал будущее.]

(723.) ДВЕ ИСТОРИИ О ТОМ, КАК НЕЧИСТЬ ПОДШУЧИВАЕТ НАД ЛЮДЬМИ

Шэнь Цзи-чжун из Ханчжоу был учителем. Однажды ему приснился бородатый человек в золотой шапке, который сказал ему:

— У тебя в заднем садике зарыт кувшин с золотом. Можешь пойти вырыть его.

— Я не знаю, в каком месте,— сказал Шэнь.

— Там есть соломенная веревка, завязанная узлом, на ней висит монета времен Кан-си *, по ней узнаешь место,— ответил тот.

* 1662—1722 гг.

Наутро Шэнь пошел в сад посмотреть. Там действительно оказалась соломенная веревка с привязанной к ней монетой.

Шэнь очень обрадовался, стал копать землю, выкопал яму глубиной более чжана, но так ничего и не нашел. От злости он помешался.

В год *цзя-цзы* правления под девизом Цянь-лун * *сюцай* Фэн Сян-шань увидел во сне духа, который сказал ему:

— В этом году на экзаменах в Цзяннани будет дана тема сочинения: «Когда [играет] музыка, то так, чтобы хотелось танцевать».

На следующий день Фэн подготовил сочинение на эту тему и выучил его наизусть.

Когда наступили экзамены, оказалось, что действительно дана эта тема. Фэн считал, что он обязательно пройдет, но в списке выдержавших его фамилии не оказалось.

Фэн отправился на должность в Гуандун.

Как-то ночью, прогуливаясь в одиночестве, Фэн услышал, как два беса зубрят его сочинение. Один читал вслух, а другой хлопал в ладоши и восклицал:

— Прекрасно! Сочинение первого кандидата!

Фэн удивился и решил, что человек, прошедшей первым на экзаменах, выдал его сочинение за свое. Отказался от службы, поехал в столицу и обратился с жалобой в палату обрядов. Палата отрядила человека в Цзяннань для расследования.

Сочинение Би Гуань-гуана, первым прошедшего на экзаменах, хотя и не было блестящим, но и не было списано с черновика Фэна.

За клевету Фэна сослали в Хэйлунцзян.

[724. Умерший чиновник, воскреснув, рассказал, что его вызвали в Царство мертвых, чтобы назвать ему имя убийцы и приказать закончить дело об убийстве, которое не сумел расследовать его предшественник.

725. Рассказы о любовных похождениях танской государыни У-хоу.]

(726.) КОРОВА ПРОСИТ СОХРАНИТЬ ЕЙ ЖИЗНЬ

Достопочтенный Чжун Ли-цюань, начальник уезда Тяньтай, рассказывал мне, что глава его семьи, будучи начальником области Дадинфу в Гуйчжоу, учредил управление по типографским делам. В полдень появилась корова и полезла

* 1744 г.

в печатню. Несколько десятков мастеровых стали ее гнать, но она не уходила.

Ли-цюань пришел посмотреть; тогда корова опустилась на колени, словно отбивая земные поклоны. Ли-цюань спросил человека, который вел корову на веревке:

— Это тягловая корова или убойная?

— Убойная,— ответил тот.

— Какая ей цена? — спросил Ли-цюань.

— Семь тысяч.

— Продай ее мне за эту цену. Согласен? — предложил Ли-цюань.

Погонщик коровы с благодарностью взял деньги и ушел. А корова поспешно поднялась с колен.

(727.) СВИНЬЯ ПРОСИТ СОХРАНИТЬ ЕЙ ЖИЗНЬ

На юге Цзиньчжоуфу, что в Мукдене, у моста Тяньцяо, в том месте, где становятся на причал морские торговые джонки, мясник привязал свинью, собираясь зарезать ее и снести мясо на рынок.

Воспользовавшись случаем, свинья перегрызла веревку и помчалась со всех ног к морским купцам, стала, согнув ноги, потом упала на землю, словно кланяясь им. Мясник, неся веревку, догнал свинью. Купцы спросили у него рыночную цену, заплатили и отвели свинью в храм Луншэньмяо.

Люди прозвали свинью «даосом», и она шла на их зов. Если говорили: «Это что за бесцеремонность?» — то свинья сгибала передние ноги, словно кланяясь людям. Клыки у нее были длиной в несколько цуней, а ногти загибались словно спираль. Ростом она была вдвое больше обычных свиней.

[728. Дух покойницы, чья репутация пострадала из-за безразличия ученого, портит его экзаменационное сочинение. После того как он обеляет ее память, он сдает первым экзамен.]

(729.) ПРУД ОМОВЕНИЯ СЕРДЦА

Пруд Омовения Сердца — Сисиньчи — находится к западу от даосской обители Цяньюаньгуань[1]. На каменной стене написаны три слова: «Пруд Омовения Сердца». Почерк очень искусный, но слов обычно не видно. Если хотят увидеть, то промывают надпись водой из пруда, который даже в сильную засуху не высыхает.

Рассказывают, что Цянь Мяо-чжэнь жил в одиночестве в Яньдунчэне, занимаясь нравственным самоусовершенствованием. Кто-то оклеветал его, тогда он пришел к пруду, вспорол себе грудь, вынул из нее сердце, омыл его и показал. Отсюда и пошло название.

(730.) МОГИЛА ПОЛУМЕРТВОГО ЧЕЛОВЕКА

Даос Цзян Вэнь-гу около Пруда Омовения Сердца сделал небольшую насыпь, окружил ее камнями, так что не осталось просветов, и сел там, поджав под себя крестообразно ноги. Своему ученику он приказал:

— Каждый день окликай меня. Если я отзовусь, больше ничего не надо. Если же не отзовусь, войди сюда и забери мои останки.

Три года ученик окликал Цзяна, и тот отзывался. И вдруг однажды Цзян ответил ему:

— Довольно, я ухожу.

Больше Цзян не откликался. Ученик отвалил камни, посмотрел — действительно, перед ним был труп. Поэтому и назвали это место Могилой Полумертвого Человека.

[731. Бесы опрокидывают крышу во время экзаменов, и под ее обломками погибает более тридцати экзаменующихся.

732. Дух мертвого просит захоронить его. Чтобы его бедная семья могла это сделать, указывает место, где его предком была спрятана ткань, которую можно продать.

733. Духи, стерегущие горы, рассердившись на проявившего неуважение к ним чиновника, насылают на его дочь болезнь.]

(734.) ОТ ПОКЛОНА БЕСА РОЖДАЕТСЯ ВЕТЕР

Сунь Сюэ-тянь из Цяньтана открыл соляную лавку в городе Вэньчжоу, где очень часто виделся со своим другом Цянь Сяо-цаном. У Цяня была трехкомнатная башня, накрепко запертая. Говорили, что там водятся бесы, и никто не решался в ней жить.

Сунь был человеком смелым. Он поднялся на башню, расстелил там постель, зажег две большие свечи и устроился на ночлег.

Когда пробили вторую стражу, послышался стук в дверь. Появилась красиво одетая женщина и стала приближаться к Суню. Увидев, как сидит Сунь, она отшатнулась, потом снова стал приближаться. Сунь ударил ее мечом, тогда она превратилась в чудище и бросилась на Суня. Они схватились

в рукопашной, но никто из них не мог одолеть другого. В это время послышался крик петуха. Бесовка превратилась в круг черного пара и вылетела из башни.

Житель Вэньчжоу сказал Суню:

— Люди, кланяясь, сгибают корпус; бесы, кланяясь, рождают ветер. Но оказалось, что старина Сунь злее беса!

(735.) ТРУПЫ НОЧЬЮ ТОЛСТЫЕ, А ДНЕМ ТОЩИЕ

Господин Юй Цан-ши говорил, что те трупы, что выходят по ночам, чтобы ловить людей, имеют цветущий вид и ничем не отличаются от живых людей. Если же днем открыть гроб, то труп выглядит сухим и тощим, как мумия. Некоторые, пока их сжигают, издают звуки, похожие на писк.

[736. Человек, побывавший в Царстве мертвых, узнает там от писца, что его родственник скоро умрет.]

(737.) *СЮЦАЙ* ЦЗИНЬ

Сюцай Цзинь из Сучжоу был талантлив и хорош собой. *Цзиньши* Су Чунь-яй полюбил его и предложил выдать за него свою дочь. Уже был назначен день свадьбы.

Ночью Цзиню приснилась маленькая служанка, одетая в красное платье, которая привела его в какое-то место, где стояли прекрасные здания, а за ними находился круглый грот. Указав на вход в него, служанка сказала:

— Барышня давно уже ждет.

В то же мгновение вышла красавица в пышном наряде.

— Между мной и *сюцаем* существует давняя связь,— сказала она.— Как же стерпеть то, что вы бросили меня и женитесь на другой?

— Ну что вы! — воскликнул Цзинь.

Тогда она взяла его за руку и повела во внутренние покои, изысканно обставленные.

С этих пор она каждую ночь неуклонно являлась ему во сне. Они наслаждались любовью, но *сюцай* с каждым днем худел, и семья его стала тревожиться и заставила вступить в брак с дочерью Су Чунь-яя. Су тоже была очень красива, и *сюцай* полюбил ее, как ту, что являлась ему во сне.

С этих пор в первую часть ночи он наслаждался близостью с молодой женой, а во вторую — с красавицей, являвшейся во сне. Так что в конце концов перестал понимать, какая из них настоящая, а какая — из сна.

Отец его усиленно молился о том, чтобы спасти сына от

беды, но ничто не помогло. *Сюцай*, продолжая губить свое здоровье, таял на глазах и через год умер от чахотки.

Стихов, которыми он обменивался с красавицей, являвшейся ему во сне, было очень много; все их записать невозможно; приведу лишь ее четверостишие «Посвящаю господину Цзиню»:

Прекрасную пару разве легко отыскать?
Завладеть вами — словно получить выигрыш.
К счастью, искусно применила силу
И в борьбе за радость оказалась первой.

[738. Мудрый и гуманный чиновник после смерти становится духом-хранителем местности.]

(739.) ЛИСА-БЕССМЕРТНАЯ ВЫПИСЫВАЕТ СЧЕТ

Некий Чжан из Хочжоу, будучи в Янчжоу, остановился в храме Синцзяосы. В одной из келий уже давно жила лиса-бессмертная, и никто из людей не решался там поселиться.

Чжан был человек своенравный и поселился в этой келье.

Не прошло и трех дней, как действительно появился старик, назвавший себя У Гань-цзы. Он вежливо поклонился и вступил с Чжаном в беседу. Манеры у него были необычные, он знал то, что произошло в прошлом и что должно случиться, и Чжан спросил его:

— Возможно ли, что вы бессмертный?

— Ну что вы! — сказал старик.

Так как Чжан был бедным ученым, то он решил подружиться с У Гань-цзы, рассчитывая разбогатеть с его помощью. Поэтому он выставил вино и закуски и стал угощать У. Тот, в свою очередь, ответил тем же.

Так они угощали друг друга с полмесяца, и возможности Чжана стали истощаться. У между тем устраивал очень богатые угощения.

Чжану было жалко тратить последние деньги, и он целыми днями ухаживал за У, чтобы тот угостил его. Старик делал это без малейшего неудовольствия.

Прошел месяц с лишним, и вдруг У не пришел.

Кончился дождь, и Чжан открыл сундук, чтобы проверить одежду. Сундук был пуст. Внутри лежал только счет и несколько закладных квитанций: «В такой-то день за курицу и рыбу заплачено столько-то; тогда-то за овощи и фрукты заплачено столько-то...»

Все свои расходы У оплачивал, закладывая одежду Чжана, ни одного угощения он не устроил на свои средства, ни гроша зря не потратил.

[740. Бесовка, сожительствовавшая с человеком, угрожает хозяину дома, который предостерегал ее возлюбленного от нее.]

(741.) МОРСКОЕ ДИВО ИЗ ЧЖАПУ

На рассвете двадцать третьего дня восьмой луны года *жэнь-чэнь* правления под девизом Цянь-лун * началась буря. Со стороны морского берега [бухты] Чжапу, что в уезде Пинху, вдруг стало что-то выпирать, простираясь с юго-востока на северо-запад. В этом пространстве вырвало много деревьев, побило черепицу на крышах домов. Посредине был след огромной ноги, величиной с круглый стол. Что это было такое, так и не узнали. Дома некоторых людей сдвинулись более чем на чи, но не опрокинулись.

(742.) НЕБО РАСКРЫВАЕТ ГЛАЗА

Чжан Сяо-по из Пинху сидел во дворе; на небе не было ни облачка, и вдруг он услышал треск. На небе появилась трещина, а в середине ее — два глаза, похожих на лодки, с блестящими, испускавшими яркий свет зрачками, круглыми, как тележная ось. Весь двор был залит сиянием. Прошло много времени, пока глаза закрылись.

Знающие люди говорили, что это небо раскрыло глаза.

[743. Глиняные изображения предков человека, оставленные им в старом доме, сами приходят в его новое жилье.

744. Дух покойника мстит сжегшему его труп сыну; тот умирает.]

(745.) РЫБА В ВИДЕ КРАСАВИЦЫ ЖЕНЩИНЫ, СВИНЬЯ С ЛИЦОМ ЧЕЛОВЕКА

В Чунмине поймали рыбу в виде красавицы женщины, тело ее было величиной с морскую джонку.

— Ты потеряла дорогу? — спросили ее матросы. Она кивнула головой. Матросы отпустили ее, и она спокойно уплыла.

В храме Юньцисы [1], где выпускали на волю животных, была свинья с лицом человека. Господин Чжан Цзю-дань сам ее видел.

---

* 1772 г.

На вид она отличалась от людей тем, что держала голову опущенной вниз; потянут ее, тогда она показывала [свою морду].

[746. Дух сорванного цветка превращается сначала в крошечную женщину, а затем в большую птицу.]

«НОВЫЕ [ЗАПИСИ] ЦИ СЕ», ИЛИ «О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛ КОНФУЦИЙ». ПРОДОЛЖЕНИЕ

ЦЗЮАНЬ ПЕРВАЯ

(747.) ПРЕДВОДИТЕЛЬ ВОЛЧЬЕЙ СТАИ

Некий Цзян вечером возвращался домой из города. Когда он проходил по склону горы, его вдруг окружило несколько десятков волков, собиравшихся сожрать его. Цзян перепугался, но, увидев, что на обочине дороги навалена куча хвороста высотой в чжан с лишним, поспешно вскарабкался на нее и спрятался в хворосте. Волки не могли взобраться на кучу; тогда несколько волков убежало и вскоре вернулось, толпясь вокруг какого-то зверя, величаво, как сановник, восседавшего на их спинах. Волки усадили его в середине, и все склонили уши к его пасти с таким видом, словно он что-то говорил им по секрету. Через несколько мгновений волки повскакали с мест и начали растаскивать хворост, так что куча стала быстро уменьшаться.

Охваченный ужасом Цзян стал звать на помощь. Через некоторое время крики его услыхали дровосеки и прибежали на подмогу. Волки в испуге разбежались, только зверь, которого они принесли сюда, остался на месте. Цзян и дровосеки стали рассматривать его. Зверь был и похож на волка, и не похож. Круглые зрачки, короткая шея, длинная морда, хищные зубы, ноги длинные, но слабые, так что он не мог на них стоять. Голос у него был как у мартышки.

Цзян сказал со вздохом:

— Между мной и тобой не было вражды. Зачем же ты стал предводителем волчьей стаи и научил волков, как погубить меня?

Зверь склонил голову, словно кланяясь, и жалобно завыл, будто охваченный раскаянием. Тогда люди отнесли его в винную лавку, зажарили и съели.

[748. Дух мертвого, ищущий себе замену, доводит человека до самоубийства.

749. Белый дракон, воспользовавшись помощью крестьян, побеждает черного дракона и награждает крестьян золотом.

750. Бессмертный помогает заблудившемуся человеку вернуться домой.

751. Дух повесившейся женщины жалуется на виновников ее смерти.]

(752.) ДВА МАЛЬЧИКА ДЕРЖАТ ПОДАРКИ

Цзян Фэн-вэнь по имени И [1], получивший степень *цзиньши* в годы правления под девизом Шунь-чжи *, как-то раз молился в монастыре Линъянь [2] о даровании ему потомства. Ему приснился буддийский монах, который показал на двух мальчиков, державших подарки, и сказал, что это его сыновья. Поэтому, когда родился старший сын, Цзян назвал его Чэньси [3] — Подносящий Подарки. Впоследствии [сын] стал генерал-губернатором провинций Юньнань и Гуйчжоу.

Уже в преклонные годы Цзян сказал:

— Мне на роду написано иметь еще сына.

Значительное время спустя Цзяну приснилось, что в центральном зале его дома на солнце просушивают парчовое покрывало, а из него торчит императорский стяг.

Как раз в это время арендатор по фамилии Цао привез арендную плату, с ним была дочка, которой только что исполнилось десять лет. Она была одета в старое парчовое платье и весело смеялась. Увидев ее, достопочтенный Цзян был поражен. Он оставил ее у себя. Впоследствии она родила ему достопочтенного Вэнь-су [4].

[753. Чиновник после своей смерти становится духом-покровителем местности.

754. Чиновник после своей смерти становится духом-покровителем города.]

(755.) ТРУПЫ ОБНЯЛИСЬ

Во времена мятежа Ван Луня из Шаньцзо в Линьцине начались пожары и жестокие убийства. Трупы мужчин и женщин заполнили реку и высились над берегами на несколько чи. Когда был водворен порядок, открыли шлюз, чтобы трупы могли плыть по течению. Хулиганы поснимали с мертвецов одежду, поэтому многие трупы были нагими.

* 1644—1661 гг.

Обнаженный труп девушки лет семнадцати-восемнадцати вдруг поднялся на поверхность реки и поплыл к шлюзу, где зацепился левой ногой и остановился. Неожиданно обнаженный труп юноши примерно тех же лет поплыл вниз, доплыл до шлюза, всплыл на поверхность и обнял труп девушки. Толпа баграми стала отталкивать его, тогда он уплыл прочь. Чей это был сын, так и не узнали.

(756.) ГОСПОДИН ГЭ

Сюцай Ли из Цзисяня, что в провинции Хэнань, жил в деревне. Как-то раз, гуляя вечером, он заблудился. Вдалеке, в лесных зарослях, он увидел свет и пошел туда. Перед ним оказалась хижина. Было слышно, что [в хижине] кто-то читает вслух. Ли постучал в двери. Вышел хозяин, мужчина лет сорока с лишним. Увидев гостя, он пригласил его войти, сказал, что его фамилия Гэ, что он любит читать, город с его суетой и лицемерием наскучил ему, и он поселился здесь, в уединении. Еще он сказал, что дома у его жены не хватает пищи и мать жены заставляет ее выйти за другого, поэтому она собирается завтра броситься в реку, и только господин Ли может ее спасти, поэтому он умоляет удостоить ее помощью.

Говоря это, он плакал. Ли обещал помочь и остался у него ночевать. Циновки были очень чистыми.

Когда рассвело, оказалось, что Ли лежит на могиле и никакой хижины поблизости нет. Ли в испуге бросился бежать по направлению к своему дому. По дороге он встретил женщину в зеленой одежде, которая шла и плакала. Она подошла к реке и хотела броситься в воду, но Ли удержал ее и стал расспрашивать. Оказалось, что это жена Гэ. Оставшись вдовой, она бедствовала, родители хотели насильно выдать ее снова замуж, поэтому она искала смерти. Дом Ли был неподалеку. Ли отвел женщину к своей матери, рассказал ей эту странную историю, и мать Ли стала заботиться о женщине, как о родной дочери. Ли было уже за пятьдесят лет. Женщина неожиданно родила сына, с виду это был вылитый Гэ. Когда его в шутку окликали «господин Гэ», ребенок смеялся и бросался в объятия [к звавшему его].

[757. Небесная фея спасает джонки во время бури.]

(758.) МЛАДШАЯ СЕСТРА ИНЯ

У некоего Иня из Уцзюня была младшая сестра, которой только что исполнилось двадцать лет. В праздник Середины

осени вся семья сидела за вином, как вдруг услышали, как соседская женщина ругает свою свекровь последними словами.

Младшая сестра Иня внезапно переменилась в лице, вскочила, схватила нож и бросилась в соседний дом. Сломав там стол и стулья, она схватила женщину и собиралась зарезать ее. Домашние бросились на помощь той женщине, но девушка была такой сильной, что только когда ее схватило пять или шесть мужчин, удалось отобрать у нее нож.

Девушку увели домой и стали спрашивать, что с ней случилось.

Пытаясь сдержать гнев, она злобно кричала:

— Я непременно убью эту женщину, отомщу за мать!

Домашние насилу уложили ее в постель, и она крепко уснула; когда девушка проснулась, стали ей выговаривать. От стыда она горько плакала, сама не понимая, почему она так поступила.

(759.) ТИГР БРОСАЕТСЯ В РЕКУ

Река Сянци к западу от Шаосина очень глубокая. Маленький мальчик играл у реки и увидел тигра. Мальчик кинулся в реку и поплыл, то скрываясь под водой, то появляясь на ее поверхности, чтобы посмотреть, где тигр. А тигр уселся на берегу и пристально глядел на мальчика, гипнотизируя его своим взглядом. Так продолжалось долго; внезапно тигр заторопился, из пасти его закапала слюна, он вскочил и бросился за мальчиком в реку. Начал нетерпеливо бить по воде лапами, так что вода забурлила, несколько раз погрузился в воду, несколько раз вынырнул и наконец не смог всплыть. Мальчик спасся, а тигр утонул.

(760.) ГОСПОДИН У И

Когда академик Чжу Чжу-цзюнь[1] из Дасина служил инспектором училищ в провинции Аньхой, ему приснилось, что Шан-ди пригласил его занять место господина У И[2]. Так как достопочтенный Чжу еще не завершил свое собрание сочинений, то он со слезами отказался. Шан-ди принял его отказ.

Проснувшись, достопочтенный Чжу рассказал о своем сне Линь Мэн-ли[3], начальнику города Гуйчи. Те, кто слышал его рассказ, были очень удивлены.

Впоследствии достопочтенный Чжу был назначен инспек-

тором училищ в провинцию Фуцзянь. Там он посетил храм господина У И. Расположение статуй в храме было таким, как в его сне. Достопочтенный Чжу еще больше удивился.

Когда кончился срок его службы, достопочтенный Чжу подал отчет властям и скончался, ничем перед этим не болея.

Из записей времен Сун я узнал, что, когда родился Ян Вэнь-гун[4], тело его было покрыто фиолетовыми волосами длиной в чи, и он сам прозвал себя «господин У И», как достопочтенный Чжу Чжу-цзюнь.

[761. Вмешательство духа спасает верную жену, которую муж заподозрил в измене.

762. Горные бесы подшучивают над чиновником.

763. Дух, подкупленный мошенником, не разоблачает его, когда тот дает ложную клятву, выступая свидетелем по тяжбе.

764. Предсказание, сделанное человеку во сне, сбывается.

765. Чиновник, легко обуздавший лису-оборотня, становится жертвой грабителя: нечисть обуздать легче, чем дурного человека.

766. Собака спасает хозяина, которого разбойник бросил в реку.

767. Потерпевшие кораблекрушение люди спасаются на горе, где растет женьшень, благодаря чему они не погибают голодной смертью.]

(768.) СТРАНА «НАКАЗАННЫХ НЕБОМ»[1]

Ван Цянь-гуан еще рассказывал, что его джонку как-то прибило к одному острову, где жили тысяча мужчин и женщин; все они были толстые, маленькие и безголовые. Глазами им служили соски, сверкавшие при движении, а ртом служил пупок; они подносили к пупку пищу, втягивали ее и ели. Голоса у них были тоненькие и писклявые, речь разобрать невозможно.

Увидев, что у Цянь-гуана есть голова, они очень удивились и целой толпой сбежались поглядеть на него. Высунули из пупков языки длиной более трех цуней и наперебой кинулись лизать Цянь-гуана. Тот бросился бежать на вершину горы вместе со своими матросами и стал кидать оттуда камни. Тогда [безголовые] разбежались.

Знающие люди сказали:

— Это — род «наказанных небом», о котором есть записи в *Шань хай цзине*[2]. Их казнил император Юй[3]. Трупы их не разлагаются; они могут пировать и плясать.

Я проверил у Янь Ши-гу[4] и других: «Род наказанных небом», упомянутый в надписи на стеле в храме Цысы,— это

те, кого сейчас называют «наказанные небом»; видимо, при переписке вкралась ошибка.

И еще: в «Собрании бесед» Сюй Ин-цю[5] записано:

«Безголовые люди плетут из травы туфли. Погибшие в сражениях возвращаются и [ведут себя] как живые. Жены и дети вводят пищу и питье им в горло. Если они хотят есть, то пишут слово „голоден", а если не хотят, то пишут „сыт". Так они существуют еще лет двадцать, а потом умирают.

- И еще: когда генерал Цзя Юн был обезглавлен, он вернулся, неся свою голову в руках. Встал перед лагерем и спросил:

— С головой красивее или без головы?

Люди в лагере ответили:

— С головой красивей.

— Неверно,— сказал Цзя Юн,— без головы тоже красиво».

Эти [примеры] тоже относятся к категории «наказанных небом».

(769.) ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ СОСНЫ

На горе Фэнхуаншань, что в уезде Сяншань провинции Гуандун, растет несколько тысячелетних сосен. Жители Западного океана, подставив лестницы, хотели их срубить. Сосны неожиданно стали то сгибаться, то распрямляться и перемещались, следуя перемещению лестниц. Рассердившись, жители Западного океана начали стрелять из дробовиков, выпустили подряд несколько десятков зарядов, но никак не могли попасть. Сосны эти до сих пор зеленеют, как встарь.

[770. Удивительные кедры, растущие в пещере со времен потопа.]

(771.) ДЖОНКА, ПРОЛЕТЕВШАЯ ПО НЕБУ

В четырнадцатый день пятой луны пятьдесят пятого года правления под девизом Цянь-лун * была сильная гроза. Плывшая по реке в уезде Ичжэн торговая джонка была закинута ветром в самое небо. Потом она упала на отмель у озера Хунцзэ. В джонке было шесть торговцев рисом, везших [различные] товары, в том числе множество посуды. Ни одна вещь не была повреждена.

* 1790 г.

Один человек из Янчжоу сказал:

— В этот день я сам видел, как из облаков вылетела джонка. Сначала я принял ее за огромную птицу.

ЦЗЮАНЬ ВТОРАЯ

[772. Мудрый судья находит виновников убийства, совершенного шестнадцать лет назад.

773. Человек с помощью талисмана изгоняет лису-оборотня.

774. Дух покончившей самоубийством женщины сохраняет золото для своего обедневшего родственника.]

(775.) ТРУП ПЬЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ КРОВЬ

Некий *сюцай* Лю из Уцзяна имел учеников в семье Цзян из Юаньхэ. На время праздника Цинмин он вернулся домой, чтобы совершить обряд подметания могил. Сделав это, он собрался снова вернуться к ученикам и сказал жене:

— Завтра я пойду в одно место проведать друга, а после этого на джонке спущусь к воротам Чанмэнь[1]. Встань пораньше и приготовь мне еду.

Жена сделала, как он сказал. Встала, когда прокричал петух, и принялась готовить еду. За их домом находился холм, напротив которого текла речка. Жена вымыла в речке рис, собрала на огороде овощи, приготовила еду. Было уже совсем светло, но Лю не вставал. Жена пошла к нему в комнату, чтобы разбудить его, стала звать. Лю не откликался. Тогда она подняла полог, поглядела — а муж лежит поперек кровати, без головы, но следов крови нет.

В ужасе жена стала звать соседей. Те прибежали, увидели и заподозрили жену Лю в том, что она убила мужа ради любовника. Сообщили судье. Тот прибыл, чтобы произвести расследование; приказал временно положить труп в гроб, а женщину арестовать и допросить под пыткой. Доказательств никаких не было, и судья посадил женщину в тюрьму, но в течение многих месяцев не выносил приговора.

Впоследствии один из соседей, поднявшись за хворостом на холм, увидел там заброшенную могилу с неприкрытым [землей] гробом. Дерево было еще крепкое, но крышка слегка приоткрыта. Заподозрив, что гроб открывали грабители, сосед позвал людей. Гроб открыли и увидели труп; лицо у него было как живое, а все тело покрыто белыми волосами. Обеими руками труп держал человеческую голову. Пригля-

делись и узнали [голову] *сюцая* Лю. Сообщили об этом судье. Он приказал забрать голову из рук трупа, но тот так крепко держал ее, что несколько человек не в силах были разжать его руки.

Тогда судья приказал обрубить топором руки у трупа. Полилась свежая кровь, но в голове *сюцая* Лю, наоборот, не осталось ни капли крови; видимо, всю ее высосал труп.

Судья приказал сжечь труп. Жену Лю выпустили из тюрьмы, и дело на этом прекратили.

[776. Дух крысы, убитой человеком, приносит ему вред.

777. Девушка, съевшая блюдо из черепахи, заболевает странной болезнью. Ее излечивает даосский маг.

778. Бог грома казнит людей, не оказавших помощи добродетельной вдове, которая, даже умирая от голода, не захотела вновь выйти замуж.

779. Предсказание, сделанное человеку во сне, сбывается.

780. По совету покойной жены человек изгоняет духа повесившейся женщины, написав знак «душа», которого духи боятся.]

(781.) НЕМОЙ ЦАЙ

В Чанчжоу был человек немой от рождения, фамилия его была Цай, а имя позабылось. Поколения его семьи жили в деревне Циншаньчжуан, что на севере области. Семья была бедная, и Цай просил милостыню. Люди прозвали его Немой Цай. Цай ничего не умел, и другие нищие его не любили. Один только даосский монах Сюй хорошо относился к нему.

Через некоторое время монах Сюй умер в деревне Чжуцзячжуан. На трупе его были большие раны, и семья Сюя подала жалобу судье на некоего Чжу, [жителя этой деревни]. Чжу пытали, потом заключили в тюрьму, ему грозила смертная казнь. Некоторые говорили:

— Чжу действительно убил и заслуживает кары.

— Пожалуй, обвинение несправедливое, но правды никто не знает,— возражали другие.

Однажды немой Цай пришел в деревню Чжуцзячжуан. Деревенские жители позвали его:

— Немой Цай, иди поешь с нами!

Немой Цай широко раскрыл глаза и громко сказал:

— Я пришел для того, чтобы обелить господина Чжу, недосуг мне есть!

Все жители деревни — и старые и малые — очень удивились.

Семья Чжу была на грани разорения из-за дела об убийстве монаха Сюя, и она сказала Немому Цаю:

— Дело идет о жизни человека, ты этим не шути!

— Идемте к судье, я сам все ему сумею рассказать,— ответил Немой Цай.

Тогда семья Чжу и соседи — всего собралось несколько сот человек — потащили немого в город.

Начальник области, достопочтенный Ли, как раз сидел в зале присутствия и стал допрашивать немого.

— Убийца — достопочтенный Сюй Юй,— сказал Немой Цай и рассказал все обстоятельства дела, приведя неоспоримые доказательства.

Тогда начальник издал приказ об аресте Сюй Юя.

В это время Сюй Юй вместе со своими друзьями скрывался от жары в беседке, где они играли в кости на деньги. Сюя арестовали, привели на допрос, он во всем признался, и Чжу был освобожден из тюрьмы.

Чжу был соперником Сюй Юя в торговых делах, поэтому Сюй Юй, согласно задуманному им плану, привел даосского монаха Сюя в уединенное место, забил его там до смерти и подбросил труп к дверям дома Чжу. Держал он это в глубокой тайне, но спастись от Немого Цая, который с рождения не мог говорить, ему не удалось.

Понимая, что Цай спас ему жизнь, Чжу пошел к нищим, чтобы поблагодарить немого.

— Увы, Немой Цай умер,— сказали ему нищие.

Говорят, что это случилось в тот день, когда Чжу выпустили из тюрьмы.

(782.) ИСТОРИЯ, СЛУЧИВШАЯСЯ В ЧЖУЦЗИНЕ

Местность Чжуцзин в уезде Цзясин прилегает к озеру. Один мальчик тринадцати лет, сидя верхом на быке и обвязав поводья вокруг своего пояса, поил быка в озере. Бык постепенно заходил все глубже, и вода уже доходила до ног мальчика. Бык долго пил, но вдруг чего-то испугался и бросился бежать, а мальчик свалился головой в воду.

Люди на берегу, словно во сне, увидели, что какое-то существо, взбаламутившее воду, заглотнуло мальчика. Вскарабкавшись на берег, бык вытащил за собой на веревочных поводьях сома, похожего на маленькую лодку. Люди закричали; только теперь они поняли, что сначала рыба укусила быка, поэтому он от боли бросился бежать. Бежал он очень быстро, и мальчик упал, но так как он был привязан к быку

веревочными поводьями, то рыба, хотя и заглотнула его, не могла сбросить веревку, поэтому бык и вытащил ее самое, как вытаскивают рыбаки. Все стали рубить рыбу ножами, надеясь, что мальчика еще удастся спасти. Но он уже был бездыханным, хотя на одежде, волосах, коже никаких повреждений не было.

Рыбу разрезали на куски и взвесили, в ней оказалось более 380 цзиней веса.

Эту историю рассказывал Чжу Сюй-сань по возвращении из Умэня. Произошло это в одиннадцатый день седьмой луны пятьдесят четвертого года правления под девизом Цяньлун *.

[783. Женщина в наказание за преступление, совершенное ею в прошлом рождении, умирает от мучительной болезни.

784. Владыка Царства мертвых, сжалившись над умершим единственным сыном, позволяет ему вернуться к жизни, чтобы ухаживать за престарелой матерью.

785. Дух спасает семью человека от бесов, с которыми не мог справиться даосский маг.

786. Человек умирает от мучительных болей в животе; на него напустил болезнь дух мертвого, поссорившийся с ним в одном из его прошлых перевоплощений.]

(787.) [С ПОМОЩЬЮ] ЩЕПОТКИ ЗЕМЛИ СПАССЯ ОТ РАЗБОЙНИКОВ

Вань Цзюнь-мо, врач из Цзянчжоу, был очень искусен в своем деле. Больные из ближних и дальних мест шли к нему сплошным потоком, и Цзюнь-мо, не щадя сил, лечил их, ни на минуту не задумываясь над тем, отблагодарят они его за это или нет. Бедняков он оставлял у себя в доме, и они уходили оттуда, только совсем выздоровев.

Однажды к дверям Цзюнь-мо подошел даосский монах и попросил вылечить его; Цзюнь-мо осмотрел его и сказал:

— У наставника камни в печени; если примете несколько десятков порций лекарства — выздоровеете.

— Я пришел с горы Лушань,— сказал монах.— Перенесу ли обратный путь?

Цзюнь-мо оставил даоса у себя и принялся за его лечение. Действительно, через месяц с небольшим даос выздоровел. Было это в последние годы правления под девизом Чун-

* 1789 г.

чжэнь * [1], когда банды разбойников совсем распоясались, появляясь повсюду, и Цзюнь-мо это очень волновало.

— У вас есть возможность бежать от них? — спросил его даос.

— Кроме как на пропитание, я ничего не заработал своими занятиями,— ответил Цзюнь-мо.— А теперь и крова лишусь?

Перед уходом даос велел Цзюнь-мо взять доу земли, прочел над землей заклинания и приказал спрятать ее в зале поклонения Будде, утром и вечером возжигать курения. Если придут разбойники, взять шэн земли и насыпать ее у входа в дом у задних дверей; двери держать на запоре, из дому не выходить; есть только поджаренный рис, пищи не готовить. Только когда разбойники отступят, можно будет выйти из дому.

Разбойники несколько раз вторгались в город, и, пока не прибыли правительственные войска, Цзюнь-мо пользовался способом, [указанным даосом], и не потерпел никакого ущерба.

Соседи, вспоминая, говорили, что [на месте его дома] видна была только облачная дымка — и все.

К тому времени, когда он использовал всю землю, порядок был восстановлен.

(788.) ПОСЛУШНИК МЕЧТАЕТ О ТИГРЕ

Один буддийский монах с горы Утайшань взял себе в послушники мальчика, которому было три года.

Гора Утайшань очень высокая, а монах с мальчиком жили на самой ее вершине, занимались самоусовершенствованием и ни разу не спускались вниз.

Лет через десять с лишним монах и послушник спустились с горы, и послушник впервые увидел волков, лошадей, петухов, собак.

Поэтому монах стал объяснять ему:

— Вот это вол, на нем можно пахать поле; а это — лошадь, на ней можно ездить верхом. Это — петух, он может возвещать рассвет; а это — собака, она может сторожить дом.

Послушник кивал в ответ.

Вскоре мимо них прошла молоденькая девушка.

— А это что? — спросил послушник.

---

* 1628—1643 гг.

Монах, не желая, чтобы его ученик думал о подобных существах, ответил с серьезным видом:

— Это тигр; всякого, кто к нему приблизится, он пожирает, не оставляя даже косточек.

Вечером, когда они поднялись обратно на гору, монах спросил:

— Ну, понравилось тебе какое-нибудь существо из тех, что ты сегодня видел под горой, или нет?

— Никто не понравился,— ответил послушник.— Только этот тигр, что пожирает людей, очень понравился. Никак из головы нейдет.

[789. Красавица-оборотень сожительствует с человеком, рожает ему сына, через три года уходит, оставив ему свою служанку-куклу, которая может предсказывать будущее.]

(790.) ОСТАНКИ САМИ СЕБЯ ХВАЛЯТ

На горе Шанфаншань в Сучжоу есть буддийский монастырь[1]. Некий Ван из Янчжоу гостил там и средь бела дня услыхал под лестницей человеческий голос, твердивший что-то без умолку. Ван позвал других гостей послушать; те тоже слышали этот голос и решили, что это дух мертвого жалуется на обиду; вместе с монахами они взяли кирки и лопаты и стали разрывать землю. На глубине пяти чи с лишком обнаружили сгнивший гроб, а в нем истлевшие останки, больше ничего там не было. Тогда гроб снова зарыли. Но не прошло и получаса, как из-под земли опять послышался голос, словно идущий из гроба. Стали прислушиваться, но ни слова не могли понять. Все были напуганы.

— В западном флигеле живет наставник Дэ-инь, он человек высокой добродетели, понимает язык бесов. Попросим его прийти послушать,— предложил кто-то.

Ван вместе с другими гостями пошел просить Дэ-иня послушать голос. Наставник пришел, склонился над землей, долго слушал и наконец сказал с досадой:

— Незачем его раскапывать! Этот бес при жизни был крупным сановником и любил, чтобы люди ему льстили. После его смерти никто ему не льстит, поэтому он все время сам себя расхваливает, лежа в гробу.

Все стали смеяться и разошлись. Постепенно звуки, шедшие из гроба, становились все тише.

(791.) ВИСТАРИЯ ПРИСУТСТВУЕТ ПРИ КОНЧИНЕ

В помещении палаты обрядов есть тысячелетняя вистария; ствол ее напоминает дракона, один человек не может его обхватить. Листва покрывает три зала, и летом там особенно прохладно. Расцветает вистария одновременно с пионами.

В шестом году правления под девизом Цянь-лун * министр Гань Жу-лай[1] вместе с достопочтенным Го И-на лично занимался аттестацией чиновников, выкликая имена и отмечая их в списках. Достопочтенный Гань скончался в кресле, не опустив руки, в которой он держал кисть.

Достопочтенный Го доложил об этом верховным властям, и на похороны Ганя была пожалована тысяча лянов серебром.

В этот вечер вистария распустилась, все бутоны раскрылись и благоухали три дня во много раз сильнее, чем в конце весны.

Что это означало, неизвестно.

ЦЗЮАНЬ ТРЕТЬЯ

(792.) МОНГОЛЬСКИЙ ВОЛК

Цзян, начальник уезда Чанчжоу, рассказывал:

«Львы и слоны, на которых ездят будды, людям хорошо известны, а вот монгольские волки, на которых ездят будды, людям неизвестны. В этих волков превращаются духи трупов.

Один человек шел ночью и увидел, как труп открыл свой гроб и вышел из него. Поняв, что перед ним дух трупа, человек подождал, пока он покинул свой гроб, наполнил гроб черепицей и камнями, а сам спрятался на крыше крестьянского дома, чтобы посмотреть, что будет. Когда наступила четвертая стража, труп вернулся. Он шел большими шагами и как будто нес что-то в руках. Подойдя к гробу и увидев, что в него нельзя войти, труп стал гневно озираться, широко раскрыв глаза, из которых исходило сияние. Заметив, что наверху есть человек, труп бросился туда, но ноги его, как будто сделанные из сухого дерева, не гнулись, поэтому он не смог подняться по лестнице и злобно отбросил ее прочь.

---

* 1741 г.

Человек испугался, что не сможет слезть, схватился за ветви дерева и спустился по ним, труп заметил его и кинулся в погоню. Человек в ужасе бросился бежать что было сил. К счастью, он хорошо плавал и сообразил, что труп не сможет войти в воду. Человек переплыл реку и встал на другом берегу. Труп долго бегал взад и вперед, издавая жалобные стоны. Затем он трижды высоко подпрыгнул, превратился в животное и убежал. На земле он оставил какую-то вещь; это был труп ребенка, наполовину съеденный, вся кровь из него была высосана.

Некоторые говорят, что трупы сначала превращаются в духов засухи, а в следующем превращении становятся монгольскими волками. Волки эти обладают разумом, изрыгают дым и огонь, могут сражаться с драконами, поэтому будды и ездят на них, чтобы держать их в повиновении».

(793.) ОГРАБИЛИ ЗЕМНОГО БЕССМЕРТНОГО

В двадцать седьмом году правления под девизом Цяньлун * купец Шэ из Ханчжоу разбил сад, и, когда очищали озеро, нашли два глиняных чана, запечатанных со всех сторон. Решив, что там что-то спрятано, Шэ велел людям открыть чаны. В одном из них оказался даос, сидевший крестообразно поджав под себя ноги. Ногти у него были длиной более чжана, они трижды обвивались вокруг его тела. В глазах даоса, казалось, таилась улыбка.

Спросили, при какой династии он [жил], даос покачал головой и ничего не ответил. Напоили его чаем, но он по-прежнему не мог говорить.

Купец Шэ был человек богатый, щедрый и любил делать добрые дела. Он напоил даоса отваром из женьшеня, но тот все равно не мог говорить.

Шэ подумал, что это — земной бессмертный, совершенствующий себя путем очищения [1] и еще не достигший цели; поэтому он велел закрыть его в чане, как прежде.

Раб купца, мальчишка, любивший пошутить, захотел добыть себе ногти даоса, чтобы хвастаться перед людьми такой редкостью. Он взял ножницы и тайком обрезал даосу ногти, но при этом нечаянно поранил его. Потекла свежая кровь, из глаз даоса покатились слезы, и он упал мертвый, превратившись в кучу сухих костей.

В разделе «Жизнеописания» в «Истории Южных динас-

* 1762 г.

тий»[2] я нашел рассказ о человеке, который разрыл землю и раскрыл гроб; в гробу лежала девушка. Она сказала, что ее зовут Земная Бессмертная Цзян-чэн, и просила его быть осторожным, чтобы не поранить ее. Разрывший землю человек позарился на ее золотой браслет, отрубил ей руку по локоть и забрал браслет. Потекла кровь, и девушка превратилась в сухие кости.

Тут я понял, что события древности и наших дней часто совпадают, как совпали судьбы [даоса и этой девушки].

Этот случай содержится в жизнеописании Ван Юань-мо[3].

[794. Гром карает человека, послужившего причиной смерти другого.

795. Дух покойного, говоря устами своей сестры, просит у людей помощи.]

(796.) МАЛЕНЬКАЯ СЛУЖАНКА ПОПАДАЕТ В ОТВЕРСТИЕ

Чжан Лай еще рассказывал:

«Мой предок, господин Син-цзы, был инспектором училищ в провинции Цзянси, у него была маленькая служанка, очень глупая, которая внезапно поумнела; домашние очень удивились этому.

Однажды служанка мылась, заперев двери, и очень долго не выходила.

Стали звать ее, но она не отвечала, поглядели в щелку — в помещении никого нет. Тогда взломали дверь, вошли; вода в тазу была еще теплой, все окна закрыты, и пыль на них не потревожена, только в одной доске пола была маленькая щелка, в которую могла пролезть лишь мышь. Подняли пол, поглядели — внутри оказалось отверстие глубиной более чжана; там лежала без сознания служанка. Дали ей имбирного отвара, но прошло много времени, пока она очнулась.

Служанка рассказала:

— Месяц назад я повстречала молодую женщину, которая очень сердечно отнеслась ко мне, стала учить, и то, что я вдруг поумнела,— результат ее уроков. Эта женщина сказала мне:

— Обели меня в глазах твоего хозяина от несправедливого обвинения.

Я обещала, но не посмела рассказать об этом хозяину. Через несколько дней женщина пришла и стала упрекать меня, что я нарушила обещание. Я ответила, что боюсь хозяина и поэтому не осмелилась с ним говорить.

— В твоих словах есть резон,— сказала женщина.— Я не

удивлена этим. У меня есть прекрасный сад, почему бы нам с тобой не погулять в нем?

И она повела меня в какое-то место, где были крошечные красные ворота и несколько тесных помещений.

— Здесь невозможно гулять,— сказала я ей,— я хочу вернуться назад.

Женщина ответила:

— Я пойду вместе с тобой, но сначала посиди немножко, чтобы набраться сил.

Неожиданно снаружи послышались шум и голоса. Женщина испугалась, поняв, что это вы пришли искать меня, и вы вытащили меня из отверстия.

Что это была за нечисть, неизвестно.

Служанке в ту пору было лет шестнадцать-семнадцать, потом она вышла замуж и до сих пор живет благополучно, в полном здравии; сейчас ей уже за пятьдесят».

[797. Заметка о том, что бесы воруют в богатых домах пищу, поэтому у бога домашнего очага есть помощник — мальчик, охраняющий приготовленную пищу.]

(798.) НАРУШИЛ БЕСОВСКИЙ ОБЫЧАЙ

Студент Ли занимался ночью в доме, расположенном по соседству с рекой, и услыхал, как бес говорит:

— Завтра некий человек будет переправляться через реку, он послужит мне заменой [1].

На следующий день, действительно, один человек собирался переправиться через реку, но какая-то сила воспрепятствовала, и он ушел, не переправившись.

Ночью снова пришел бес и стал упрекать студента:

— Зачем ты лишил меня возможности получить замену?

— Ведь ваша порода проходит цепь новых рождений, зачем же обязательно нужна замена? — спросил Ли.

— Такой порядок ввел судья Царства мертвых,— ответил бес.— Я тоже не знаю, с чего это повелось. Это похоже на то, как в мире людей пополняют правительственные амбары или чиновничий состав, обязательно покрывая недостачу. Думаю, что здесь действует одинаковый принцип.

Ли сообразил, как надо ответить, и сказал:

— Ты ошибаешься. В правительственных амбарах находится зерно, чиновникам положен оклад, это все — государственные деньги и продукты, которые нельзя расходовать зря. Поэтому и имеются установленные пределы, которые нельзя переступать. Но среди людей, живущих между небом

и землей, одни сами уничтожают свою жизнь, другие истощают чужие силы. Неужели же Творец Перемен находит время контролировать все списки?!

— Я слышал, что Чжуаньлунь-ван[2] действительно контролирует списки,— сказал бес.

— Я вот что тебе скажу,— проговорил Ли,— пойди и спроси у Чжуаньлунь-вана, и если он сочтет, что тебе обязательно нужна замена, то приходи за мной и тащи меня с собой в замену себе. Тогда мне представится случай повидать Чжуаньлунь-вана и в лицо обругать его.

Бес запрыгал от радости и убежал.

С тех пор он больше не возвращался.

[799. Даос дарит своему благодетелю талисман, с помощью которого можно изгонять бесов и излечивать болезни, насланные нечистью.

800. Вещий сон сбывается.

801. Человек, который служит посыльным в Царстве мертвых, рассказывает о том, как там вершат правосудие.

802. Дух спасает человека от преследовавших его голодных бесов.]

(803.) ГОСПОДИН ЛИ ИЗ ШАОСИНА

Ли Чжи-ин из Шаосина был советником в уезде Тайгу, что в провинции Шаньси. Ночью он спал у себя в кабинете и увидел старика, который, вытянув из-под *кана* сапоги, сказал:

— Я уроженец Шаньиня, тоже служил здесь. Умер и не могу вернуться в родные края. Мой слуга, украв серебро и одежду, бежал. Дома до сих пор еще обо мне ничего не знают. Умоляю вас, господин, послать за меня письмо ко мне домой.

— Незачем посылать письмо,— сказал Ли,— я собираюсь вернуться домой и на обратном пути смогу сопровождать ваш гроб.

Дух покойного очень обрадовался и стал с поклонами благодарить Ли.

— Мне нечем отплатить вам за милость,— сказал он,— и я хочу решать за вас дела.

С этих пор каждую ночь, когда Ли крепко спал, все дела, лежавшие у него на столе, получали решение, и всегда очень мудрое.

Через год Ли повез гроб старика в его родные края. Жена и сын покойного, обливаясь слезами, встречали его у ворот.

— Вчера ночью увидели во сне, что гроб с телом старого

господина возвращается домой, поэтому мы и встречаем его здесь,— объяснили они.

[804. Старик от обиды на богатого соседа заболевает и грозит, что после смерти превратится в змею и ужалит обидчика. Узнав об этом, богач приходит мириться. Старик давится вином и выкашливает маленькую змейку, после этого выздоравливает.

805. Ученый чтением буддийской сутры изгоняет лису-оборотня, наславшую болезнь на его сестру.]

(806.) БЕСОВ ЗАСУХИ СУЩЕСТВУЕТ ТРИ ВИДА

Один вид [бесов] похож на зверя; другой — это то, во что превращаются духи трупов; оба этих вида могут вызывать засуху, прекращать ветер и дождь. А высший вид беса засухи называется *ёэ*, вред от него особенно велик. Эта разновидность бесов похожа на людей, но выше́ ростом. На макушке у них один глаз, они могут пожирать драконов. Дух дождя [1] боится их.

Увидев, что поднялись тучи, эти бесы поднимают голову и начинают дуть. Тучи рассеиваются, а солнце палит еще свирепее, чем прежде. Люди не могут их одолеть.

— Когда по воле неба должна быть засуха, то испарения гор и рек сгущаются и становятся [бесами засухи]. Когда же бес внезапно исчезает, то начинается дождь,— говорят некоторые.

[807. Человек, сожительствовавший с лисой-оборотнем, заболевает сухоткой.

808. Несправедливо обиженный дух мертвой просит человека помочь ей отомстить виновнику ее смерти.

809. Мудрый сановник разоблачает духа кумирни, который, получая жертвы от населения, не наслал дождь во время длительной засухи.

810. Удивительный деревянный ящик, не сгнивший за много столетий, в котором сохранились военные планы Чжугэ Ляна.]

ЦЗЮАНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[811. Заметка о поверье: лисы-оборотни и другая нечисть пьют настой из лунного эфира, чтобы усилить свою способность насылать на людей злые чары.

812. Заметка о магическом способе сношений с покойником, чтобы узнать, какие важные дела он не успел закончить при жизни.

813. Рассказ о старике, который, пользуясь магическими средствами, отнимал у прохожих деньги и товары.]

(814.) ЯВЛЕНИЕ ГУАНЬ-ДИ

Яо Кун-чэнь, начальник города Тунчэн, рассказывал:

— Некогда в Чжили некий инспектор пригласил в управление гадателя, чтобы тот вызвал духа для решения судебного дела. Родные и друзья инспектора собрались [в этот день] в управлении, и только сын человека, получившего ученую степень в один день с инспектором, сидел спокойно в кабинете и не выходил. Кто-то из гостей пригласил его присоединиться ко всем.

— Дух, которого вызывает гадатель, всего-навсего образованный дух, а я служу Гуань-ди, и мне не пристало выходить к алтарю гадателя.

— Возможно ли пригласить Гуань-ди? — спросил гость.

— Возможно, и он может при этом явиться людям,— ответил юноша.

Гость поспешил сообщить об этом инспектору. Тот лично пошел просить юношу.

— Всем вам, господа, придется три дня соблюдать пост,— сказал юноша.— Надо выбрать чисто убранную террасу и возжечь там курения.

Гости в назначенный день поставили в разных местах десять чанов, наполненных водой, опустились на колени подле чанов и стали ждать. Юноша, одетый в черное, вышел, подняв глаза к небу, горько зарыдал, а потом стал что-то жалобно бормотать, словно жалуясь кому-то.

И вдруг среди пятицветных облаков [1] все увидели божество в императорской одежде и головном уборе, с длинной бородой. Опираясь на главнокомандующего Чжоу [2], божество опустилось вниз и уселось на террасе лицом к югу.

— Не беспокойся,— сказал [Гуань-ди] юноше,— враг будет призван к ответу.

Тут некий Фу стал бить поклоны, заплакав в голос.

Поддерживая божество, главнокомандующий Чжоу улетел вместе с ним, видно было только, как их окутали облака,— и все.

Ослепленные сиянием золотых лат гости не могли открыть глаза; разделенные чанами, они лежали ничком на земле.

Однажды юноша ушел, не попрощавшись. Говорили, что ему причинил зло кто-то из крупных чиновников. Все удив-

лялись, но так и не узнали, что за враг был призван к ответу.

[815. Мыши устраивают театральное представление.

816. Рассказ о воре, который утопился в реке после того, как его разоблачили сверхъестественные силы.

817. Труп защищает свой дом от воров.

818. Покойный отец сановника возвращается домой и селится вместе с сыном; даосский маг разоблачает его как оборотня.]

(819.) «НЕБЕСНЫЕ КОСУЛИ»

«Небесные косули» — не люди, а принадлежат к категории трупов-оборотней.

В провинции Юньнань много рудников. Когда происходит обвал и рудокопы не могут выбраться наружу, то они десять, а то и сто лет питаются испарениями земли и металлов, и их тела не разлагаются. Хоть они и не умерли, но материальная их сущность мертва.

Так как рудокопы трудятся под землей, где темно так, словно стоит вечная ночь, то большинство из них носят на лбу фонарик. Если, прорывая ход в земле, они встречают «небесную косулю», та очень им радуется, жалуется людям на холод, просит у них табак. Получив табак, выкуривает его, а потом падает ниц и просит людей вывести ее наверх.

— Мы пришли сюда за золотом и серебром,— отвечают шахтеры,— нам нет смысла уходить с пустыми руками. Ты знаешь, где проходит золотоносная жила?

«Косуля» ведет их в глубь копи, где обязательно есть богатая добыча.

Перед выходом на поверхность шахтеры обманывают «косулю», говоря:

— Мы должны выйти первыми, а потом вытащим тебя в корзине.

С помощью веревки, привязанной к бамбуковой корзине, они тащат на поверхность «небесную косулю», но на полпути перерезают веревку, так что «косуля» падает вниз и умирает.

Один надзиратель, человек добрый, пожалел «небесных косуль» и вытащил семерых или восьмерых наверх. Как только их коснулся ветер, одежда, мясо, кости — все превратилось в жидкость, издававшую затхлую вонь. Все люди, вдохнувшие эту вонь, заболели заразной болезнью и умерли.

Поэтому с тех пор люди, которые тащат наверх «небес-

ных косуль», непременно перерезают веревку, боясь, что почуят этот запах и умрут. А не вытаскивать их люди тоже боятся, так как «косули» будут бесконечно к ним приставать.

И еще рассказывают, что если людей много, а «небесных косуль» мало, и люди свяжут их веревками, прислонят к земляной стене, возведут со всех сторон глиняные стены и замуруют их, соорудив сверху площадку с фонарем на ней, то «косули» не смогут больше вредить людям. Но если людей мало, а «небесных косуль» много, то они насмерть задурят людей и не выпустят их.

[820. Дух человека, утратившего возлюбленную, возрождается в теле ее новорожденного ребенка.]

(821.) ПРЕВРАЩЕНИЯ

Каждый год, когда восьмой месяц по лунному календарю переходит в девятый, камешки в реке Юйтяньхэ превращаются в яшму. Если человек, собирающий эту яшму, наступит на нее ногой, то на военных заставах, расположенных по обеим берегам, начинает бить барабан. Увидев человека, который, сгорбившись, смотрит себе под ноги, [стражники] непременно требуют с него яшму в подарок, а если он не отдает, карают его.

Если вся яшма бывала собрана, то на следующий год она снова появлялась. Если поднимался сильный туман, то камни на горе превращались в драгоценные, а речные камешки — в яшму.

В России бывает, что слетится тысяча ворон, и когда поднимается сильный туман, птицы падают на землю и лежат неподвижно, а потом превращаются в крабов; змеи превращаются в стрекоз; если люди их прихлопнут, то от злости они делаются ядовитыми и превращаются в сколопендр.

[822. Заметка о стране, в которой люди, покончившие самоубийством, превращаются в деревья.

823. Заметка о горе, на которой при ударах грома появляются драгоценные камни.]

(824.) СТРАНА ПАРЯЩИХ

Жители страны Парящих могут ходить по воздуху; задумав попасть куда-либо, они мгновенно пересекают пространство в десятки тысяч ли.

В правление предшествующей династии некий ревизор из

провинции Цзянси, переправляясь по морю, видел этих людей и поразился их красивой наружностью. Они обладают способностью, попав в любое место, сразу же научиться тамошнему языку. Они проникают на женскую половину дома; ворота и двери не являются для них преградой. Еще хорошо, что они не занимаются развратом или воровством.

[825. Заметка о волшебном лекарстве.

826. Дух, вызванный гадателем, вступает в стихотворную переписку с поэтом.]

(827.) ВЫРВАЛ ЯЗЫК У БЕСА

Э-чжэнь, слуга Цзян Цзин-у, был человеком отважным, любителем выпить. Он часто сопровождал своего хозяина к воротам Сичжимэнь[1], где водилось множество бесов, и люди не решались там селиться, но Э-чжэнь поселился. Ночью к нему явился бес с распущенными волосами. Э-чжэнь был пьян и не испугался. Бес высунул язык на чжан с лишним, чтобы напугать Э-чжэня; тот вскочил, схватил язык руками и вырвал его. Язык был холодный и мягкий, как вата.

Бес громко завопил и бросился бежать. Тогда Э-чжэнь положил язык под циновку, наутро посмотрел, а там — соломенная веревка.

С этих пор бесы там больше не появлялись.

[828. Чиновник грозит трупам уличенных в воровстве слуги и служанки, что сожжет их, если они не расколдуют молоденькую служанку, пытавшуюся покончить с собой по их наущению.

829. Рассказ о нескольких рождениях ученого.]

(830.) *ЦИЛИНЬ*[1] БЕЗ КИШОК

В четвертый год правления под девизом Цянь-лун * в доме крестьянина из Уху родился *цилинь*, а через три дня он умер. Когда ему вспороли живот, там не оказалось кишок; внутри находилось нечто похожее на краба. Люди сочли это поразительным, но впоследствии один человек сказал, что такой же случай был записан во время торжественного объезда южных районов страны императором, чьим девизом было Кан-си.

(831.) КОШКИ С ЧЕТЫРЬМЯ УШАМИ

В Цзяньчжоу, что в провинции Сычуань, у всех кошек по четыре уха.

* 1739 г.

Человек, приехавший из Цзяньчжоу, сам мне об этом рассказывал.

[832. Заметка о древнем бессмертном государе, чья голова формой напоминала бадью.

833. Даосский монах излечивает девушку, на которую птица наслала болезнь.]

(834.) ЛЮ ЦЗЫ-ЧЖУАН[1]

В конце династии Мин сын некоего Чжана из Хуанганчжоу, что в Хугуане, тяжело заболел: его околдовали бесы. Сперва появился один бес, а за ним собралась и целая толпа их.

Как раз в это время в дом вошел господин Лю Кэ-ю[2].

— Господин *чжуанъюань*[3] пришел,— закричали бесы,— нам с ним лучше не встречаться!

Один старый бес побежал прочь, а потом вернулся назад и сказал смеясь:

— *Чжуанъюань*-то еще без чиновничьей шапки[4], чего ж нам его бояться?

Больному вдруг стало лучше. Никто из людей не понял, в чем дело.

Впоследствии, уже при нынешней династии, Лю получил звание *чжуанъюаня*. Только тогда поняли, почему смеялся старый бес.

(835.) ЧЕРНЫЕ ПИОНЫ

В уезде Хойань, что в провинции Фуцзянь, есть храм Циншаньдаванмяо, у ступеней храма посажены пионы — все черные. Когда цветы распускаются, то все несколько сотен пионов поворачиваются к изображению божества в храме. Если изображение передвинуть, то цветы поворачиваются вслед за ним.

[836. Рассказ о человеке, с помощью магических средств обнаружившем вора.

837. Предсказание, сделанное гадателем, сбывается.

838. Буддийский монах съедает все яйца в деревне, где его отказались накормить.

839. Вещий сон сбывается.

840. Заметка о рангах и знаках достоинства, имеющихся у зверей-оборотней.

841. Заметка о тигре, пожиравшем преступников.

842. На бедре у человека появляется надпись-предсказание, исчезнувшая лишь несколько лет спустя, когда предсказание сбылось.

843. Человек, питавшийся лесными растениями, становится черным, как смола; искупавшись в ручье, сбрасывает кожу и снова становится белым.]

(844.) ПОМЕТ ПТИЦЫ ПЭН[1]

Весной года *жэнь-цзы* правления под девизом Кан-си* в области Цюнчжоу поблизости от моря увидели, как приближается черное облако, закрывшее небо, неся с собой резкий запах падали.

— Это пролетает птица Пэн. Если она обронит помет, то причинит людям большой урон. Надо немедленно бежать отсюда! — сказал один старик.

Вся деревня обратилась в бегство.

Вскоре небо стало черным, словно ночью, полил проливной дождь.

На следующее утро вышли посмотреть: дома крестьян оказались погребены под птичьим пометом. Когда помет раскопали, оказалось, что в нем есть рыбы и креветки. Птица уронила свое перо, которым можно было накрыть несколько десятков домов, а в отверстие можно было въехать на лошади. Перо было черное, как у ласточки.

[845. О душах людей, съеденных тигром и ставших его слугами.

846. Муха своей слюной излечивает человека от тяжелой болезни.

847. Мыши рекомендуют вниманию экзаменатора сочинение талантливого человека.]

(848.) КАМЕННЫЕ ЛЮДИ ИГРАЮТ НА ДЕНЬГИ

Перед резиденцией лэйчжоуского губернатора с двух сторон было установлено двенадцать каменных статуй, изображавших людей, которые держали в руках военные знамена, словно несли караул.

Однажды ночью солдаты, несшие здесь стражу, услыхали шум, поднятый поссорившимися между собой игроками. Поспешив на этот шум, солдаты увидели, что он исходит от каменных людей, оставивших на земле несколько тысяч монет.

На следующий день доложили об этом начальнику области. Тот обнаружил, что, хотя сокровищница заперта и за-

* 1672 г.

поры целы, денег не хватает как раз на ту сумму, что была найдена на земле. Тогда он приказал часть каменных статуй поставить перед храмом духа-хранителя города, а часть — перед храмом Дунъюэ — духа горы Тайшань. После этого чудеса прекратились.

(849.) СОБАКА ПРЕСЛЕДУЕТ ПОМОЩНИКА НАЧАЛЬНИКА ОБЛАСТИ

В год *цзя-чжэнь* * была большая засуха, особенно в уезде Пинху.

Помощник начальника области Чжао отправился в уезд торопить с уплатой налогов и грозил жестокими карами. Жители уезда были очень напуганы, [так как] многие в это время совершенно обнищали. Неожиданно черная собака стала на задние лапы и заговорила человеческим голосом:

— Почему бы не попросить помощника начальника области Чжао взять из сокровищницы три тысячи серебром и помочь народу?

В то же мгновение сотни людей, в том числе и всякие бродяги и бездельники, подняли страшный шум. Чжао в панике перепрыгнул через стену и убежал.

[850. Девочка, достигнув пяти лет, с каждым днем становится все меньше, пока не умирает вместе с матерью, в живот которой она забралась.]

(851.) ПОХОРОНЫ ПЭН-ЦЗУ [1]

Пэн-цзу, живший при династии Шан **, умер летом, в третий день шестой луны. В день, когда его хоронили, шестьдесят человек из общины умерли от холода; их похоронили в горах Сишань [2]. Могилы этих шестидесяти сохранились до сих пор и именуются Общинным курганом. Перед могилами находятся заросли дикого лука. Его не сажают, но весной он зеленеет; его не снимают, и осенью он засыхает.

Один человек опрометчиво вскопал мотыгой землю рядом с могилами — тут же разразилась гроза.

[852. Рассказ о барабане из человеческой кожи, находящемся в монастыре.

853. Рассказ о человеке, который, сгибая палец левой руки, вызывал грозу.]

---

* 1784 г.

** 1766—1122 гг. до н. э.

ЦЗЮАНЬ ПЯТАЯ

[854. Лама оживляет мертвую лошадь.
855. Заметка о трупах, преследующих живых людей.]

(856.) ТРИ КАТЕГОРИИ ТРУПОВ

В земле есть три категории трупов: бродячие трупы, скрывающиеся трупы и неизменяющиеся кости; все они не имеют гробов и одежды.

Бродячие трупы меняют свое местопребывание в земле соответственно сезонам под влиянием лунного эфира.

Скрывающиеся трупы не разлагаются в течение тысячи лет, лежат как спрятанные в земле. Неизменяющаяся кость находится в той части тела, которая при жизни человека обладала особой жизненной энергией. Когда кости предадут земле, то, хотя гроб и одежда сгниют, а скелет превратится в прах, одна эта кость остается неизменной; она черного цвета, как звучащая яшма. Если на такие кости долго воздействует энергия луча солнца или луны, то они обретают способность причинять зло.

У умерших носильщиков риса позже всего гниют плечевые кости, а у возниц — бедренные, ибо при жизни, благодаря затраченным ими усилиям, жизненная энергия скапливалась в этих костях, и, оказавшись в земле, они не легко гниют. Так же обстоит дело и со скрывающимися трупами: труп, который долго скрывался [в земле], получает жизненную энергию и становится бродячим трупом, а через значительный промежуток времени может стать летающим *якшей*. В волшебной надписи на [горе] Гоулоу[1] говорится: «Старая ящерица гекко[2] может уничтожить бродячий труп».

[857. Заметка о том, что человеческое дыхание сдувает пыль с вещей, в домах же, где долго не жили люди, скапливается пыль и вещи портятся.

858. Заметка о том, что бесы своим дыханием могут передвигать вещи и даже загонять людей в сосуд или узкую пещеру.]

(859.) ГОРНЫЕ БЕСЫ БОЯТСЯ НОЖЕЙ ИЗ ТУТОВОГО ДЕРЕВА

Гунши[1] Цзюй Цзы-тин из окрестностей горы Чаншань имел пригородное помещение для занятий за горой Дунмэньшань; там так часто показывались горные бесы, что местные жители привыкли к их виду и не считали каким-то ди-

вом. Бесы появлялись во множестве, и с их приходом всегда поднимался ветер.

Говорили, что эти бесы больше всего на свете боятся ножей, сделанных из тутового дерева. Если сделать нож из старого тута и ударить им горного беса, тот умрет. А если такой нож повесить у входа в дом, то бесы ни за что туда не войдут.

Горные бесы любят слушать пение. В горах Цюйчжоу, в подворье некоего Чжана каждую ночь являлись горные бесы и околачивались там, заставляя девиц петь им арии из опер.

[860. Даос изгоняет беса, насылающего болезни.

861. Заметка об удивительном дереве, из которого делают не гниющие в земле гробы.

862. Человек, по ошибке попавший на Млечный Путь, видит Ткачиху, ткущую представляемый Владыке Неба список лиц, которые выдержат экзамены на степень *цзиньши*.

863. Двое слуг умирают на постоялом дворе от неизвестной болезни; перед этим ночью хозяин видит сражение двух чудовищ.]

(864.) ЛЕТАЮЩИЕ ТРУПЫ

Давно умершие люди, долго пробывшие трупами, могут летать, больше не прячутся в гроб, все их тело обрастает свисающими в беспорядке волосами длиной более чи. Когда входят или выходят, светятся. По прошествии еще незначительного промежутка времени становятся летающими по небу *якшами*, которые не умирают, если их не ударит громом. Убить их можно только из ружья. Горные жители Фуцзяни часто встречают их и тогда зовут охотников; те стреляют в них, усевшись на ветви деревьев. Трупы эти сильные, как медведи. Выходят по ночам, хватают людей, губят посевы.

[865. Рассказ о маге, который умел делать из дерева волов и оживлять их.

866. Заметка о тиграх, могущих жить в воде и питаться рыбой.

867. Заметка о поверье: в Гуанчжоу есть бес, насилующий девушек, и бесовка, насилующая молодых холостяков.

868. Взятый у Цзи Юня рассказ о бесе, насмехавшемся над претензиями начетчика.

869. Взятый у Цзи Юня рассказ о лисе-оборотне, который предостерег человека, не решавшегося обелить невинно обвиненного человека, боясь своего начальства.]

(870.) ИНОЗЕМНЫЕ СТРАНЫ

О всяческих чудесах в иноземных странах ходит много слухов.

В Гаоли[1] есть Собачья Стоянка: там четыре собаки тащат повозку.

Когда житель страны Без Отверстий умирает, сердце его продолжает жить; пролежав сто лет в земле, человек вновь возрождается к жизни.

В стране Тухаго день длинный, а ночь короткая; солнце только успеет зайти, как сразу же восходит снова.

В стране Шабиго[2] во время захода солнца раздается шум, подобно ударам грома. По всей стране в это время непременно бьют в металлические барабаны, чтобы заглушить гром, иначе маленькие дети умирают от испуга.

В стране Большеухих уши у людей длиною в семь чи, шириною в четыре чи. Когда человек ложится спать, одно ухо служит ему подстилкой, другое — одеялом.

За пределами Нингунтая, когда наступает зима, люди погружаются в спячку, как пресмыкающиеся; не пьют, не едят, не произносят ни слова. С наступлением весны они понемножку начинают двигаться, едят, пьют, ходят, как раньше.

Есть также одна страна, где люди погружаются в зимнюю спячку раз в сто лет.

Жители Лэйчжоу едят вареное мясо; прочитав молитву, превращают его в сырое; снова помолятся, и баран или свинья обретают свой прежний вид; еще раз прочтут молитву, и мясо опять становится вареным. Молитва их звучит так: «Персик матушки-государыни Восточной горы! Персик матушки-государыни Западной стороны!» Всего десять слов, и только. Совсем непонятно!

Страна Дацинь[3] находится от Чанъани на расстоянии сорока тысяч ли. Бараны там рождаются в земле, и пуповина их связана с землей. Если пуповину перерезать, то баран непременно умрет. Надо бить в барабаны, чтобы земля сотрясалась, тогда пуповина сама оборвется и баран пойдет к воде и к траве. Об этом написано в «Новой истории династии Тан»[4]. И до сих пор существуют бараньи шкуры, сажаемые, как зерно, в землю. Значит, древние не обманывают нас.

[871. Рассказ о человеке, который мог ходить по воде.

872. Взятый у Цзи Юня рассказ о мошеннической проделке, с помощью которой убийце удалось освободиться из тюрьмы.]

(873.) ГО ЛЮ [1]

Го Лю была женой крестьянина из Хуайчжэня. Фамилию ее мужа я не знаю. В год *цзя-чэнь* или в год *и-сы* правления под девизом Юн-чжэн * был большой голод, и муж Го Лю, не имея средств к существованию, ушел из дому и отправился просить милостыню. Прощаясь перед уходом с женой, он сказал ей:

— Родители мои стары и больны, я оставляю их на твое попечение.

Го Лю была хороша собой, и молодые люди из их деревни, пользуясь тем, что в доме ее нет еды, пытались соблазнить ее деньгами, но безуспешно. Она кормила свекра и свекровь трудами своих рук. Так как на жизнь этого не хватало, то она обратилась к односельчанам с просьбой:

— Муж поручил мне своих родителей, но силы мои на исходе, и, если я не найду какого-нибудь выхода, оба они умрут. Соседи, если вы можете мне помочь, помогите; если же помочь не можете, то мне придется начать «торговать цветами» [2], и вы уже не смейтесь надо мной.

Соседи топтались на месте, что-то мямлили и так и разошлись, а Го Лю, горько плача, сообщила о своем решении старухе свекрови.

С этих пор Го Лю стала открыто водить компанию с мотами и гуляками, втайне копя деньги, зарабатываемые ею по ночам. Некоторое время спустя она купила молоденькую девушку, держала ее в большой строгости, не разрешая показываться посторонним. Когда кто-то сказал, что она просто набивает цену девушке, Го Лю не стала спорить.

Через три с лишним года вернулся муж Го Лю. Когда кончился обмен приличествующими в этих случаях словами, Го Лю взглянула на свекровь и сказала мужу:

— Родители ваши остались живы, а теперь и вы вернулись.— Затем вывела к нему молоденькую девушку и сказала: — Тело мое осквернено; нельзя, чтобы вы делили мой позор, поэтому я вручаю вам новую жену.

Пораженный муж ничего не ответил. Тогда Го Лю сказала:

— Пойду приготовлю вам поесть.

Ушла на кухню и там перерезала себе горло.

Прибыл начальник области, освидетельствовал труп; глаза мертвой сияли, не хотели закрываться. Начальник об-

---

* Соответственно 1725 или 1726 г.

ласти вынес решение, чтобы ее похоронили в семейной могиле, приготовленной для ее свекра и свекрови, но не в могиле, приготовленной для мужа.

— Не хороните ее в могиле мужа, ведь она порвала с ним. Похороните в могиле, приготовленной для стариков, чтоб было ясно, что она осталась верна им.

Но [и после этих слов] глаза покойницы не закрылись. Тогда свекровь, рыдая, закричала:

— Она была поистине добродетельной женщиной, ведь это из-за нас она дошла до такого! Наш сын, родившийся мужчиной, не смог прокормить двух стариков и поручил это слабой женщине, убежав от трудностей. Так по чьей же вине произошел разрыв? Это наше семейное дело, и чиновников оно не касается!

Когда старуха умолкла, глаза покойницы закрылись.

И еще:

В деревне Мэнцунь жила девушка. В конце правления под девизом Чун-чжэнь[3] появился разбойник, бесчинствовавший без зазрения совести. Увидев, как хороша собой эта девушка, он связал веревками ее родителей и, так как девушка не соглашалась «слиться с ним в радости», стал пытать их огнем. Родители кричали от боли и требовали, чтобы дочь уступила домогательствам разбойника. Девушка умоляла его отпустить ее родителей, обещая за это уступить ему. Боясь, что она его обманет, разбойник настаивал, чтобы она сначала отдалась ему, а потом уж он отпустит ее родителей. Девушка в гневе изо всех сил ударила разбойника по лицу. И погибла вместе с родителями. Трупы разбойник бросил в пустоши.

Впоследствии ему пришлось сражаться с правительственными солдатами. Доскакав до места, где лежали трупы, лошадь разбойника отпрянула и ни за что не хотела сделать и шага вперед. Разбойник полетел в грязь и был взят в плен.

Эти истории прямо противоположны одна другой. Обсуждавшие их осуждали обеих [женщин], считая, что одна утратила целомудрие, а другая была слишком упорна.

Я же скажу, что обе они были правы.

Конфуций сказал: «[Династия] Инь имела трех гуманных [людей]»[4]. Го Лю изменила свой образ жизни, [как] правитель Цзи, ставший рабом; девушка из деревни Мэнцунь сопротивлялась [насилию, как] Би Гань, убитый из-за упре-

ков государю. Древние очень жалели Лочан Гун-чжу[5], жену Сюй Дэ-яня. Ну, а этих двоих разве не жаль?

[874. Взятая у Цзи Юня заметка о любителе книг, который абсолютно во всем полагался на мнение древних.

875. Взятый у Цзи Юня рассказ о духе мертвого, который и после смерти не смог забыть жену и ребенка и пришел в полное отчаяние, когда жена его вступила в новый брак.]

(876.) БЕССМЕРТНЫЙ ЛИС БОИТСЯ ЖЕНЫ

Цзи И-ань[1] держал закладную лавку в Сичэне[2], там в маленькой башенке водились лисы, по ночам постоянно слышны были их разговоры, но людям они не причиняли вреда, и те оставляли их в покое.

И вот как-то ночью с башни послышались крики, брань, звуки ударов. Сбежались люди; вдруг кто-то закричал как от боли, и чей-то голос сказал:

— Вы, господа, собравшиеся внизу, все наверняка знатоки высших принципов. Скажите, неужели в мире смертных тоже есть жены, которые бьют своих мужей?

А среди людей, собравшихся внизу, как раз был один, которого только что побила жена, на его лице отчетливо были видны следы ее ногтей. Поэтому все рассмеялись и в один голос ответили:

— Вот уж что есть, то есть! У нас это не диво!

Лисы там наверху тоже стали смеяться, и ссора утихла. Свидетели этого чуть не лопнули от смеха.

[877. Взятый у Цзи Юня рассказ о женщине, которую в Царстве мертвых наказали за прелюбодеяние.]

(878.) ЛЕТАЮЩИЕ ПО НЕБУ *ЯКШИ*

Когда господин был в Урумчи[1], Цай Лянь-дун рассказывал [ему]:

— Как только усмирили эти края, я во время инспекционной поездки попал в уединенное место глубоко в горах Наньшань. Солнце уже клонилось к западу, когда мне показалось, что за горным потоком мелькнули тени людей. Подумав, не разбойники ли прячутся в лесных зарослях, я стал следить за ними и увидел человека в военной одежде, сидящего на каменной глыбе; подле него стояло несколько солдат; лица у всех были свирепые, а речь их за дальностью расстояния невозможно было разобрать. Я только увидел, как по приказу начальника один из солдат закричал и из камен-

ного грота вышло шесть женщин, одна другой красивее, все в нарядных одеждах и со связанными руками. Дрожа от страха, женщины склонили головы и пали ниц перед сидящим на камне человеком. Стащив с них одежды, солдаты распростерли женщин на земле и стали хлестать их плетьми, так что кровь потекла ручьями. Жалобные вопли женщин разносились по лесу и ущельям.

Кончив порку, солдаты ушли, а шесть женщин, трясясь от страха, провожали их, ползя на коленях так далеко, что уже трудно было разглядеть их. Тогда только им крикнули, чтобы они возвращались в грот.

До этого места могла долететь стрела, пройти же туда не было возможности, так как путь преграждал глубокий горный поток. Я изо всех сил натянул свой лук и выпустил стрелу в дерево, растущее по ту сторону потока. Я выпустил две стрелы в это дерево, чтобы опознать его. На следующий день, пройдя в обход несколько десятков ли, я отыскал это место, но вход в грот был забит пылью. Взяв с собой факел, я вошел туда. Грот был извилистым, глубина его была более четырех чжанов, и нигде не было видно следов человека. Так я и не узнал с какими духами повстречался накануне и кто были те, кого они пороли.

Некто сказал: «Это летающие по небу *якши* превратились в женщин».

[879. Человек, съеденный тигром, становится его слугой и пытается заманить мальчика в ловушку, чтобы и его съел тигр.

880. Заметка о волках и волчьих клыках. Волчьими клыками древние называли определенный вид оружия.

881. Рассказ о башне, в которой появлялось много разных чудищ; когда в башне возник пожар, там обнаружили груды костей.]

(882.) ДВЕ СТРАННЫЕ ИСТОРИИ ИЗ УЦЗИНЯ

Деревню к северу от Уцзиня местные жители называют Юцунь; там в одной семье родился мальчик, который необыкновенно быстро рос. Ему исполнилось еще только одиннадцать месяцев, а он уже был ростом в три чи. За каждой едой он поглощал три большие чашки каши или блины из бобовой муки — их он мог съесть по семь штук сразу. Но говорить он не умел. Если лежал в корзине, то требовал, чтобы его взяли на руки.

Было это в пятьдесят пятом году правления под девизом Цянь-лун *.

* 1790 г.

В северной части области Пилин женщина по фамилии Цинь родила сына. Вид у него был безобразный и свирепый. На голове росли два рога, которые скрывали еще два глаза. Все тело было синего цвета, во многих местах выпирало мясо; половой орган был длиной в несколько цуней, тоненький, как соломинка. И плакал ребенок как-то странно.

Домашние, решив, что это нечисть, закопали его подле заброшенного огорода. На следующий день проходившие мимо люди слышали как будто идущие из-под земли крики.

Было это в восьмую луну пятьдесят пятого года *.

[883. Человеку снится, что он попал в храм, где святой объясняет ему, что понятия «гуманность» и «человек», обозначаемые различными иероглифами *жэнь*, тождественны.]

(884.) МИ ЮАНЬ-ЧЖАН[1] ОТСТАИВАЕТ СВОЮ РЕПУТАЦИЮ

Некий Бао из Уху зарабатывал на жизнь, рисуя картины. Он специально изучал произведения Ми Юань-чжана, так что в конце концов научился в точности их копировать, да еще при этом мог так накладывать краски, что бумага принимала старинный вид. Знавшие это не покупали у него картин, но антиквары с юга и севера покупали нарасхват, благодаря чему Бао разбогател.

Однажды, нарисовав картину, Бао устал и заснул сидя. Вдруг видит — человек в головном уборе танской поры ** и в одежде времен Сун *** поднялся к нему во двор и стал ругать его:

— Я Ми Юань-чжан. Ты изучал мои картины, но освоил только их видимость и, обманывая своих современников, нажил бо́гатство. Из-за тебя много сотен лет потомки будут говорить, что картины Ми Юань-чжана ничего собой не представляют. Ты опозорил мое имя, погубил мою репутацию!

Он вынул из рукава камень и ударил им Бао по правому локтю. От страшной боли Бао в испуге проснулся.

С этих пор, когда Бао держал в руке кисть, вся рука — от локтя до пальцев — болела нестерпимо; когда же он брал в руку палочки для еды или считал деньги, рука не болела.

---

* Т. е. летом 1790 г.
** 618—907 гг.
*** 960—1279 гг.

[885. Начетчик, которого тигр утащил в горы, попадает во дворец бога-покровителя литературы; из услышанных там разговоров узнает, что бог всем комментариям на конфуцианских классиков и произведениям сунских неоконфуцианцев предпочитает стихи Бо Цзюй-и и других поэтов времен Тан и Сун.

886. Буддийский наставник доказывает ученому, пожелавшему учиться у него закону Будды, что тот не может просидеть неподвижно без питья и пищи даже день.

887. Человек встречает покойного знакомого, который за провинность назначен ловцом бесов.]

ЦЗЮАНЬ ШЕСТАЯ

[888. Предсказание, сделанное во сне, сбывается.

889. Зловещий сон сбывается (два случая).

890. Слуга, столкнувшись в дверях с бесом, опрокидывает его; у беса рассыпаются конечности и внутренности, и он с трудом уносит ноги.

891. Рассказ о даосском монахе, который мог творить чудеса.]

(892.) ТРУП ПРОЯВЛЯЕТ ЖАДНОСТЬ

Чжан Юй-гу из Цзиньлина и некий Ли были друзьями и вместе занимались торговлей в Гуандуне. Чжану пришлось по делам вернуться домой, Ли поручил ему передать его семье письмо.

По возвращении Чжан понес письмо в дом Ли. Там, в центральном зале, он увидел гроб. Узнав, что умер отец Ли, он поднес семье Ли подарки и совершил положенные обряды, чем произвел очень благоприятное впечатление на семью Ли. Жена покойного вышла к Чжану и, увидев перед собой молодого человека лет двадцати с небольшим, очень красивого и изящного, ласково приняла его и угостила, как подобает. Наступил уже вечер, и Чжана оставили ночевать.

Между комнатой, где заночевал Чжан, и помещением, где стоял гроб, был открытый двор. Когда пробили вторую стражу, Чжан увидел при ярком свете луны, что жена Ли вышла из своих покоев и заглянула к нему в оконную щель. Чжан даже задрожал от смятения; подумав, что добродетельные женщины так не ведут себя по отношению к чужим мужчинам, он решил дать ей суровый отпор, если она откроет дверь и войдет к нему.

В это время он заметил, что женщина, держа в руках курения, повернулась к табличке усопшего и стала что-то бормотать, словно жалуясь. Потом она подошла к двери комнаты Чжана, сняла с себя пояс, обвязала им железные кольца на двери и медленными шагами удалилась.

Испуг и подозрения Чжана от всего этого усилились, и он не решался лечь в постель и заснуть. Вдруг он услышал какой-то треск, доносившийся из помещения, где стоял гроб. Крышка гроба упала, и человек, лежавший в гробу, сел. У него было черное лицо, глубоко запавшие глаза с зелеными зрачками, источавшими свет. Вид у него был необычайно свирепый и устрашающий. Большими шагами он вышел [из зала] и направился прямо к комнате Чжана. Он издал бесовский свист, и со всех четырех сторон поднялся холодный ветер. Пояс, которым были обвязаны кольца двери, разлетелся на кусочки. Чжан изо всех сил удерживал двери, но силы его в конце концов иссякли, и труп вломился в комнату. К счастью, рядом с дверью стоял большой шкаф. Чжан толкнул его прямо на труп. Шкаф упал и придавил собою труп, а Чжан потерял сознание и долго не приходил в себя.

Услышав шум, жена Ли прибежала вместе со своими домашними, которые несли свечи и факелы. Чжана напоили имбирным отваром, и он очнулся.

— Это мой муж,— сказала женщина.— Он вел неправедную жизнь и после смерти превратился в бродячий труп, который выходит [из гроба], чтобы творить зло. Он был очень алчным от природы. В прошлую ночь он явился ко мне во сне и сказал: «Некий Чжан привезет в дом письмо. На нем будет пояс, а в поясе двести золотых. Я убью его и заберу золото, половину возьму к себе в гроб, а половину дам тебе на домашние расходы».

Я решила, что это дурной сон, и не поверила его словам. Против ожидания, вы действительно пришли и остались здесь ночевать. Поэтому я зажгла курения и вознесла молитвы перед его табличкой, прося не поддаваться злому намерению. Но, боясь все же, что он откроет дверь и причинит вам вред, я обвязала кольца двери своим поясом, не думая, что муж обладает такой силой.

Семья Ли отнесла труп обратно в гроб, и Чжан посоветовал им как можно скорее сжечь труп, чтобы пресечь его злые чары.

— Я давно уже думала об этом,— сказала женщина,— но так как он был моим мужем, не могла решиться. Теперь же я не могу не выполнить этого обычая.

Чжан помог ей деньгами при воздвижении алтаря; позвали знаменитого буддийского наставника, чтобы молиться о спасении души покойного, и сожгли труп. Теперь семья могла жить спокойно.

[893. Рассказ о даосе, который умел изгонять нечистую силу.
894. Две удивительные истории с оборотнями.]

(895.) ПРИНИМАЛИ ОДНО И ТО ЖЕ СНАДОБЬЕ, А РЕЗУЛЬТАТ РАЗНЫЙ

Снадобье из нефритовых дисков бывает ядовитым, люди это знают, но принимают его; некоторые с его помощью обретали долголетие и здоровье, у других же появлялись фурункулы на спине и на шее, и они умирали. Счастье и беда несхожи друг с другом, так же как несхожи вид и сущность различных людей.

Министр чинов нынешней династии в день зимнего солнцестояния пробовал снег и глотал лед, не чувствуя при этом никакого холода, поэтому сам себе дал прозвище Солнечные Кишки.

Достопочтенный Инь Вэнь-дуань[1] суровой зимой не надевал собольей шапки, а если и надевал, то даже в сильнейший снегопад пот дождем лил с него.

Достопочтенный Сун Ся-ин дважды принял снадобье из сталактитов, и руки и ноги у него почему-то вдруг стали словно лед.

Ван Хуа-ши из Ханчжоу часто принимал снадобье из нефритовых дисков. В конце концов у него в волосах появились пузырьки, из которых вышла струя синего дыма,— это было результатом приема этого снадобья. Говорили, что яд вышел у него из волос, больше никаких болезней у него не появилось, так что этот человек дожил до наших дней; сейчас он уже стар, но совершенно здоров.

[896. Старуха, обманув красивого юношу, проводит с ним ночь.]

(897.) ШЭН ЛИНЬ-ЦЗИ

В сорок первом году правления под девизом Цянь-лун * в уезде Лэань жил некий Шэн Линь-цзи; было ему тридцать два года, семья его состояла из матери и младшей сестры. Однажды он схватил нож для рубки овощей и отрубил го-

* 1776 г.

лову матери и сестре. Головы положил на стол, купил курения и цветные свечи и возжег их.

Соседи в испуге стали спрашивать его, почему он это сделал.

— Я послал этих двоих в самое прекрасное место, чтобы они стали буддами, этим я проявил наивысшую сыновнюю почтительность,— смеясь ответил Шэн.

Староста селения доложил о случившемся чиновникам, чтобы было произведено дознание. Шэн спокойно вышел навстречу чиновникам и повторил то же, что сказал соседям. Чиновники доложили государю, последовал приказ четвертовать Шэна. Умер он с улыбкой, не произнеся ни слова.

Соседи говорили, что Шэн всегда проявлял высшую сыновнюю почтительность по отношению к матери и был очень дружен с сестрой.

[898. Благодаря мудрости судьи человек, арестованный по ложному обвинению в убийстве, оправдан, а настоящий убийца казнен.

899. В драке человек убивает соседа, труп исчезает. Стражники, боясь ответственности, заменяют труп другим. Судья выясняет, что человек, «убитый» в драке, жив, новый же труп принадлежит человеку, убитому женой. Жена арестована.

900. Заметка о том, что у бессмертных и будд тело не из плоти.

901. Заметка об удивительном камне, который может сдвинуть с места ребенок, но не могут сдвинуть десять мужчин.

902. Заметка о скале, похожей на стоящую женщину.

903. Заметка с найденной в пещере могильной надписи мифическому императору Яо.]

(904.) ЛЕТАЮЩИЙ КОЛОКОЛ, НЕМОЙ КОЛОКОЛ, ВОЛШЕБНЫЙ КОЛОКОЛ

На вершине горы Фухушань в Уи висит колокол.

Рассказывают, что во времена Тан он взлетал, отделяясь от земли более чем на тридцать чжанов. Никто не мог бить в него, поэтому его называли еще «немым колоколом».

За пределами Чжанцзякоу, в храме Цзунгуаньмяо есть волшебный колокол, который после третьей стражи начинает сам звонить без всякой причины.

[905. Замегка о полчищах мышей, переплывших реку и разрушивших дамбы.]

(906.) ПТИЦА ПЭН ПРОЛЕТЕЛА

В шестидесятом году правления под девизом Кан-си *, когда мне только что исполнилось семь лет [1] и я начал ходить в школу, в третий день седьмой луны, сразу после обеда, небо стало вдруг черным, словно ночью. Вскоре оно постепенно начало светлеть, красные лучи солнца озарили зал, на небе не было ни одного облачка.

— Это пролетела огромная птица Пэн [2],— сказал кто-то.

Значит, то, что сказал Чжуан-цзы [3]: «Крылья, словно облака, заслоняющие небо»,— не пустые слова.

[907. Заметка о фарфоровой пиале, обнаруженной в упавшем с горы камне.

908. Трое приятелей, евших тыквенные семечки, нечаянно просыпали семечки, из которых сразу же выросли три большие тыквы, а с приятелями произошли разные беды.

909. Человек, презрительно отозвавшийся о звуках лютни, наказан Небом.

910. Человек открывает ящик, замурованный в башне, оттуда вылетают огненные стрелы, спалившие башню.

911. Певички насмехаются над глупым баричем.

912. Заметка о различии брачных обычаев на севере и на юге.

913. Два богача, стремясь затмить друг друга в роскоши, разоряются.

914. Два мага состязаются в искусстве; побеждает тот, которому помогают духи, а не бесы.

915. Чудесное исцеление больного чиновника, которому во сне назвал нужное лекарство дух-покровитель города.

916. Две истории о служебном продвижении чиновников с помощью духов.

917. В награду за доброе дело чиновник обретает долголетие.]

ЦЗЮАНЬ СЕДЬМАЯ

[918. Дух женщины, вызываемый гадателем, является во сне к человеку и становится его возлюбленной. После этого он больше не приходит на вызовы гадателя.]

(919.) «ЛЭ-ЛЭ»

Некий *сюцай* из Цзычуани, правнук помощника начальника ведомства Гао Нянь-дуна [1], рассказывал, что в молодости,

* 1722 г.

после того как была совершена брачная церемония, он почувствовал такую резкую головную боль, что упал на пол и перестал узнавать людей и понимать происходившее. По прошествии нескольких дней ему стали слышаться какие-то звуки, словно кто-то говорил ему в ухо: «Лэ-лэ». Когда же прошло еще несколько дней, он увидел какую-то маленькую фигурку, похожую на ребенка, ростом чуть побольше одного чи. С этого времени *сюцай* стал слабеть и худеть, не мог подняться с постели.

Домашние считали, что на него напустили порчу, пригласили мага, но попытки избавить от порчи были безуспешны. Тогда под его изголовьем спрятали меч. Каждый раз, когда больной пробуждался, он видел, что ребенок вылезал из-под постели, бежал к деревянной скамье и прятался под ней. Под скамью поставили медный таз, наполненный водой.

Однажды днем, когда больной только что проснулся, он увидел ребенка и стал размахивать мечом; ребенок упал в воду. Домашние вытащили из таза деревянную фигурку ребенка, одетого в красную одежду; на шее у него был красный шнур, который он тянул обеими руками, словно хотел удавиться. Они сожгли фигурку[2], и наваждение прекратилось.

Потом рассказывали, что в этот день в деревне умер один мастеровой.

Оказалось, что, когда *сюцай* переселился в дом своего тестя, мастеровой чинил там крышу. Он попросил о чем-то, но получил отказ и наслал порчу; когда же чары разрушили, то мастеровой сам умер.

Однако с тех пор у *сюцая* стали смещаться кости, и он не мог ходить, поэтому домашние устроили ему беседку в саду.

Однажды случилось так, что, когда маленький слуга привел *сюцая* в беседку, *сюцай* послал его в дом принести чай.

У соседа была дочь, молоденькая и красивая, она знала *сюцая*; дождавшись, когда слуга ушел, она взобралась на стену и заглянула в сад, держа в руках пиалу с чаем. Затем она перелезла через стену, поставила чай на стол и сказала *сюцаю*:

— Зная, что господину хочется пить, решила услужить ему.

Сюцай, опасаясь, не наваждение ли это, и еще не оправившись от старой болезни, настаивал, чтобы она ушла. Девушка сказала:

— Раз вы это поняли, я должна уйти.

В то же мгновение послышались шаги слуги, и девушка исчезла.

Сюцай повернулся, чтобы поглядеть на пиалу с чаем, стоявшую на столе,— в ней был только один тутовый листок и капелька жидкости.

Впоследствии каждый раз, когда *сюцай* отдыхал днем или ночью при ярком свете луны, девушка приходила к нему, вела беседу, проявляя при этом ясный ум. С тех пор как заболел, *сюцай* крепко держал себя в руках, и девушка тоже не проявляла слишком большой фамильярности.

В течение дня ее внешность и манеры, рост и фигура могли меняться по ее желанию, поэтому *сюцай* не мог не подозревать, [что она — оборотень], но в то же время радовался беседам и дружбе с ней и больше уже не допытывался, откуда она взялась. Следов ее прихода и ухода никто не замечал, только с ее появлением поднимался холодный ветер.

Однажды *сюцаю* приснилось, что он слился в любовной радости со своей женой. Проснувшись, он увидел ту девушку. Он понял, что это химера, созданная ее чарами, хотел насильно оставить ее у себя. Но девушка вдруг схватила свою одежду, спрыгнула с постели и с хохотом убежала. Одежда ее была как бумага, и шуршала она, как шелест ветра.

Впоследствии, когда *сюцай* овладел приемами укрепляющей гимнастики, девушка перестала приходить.

(920.) ГРОМ УБИВАЕТ ДВУХ ЖЕНЩИН И ВОСКРЕШАЕТ РЕБЕНКА

В одной деревне в уезде Аньдун женщина родила сына. Повивальная бабка по ее просьбе осталась с ней на ночь и ушла только утром. Муж женщины в это время отсутствовал. Вернувшись домой, он очень обрадовался рождению сына и решил устроить благодарственное жертвоприношение духам. Пошарив в подушке, он удивленно сказал:

— Я спрятал сюда четыре слитка серебра, никто об этом не знал, куда же они могли деться?

Жена тоже удивилась:

— Может быть, повивальная бабка, ночевавшая у меня вчера, могла нащупать слитки в подушке?

Муж отправился к повивальной бабке и предложил ей половину [пропавшего] серебра за услуги, с тем чтобы два слитка она вернула ему для жертвоприношения. Повиваль-

ная бабка даже в лице изменилась от злости. Осыпая его проклятиями и бранью, она кричала:

— Я приняла в твоем доме роды, а теперь ты облыжно винишь меня в воровстве! За это твой сын непременно умрет! Если же я украла твое серебро, пусть гром убьет меня!

Она бранилась без умолку, и муж роженицы, который начал думать, что ошибся, больше не осмеливался настаивать, чтобы она вернула ему серебро.

Через три дня он пришел снова и просил, чтобы повивальная бабка выкупала его сына. Бабка не пошла, но послала свою дочь. В эту ночь младенец действительно умер.

Муж и жена, заливаясь слезами, положили ребенка в деревянный ящик и похоронили его на пустоши. Все говорили: «Слова бабки сбылись».

И вдруг послышались такие сильные раскаты грома, что все вокруг задрожало и по всей деревне разнесся запах серы. Жители деревни выбежали посмотреть. На пустоши стояли две коленопреклоненные женщины; обе были обожжены молнией; каждая из них держала в руках до два слитка серебра, а зарытый в землю ребенок наполовину вылез и жалобно плакал.

Соседи побежали сообщить об этом родителям младенца. Те прибежали и увидели, что в пупке у младенца торчит игла; когда ее вытащили, потекла кровь. Ребенок остался жив, а повивальную бабку и ее дочь убило громом.

Когда дочь повивальной бабки купала ребенка, она тайком вонзила ему в пупок иглу, чтобы его смерть подтвердила проклятие ее матери. Все были поражены. Случилось это в шестую луну пятьдесят седьмого года правления под девизом Цянь-лун *.

[921. Предсказание, сделанное духом огня, сбывается.

922. Небо карает смертью четырех родственников, убивших свекровь.

923. Художник рисует портрет сановника в виде бессмертного; оказывается, что тот действительно был бессмертным, но за то, что по ошибке убил мальчика, был превращен в смертного.]

(924.) НАЧАЛЬНИК ПАЛАТЫ ЦЯНЬ

Господин Цянь Мэй-гу [1] из Билиня, чье имя было Чунь, в годы правления минского императора под девизом Чунчжэнь ** был в Нанкине начальником палаты финансов.

* 1792 г.

** 1628—1643 гг.

В раннем детстве он очень тяжело болел оспой и находился на волосок от смерти. Отец его, господин Ци-синь, горячо любивший своего единственного сына, все время носил его на руках, не в силах расстаться с ним. Как-то, когда он нес его по лестнице, вдруг послышался громкий голос:

— Тот, кто по ошибке заразил начальника палаты Цяня оспой, получит двадцать палок, если немедленно не примет меры к его выздоровлению!

Тут же послышался шум, словно падала черепица или рассыпались бобы. [Отец] взглянул на лежавшего у него на руках ребенка и увидел, что тот пришел в себя.

Когда Цянь Чунь был подростком, он постоянно ночевал в башне, а в летние месяцы — в другом месте. Как-то один батрак улегся на его лежанку и, словно во сне, услыхал чей-то гневный окрик:

— Как такое ничтожество осмелилось лечь на эту лежанку?

Почувствовав, что лежанка под ним закачалась, батрак вскочил и увидел, что лежанка передвинулась в самый темный угол комнаты. Больше он уже не решался лечь на нее. Увидев затем господина Цяня, он в испуге бросился перед ним на колени и все рассказал ему.

(925.) СНИТСЯ ТУШЬ

Достопочтенный Цянь Вэнь-минь [1] из Уцзиня в год *моу-у* * сдавал экзамены на степень *цзюйжэня*. Перед экзаменом ему приснилось, что он вышел за ворота Чжэнъянмэнь [2] и увидел там человека с гордым выражением лица, который, расставив холщовую палатку, разложил около нее тушь. Сначала купил тушь какой-то бородач, потом купил и достопочтенный Цянь. Продавец туши пристально вгляделся в лицо Цяня и подал ему еще палочку туши, затем протянул две бородачу. Тут Цянь проснулся. Впоследствии на аудиенции у главного экзаменатора Сунь Вэнь-дина [3] [Цянь] увидел, что Сунь был тем продавцом туши; потом пришел еще один экзаменующийся: это был тот бородач, оказавшийся Ли Цзюнем из Уси. Получивший одну палочку туши Цянь попал в первый список выдержавших экзамены, Ли, получивший две палочки,— во второй. Скончался Цянь, находясь на должности пинчжоуского начальника.

* 1738 г.

[926. Предсказание, сделанное во сне, сбывается.

927. У возвращавшейся домой от родителей новобрачной ветром снесло в лесу всю одежду. Ее муж ругает за это бесов. Утром его находят обезглавленным.]

(928.) ДРАКОН ИСТРЕБЛЯЕТ ДРАКОНА

В восьмую луну года *синь-хай** у горы Чжаобаошань[1], что в уезде Чжэньхай, средь бела дня небо вдруг стало совершенно темным и два дракона схватили третьего и потащили к берегу моря. Драконы были в несколько обхватов, похожи на тех, что рисуют люди, только рога у них были короче да гривы куда длиннее. Когда дракон упал на землю, то пополз, еле двигаясь, и почти сразу же издох. Вонь от него распространилась больше чем на целое ли. Деревенские жители бросились делить его: из каждого позвонка можно было сделать ступку, а тот, кому досталась нижняя челюсть дракона, отнес ее на рынок и выручил двадцать связок чохов.

[929. Шелковичные черви, которых женщина хотела употребить на лекарство для больного сына, насылают на нее злые чары.

930. Дух мертвого обманывает человека, взяв у него деньги за исцеление матери, которая сразу же после этого умирает.

931. Горный бес в благодарность за оказанную ему услугу помогает человеку разбогатеть.

932. Ряд случаев, когда выдра-оборотень насылала на человека наваждение или являлась к юноше под видом красавицы девушки.

933. Дух мертвого вселяется в тело живой женщины и говорит ее устами.

934. Рассказ охотников о тиграх-оборотнях и душах людей, убитых тиграми и ставших их слугами.

935. Посланец духа-хранителя города предупреждает умирающего чиновника, что он должен вступить в должность нового духа-хранителя города; по его просьбе ему дают отсрочку из-за семейных дел.

936. Даосский патриарх, обладавший искусством магии, с помощью духов мертвых расследует темные судебные дела.

937. Рассказ о сводне, устроившей молодому богачу свидание с умершей красавицей.

938. Развратные проделки выдры-оборотня.

939. Тигр, подстерегавший человека, по ошибке хватает его тростниковую шляпу, которая застревает у него в глотке, так что он погибает голодной смертью.]

---

* 1791 г.

(940.) ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ГАНЬ ЯВИЛСЯ ВО СНЕ

Гань Чжун-цзай[1] был моим экзаменатором в году *цзивэй* *; внук его Ли-гун получил назначение в академию Ханьлинь, был экзаменатором в Хубэе и умер в помещении для экзаменов. Впоследствии самый младший брат его отца, Хуан, был назначен начальником округа Ханьсинь и наблюдал за проведением экзаменов на степень *сюцая*. Ночью он лег спать, и ему приснилось, что Ли-гун поднял полог у его постели, заглянул и испуганно спросил: «Второй дядя здесь?»

Проснувшись в испуге, Хуан стал расспрашивать людей и узнал, что в том месте, где он поселился, в прошлом стоял гроб главного экзаменатора [Ли-гуна].

ЦЗЮАНЬ ВОСЬМАЯ

(941.) ПРЕВРАЩЕНИЯ ТРУПА

Тан Э-да из Инь жил в столице. Когда туда приехал его старший брат, он повел себя по отношению к нему не так, как предписывается правилами этикета. Кто-то спросил о причине этого, и Э-да рассказал, что когда-то ему вместе со старшим братом пришлось сторожить труп соседской девушки. Старший брат спустился вниз за чаем, а Э-да, восхищенный красотой покойницы, долго смотрел на нее, одолеваемый дурными мыслями. Внезапно труп поднялся, обогнул стол и направился к Э-да. Тот кинулся к дверям, думая убежать, но оказалось, что двери были заперты снаружи.

Дело было в том, что, когда старший брат поднялся наверх, он увидел, что труп преследует [Э-да], испугался и запер двери. Э-да выпрыгнул в окно, труп не мог выпрыгнуть за ним. Э-да свалился на черепицу, а труп стоял в оцепенении и не двигался.

На следующий день домашние поднялись наверх поглядеть: труп все так же неподвижно стоял [у окна]. Тогда решетом для просеивания риса его свалили на пол и стали обряжать для похорон.

На третий день Э-да вернулся домой из города. При дневном свете он увидел, что девушка совсем не хороша собой. Он уехал в город, потом перебрался в столицу и до сих пор так и не решился вернуться домой.

---

* 1739 г.

[942. Дух мертвого ведет тяжбу со своей женой из-за имущества.

943. Три истории о неожиданной смерти людей, которых Небо покарало за преступления.

944. Мошенническая проделка живых с духом умершего.

945. Генерал, чьи слуги по ошибке раскопали могилу, искупает их вину, перехоронив потревоженные кости покойного по его просьбе.

946. Больному снится, что посланец Царства мертвых, которому он отказал в табаке, приводит его к судье Царства мертвых. Тот обвиняет больного во множестве преступлений. Больной отрицает свою вину; просыпается здоровым.

947. Больной чиновник сходится с красавицей, оказавшейся лисой-оборотнем, которая учит его писать прекрасные стихи. Пристыженная его родителями лиса уходит от него навсегда.

948. Начальник области просит деревенского мальчика, поднявшегося в небо, даровать дождь. В благодарность за дождь в храме воздвигают изображение мальчика, ставшего бессмертным.

949. Заметка о том, что напавшие на город бесы отступают перед ударами металлических гонгов.

950. Бес-оборотень околдовывает красивого юношу, которого с трудом удается расколдовать.]

(951.) ЧЕРНАЯ НАПАСТЬ БОИТСЯ СОЛИ[1]

Дин Сянь-жун, уроженец Чжучэна, рассказывал, что в их местности есть деревня Иньцзяцунь, там много старых могил, в которых, как передает предание, водится нечисть; с виду она похожа на человека, но лицо представляет собой не плоть, а только круг черного пара. Высотой она более чжана, каждую ночь выходит наружу, а днем прячется. Выйдя [из могилы] и встретив на дороге человека, останавливается на расстоянии стрелы и издает свист, похожий на удар грома, так что сердце у человека трепещет от страха; он видит и слышит нечисть, но не представляет себе, что это такое, так как, свистнув, нечисть отгораживается от человека черным паром, а когда запах доходит до ноздрей человека, она исчезает. Деревенские жители предостерегали друг друга от этой опасной дороги, и по ней перестали ходить, когда наступала темнота.

Некий торговец солью, торговавший в этих местах, любил выпить; спьяна он забыл о предостережениях и пошел по той дороге. В это время луна уже вышла, наступила вторая стража, и внезапно дорогу ему преградила нечисть, издавшая громкий свист. Торговец бросился на нее с жердью, на которой нес товар, но не смог причинить ей вреда. Не

зная, что делать, торговец поспешно схватил соль и бросил ее в нечисть. Она отшатнулась, стала отступать и ушла в землю. Тогда торговец высыпал всю соль из корзины на то место и ушел. Когда рассвело, он вернулся туда и увидел, что куча соли на земле вся стала красной и издает неприятный запах, а рядом множество капель крови. С тех пор эта нечисть здесь не появлялась.

(952.) ТРУП, СХВАТИВШИЙ ЧЕЛОВЕКА, МОЖНО ОБУЗДАТЬ КОСТОЧКАМИ ЖУЖУБА

Когда начальник уезда Ю Пэй-лянь еще не служил, он гостил в Хэнани. Он рассказывал, что в этой местности гробы часто ставили во временное помещение в пустоши и бывали случаи, когда труп хватал человека и причинял ему боль. У местных жителей был свой способ справляться с трупами; ничего удивительного в этом способе не было. Когда труп хватал человека и так крепко сжимал его в руках, что, даже если отрубить ему руки, ногти его все равно оставались в теле человека и их никак нельзя было вытащить, брали семь косточек жужуба и вбивали их в позвоночник трупа; тогда его руки тотчас разжимались. Способ этот всегда действовал безотказно. Труп недавно умершего человека, начинавший бегать, называют «бегущей тенью», он двигается под влиянием силы *ян*[1]. Если человека схватил такой труп, то и с ним можно справиться указанным способом.

[953. Предсказание, сделанное гадателем, сбывается.

954. Бог-покровитель литературы осуждает женщину, которая, несмотря на запрет больного мужа, подслушивала их разговор, в результате чего муж не получил желаемого нового рождения.]

(955.) РЫБА, ЗАГЛАТЫВАЮЩАЯ ДЖОНКИ

Обычно люди, путешествующие по морю, берут с собой пакеты золы от сгоревшей исписанной бумаги. Говорят, что в море водится множество всяких чудищ; если, например, в рыбу, заглатывающую джонки, кинуть такую золу, она уплывет.

Некий торговец солью, занимавшийся морскими перевозками, нагрузил полную джонку соли и отправился в путь. Однажды ему вдруг повстречалась огромная рыба, заглатывающая джонки. На джонке не было золы от исписанной бумаги, и он стал кидать в рыбу пакеты с солью; заглотав несколько десятков пакетов, рыба уплыла. Через несколько

дней на отмели издохла огромная рыба, в животе у которой нашли непереваренные пакеты; тогда поняли, что она сдохла, наевшись соли.

(956.) ДЫМ ОТ ПЕТУШИНЫХ ПЕРЬЕВ УБИЛ ЗМЕЮ

Ли Цзинь-ши рассказал, что дым от петушиных перьев ядовит для змей. Стоит им почувствовать его, как они сразу же подыхают. Это относится и к акулам, и к моллюскам — ко всем без исключения. В чем тут дело, непонятно.

Кто-то сказал: «Это легко понять. И акулы, и моллюски, и змеи — все они относятся к категории *инь*, петух же является символом скопления *ян* на юге. Все, что по природе своей относится к огню, принадлежат к категории *ян*; поэтому то, что принадлежит к категории *инь*, столкнувшись с атмосферой *ян*, немедленно умирает».

Это можно непосредственно соотнести с тем, что сказано в комментарии к *Инь фу цзину*[1]: «Господство малого над большим заключено не в форме, а в атмосфере».

[957. Удивительные змеи, которые водятся на одной из гор в провинции Чжэцзян.

958. Буддийский монах во время пожара превращается в журавля и спасается.

959. Заметка об объяснении «постижения сути вещей», проповедуемого неоконфуцианцами.

960. Рассказ о волшебной курительной трубке, с помощью которой ее владелец излечивал болезни.

961. Рассуждение о слиянии тела и духа.

962. Заметка о повадках пчел.

963. Заметка о волшебной траве.]

(964.) ОЛЕНЬ, ВСКОРМЛЕННЫЙ ОВЦОЙ

В горах Линьаньшань водятся олени, у которых если в период праздника Поминовения усопших[1] родится детеныш, то он обязательно должен дождаться дождя, чтобы суметь начать ходить. Пока дождя не будет, он так и не сможет ходить. Местные жители, отыскав такого олененка, относят его к себе домой, чтобы его вскормила овца. Когда олененок подрастает, он начинает ходить следом за овцой и постепенно из дикого становится ручным. Такие олени могут служить украшением парков и лесов; называют их оленями, вскормленными овцой.

[965. Удивительное многорогое животное застревает между лианами и погибает голодной смертью.

966. Удивительный предмет, напоминающий желтый узел с одеждой, вызывает волнение на реке, грозящее гибелью джонкам.

967. Заметка о способе гадания на воде.

968. Рассказ об удивительной девятихвостой змее.

969. Заметка о поверье, что если человек по ошибке съест извержения ящерицы гекко, то его кости превратятся в воду.

970. Во время неожиданной бури громом убивает множество людей и животных.]

ЦЗЮАНЬ ДЕВЯТАЯ

[971. Четыре красавицы из одной деревни оказываются небесными ткачихами, изгнанными в мир смертных. Трое из них неожиданно умирают и возвращаются на небо. В установленные сроки, невидимые для других, они посещают четвертую подругу, оставленную на земле, чтобы ухаживать за старухой свекровью.

972. Целомудренная девушка предсказывает день своей смерти, становится небесной феей, в честь которой воздвигнут храм. Является во сне своей любимой служанке, чтобы призвать ее к себе. Служанка умирает.

973. Лисы-оборотни, встреченные человеком ночью, избивают его. Ему удается избежать смерти, ударив в колокол в храме и этим прогнав лис.

974. Волосатое чудовище появляется в помещении для экзаменов, напугав до смерти экзаменующихся. Не испугались его лишь те, кто впоследствии прошел в числе первых на экзаменах.]

(975.) ДВЕ ИСТОРИИ О ЧУДЕСАХ С ГРОМОМ

В одной деревне в Сучжоу старуха по фамилии Хуан одна сидела дома. После полудня неожиданно началась буря, раздался такой удар грома, что вся утварь, стоявшая у левой стены, передвинулась на расстояние четырех-пяти чи от стены, а белая глина на стене толщиной не более трех фэней тоже отлетела на четыре-пять чи от стены и стала ровно, ни капельки не поврежденная.

От испуга старуха упала на землю и долго лежала, не понимая, что ее ударило. Других чудес в ее доме не произошло.

На постоялом дворе в Дайчжоу поселились вместе двое приезжих. Однажды рано утром поднялся сильный ветер,

начал накрапывать дождик. Один из постояльцев, перевернув большой таз, поставил его на *кан* и уселся на него; второй, сидя на пороге, беседовал с ним; подняв голову, он вдруг увидел на потолочной балке пламя величиной в два цуня, извивающееся, как маленькая змейка. Он закричал; сидевший на *кане* взглянул, но не успел ничего сказать, как раздался раскат грома и снесло кусочек крыши.

В комнату вбежали люди и увидели, что один постоялец лежит на полу, словно одеревенев, а другой неподвижно сидит на *кане;* пригляделись — оба уже мертвы, а на крыше — дырка величиной с боб.

Сначала подумали, что их ударило громом; когда же посмотрели вверх, то увидели, что с крыши снесло черепицу, причем не похоже было, чтобы снесло ее сверху вниз. Передвинули труп, поглядели и увидели, что на дне таза, на котором сидел один из постояльцев, тоже есть дырочка величиной с боб. Сдвинули таз, посмотрели — оказалось, что и в *кане* есть отверстие. Значит, [что-то] из-под земли пробуравило *кан* и таз, пробило живот сидящего, достигло крыши и пробило покрытие.

Того постояльца, что лежал на полу, удалось привести в чувство с помощью имбирного отвара.

(976.) ЧЕЛОВЕК ПРЕВРАТИЛСЯ В РЫБУ

Мой племянник Чжи-хуа был назначен на должность в Хуайнань. Занимаясь снабжением войск, он проезжал через Куйчжоу. На дороге ему встретилась толпа мужчин и женщин, шумевших и кричавших, словно помешанные.

Чжи-хуа спросил их, в чем дело, и ему рассказали:

В одной деревне живет женщина по фамилии Сюй. [Ночью] она спала вместе с мужем, с которым ее связывала нежная любовь. Рано утром проснулись, а у жены лицо, волосы, кожа — все, как прежде, а нижняя половина тела приняла рыбью форму, под грудями появились вонючие и скользкие чешуйки. Говорить она еще могла и, приведя себя в порядок, сказала, заливаясь горькими слезами:

— Когда я спала, то никакой боли не чувствовала, только ощутила, как зачесалась нижняя половина тела, потом стало чесаться еще сильнее, и, наконец, зуд стал нестерпимым. Неожиданно, когда пробило пятую стражу, обе мои ноги соединились так, что я не могла ни вытянуть их, ни поджать. Пощупала — а они уже превратились в рыбий хвост. Что же мне теперь делать?

Обняв друг друга, муж и жена горько заплакали.

Чжи-хуа послал кого-то из своих домашних посмотреть. Оказалось, что это правда. Так как он ехал по служебным делам, то не мог здесь задерживаться и не узнал, бросили ее в реку после доклада чиновнику или оставили жить дома,— не успел расспросить об этом.

[977. Хань Юй, став богом, наказывает палками провинившегося *сюцая*. Домашние *сюцая*, считая его умершим, хоронят его тело. Вернувшаяся душа оплакивает отсутствие своего тела.

978. Жена-развратница кончает самоубийством, боясь публичного позора.]

(979.) ЗЕРКАЛО, ОСВЕЩАЮЩЕЕ МОРЕ

Крестьянин пахал землю у моста Синьфан в деревне к северо-западу от Исина и вырыл какой-то круглый предмет, похожий на компас, в два с лишним чи. Внешняя окружность была пурпурно-лиловатого цвета, похожа на яшму, но не яшма. Внутри был вставлен камень белого цвета, полый до самого низа, похожий на кристалл, но не кристалл, и выдававшийся словно крышка.

В городской аптеке крестьянину дали за эту вещь сто грошей. Гость из Танци, проезжавший там, заплатил за нее десять тысяч грошей, а когда доехал до Чунмина, выручил за нее тысячу семьсот лянов серебром.

Морской торговец сказал:

— Это зеркало, освещающее море. Морская вода в глубинах черна; если ее осветить, то можно увидеть удивительных рыб и даже всякие подводные камни более чем на сто ли в окружности и благодаря этому избежать столкновения с ними.

[980. Волшебное зерно, давшее урожай на тысячу му.

981. В паланкин судьи падает отрезанный детородный член. Выясняется, что муж убил любовника жены и рассек на части его труп. Дух мертвого таким образом добился привлечения к ответственности убийцы.

982. Дух мертвого насылает наваждение на семью купившего его дом богача, требуя уплаты долга.

983. Бессмертная лиса становится духом горы.

984. Предсказание, сделанное бесом, сбывается.

985. Бес обманывает человека, дав ему деньги, превратившиеся в бумагу.]

(986.) НОЧНОЙ ГОРШОК ВЕДЕТ СЕБЯ БЕЗНРАВСТВЕННО

Уроженец запада некий Чжан был назначен на должность начальника Жугао. У него был друг Ван Гун-нань, уроженец Ханчжоу. Однажды они вместе отправились в поездку на джонке. Ночью Гун-нань воспользовался ночным горшком Чжана. Чжан пришел в сильный гнев и сказал:

— По нашим западным обычаям ночным горшком пользуются женщины. Как ты посмел позволить чужому осквернить себя! Это грубое нарушение приличий.

Тут же велел слуге дать горшку тридцать палок и бросить его в реку, вещи Гун-наня он выкинул на берег, поднял парус и уплыл.

[987. Убитые человеком тигры мстят его сыну.

988. Предсказание, сделанное духом во сне, сбывается.

989. Заметка о толпах обезьян, кормящихся при буддийском монастыре на горе Тяньмушань.

990. Человек, похитивший ребенка, наращивает на него медвежью шкуру и выдает за медведя, умеющего писать стихи.

991. Даосский маг талисманом исцеляет человека, которому пробило голову куском дерева во время грозы.

992. Человек, полезший в реку за рыбой, попадает во дворец водяного духа и с трудом выбирается оттуда.

993. Даосский монах сопровождает праведного человека, читавшего сутры, на гору Иньяншань, где тот видит, как вершится суд над душами умерших.

994. Умерший муж является к жене во сне и отводит ее в Царство мертвых, чтобы она познакомилась с его предками.]

ЦЗЮАНЬ ДЕСЯТАЯ

[995. Человек, попав в Царство мертвых, видит там двух своих соседок. Одна из них, известная своим распутством, в будущем рождении оказывается дочерью богача; вторую, лицемерку и подхалимку, тоже ждет прекрасное новое рождение. Чиновник Царства мертвых объясняет, что это — награда за почтительность к старшим первой и материнскую доброту — второй.

996. Человек, не веривший в духов, перед смертью попадает к духу-хранителю города и узнает, что срок человеческой жизни предопределен и ни духи, ни судьи Царства мертвых не могут его изменить.

997. Гуань-ди помогает обратившемуся к нему за помощью *сюцаю.*

998. По приказу духа-хранителя местности умирающий решает сложные дела в Царстве мертвых.]

(999.) МУЖ РАЗВРАТНИЦЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ МСТИТ ЗА ОБИДУ

Курьер Хэ-эр из уезда Ичжэнь давно находился в незаконной связи с одной женщиной. У этой женщины была давняя связь с неким Ху-сы, посещавшим ее много лет. Женщина пользовалась его богатством, потом он постепенно обеднел, и она начала отдаляться от него. Хэ стал обижать его, и дошло до того, что Ху-сы заболел от тоски и умер. Муж этой женщины тоже умер. Тогда она вернулась к Хэ, и в конце концов они стали мужем и женой. За несколько лет они основательно разбогатели.

У Хэ-эра был сын от первой жены, которая давно уже умерла. Неожиданно сын впал в буйство, стал хвататься за нож, размахивал топором и, когда пришла та женщина, хотел ее зарубить.

— Я и есть Ху-сы,— сказал он.— Твоя семья истратила несколько тысяч золотом, принадлежавших мне, а когда деньги кончились, то и любовь твоя истощилась, и ты перешла к Хэ. Жить приятно, умирать же мне было горько, и я пожаловался духам, которые позволили мне отомстить.

Никакое лечение не шло впрок, моления буддийских монахов, талисманы даосов — ничто не давало результатов.

Так прошло несколько месяцев. Сын высох, как хворостинка.

Однажды он начал вдруг петь арии из опер, потом вскочил на лошадь и как сумасшедший поскакал по улицам города. Затем он вдруг стал ломать и крушить домашнюю утварь, разыскал все деньги, какие были в доме, и начал раздавать их посторонним людям, говоря:

— Духи позволили мне промотать все твое имущество и через твоего сына отомстить за обиду.

До сих пор сын еще жив, семья же совершенно разорилась.

[1000. Дух убитой насильником девушки жалуется чиновнику на обиду. Тот наказывает виновника.

1001. Человек превращается в тигра.

1002. Нищий, вернувший прохожему оброненные тем деньги, получает от него вознаграждение; на эти деньги он выкупает молоденькую девушку, которую хочет купить у ее разорившегося отца богатый развратник. Нищего обвиняют в краже этих денег, но мудрый судья освобождает его и обеспечивает ему безбедную старость.

1003. Труп женщины, оставленный без присмотра родных, бродит по ночам и преследует красивого юношу. Труп сжигают, наваждение прекращается.]

(1004.) ГОСПОЖА ШЭНЬ САМА СЕБЕ УСТРАИВАЕТ ПЫТКУ

Некий Чжан женил своего сына на девушке из рода Шэнь. Со времени свадьбы прошел год с небольшим, молодая была вполне здорова, как вдруг она словно помешалась, лишилась дара речи, обе руки ее повисли как плети. Когда же она однажды подняла руки, соединив обе ладони, то пальцы скрестились так, словно их зажали в тисках. Она испытывала страшную боль и кричала, умоляя прекратить [пытку]. Сама она не могла разжать пальцы, и окружавшие не смогли их разжать за нее; попробовали разжать совместными усилиями, но не удалось. Стали расспрашивать ее, что случилось, и она сказала:

— За моей спиной стоит какая-то женщина, она меня и довела до этого!

Не успела она произнести эти слова, как вдруг громко вскрикнула и обе щеки ее покраснели так, словно ей влепили оплеухи. Больше она не решалась говорить, а стоило ей произнести хоть слово, как пальцы сжимались еще сильнее, и она лишь стонала — и все.

Через некоторое время пальцы сами разжались, кожа и мясо на них покраснели и распухли. Еще через некоторое время женщина пришла в себя, стала двигаться, говорить, как обычно, только ни за что не соглашалась объяснить, в чем было дело.

С тех пор это повторялось ежедневно по два, а то и по три-четыре раза в день, и она испытывала нестерпимую боль. Ни лекарства, ни амулеты, ни заклинания не могли излечить ее.

До сих пор так и неизвестно, в чем было дело.

— У этой женщины,— сказал кто-то,— от рождения был сварливый и подлый характер. Когда она жила в доме своей матери, семья их была богата. К каждой еде эта девушка делала на специальной доске записи заказываемых ею блюд, и если что-нибудь было невкусно, она бранилась и била посуду. Если принесшая чай служанка нечаянно касалась пальцем чашки, девушка разбивала чашку, а служанку приказывала бить палками, считая, что у нее грязные руки и она не должна прикасаться к чаю. Если платье, которое она носила, хоть один раз стирали, она больше уже никогда не надевала его.

— Нынешняя пытка — наказание ей за жестокость,— заметил другой.

Видимо, это верно.

[1005. Бессмертная дева, обитающая на высокой горе, с помощью листка волшебного дерева поднимает туда юношу и возвращает его на время в мир смертных, чтобы он мог поздравить своего отца с восьмидесятилетием.]

(1006.) ДУША УМИРАЮЩЕГО ВОЗРОЖДАЕТСЯ В РОДИВШЕМСЯ У ЖЕНЩИНЫ РЕБЕНКЕ

Старый крестьянин из уезда Цзиньшань в первый день месяца увидел во сне человека в синей одежде, похожего на курьера, который держал в руках дощечку для письма. Человек этот сказал: «Семнадцатого дня этого месяца ты должен будешь умереть. Так как всю жизнь ты был усерден и не совершил никаких крупных проступков, то после смерти ты возродишься к жизни как сын некоего человека. Тебя ждет долгая зажиточная жизнь, лишенная забот. Поэтому я и пришел заранее тебя уведомить об этом, чтобы ты мог уладить семейные дела, а в установленный срок я приду и отправлюсь вместе с тобой, чтобы поместить [твою душу] в зародыш».

Проснувшись, крестьянин рассказал обо всем этом своим домашним. Все семейные дела он поручил сыновьям, быстро привел все в порядок, и ему оставалось лишь утереть слезы и ждать назначенного срока.

Ночью двенадцатого дня ему вдруг приснился снова тот же человек в синей одежде, понуждавший его двинуться в путь. Крестьянин стал отказываться, говоря, что срок еще не наступил.

«Я это знаю,— ответил тот,— но та женщина вечером десятого дня оступилась и упала, начались преждевременные роды, ждать до семнадцатого дня нельзя. Ребенок уже родился, и нужно ввести в него живую душу, чтобы он мог пить и есть. Сегодня ему уже три дня, и если вы не пойдете, он не сможет жить».

Крестьянин проснулся, рассказал о случившемся домашним, затем спокойно лег на подушку и умер.

[1007. По совету своей матери невеста, панически боявшаяся будущей свекрови, молит Небо помешать ее браку, сделав ее мужчиной. Ей снится старик, вложивший в ее руку три пилюли. Проснувшись, она обнаруживает, что превратилась в юношу.

1008. Бедняка, собиравшегося покончить с собой, сверхъестественные силы превращают в мышь, которая ворует всякое добро.

1009. Судья видит собаку, умеющую ходить на задних лапах и петь.

Выясняется, что нищие похитили трехлетнего малыша и с помощью волшебного лекарства превратили его в ученую собаку.

1010. Даос вознаграждает спасшего его от смерти крестьянина, даровав ему огромную физическую силу.

1011. Дух повесившейся женщины ищет себе замену.

1012. Гигантский питон в определенные сроки пересекает горный хребет и вызывает волнение на реке.

1013. Животное, похожее на обезьяну, пожирает поклоняющихся ему обезьян.

1014. Труп казненного преступника убивает выдавшего его человека.

1015. Даосский монах дурачит людей с помощью своей возлюбленной, выдавая ее за небесную деву, которая может творить чудеса.]

(1016.) РАЗВОДИТ КРАБОВ

Некий генерал из Мукдена стоял с войском в районе Гуандуна, где не водились ни съедобные черепахи, ни крабы, но к столу генерала их подавали очень часто. Удивленные этим люди спросили у генерала, и тот смеясь ответил:

— Они не местного происхождения, я их развожу сам. При этом способе толкут и перетирают красный бархатник, рубят на мелкие кусочки панцирь живой черепахи, вкладывают в оболочку из черного сургуча, и эти пилюли сушат на солнце. Затем их бросают в проточную воду, а через семь дней [из них] появляются маленькие съедобные черепахи, которых разводят в водоемах. Для крабов способ тот же самый.

Этот способ описан в руководстве по разведению рыб, но там не говорится, что таким образом можно разводить крабов.

По словам генерала, так можно разводить всех панцирных; если это правда, то красный бархатник в устрицах и панцирных — это своего рода эликсир для возвращения жизни.

(1017.) СПОСОБ, «РАЗРЫВАЯ КУРИНЫЙ ЗОБ», СПАСАТЬ УТОНУВШЕГО

Обычно люди, упавшие в воду, тонут, но в течение того же дня их еще можно оживить. В *Си юань лу*[1] говорится, что есть способ «разрывать куриный зоб», при помощи которого можно оживить человека, пробывшего три дня в воде.

Хуан И-цянь, работавший в янчжоуской артели плотовщиков, уроженец уезда Пэйсянь, в одиночку перевозил товары. Ему удалось скопить сотню с лишним, но он обеднел, раздав все нуждающимся в его помощи.

В шестую луну пятьдесят девятого года правления под девизом Кан-си * он упал с дамбы и пробыл в воде три дня, прежде чем его тело вытащили на сушу.

Какой-то старик с длинными бровями и седой бородой [2] сказал:

— Наденьте на палочку от писчей кисти куриный зоб, предварительно проделав [в нем] отверстие. Вставьте в задний проход, прорвав куриный зоб, и дуйте.

Когда уже третий человек стал дуть, послышалось слабое биение сердца.

— Жив! — сказал старик.

Люди сбежались посмотреть, а старик вдруг исчез.

Когда последнего дувшего сменили, утопленник действительно вздохнул и ожил.

(1018.) ЗВЕРИ НЕ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ ВМЕСТЕ [С ЛЮДЬМИ]

Некий буддийский монах из кумирни в Цзинчжоу очень искусно читал молитвы. Однажды охотники поймали маленького тигренка и на обратном пути зашли в кумирню отдохнуть. Монах уговорил их не убивать тигренка, и они оставили его в кумирне.

Монах кормил и поил тигренка, и тот его во всем слушался и всюду ходил за ним. Каждый раз, когда монах читал молитвы, тигренок тоже вслед за всеми отбивал земные поклоны, а когда моление кончалось, уходил.

Шли дни, и тигренок вырос.

Когда в келью монаха приходили гости, они пугались, видя тигра, лежавшего у сиденья монаха, но, заметив, что вид у него совсем не свирепый, постепенно переставали бояться, начинали заигрывать с ним, и тигр не сердился.

Однажды к монаху пришел гость. Монах повел его к себе в келью и стал пинать ногами тигра, чтобы тот ушел, говоря:

— Не пугай моего прекрасного гостя.

Тигр зевнул, уставился на монаха, долго глядел и наконец вышел из кельи. Потом он снова пришел и улегся у ног монаха, приняв надутый вид и тяжело дыша. Гость совсем

---

* 1721 г.

перепугался; монах ударил тигра рукой. Тигр снова уставился на него и долго глядел, словно что-то обдумывая. Монах ударил его ногой, только тогда тигр ушел. Почти тотчас же он вернулся, вид у него был разъяренный, он прямо подбежал к монаху, откусил у него голову и убежал. Монах сидел по-прежнему, не падая на пол.

Люди в кумирне, увидев, что тигр с окровавленной пастью выбежал из ворот, бросились в погоню за ним. Но он ушел далеко в горы, и поймать его не удалось.

[1019. Рассказ о человеке, умевшем ловить змей с помощью магии.

1020. Небо превращает человека, который из ложной скромности отказался стать бессмертным, в осла.

1021. Бесовка пугает маленького прислужника; с удалением его из дома воцаряются тишина и порядок.

1022. Бессмертный помогает людям обуздать наводнение.]

(1023.) ДУХ САНЬ-ВАНА ПРОСИТ ВЫЛЕЧИТЬ РУКУ

В Гуйане был знаменитый врач по фамилии Тан, звали его Лао-гуан. На дверях его висело объявление: «К сведению всех приходящих лечиться: тех, кто не даст вперед десять золотых, не лечу!»

Однажды он услышал шум за воротами, вышел посмотреть и увидел, что у его дома остановилась летящая по песку джонка. Мгновение спустя на берег вышел человек. Сопровождавший нес большой слиток серебра. Человек назвался Ваном, сказал, что дом его у горы Линшань. На левой руке у него была рана; он приехал специально, чтобы вылечить ее.

Врач наложил на руку повязку с мазью. Ван распрощался, и врач пошел проводить его на джонку. На вымпеле он увидел надпись, гласившую: «Управление Сань-вана». Через миг джонка скрылась из глаз.

Вернувшись домой, врач увидел, что серебряный слиток, лежавший на столе, превратился в бумажный. Сильно испугавшись, он сказал:

— Это был дух Восточной горы Линшань.

На следующий день он надел парадную шапку и одежду и отправился совершать обряд поклонения [перед изображением духа]. На левой руке духа он увидел повязку с мазью, а рядом лежал убитый скорпион.

КОММЕНТАРИЙ

(1.) Указатель сюжетов (далее — УкС): А, а, α, I', 2б, A^7, К.

1. Даос. — Здесь речь идет не о последователе философского учения — даосизма в чистом его виде, а о даосе-маге.

2. ...найти ему замену.— По народному верованию, для того чтобы возродиться к жизни, души мертвых искали себе замену среди живых людей, поэтому рассказы о том, как души мертвых склоняют людей к самоубийству (таких рассказов много у Цзи Юня), были так распространены.

3. Шэн-ди — один из титулов Гуань-ди, обожествленного национального героя, полководца III в. Гуань Юя (см.: Cl. B. Day, Chinese peasants Cults, стр. 54).

(2.) УкС: А, а, α, III, 10, К, б+Б, а, α, III', 17, Я [1].

1. ...женщина, горло которой было перевязано красным платком — т. е. дух повесившейся женщины.

(3.) УкС: Б, а, α, III", 4а, V+Б, а, α, III", 9, S.

1. *Хунь.*— Народные верования наделяли человека двумя душами; иматериальная («духовная») душа *хунь* после смерти человека возвращается на небо и существует в виде духа предка, которому приносят жертвы.

2. *По* — материальная («телесная») душа человека, остающаяся с ним и после его смерти, пока его труп не разложился.

3. Путь Истины *(дао)* — абсолютное начало вселенной, порождающее все многообразие мира.

(4.) УкС: Б, а, α, X, 31.

1. Ван Вэнь-сюань — реальное лицо, чье имя встречается в списке сдавших экзамен на степень *цзиньши* в 1730 г. (прошел девятым по второму списку),— см. *Цзэн цзяо Цин чао цзиньши ти мин бэйлу фу ин иньдэ*, Пекин, 1941, стр. 72 (далее — *Цзиньши ти мин бэйлу*).

(5.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. *Цзюйжэнь* — так называли в старом Китае лиц, сдавших экзамен на вторую ученую степень.

2. ...не прошел превращений.— По буддийским представлениям, живые существа проходят цикл новых рождений, которые являются наградой или наказанием человеку за поступки, совершенные им в прошлой жизни.

(6.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. *Сюцай* — первая ученая степень в старом Китае.

2. Су-минь — посмертное имя сунского государственного деятеля Юйвэнь Сюй-чжуна (? — 1146), прославившегося в борьбе с чжурчжэнями. В его биографии говорится, что «за человеколюбие и смелость Суминя в его честь был воздвигнут храм» (*Сун ши, цз.* 371,— «Сыбу бэйяо», т. 87, стр. 3048).

3. Дух-покровитель местности.— Обычно им является чиновник, служивший в данной местности и отличившийся при жизни какими-нибудь выдающимися добродетелями.

4. Достопочтенный Юй. — Дух-покровитель местности называет Су-миня «достопочтенным Юем», желая тем самым подчеркнуть его мудрость и прозорливость. Юй, или Юй-гун (жил в I в. до н. э.), прославился своим знанием законов, прозорливостью и умением решать самые сложные и запутанные дела. Он доказал невиновность молодой женщины из Дунхая, казненной по ложному обвинению в убийстве свекрови, и принес жертвы на ее могиле. Небо в подтверждение ее невиновности послало дождь в этот район, несколько лет страдавший от засухи (биографию сына Юй-гуна, знаменитого судьи Юй Дин-го, см.: *Цянь Хань шу, цз.* 71,— «Сыбу бэйяо», т. 53, стр. 696—697).

5. Праздник Середины осени — отмечается пятнадцатого дня восьмой луны.

6. Головастиковое письмо — форма написания древних иероглифов.

7. Почерк *кайшу* — уставное письмо, окончательно оформившееся в работах знаменитых каллиграфов Ван Си-чжи и его сына Ван Сяньчжи (IV в. н. э.).

8. Нюй-ва — сестра легендарного императора Фу Си, жившая якобы в III тысячелетии до н. э.

9. Знаки... составляют вместе слово... — В Китае был очень распространен тип иероглифических шарад, строившихся на том, что большое количество иероглифов состоит из сочетания нескольких простых знаков, имеющих самостоятельное значение.

10. ...указал местом своего рождения Танси. — Экзамен на степень *сюцая* сдавался в уездном городе провинции, в которой родился кандидат на степень, и уездные власти рекомендовали его для сдачи дальнейших экзаменов.

11. *Цзиньши* — высшая ученая степень в старом Китае; экзамены на нее проходили в столице раз в три года.

12. *Чжуанъюань* — звание, присваиваемое лицу, первым выдержавшему экзамен на степень *цзиньши*.

(7.) УкС: А, а, α, I', 4, —И⁴, Л+А, а, α, II, 1, К.

1. Фэнду — пограничное место для людей и бесов. О том, что народные верования считали уезд Фэнду преддверием Подземного царства, пишет Л. Вигер (см.: D. Wieger. Eolk-lore Chinois moderne, Hokienfu, 1909, стр. 8, § VI).

2. Когда установилась нынешняя династия. — Имеется в виду начало правления маньчжурской династии Цин — 1644 г.

3. Солнечный чиновник — т. е. чиновник из мира живых. По древнекитайской натурфилософии, в природе существует женское, пассивное начало *(инь)* и мужское, активное *(ян)*. В данном рассказе обыгрывается многозначность этого дуализма: свет и тьма, солнце и луна, жара и холод и т. д.

4. ...приложив ко лбу руки — т. е. в знак приветствия.

5. Яньло — владыка ада у буддистов (Яма).

6. Великий государь, ниспровергающий бесов (Фу мо дади) — посмертный титул, присвоенный в XIII в. Гуань Юю — полководцу времен Троецарствия (III в. н. э.), почитавшемуся в народе как национальный герой и божество.

7. А где князь Юань-дэ? — Имеется в виду полководец III в. н. э. Лю Бэй, провозгласивший себя императором княжества Шу, чьим соратником был Гуань Юй. Так как при маньчжурах фамильный знак *сюань* был табуирован, то Ли называет второе имя Лю Бэя (Сюань-де) не точно.

(8.) УкС: Б, а, α, III", 4б, —W.

(9.) УкС: Б, а, α, III", 4а, V.

(10). УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. Чжао Лян-дун (1621—1697) — полководец, сделавший карьеру при маньчжурах; в 1662 г. получил звание генерала, служил в провинциях Юньнань, Гуйжоу, Шаньси. Был одной из ведущих фигур в подавлении мятежа У Сань-гуя (см. прим. № 2).

2. Мятеж «трех дальних» (или мятеж «трех вассалов»). — Имеется в виду мятеж, поднятый в 1673—1675 гг. У Сань-гуем, Гэн Цзин-чжуном и Шан Чжи-синем против центрального правительства, которое собиралось лишить военных губернаторов провинций права иметь свои войска. У Сань-гуй (1612—1678) — китайский полководец, капитулировавший перед маньчжурскими захватчиками и выступивший в качестве их пособника; в 1673 г. изменил маньчжурскому двору и поднял мятеж в провинции Юньнань. Гэн Цзин-чжун — внук перешедшего на сторону маньчжуров генерала Гэн Чжун-мина (Усмирителя Юга); поднятый Гэн Цзин-чжуном мятеж в провинции Фуцзянь был подавлен в 1676 г.; Гэн Цзин-чжун был казнен в 1682 г. Шан Чжи-синь был направлен в 1676 г. на подавление мятежа У Сань-гуя, но присоединился к нему и поднял мятеж в провинции Гуандун. В 1680 г. покончил с собой, чтобы избежать казни.

3. Вторая стража — время между 9 и 11 часами вечера. С древности в Китае сутки делились на «стражи», длившиеся приблизительно по два часа каждая. Смена страж отмечалась ударами в барабан или гонг. Первая стража продолжалась с 7 до 9 часов вечера, вторая — с 9

до 11, третья — с 11 до часу ночи, четвертая — с часу ночи до 3 часов, пятая — с 3 до 5 часов утра и т. д.

4. Фансян шэнь — дух, отгоняющий нечистую силу.

(11.) УкС: Б, а, α, III, 12, 5, в².

1. Чжао Сян-минь — один из пяти сыновей генерала Чжао Ляндуна (см. рассказ № 10), с 1705 по 1722 г. был генерал-губернатором провинции Чжили (см. *Цин ши гао*, т. VII, ч. 7, *цзюань* 61, стр. 38 — «Погодные таблицы чиновников»).

2. Матушка Тайшань *(Тайшань няннян)* — богиня народных верований, обитавшая на горе Тайшань (в обители бессмертных). Гора Тайшань (провинция Шаньдун) — одна из пяти священных гор Китая.

Люди, молящиеся ей, просят послать дождь, хорошую погоду, защиту от землетрясений. Молятся ей и как посреднику между Небом и Землей. Кроме того, гора Тайшань считалась местом свиданий душ мертвых. Храмы, посвященные этой горе, имелись в большинстве крупных городов Китая (см.: Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции, стр. 402—403).

3. Внутри всех девяти областей в пределах четырех морей — т. е. на всей территории Китая.

4. Обе эти истории — т. е. эта и история, изложенная в предыдущем рассказе.

5. Чжао Чжи-юань — сын Чжао Сян-миня, чиновник, финансировавший вместе со своим отцом и дядей издание иллюстрированных записей о праздновании в 1713 г. шестидесятилетия со дня рождения императора Шэн-цзу, правившего под девизом Кан-си.

(12.) УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.

1. Канга — деревянная колодка, надевавшаяся на шею преступнику.

(13.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

(14.) УкС: Б, а, α, III', 16, 9.

(15.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1. Фан Бао (1668—1749) — крупный ученый и литератор, основатель так называемой тунчэнской школы ортодоксальных литераторов, мастер стиля *гувэнь*. Секретарем государственного совета Фан Бао был назначен в 1733 г.

2. Уиндянь — один из дворцов на территории императорского Запретного города в Пекине, где находилось «издательское бюро», главой которого Фан Бао был назначен в 1722 г.

(16). УкС: Б, а, α, IX, 22+Б, а, α, I', 9, S, г¹.

1. Гу Сань-дянь — чиновник, сдавший экзамен на степень *изиньши* в 1700 г. (см.: *Цзиньши ти мин бэйлу*, стр. 48).

2. Сила *инь* — см. прим. 3 к рассказу № 7.

(17). УкС: Б, а, α, III', 9, S².

1. Сюй Ши-линь (1684—1741) — сановник, славившийся своей справедливостью и аскетическим образом жизни.

2. Чжао Го-линь (1673—1751) — ученый и сановник, рекомендовавший автора знаменитого романа «Неофициальная история конфуцианцев» У Цзин-цзы для участия в государственных экзаменах.

(18.) УкС: Б, а, α, X, 31а.

1. Восемь триграмм — восемь знаков, состоящих из трех сплошных и трех прерывистых черт — символы неба, земли, огня, воды, озера, ветра, горы и грома.

2. Бесовка метнулась на восток.— Страны света служат для указания направления, и вместо выражений «пошла налево», «повернула направо» в Китае говорят: «пошла на восток», «повернула на запад».

3. ...запечатал своей печатью.— Даосские маги прикладывали к амулету печать, которой, по представлениям даосов, подчинялись бесы.

(19.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1. Хань Ци-у — второе имя ученого и сановника Хань Ци (1694—1754).

(20.) УкС: А, а, α, III', 8, A^3.

1. ...превращусь в осла или лошадь и отблагодарю вас.— По буддийским верованиям, человек после своей смерти вновь рождается в облике либо другого человека, либо животного. Возможно, что желание Чжоу родиться в облике осла или лошади связано с легендой о князе IV в. Фу Цзяне, конь которого спас его от верной смерти.

2. ...тот действительно умер.— Шан-жэнь уже начал понимать, что новорожденный осленок — это перевоплощение умершего Чжоу.

(21.) УкС: Б, а, α, III', 9, S^1.

1. Член палаты ученых — высшее ученое звание в старом Китае.

2. В годы правления под девизом Кан-си.— Император, принявший девиз Кан-си, правил с 1662 по 1722 г. События, о которых идет речь в рассказе, могли произойти в самые последние годы его правления, в противном случае рассказчик не дожил бы до времени жизни Юань Мэя.

3. Чэнь И (1670—1742) — сановник цинского двора.

4. Храм Баогосы — храм Служения Отчизне, построенный в XIII в. в южной части Пекина.

5. Янгэ — народные песенно-театральные представления, исполнявшиеся при посадке риса, а также на весенних празднествах. В данном тексте речь идет о народных песнях и плясках, противопоставленных профессиональному искусству певичек, приглашаемых на пирушки знати. Возможно, что здесь сохранились архаичные представления о шаманских

песнях, исполняемых молодыми красивыми девушками в богатых нарядах (см.: E. Erkes, The God of Death in Ancient China, стр. 197).

(22.) УкС: А, а, α, III', 4б, —A^2.

1. Под словами «большое счастье» подразумевался «большой живот».— Слово «счастье» *(фу)* звучит по-китайски так же, как слово «живот».

(23). УкС: А, а, α, I', 1, $И^5$, Н.

1. Гуань-инь — буддийское божество (спаситель Авалокитешвара), избавляющее людей от всяких бед и скорбей, милосердная чадородательница. (О культе Гуань-инь см.: В. М. Алексеев, Китайская народная картина, М., 1966, стр. 141—143.)

(24.) УкС: Б, а, α, III', 9, S^1.

1. Гора Цзиншань — находится за воротами Шэньумэнь за пределами Запретного города в Пекине.

(25.) УкС: А, а, α, I', 2, Н, Л.

1. Юэ Шуй-сюань — прозвание Юэ Мэн-юаня, ученого и поэта XVIII в.

2. Храм Гуань-шэня — храм в честь полководца Гуань Юя (см. прим. 6 к рассказу № 7).

3. Хуань — посмертное имя Чжан Фэя, одного из героев периода Троецарствия, вместе с Гуань Юем боровшегося на стороне Лю Бэя.

4. Генерал Чжоу (Чжоу Цан) — соратник Гуань Юя, покончивший с собой при известии о гибели Гуань Юя. Изображение Чжоу Цана обычно ставится в храме Гуань-ди.

5. Чи Ю — удельный князь мифической древности, поднявший мятеж против легендарного императора Хуан-ди (2697—2597) и убитый по его приказу другими князьями.

Любопытно, что в *Гуань-ди мин шэн чжэнь цзин* содержится сходный эпизод, повествующий о том, что в период правления Сун в соляном пруде в Цзечжоу (место рождения Гуань Юя) количество соли значительно уменьшилось. Посланный туда для расследования чиновник увидел во сне духа-покровителя местности, который сказал, что солью завладел Чи Ю в отместку за то, что рядом с прудом воздвигли храм в честь его врага — Хуан-ди. Если храм будет снесен, то соль будет добываться в прежних количествах, в противном же случае Чи Ю нашлет на этот край беду. На помощь был призван Гуань-ди, который наслал бурю и укротил дух Чи Ю. Когда небо после бури прояснилось, соль стали добывать из пруда, как и прежде (см.: L. Hodous, Folkways in China, London, 1929, стр. 170—171).

6. Сяо — имя жены Чи Ю, означает «сова», а также «контрабандист, провозящий соль».

7. Чжан И-дэ — второе имя Чжан Фэя (см. прим. № 3).

8. Ичжоу — территория древнего княжества Шу (нынешняя провинция Сычуань), государем которой объявил себя Лю Бэй.

(26.) УкС: Б, а, α, III', 17, Э[1].

(27). УкС: Б, а, α, X, 32.

1. Гао-цзу — храмовое имя Лю Бана, первого императора династии Хань, правившего с 206 по 195 г. до н. э.

2. И-ди («государь долга») — имя, принятое потомком чуских князей Хуай-ваном, когда он в 208 г. до н. э. взошел на престол бывшего княжества Чу.

3. Сян Юй (Сян-цзи, 233—202 гг. до н. э.) — представитель правящих кругов княжества Чу, вместе с Лю Баном ведший ожесточенную борьбу против гегемонии империи Цинь. После падения династии Цинь (206 г. до н. э.) и разделения страны между 18 князьями Сян Юй принял титул «вана-гегемона Западного Чу», убив И-ди, которому он до этого помог занять престол.

4. Верховный владыка (Шан-ди) — высшее божество древней народной религии.

5. Чэнь Пин (ум. в 178 г. до н. э.) — сначала был советником Сян Юя, а затем бежал от него и стал преданно служить Лю Бану. Ему принадлежат «Шесть удивительных планов» (о которых упоминает Сыма Цянь в «Исторических записках», в «Жизнеописании советника Чэня»), которые ему удалось осуществить: 1) путем подкупа подорвать доверие Сян Юя к его советникам, в частности к Фань Цзэну; 2) неуважительно приняв послов от Сян Юя, заставить того считать, что неудача посольства связана с отсутствием среди послов Фань Цзэна; 3) снять оборону с г. Жуняна; 4) четырежды наступив на ногу Лю Бану, заставить его назначить Хань Синя князем Ци; 5) объявив о поездке Лю Бана на озеро Юньмэн, хитростью заманить Хань Синя в плен; 6) с помощью движущихся кукол убедить предводителя сюнну дать возможность Лю Бану бежать из осажденного Баодина.

6. Сян [Юй] закопал двести тысяч солдат.— В 206 г. до н. э. Сян Юй вторгся в столицу павшей династии Цинь — город Сяньян; перед этим Сян Юй умертвил 200 тыс. циньских солдат, сдавшихся в плен.

7. ...предал Юя смерти.— Укрепившись в Лояне, Лю Бан начал борьбу за власть с Сян Юем; в сражении под Гайся (на территории нынешней провинции Аньхой) армия Сян Юя потерпела поражение, а сам Сян Юй покончил с собой, воскликнув перед смертью: «Само Небо хочет моей гибели!»

8. Ван Юань-тин — прозвание известного поэта и писателя Ван Ши-чжэня (1634—1711), автора коллекции заметок, критических высказываний о стихах, рассказов о чудесах и т. п.— «Случайная болтовня к северу от пруда» (*Чи-бэй оу-тань,* 1691 г.).

9. Чжан Сюнь (709—757) — сановник танского двора, руководивший военными операциями против тукюэ. Во время восстания Ань Лушаня (755 г.) героически оборонял г. Суйян; пожертвовал своей любимой

наложницей, но не сдавал осажденный город. Был убит войсками Ань Лу-шаня.

(28). УкС: Б, а, α, V, 17а.

1. Гао Ли-ши (683—762) — евнух, любимец танского императора Сюань-цзуна, крупный политический деятель своего времени.

2. Тун Гуань — военачальник периода Северной Сун, потерпевший в 1122 г. поражение в борьбе с войсками киданьского государства Ляо; позднее был назначен командующим вооруженными силами на севере; во время борьбы с чжурчжэнями проводил капитулянтскую политику.

(29.) УкС: А, а, α, III, 4, —$Г^2$, а.

1. Чжоу Лань-по — прозвание ученого и литератора Чжоу Чжанфа (1696—?), участвовавшего в подготовке к изданию *Сюй Вэньсянь тун као* и других энциклопедий

(30.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

(31.) УкС: А, а, α, I', 2б, Н, Л.

1. Фаншань — юго-западное предместье Пекина.

2. ...схватил старого слугу и начал пожирать его...— Действие рассказа происходит в седьмую луну, когда, по китайским поверьям, открываются двери иного мира и голодные духи мертвых (которым не приносят жертв) могут бродить в течение всего месяца где им угодно (см.: D. C. Graham, Folk Religion in Southwest China, Washington, 1961, стр. 127).

3. Великий государь, ниспровергающий бесов — Гуань-ди; см. прим. 6 к рассказу № 7.

[32. УкС: А, а, α, III, 10, $П^2$, $г^6$+Б, а, α, X, 34.

33. УкС: А, а, α, III, 2, W, $г^6$.

34. УкС: А, а, α, III, 4, —В, а.]

(35.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а, +Б, а, α, III, 16, 10, а.

[36. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

37. УкС: А, а, α, II, 4, —В.

38. УкС: Б, б, α, III, 4в, V, $в^2$.

39. УкС: А, а, α, III, 10, $Ц^1$, $г^6$.

40. УкС: А, а, α, I, 4. —$А^{II}$, 2.]

(41.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

(42.) УкС: А, а, α, III, 2, W, Р.

[43. УкС: Б, а, α, IX, 24.

44. УкС: Б, а, α, III', 17, $Я^1$.]

(45.) УкС: Б, а, α, III', 9, S+Б, а, α, IX, 23, Q, б+А, а, β, V, 4, —V^2.

[46. УкС: Б, б, α, III.]

(47.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Сяхоу Дунь. Видимо, речь идет о Сяхоу Сюане (фамильный знак *сюань* был табуирован при маньчжурах), жившем в конце династии Хань и служившем династии Вэй.

2. Чжан Юн (1616—1684) — известный военный деятель, начавший

свою карьеру при национальной династии Мин и достигший высоких должностей при маньчжурах.

3. Титул *хоу* — наследственный титул князя был пожалован Чжан Юну в 1675 г. маньчжурским императором Шэн-цзу (Кан-си).

4. Стиль *лишу* — букв. «деловое письмо», упрощенная (относительно более древней) форма письменности, введенная во II в. до н. э. Чэн Мяо.

[48. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.
49. УкС: А, а, α, I', 2в, Н, г.
50. УкС: А, а, α, I, 4, —3^1, 1.]

(51.) УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, б+А, а, α, III', 7б, Б.

1. Доктор Сюе — Сюе Сюэ (второе имя — Шэн-бай) — ученый, поэт, каллиграф и художник XVIII в., славившийся своими познаниями в медицине, друг Юань Мэя.

2. ...место в списке выдержавших экзамены.— Список с указанием мест, занятых лицами, выдержавшими экзамен, вывешивался на здании учреждения, где проходили экзамены. Списки лиц, выдержавших экзамен на степень *цзиньши*, опубликованы в индексе *Цзиньши ти мин бэйлу*.

3. Угостите меня вином и мясом — т. е. яствами, приносимыми в жертву духам.

4. ...ответил больной.— Устами больного ответил дух Гу Яоняня.

5. Я подмел перед лежанкой — видимо, чтобы изгнать оттуда нечисть.

(52.) УкС: Б, а, α, X, 31а.

1. Деревянная рыба — деревянная доска в форме рыбы или раковины, в которую буддийские монахи ударяют колотушкой, читая священные книги.

2. Чжан Чжи-кэ — один из восьми бессмертных даосского пантеона, Чжан Дао-лин.

3. Чжан Чжи-сян — небесный учитель Чжан Тянь-ши, изгоняющий бесов. (Подробно о нем см.: В. М. Алексеев, Китайская народная картина, стр. 215—218.)

4. Беседка Холодных источников (Лэнцюаньтин) — находится у подножия горы Фэйлайфэн в окрестностях Ханчжоу (провинция Чжэцзян); построена в период Тан, увековечена в стихах знаменитого танского поэта Бо Цзюй-и.

5. Железная Шапка — прозвище даосского мага XIV в. Чжан Чжуна.

6. Ван Цзя-цзэн — внук крупного сановника Ван Сюн-лина (1642—1725), получивший степень *цзиньши* в 1766 г.

7. Слуги пяти сторон — четыре страны света и зенит.

8. Верховная чистота (Шан цин) — здесь: верховное божество

даосов Дао-цзюнь, обитающее в одной из трех (по даосским представлениям) небесных сфер, которая называется Верховная чистота.

(53). УкС: Б, а, α, III', 9, S^1.

[54. УкС: Б, а, α, III', 9, S^1.

55. УкС: Б, а, α, I', 16, 9, М.]

(56). УкС: Б, а, α, III, 9а, Р, а.

1. Поминальная табличка — небольшая дощечка, на которой пишется посмертное имя покойного и имя лица, установившего эту табличку, а на другой стороне — имя, звание, дата рождения и смерти покойного. Табличка ставится на домашний алтарь, перед ней в установленные дни произносят молитвы, курят благовония, приносят жертвы.

(57). УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

[58. УкС: Б, а, α, V, 17а+Б, а, α, X, 31.

59. УкС: А, а, α, I', 1, $И^5$, г.

60. УкС: Б, а, α, IX, 23, L+Б, а, α, X, 30.]

(61.) УкС: Б, а, α, I', 4а, V, $г^1$.

[62. УкС: Б, а, α, X, 29.

63. УкС: А, а, α, I', 4б, —$И^4$, г.]

(64.) УкС: А, а, α, I', 4, —$И^4$, 0.

1. Бог земли (Шэ-гун) — покровитель данной территории. В этом рассказе, видимо, покровитель деревни, так как он занимает положение, подчиненное Чэн-хуану — духу-хранителю города, района.

2. Одет он был в халат, ни шапки, ни пояса на нем не было — т. е. по его одежде в нем нельзя было узнать представителя высшего сословия, не подлежащего телесному наказанию.

[65. УкС: Б, а, α, X, 34.

66. УкС: Б, а, α, I', 4а, V, $г^1$.

67. УкС: А, а, α, II, 4, —V^{II}.

68. УкС: Б, а, α, III', 17, $Э^1$.]

(69). УкС: Б, а, α, III, 16, 10, $в^2$.

1. Чэнь Шу-чжао — сановник XVIII в.

[70. УкС: Б, а, α, I', 9, $Р^1$, 0.

71. УкС: А, а, α, I', 2, Т, 0.]

(72.) УкС: А, а, α, IV, 1, А, $е^1$.

1. Няннян — одна из девяти богинь народного пантеона (см.: В. М. Алексеев, Китайская народная картина, стр. 141).

[73. УкС: А, а, α, I', 2в, $И^4$, г+Б, а, α, III, 4а, V, а.

74. УкС: А, а, α, II, 1, $А^3$.

75. УкС: Б, а, α, II, 14.]

(76.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^{12}$.

(77.) УкС: Б, а, α, III, 16, 10, д.

1. *Якша* — демон-людоед в индуистском пантеоне.

2. Царь драконов — Лун-ван, бог дождя, надзирающий над реками.

[78. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.
79. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, а.]
(80.) УкС: А, а, α, I, 4, —$Г^2$, 2.

1. Геомант — гадатель, определяющий пригодность того или иного места для постройки жилого дома, воздвижения храма, устройства могилы и т. п. на основании расположения пяти планет, конфигурации земной поверхности, атмосферных и астральных влияний, сил *инь* и *ян* и т. п.

2. Цзе-си очень испугался. — По народным верованиям, осквернение чужой могилы (даже случайное) могло повлечь за собой несчастье.

3. Янь Бин-лянь — чиновник XVIII в., имя которого встречается в списке лиц, заслуживших эпитафии-жизнеописания в период Цин (см.: *Цин дай бэй-чжуань вэнь-тун цзянь,* Пекин, 1959, стр. 369. Далее — *Цин дай бэй-чжуань*).
[81. УкС: Б, а, α, IX, 23, $В^3$.]
(82.) УкС: Б, а, α, III', 2, Z^1+Б, а, α, III', 9, S.

1. Ли Сян-цзюнь — красавица певичка XVII в.

2. Ян Чао-гуань (1712—1791) — известный драматург, друг детства Юань Мэя.

3. Экзамены в области — т. е. экзамены на степень *цзюйжэня,* проходившие в главном городе области.

4. Цветы коричного дерева — символ удачи на экзаменах.

5. Цянь Дун-лу — прозвание Цянь Жу-чэна (1722—1779), известного ученого, участвовавшего вместе с крупным ученым и писателем Цзи Юнем в редактировании каталога императорской библиотеки *Сыку цюаньшу цзунму.*

6. Хоу Чжао-цзун — прозвание Хоу Фан-юя (1618—1655), известного ученого и эссеиста, члена оппозиционной правительству группировки «Фу-шэ» («Возрождение»). История любви Хоу Фан-юя и певички Ли Сян-цзюнь описана знаменитым драматургом Кун Шан-жэнем (1648—1718) в его драме «Веер с персиковыми цветами» (*Тао хуа шань,* 1699).

7. Ян Чао-гуань... хвастался перед людьми... — Ян Чао-гуань рассказал Юань Мэю, что ему во сне явилась неизвестная красавица, Юань Мэй превратил ее в дух певички Ли Сян-цзюнь, чем возмутил «ставшего на старости лет ханжой» Яна (см. ответ Юань Мэя на резкое письмо Ян Чао-гуаня в собрании сочинений Юань Мэя: *Суй-юань сань ши, бэнь* 14, *цз.* 7, стр. 1а—3а).
(83.) УкС: Б, а, α, X, 31а.

1. Чжу Сюань-чэнь — второе имя поэта и писателя Чжу Вэй-гао (1697—?).

2. Люй Чунь-ян, или Люй Дун-бинь, — философ-подвижник VIII в., впоследствии почитаемый как один из восьми бессмертных даосского пантеона. Изображается на народных картинах с мечом, которым

он разрубает бесов (об этом см. подробно: В. М. Алексеев, Китайская народная картина, стр. 214—215).

(84.) УкС: Б, а, α, IX, 26.

[85. УкС: А, а, α, I', 4, —Э^1, О+Б, а, α, III, 4а, V, а.]

(86.) УкС: А, а, α, I', 4б, —Т, Л.

1. Люй Мэн — военачальник периода Троецарствия, советник Сун Цюаня, заманивший Гуань Юя в ловушку и таким образом погубивший его.

2. Тан Чи-цзы — второе имя Тан Цзян-чжуна (конец XVII — первая половина XVIII в.), ученого, комментатора конфуцианских классиков.

3. Осенние экзамены.— Экзамены на вторую ученую степень *цзюйжэня* проводились осенью.

4. Дух Вэньчан [дицзюнь] — бог преуспевания в учении, покровитель литературы.

5. Гуань-ди — обожествленный полководец III в. н. э. Гуань Юй. Гуань-ди считался не только покровителем бесов, заклинателем нечистой силы, богом богатства и счастья, но и покровителем литературы.

6. Храм Умяо — храм, построенный в честь Гуань-ди.

(87.) УкС: Б, а, α, III', 17, Э^1.

[88. УкС: Б, а, α, III', 4б, —А^{III}.]

(89.) УкС: Б, а, α, III^1, 17, Я^1.

1. Студент-стипендиат — студент, получавший стипендию от уездного управления.

(90.) УкС: Б, а, α, III', 17, Э.

1. Дай Ю-ци — прошел первым на экзамене на степень *цзиньши* в 1691 г. (см.: *Цзиньши ти мин бэйлу*, стр. 43).

2. Духи *ба-ча* — восемь духов, которые ведают рыбами, пресмыкающимися и насекомыми, защищают посевы от саранчи и кузнечиков и т. п.

3. Генерал Люй Мэн — один из духов-охранителей урожая, защитник от саранчи, храм которого имелся почти в каждой деревне, один из восьми *ба-ча* (см. прим. 1 к рассказу № 86).

4. ...сняла с ног бинты.— В старом Китае существовал обычай бинтовать ноги девочкам, чтобы стопа деформировалась, делая ногу маленькой.

(91.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^2.

(92.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

1. Пэн Юнь-мэй — прозвание Пэн Юань-жуя (1731—1803), крупного сановника, ученого, друга Юань Мэя и драматурга Цзян Ши-цюаня.

(93.) УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.

[94. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(95.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

1. Паланкин с носильщиками — или повозка с лошадьми,

вырезанные из бумаги, сжигались для того, чтобы умерший (по народным верованиям) мог пользоваться ими после своей смерти.

[96. УкС: Б, а, α, III', 9, S^2.

97. УкС: А, а, α, II, 4, —Т.]

(98.) УкС: Б, а, α, III', 17, $Я^1$.

1. Чэнь Пэн-нянь (1664—1723) — крупный сановник, славившийся своей честностью, умом и простым образом жизни. Ему принадлежит ряд эссе, работы по ирригации и административным вопросам; автор множества стихов, он известен также как издатель большой антологии стихов *Сы чао ши* (1709 г.) в 312 *цзюаней*. Посмертное имя Чэня — Кэцинь.

[99. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^2$.

100. УкС: Б, а, α, II, 16, 9.

101. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^2$.]

(102.) УкС: А, а, α, I', 4, —$А^2$, М.

[103. УкС: А, а, α, I, 4, —V^1.

104. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

105. УкС: Б, а, α, III', 17, 13б.

106. УкС: А, а, α, III', 8, $А^4$.]

(107.) УкС: ч. 1; А, а, α, III, 10, К, а

ч. 2: А, а, α, III', 4б, —$г^2$.

1. Цзян Вэнь-кэ — посмертное имя Цзян Пу (1708—1761), художника и ученого, занимавшего крупные административные посты.

2. Достопочтенный Вэнь-су — посмертное имя Цзян Тян-си (1669—1732), отца Цзян Пу. Цзян Тян-си, известный художник, поэт, один из редакторов энциклопедии *Тушу цзичэн*, занимал крупные административные посты.

[108. УкС: А, а, α, III, 10, К, $в^1$.

109. УкС: А, а, α, II, 6, —$А^1$.

110. УкС: Б, а, α, IX, 24а.

111. УкС: А, а, α, I', 4, —$Г^3$, 0.

112. УкС: Б, а, α, III', 9, S^1.

113. УкС: Б, а, α, X, 29.

114. УкС: Б, а, α, III, 15, Z^{II}, $в^2$.]

(115.) УкС: А, а, α, III, 2, W, а+Б, а, α, V, 17а+Б, а, α, III', 2, Z^3.

1. Гуймэньгуань — букв. «застава бесовских ворот».

2. Дух с коровьей головой — служитель духа-хранителя города, обычно изображаемый в храмах рядом с ним.

3. Гора Течжуйшань — букв. «гора железное шило».

(116.) УкС: Б, а, α, III", 4а, V.

Хунь — прим. 1 и 2 к рассказу № 3.

[117. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.]

(118.) УкС: Б, а, α, III", 4а, V.

(119.) УкС: А, а, α, III', 8, $А^3$.
[120. УкС: А, а, α, I, 4, —$В^4$, 1а.
121. УкС: А, а, β, V, 11, —$Л^2$.
122. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.]
(123.) УкС: А, а, α, I', 4, —$Д^3$, Л.

1. Генерал Чжоу — Чжоу Цан, соратник знаменитого полководца эпохи Троецарствия Гуань Юя (см. Гуань-ди, № 86, прим. 5), изображение которого обычно ставится в храме Гуань-ди.

[124. УкС: Б, а, α, III', 4 б, —W.]
(125.) УкС: ч. 1: А, а, α, III, 4, —3, а;
ч. 2: Б, а, α, X, 34.

1. Фэй Юань-лун — чиновник и ученый, сдавший экзамен на степень *цзиньши* в 1736 г.

(126.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.
[127. УкС: А, а, α, I', 4, — $А^1$, М.]
(128.) УкС: А, а, α, III, 10, $П^2$, а.
[129. УкС: Б, а, α, II, 14а.
130. УкС: Б, а, α, V, 17а.
131. УкС: А, а, α, IV, 4, —$А^2$, ж.
132. УкС: Б, а, β, XIV, 35а.]
(133.) УкС: Б, а, α, X, 30.

1. Ши хуан — первый император династии Цинь (246—207 гг. до н. э.), впервые объединившей Китай в империю. Традиция приписывает Ши хуану строительство Великой китайской стены протяженностью более 4000 км.

(134.) УкС: Б, а, α, X, 29.
(135.) УкС: Б, а, α, X, 30.
(136.) УкС: Б, а, β, XIIа.

1. Династия Мин — см. прим. на стр. 141.

2. Синьлинский правитель — У Цзи (?—244 г. до н. э.), младший сын вэйского князя Чжао-вана, один из четырех героев, оказавших мужественное сопротивление княжеству Цинь, стремившемуся объединить Китай под своей эгидой. В 285 г. до н. э. У Цзи возглавил вэйское войско, позднее он нанес сокрушительный удар армии циньского генерала Ван Хо.

[137. УкС: Б, а, β, XIIа.
138. УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, $в^2$.
139. УкС: Б, а, α, IX, 23, г.
140. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.]
(141.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1. Ворота Гэншань — северо-восточные ворота в г. Ханчжоу.

2. *Бою,* «патра» — чаша, в которую собирает подаяние буддийский монах.

(142.) УкС: А, а, α, I', 2, $Н^3$, М.

1. Молитвенное и жертвенное обращение — жанр *гувэнь (цзи)*. Наиболее ярким примером этого жанра является «Молитвенное и жертвенное обращение к крокодилу» Хань Юя (см. перевод В. М. Алексеева в кн.: «Китайская классическая проза», М., 1958, стр. 214—217).

[143. УкС: Б, а, α, IX, 24.]
(144.) УкС: Б, а, α, III', 2, Z^3+Б, а, α, III', 9, S.

1. Волосы... растрепаны, по лицу лилась кровь; взмахнув веревкой... — стандартное описание облика повесившейся женщины.

[145. УкС: Б, а, α, X, 31а.
146. УкС: А, а, α, III', 4б, —В+Б, а, α, X, 31а.
147. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.
148. УкС: Б, а, α, III, 4в, V, $в^2$.
149. УкС: А, а, α, II, 4, —$А^2$.]
(150.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

1. Тасыха — маньчжурский генерал (?—1830), долго служивший в пограничных войсках и погибший в Кашгаре.

[151. УкС: А, а, α, I', 2, $Н^2$, 0.]
(152.) УкС: Б, а, α, X, 34.
[153. УкС: Б, а, α, III', 17, $Э^1$.
154. УкС: А, а, α, I', 1, W, С.
155. УкС: А, а, α, III', 2б, Н.]
(156.) УкС: Б, а, α, III, 17, $Я^1$.
[157. УкС: Б, а, α, III, 16, 10а.
158. УкС: Б, а, α, IX, 23, $В^3$.]
(159.) УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, а.

1. Инь Вэнь-дуань — посмертное имя Инь Цзи-шаня (1696—1771), крупного сановника, служившего губернатором провинций Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Сычуань, Шэньси, Цзяннань и Цзянсу.

[160. УкС: Б, а, α, X, 34.]
(161.) УкС: А, а, α, III, 10, К, $г^6$.
[162. УкС: А, а, α, I', 2б, Н, Ф.]
(163.) УкС: ч. 1 и 3: —Б, а, α, X, 34;
ч. 2: —Б, а, α, III', 9, Р.

1. Ся Ли-гу — прозвание Ся Чжи-жуна (1698—1785), поэта, ученого, знатока истории и классического канона.

[164. УкС: А, а, α, I', 2в, $Б^3$, 0.]
(165.) УкС: Б, а, α, II, 16, 9+Б, а, α, III', 17, $Э^1$.

1. Восемь триграмм — см. прим. 1 к рассказу № 18.
[166. УкС: Б, а, α, I', 9, S, г.

167. УкС: Б, а, α, III', 4а, V.
168. УкС: Б, а, α, X, 34.
169. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.]
(170.) УкС: Б, а, α, X, 30.
[171. УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, в^2.]
(172.) УкС: Б, а, α, III, 4в, V, в^2.

1. Чжан Тянь-ши — небесный наставник Чжан (Дао-лин), основатель даосской секты, ставший, как гласят легенды, бессмертным.

2. Шанфаншань — местное название горы Лэнцзяшань в юго-западном предместье Сучжоу, у озера Тайху. На горе расположен знаменитый буддийский монастырь Лэнцзясы.

[173. УкС: Б, а, α, X, 34.
174. УкС: Б, а, α, III', 17, Я^1.
175. УкС: А, а, α, I', 4, —Э^1, М.
176. УкС: А, а, α, III', 2, Н.]
(177.) УкС: Б, а, α, I', 4а, V, г^6.
(178.) УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.

1. У Сун — один из героев романа Ши Най-аня «Речные заводи», убивший невестку, которая отравила своего мужа — старшего брата У Суна (гл. 25 «Речных заводей»).

2. Пять жертвоприношений — жертвоприношения воротам, дверям, колодцу, домашнему очагу и полу в доме.

3. Духи ворот — духи, охраняющие от нечисти вход в дом; изображения этих духов *(мэнь-шэней)* — обычно в виде свирепых генералов — наклеивались на обе половины ворот дома (подробнее см.: В. М. Алексеев, Китайская народная картина, стр. 42, 44 и др.).

[179. УкС: Б, а, α, X, 31а.]
(180.) УкС: Б, а, α, III', 16, 9.
[181. УкС: А, а, α, I', 2, Н, г+Б, а, α, I', 16, 9, г.
182. УкС: Б, а, α, III', 12, 1.]
(183.) УкС: Б, а, α, X, 29.
(184.) УкС: Б, а, α, I', 16, 9, г.

1. Палата грома *(Лэй бу)* — одно из ведомств, управляющих, по представлениям народной религии, различными сферами природы и человеческого общества. При палате грома числилось пять божеств, имевших свои определенные функции (см.: Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции, стр. 398—399 и 401).

[185. УкС: А, а, α, III, 10, П^2, а.
186. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.
187. УкС: А, а, β, V, 4, —V^2.]
(188.) УкС: Б, а, α, III, 9а, Р, а.
[189. УкС: Б, а, α, IX, 24.
190. УкС: Б, а, α, IX, 24.
191. УкС: Б, а, α, III, 16, 13.

192. УкС: Б, а, α, IX, 23, $В^2$+Б, а, α, X, 31а.]
(193.) УкС: Б, а, α, IX, 23, $В^2$+Б, а, α, X, 31а.

1. Гао Вэнь-дуань — посмертное имя Гао Цзиня (1707—1779), крупного сановника, специалиста по регулированию рек.

[194. УкС: А, а, α, I', 2б, $Н^3$, 0.]
(195.) УкС: Б, а, α, I', 7в, М+Б, а, α, X, 27.
[196. УкС: Б, а, α, I', 17, Я, 0.]
(197.) УкС: Б, а, α, III'', 4а, V.
[198. УкС: Б, а, α, X, 29.
199. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.
200. УкС: А, а, α, III, 2, В, $в^1$.]
(201.) УкС: А, а, α, I', 4б, —$И^4$, г.

1. Пять божеств *(у тун,* или *у шэнь).*— Происхождение их культа связано с эпизодом, относимым традицией к 885 г. У некоего Ван Юя был дом и сад за северными воротами города. Однажды небо озарила яркая вспышка огня. Сбежавшиеся люди увидели, как с неба спустились пять божеств, принявших человеческий облик. Они велели позвать Ван Юя и сказали ему: «По повелению Неба мы пришли получить жертвоприношения, за которые дадим людям защиту и благополучие». Ван Юй принес им жертвы, и они вернулись на небо. На этом месте был построен храм, в который поместили изображения пяти божеств.

2. Храм Пуцзисы — на горе Путошань в провинции Чжэцзян, построен в начале X в. Гора Путошань находится на о-ве Путошань в Восточно-Китайском море. Этот остров, объявленный буддистами обителью богини Гуань-инь, стал местом паломничества буддистов не только из Китая, но даже из Сиама и с Цейлона. При династии Мин храм Пуцзисы был разрушен, но при Цин снова отстроен *.

(202.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. «Книга перемен» *(Ицзин)* — первая из пяти книг конфуцианского канона, на которой основывается древнекитайская натурфилософия.

2. Муж и сыновья вошли в... бумажных людей.— Имеется в виду поверье: если произнести заклинание над бумажной фигуркой человека, она оживает или сливается с живым человеком и производит те действия, о которых молился наславший заклятие.

[203. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.
204. УкС: А, а, α, I', 6, —$И^{II}$, г.]
(205.) УкС: Б, а, α, I', 4б, 0, о.

1. Люй Мэн (?—219?) — полководец периода Троецарствия, взявший обманом в плен Гуань Юя.

---

* Пользуюсь случаем выразить благодарность В. В. Петрову за сведения о храмах и различных строениях Китая, а также за помощь в отождествлении многих мест действия рассказов Юань Мэя.

[206. УкС: Б, а, α, X, 27.
207. УкС: А, а, α, III', 4б, —И^2.
208. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, в^2.
209. УкС: Б, а, α, X, 34'.
210. УкС: А, а, α, I, 4, —В^1, 1.
211. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q^1.
212. УкС: Б, а, α, IX, 24а.
213. УкС: А, а, α, I', 2в, Н, г.
214. УкС: Б, а, α, III'', 9, S.]
(215.) УкС: Б, а, α, III, 17, Я^1.
[216. УкС: Б, а, α, III, 12, 2, г^5.
217. УкС: Б, а, α, III', 4а, Z^3.]
(218.) УкС: Б, а, α, III', 4а, V.

1. ...отхлещу персиковой веткой.— По народным поверьям, духи боятся персикового дерева и их можно прогнать веткой, срезанной с этого дерева.

(219.) УкС: Б, а, α, X, 31а.

1. Два божества — мудрые государи древности — Вэнь-ван и его сын У-ван (основатель династии Чжоу, правившей с 1122 по 249 г. до н. э.).

(220.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1. *Бао Пу-цзы* — даосско-мистический трактат Гэ Хуна (IV в.), в котором содержится много рассказов о бессмертных, изгнании бесов, алхимии и т. д.

[221. УкС: А, а, α, I, 4, —И^2, 1.]
(222.) УкС: А, а, α, III, 4, —Т, а.
[223. УкС: Б, а, α, IX, 24.]
(224.) УкС: Б, а, α, X, 34а.
[225. УкС: А, а, β, V, 4, —V^2.
226. УкС: А, а, α, I', 2, V, 0.]
(227.) УкС: Б, б, α, III.

1. *Сяо* — иероглиф, означающий шум, производимый многими людьми. По народным поверьям, бесы боятся амулетов с этим знаком, так как толпа людей, производящих шум, эманирует большое количество *ян* — силы света, пугающей бесов.

[228. УкС: Б, а, α, III, 16, 10, в^2+Б, а, α, IX, 23, Q, в^2.]
(229.) УкС: Б, а, α, III', 17, Я^1.

1. ...ищущие себе замену бесы — см. прим. 2 к рассказу № 1.

2. ...с вывалившимся изо рта языком — т. е. дух повесившегося человека.

3. В коллекции рассказов Цзи Юня «Заметки из хижины Великое в малом» (№ 967) встречается упоминание об этом рассказе Юань Мэя.

[230. УкС: Б, а, α, II, 14.

231. УкС: А, а, α, II, 6, —П.]
(232.) УкС: Б, б, α, III.
[233. УкС: А, а, α, III, 2, Б, в^{2}.
234. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.
235. УкС: Б, а, α, III', 17, Э^{1}.
236. УкС: Б, а, α, IX, 24а.
237. УкС: Б, а, α, II, 13а.
238. УкС: А, а, α, V, 11, А^{5}.
239. УкС: Б, а, α̇, IX, 23, г^{5}.]
(240.) УкС: Б, а, α, X, 31а.

1. Лянский государь У-ди — правил с 502 по 549 г.

2. Ли Цзы-чэн — вождь крестьянского восстания 1628—1645.

3. Цзи Вэнь-минь — посмертное имя Цзи Цзэн-юня (1671—1739), крупного сановника, занимавшегося регулированием речных путей в ряде провинций.

4. Сюй Вэнь-му — посмертное имя сановника Сюй Бэня (1683—1747).

(241.) УкС: Б, а, α, X, 31.

1. Паньгу — по китайской мифологии, чудовище, родившееся из хаоса; после его смерти из его тела был сотворен мир.

[242. УкС: Б, а, α, V, 17а.]
(243.) УкС: Б, а, α, X, 34.
[244. УкС: А, а, α, I', 2, Н^{2}, о+Б, а, α, III, 4а, —V, в^{11}.]
(245.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1. У Цзы-сюй избил труп Пин-вана — министр княжества У У Цзы-сюй (VI в. до н. э.), победив княжество Чу, велел вырыть из земли труп чуского князя Пин-вана и выпорол его плетью за то, что Пин-ван казнил отца У Цзы-сюя, когда тот был министром княжества Чу. В гл. 66 «Исторических записок» Сыма Цяня говорится: «Когда войска У вступили в Ин, У Цзы-сюй хотел поймать Чжао-вана (наследника Пин-вана.— *О. Ф.*), но, не найдя его, велел разрыть могилу Пин-вана, вынуть его труп и дать ему триста ударов плетью» (*Сы бу бэй яо,* т. 50, стр. 762).

[246. УкС: Б, а, α, III', 17, 13б.
247. УкС: Б, а, α, II, 14.
248. УкС: Б, а, L, III", 4а, V.]
(249.) УкС: А, а, α, I', 4, —Ц, г.

1. Геомантия — см. прим. 1 к рассказу № 80.

2. *Фэншуй* (букв. «ветры и воды») — китайское название геомантии. Даос завидовал благоприятной конфигурации земной поверхности в месте расположения могил семьи Ли.

3. Праздник Цинмин — праздник «чистоты и ясности» (т. е. начала весны) отмечается в четвертой луне года, тогда же совершается обряд подметания могил, приносятся жертвы душам умерших.

4. Великий государь Чжан (Чжан да-ди, или Цышань Чжан да-ди) — обожествленный чиновник I в. до н. э., прославившийся тем, что провел водный канал в провинции Аньхой; ему же приписывали прекращение засухи в VIII в.

[250. УкС: А, а, α, IV, 1а, $А^{II}$, $ж^{1}$.
251. УкС: Б, а, α, III', 17, $Я^{1}$.
252. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^{7}$.
253. УкС: А, а, α, I', 4, —$Л^{1}$, 0.]

(254.) УкС: Б, а, α, IX, **24б.**

1. Баоэньсы — самый древний и самый большой буддийский монастырь в Нанкине, находится к югу от городской стены, за воротами Чжунхуамэнь. Самые ранние упоминания о нем относятся к III в. В начале XV в. был перестроен, после чего получил свое нынешнее название.

(255.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

[256. УкС: А, а, α, I', 2, Б, 0.
257. УкС: Б, а, α, III', 17, $Я^{1}$.
258. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, б.
259. УкС: ч. 1: А, а, α, II, 4, —$А^{2}$;
ч. 2: А, а, α, IV, 1, V, и.]

(260.) УкС: А, а, α, I, 7, —$И^{5}$.

1. Династия Юань — монгольская династия, правившая на территории Китая в 1280—1368 гг.

2. Чэнь Ю-лян (?—1363) — военный чиновник, который в 1360 г. захватил г. Аньцин и объявил себя государем великой Хань. В 1363 г. вместе со своими братьями Чэнь Ю-жэнем и Чэнь Ю-гуем был убит в сражении с войсками Чжу Юань-чжана (основателя национальной династии Мин).

3. Чжи-чжэн (1341—1352) — один из девизов правления Шунь-ди, последнего императора юаньской (монгольской) династии, правившего с 1333 по 1368 г.

[261. УкС: Б, а, α, IX, 23, L.
262. УкС: А, а, α, III', 4б, —В.
263. УкС: А, а, α, III, 5б, —Е, $в^{1}$.]

(264.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. Сян-тин — младший брат Юань Мэя, фигурирующий также в рассказе № 261.

[265. УкС: Б, а, α, IX, 23, $г^{5}$.
266. УкС: Б, а, α, IX, 23, г.
267. УкС: Б, а, α, X, 34.
268. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, $г^{5}$.
269. УкС: А, а, β, V, 5а, —$Л^{2}$.
270. УкС: А, а, α, III', 4, —3.]

(271.) УкС: А, а, α, IV, 1а, $А^{VII}$, $ж^{1}$.

1. Янь Дун-ю — второе имя Янь Чжан-мина (1731—1787), извест-

ного библиофила, ученого, писателя и поэта, участвовавшего в составлении ряда энциклопедических трудов; библиотека его насчитывала около 30 тысяч томов.

2. Чжао-ле — букв. «пышногривый».

[272. УкС: Б, а, α, III', 17, Я[1].]

(273.) УкС: А, а, α, III', 8, Д[1].

[274. УкС: Б, а, α, IX, 24.]

(275.) УкС: А, а, β, V, 4, —V[2].

[276. УкС: Б, а, α, X, 28.]

(277.) УкС: ч. 1: Б, а, α, X, 29;
ч. 2: Б, а, α, X, 34а.

[278. УкС: Б, а, α, III'', 17, Э.

279. УкС: Б, а, α, III', 9, R.]

(280.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1. Фэй Ми (1625—1701) — крупный ученый, философ и поэт. Непонятно, почему Юань Мэй называет его «простолюдином», так как известно, что отец и оба деда Фэй Ми были учеными-чиновниками (см., например, биографию Фэй Ми в кн.: A. Hummel, Eminent Chinese, vol. I, стр. 240).

2. Юань-тин — псевдоним известного поэта Ван Ши-чжэня (1634—1711), высоко ценившего стихи Фэй Ми и особо отметившего цитированную в рассказе строфу, что упоминается во многих биографиях Фэй Ми.

[281. УкС: А, а, α, I', 2б, Н, Л+А, а, α, III, 4, —Г[2], а.

282. УкС: А, а, α, I', 4б, —И[4], г.]

(283.) УкС: Б, а, α, III', 9, S[3].

1. Цзян Синь-юй — прозвание ученого, крупного поэта и драматурга Цзян Ши-цюаня (1725—1785).

[284. УкС: Б, а, α, X, 34.

285. УкС: Б, а, α, III, 4в, V, в[2].]

(286.) УкС: Б, а, α, X, 34'.

1. Лэй-цзу (Предок грома) — глава небесной палаты грома *(Лэй бу)*, жертвоприношения которому приносят в день его рождения — в 24-й день шестой луны (см.: E. T. C. Werner, A Dictionary of Chinese Mythology, Shanghai, 1932, стр. 244—245), изображался в виде «трехглазого чудовища со сверкающими глазами и испепеляющим взором» (Л. С. Васильев, Культы, религии, традиции, стр. 401).

[287. УкС: А, а, β, V, 11, —В.

288. УкС: Б, а, α, III', 17, Э[1].]

(289.) УкС: Б, а, α, X, 29.

[290. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(291.) УкС: Б, а, α, X, 28.

[292. УкС: Б, а, α, III', 4а, V.

293. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.]

(294.) УкС: Б, а, α, III'', 4а, V.

(295.) УкС: Б, а, α, III'', 17, Ю.

1. Танские времена — династия Тан правила с 618 по 907 г.

[296. УкС: Б, а, α, II, 13а.]

(297.) УкС: А, а, α, I', 4, —Э[1], М.

[298. УкС: Б, а, α, IX, 24.

299. УкС: Б, а, α, X, 34.

300. УкС: Б, а, α, III', 16, 9.

301. УкС: Б, а, β, XIV.

302. УкС: Б, а, α, X, 29.]

(303.) УкС: Б, а, β, XIII.

[304. УкС: Б, а, α, III', 9, S[3].]

(305.) УкС: Б, а, β, XIV.

1. Сюй Чжао-хуан — видимо, художник и ученый времен династии Мин — Сюй Вэнь-чжан.

[306. УкС: Б, а, α, III', 17, Э.

307. УкС: Б, а, α, XIV.

308. УкС: А, а, α, I', 4б, —И[4], Р.]

(309.) УкС: Б, а, α, X, 31а.

1. Чжан Тянь-ши — «Небесный учитель», «даосский архимаг», заклинающий бесов, оборотней, животных (подробнее см.: В. М. Алексеев, Китайская народная картина, стр. 215—218).

[310. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.

311. УкС: Б, б, β, XVI, 45.]

(312.) УкС: Б, а, α, III', 9, R.

1. Ян-гуйфэй — любимая наложница танского императора Сюань-цзуна (правил с 713 по 755 г.).

2. Ван Шань-цяо — прозвание Ван Ваня (1624—1691), эссеиста и поэта.

3. Мавэй — местечко в горах вблизи столицы танского Китая — Чанъани (ныне Сиань — главный город провинции Шэньси). В Мавэе императорская охрана (сопровождавшая Сюань-цзуна во время его бегства из столицы, занятой в 756 г. войсками восставшего военного наместника пограничных областей Ань Лу-шаня) потребовала смерти Ян-гуйфэй, которую солдаты считали виновницей мятежа Ань Лу-шаня.

[313. УкС: Б, а, α, III', 17, Э[1].

314. УкС: Б, а, α, III', 9, S[2].

315. УкС: А, а, α, I', 2в, Д[3]. Л.]

(316.) УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.

1. Юнгуансысицзе — улица в Пекине, во Внешнем городе, протянувшаяся с юга на север, параллельно улице Сюаньумэньвайдацзе.

2. Сичэн — район Пекина, западная часть Внутреннего города.

[317. УкС: А, а, α, III', 4б, —V[2].]

(318.) УкС: А, а, α, III', 8, А[5].

[319. УкС: А, а, α, I', 2, Д, г.

320. УкС: Б, а, α, III", 9, Р.]
(321.) УкС: Б, а, α, III", 16, 9.

1. «Мешок премудрости» — книга из 28 *цзюаней*, составленная известным писателем Фэн Мэн-луном (1575—1646) из высказываний мудрецов и ученых древности.

[322. УкС: А, а, α, I', 4, —$А^2$, 0.]
(323.) УкС: А, а, α, I, 4, —$Х^2$, 2.

1. Цю Вэнь-да — прозвание Цю Юэ-сю (1712—1773), поэта, ученого и государственного деятеля, который был наставником ученого и писателя Цзи Юня и явился персонажем некоторых рассказов из коллекции Цзи Юня «Заметки из хижины Великое в малом».

2. Чжан Тянь-ши — см. прим. к рассказу № 309.

3. Верховный владыка — Шан-ди, верховное божество в китайском религиозном пантеоне.

(324.) УкС: Б, а, α, III, 9а, Р, а.

1. Великий князь с коровьей головой — служитель духа-покровителя города, обычно изображаемый рядом с ним.

[325. УкС: А, а, α, I', 4б, —$И^4$, г.
326. УкС: А, а, α, I, 4, —$Г^2$, 1.
327. УкС: А, а, α, I', 2, Н, г.]
(328.) УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.
[329. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.]
(330.) УкС: А, а, α, I', 2а, Б, Л.

1. Цзян Кай — ученый и чиновник XVIII в.

2. ...вернулся домой.— Траур по родителям соблюдался в течение трех лет, в это время человек не мог выполнять своих служебных обязанностей.

3. Чжоу Цан — см. прим. 4 к рассказу № 25.

4. Юй-цзю — второе имя Цзян Сюня, поэта и каллиграфа XVIII в.

[331. УкС: Б, а, β, XIII.]
(332.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Ван Туй-гу — прозвище Ван Ши-хуна (1658—1723), ученого, поэта, каллиграфа, сдавшего экзамен на степень *цзиньши* в 1697 г.

[333. УкС: А, а, α, I', 2в, Н, О+Б, а, α, I', 4б, О, М.
334. УкС: А, а, α, IV, 1а, $А^{II}$, $ж^1$.
335. УкС: Б, а, α, III', 17, $Э^1$.
336. УкС: Б, а, α, IX, 23, г.
337. УкС: Б, а, α, III', 17, $Э^1$.
338. УкС: Б, а, α, X, 31.
339. УкС: Б, а, α, III, 5 в, V, а.
340. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.
341. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, б.
342. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.
343. УкС: Б, а, α, XIV, 35а+А, а, α, I, 4, V^{II}, 1а.]

(344.) УкС: ч. 1: Б, а, α, III', 15, Z^1;
ч. 2: Б, а, α, X, 34а.
[345. УкС: А, а, α, III, 4, —Д.]
(346.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. *Гу* — этот термин имеет несколько значений: ядовитое насекомое или пресмыкающееся; злой дух; яд, даваемый в пище или питье врагу; способ отравления; болезнь; черная магия.

Археологические данные свидетельствуют о том, что иероглиф *гу* встречался уже на щитах черепах и костях животных, использовавшихся в глубокой древности для гаданий. Считалось, что с помощью *гу* можно приобрести богатство, а также отомстить врагу. В сосуд помещали ядовитых насекомых и змей, которые пожирали друг друга; тот, кто выживал, именовался *гу*; яд, полученный от него, давался человеку; тот заболевал и вскоре умирал (см.: H. J. Feng and J. K. Shryock, Black Magic in China Known as Ku,— «Journal of the American Oriental Society», 1935, vol. 55, № 1).

2. *Инь* — женское начало, см. прим. 3 к рассказу № 7.

3. Хуа Фэн (?—1773) — военачальник, имя которого упоминается в перечне эпитафий *Цин дай бэйчжуань вэнь тунцзянь,* составленном Чэн Най-цянем (Пекин, 1959, стр. 265).
(347.) УкС: Б, а, β, XIV, 35а.

1. Шэн-ди — один из титулов Гуань-ди.
[348. УкС: А, а, α, I', 2, Б, г.]
(349.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^{14}$.

1. «Жизненная энергия».— Народные верования наделяют оборотней, особенно лис, способностью воровать у соблазненных ими мужчин «жизненную энергию», в которой якобы содержатся элементы, необходимые для получения пилюли долголетия (см.: R. H. van Gulik, Sexual Life in Ancient China, Leiden, 1961, стр. 43, 48, 71 и др.).
[350. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.
351. УкС: А, а, α, III', 4б, $—V^3$.
352. УкС: Б, а, α, III', 4 б, —W.
353. УкС: А, а, α, I', 2в, Н, О+Б, а, α, III, 4а, Z, а.]
(354.) УкС: Б, а, α, III", 4а, V.
[355. УкС: А, а, α, I', 4, $—И^4$, 0.]
(356.) УкС: Б, а, β, XIII.

1. Лян Яо-фэн — прозвание Лян Го-чжи (1723—1787), ученого, сановника и каллиграфа.
[357. УкС: Б, а, α, IX, 24.]
(358.) УкС: Б, а, β, XIV.

1. Сюе Шэн-бай — см. прим. 2 к рассказу № 51.
[359. УкС: Б, а, α, X, 31.
360. УкС: Б, а, α, III', 17, $Я^1$.
361. УкС: Б, а, α, IX, 23, $г^5$.

362. УкС: Б, а, α, IX, 23, г.
363. УкС: Б, а, β, XII.]
(364.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Цянь Вэнь-минь — посмертное имя известного художника и каллиграфа Цянь Вэй-чэна (1720—1772), фигурирующего в одном из рассказов Цзи Юня.

2. Синь Цзя-сюань — прозвание известного сунского поэта Синь Ци-цзи (1140—1207).

3. Синь-лай — букв. «Синь пришел».

[365. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.]
(366.) УкС: Б, а, α, III", 4а, V.
(367.) УкС: Б, а, α, X, 28.
[368. УкС: Б, а, α, X, 28.]
(369.) УкС: Б, б, α, III.

1. Ло Лян-фэн — прозвание художника и поэта XVIII в. Ло Пиня, любившего рисовать бесов. Ло Пинь был другом Цзи Юня, в одном из рассказов которого он фигурирует.

2. Ян Цзы-юнь — прозвание известного конфуцианского мыслителя древности Ян Сюна (53 г. до н. э.— 18 г. н. э.).

[370. УкС: Б, б, α, III.
371. УкС: Б, а, α, X, 31.
372. УкС: Б, а, β, XIV, 35а.
373. УкС: Б, а, α, III', 2, Z^3.
374. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, а.
375. УкС: Б, а, α, III', 15, L^{II}.]
(376.) УкС: Б, а, α, III', 9, Р.
(377.) УкС: Б, а, α, IX, 23, $г^5$.

1. Ли Фань-се — прозвание ученого и литератора Ли Э (1692—1752), особенно прославившегося своими стихами.

2. Чжоу Му-мэнь — второе имя ученого Чжоу Цзина (1677—1745).

3. Одинокая гора (Гушань) — находится на острове посреди озера Сиху. На северном склоне этой горы стоит Беседка Отпускающего Журавлей (Фанхаотин), сооруженная при династии Юань в честь знаменитого поэта Линь Бу (967—1028), жившего отшельником на горе Гушань и больше всего на свете любившего журавлей и цветы мэйхуа.

4. Верный сановник династии Мин, покончивший с собой во имя долга.— Многие китайские чиновники и ученые отказались служить династии маньчжурских завоевателей — Цин, некоторые из них предпочли покончить с собой.

(378.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

1. Сунь Се-фэй — прозвание сановника, ученого и поэта XVIII в. Сунь Цзянь-луна.

[379. УкС: Б, а, α, X, 29.]

(380.) УкС: А, а, α, I', 2а, Б, 0.
[381. УкС: А, а, α, III', 4, —A^2.]
(382.) УкС: Б, а, α, III', 15, Z^{II}.
[383. УкС: А, а, α, III', 10, К, а.
384. УкС: А, а, α, III', 4, —3^1.]
(385.) УкС: А, а, α, III, 10, $П^2$, а.

1. Храм Цзинцысы — находится на северном склоне горы Наньпиншань (в предместье Ханчжоу, к югу от озера Сиху). Был построен в 954 г.; неоднократно перестраивался и реставрировался. Нынешнее название получил в 1139 г., после очередной перестройки.

(386). УкС: Б, а, α, V, 17а.

1. ...не было там людей, доведенных до отчаяния.— В старом Китае браки заключались по воле родителей, а не по свободному выбору лиц, вступающих в брак.

[387. УкС: А, а, α, III', 4б, —В.
388. УкС: А, а, α, III', 4б, —A^2.
389. УкС: Б, а, α, IX, 24а.
390. УкС: Б, а, α, III', 2в, Z^3.]
(391.) УкС: А, а, α, IV, 1, Б, e^2.

1. Ласточкины пороги (Яньцзыцзы) находятся к северу от г. Нанкина.

2. Гадать на гадательных жребиях — способ гадания, при котором гадающий брал в руку сосуд с палочками, носящими номера «серий». Сосуд встряхивали и вынимали палочку — жребий. Монах по специальной книге читал, что определено по жребию духом.

3. ...в парадном одеянии, с дощечкой из слоновой кости в руках — т. е. сановник.

4. Инь Вэнь-дуань — посмертное имя сановника и ученого Инь Цзи-шаня (1696—1773).

5. Цитата из «Новых повествований нашего века» *(Шишо синьюй)* Лю И-цина (403—444).

[392. УкС: Б, а, α, III', 17, Э.
393. УкС: Б, а, α, X, 31а+Б, а, α, XIV, 35а.
394. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.
395. УкС: А, а, α, III', 4, —A^2.]
(396.) УкС: Б, а, α, X, 31.

1. Секта Белого Лотоса *(Бай лянь цзяо)* — буддийская секта, основанная в IV в. монахом Хой-юанем. В поздние времена руководители секты для привлечения верующих выдавали себя за магов, могущих творить чудеса (см., например, рассказ «Вероучение Белого Лотоса»: Ляо Чжай, Рассказы о людях необычайных. Перевод В. М. Алексеева, М.—Л., 1937, стр. 39—43).

(397.) УкС: Б, а, α, X, 28.
[398. УкС: Б, а, α, X, 31.

399. УкС: Б, а, α, III', 4б, — A^{III}.
400. УкС: А, а, α, I', 1, $И^5$, Л+А, а, α, III, 10, К, $в^1$.
401. УкС: Б, а, α, III', 12, 5.
402. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W^1, $в^{21}$.
403. УкС: А, а, α, III, 5б, —Е, а.
404. УкС: А, а, β, VI, 8, A^4.]
(405.) УкС: А, а, α, III', 4б, —В.
(406). УкС: Б, а, α, X, 31.

1. Когда установилась нынешняя династия — т. е. в середине 40-х годов XVII в., когда Китай был занят маньчжурами.

2. Батыр — монгольский и маньчжурский термин «богатырь», «храбрец».

(407). УкС: Б, б, β, XVI, 41а.

1. Страна Красноволосых — видимо, Англия или Голландия.

[408. УкС: Б, а, α, IX, 23, L.]
(409.) УкС: Б, а, α, IX, 23, $В^3$.

1. «Лунный дворец» — иносказательное обозначение успеха на государственных экзаменах и связанного с этим продвижения по службе.

2. Достопочтенный Сюй Бу-чань — эти фамилии и имя звучат так же, как фраза «Важно прогуливается по Лунному дворцу», чем и объясняется ошибка персонажа рассказа, неправильно понявшего ответ, полученный им во время гадания. Здесь Юань Мэй корректирует действительность: на самом деле Сюй Бу-чань (прозвание ученого Сюй Тана) был шестым во втором списке лиц, выдержавших экзамен в 1748 г., а первое место в первом списке занял писатель и каллиграф Лян Го-чжи (1723—1787).

[410. УкС: Б, а, α, III', 4б, —A^{III}.]
(411.) УкС: Б, а, α, III', 9, R.
(412.) УкС: Б, а, α, X, 34.

1. Иньтаосецзе — улица в южной части Пекина.

(413.) УкС: Б, а, α, X, 31.
[414. УкС: Б, а, α, III', 17, $Я^1$.
415. УкС: Б, а, α, III', 9, S^3.
416. УкС: А, а, α, III, 10, К, $в^{15}$.
417. УкС: Б, а, α, X, 30.
418. УкС: А, а, α, I', 4, X, г.]
(419.) УкС: А, а, α, III', 8, $А^5$.

1. День поминовения усопших. — Три раза в год родные покойного приводят в порядок могилу и приносят ему жертвы.

(420.) УкС: А, а, α, III, 10, К, $г^2$.
[421. УкС: Б, а, α, X, 31.]
(422.) УкС: Б, а, α, X, 31.
(423.) УкС: А, а, α, III', 4б, —V^3.
[424. УкС: А, а, α, II, 4, —В.]

(425.) УкС: Б, а, α, X, 34.

1. Чжан Хуай-шу — второе имя Чжан Фан-гуя (1736—1803), известного комментатора буддийских сутр, занимавшего должность начальника уезда Вэйюань в провинции Ганьсу в 1764 г.

[426. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(427.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1. Гора Сяньду — к востоку от уездного города Цзиньюнь провинции Чжэцзян. Почитается даосами как обитель бессмертных.

[428. УкС: Б, а, α, X, 29.]

(429.) УкС: Б, а, α, III, 7б, Б, а.

1. ...на нее нельзя будет положиться. — Старик боялся, что после его смерти служанка не будет приносить ему жертвы, как делали бы это члены его семьи.

2. Хуа Цю-ча — сановник и художник XVIII в.

[430. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

431. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.]

(432.) УкС: Б, а, α, X, 27.

[433. УкС: Б, а, α, III, 4в, V, а.

434. УкС: А, а, α, I', 4, —$А^2$, М.]

(435.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. Ящерица гекко (Gecotide Ascalobotae) — небольшая ящерица, тело которой покрыто чешуйками, издающая звук, похожий на «гек».

2. Чжэн-жэнь — букв. «человек, постигший истину» (даосский святой).

3. ...запечатал своей печатью — см. прим. 3 к рассказу № 18.

[436. УкС: А, а, α, IV, 1, Д, $е^1$.

437. УкС: Б, а, α, IX, 24.]

(438.) УкС: Б, а, α, X, 31.

1. «Гром, ударь его!» — обычная формула талисманного заклинания (см.: В. М. Алексеев, Китайская народная картина, стр. 209).

[439. УкС: Б, а, α, X, 34.]

(440.) УкС: А, а, α, I', 2а, Б, г.

1. Цао Нэн-ши — прозвание Цао Сюэ-сюаня (1574—1647), поэта и ученого.

[441. УкС: Б, а, α, IX, 24.

442. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(443.) УкС: Б, а, α, X, 34'.

1. Гора Юйшань — севернее Гуйлиня, над рекой Лицзян; у подножия горы в период Тан были построены храм и кумирня в честь легендарного императора Шуня, который якобы посетил эти места.

2. Се И-пяо — прозвание Се Шэн-бая, см. прим. 2 к рассказу № 51.

[444. УкС: Б, а, α, III', 17, $Э^1$.

445. УкС: Б, а, α, X, 30.

446. УкС: А, а, α, I', 4, —V^2, 0.
447. УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, $в^2$.]
(448.) УкС: Б, а, α, X, 34.
[449. УкС: Б, а, α, IX, 24.
450. УкС: Б, а, α, X, 31.]
(451.) УкС: А, а, α, I, 4, —$И^4$, 1.

1. ...получивший ученую степень в одном году со мной.— Юань Мэй сдал экзамен на вторую ученую степень *цзюйжэня* в 1738 г.

(452.) УкС: А, а, α, I, 4, —$И^4$, 1.
[453. УкС: А, а, α, I', 6, —$В^1$, г.
454. УкС: Б, а, α, IX, 24.
455. УкС: Б, а, α, IX, 23, $г^5$.
456. УкС: Б, а, α, III', 9, Р.
457. УкС: А, а, α, IV, 1, Д, $е^3$.]
(458.) УкС: Б, а, α, IX, 24б.
[459. УкС: Б, а, α, X, 31а.
460. УкС: А, а, α, III, 5б, —$А^2$, а.]
(461.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Мэн Линь — поэт и сановник XVIII в., сдавший экзамен на степень *цзиньши* в 1745 г., фигурирует в одном из рассказов Цзи Юня.

2. Цянь Вэй-чэн — см. прим. 1 к рассказу № 364.

[462. УкС: Б, а, α, X, 31а.]
(463.) УкС: Б, а, α, X, 31+Б, а, α, III, 4а, —W, а.
[464. УкС: Б, а, α, II, 14а.
465. УкС: А, а, α, I', 2, Н, г.
466. УкС: А, а, α, III, 2, N, $в^1$.]
(467.) УкС: Б, а, α, X, 34.
[468. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.]
(469.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Юй Чэн-лун — крупный сановник (1617—1684), славившийся своей неподкупностью и мудростью. О нем писал в двух рассказах Пу Сун-лин (см.: Пу Сун-лин, Рассказы о людях необычных. Перевод В. М. Алексеева, стр. 413—421).

2. ...поджав под себя крестообразно ноги, сидел...— т. е. в позе буддийского монаха, предающегося самосозерцанию.

(470.) УкС: Б, а, α, III', 17, $Э^1$.

1. Вэньчан дицзюнь — бог-покровитель литературы.

2. ...не кормил меня мясной пищей. — Буддийский закон запрещает убивать животных и употреблять их мясо в пищу.

(471.) УкС: Б, а, α, III', 9, R.
[472. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.
473. УкС: Б, а, α, III, 15а, а.
474. УкС: Б, а, α, X, 29.

475. УкС: Б, а, α, X, 30.]
(476.) УкС: Б, а, α, X, 30.

1. ...головы были бритые — т. е. как у буддийских монахов.

[477. УкС: Б, а, α, X, 29.
478. УкС: Б, а, α, X, 29.]
(479.) УкС: Б, а, α, X, 31.
[480. УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, в^2.
481. УкС: Б, а, α, III', 9, S^2.
482. УкС: Б, а, α, X, 30.
483. УкС: Б, а, α, III', 17, Я^1.
484. УкС: Б, а, α, X, 31а.
485. УкС: А, а, α, III', 2в, Н.
486. УкС: Б, а, α, I', 16, 9, г^1.]
(487.) УкС: Б, а, α, X, 27.
[488. УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, в^2.
489. УкС: Б, а, α, X, 27.]
(490.) УкС: Б, а, α, III', 4а, V.
[491. УкС: Б, а, α, X, 29.
492. УкС: Б, а, α, X, 29.
493. УкС: А, а, α, IV, 1, Д, е^3.]
(494.) УкС: А, а, α, I', 2, Н, 0.

1. «Бамбуковые палочки» поверх «соевого творога» составляют иероглиф *фу* — здесь речь идет о своеобразных иероглифических загадках, решение которых основано на том, что искомый иероглиф состоит из сочетания других знаков, имеющих самостоятельное значение.

[495. УкС: Б, а, α, III', 17, Э^1.]
(496.) УкС: А, а, α, III', 4б, —А^3.

1. ...сожгли бумажные деньги — чтобы умилостивить духа вора. По народным поверьям, считалось, что сожженные бумажные деньги, так же как и сделанные из бумаги изображения домашней утвари, одежды, слуг и т. п., принимают свой настоящий облик и служат мертвым в их загробной жизни.

(497.) УкС: Б, а, α, IX, 26.
[498. УкС: А, а, α, IV, 1, V, е.
499. УкС: А, а, α, III', 8, А^5.]
(500.) УкС: Б, а, α, III, 15а, б.

1. Дун Чао (1729—1764) — поэт и ученый.

2. Парк Таожаньтин — парк, служивший местом встреч и пирушек литераторов и ученых (находится в юго-западной части Внешнего города в Пекине).

3. Пиба — струнный музыкальный инструмент типа лютни.

[501. УкС: Б, а, α, III', 9, Р.
502. УкС: Б, а, α, III', 9, R.]
(503.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. *Гу* — см. прим. 1 к рассказу № 346.
[504. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.]
(505). УкС: Б, а, α, III, 16, 11, г.

1. Лю-лан, или Лю-дин — одно из божеств даосского пантеона.
[506. УкС: Б, а, α, X, 28.]
(507.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Гуань-инь — см. прим. 1 к рассказу № 23.
[508. УкС: А, а, α, IV, 4, —В, ж.
509. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.
510. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, $в^2$.]
(511.) УкС: Б, б, β, XVI, 41.

1. Чэнь Вэнь-цинь — посмертное имя Чэнь Ши-гуана (1680—1758), крупного сановника и ученого, фигурировавшего в одном из рассказов Цзи Юня.
[512. УкС: Б, а, α, IX, 23, $г^5$.
513. УкС: Б, а, α, III, 4б, —W.]
(514.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Цюнлинь — сад в уезде Кайфэн провинции Хэнань, где пировали ученые, успешно сдавшие экзамены на степень *цзиньши.*

2. Интай — терраса в закрытом увеселительном парке Сиюань, находившемся к западу от императорского города в Пекине, в районе озер Бэйхай, Чжунхай и Наньхай. В словах монаха заключено предсказание о получении Чэнем степени *цзиньши.*
[515. УкС: Б, а, α, IX, 24.
516. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, $в^2$.]
(517.) УкС: Б, а, α, X, 34.
(518.) УкС: Б, а, α, III, 15б.

1. ...превратились в тучу светлячков.— Появление светлячков считалось в народе явлением духа мертвого или волшебного огня (см.: Fujino Iwatomo, Chinese Soul-inviting Songs and Fireflay-catching Songs,— «Acta Asiatica», Tokyo, 1970, № 19).
(519.) УкС: А, а, α, IV, 4, —В, ж.
[520. УкС: Б, а, α, X, 29.
521. УкС: Б, а, α, III, 4б, —W.]
(522.) УкС: Б, а, α, X, 29.
[523. УкС: А, а, α, II, 7, A^V.
524. УкС: А, а, α, III', 4 б, $—V^2$.]
(525.) УкС: Б, а, α, I', 4а, V, $г^2$.

1. Фэй Ци-ду — второе имя философа Фэй Ми (см. прим. 1 к рассказу № 280).
[526. УкС: А, а, α, III, 2, W, $в^2$.
527. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.
528. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^2$].

(529.) УкС: А, а, α, III, 10, К, в^2.

1. «Драгоценное зерцало японской медицины» — корейская медицинская энциклопедия, составленная врачом Хо Чжуном (?—1610). (Подробнее об этом см.: О. П. Петрова, Описание письменных памятников корейской культуры, М., 1963, вып. 2, стр. 126.)

2. истощала его жизненную энергию — см. прим. 1 к рассказу № 349.

3. Люличан — улица в Пекине, на которой сосредоточены книжные лавки.

4. Се Юнь-шань — второе имя Се Ци-куня (1737—1802), известного ученого и сановника.

[530. УкС: Б, а, α, IX, 23, г^5.]
(531.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.
[532. УкС: Б, а, α, IX, 23, г^5.
533. УкС: А, а, α, III', 2в, Б^3.
534. УкС: А, а, α, III', 4б, —V^3.]
(535.) УкС: Б, а, α, III', 2в, Z^3.
[536. УкС: Б, а, α, X, 34а.]
(537.) УкС: Б, а, α, X, 27.

1. Чжан Вэнь-хо — посмертное имя Чжан Тин-юя (1672—1755), крупного сановника и литератора. Судя по биографии, данной в «Eminent Chinese...», vol. II, стр. 55—56, у него было три сына.

(538.) УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, в^2.

1. Цай-хуа — букв. «собирающая цветы».

2. Чжан-ван — возможно, Чжан да-ди (см. прим. 4 к рассказу № 249).

[539. УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, а.]
(540.) УкС: Б, а, α, X, 29.
[541. УкС: Б, а, α, IX, 24.
542. УкС: Б, а, α, V, 17а.
543. УкС: Б, а, α, III', 2, Z^3+Б, а, α, III', 9, S.
544. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, в^2.
545. УкС: А, а, α, III, 10, А, а.]
(546). УкС: А, а, β, VI, 8а, В.

1. ...содержать поросенка при буддийском монастыре — значит гарантировать ему долгую жизнь, так как буддистам запрещено отнимать жизнь у живых существ.

2. ...зарыли его в нише — т. е. в нише для статуй Будды в монастыре.

[547. УкС: А, а, α, I', 4, —V, М.
548. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, б].
(549.) УкС: Б, а, α, X, 34.

1. Люхар — бог монет, помощник бога богатства Цай-шэня (см.:

В. М. Алексеев, Китайская народная картина, стр. 186—192, 198—205).

2. Сюй Сян-фу — прозвание писателя и художника XVIII в. Сюй Гуань-чжэна.

[550. УкС: А, а, α, I, 4, —$А^2$, 1.]

(551.) УкС: А, а, α, IV, 1, Д, $е^1$.

(552.) УкС: Б, б, α, X, 33а.

1. ...отражает людей в трех их жизнях — т. е. жизнь в прошлом, нынешнем и будущем рождениях.

(553.) УкС: Б, а, α, III', 17, $Я^1$.

1. День поминовения усопших — см. прим. 1 к рассказу № 419.

[554. УкС: А, а, α, III', 2в, $А^6$.]

(555.) УкС: Б, а, α, III, 9а, Р, а.

1. ...соблюдая траур по родителям — см. прим. 2 к рассказу № 330.

[556. УкС: Б, а, α, X, 29.

557. УкС: А, а, α, IV, 1, Д, $е^4$.

558. УкС: Б, а, α, X, 31.

559. УкС: Б, а, β, XIV.

560. УкС: А, а, α, III', 2в, $А^1$.

561. УкС: Б, а, α, X, 31а.

562. УкС: Б, а, α, X, 28.

563. УкС: Б, а, β, XIV.]

(564.) УкС: Б, а, α, X, 27.

(565.) УкС: Б, а, β, XII.

1. Гао-цзу — имя, которое принял в 202 г. до н. э., вступив на престол, основатель династии Хань — Лю Бан.

[566. УкС: Б, а, α, IX, 24.]

(567.) УкС: Б, а, α, X, 31.

1. Фэн Ян-у — второе имя ученого и литератора XVIII в. Фэн Хао.

[568. УкС: А, а, β, V, 4, —V^2.]

(569.) УкС: А, а, β, V, 11, К.

[570. УкС: А, а, α, I', 2, V, Л.

571. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(572.) УкС: Б, а, α, X, 34.

[573. УкС: ч. 1—2: Б, а, α, IX, 24;
ч. 3—5: Б, а, α, IX, 23, $В^3$.

574. УкС: Б, а, α, X, 34а.

575. УкС: А, а, β, VI, 8а, В.]

(576.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Фамилия тридцатого в списке была Ху, фами-

лия тридцать первого — Лу.— По-китайски тыква-горлянка называется *хулу*.

[577. УкС: Б, а, α, IX, 23, г[5].
578. УкС: Б, а, α, IX, 23, г.
579. УкС: Б, а, β, XIV, 35а.
580. УкС: А, а, β, V, 4, —VII.
581. УкС: Б, а, α, IX, 24а.]
(582.) УкС: Б, а, β, XIV.
[583. УкС: Б, а, β, XIV.]
(584.) УкС: Б, а, α, X, 34.
(585.) УкС: Б, б, β, XIV, 41а.
[586. УкС: Б, а, β, XIV.
587. УкС: Б, а, β, XIII.
588. УкС: Б, а, α, X, 34.
589. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 20.]
(590.) УкС: Б, а, β, XII.
(591.) УкС: Б, б, β, XVI, 41а.

1. Возраст, когда начинают закалывать прическу— 15 лет.

(592.) УкС: Б, б, β, XVI, 41а.
(593.) УкС: Б, б, β, XVI, 41а.
(594.) УкС: Б, б, α, X, 33.
(595.) УкС: Б, б, α, X, 28.

1. Лофушань— гора в уезде Цзэнчэн провинции Гуандун. Гора имеет две вершины, одна из которых, как гласит предание, приплыла по морю, отделившись от горы Пэнлай, даосской обители бессмертных. Согласно легенде, даос Гэ Хун на горе Лофушань получил пилюлю бессмертия.

[596. УкС: Б, а, α, X, 29.]
(597.) УкС: Б, а, β, XIII.
[598. УкС: Б, а, α, IX, 24.
599. УкС: Б, а, β, XI.
600. УкС: Б, а, α, IX, 23, В[3].
601. УкС: Б, а, α, IX, 23, г[5].
602. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, г[5].].
(603.) УкС: Б, а, β, XIIа.

1. Ча Цзянь-тан — прозвание Ча Ли (1715—1783), поэта, художника и сановника.

[604. УкС: Б, а, α, I', 9, Р[1], 0.]
(605.) УкС: Б, а, α, V, 17б.

1. Янь Дао-фу — прозвание Янь Чжан-мина, см. прим. 1 к рассказу № 271.

2. Яо — легендарный император мифологической древности.

3. *Якши* — демоны-людоеды в индуистском пантеоне.

[606. УкС: Б, б, β, XVI, 41а.
607. УкС: Б, а, α, IV, 18.]
(608.) УкС: А, а, α, III, 10, П², г².

1. Цзи Сяо-лань — второе имя известного ученого и писателя Цзи Юня (1724—1805), автора коллекции «Заметки из хижины Великое в малом» *(Юэвэй цаотан бицзи)*. Юань Мэй взял этот рассказ из первого сборника Цзи Юня — «Записи, сделанные летом в Луаньяне» (рассказ № 30), опубликованного в 1789 г.

[609. УкС: Б, а, α, IX, 22.
610. УкС: Б, а, α, X, 34. (Юань Мэй, видимо по рассеянности, повторил текстуально рассказ № 425.)
611. УкС: Б, а, α, X, 31.
612. УкС: Б, а, α, IV, 18.
613. УкС: Б, а, α, III', 17, Э¹.]
(614.) УкС: Б, а, α, III, 16, 10, а.
[615. УкС: Б, а, α, III', 9, S³.
616. УкС: Б, а, α, I', 9, S, 0.]
(617.) УкС: Б, а, α, I', 4а, V, г¹.

1. Мятеж Хуан Сяо-яна.— В 1449 г. восставшие в Гуандуне крестьяне под руководством Хуан Сяо-яна осадили Гуанчжоу.

[618. УкС: А, а, α, I', 2в, Д³, М.
619. УкС: Б, а, α, X, 34.]
(620.) УкС: Б, б, β, XVI, 41а.

1. Паньгу — персонаж китайских мифов, см. прим. 1 к рассказу № 241.

621. УкС: Б, а, α, X, 27.

1. Сулу — архипелаг между о-вом Калимантаном и Филиппинами.

(622.) УкС: Б, б, β, XVI, 41а.

1. Чжаньчэнго — княжество Тьямпа на территории Аннама.

2. ...тело... пропитывается желчью.— По старинным китайским поверьям, человек, съевший печень врага или его желчный пузырь, становится очень смелым. Выражение «большая печень» символизирует храбрость. В записках Ма Хуаня (XV в.) «Достопримечательности на берегах океана» *(Инъя шэнлань цзяочжу)* упоминается о том, что в Тьямпе князь «требует в подарок человеческие желчные пузыри и совершает омовение в желчи» (цит. по канд. дисс. Н. Е. Боревской «Ло Мао-дэн, Плавание Чжэн Хэ по Индийскому океану», 1970, стр. 41).

[623. УкС: Б, а, β, XII.]
(624.) УкС: А, а, α, I', 2а, Д, г'.

1. Хэ Фэн-шэн — крупный сановник и ученый начала XVII в.

2. Чжан Сянь-чжун (1605—1647) — один из вождей крестьянского восстания в середине XVII в.

3. Шан-ди — верховный владыка Неба.

(625.) УкС: А, а, α, I', 2б, Н, г+Б, а, α, III", 4а, V.

1. Вэй-то (Ведана — Мудрый) — генерал, активно защищавший буддийскую религию. Почти в каждом буддийском храме ставится изображение Вэй-то, вооруженного мечом или дубинкой (vajra). По предположению Liu Tsun-yan'a (Buddhist and Taoist Influences on Chinese Novels, Wiesbaden, 1962, vol. I, стр. 181—182), Вэй-то происходит от Vajrapani — охранителя Будды или Закона Будды.

[626. УкС: Б, б, α, III.
627. УкС: А, а, α, I', 4, X, М.]
(628.) УкС: Б, а, β, XII.
(629.) УкС: Б, а, α, III, 16, 13а, а.
[630. УкС: Б, а, α, III', 4б, —А^{III}.]
(631.) УкС: Б, а, α, X, 34а.
[632. УкС: А, а, α, III', 2в, Б.
633. УкС: Б, а, α, IX, 24а.
634. УкС: Б, а, α, IX, 22.
635. УкС: Б, б, α, IX, 25.
636. УкС: А, а, α, I', 4, —И^4, 0.
637. УкС: Б, а, α, I', 9, S, 0.]
(638.) УкС: Б, а, α, IX, 22+Б, а, α, I', 4а, V, г^1.
[639. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, а.
640. УкС: Б, а, α, III', 9, S^2.
641. УкС: А, а, α, IV, 1, Д, е^1.
642. УкС: Б, б, α, I'.
643. УкС: Б, а, α, IX, 24.
644. УкС: А, а, α, I', 2в, Н, г.]
(645.) УкС: Б, а, α, III', 16, 10^1.
[646. УкС: Б, а, α, IX, 23, г^5.
647. УкС: Б, а, α, III', 9, S^2.]
(648.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. Сила старшего брата Дина уступает силе Второго брата Юя — игра слов, основанная на том, что *дин* значит «гвоздь», а *юй-эр* — «Юй Второй».

[649. УкС: А, а, α, III', 4б, —V^3.
650. УкС: А, а, α, I, 4, —И^4, 1.
651. УкС: Б, а, α, X, 29.
652. УкС: А, а, α, II, 6, —З^1.
653. УкС: А, а, α, III, 8, А^4, в^2.
654. УкС: А, а, α, I', 1, W, Т^1.
655. УкС: Б, а, α, IX, 23, L.]
(656.) УкС: Б, а, α, X, 28.
[657. УкС: Б, а, α, X, 27.
658. УкС: Б, а, α, X, 27.]
(659.) УкС: Б, а, α, X, 34.

1. Чжан Ши-чэн — торговец солью, поднявший в 1353 г. в се-

верной части провинции Цзянсу восстание против владычества монгольской династии Юань. В 1356 г. войско Чжан Ши-чэна овладело дельтой р. Янцзы, Чжан Ши-чэн объявил себя У-ваном государства Чжоу.
(660.) УкС: Б, а, β, XIII.
[661. УкС: Б, а, α, III", 4а, К[1].
662. УкС: Б, а, β, XII.]
(663.) УкС: Б, а, α, X, 27.
(664.) УкС: Б, б, β, XVI, 56.

1. «Западный флигель» — знаменитая пьеса драматурга конца XIII — начала XIV в. Ван Ши-фу.

2. Люди Западного океана прислали в дань... — эта фраза — типичное проявление традиционного китайского подхода к проблемам сношений с внешним миром: весь мир мыслился как единый, на который распространялись влияние и власть китайского императора. «Этот единый мир резко делился на две части: Китай и „варваров"; проводимая императорским двором политика „мягкого отношения к далеким народам" включала „предоставление права участвовать в специальных торгах и приезжать с данью ко двору"» (см.: А. С. Мартынов, О туземной тибетской администрации в эпоху Мин,— сб. «Страны и народы Востока», вып. XI, М., 1971, стр. 56). Дары, привезенные европейскими посольствами, тоже рассматривались как «дань», а дарители — как вассалы.

3. Студент Чжан, Ин-ин, Хун-нян, Хой-лин и Фацзун — персонажи «Западного флигеля».

4. Вот чего достигло искусство жителей Западного океана.— Видимо, механические актеры были в Китае в большой моде; есть свидетельства об интересе китайцев XVIII в. к европейским часам, часовым механизмам и механическим игрушкам (см.: I. L. Cranmer-Byng, Lord Macartney's Embassy to Peking in 1793,— «Journal of Oriental Studies», 1957 and 1958, vol. IV, № 1—2, стр. 137; A. Chapins, Le Montre Chinois. Neuchâtel, 1919). А. Уэйли отмечает интерес Юань Мэя к европейским изделиям: на него произвели очень большое впечатление часы с боем в доме губернатора Нанкина; сам он очень гордился оконными стеклами в своем доме.
[665. УкС: А, а, α, III', 6, —И[5].
666. УкС: Б, а, α, X, 34а.
667. УкС: Б, а, α, IX, 24.]
(668.) УкС: А, а, α, IV, 1, Д, е[1].
[669. УкС: Б, а, α, X, 29.
670. УкС: Б, а, α, XIV.
671. УкС: Б, а, α, IX, 24.]
(672.) УкС: Б, а, α, III', 9, S.
[673. УкС: Б, а, α, X, 31.
674. УкС: Б, а, α, IX, 23, г[5].

675. УкС: Б, а, β, XIV.
676. УкС: А, а, β, V, 11, —Л^2.
677. УкС: Б, а, β, XIV, 35а.]
(678.) УкС: Б, а, β, XIV, 35.

1. Чжао Цзы-ан — второе имя Чжао Мэн-фу (1254—1322), даосского ученого, писателя и художника.

(679.) УкС: Б, а, β, XIV, 35.
[680. УкС: Б, а, β, XIV, 35а.]
(681.) УкС: Б, а, α, III', 16, 9.
(682.) УкС: Б, а, α, X, 28.

1. Юй Седьмой — крестьянин, поднявший восстание, которое было жестоко подавлено маньчжурскими властями в 1661 г.

(683.) УкС: Б, а, β, XIV.
[684. УкС: Б, б, β, XVI, 41.
685. УкС: Б, а, α, III', 9, P.]
(686.) УкС: Б, а, α, III, 4, —V, а.
[687. УкС: Б, а, α, III', 9, R.
688. УкС: А, а, α, I', 4, —А^1, М.
689. УкС: Б, б, β, XVI, 46.
690. УкС: А, а, α, III', 2в, Н.
691. УкС: А, а, α, III, 4, —Л^1, в^2.]
(692.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1. *Кан* — отапливаемая лежанка.

[693. УкС: А, а, α, III, 2, W, в^2.]
(694.) УкС: Б, а, α, X, 34'.

1. *Цилинь* — мифическое животное; по китайским поверьям, появление на свет *цилиня* (что даже в мифах случается крайне редко) предвещает благополучие и процветание для всей страны.

(695.) УкС: Б, а, α, X, 34'.
[696. УкС: А, а, α, I, 4, —Д, 1.
697. УкС: А, а, α, III', 4б, —V^3.
698. УкС: Б, а, α, III', 9, S.]
(699.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, г^1.

1. Ворота Улиньмэнь — в северо-западной части г. Ханчжоу, рядом с оз. Сиху.

[700. УкС: Б, а, α, III, 15а.
701. УкС: Б, а, α, III', 9, S^3.
702. УкС: Б, а, α, III', 16, 13.
703. УкС: А, а, α, I', 4, —V, М.]
(704.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, в^2.
[705. УкС: Б, а, α, III', 17, Э^1.
706. УкС: Б, а, α, IX, 24.
707. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.
708. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.

709. УкС: Б, б, β, XVI, 48.
710. УкС: А, а, α, I', 4, —Э[1], М+Б, а, α, III, 4а, V, в[14].
711. УкС: Б, а, α, IX, 24.
712. УкС: А, а, α, IV, 1, Б, и.
713. УкС: А, а, α, I', 2в, Н, Х.
714. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.
715. УкС: Б, а, α, III', 9, R.
716. УкС: А, а, α, III', 4б, —А[3].
717. УкС: Б, а, α, III', 9, R.
718. УкС: А, а, α, III, 10, 4, а.]
(719.) УкС: Б, а, α, X, 34а.
(720.) УкС: Б, а, α, X, 29.
[721. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.
722. УкС: Б, а, α, X, 31а.]
(723.) УкС: Б, а, α, III, 5в, Б, а.
[724. УкС: Б, а, α, II, 13а.
725. УкС: Б, а, β, XI.]
(726.) УкС: Б, а, α, X, 29.
(727.) УкС: Б, а, α, X, 29.
[728. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.]
(729.) УкС: Б, б, β, XVI, 43.

1. Обитель Цяньюаньгуань — находится в провинции Цзянсу.

(730.) УкС: Б, а, β, XII.
[731. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.
732. УкС: Б, а, α, III', 9, R.
733. УкС: А, а, α, I', 4б, —И[4], г.]
(734.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.
(735.) УкС: Б, б, α, III.
[736. УкС: Б, а, α, II, 14б.]
(737.) УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, в[2].
[738. УкС: А, а, α, IV, 1, Д, е[1].]
(739.) УкС: Б, а, α, III, 9а, S, в[2].
[740. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.]
(741.) УкС: Б, а, α, X, 34.
(742.) УкС: Б, а, α, X, 33.
[743. УкС: Б, а, α, X, 34.
744. УкС: Б, а, α, III', 4б, —W.]
(745.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. Храм Юньцисы — храм в окрестностях Ханчжоу, на одном из отрогов горы Уюньшань; построен в X в.; неоднократно перестраивался и реставрировался.

[746. УкС: Б, а, α, X, 34.]
(747.) УкС: Б, а, α, X, 29.
[748. УкС: Б, а, α, III', 17, Я[1].

749. УкС: Б, а, α, X, 29.
750. УкС: А, а, α, I', 2, Н, Ф.
751. УкС: Б, а, α, III', 9, S^2.]
(752.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Цзян И (1631—1687) — ученый и сановник, получивший степень *цзиньши* в 1673 г. Служил цензором в Гуанси, представил ряд меморандумов трону, к которым приложил свои рисунки, изображавшие страдания народа.

2. Монастырь Линъянь — построен при династии Тан, находился в уезде Датунсянь провинции Шаньси.

3. Чэнь-си — старший сын Цзян И (1653—1721); в 1716 г. получил назначение на пост генерал-губернатора провинций Юньнань и Гуйчжоу.

4. Вэнь-су — посмертное имя второго сына Цзян И — Цзян Тин-си (1669—1732), сановника, ученого и художника. Цзян Тин-си был главным редактором энциклопедии *Гуцзинь тушу цзичэн,* участвовал в подготовке второго издания свода цинских статутов *Да Цин хой-дянь.*

[753. УкС: А, а, α, IV, 1, Д, e^1.
754. УкС: А, а, α, IV, 1, Д, e^1.]
(755.) УкС: Б, а, α, III", 17, Ю.
(756.) УкС: Б, а, α, III', 2, Z^3+Б, а, α, III', 9, S.
[757. УкС: А, а, α, I', 2в, Н, X.]
(758.) УкС: Б, а, β, XIII.
(759.) УкС: Б, а, β, XIII.
(760.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Чжу Чжу-цзюнь — второе имя Чжу Юня (1729—1781), ученого, поэта и каллиграфа. Чжу Юнь был инициатором создания каталога императорской библиотеки и одним из редакторов *Сыку цюаньшу цзунму.* Цзи Юнь упоминает его в одном из последних рассказов своей коллекции «Заметки из хижины Великое в малом»; судя по множеству писем Юань Мэя, адресованных Чжу, они были близкими друзьями.

2. Господин У И — дух, живший, по преданиям, на горе Уи в провинции Фуцзянь.

3. Линь Мэн-ли — чиновник XVIII в., упоминавшийся Юань Мэем в рассказе № 278.

4. Ян Вэнь-гун — посмертное имя Ян И (974—1020), ученого и литератора. Традиция передает, что перед рождением Яна его отцу приснился даосский монах Хуай-юй шанжэнь. Когда мальчик родился, все его тело было покрыто длинными волосами; через месяц они исчезли. Он поздно стал говорить, но уже в семь лет прославился своим литературным талантом. Среди его сочинений есть подписанные псевдонимом «У И».

[761. УкС: А, а, α, I', 2в, А , г.
762. УкС: Б, а, α, III, 5в, Б, а.
763. УкС: Б, а, α, I', 16, 9, г.

764. УкС: Б, а, α, IX, 24.
765. УкС: А, а, α, III, 8б, —В, в²+А, а, α, III, 10, К, а.
766. УкС: А, а, β, VI, 8а, В.
767. УкС: А, а, α, I, 2, Н.]
(768.) УкС: Б, а, α, X, 30.

1. «Наказанные небом» *(Син тянь)*.— Существует легенда о духе, который поссорился с Небом и за это был обезглавлен; название страны *Син тянь*, видимо, связано с этой легендой.

2. *Шань хай цзин* — древняя «Книга гор и морей», дающая сведения о первых географических представлениях китайцев и включающая описания сверхъестественных явлений природы, необычайных растений, удивительных стран, населенных диковинными существами.

3. Император Юй — легендарный основатель первой династии Ся (2205—1767 гг. до н. э.).

4. Янь Ши-гу (579—645) — известный комментатор классиков и историк.

5. «Собрание бесед» — составленная ученым и литератором XVII в. Сюй Ин-цю коллекция отрывков из различных произведений предшествующих веков, в которой преобладали фрагменты из произведений фантастического плана.

(769.) УкС: Б, а, α, X, 28.
[770. УкС: Б, а, α, X, 28.]
(771.) УкС: Б, а, α, X, 34а.
[772. УкС: А, а, β, V, 4, —V^2.
773. УкС: А, а, α, III, 10, Ц, $в^2$.
774. УкС: Б, а, α, III', 2, Z^3.]
(775.) УкС: Б, а, α, III'', 4а, V.

1. Чанмэнь — северо-западные ворота города Уцзян в провинции Цзянсу.

[776. УкС: Б, а, α, III'а, 4б, —W.
777. УкС: Б, а, α, X, 31а.
778. УкС: А, а, α, I', 4, —$В^4$, М.
779. УкС: Б, а, α, IX, 24.
780. УкС: Б, а, α, III', 2, Z^3.]
(781.) УкС: Б, а, α, X, 34а.
(782.) УкС: Б, а, β, XIII.
[783. УкС: А, а, α, I, 4, —X^2, 1.
784. УкС: А, а, α, II, I, $А^1$.
785. УкС: А, а, α, I', 2б, Н, г.
786. УкС: А, а, α, I', 4б, —Т, г.]
(787.) УкС: Б, а, α, X, 31а.

1. Годы правления под девизом Чун-чжэнь — годы правления Сы-цзуна, последнего императора национальной династии Мин (1628—1643).

(788.) УкС: Б, а, β, XIV.
[789. УкС: Б, а, α, III, 2, Z, в^2.]
(790.) УкС: Б, а, α, III', 16, 9.

1. ...буддийский монастырь — имеется в виду монастырь Лэнцзясы, см. прим. 3 к рассказу № 172.

(791.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

1. Гань Жу-лай (1684—1741) — крупный сановник, одно время служивший в качестве провинциального судьи, а потом выдвинувшийся на пост главы палаты обрядов.

(792.) УкС: Б, а, α, III", 4а, —W.
(793.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

1. Бессмертный, совершенствующий себя путем очищения. — По даосским поверьям, человек, стремящийся стать бессмертным, культивирует себя в процессе очищения от житейской скверны.

2. «История Южных династий» (Нань ши) — история династий Сун, Ци, Лян, Чэнь (420—589), составленная историком Ли Яньшоу (VII в.).

3. Этот случай содержится в жизнеописании Ван Юань-мо. — Действительно, в биографии сановника династии Сун (период Лю чао — VI в.) Ван Сюань-мо содержится эпизод, о котором рассказывает Юань Мэй (см.: *Нань ши,* цз. 16,— *Сы бу бэй яо,* т. 69, стр. 136—137). Юань Мэй изменил имя: вместо «Сюань» он пишет «Юань», так как при маньчжурах фамильный знак *сюань* был табуирован.

[794. УкС: А, а, α, I', 4, —V^3, М.
795. УкС: Б, а, α, III', 9, R.]
(796.) УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.
[797. УкС: Б, б, α, III.]
(798.) УкС: А, а, α, III, 10, П, а.

1. ...он послужит мне заменой. — По народным верованиям, человек, умерший не своей смертью, может возродиться к жизни, если найдет себе «замену» среди живых людей (см. прим. 2 к рассказу № 1).

2. Чжуаньлунь-ван (Чакравартин) — по буддийским представлениям, божество, крутящее колесо, к которому владыка ада Яньло-ван направляет души мертвых для нового рождения.

[799. УкС: Б, а, α, X, 31а.
800. УкС: Б, а, α, IX, 24.
801. УкС: Б, а, α, II, 13.
802. УкС: А, а, α, I', 2б, Н, г.]
(803.) УкС: Б, а, α, III', 9, R.
[804. УкС: Б, а, α, X, 34.
805. УкС: А, а, α, III, 10, П, а.]
(806.) УкС: Б, б, α, III.

1. Дух дождя — Юй-ши (Parjanya), буддийское божество, обычно изображаемое в желтых чешуйчатых латах, стоящим на облаке и выли-

вающим из лейки дождь на землю (см.: E. T. C. Werner, A Dictionary of Chinese Mythology, Shanghai, 1932, стр. 602—603).

[807. УкС: Б, а, α, III, 4а, Z, в².

808. УкС: Б, а, α, III', 9, S².

809. УкС: А, а, α, V, 5, —Д.

810. УкС: Б, а, α, X, 27.

811. УкС: Б, б, α, III.

812. УкС: Б, б, α, III.

813. УкС: Б, а, α, X, 31.]

(814.) УкС: А, а, α, I', 2, Н, Л.

1. ...среди пятицветных облаков. — Появление пятицветных облаков предзнаменовало необычное (как правило, сверхъестественное) событие, явление бессмертного или божества и т. п.

2. Главнокомандующий Чжоу — см. прим. 4 к рассказу № 25.

[815. УкС: Б, а, α, X, 29.

816. УкС: А, а, α, I, 4, —V, 1.

817. УкС: Б, а, α, III", 17, Ю.

818. УкС: Б, а, α, III', 16, 13.+Б, а, α, X, 31а.]

(819.) УкС: Б, а, α, III", 4а, V.

[820. УкС: Б, а, α, III', 17, Э¹.]

(821.) УкС: Б, б, α, X, 33.

[822. УкС: Б, б, α, X, 33а.

823. УкС: Б, б, α, X, 33а.]

(824.) УкС: Б, б, α, X, 33а.

[825. УкС: Б, б, α, X, 27.

826. УкС: Б, а, α, III, 16, 8, г⁵.]

(827.) УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

1. Сичжимэнь — северо-западные ворота Пекина.

[828. УкС: Б, а, α, III", 4а, V.

829. УкС: А, а, α, IV, 1, Б, и.]

(830.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. *Цилинь* — см. прим. 1 к рассказу № 694.

(831.) УкС: Б, а, α, X, 29.

[832. УкС: Б, б, α, III.

833. УкС: Б, а, α, X, 31а.]

(834.) УкС: Б, а, α, III, 7б, Б, а.

1. Лю Цзы-чжуан (1609—1652) — известный поэт и ученый, получивший степень *цзиньши* в 1649 г. (первым прошел на экзамене).

2. Лю Кэ-ю — второе имя Лю Цзы-чжуана.

3. *Чжуанъюань* — звание, присваивавшееся человеку, который первым прошел в списке лиц, сдавших экзамен на ученую степень *цзиньши.*

4. *Чжуанъюань*-то еще без чиновничьей шапки. —

Старый бес успокаивает других бесов, напоминая им о том, что Лю Цзычжуан еще не сдал экзамена на степень *цзиньши* и ему только предстоит прославиться (бесы боятся людей, которым предстоит прославиться).

(835.) УкС: Б, а, α, X, 28.

[836. УкС: Б, а, α, X, 31.

837. УкС: Б, а, α, IX, 23, B^3.

838. УкС: Б, а, α, X, 31.

839. УкС: Б, а, α, X, 24.

840. УкС: Б, б, α, X, 29.

841. УкС: Б, б, α, X, 29.

842. УкС: Б, а, α, IX, 23, L^2.

843. УкС: Б, а, α, X, 34а.]

(844.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. Пэн — легендарная птица гигантских размеров (птица Рок).

[845. УкС: Б, а, α, III', 17, Э.

846. УкС: Б, а, α, X, 29.

847. УкС: Б, а, α, X, 29.]

(848.) УкС: Б, а, α, X, 34.

(849.) УкС: Б, а, α, X, 29.

[850. УкС: Б, а, α, X, 34.]

(851.) УкС: А, а, α, I, 4, —$И^{11}$, 2.

1. Пэн-цзу — китайский Мафусаил древности, проживший, как говорит легенда, более тысячи лет (см.: E. T. C. Werner, A Dictionary of Chinese Mythology, стр. 429—430).

2. Сишань — Западные горы (около Пекина).

[852. УкС: Б, а, α, X, 27.

853. УкС: Б, а, α, X, 31.

854. УкС: Б, а, α, X, 31.

855. УкС: Б, б, α, III.]

(856.) УкС: Б, б, α, III.

1. Волшебная надпись на [горе] Гоулоу. — Традиция говорит, что на горе Гоулоу (в провинции Хунань) легендарный император Юй оставил каменную стелу с надписью в 70 слов, написанных неизвестными письменами, которые расшифровал ученый и писатель XVI в. Ян Чжэнь.

2. Ящерица гекко — см. прим. 1 к рассказу № 435.

[857. УкС: Б, б, α, XVI, 45.

858. УкС: Б, б, α, III.]

(859.) УкС: Б, а, α, III, 7б, Б, а.

1. *Гуншн* — наименование лица, выдержавшего в столице экзамен на степень *цзиньши* и рекомендованного для сдачи «дворцовых экзаменов».

[860. УкС: Б, а, α, X, 31а.

861. УкС: Б, б, α, X, 28.

862. УкС: Б, а, α, V, 17а.
863. УкС: Б, а, α, X, 34.]
(864.) УкС: Б, б, α, III.
[865. УкС: Б, а, α, X, 31.
866. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 19.
867. УкС: Б, б, α, III.
868. УкС: А, а, α, III, 5б, —$Б^1$, а.— Рассказ заимствован из коллекции Цзи Юня «Заметки из хижины Великое в малом» (№ 3).
869. УкС: А, а, α, III, 6, —$В^1$, $в^1$.] Рассказ заимствован из коллекции Цзи Юня (№ 9).
(870.) УкС: Б, б, α, X, 33а.

1. Г а о л и — Корея.

2. Ш а б и г о (или Ш а б и ч а г о) — вымышленная страна, о которой почти теми же словами, что у Юань Мэя, рассказывается в энциклопедии науки и искусства *Саньцай тухой*, составленной Ван Ци (конец XVI — начало XVII в.).

3. Д а ц и н ь (г о) — китайское наименование Восточной Римской империи.

4. «Новая история династии Тан» *(Синь Тан шу)* составлена Оуян Сю (1007—1072) и Сун Ци (998—1061).

[871. УкС: Б, а, α, X, 31.
872. УкС: Б, а, β, XIV, 36.] Рассказ заимствован из коллекции Цзи Юня (№ 107.)
(873.) УкС: ч. 1: А, а, β, V, 11, $А^1$;
ч. 2 А, а, β, V, 11, $А^2$.

1. Г о Л ю (Г о Ш е с т а я) — рассказ о ней взят из коллекции Цзи Юня «Заметки из хижины Великое в малом», но Юань Мэй объединил под этим заголовком два рассказа Цзи Юня (№ 114 и 118), снял дидактические концовки, наличествовавшие у Цзи Юня, и ввел свое заключительное рассуждение.

2. ...«т о р г о в а т ь ц в е т а м и».— Цзи Юнь вводит в текст рассказа № 114 пояснение (опущенное Юань Мэем): «В деревне о женщине, торгующей собой, говорили, что она „торгует цветами“».

3. В к о н ц е п р а в л е н и я п о д д е в и з о м Чун-чжэнь — т. е. в последние годы правления Сы-цзуна, последнего императора национальной династии Мин (1628—1643).

4. К о н ф у ц и й с к а з а л: «[Д и н а с т и я] И н ь и м е л а т р е х г у м а н н ы х [л ю д е й]». Этой фразе (*Луньюй*, XVIII, I, 1) предшествует следующий параграф: «[Правитель] Вэй удалился [от государя], правитель Цзи стал [его] рабом, Би Гань упрекал и был убит». Этих трех князей древности Конфуций и назвал «тремя гуманными династии Инь». Правитель Вэй — старший брат последнего государя династии Инь — тирана Чжоу Синя (1154—1122 гг. до н. э.) — удалился от двора, не желая служить тирану; правитель Цзи-цзы — дядя Чжоу Синя — за попыт-

ки увещевать его был брошен в тюрьму; чтобы избежать смерти, он притворился помешанным; тогда Чжоу Синь сделал его своим шутом; другой дядя Чжоу Синя — Би Гань — укорял его и был зверски убит Чжоу Синем, который вырезал у него сердце, чтобы посмотреть, «действительно ли в сердце мудреца есть семь отверстий».

5. Лочан Гун-чжу — младшая сестра (по другим версиям — дочь) Хоу-чжу, последнего правителя династии Чэнь (557—588),— вышла замуж за Сюй Дэ-яня; во время смуты, сопровождавшей падение династии Чэнь, Лочан Гун-чжу вынуждена была расстаться с мужем; прощаясь с ним, она отдала ему половину разбитого ею зеркала, условившись, что в определенный день пошлет оставшуюся у нее половину на рынок на продажу, чтобы таким образом дать знать Сюй Дэ-яню, где она находится. Лочан Гун-чжу попала в гарем Ян Су (?—606) — фаворита Вэнь-ди, первого императора династии Суй. Тем не менее в условленный день ей удалось послать на рынок слугу с половиной зеркала. Выследив слугу, Сюй Дэ-янь отправился к Ян Су, и тот согласился отдать ему Лочан Гун-чжу.
[874. УкС: А, б, β, VIII.] Заметка взята из коллекции Цзи Юня (№ 119).
[875. УкС: А, а, α, III', 8, $А^5$.] Рассказ взят у Цзи Юня (№ 154).
(876.) УкС: Б, а, α, III, 16, 13, $в^1$.

1. Цзи И-ань — дядя Цзи Юня. Рассказ взят из коллекции Цзи Юня (№ 188).

2. Сичэн — район Пекина, западная часть Внутреннего города.
[877. УкС: А, а, α, II, 4, —$А^2$.] Рассказ взят из коллекции Цзи Юня (№ 219).
(878.) УкС: Б, а, α, III, 7б, —W, д.

1. Когда господин был в Урумчи... — речь идет о Цзи Юне, который был сослан в Урумчи (провинция Синьцзян). Рассказ взят из коллекции Цзи Юня (№ 235).
[879. УкС: Б, а, α, III', 17, Э+Б, а, α, III', 17, $Я^1$.
880. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 19.
881. УкС: Б, а, α, X, 34.]
(882.) УкС: Б, а, α, X, 34а.
[883. УкС: Б, а, α, IX, 24а.]
(884.) УкС: А, а, α, III', 4б, —$Б^4$.

1. Ми Юань-чжан — второе имя художника Ми Фу (1051—1107), мастера пейзажа, автора «Истории живописи», отличавшегося большими странностями и чудачествами; так, о большом камне причудливой формы он говорил, как о своем брате.
[885. УкС: А, а, α, I', 5б, —$Б^1$, П.
886. УкС: А, а, β, V, 5б, —3.
887. УкС: Б, а, α, II, 13б
888. УкС: Б, а, α, IX, 24.
889. УкС: Б, а, α, IX, 24б.
890. УкС: А, а, α, III, 10, К, а.

891. УкС: Б, а, α, X, 31а.]
(892.) УкС: Б, а, α, X, 31а.
[893. УкС: Б, а, α, X, 31а.
894. УкС: Б, а, α, X, 34.]
(895.) УкС: Б, а, α, X, 34а.

1. Инь Вэнь-дуань — см. прим. 1 к рассказу № 159.

[896. УкС: Б, а, β, XIV.]
(897.) УкС: Б, а, β, XIII.
[898. УкС: А, а, β, V, 4, —V^2.
899. УкС: А, а, β, V, 4, —V^2.
900. УкС: Б, б, α, I'.
901. УкС: Б, б, α, X, 27.
902. УкС: Б, б, α, X, 27.
903. УкС: Б, б, β, XVI, 48.]
(904.) УкС: Б, б, α, X, 27.
[905. УкС: Б, б, α, X, 29.]
(906.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. ...мне только что исполнилось семь лет.— Юань Мэй родился в 1716 г., но в Китае, как и в других странах Дальнего Востока, новорожденному сразу считается год.

2. Птица Пэн — легендарная гигантская птица.

3. Чжуан-цзы — философ-поэт (IV—III вв. до н. э.), исповедовавший философию даосизма. Цитата из трактата *Чжуан-цзы*, приводимая Юань Мэем, взята из первой главы трактата («Странствия в беспредельном», как переводит название этой главы Л. Д. Позднеева в кн. «Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая», М., 1967, стр. 135).

[907. УкС: Б, б, α, X, 27.
908. УкС: Б, а, α, X, 34.
909. УкС: А, а, α, I, 4, —$Б^3$, 2.
910. УкС: Б, а, α, X, 27.
911. УкС: А, а, β, V, 5б, —П.
912. УкС: Б, б, β, XVI, 41.
913. УкС: А, а, β, V, 11, —$Э^1$.
914. УкС: Б, а, α, X, 31.
915. УкС: А, а, α, I', 2, $Н^2$, 0.
916. УкС: А, а, α, I', 2, Д, г.
917. УкС: А, а, α, I, 1, В.
918. УкС: Б, а, α, III, 15, Z^{II}, $г^5$+Б, а, α, III, 16, 9^1, $г^5$.]
(919.) УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1. Гао Нянь-дун — второе имя Гао Хэна (1612—1697), поэта, литератора и сановника.

2. ...сожгли фигурку.— Рассказ основан на народном веровании, состоящем в том, что изображения людей или предметов, будучи

спрятаны в доме человека, могут околдовать его или причинить серьезный вред.
(920.) УкС: А, а, α, I', 4, —V^2, М.
[921. УкС: Б, а, α, IX, 23, г.
922. УкС: А, а, α, I, 4, —V, 1.
923. УкС: Б, а, α, X, 34а.]
(924.) УкС: Б, а, α, X, 34.

1. Цянь Мэй-гу — второе имя Цянь Чуня, крупного сановника, получившего степень *цзиньши* в годы правления Вань-ли (1573—1620).
(925.) УкС: Б, а, α, IX, 24.

1. Цянь Вэнь-минь — см. прим. 1 к рассказу № 364.

2. Чжэнъянмэнь — городские ворота в Пекине.

3. Сунь Вэнь-дин — посмертное имя Сунь Цзя-ганя (1683—1753), сановника и ученого, автора *Нань ю цзи* («Записки о путешествии на юг»), ряда комментариев на конфуцианский канон, специалиста в области неоконфуцианской философии.
[926. УкС: Б, а, α, IX, 24.
927. УкС: Б, а, α, III, 4а, —W, а.]
(928.) УкС: Б, а, α, X, 29.

1. Гора Чжаобаошань — находится к северо-востоку от г. Чжэньхай провинции Чжэцзян, на берегу моря. Первоначально называлась Хоутаошань (Поджидающая волны). Нынешнее название получила потому, что к подножию горы, в устье р. Тунцзян, на которой стоит Чжэньхай, приходили чужеземные корабли, доставлявшие дань китайскому императору (*чжаобао* «принимать сокровища»).

[929. УкС: Б, а, α, X, 29.
930. УкС: Б, а, α, III', 4в, V.
931. УкС: А, а, α, III, 2, W, $г^3$.
932. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, $в^{13}$.
933. УкС: Б, а, α, III', 4а, V.
934. УкС: Б, а, α, III', 17, Э.
935. УкС: А, а, α, IV, 1, Д, $е^1$.
936. УкС: Б, а, α, X, 31а.
937. УкС: Б, а, α, XIV.
938. УкС: Б, а, α, III, 16, 9, $в^{13}$.
939. УкС: Б, а, β, XIII.]
(940.) УкС: Б, а, α, IX, 24а.

1. Гань Чжун-цзай — иначе Гань Жу-лай (1684—1739), провинциальный судья и ученый.
(941.) УкС: Б, а, α, III", 4а, V.
[942. УкС: Б, а, α, III', 4а, Z^3.
943. УкС: А, а, α, I, 4, —V^4, 1.
944. УкС: Б, а, α, XIV, 35а.

945. УкС: Б, а, α, III', 9, R.
946. УкС: А, а, α, II, 1, V.
947. УкС: А, а, α, III, 2, Д, в^2.
948. УкС: А, а, α, I', 2, Н, Ф.
949. УкС: Б, б, α, III.
950. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.]
(951.) УкС: Б, а, α, III, 7б, 21, а.

1. Черная напасть боится соли.— Насланная бесами напасть именуется «черной напастью». Любопытно, что, по русским поверьям, леший боится соли (см.: К. Завойко, В Костромских лесах по Ветлуге-реке,— «Этнографический сборник», Кострома, 1917, стр. 36).
(952.) УкС: Б, б, α, III.

1. Сила *ян*.— По древнекитайской натурфилософии, в природе существуют мужское начало — *ян* и женское начало — *инь*.
[953. УкС: Б, а, α, IX, 23, В^3.
954. УкС: А, а, α, I', 5а, —Г^2, П.]
(955.) УкС: Б, а, α, X, 29.
(956.) УкС: Б, б, β, XV, 37.

1. *Инь фу цзин* («Книга о гармонии тьмы») — даосский трактат глубокой древности, комментарий на который приписывается Ли Цюаню (VIII в. н. э.).

[957. УкС: Б, а, α, X, 29.
958. УкС: Б, а, α, X, 31.
959. УкС: Б, б, β, XV, 39.
960. УкС: Б, а, α, X, 27.
961. УкС: Б, б, β, XV, 39.
962. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 19.
963. УкС: Б, б, α, X, 28.]
(964.) УкС: Б, б, β, XVI, 44, 19.

1. Праздник Поминовения усопших — приходится обычно на четвертую луну года.
[965. УкС: Б, а, α, X, 29.
966. УкС: Б, а, α, X, 27.
967. УкС: Б, б, α, IX, 25.
968. УкС: Б, а, α, X, 29.
969. УкС: Б, б, α, X, 29.
970. УкС: Б, а, β, XIII.
971. УкС: А, а, α, I', 11, А^1, X.
972. УкС: А, а, α, IV, 1, А^2, е^6.
973. УкС: Б, а, α, III, 7б, 22, в^2.
974. УкС: А, а, α, III, 10, П^2, а.]
(975.) УкС: Б, а, α, X, 34.
(976.) УкС: Б, а, α, X, 34.

[977. УкС: Б, а, α, X, 34.
978. УкС: А, а, β, V, 11, —$А^2$.]
(979.) УкС: Б, а, α, X, 27.
[980. УкС: Б, а, α, X, 28.
981. УкС: Б, а, α, III', 9, S^1.
982. УкС: А, а, α, III', 4б, $А^3$.
983. УкС: А, а, α, IV, 1а, В, $в^5$.
984. УкС: Б, а, α, IX, 23, Q, а.
985. УкС: Б, а, α, III, 4в, V, а.]
(986.) УкС: Б, а, β, XIV.
[987. УкС: Б, а, α, III'а, 4б, —W.
988. УкС: Б, а, α, IX, 24.
989. УкС: Б, б, β, XVI, 44, 19.
990. УкС: Б, а, β, XIV, 35а.
991. УкС: Б, а, α, X, 31а.
992. УкС: Б, а, α, V, 17а.
993. УкС: Б, а, α, V, 17а.
994. УкС: Б, а, α, II, 14б.
995. УкС: А, а, α, IV, 1, $А^1$, и.
996. УкС: Б, а, α, IX, 26.
997. УкС: А, а, α, I', 2, Б, Л.
998. УкС: Б, а, α, II, 13а.]
(999.) УкС: А, а, α, III', 4б, —$А^2$.
[1000. УкС: Б, а, α, III', 9, S^1.
1001. УкС: Б, а, α, X, 34.
1002. УкС: А, а, β, V, 1, $А^3$.
1003. УкС: Б, а, α, III'', 4а, V.]
(1004.) УкС: А, а, α, I, 4, —$Б^3$, 2.
[1005. УкС: Б, а, α, V, 17а.]
(1006.) УкС: Б, а, α, III', 17, $Э^1$.
[1007. УкС: Б, а, α, X, 34.
1008. УкС: А, а, α, I, 2, N.
1009. УкС: Б, а, α, XIV, 35а.
1010. УкС: Б, а, α, X, 31а.
1011. УкС: Б, а, α, III', 17, $Я^1$.
1012. УкС: Б, а, α, X, 29.
1013. УкС: Б, а, α, X, 29.
1014. УкС: Б, а, α, III'', 4б, —W.
1015. УкС: Б, а, α, X, 31а+Б, а, β, XIV, 36.]
(1016.) УкС: Б, б, β, XVI, 44, 19.
(1017.) УкС: А, а, α, I', 2, Н, г.

1. *Си юань лу* — труд по судебной медицине, принадлежащий Сун Ци (XIII в.), был переиздан в XV в. и стал руководством для лиц, производивших судебное дознание.

2. Старик с длинными бровями — т. е. имевший вид бессмертного.

(1018.) УкС: А, а, β, VI, 8, $А^2$.

[1019. УкС: Б, а, α, X, 31.

1020. УкС: А, а, α, I, 4, —$М^1$, 2.

1021. УкС: Б, а, α, III, 4а, V, а.

1022. УкС: А, а, α, I', 2в, Н, Ф.]

(1023.) УкС: Б, а, α, I', 9, S, г.

МЕРЫ ДЛИНЫ И ПЛОЩАДИ

ли = 576,0 м
чжан = 3,2 м
жэнь = 2,5 м (=8 чи)
чи = 32 см

МЕРЫ ВЕСА И ОБЪЕМА

цзинь = 0,597 кг
дань = 59,68 кг или 103,54 л
ху = 52—53 л
доу = 10,35 л

ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ

лян = 37,301 г
цянь = $^1/_{10}$ ляна

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ПЕРЕВОДЕ

Аньдун — уезд на Ляодунском полуострове.
Аньцин — город и область в провинции Аньхой.
Аньчжоу — округ в провинции Хубэй.
Баодин — город в провинции Хэбэй.
Билинь — город в провинции Цзянсу.
Биньчжоу — область в провинции Шэньси.
Бэйтунчжоу — область в провинции Цзянсу.
Вэйян — старое название округа Янчжоу в провинции Цзянсу.
Вэньсян — уезд в провинции Хэнань.
Вэньчжоу — город и округ в провинции Чжэцзян.
Ганьсу — провинция в Северо-Западном Китае.
Ганьцюань — уезд в провинции Шэньси.
Гаоань — город и уезд в провинции Цзянси.
Гаотиншань — гора в провинции Чжэцзян.
Гаою — город в провинции Цзянсу.
Гоужун — уезд в провинции Цзянсу.
Гушань — гора на о-ве Гушань на оз. Сиху в провинции Чжэцзян.
Гуши — уезд в провинции Хэнань.
Гуандун — провинция в Южном Китае.
Гуанлин — город в провинции Хэбэй.
Гуанси — провинция в Юго-Западном Китае.
Гуансинь — город и область в провинции Цзянси.
Гуаньдун — область на Ляодунском полуострове.
Гуйань — уезд в провинции Чжэцзян.
Гуйлинь — город и уезд в провинции Гуанси.
Гуйчжоу — провинция в Юго-Западном Китае.
Гуйчи — город в провинции Аньхой.
Гунсянь — уезд в провинции Хэнань.
Дали — уезд в провинции Юньнань.
Дасин — уезд в провинции Шэньси.
Дациньго — китайское наименование Восточной Римской империи.
Дайчжоу — округ в провинции Шаньси.
Даньшань — гора к западу от уезда Даньшань в провинции Гуанси.

Даньян — город в провинции Цзянсу.
Динцзяшань — гора в окрестностях Ханчжоу на западном берегу оз. Сиху.
Дунмэньшань — гора в провинции Чжэцзян.
Дунтиншань — гора в уезде Усянь, на берегу оз. Тайху, в провинции Цзянсу.
Дунчэн — город в провинции Хэбэй.
Дуньцзыху — озеро около г. Учан провинции Хубэй.
Есянь — город в провинции Шаньдун.
Жугао — город в провинции Цзянсу.
Жунчан — город и уезд в провинции Сычуань.
Жэньхо — район г. Ханчжоу в провинции Чжэцзян.
Жэхэ — провинция в Северном Китае.
И (Исянь) — уезд в провинции Аньхой.
Исин — город в провинции Цзянсу.
Ичжоу — город в провинции Хэбэй.
Ичжэн — уезд в провинции Цзянсу.
Иньсянь — уезд в провинции Аньхой.
Иньшань — северный отрог горного хребта Куэньлунь.
Куйчжоу — округ в провинции Сычуань.
Куньминху — озеро в провинции Юньнань.
Лишуй — уезд в провинции Чжэцзян.
Лиян — город и уезд в провинции Цзянсу.
Линби — уезд в провинции Аньхой.
Линнань — Гуанчжоу (Кантон) — главный город провинции Гуандун
Линьаньшань — гора в провинции Чжэцзян.
Линьхай — город и уезд в провинции Чжэцзян.
Линьцин — уезд в провинции Шаньдун.
Лофушань — гора в уезде Цзэнчэн в провинции Гуандун, северо-восточнее Кантона.
Лоян — город в провинции Хэнань.
Луаньчжоу — округ в провинции Хэбэй.
Луаньчэн — уезд в провинции Хубэй.
Луси — уезд в провинции Цзянси.
Луцюань — уезд в провинции Юньнань.
Лучжоу — область в провинции Аньхой.
Лушань — гора в провинции Цзянси.
Лунцюань — город в провинции Чжэцзян.
Лунчжоу — округ в провинции Шэньси.
Лэань — уезд в провинции Шаньдун.
Лэйчжоу — город в провинции Цзянсу.
Люхэ — город в провинции Цзянсу.
Люйчэн — город в провинции Цзянсу.
Лянсянь — уезд в провинции Хэбэй.

Лянчжоу — древний округ, находившийся на территории нынешней провинции Ганьсу.
Маоху — озеро в уезде Сунцзян провинции Цзянсу.
Маочжоу — округ в провинции Сычуань.
Маошань — гора в уезде Цзюйжун провинции Цзянсу.
Минь — другое название провинции Фуцзянь.
Муду — город в провинции Цзянсу.
Нанкин — город в провинции Цзянсу.
Наньнин — город и уезд в провинции Гуанси.
Наньпиншань — гора в предместье Ханчжоу, к югу от оз. Сиху.
Наньчан — город и уезд в провинции Цзянси.
Наньшань — гора в провинции Чжэцзян.
Наньян — город и область в провинции Хэнань.
Нингуйтай — город в провинции Гирин.
Нинся — провинция в Северо-Западном Китае.
Пилин — уезд в провинции Цзянсу.
Пинтай — город в провинции Хэнань.
Пинху — уезд в провинции Чжэцзян.
Пинчжоу — округ в провинции Хубэй.
Пинъюэ — область в провинции Гуйчжоу.
Поян — город в провинции Цзянсу.
Поянху — озеро в провинции Цзянсу.
Путошань — гора на о-ве Путошань в Восточно-Китайском море, в 75 км от г. Динхай провинции Чжэцзян.
Пучжоу — область в провинции Шаньси.
Пэйсянь — уезд в провинции Цзянсу.
Сиань — город в провинции Шэньси.
Силань — Цейлон.
Сисиньчи (Пруд Омовения Сердца) — пруд в провинции Цзянсу.
Сисян — город в провинции Цзянсу.
Сиху — озеро в провинции Чжэцзян.
Сицзян — река, протекающая по провинциям Гуанси и Гуандун.
Сишань (Западные горы) — горы около Пекина.
Синпин — уезд в провинции Шэньси.
Синьцзянь — уезд в провинции Цзянси.
Сулуго — архипелаг Сулу (между о-вом Калимантан и Филиппинами).
Суцянь — город в провинции Цзянсу.
Сучжоу — город в провинции Ганьсу.
Сучжоу — область в провинции Цзянсу.
Суйань — древний город на территории нынешней провинции Чжэцзян.
Суйдэчжоу — округ в провинции Шэньси.
Суйци — река в области Сучжоу провинции Цзянсу.
Сунцзян — город и уезд в провинции Цзянсу.
Сычуань — провинция в Западном Китае.

Сышуй — уезд в провинции Шаньдун.
Сюнин — город и уезд в провинции Аньхой.
Сюшуй — уезд в провинции Чжэцзян.
Сяншань — уезд в провинции Гуандун.
Сянъань — город в провинции Хунань.
Сянъян — город в провинции Хубэй.
Сяньду — гора примерно в 11 км к востоку от уездного города Цзиньюнь провинции Чжэцзян.
Сяньнин — город и уезд в провинции Шэньси.
Сяньян — столица государства Цинь на территории нынешней провинции Шэньси.
Сяошань — город в провинции Чжэцзян.
Тайань — город в провинции Шаньдун.
Тайгу — уезд в провинции Шаньси.
Тайпинфу — область в провинции Гуанси.
Тайху — озеро в провинции Цзянсу.
Тайцанчжоу — округ в провинции Цзянсу.
Танси — уезд в провинции Чжэцзян.
Танци — город в провинции Чжэцзян.
Тинчжандао — город в провинции Фуцзянь.
Тунчжоу — город в провинции Хэбэй.
Тунчэн — город в провинции Аньхой.
Тунъи — древний город на территории нынешней провинции Аньхой
Тяньтай — уезд в провинции Чжэцзян.
Тяньтайшань — гора к северу от уезда Тяньтай.
Тяньчжэнь — уезд в провинции Шаньси.
У — другое название провинции Цзянсу.
Уишань — горный хребет в провинции Фуцзянь.
Умэнь — см. Уцзян.
Урумчи — главный город провинции Синьцзян.
Уси — город в провинции Цзянсу.
Утайшань — гора в провинции Шаньси.
Уху — город в провинции Аньхой.
Ухуа — гора в провинции Юньнань.
Уцзинь — уезд в провинции Цзянсу.
Уцзюнь — город в провинции Цзянсу.
Уцзян — город южнее Сучжоу в провинции Цзянсу.
Учан — город в провинции Хубэй.
Учжишань — гора на острове Хайнань в провинции Гуандун.
Уюань — древний город на территории нынешней провинции Аньхой.
Фансянь — уезд в провинции Хубэй.
Фаншань — гора в области Юньян в провинции Хубэй.
Фухуашань — пик горы Уишань в провинции Фуцзянь.
Фуцзянь — провинция в Юго-Восточном Китае.

Фуцян — уезд в провинции Ганьсу.
Фушань — уезд в провинции Шаньси.
Фэнсинь — город и уезд в провинции Цзянси.
Фэнхуашань — гора в уезде Сяншань в провинции Гуандун.
Фэнчэн — уезд в провинции Цзянси.
Хайнин — город в провинции Чжэцзян.
Хайчан — древний город на территории нынешней провинции Чжэцзян.
Халха — местность во Внутренней Монголии.
Ханчжоу — главный город провинции Чжэцзян.
Ханьсин — округ в провинции Фуцзянь.
Ханьчэн — город в провинции Хэбэй.
Хочжоу — область в провинции Аньхой.
Хошань — гора в провинции Аньхой.
Хойань — уезд в провинции Фуцзянь.
Хойси — уезд в провинции Чжэцзян.
Хойчжоу — город в провинции Аньхой.
Хойчжоу — область в провинции Гуандун.
Хуайань — город в провинции Цзянсу.
Хуайнань — город в провинции Аньхой.
Хуайчжэнь — город в провинции Хэбэй.
Хуанган — уезд в провинции Гуандун.
Хуанганчжоу — область в провинции Хунань.
Хуацзэху — озеро в провинции Цзянсу.
Хубэй — провинция в Центральном Китае.
Хугуан — район, охватывающий территории провинций Хунань и Хубэй.
Хунань — провинция в Центральном Китае.
Хучжоу — город в провинции Цзянсу.
Хуцю — гора в провинции Цзянсу.
Хэйлунцзян — провинция Северо-Восточного Китая.
Хэнань — провинция в Центральном Китае.
Цзелян — уезд в провинции Шаньси.
Цзеси — уезд в провинции Шаньси.
Цзечжоу — город в провинции Шаньси.
Цзинань — область в провинции Шаньдун.
Цзинсянь — уезд в провинции Аньхой.
Цзинчжоу — город и область в провинции Хубэй.
Цзиншань — уезд в провинции Хубэй.
Цзиньлин — старое название Нанкина.
Цзиньчжоуфу — область в провинции Ляонин.
Цзиншань — уезд в провинции Цзянсу.
Цзычуань — область в провинции Шаньдун.
Цзюйжун — уезд в провинции Цзянсу.
Цзюцзян — город в провинции Цзянсу.
Цзясин — город и уезд в провинции Чжэцзян.

Цзянань — название древней области, лежавшей на границе между нынешними провинциями Цзянсу и Аньхой.
Цзяннин — город к юго-востоку от Нанкина.
Цзянси — провинция в Юго-Восточном Китае.
Цзянсу — провинция в Восточном Китае.
Цзянчжоу — область в провинции Хубэй.
Цзяньли — город в провинции Хубэй.
Цзяньчан — древний город на территории нынешней провинции Ганьсу.
Цзяньчжоу — область в провинции Сычуань.
Цинъюань — город в провинции Гуанси.
Цинь — другое название провинции Шэньси.
Циньхуай — река, протекающая через Нанкин.
Цюаньцзяо — город в провинции Аньхой.
Цюйчжоу — область в провинции Чжэцзян.
Цюнчжоу — область в провинции Гуандун.
Цяньтан — район г. Ханчжоу в провинции Чжэцзян.
Чандэ — город и уезд в провинции Хунань.
Чаннин — уезд в провинции Хунань.
Чанчжоу — город и область в провинции Цзянсу.
Чаншань — гора в провинции Чжэцзян.
Чаншу — город и уезд в провинции Цзянсу.
Чаочжоу — область в провинции Гуандун.
Чжапу — бухта на юго-востоке уезда Пинху в провинции Чжэцзян.
Чжанцзякоу — г. Калган в провинции Чахар.
Чжанчжоу — город в провинции Фуцзянь.
Чжаобаошань — гора к северо-востоку от г. Чжэньхай в провинции Чжэцзян, на берегу моря.
Чжаочжоу — город и уезд в провинции Хэйлунцзян.
Чжили — старое название провинции Хэбэй.
Чжучэн — город в провинции Шаньдун.
Чжунчжоу — область в провинции Хэнань.
Чжэньхай — город и уезд в провинции Чжэцзян.
Чжэньцзэ — уезд в провинции Цзянсу.
Чжэньюань — город в провинции Гуйчжоу.
Чжэцзян — провинция в Восточном Китае, занимающая прибрежную полосу между провинциями Цзянсу и Фуцзянь.
Чжэчэн — город в уезде Чжэньсянь провинции Хэнань.
Чу — название древнего удела, соответствующего территории нынешних провинций Хунань и Хубэй.
Чусюн — город и область в провинции Юньнань.
Чучжоу — область в провинции Чжэцзян.
Чунмин — уезд в провинции Цзянсу.
Чэнду — город в провинции Сычуань.

Шанфаншань — местное название горы Лэнцзяшань в юго-западном предместье г. Сучжоу в провинции Цзянсу.
Шанхэ — город в провинции Нинся
Шанцзян — старое название провинции Аньхой.
Шанцю — город в провинции Хэнань.
Шанъюань — уезд в провинции Цзянсу.
Шаньдун — провинция Восточного Китая.
Шаньинь — см. Шаосин.
Шаньси — провинция в Северном Китае.
Шаньцзо — округ в провинции Шаньдун.
Шаобаочжэнь — город в провинции Цзянсу.
Шаосин — город в провинции Чжэцзян.
Шидай — уезд в провинции Аньхой.
Шилоу — уезд в провинции Шаньси.
Шимэнь — уезд в провинции Чжэцзян.
Шипин — уезд в провинции Шаньдун.
Шуйпин (фу) — округ в провинции Хэбэй.
Шучэнь — уезд в Лучжоу, в провинции Аньхой.
Шэнцзин — старое название г. Мукдена.
Шэньси — провинция в Северо-Западном Китае.
Юаньхэ — уезд в провинции Цзянсу.
Юаньчжоу — область в провинции Цзянси.
Юэ — старое название нынешней провинции Чжэцзян.
Юэчжоу — уезд в провинции Чжэцзян.
Юйтяньхэ — река в провинции Синьцзян.
Юйцзян — река в провинции Цзянси.
Юйшань — гора к северу от Гуйлиня в провинции Гуанси.
Юньнань — провинция в Юго-Западном Китае.
Юньян — область в провинции Хубэй.
Яйчжоу — область в провинции Гуандун.
Янху — уезд в провинции Цзянсу.
Янчжоу — область в провинции Цзянсу.
Янчэн — древняя столица княжества Гуйцзыго, находившегося на территории нынешней провинции Синьцзян.
Яньлин — город в провинции Чжэцзян.
Яньтаншань — гора в уезде Вэньчжоу провинции Чжэцзян.
Яньцзыцзы (Ласточкины пороги) — к северу от Нанкина.
Яньши — уезд в провинции Хэнань.

ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН РАССКАЗЧИКОВ

Ай Тан — чиновник 868 *[1]

Ван Цянь-гуан — учащийся из Вэньчжоу 767 *, 768
Вань Цзинь-пэн 953 *

Гао Вэнь-дуань — посмертное имя сановника Гао Цзиня (1707—1779) 193
Гу Мэй-по — чиновник 936 *
Гэ Вэнь-линь — ученый 614
Гэ Тао (1728—1788) — ученый, поэт, и писатель 587 *

Дай Чжэнь (1724—1777) — крупный ученый и философ 338 *
Дин Сянь-жун 951
Дэн Цзун-ло — ученый 600 *

Инь Вэнь-дуань — посмертное имя крупного маньчжурского сановника Инь Цзи-шаня (1696—1771) 159

Лай Вэнь-дуань — посмертное имя Лай Бао, маньчжурского сановника и ученого XVIII в. 607 *
Лань Чжи-линь — чиновник 292 *
Ли Цзинь-ши 956
Линь Мэн-ли — начальник уезда 278 *
Ло Лян-фэн — прозвание художника и поэта XVIII в. Ло Пиня, друга Юань Мэя 369, 370 *
Лю Цзе-ши — чиновник 43 *
Лян Гоу-тин — сановник XVIII в., соученик Юань Мэя 914 *

Ма Ши-линь — ученый 120 *

[1] Цифры означают порядковые номера рассказов, звездочкой отмечены непереведенные рассказы.

Пэн Юнь-мэй — прозвание Пэн Юань-жуя (1731—1803), ученого, крупного сановника, друга Юань Мэя 92

Солдат 102
Сюцай из Цзычуани 919
Сюй 526 *
Сюн Ди-чжай — ученый 21
Ся Ли-гу — прозвание Ся Чжи-жуна (1698—1785), поэта и ученого 163
Сян — сановник 563 *

Фэн Ян-у — второе имя ученого и литератора XVIII в. Фэн Хао 567
Сян Сун-фу 542 *

Хань Цин-янь 308 *
Ху Цзи-мо — сановник 839 *, 840 *, 841 *
Хуа Фэн (?—1773) — командующий войсками в Юньнани 346
Хуа Цю-ча — чиновник и художник XVIII в. 429
Хуан Сюань — ученый 356
Хуан Сян-чжоу 142

Цай Лянь-дун — чиновник в Урумчи 878
Цао Ло-инь — ученый 558 *
Цзинь Пэн 468 *
Цзинь Цзун-тин — второе имя Цзинь Чжао-яна, ученого и поэта XVIII в., получившего степень *цзиньши* в 1766 г. 488 *
Цзян — чиновник 792
Цзян Вэнь-кэ — посмертное имя Цзян Пу (1708—1761), художника и ученого, занимавшего крупные государственные посты; был экзаменатором Юань Мэя 107
Цзян Юнь-сян — чиновник 888 *
Цю Вэнь-да — посмертное имя Цю Юэ-сю (1712—1783), поэта и ученого 129 *
Цянь Инь-тин 801 *
Цянь Синь-мэй — второе имя Цянь Да-синя (1728—1804), поэта, эссеиста, историка 696 *
Цянь Чжу-чу — прозвание Цянь Вэй-цяо (1739—1806), драматурга и художника 466 *

Ча Цзянь-тан — прозвание Ча Ли (1715—1783), сановника, поэта и художника 603

Чай — бабушка Юань Мэя 584
Чжан Лай — ученый 795 *, 796
Чжан Сю-чи 740 *
Чжан Хуай-шу — чиновник 425
Чжан Шоу-чжуан 966 *
Чжан Янь-цяо 1020 *
Чжао И-цзи — ученый 227, 833 *, 850 *, 858 *, 865 *
Чжао Ли-цунь — чиновник 55 *
Чжао Тянь-цзюе — сослуживец Юань Мэя 23
Чжао Чжи-юань — чиновник XVIII в., внук генерала Чжао Лян-дуна 10, 11
Чжи-дин — буддийский монах 961 *
Чжо Юань — командующий войсками 28
Чжоу — сановник 574 *
Чжоу Лань-по — прозвание ученого и литератора Чжоу Чжан-фа (1696—?) 29
Чжу Сюй-сань 782
Чжу Шоу-лоу 891 *
Чжуан Ця-пу 854 *
Чжун Ли-цюань — сановник 726
Чжэн Шоу-ин — сановник 77
Чжэнь Го-сян — ученый 805 *
Чунь-тай — маньчжур, ученый, получивший степень *цзиньши* в 1713 г. 520 *
Чэн Син-фэн 750 *
Чэн Ши-цюань 997 *
Чэнь Гуй-сюань — чиновник 593

Ши Хань-и — ученый 933 *
Шэ Вэнь-линь 663
Шэ Сян-лю — ученый 392 *
Шэнь Юй-тань — ученый 669 *, 670 *

Ю Пэй-лянь — чиновник 952
Юань Мэй 51, 52, 54 *, 82, 183, 363 *, 391, 432, 498 *, 506 * 507, 514, 575 *, 584, 662 * 667 *, 748 *, 810 *, 1022 *
Юй цзю — второе имя Цзян Сюня поэта и каллиграфа XVIII в. 330
Юй Цан ши 735

Ян — ученый 529

Ян Чао-гуань (1712—1791) — известный драматург, друг Юань Мэя 231 *

Янь Бин-лянь — чиновник и ученый 80

Янь — сановник 67 *

Янь Дао-фу — прозвание Янь Чжан-мина (1731—1787), известного библиофила, ученого, писателя и поэта, друга Юань Мэя 605

Янь Лун-ю — второе имя Янь Чжан-мина (см. Янь Дао-фу) 446 * 449 * 605

Яо Кун-чэнь — чиновник 814

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В УКАЗАТЕЛЕ СЮЖЕТОВ

1-й знак:

А — дидактическое содержание

Б — недидактическое содержание

2-й знак:

а — рассказы

б — заметки

3-й знак:

α — о сверхъестественном

β — о естественном

4-й знак:

I — Небо
I' — боги и духи
II — Царство мертвых
III — нечисть
III' — духи мертвых
IIIa — духи мертвых животных
III'' — трупы
IV — перерождения
V — люди
VI — животные
VIII — о поведении человека в обществе
IX — предопределения
X — чудеса
XI — любовные истории
XII — необычайные люди
XIIa — меткие прозвища
XIII — случаи
XIV — анекдоты
XV — философия и религия
XVI — наука
XVII — искусство

5-й знак:

1 — награждает
1а — животные или сверхъестественные существа награждены в новом рождении
2 — помогает
2а — проявляет уважение
2б — спасает от нечисти
2в — спасает от опасности
4 — карает
4а — вредит
4б — мстит
4в — обманывает человека
5 — обличает или разоблачает
5а — осуждает
5б — насмехается
5в — подшучивает над человеком
6 — предостерегает
7 — прощает
7б — боится
7в — обворованы человеком
8 — [нечисть] ведет себя благородно
8а — ведет себя благороднее, чем люди
9 — просит помощи человека
9а — хитростью заставляет помочь себе
10 — человек побеждает (обуздывает) нечисть

11 — проявляет
12 — рассуждает (разговаривает с людьми)
13 — судопроизводство в Царстве мертвых
13а — человек вершит судопроизводство в Царстве мертвых
14 — смешные случаи и ошибки судопроизводства в Царстве мертвых
14а — человек, побывавший в Царстве мертвых, умирает
14б — человек, побывавший в Царстве мертвых, остается невредим
15 — вступает в любовные отношения с человеком
15а — человек, увидевший нечисть, умирает
15б — человек видит нечисть без последствий для себя
16 — (нечисть) ведет себя как люди
17 — свойства нечисти
17а — человек путешествует в иной мир
17б — человек путешествует в вымышленные страны
18 — сохраняет прежние качества (свойства)
22 — предзнаменования
23 — предсказания
24 — вещие сны
24а — странные сны
24б — зловещие сны
25 — гадания
26 — предопределения судьбы
27 — волшебные предметы
28 — волшебные растения
29 — волшебные животные
30 — волшебные человекообразные существа
31 — люди, умеющие творить чудеса
31а — даосы-маги
32 — воскрешения из мертвых
33 — чудесные явления
33а — чудесные местности
34 — чудесные случаи
34' — чудесные рождения
34а — странные случаи
35 — ловкие воры
35а — мошеннические проделки
36 — люди, притворяющиеся сверхъестественными существами
37 — философские темы
39 — о неоконфуцианцах
41 — этнография
41а — обычаи других народностей или стран
43 — топонимика
44 — естествознание
45 — рационалистические объяснения странных явлений
46 — исторические темы
48 — надписи
56 — о драгоценностях и редкостях

6-й знак:

A — добродетельный
A¹ — почтительный к старшим
— A — недобродетельный
— A¹ — непочтительный к старшим

$А^2$ — целомудренный	— $А^2$ — развратник
$А^{II}$ — сохраняющий верность в любви	— $А^{II}$ — обманщик
$А^3$ — честный	— $А^3$ — нечестный, лгун
$А^{III}$ — верная жена (муж)	— $А^{III}$ — неверная жена (муж)
$А^4$ — проявляющий благодарность	
$А^5$ — хороший семьянин	
$А^V$ — человек, за которого молится родственник	
$А^6$ — хороший друг	
$А^7$ — верный слуга	
$А^{VII}$ — верное животное	
Б — подлинный ученый	— Б — педант, начетчик
$Б^3$ — поэт	— $Б^3$ — презирающий искусство
В — добрый	— В — злой, жестокий
$В^2$ — монах	— $В^1$ — задумавший зло или дурной поступок
$В^3$ — гадатель	— $В^4$ — равнодушный к чужой беде
V — невинный	— V — вор, разбойник
	— V^2 — убийца
	— V^{II} — мошенник
	— V^3 — виновник чужой смерти
	— V^4 — преступник
	— $Г^2$ — нарушивший запрет
	— $Г^3$ — шантажист
Д — добросовестный чиновник	— Д — недобросовестный в исполнении своих обязанностей
$Д^1$ — добросовестно исполняющий свои прежние обязанности	
$Д^3$ — верный сановник	— $Д^3$ — мятежник
	— $Д^г$ — недобросовестный дух
	— Е — пьяница
	— Ж — сплетник
	— З — заносчивый, самоуверенный
	— $З^1$ — хвастун
	— $З^2$ — наглец
	— $И^2$ — грабитель могил
	— $И^{II}$ — по незнанию потревоживший могилу

И⁴	— уважающий сверхъестественные силы	— И⁴	— непочтительный к сверхъестественным силам
И⁵	— восстановивший храм	— И⁵	— собирающийся разрушить храм
К	— смелый	— К	— трус
К¹	— не боящийся нечисти		
		— Л¹	— скупец
		— Л²	— ревнивый
		— М¹	— за ложную скромность
Н	— нуждающийся в помощи		
Н²	— больной		
Н³	— ребенок		
N	— бедняк		
П	— умный	— П	— глупец
П¹	— мудрый		
П²	— с помощью ума		
Т	— мстящий нечисти за причиненное ею зло	— Т	— обида, нанесенная в прошлом рождении
Ф	— с помощью физической силы (или оружия)		
Ц	— с помощью магической силы	— Ц	— колдун
Ц¹	— с помощью народной магии		
Э	— волшебные свойства нечисти	— Э	— нечисть, вредящая людям
Э¹	— возрождается в чужом теле		
Ю	— (нечисть) сохраняет старые привязанности		
Я	— (нечисть) зависит от поведения человека		
Я¹	— ищет «замену»		
		— Х	— неизвестная провинность или причина
		— Х¹	— не обладающий ни хорошими, ни дурными качествами
		— Х²	— преступления, совершенные в прошлом рождении
W	— оказавший услугу (нечисти)	— W	— причинивший зло нечисти или угрожающий ей

— W^1 — причинивший зло родне нечисти

Z — сожительствующий с нечистью

Z^1 — родственники возлюбленного(ой) нечисти

Z^3 — родственники нечисти

Z^I — нечисть заигрывает с человеком

Z^{II} — нечисть сожительствует с человеком

P — жертвоприношения

R — захоронения

S — иной помощи

S^1 — наказания убийцы

S^2 — наказания виновника самоубийства

S^3 — восстановления справедливости

L — предсказание сделано людьми

L^2 — предсказание сделано неизвестно кем

Q — предсказание сделано нечистью

Q^1 — предсказание сделано в Царстве мертвых

r^5 — духом, вызванным гадателем

1 — об искусстве

2 — на философские темы

5 — о существовании и природе нечисти

8 — занимается искусством

9 — проявляет человеческие слабости и недостатки

9^1 — проявляет свою индивидуальность

10 — ворует

10^1 — взыскивает долг

11 — ссорится

13. — ведет себя как люди в семье
13а — меняет жилье
13б — собираются на месте своей гибели
19 — о животных
20 — о гермафродитах
21 — (нечисть боится) соли
22 — (нечисть боится) ударов в колокол

7-й знак:

а — бесы
б — духи мертвых
в — чудесные животные
в^{1} — лисы в своем обличье
в^{2} — лисы-оборотни
в^{5} — тигры-оборотни
в^{6} — насекомые
в^{7} — змеи
в^{11} — обезьяна-оборотень
в^{12} — баран-оборотень
в^{13} — выдра-оборотень
в^{14} — кошка-оборотень
в^{15} — мечехвост-оборотень
в^{21} — морское чудовище
г — духи
г^{1} — водяные духи
г^{2} — духи деревьев
г^{3} — горные духи
г^{5} — дух, вызванный гадателем
г^{6} — дух болезни
д — *якша* (демон-людоед)
е — перерождается в облике бессмертного
е^{1} — перерождается в облике духа-хранителя местности
е^{2} — перерождается в облике речного духа
е^{3} — перерождается в облике судьи Царства мертвых
е^{4} — перерождается в облике духа кумирни
е^{5} — перерождается в облике горного духа
е^{6} — перерождается в облике небесной феи
ж — перерождается в облике животного
ж^{1} — (животное или дух) перерождается в облике человека
и — наказан или награжден иным путем
К — Шэн-ди
Л — Гуань-ди
М — бог грома
Н — Гуань-инь
О — дух-покровитель местности
П — дух-покровитель литературы
Р — дух морового поветрия
С — богиня радуги
Т — дух озера
Т^{1} — Речной государь
Ф — бессмертный
Х — небесная фея
1 — смертью
1а — смертью родных
2 — иными путями

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

А, а, α — *Дидактические рассказы о сверхъестественном*

I. Небо и люди

А, а, α, I, 1 — Небо награждает человека:

В — доброго 917*

А, а, α, I, 2 — Небо помогает:

Н — нуждающемуся в помощи 767*

N — бедняку 1008*

А, А, α, I, 4 — Небо карает:

—$А^2$ — развратника

1 — смертью 550*

$А^{II}$ — обманщика

2 — иными путями 40*

—$Б^3$ — презирающего искусство

2 909*

—В — злого

2 1004

—$В^1$ — задумавшего зло

1 210*

—$В^4$ — равнодушного к чужой беде

1а — смертью родных 120*

—V — вора, разбойника

1 103*, 816*

—V^2 — убийцу

1 922*

— U^{II} — мошенника

1а 343* (см. также разд. Б, а, α, XIV, 35а)

—V^4 — преступника

1 943*

—$Г^2$ — нарушившего запрет 326*

1

2 80

—Д — недобросовестного в исполнении обязанностей

* Звездочками отмечены непереведенные рассказы.

1 696*
—З[1] — хвастуна
1 50*
—И[2] — грабителя могил
1 221*
И[11] — по незнанию потревожившего могилу
2 851
—И[4] — непочтительного к сверхъестественным силам
1 451, 452, 650*
—М[1] — за ложную скромность
2 851, 1020*
—Х[2] — за преступление, совершенное в прошлом рождении
1 783*
2 323
А, а, α, I, 7 — Небо прощает:
—И[5] — собиравшегося разрушить храм 260

I'. Боги и духи

А, а, α, I', 1 — Боги и духи награждают:
И[5] — восстановившего храм
г — дух 59*
Л — Гуань-ди 400* (см. также: А, а, α, III, 10, К, в[1])
Н — Гуань-инь 23
W — оказавшего услугу
С — богине радуги 154*
Т[1] — речному государю 654*
А, а, α, I', 2 — Боги и духи помогают:
Б — подлинному ученому
г 348*
Л 997*
О — дух-покровитель местности 256*
V — невинному
О 226*
Л 570*
Д — добросовестному чиновнику
—г 319*, 916*
Н — нуждающемуся в помощи
—г 181* (см. также: Б, а, α, I', 16, 9, г), 327*, 465*, 1017
Л 25, 814
О 494

Ф — бессмертный 750*, 948*
Н² — больному
О 151*, 244* (см. также: Б, а, α, III, 4а, —W, в[11]), 915*
Н³ — ребенку
М — бог грома 142
Т — мстящему нечисти за причиненное ею зло
О 142*
А, а, α, I', 2а — Проявляют уважение:
Б
г 440
Д
О 380
г¹ — водяной дух 624
Л 330
А, а, α, I', 2б — Спасают от нечисти:
А⁷ — верного слугу
К — Шэн-ди 1
Н
г 625 (см. также: Б, а, α, III'', 4а, V), 785*, 802*
Л 31, 281* (см. также А, а, α, III, 4, —г², а)
Ф 162*
Н³ — ребенка
О 194*
А, а, α, I', 2в — Спасают от опасности:
А III — верную жену
г 761*
Б³ — поэта
О 164*
Д³ — верного сановника
Л 315*
М 618*
И⁴ — уважающего сверхъестественные силы
г 73* (см. также: Б, а, α, III, 4а, V, а)
Н
г 49*, 213*, 644*
О 333* (см. также: Б, а, α, I' 4б, О, М), 353*

	(см. также: Б, а, α, III, 4а, Z, а)
Ф	1022*
Х — небесная фея	713*, 757*
А, а, α, I', 4 — Карают:	
—А[1] — непочтительного к старшим	
М	127*, 688*
—А[2] — развратника	
М	102, 434*
О	322*
—В[4] —	
М	778*
—V —	
М	547*, 703*
—V[2] —	
М	920
О	446*
—V[3] — виновника чужой смерти	
М	794*
—г[3] — шантажиста	
О	111*
—Д[3] — мятежника	
Л	
—И[4]	123
Л	7 (см. также: А, а, α, II, 1, К)
О	64, 355*, 636*
—Л[1] — скупого	
О	253*
Х — за неизвестную провинность	
Г	418*
М	627*
—Ц — колдуна	
Г	249
—Э[1] — нечисть, вредящую людям	
М	175*, 297, 710* (см. также: Б, а, α, III, 4а, V, в[14])
О	85* (см. также: Б, а, α, III, 4а, V, а)
А, а, α, I', 4б — Мстят:	
—И[4] —	
г	63* 201, 282*, 325*, 733*

Р — дух морового поветрия 308*
—Т — за обиду, нанесенную человеком в прошлом рождении
г 786*
Л 86
A, a, α, I', 5а — Осуждают:
—Г² — нарушившего запрет
П — бог-покровитель литературы 954*
A, a, α, I', 5б — Насмехаются над:
—Б — начетчиком
П 885*
A, a, α, I', 6 — Предостерегают:
—В¹ — задумавшего дурной поступок
г 453*
—И¹¹ — по незнанию потревожившего могилу
г 204*
A, a, α, I', 11 — Проявляют:
A¹ — почтительность к старшим 971*
X
II. В Царстве мертвых
A, a, α, II, 1 — Награждают:
A¹ — 784*
A³ — честного 74*
V — невинного 946*
K — смелого 7 (см. также: A, a, α, I', 4, —И⁴, Л)
A, a, α, II, 4 — Карают:
—А² 149*, 259* (ч. 1), 877*
—В — злого 37*, 424*
—V¹¹ — мошенника 67*
—Т 97*
A, a, α, II, 6 — Предостерегают:
—А¹ 109*
—З¹ — самоуверенного 652*
—П — глупого 231*
A, a, α, II, 7 — Прощают:
AV — человека, за которого молится родственник 523*
III. Нечисть и люди
A, a, α, III, 2 — Нечисть помогает:
Б — ученому
в² лиса-оборотень 233*
В — доброму

в[1] — лиса в своем обличье 200*
Д — добросовестному чиновнику
в[2] 947*
N — бедному
в[1] 466*
W — оказавшему услугу нечисти
а — бесы 115 (см. также: Б, а, α, III', 2, Z[3]; Б, а, α, V, 17а)
в[2] 526*, 693*
г[3] — горный дух 931*
г[6] — дух болезни 33*
Р 42
А, а, α, III, 4 — Нечисть карает:
—В — злого
а 34
—V — вора
а 686
—Г[2] — нарушившего запрет
а 29, 281* (см. также: А, а, α, I, 2б, Н, Л)
—З — заносчивого
а 125 (ч. 1)
—Л[1]
в[2] 691*
—Т
а 222
А, а, α, III, 5б — Нечисть насмехается над:
—А[2] — развратником
а 460*
—Б[1] — начетчиком
а 868*
—Е — пьяницей
а 403*
в[1] 263*
А, а, α, III, 6 — Нечисть предостерегает:
—В[1] — задумавшего дурной поступок
в[1] 869*
А, а, α, III, 8 — Нечисть ведет себя благородно:
А[4] — проявляет благодарность
в[2] 653*
А, а, α, III, 8б — Человек ведет себя хуже нечисти:

—В — злее
в² 765* (см. **также: А, а,** α, III, 10, К, а)
А, а, α, III, 10 — Человек побеждает [обуздывает] нечисть:
А — добродетелью
а 545*
К — смелостью
а 10, 35 (см. также: Б, а, α, III, 16, 10, а), 41, 48*, 57, 107 (ч. 1), 140*, 147*, 202, 264, 383*, 430*, 504*, 648, 718*, 734, 765* (см. также: А, а, α, III, 8б, —В, в²), 827, 890*
б 2 (см. также: Б, а, α, III', 17, Я¹).
в¹ 108*, 400* (см. также: А, а, α, I', I, И⁵, Л)
в² 529
в¹⁵ мечехвоста-оборотня 416*
г² — духа дерева 420
г⁶ 161
П² — с помощью ума
а 128, 185*, 385, 798, 805*, 974*
г² 608
г⁶ 32* (см. также: Б, а, α, Х, 34)
Ц — магической силой
в² 773*
Ц¹ — народной магией
г⁶ 39*
III'. Души мертвых
А, а, α, III', 2 — Помогают:
Н — нуждающемуся в помощи 176*
А, а α, III', 2б — Спасают от нечисти:
Н 155*
А, а, α, III', 2в — Спасают от опасности:
А¹ 560*
А⁶ — верного в дружбе 554*
Б 632*
Б³ — поэта 533*

Н — 485*, 690*

А, а, α, III', 4 — Карают:

—$А^2$ — 381*, 395*

—З — заносчивого — 270*

—$З^1$ — хвастуна — 384*

А, а, α, III', 4б — Мстят:

—$А^2$ — 22, 388*, 999

—$А^3$ — нечестному — 496, 716*, 982*

—$Б^4$ — подделывателю картин — 884

—В — злому — 146* (см. также: Б, а, α, X, 31а), 262*, 387*, 405

—V^2 — убийце — 317*, 524*

—V^3 — виновнику чужой смерти — 351*, 423, 534*, 649*, 697*

—$Г^2$ — 107 (ч. 2)

—Д — недобросовестному в исполнении своих обязанностей — 345*

—$И^2$ — 207*

А, а, α, III', 6 — Предостерегают:

—$И^5$ — собирающегося разрушить храм — 665*

А, а, α, III', 7б — Души мертвых боятся:

Б — подлинного ученого — 51 (см. также: Б, а, α, IX, 23, Q, б)

А, а, α, III', 8 — Души мертвых ведут себя благородно:

$А^3$ — проявляют честность — 20, 119

$А^4$ — проявляют благодарность — 106*

$А^5$ — как хороший семьянин — 318, 419, 499*, 875*

$Д^1$ — добросовестно выполняют прежние обязанности — 273

IV. Перерождения

А, а, α, IV, 1 — Человек в новом рождении награжден за прошлую жизнь:

А

$е^2$ — переродился в облике речного духа — 72

$А^1$

и — вознагражден иным путем — 995*

$А^2$

$е^6$ — переродился в облике феи — 972*

Б

$е^2$ — 391

и — вознагражден иным путем — 712*, 829*

Д
e^1 — переродился в облике духа-хранителя местности 436*, 551, 641*, 668, 738*, 753*, 754*, 935*
Д
e^3 — переродился в облике судьи Царства мертвых 457*, 493*
e^4 — переродился в облике духа кумирни 557*
V — невинный
е — переродился в облике бессмертного 498*
и — вознагражден иным путем 259* (ч. 2)
A, a, α, IV, 1a — Животные или сверхъестественные существа награждены в новом рождении:
A^{II} — сохранивший верность в любви
$ж^1$ — переродился в облике человека 250*, 334*
A^{VII} — верное животное
$ж^1$ 271
B — добрый
e^5 — переродился в облике горного духа 983*
A, a, α, IV, 4 — Человек в новом перерождении наказан за прошлую жизнь:
—A^2
ж — переродился в облике животного 131*
—B
ж 508*, 519
V. Люди
A, a, α, V, 5 — Человек разоблачает:
—Д — недобросовестного духа 809*
A, a, α, V, 11 — Люди проявляют качества:
A^5 — хорошего семьянина 238*

A, a, β — *Дидактические рассказы о естественном*

V. Люди
A, a, β, V, 1 — Люди награждают:
A^3 1002*
A, a, β, V, 4 — Люди карают:
—V^2 45 (см. также: Б, а, α, III', 9, S; Б, а, α, IX, 23, Q, б), 187*, 225, 275, 568*, 772*, 898*, 899*
—П 580*

А, а, β, V, 5а — Люди осуждают:
—$Л^2$ — ревнивого 269*
А, а, β, V, 5б — Люди насмехаются над:
—З — самоуверенным 886*
—П — глупым 911*
А, а, β, V, 11 — Люди проявляют:
$А^1$ — почтительность к старшим 873 (ч. 1)
$А^2$ — целомудрие 873 (ч. 2)
К — смелость 569
—$А^2$ — развращенность 978*
—В — жестокость 287*
—$З^1$ — хвастливость 913*
—$Л^2$ — ревность 121*, 676*

VI. Животные
А, а, β, VI, 8 — Животные ведут себя благородно:
$А^2$ — проявляют целомудрие 1018
$А^4$ — проявляют благодарность 404*
А, а, β, VI, 8а — Животные ведут себя благороднее, чем люди:
В — добрее 546, 575*, 766*

А, б, β — *Дидактические заметки о естественном*

А, б, β, VIII — О поведении человека в обществе 874*

Б, а, α — *Недидактические рассказы о сверхъестественном*

I'. Боги и духи
Б, а, α, I', 4а — Боги и духи вредят:
V
$г^1$ 61, 66*, 617, 638 (см. также: Б, а, α, IX, 22)
$г^2$ 525
$г^6$ 177
Б, а, α, I', 4б — Боги и духи мстят:
о — богам и духам
О 205
М 333* (см. также: А, а, α, I', 2, в, Н, О)
Б, а, α, I', 7в — Боги и духи обворованы человеком:
М 195 (см. также: Б, а, α, X, 27)
Б, а, α, I', 9 — Боги и духи просят помощи человека:

P¹ — восстановления храма
O 70*, 604*
S — иной помощи
г **166***, 1023*
г¹ 16 (см. также: Б, а, α, IX, 22)
O 616*, 637*
Б, а, α, I', 16 — Боги и духи ведут себя как люди:
9 — проявляют человеческие слабости
г 181* (см. также: А, а, α, I', 2, Н, г), 184, 763*
г¹ 486*
М 55*
Б, а, α, I', 17 — Свойства богов и духов:
Я — зависят от поведения людей
O 196*

II. В Царстве мертвых
Б, а, α, II, 13 — Судопроизводство в Царстве мертвых **801***
Б, а, α, II, 13а — Человек вершит судопроизводство в Царстве мертвых **237***, **296***, 724*, 998*
Б, а, α, II, 13б — Человек становится слугой в Царстве мертвых 887*
Б, а, α, II, 14 — Смешные случаи и ошибки судопроизводства в Царстве мертвых 75*, 230*, 247*
Б, а, α, II, 14а — Человек, побывавший в Царстве мертвых, умирает 129*, 464*
Б, а, α, II, 14б — Человек, побывавший в Царстве мертвых, остается невредим 736*, 994*
Б, а, α, II, 16 — Служащие Царства мертвых ведут себя как люди:
9 — проявляют человеческие слабости 100*, 165 (см. также: Б, а, α, III', 17, Э¹)

III. Нечисть
Б, а, α, III, 2 — Нечисть помогает человеку:
Z — сожительствующему с ней
в² 789*
Б, а, α, III, 4а — Нечисть вредит человеку:
Z
а 353* (см. также: А, а, α, I', 2в, Н, О), 539*

$в^2$	138*, 171*, 447*, 480*, 488*, 538, 737, 807*
—W — причинившему зло нечисти или угрожающему ей	
а	13, 36*, 169*, 186*, 255, 342*, 350*, 463 (см. также: Б, а, α, X, 31), 472*, 531, 707*, 708*, 714*, 740*, 796, 927*
$в^2$	91, 99*, 510*, 704
$в^7$ — змея-оборотень	252*
$в^{11}$ — обезьяна-оборотень	244* (см. также: А, а, α, I', 2, $Н^2$, О)
$г^1$	699
—W^1 — причинившему зло родственнику нечисти	
$в^{21}$ — морское чудовище	402*
—V	
а	15, 19, 30, 73* (см. также: А, а, α, I', 2в, $И^4$, г), 78*, 85 (см. также: А, а, α, I', 4, —$Э^1$, О), 104*, 117*, 126, 141, 199*, 203*, 220, 245, 280, 340*, 394*, 427, 431*, 509*, 527*, 692, 731*, 919, 950*, 1021*
$в^2$	101*, 528*
$в^{12}$ — баран-оборотень	76
$в^{13}$ — выдра-оборотень	932*
$в^{14}$ — кошка-оборотень	349, 710* (см. также: А, а, α, I', 4 —$Э^1$, М)
Б, а, α, III, 4в — Нечисть обманывает человека:	
V — невинного	
а	433*, 985*
$в^2$	38*, 148*, 172, 285*
Б, а, α, III, 5в — Нечисть подшучивает над:	
Б	
а	723, 762*
V	
а	339*
Б, а, α, III, 7б — Нечисть боится:	

Б
а 429, 834, 859
—W
д — *якша* 878
21 — соли
а 951
22 — ударов в колокол
в² 973*
Б, а, α, III, 9а — Нечисть хитростью заставляет человека помочь ей:
Р — жертвоприношением
а 56, 188, 324, 555
S — иными средствами
в² 739
Б, а, α, III, 12 — Нечисть рассуждает:
2 — на философские темы
г⁵ 216*
5 — о существовании и природе нечисти
в² 11
Б, а, α, III, 15 — Нечисть вступает в любовные отношения с человеком:
Z^{II} — сожительствует с человеком
в² 114*
г⁵ — дух, вызванный гадателем 918* (см. также: Б, а, α, III, 16, 9¹, г⁵)
Б, а, α, III, 15а — Человек, увидевший нечисть, умирает:
а 473*, 700*
б 500
Б, а, α, III, 15б — Человек видит нечисть без дурных последствий для себя 518
Б, а, α, III, 16 — Нечисть ведет себя как люди:
8 — занимается искусством
г⁵ 826*
9 — проявляет человеческие слабости
а 79*, 374*
в¹³ 938*
г⁵ 268*, 602*
9¹ — проявляет свою индивидуальность
г⁵ 918* (см. также: Б, а, α, III, 15, Z^{II}, г⁵)

10 — ворует

а — 35 (см. также: А, а, α, III, 10, К, а), 157*, 164, 614

$в^2$ — 69, 228* (см. также: Б, а, α, IX, 23, Q, $в^2$)

д — 77

11 — ссорится

г — 505

13 — ведут себя как люди в семье

а — 191*

$в^1$ — 876

13а — меняет жилье

а — 629

III'. Души мертвых

Б, а, α, III', 2 — Помогают:

Z^1 — родственнику возлюбленного мертвого — 82

Z^3 — родственнику мертвого — 115 (см. также: А, а, α, III, 2, W, а; Б, а, α, V, 17а), 144 (см. также: Б, а, α, III', 9, S), 373*, 543* (см. также: Б, а, α, III', 9, S), 756 (см. также: Б, а, α, III', 9, S), 774*, 780*

Б, а, α, III', 2в — Спасают от опасности:

Z^3 — 390*, 535

Б, а, α, III', 4а — Вредят:

V — 167*, 218, 292*, 490, 933*

Z^3 — 217*, 942*

Б, а, α, III', 4б — Мстят:

$А^{III}$ — неверной жене (мужу) — 88*, 399*, 410*, 630*

—W — причинившему зло — 12, 93, 122*, 124*, 178, 234*, 293*, 310*, 316, 328, 329*, 352*, 365*, 468*, 513*, 521*, 721*, 728*, 744*

Б, а, α, III', 4в — Обманывают:

V — невинного — — 930*

Б, а, α, III', 9 — Души мертвых просят помощи человека:

Р — жертвоприношений — — 163 (ч. 2), 376, 456*, 501*, 685*

R — захоронения — 279*, 312, 411, 471, 502*, 687*, 715*, 717*, 732*, 795*, 803, 945*

S — иной помощи — 45 (см. также: Б, а, α, IX, 23, Q, б; А, а, β, V, 4, —V^2), 82 (см. также: Б, а, α, III^1, 2, Z^1), 144 (см. также: Б, а, α, III^1, 2, Z^3), 543* (см. также: Б, а, α, III^1, 2, Z^3), 672*, 698*, 756 (см. также: Б, а, α, III^1, 2, Z^3)

S^1 — наказания убийцы 21, 24, 53, 54*, 112*, 981*, 1000*

S^2 — наказания виновника самоубийства 17, 96*, 481*, 640*, 647*, 751*, 808*

S^3 — восстановления справедливости 283, 304*, 314*, 415*, 615*, 701*

Б, а, α, III', 12 — Души мертвых рассуждают:

1 — об искусстве 182*

5 — о существовании и природе нечисти 401*

Б, а, α, III', 15 — Души мертвых вступают в любовные отношения с человеком:

Z^I — заигрывает с человеком 344 (ч. 1)

Z^{II} — сожительствует с человеком 375*, 382

Б, а, α, III', 16 — Души мертвых ведут себя как люди:

9 — проявляет человеческие слабости 14, 180, 300*, 681, 790

10^1 — взыскивают долги 645

13 — ведут себя как люди в семье 702*, 818* (см. также: Б, а, α, X, 31а)

Б, а, α, III', 17 — Свойства душ мертвых:

Э — волшебные свойства 90, 392*, 845*, 879* (см. также: Б, а, α, III', 17, $Я^1$), 934*

$Э^1$ — возрождаются в чужом теле 26, 68*, 87, 153*, 165 (см. также: Б, а, α, II, 16, 9), 235*, 288*, 306*, 313*, 335*, 337*, 444*,

	470, 495*, 613*, 705*, 820*, 1006
Я[1] — ищут «замену»	2 (см. также: А, а, α, III, 10, К, б), 44*, 89, 98, 156, 174*, 215, 229, 251*, 257*, 272*, 360*, 414*, 483*, 553, 748*, 879* (см. также: Б, а, α, III', 17, Э), 1011*
13б — собираются на месте своей гибели	105*, 246*
III'а. Души мертвых животных	
Б, а, α, III'а, 4б — Мстят:	
—W — причинившему вред	776*, 987*
III". Трупы	
Б, а, α, III", 4а — Трупы вредят человеку	
V — невинному	3 (см. также: Б, а, α, III", 9, S), 9, 116, 118, 197, 248*, 294, 354, 366, 625 (см. также: А, а, α, I', 2б, Н, г), 775, 819, 828*, 941, 1003*
—К[1] — не боящемуся трупа	661*
—W — причинившему зло трупу	792
Б, а, α, III", 4б — Трупы мстят человеку:	
—W	8, 1014*
Б, а, α, III", 9 — Трупы просят помощи человека:	
Р — жертвоприношений	320*
S — иной помощи	3 (см. также: Б, а, α, III", 4а, V), 214*
Б, а, α, III", 16 — Трупы ведут себя как люди:	
9 — проявляет человеческие слабости	321, 892
Б, а, α, III", 17 — Свойства трупов:	
Э	278*
Ю — сохраняют свои старые привязанности	295, 755, 817*
IV. Перерождения	
Б, а, α, IV, 18 — Человек в новом перерождении сохраняет свойства, которые имел в прошлом	607*, 612*
V. Люди	
Б, а, α, V, 17а — Человек путешествует в иной мир	28, 58* (см. также: Б, а, α, X, 31), 115 (см.

также: А, а, α, III, 2, W, а; Б, а, α, III', 2, Z^3), 130*, 242*, 542*, 862*, 922*, 993*, 1005*

Б, а, α, V, 17б — Человек путешествует в вымышленные страны 386, 605

IX. Предопределения

Б, а, α, IX, 22 — Предзнаменования 16 (см. также: Б, а, α, I', 9, S, $г^1$), 609*, 634*, 638 (см. также: Б, а, α, I', 4а, V, $г^1$)

Б, а, α, IX, 23 — Предсказание, сделанное:

$В^2$ — монахом 192* (см. также: Б, а, α, X, 31а), 193 (см. также: Б, а, α, X, 31а)

$В^3$ — гадателем 81*, 158*, 409, 573* (ч. 3—5), 600*, 837*, 953*

г — духом 139*, 266*, 336*, 362*, 578*, 921*

$г^5$ — духом, вызванным гадателем 239*, 265*, 361*, 377, 455*, 512*, 530*, 532*, 577*, 601*, 646*, 674*

L — людьми 60* (см. также: Б, а, α, X, 30), 261*, 408*, 655*

L^2 — неизвестно кем 842*

Q — нечистью

а 159, 639*, 984*

б 45 (см. также: Б, а, α, III', 9, S; А, а, β, V, 4, —V^2), 51 (см. также: А, а, α, III', 7б, Б), 258*, 341*, 548*

$в^2$ 208*, 228* (см. также: Б, а, α, III, 16, 10, $в^2$), 516*, 544*

Q^1 — в Царстве мертвых 211*

Б, а, α, IX, 24 — Вещие сны: 5, 6, 43*, 47, 143*, 189*, 190*, 223*, 274*, 298*, 332, 357*, 364, 437*, 441*, 449*, 454*, 461, 469, 507, 514, 515*, 541*, 566*, 573*

(ч. 1—2), 576, 598*, 643*, 667*, 671*, 706*, 711*, 752, 760, 764*, 779*, 800*, 839*, 888*, 925, 926*, 988*

Б, а, α, IX, 24а — Странные сны — 110*, 212*, 236*, 389*, 581*, 633*, 883*, 940

Б, а, α, IX, 24б — Зловещие сны — **254, 458, 889***

Б, а, α, IX, 26 — Предопределения судьбы — 84, 497, 996*

X. Чудеса

Б, а, α, X, 27 — Волшебные предметы — 195 (см. также: Б, а, α, I', 7в, М), 206*, **432, 487**, 489*, 537, 564, 621, 657*, 658*, 663, 664, 810*, 852*, 910*, 960*, 966*, 979

Б, а, α, X, 28 — Волшебные растения — 276*, 291, 367, 368*, 397, 506*, 562*, 595, 656, 682, 769, 770*, 835, 980*

Б, а, α, X, 29 — Волшебные животные — 62*, 113*, 134, 183, 198*, 277 (ч. 1), 289, 302*, 346, 379*, 428*, 435, 474*, 477*, 478*, 491*, 492*, 503, 520*, 522, 540, 556*, 596*, 651*, 669*, 720, 726, 727, 745, 747, 749*, 815*, 830, 831, 844, 846*, 847*, 849, 906, 928, 929*, 955, 957*, 965*, 968*, 1012*, 1013*

Б, а, α, X, 30 — Волшебные человекообразные существа — 60* (см. также: Б, а, α, IX, 23, L), 133, 135, 170, 417*, 445*, 475*, 476, 482*, 768

Б, а, α, X, 31 — Люди, умеющие творить чудеса — 4, 58* (см. также: Б, а, α, V, 17а), 94*, 241, 290*, 338*, 359*, 371*, 396, 398*, 406, 413, 421*, 426*, 438, 442*, 450*, 463

(см. также: Б, а, α, III, 4а, —W, а), 479, 558*, 567, 571*, 611*, 673*, 813*, 836*, 838*, 853*, 854*, 865*, 871*, 914*, 958*, 1019*

Б, а, α, X, 31а — Даосы-маги 18, 52, 83, 145*, 146* (см. также: А, а, α, III', 4б, —В), 179*, 192* (см. также: Б, а, α, IX, 23, $В^2$), 193 (см. также: Б, а, α, IX, 23, $В^2$), 219, 240, 309, 393* (см. также: Б, а, α, XIV, 35а), 422, 459*, 462*, 484*, 561*, 722*, 777*, 787, 799*, 818* (см. также: Б, а, α, III', 16, 13), 833*, 860*, 891*, 893*, 936*, 991*, 1010*, 1015* (см. также: Б, а, β, XIV, 36)

Б, а, α, X, 32 — Воскрешения из мертвых 27

Б, а, α, X, 33 — Чудесные явления 742

Б, а, α, X, 34 — Чудесные случаи 32* (см. также: А, а, α, III, 10, $П^2$, $г^6$), 65*, 125 (ч. 2), 152, 160*, 163 (ч. 1 и 3), 168*, 173*, 243, 267*, 284*, 299*, 412, 425 (=610*), 439*, 448, 467, 517, 549, 572, 584, 588*, 619*, 659, 741, 743*, 746*, 804*, 848, 850*, 863*, 881*, 894*, 908*, 924, 975, 976, 977*, 1001*, 1007*

Б, а, α, X, 34' — Чудесные рождения 209*, 286, 443, 694, 695

Б, а, α, X, 34а — Странные случаи 92, 95, 150, 224, 277 (ч. 2), 344 (ч. 2), 378, 536*, 574*, 599*, 631, 666*, 719, 771, 781, 791, 793, 843*, 882, 895, 923*

Б, а, α, XIV — Анекдоты 307*, 670*, 937*

Б, а, α, XIV, 35а — Мошеннические проделки 343* (см. также: А, а, α, I, 4, —VII, 1а), 393* (см. также: Б, а, α, X, 31а), 944*, 1009*

Б, а, β — *Недидактические рассказы о естественном*

Б, а, β, XI — Любовные истории 599*, 725*
Б, а, β, XII — Необычайные люди 363*, 565, 590, 623*, 628, 662*, 730
Б, а, β, XIIа — Меткие прозвища 136, 137*, 603
Б, а, β, XIII — Случаи 303, 331*, 356, 587*, 597, 660, 758, 759, 782, 897, 939*, 970*
Б, а, β, XIV — Анекдоты 301*, 305, 358, 559*, 563*, 582, 583*, 586*, 675*, 683, 788, 896*, 986
Б, а, β, XIV, 35 — Ловкие воры 678, 679
Б, а, β, XIV, 35а — Мошеннические проделки 132*, 347, 372*, 579*, 677*, 680*, 990*
Б, а, β, XIV, 36 — Люди, притворяющиеся сверхъестественными существами 872*, 1015* (см. также: Б, а, α, X, 31а)

Б, б, α — *Недидактические заметки о сверхъестественном*

Б, б, α, I' — О богах и духах 642*, 900*
Б, б, α, III — О нечисти 46*, 277, 232, 369, 370*, 626, 735, 797*, 806, 811*, 812*, 832*, 855*, 856, 858*, 864, 867*, 949*, 952
Б, б, α, IX, 25 — О гаданиях 635*, 967*
Б, б, α, X — О чудесах
Б, б, α, X, 27 — О волшебных предметах 825*, 901*, 902*, 904, 907*
Б, б, α, X, 28 — О волшебных растениях 861*, 963*
Б, б, α, X, 29 — О волшебных животных 840*, 841*, 905*, 969*
Б, б, α, X, 33 — О чудесных явлениях 594, 821
Б, б, α, X, 33а — О чудесных местностях 552, 822*, 823*, 824, 870

Б, б, β — *Недидактические заметки о естественном*

Б, б, β, XV — Философия и религия:
Б, б, β, XV, 37 — Философские темы 956
Б, б, β, XV, 39 — О неоконфуцианцах 959*, 961*

Б, б, β, XVI — Наука:
Б, б, β, XVI, 41 — Этнография 511, 684*, 912*
Б, б, β, XVI, 41а — Обычаи других народностей или стран 407, 585, 591, 592, 593, 606*, 620, 622
Б, б, β, XVI, 43 — Топонимика 729
Б, б, β, XVI, 44 — Естествознание:
19 — о животных 866*, 880*, 962*, 964, 989*, 1016
20 — о гермафродитах 589*
Б, б, β, XVI, 45 — Рационалистические объяснения странных явлений 311*, 857*
Б, б, β, XVI, 46 — Исторические темы 689*
Б, б, β, XVI, 48 — О надписях 709*, 903*
Б, б, β, XVII — Искусство:
Б, б, β, XVII, 56 — О редкостях 664

SUMMARY

This book is intended to acquaint readers with a collection of short stories and sketches by a remarkable writer, poet, and scholar Yüan Mei (born 1716, died 1797). The full title is «New Writings by Ch'i Hsieh», or «What Confucius Never Said».

The Yüan Mei's collection (*Sui-Yüan san shi pa chung*) comprises 450 pieces in the *kuwen*-genres, more than 300 letters, a quantity of travel notes, over 4200 verses (among which wonderful landscape and love lyrics occupy a prominent part), 28 *chüan* — «Discussions on Verse», 28 *chüan* «Incidental Sketches», a «Treatise on Food», etc.

From a perusal of the «Incidental Sketches» it is clear that Yüan Mei took a keen interest in history and new methods of historical research and that he maintained a critical attitude to the Neo-Confucian tradition. With a view to elucidation of concrete historical facts — not their later interpretation by Confucian commentators — Yüan Mei introduced numerous corrections in the traditional appraisal of historical personages, in the treatment, and exact dates of certain events in history. He pointed out inacuracies in dynastic histories and other sources.

The great variety of themes in these «Incidental Sketches» is evidence of the breadth of his scientific interests.

Among the *kuwen*-genres pieces the *chuan* or life-stories are of particular interest. Here the author ventured beyond the bounds set by tradition (only «notables» were considered worthy of such biographies), and, in his descriptions of the lives of a dwarf, and of a cook, among others, he consciously employed this genre on a lower level.

Again, in «Discussions on Verse», Yüan Mei did not always confine himself to the purpose assigned to verse, but introduced a quantity of purely autobiographical material and anecdotes that had no bearing on problems of creative poetry. From the «Discussions», the reader will gain an idea of the milieu of the poet, the lives of his contemporaries, whose verses and views on poetry he quotes. Taking a determined stand against mere imitation of ancient models of verse, Yüan Mei advocated spontaneity in poetic creative composition, and the right of a poet to choose whatever themes he liked for the expression of his own individuality and experience. He confronted official ideology and conservative lines of thought with the rehabilitation of man's earthly and sensual nature, recognition of his right to enjoyment, hedonistic confidence that people were born for joy.

Yüan Mei's letters shed light on many of the circumstances that surrounded his life; they are for the most part on subjects he considered important, but there are some written in a jesting

mood and some more intimate in tone. Hence, the «shift of system» (to use Yury N. Tynyanov's term) is observed in the letter-writing genre. In China, letter-writing had always constituted a «literary fact», a strictly definite genre with canons and functions peculiarly its own. Yüan Mei's brush brought it closer in style to the ordinary everyday letters in «private correspondence».

He was one of the few 18th century writers whose works reveal frankly and vividly the image of their author. His letters, like other examples of his work, particularly verses, enable us to glimpse the man alive with his non-conformism (both in everyday life and in literature), his striving for «self-expression», his freedom of thought, scepticism in regard to tradition, authority, the accepted and established order in society.

A strikingly unusual figure for his day, it was only to be expected that Yüan Mei's views, his work and his personality, could not leave his contemporaries indifferent. The history of Chinese literature has known few writers who, on the one hand, have had so many friends, admirers and pupils, and on the other hand, have aroused such virulent hatred on the part of scholarly traditionalists.

A negligible place was allotted, as a rule, to Yüan Mei in histories of literature published in the Chinese People's Republic during the fifties and early sixties. Japanese sinologists are interested in him chiefly as a poet and theoretician of poetry. European readers were introduced to his life and work through a brilliant book by Arthur Waley — «Yüan Mei. XVIIIth Century Chinese Poet» (published in London in 1956). This excelled in completeness of biographical material even Yang Hung-lie's «Biography of Yüan Mei» (*Yüan Mei ping-chuan*), published in Shanghai in 1933. Analysis of the collection is accorded a chapter in W. Eberhard's «Die Chinesische Novelle des 17.—19. Jahrhunderts (Eine Soziologische Untersuhung)», 1948, Verlag Artibus Ascona (Schweiz). Some stories from this collection were translated into English by J. M. de Groot, who included them in his comprehensive work «The Religious System of China», Leide, 1892—1910, as an «invaluable source for an acquaintance with modern Chinese folklore».

Although Yüan Mei's collection, with its «Continuation» was completed in 1796 — that is, a century before De Groot undertook his own work, he was not very far wrong in referring to the material as modern folklore. The title itself «What Confucius Never Said» (later altered by Yüan Mei to «New

Writings by Ch'i Hsieh») sounded like a challenge to orthodox confucians who clearly remembered that Confucius «never spoke of extraordinary things, feats of strength, disorder, and of supernatural beings» (*Lun-yü*, VII, 20). Now it was precisely of these extraordinary things and supernatural beings, to which Confucius carefully avoided any reference, that Yüan Mei told his stories. Out of the 1.023 pieces in the collection, 937 (that is, 91.5%) are associated in one way or another with the supernatural theme. Yüan Mei was not the only writer interested in the subject. For Pu Sung-ling the fantastic theme served as a corrective to actuality, masking criticism of certain aspects of social order and established institutions. Chi Yün, who thought in ethical, and not in social categories, used fantasy as a medium through which the reader could be taught, it was an attempt to improve social morals. But Yüan Mei made use of the supernatural theme for the purpose of entertainment (although elements of exposure and didacticism are present in some of his stories).

Many of these stories reflect popular conceptions of supernatural beings. Vestiges of archaic Chinese beliefs may also be found in them. Therefore, when an attempt is made to reconstruct them to form an integral system, it appears that if this system is compared with the materials afforded by ancient sources, it differs very slightly from the religious conceptions of ancient China, particularly where it is a question of the pantheon of gods, and ritualized forms of behaviour. The majority of researchers studying Chinese popular beliefs note a striking uniformity in religious conceptions, evidences of which have been preserved in the smaller prose-forms for over 18 centuries — from Han to Ch'ing. But it is surprising to find the prominent position that popular beliefs occupy in Yüan Mei's work, the extent to which his stories partake of folklore; most of them are associated in one way or another with the basic opposition «living/dead».

In addition to belief in the existence of souls of the dead, we find in Yüan Mei's collection the following elements of folk beliefs:

The fact that man is provided with several souls permits one of them to exist without the body of its owner, and appear to people in a form identical with the body it has left; man may release his soul, let it go free, or, if he is trying to evade punishment, he may secrete it in a vessel.

After the death of a human creature, his soul goes to the Kingdom of the Dead, where re-birth takes place; variations

in possible new births occur as consequences of deeds done by a person during his lifetime.

Even during his lifetime a man may be transformed into beast, bird, or fish.

A mortal woman may bear a miraculous offspring such as a dragon or a *ch'ilin.*

Fox-werewolf also exist.

Spirits of plants exist that assume the semblance of human creatures and avenge the harm that man may have done to a tree or a flower.

Besides evil spirits — *kuei* — there are kindly spirits — *shen* — who help people in time of trouble, and protect them from evil spirits.

A pantheon of gods exists with its own hierarchy and functions. Moreover, the world of supernatural forces is a copy, as it were, of the social structure of our world. Gods and spirits reward people for good deeds and punish them for evil-doing.

Midway between supernatural powers and people there are are intermediaries (magicians, shamans, soothsayers, geomancers, etc).

People may learn their destiny not only by means of divination but also from prophetic words and omens.

All manner of things — wonderful and strange — occur in daily life.

Summing up these elements of religious and superstitious beliefs, it may be concluded that the lower level of the religious system (folk religion) was of greater interest to Yüan Mei than the higher. «Creatures of marvellous nature» figure far more frequently in his stories than representatives of the pantheon, founders of religion, or deified historical persons.

The fact of the stability of popular beliefs, observed in Yüan Mei's collection, finds additional confirmation in W. Eberhard's work: «A Study of Ghost Stories From Taiwan and San Francisco» («Asian Folklore Studies», Tokyo, 1971, vol. XXX, № 2). These are researches in the stories of spirits, told in our own day by Chinese in Taiwan and San Francisco, and found to include similar types to those detected in Yüan Mei's collection. Motifs widely known in the world's folklore are encountered in Yüan Mei's tales: the miraculous birth, magical aid, a grateful animal, marriage to a marvellous partner, (always female), resurrection from the dead, journeys to the Kingdom of the Dead or the Other World, and so on.

Yüan Mei's subject-matter was often drawn from folklo-

re, but in every case he was the author and not merely the «transmitter».

He showed a strong preference for short novellas, anecdotes and «memorat»; there are more than 650 of these in the collection; stories containing more than one episode number a little over 250, notes without any plot — about 70.

Notes which in the pi-chi collection, usually alternate with shot-stories, are of unusual interest for research. They are often built around imps, devils and superstitions, or accounts of extraordinary locatities and natural phenomena. Most important are ethnographical notes on differences in marriage-rites, met with in north and south, customs prevailing among people of other nationalities etc. Sometimes invention is found alongside authentic information. Informative descriptive writing on different peoples who inhabit Chinese territories (the «native» land — «the centre of civilization») is authenticated; accounts of «foreign» lands inhabited by «barbarians» are far-fetched and fantastic. In order to understand why this should be so, it must be borne in mind that, according to the author's outlook on the world, the opposition of «one's own» culture to «alien» one was essential. He regarded his own native culture as the sole culture, diametrically opposite to the «uncultured», «non-organized» condition of other lands and collectives.

In this case we are concerned with what appear to be two sub-systems of space: the fantastic and the real. The latter is closely connected with the writer's place of birth, employment or his journeys about the country. Stories in which the time of action is indicated are far rarer in Yüan Mei's writings than in similar collections by other writers. The «plot-time» is mainly concentrated in the second half of the 18th century, the lifetime of Yüan Mei.

A comparison of this author's work with the pi-chi collection of his contemporary, the scholar Chi Yün, author of «*Yüeh-wei ts'ao-t'ang pi-chi*» («Notes from a Hut Named Much-in-Small Compass») proves helpful in tracing the common features — arising out of peculiarities in the nature of this small-form prose-genre — and those features that may be ascribed to the writers individualities.

Common to both are the combinations of narrative and non-narrative writings within the scope of one collection, the use of various prose genres, the informative character, a certain «factographical» quality, the conciseness of statement imposed by the small scale of some pieces, and the aims of the authors, who are not interested in human character in itself, but only

in its relation to a definite (and, as a rule extraordinary) situation; the economy and comparative simplicity of the artistic media, the repetition of themes and motifs, within the space of a single collection.

Chi Yün does not give titles to his tales — an isolated incident is less important to him than the collection as a whole, which comprises a series of incidents, a system of norms of people's behaviour. But in Yüan Mei's collection each story has its title, each separate instance, each unusual event has a value of its own for the writer, not being a link in some system; he aims at complexity and variety of impressions.

The proportion of supernatural themes in Yüan Mei's work is larger than in Chi Yün's; and the functions carried out by the supernatural personag are different. In Chi Yün the function is didactic, in Yüan Mei — entertainment. In the former it is a means of instruction, in the latter — artistry. Chi Yün's supernatural personages perform their definite established functions, they bring judgement upon people. But in most of Yüan Mei's accounts these supernatural beings perform miracles, play tricks on people and sometimes do them harm.

In creating a model of the world where supernatural forces conduct themselves sensibly and purposefully, the scholar-moralist Chi Yün seemed to be building up a myth by scientific means; not only does he strive to show, but also to prove that there are forces constantly observing human behaviour, and intent upon punishing any departure from the «norm». Yüan Mei, on the other hand, tries to show that there are so many interesting and extraordinary things in this world and so rich variety of curious happenings.

Our conclusions are based on the materlial in all the 1023 pieces that comprise Yüan Mei's collection, but we have translated only about 360. The translations are interspersed with brief precis of the untranslated contents, observing the same consecutiveness as in the collection. The order of the numbers in the translations are given so as to facilitate reference and the use of the Plot-index. A deciding factor in selecting material for translation has been its representativeness. We have endeavoured to include the maximum number of themes, avoiding too frequent repetition.

The translation is provided with a commentary. The formula for each story corresponds to the given number in the Plot-Index. The Appendix includes an Index of Names of the storytellers, Index of Geographical Names and Plot-index.